

Тени города. Часть первая

Пролог

Пролог

Не так давно прошел холодный морозящий дождь, затопивший дорожные выбоины когда-то чистой небесной водой. Теперь, смешавшись с грязью улиц, при беге она оставляла на черном плаще сзади уродливые разводы. «Опять отдавать в химчистку», — зло подумал бегущий. Он ненавидел дождь, снег и вообще все, что падало с неба.

Узкие переулки между домами были завалены мусором, который жильцам сверху не вмоготу выносить на помойку, а потому они его просто выбрасывали в окно. Жители же нижних этажей прячутся за воздухонепроницаемыми пластиковыми окнами и толстыми занавесками радужных расцветок, посему и им плевать, что там за пределами их уютного мирка.

Бегущему это было только на руку.

Свернув за очередной угол, едва не наступив на кота, черного как смоль, животину, что в последние годы почти перевелись, он, наконец, завидел того, за кем гнался.

Убегающий на миг обернулся, услышав приближающиеся шаги, и преследователь разглядел под капюшоном блеск глаз, в которых читались страх, отчаяние и безумная древняя ненависть. Оборачиваясь, он не заметил перед собой черный мешок с мусором и спотыкнулся, разорвав пакет и разбросав содержимое по всему переулку. Он не упал, но зато потерял драгоценные секунды на восстановление равновесия, и не успел перескочить следующую лужу, как почувствовал болезненный удар в спину и растянулся во весь рост, угодив лицом в пахнущую мочой лужу.

— Прощу, пощади! — взмолился он, перевернувшись на спину и выставив перед собой ладони, ободранные от падения. Его преследователь ничего не ответил. Он хладнокровно достал из-за спины самый настоящий самурайский меч, блестящий желтизной даже в этом темном переулке. Он занес его над головой, чтобы с силой всадить в сердце, но его противник отказался так просто расставаться с жизнью.

Только что молящий о пощаде, он вдруг надел маску злобы, а может, наоборот, снял маску беззащитного человека, — и подскочил — даже взлетел! — с асфальта, ударив с силой расслабившегося преследователя в грудь обеими ногами. Тот отлетел чуть назад, едва не выронив меч, но удержался на ногах, тут же бросившись на противника. Узкий переулок мешал размаху меча, но непривычный пистолет слишком громкий и привлечет ненужное внимание, и его враг знал, как этим воспользоваться.

Капюшон слетел с его головы, выставив напоказ длинные черные волосы, свисающие с головы, словно мокрое белье, которое давно уже пора выбросить. Блохой прыгнув на стену, он с размах ударил кулаком прямо в лицо преследователя, но в ответ чуть сам не получил резаную рану поперек живота. Он отпрыгнул назад, но вместо повторного замаха, его противник просто сделал прямой выпад. Острие вошло в брюшную полость на добрый десяток сантиметров, причинив небывалую боль.

Преследовать с силой дернул мечом, и кишки врага плюхнулись прямо в грязную лужу, добавляя в уличный коктейль новый ингредиент — густую кровь. Раненый, истошно вопя, развернулся и попытался убежать, но вновь спотыкнулся, на сей раз уже наступив на собственные вывалившиеся потроха. Он рухнул, но тут же вскочил. Успев сделать всего шаг, резко остановился. Секунду спустя его голова сначала откинулась назад, а затем, развернув страшную рану, упала с плеч в лужу, подняв брызги доселе невиданного оттенка.

«Будет вместо зонтика», — почему-то подумалось человеку. Он достал откуда-то чистую белую тряпицу и насухо протер окровавленный клинок.

— *Хорошая работа. Всего раз по рожге отхватил. Не можешь без этого, да?*

— Заткнись.

Человек в черном плаще достал одноразовый телефон, набрал одному ему известный номер и проговорил в трубку адрес, после чего бросил мобильник там же. Наутро на том месте не будет ни следа: ни обезглавленного тела, ни белой тряпицы со следами крови, даже от уличного коктейля останется лишь небольшая выемка в потрескавшемся асфальте, выпитая досуха.

Но это уже не его проблемы, свою работу он выполнил, нравилась она ему или нет. Он больше ничего не умел и ни к чему другому не привык.

Глава 1: Охотники

Глава 1: Охотники

Раньше бар назывался «Маленькое яблоко», вроде как Нью-Йорк в миниатюре (баров с таким оригинальным названием в городе располагалось несколько десятков), но после смерти предыдущего владельца, погибшего при обрушении, кабак отстроил заново уже другой человек и переименовал в бар «Лету». Мало кому нравилось это совсем незвучное название, но владелец — который по совместительству являлся и барменом — плевать на это хотел.

— Выглядишь не очень, — заметил бармен, пододвигая к Джону порцию чистого виски. Тот не заказывал, но настоящий бармен всегда знает, чего желает клиент, даже если тот сам еще не решил. Хотя в данном случае можно было не гадать.

— Запачкал плащ, — посетовал Джон, сделав глоток. — Опять. Тебе хорошо, Бобби, сидишь в теплом сухом баре, знай себе виски подливай, а мы бегаем по холодным грязным улицам, от всякой нечисти избавляемся.

Сам бармен, Бобби, тоже когда-то этим занимался, но после инцидента несколько лет назад решил, что безопасней заведовать кабаком, пусть и не так прибыльно. Конечно, занимался он не только подливанием в опустевшие стаканы градусов, однако оружия в руки не брал.

На самом деле, он был одним из немногих, кто не скрывал своего истинного имени: Роберт Лонгдон, хотя многие знают его как Демиурга. Когда-то он являлся профессором, преподающим историю религии и мифологии в престижном заведении, но после Великой Мировой Катастрофы, которая не оставила от университета, в котором он преподавал, камня на камне, и последующих событий, он решил завязать с профессорством и сменить теорию на практику.

Теперь же он владелец бара и помогает таким, как Джон, в качестве посредника.

— Надо зайти к точильщику, — сказал Джон, допивая третий стакан виски. — Последнему я еле-еле башку снес, еще немного, и я этим мечом даже поцарапать никого не смогу.

— Опять ты со своим дурацким мечом, — послышался сзади веселый голос.

— Майлз, — отозвался Джон, не оборачиваясь.

— Я же просил звать меня Тором.

— Слишком круто для тебя. Не боишься, что кто-то узнает твое настоящее имя?

Майлз, который Тор, сел за соседний высокий барный стул и заказал крепкого пива. Он считал, что лишь пиво можно считать по-настоящему мужским напитком.

— Это обратная психология, Джонни, я ж тебе объяснял. Если мое прозвище похоже на настоящую фамилию, никто ведь и не подумает, что все так просто.

— Я подумаю.

— Ну, ты другое дело, — усмехнулся Тор, сделав несколько больших глотков и как следует ахнув от удовольствия. — Мы с тобой учились в одной школе.

— Вот именно. Свое имя я не скрываю, и если кто-то откроет мой школьный альбом и увидит, что со мной в одном классе находился некто по имени Майлз, фамилия которого невероятно похожа на твое прозвище...

— Ой, да не трюнди, — перебил его здоровяк. — Что в школе был занудой, что сейчас. Майлз допил пиво и заказал еще одну порцию пенного.

— Если помнишь, я тебя бил в школе, и вообще был отъявленным хулиганом.

Джон никак не мог забыть эту часть своего прошлого, то и дело вспоминая, каким он был придурком, а потому не мог поверить, что тот, над кем он смеялся больше всех, вот так просто

простил его.

— И я тебе за это благодарен. Если бы не ты, я бы не захотел стать сильным, каким являюсь сейчас. — Тор напряг руку и даже сквозь одежду было видно, как раздулся его бицепс, едва не превосходящий голову Джона. — Видал? Мышцы настоящего Бога! — Он поцеловал свои мускулы, потом взял новую кружку и несколькими большими глотками вылил в себя все без остатка.

— Так, я в сортир, — сказал он, громко ударив кружкой о барную стойку.

— Он мне так когда-нибудь всю посуду перебьет, — посетовал Бобби, когда Тор отошел.

— И не говори. Сила есть, ума не надо.

В детстве Майлз и правда был довольно щуплым и высоким, как рельса, за что над ним часто издевались одноклассники и даже кто постарше. После Великой Мировой Катастрофы Майлз, как и многие, изменился. Он перестал кого-либо бояться и постоянно давал отпор, и через некоторое время от него отстали вовсе, а точнее после того, как он навалил своему главному обидчику и грозе всей школы — Джону. Тор осознал, что не такой уж он и слабак, как ему все вокруг пытались внушить, и чтобы не только являться сильным, но и выглядеть соответствующе, он начал ходить в тренажерный зал и тягать железо, что быстро переросло из простой необходимости и желания выглядеть лучше в серьезный бизнес, приносящий доход. Каждый матч подпольного бокса до сих пор приносит ему круглую сумму на счет, хотя это скорее хобби, чем основной источник дохода.

— Есть что еще для меня? — спросил Джон.

— Через пару часов рассвет, — ответил бармен, — так что на улицах сейчас довольно спокойно. Последние Охотники добивают мелкоту и расходятся по домам, чего и тебе советую.

— Дома мне нечем заняться.

— Ну и здесь тоже, — развел руками Бобби. — Я не ты, мне нужно поспать и набраться сил.

Из туалета вернулся Тор с сияющей улыбкой на большом бородатом лице. Он часто улыбался как бы в противовес Джону, который редко проявлял сильные эмоции, особенно отражая их на лице, за что его часто упрекали за чрезмерную хмурость.

— Что тебя так развеселило? — поинтересовался Джон.

— А разве для веселья нужен повод?

— Нормальным людям — да.

— Не трюнди. Бобби, налей-ка мне еще.

— Уверен? Домой-то дойдешь?

Несмотря на массивные размеры, Тор довольно быстро напивался, но сам он в это верить отказывался, а потому пил до последнего, пока не свалится, из-за чего его приходилось оттащить домой остальным. Наутро же он ни черта не помнил и считал, что добрался самостоятельно.

— Да ладно, Бобби, что мне эти две кружки? Я их только что вылил обратно. Еще одну выпью и пойду. Я ж плачу, наливай давай!

Бобби, покачивая головой, все же подставил очередную кружку под пивной кран. Не в его правилах было отказывать другим, особенно если этот другой пока еще в состоянии шевелить языком.

— Ладно, — сказал Джон, — ты как хочешь, а я пошел, если для меня работы нет.

— Ага, давай-давай. Не забудь наточить свой меч перед сном, — сказал Тор и рассмеялся над собственной шуткой, которая закончилась смачной отрыжкой.

Самый тёмный час перед рассветом.

Джон шел по пустынной улочке, которая едва освещалась кривыми фонарными столбами, некоторые из которых играли лишь одним им известную светомузыку. Джон никак не мог понять, почему местные власти, зная об истинном положении дел, вообще полностью не залили улицы Нью-Йорка светом, чтобы даже теней не было. Он как-то слышал, что такое пытались сделать, но жильцы домов пожаловались на то, что они не могут заснуть под такой яркий свет, бьющий им в окна. «Скажите спасибо, что вы вообще просыпаетесь по утрам», — подумал Джон.

Проходя мимо узких переулков, он невольно в них заглядывал, внимательно осматривая и сжимая в кармане нож. Они могут напасть в любую секунду.

Впереди показался свет фар. Полицейская машина. Большая редкость для ночных улиц Нью-Йорка. Она ехала медленно, но заметив одинокого гуляку, замедлила ход еще больше. Заметив торчащий из-за спины меч, патрульные тут же поддали газа и проехали мимо. Таким, как он, можно пребывать на улице даже в комендантский час; точнее, только в это время и можно.

Ночь — время Охотников. Ночь — время Теней. Ночь — время Войны. А война не место для невинных.

Все три комнаты в квартире Джона были обставлены в стиле минимализма, как ему говорили все, кто здесь бывал, но сам Джон называл это простотой. Один диван-кровать, который со времен покупки ни разу не раскладывался, широкоэкранный телевизор, небольшой столик с ноутбуком, пара стульев и... все. Остальные две комнаты казались почти пустыми, у них даже обоев на стенах не было. В углу первой стоял шкаф с вещами, в котором преобладало черное, а вторую Джон использовал как тренировочную комнату, заваленную мечами, ножами и разным инвентарем.

Джон полежал часок в горячей ванной, потом приготовил себе нехитрый завтрак, сел на диван и включил телевизор, в котором только начинались утренние программы. Он их ненавидел за нескончаемую тупость — ну кому в шесть утра интересно, как сделать скворечник из старых дырявых носков и банки из-под кофе? — но не мог есть в тишине.

Поев, он, не выключая тарахтящий на фоне зомбоящик, положил на колени ноутбук и зашел на закрытый сайт Охотников. На нем можно было посмотреть статистику убийств, как в конкретную ночь, так и за весь период деятельности. Поначалу Джон очень гордился своими достижениями, быстро набирая баллы, но со временем азарт прошел, остались только инстинкты. Он в чем-то завидовал новичкам. И сочувствовал одновременно.

В интернете мало кто верил в Охотников и Теней. Это что-то вроде городской легенды. А ведь когда-то Тени заполняли город и считали себя настоящими хозяевами, выкашивая людей сотнями и захватывая их тела. Но из-за Великой Мировой Катастрофы никому не было дела до каких-то фантастических существ, появившихся после, потому что свидетелей их деятельности обычно не оставалось в живых, а тем немногим, кому удалось спастись, никто не хотел верить. Многие из них превратились в городских сумасшедших, которые на каждом углу с пеной у рта предупреждали о грядущем конце света. Обычно им отвечали, что он уже был.

Пусть горожане и не верили, зато верило правительство. Тысячи ученых работали и работают в секретных лабораториях по всему миру, пытаясь понять, что же произошло почти десять лет назад, в 2020 году, когда более пятисот миллионов человек погибло в страшной катастрофе за всю историю человечества.

С 2021 года почти во всем мире ввели комендантский час, длящийся с захода солнца и до самого его восхода. Естественно, что очень многим это не понравилось и не нравится до сих пор, ведь это ограничивает их права в передвижении, а внятных объяснений необходимости

такого положения дел никто дать не в силах. Не может же правительство выйти и сказать, что по ночам на улицах города появляются существа из другого мира, желающие захватить тела всех людей, до кого смогут дотянуться, а остальных просто сожрать.

А единственные, кто способен эффективно с ними бороться, — такие как Джон. Охотники.

Глава 2: Конец весны

Глава 2: Конец весны

Тени не переносят солнечного света, да и вообще любого очень яркого, а посему днем, если стараться не гулять по темным подвалам и катакомбам, простым гражданам опасаться нечего. По этой же причине Охотники работают лишь ночью, а днем отсыпаются. Но не Джон.

Джон не спит. Вообще. Он просто не способен спать. Даже если он закинется десятками таблеток снотворного, то в лучшем случае его ждет очень неприятное свидание с унитазом. Поэтому он все светлое время суток пытается убить время, как только может.

Вчера в переулке он запачкал свой плащ, а значит, теперь у него есть существенный повод выйти на улицу. В химчистку.

Ближайшая химчистка находилась за несколько кварталов от места жительства Джона, как раз в направлении «Лету». Большинство жителей мегалополисов не любят ходить пешком, предпочитая передвигаться на такси для экономии времени, которого, с введением комендантского часа, стало еще меньше. Заботящиеся об экологии предпочитают велосипед, самокат, гироскутер или моноколесо. Джон же этого времени имел с избытком и предпочитал любым колесам старые добрые ноги.

В химчистке его прекрасно знали и не очень любили. Обычно угрюмый человек в неприметной одежде, который как минимум два раза в неделю приносит на стирку абсолютно черную одежду странного покроя, с клепками и ремешками неизвестного предназначения. А плащ зачастую испачкан уличной грязью и даже следами крови. Управляющий химчистки как-то раз даже навел на Джона полицию, которая, естественно, узнав, чем он занимается, оставила его в покое. Когда же он очередной раз пришел в химчистку, чтобы забрать свою одежду, управляющий так перепугался (плащ он не почистил, так как полицейские могли использовать его в качестве вещдока), что клятвенно заверил никогда больше не брать с него плату за чистку. Предложил даже вернуть ему все деньги, что Джон потратил здесь ранее, но тот отказался. Управляющий до сих пор не знает, что стало с теми двумя полицейскими, которых он направил к предполагаемому маньяку-убийце.

Подходя к химчистке, будучи как обычно одним из первых клиентов после утреннего открытия, Джон заметил странную активность чужь впереди по улице. Там толпился народ, стояло две полицейские машины и одна скорой помощи, а вокруг всего этого грифами кружили журналисты. Уже выходя обратно, он направился поглядеть, что стряслось.

— *Опять, наверное, Тени задрали какого-нибудь парня, по глупости вышедшего в комендантский час,* — выразил мысли вслух Мефисто.

— Скорее всего, — неосознанно согласился Джон и направился к толпе.

Тело уже покоилось на носилках, накрытое белым покрывалом, из-под которого в области лица проступали кровавые пятна. «Нет, это не Тени, — подумал Джон. — Тени работают не так аккуратно, они обычно раздирают жертву в клочья».

Тело было большим, из-за чего его ноги практически свисали с носилок. На нем оказались черные плотные штаны и черные же крепкие ботинки. Такие носят Охотники. У Джона по затылку пробежал холодок. Не может быть!

Когда тело уже несли к машине, у одного из несущих, которые аж все напряглись от потуги, чуть не выскользнула рукоять носилок, которые опасно накренились, и по толпе пробежалась волна вздохов и ахов, однако носильщик все же удержал вес, но из-под покрывала вдруг выскользнула волосатая рука, безвольно повиснув в воздухе.

На ней была черная перчатка с железными вставками из больших острых шипов, приходящихся на каждую костяшку пальцев.

Точно такие же носит Майлз «Тор» Торсон.

Джону, даже если бы он попытался и начал упрашивать, никто бы не позволил осмотреть тело, а потому он просто развернулся и быстрым шагом направился домой. В это время Бобби уже спал без задних ног, но если кто-то и мог что-то знать о произошедшем, то только он.

Джон не считал Майлза лучшим другом, но все же хорошо к нему относился, в основном из-за того, что в детстве постоянно его задирали, отчего уже позже начал чувствовать за собой вину. Великая Катастрофа изменила его, как и всех в мире. Как и весь мир. Несмотря на то, что Джон вел себя с Майлзом несколько отстраненно, тот ни разу не выказывал свое презрение и вообще вел себя с Джоном так, словно они сто лет как лучшие друзья.

А еще их сближала общая трагедия. Они оба слишком рано лишились родителей. Хотя лишиться родителей в любом возрасте слишком рано.

Забежав в квартиру, Джон тут же набрал Бобби. Вопреки ожиданиям, трубку сняли почти сразу же.

— Джон, я звонил тебе, — слышался голос в трубке.

— Это был Майлз? Что произошло?

— Приходи в бар. Сейчас. Бобби повесил трубку.

Джон ничего не понимал. Зато теперь он точно был уверен, что было под покрывалом.

— *Не стоило мешить себя пустыми надеждами.*

— Заткнись.

Джон по привычке хотел было переодеться в «рабочую одежду», но вспомнил, что сейчас день, а значит, никакой работы. Но нож он все же с собой прихватил. Носить такое оружие он имел право лишь в комендантский час, но сейчас не до соблюдения дурацких законов.

Бар оказался открыт. Для дневного времени суток это нонсенс, достойный первой полосы всех местных газет. Джон никогда не бывал здесь днем, хотя очень бы хотел. Теперь кабак открыт, вот только повод не из приятных.

— Что случилось? — выпалил он прямо с порога, и только потом заметил, что бар переполнен. С виду все были самыми обычными гражданами, исправно платящими налоги, ждущими рождественских распродаж и долгожданного отпуска. Но это только на первый взгляд; если присмотреться, у каждого обнаружится хотя бы одна деталь, выделяющая его из толпы.

— Ты последний, кого мы ждали, — подал голос Бобби. Он стоял перед своей барной стойкой, обращенный лицом к толпе, словно это не стойка, а широкая кафедра. Только сейчас Джон заметил, что все столы и стулья отодвинуты к стенам, чтобы выиграть место.

— Я должен донести до вас некоторые сведения, поступившие сверху, — начал Бобби. — Но сначала должен сообщить печальную новость, которую некоторые из вас уже слышали: Майлз Торсон, по прозвищу Тор — мертв.

По толпе пробежался гомон. Все из здешних знали Майлза, он победил в армрестлинге каждого, с кем садился за стол. Трудно поверить, что кто-то смог его убить, а в том, что его убили, не было никаких сомнений, Охотники по другому не умирают, что и подтвердил Бобби.

— Это были Тени? — спросил кто-то.

— А это уже относится к тем сведениям, которые меня обязали до вас донести. — Он сделал паузу. — Примерно месяц назад в Бронксе при странных обстоятельствах убили Охотника, две недели назад то же произошло в Куинсе, а теперь и здесь. Как известно, два — это совпадение, но три — закономерность.

— Я ничего об этом не слышал, — послышался голос из толпы. Его поддержали и остальные, в том числе и Джон.

— Охотники часто гибнут на темных улицах, а потому на эти две странные смерти не особо обратили внимание, но сегодня мне позвонили сверху и сообщили о Торе. Общим мнением они пришли к тому, что это направленная акция, и попросили меня тотчас разбудить вас и передать, чтобы этой ночью вы были особенно осторожны.

По толпе снова пробежался ропот. Все Охотники и так ночью предельно осторожны, от этого зависят их жизни. Хотя многие и правда ведут себя так, словно вышли на вечернюю прогулку, особенно это относится к молодежи. Джон тоже был относительно молод, но возраст не всегда определяется цифрами в паспорте.

Из толпы снова послышался вопрос:

— А что значит — странные? Ты сказал, что смерти были странными.

— Верно, — подтвердил Бобби. — Их странность заключается в том, что всех жертв убили теми же способами, которыми они пользовались для уничтожения Теней.

На этот раз гомон превысил все возможные пределы. Чтобы Тора убили в драке на кулаках? Да не может такого быть! Не будь он столь самоуверен и не презирай более эффективное оружие в борьбе с Тенями, его можно было бы считать сильнейшим Охотником в Бруклине, а то и во всем Нью-Йорке. Он был машиной для убийства, если его вывести из себя, что случалось крайне редко.

— Сколько было нападающих? — спросил Джон, перекрикивая споры остальных. Это вопрос интересовал его с того момента, когда он понял, что под покрывалом на носилках именно Майлз.

— Неизвестно, — ответил Бобби, подождав, пока шум прекратится. — Но... судя по обнаруженным следам, — один.

На этот раз толпа не ревела. В баре на секунду настала гробовая тишина, какую можно было услышать лишь днем, когда он закрыт.

— Один? — шепотом переспросил кто-то, не веря своим ушам.

— Один на один в кулачном бою против громилы Майлза?

— Это лишь предварительные данные, — попытался успокоить людей Бобби, но это не возымело особого эффекта. — Как я сказал, предыдущие два убийства толком не расследованы..

— Херня! — выкрикнул один из Охотников. По голосу Джон узнал Райно, он, как и Майлз, был здоровяком, и некоторые считали его вторым по физической силе. Он тоже гордился своей мощью, но отличался буйным нравом и считался не особо сообразительным, однако никто не осмеливался говорить ему это в лицо. Кроме Тора.

— Ты хочешь высказаться?

— Хочу! Тор был сильнее меня, а я знаю свою силу. Если бы на меня напала толпа Теней или хоть Охотников, парочку, но я бы точно отправил на тот свет. А вы говорите, что Тора завалила какая-то гопота, и он не смог вломить хотя бы одному так, чтобы у того башка с плеч слетела? Херня! — снова рявкнул он, вдарив в воздух здоровенным кулаком, едва не задев стоящего впереди.

Все громко поддержали Райно, в том числе и Джон. Он был на месте, где убили Майлза, но увидел лишь кровь Тора, если бы там по-настоящему случилась большая потасовка, все в радиусе не менее десяти метров оказалось бы залито кровью. Хотя на перчатках Майлза с железными шипами кровь все же присутствовала, и явно не их владельца. Джон сказал об этом.

— Все улики будут проверены, — заверил его и всех остальных Бобби. — Мы сделаем все, чтобы найти убийц. Или убийцу, — добавил он уже тише.

Еще Джон услышал в словах Райно то, на что многие не обратили внимания или не хотели

обращать. Может, здоровяк и глуповат, но даже у самого тупого раз в жизни может возникнуть дельная мысль, пусть сам он ее и не поймет. Райно упомянул Охотников.

«Это просто чушь!» — фыркнул он про себя. Чтобы один Охотник убил другого — немислимо. Для этого нужен очень веский повод, и даже при этом такое нельзя простить. А еще Майлза убили грубой силой, просто избивали до смерти. Джон было даже подумал на Райно, второго по силе, но тут же себя одернул, вспомнив, что подобные случаи произошли и в других боро Нью-Йорка. Да и не выглядел он потрепано, каким должен был быть после потасовки.

Джона из задумчивости вывел голос Бобби:

— Я сказал вам все, что хотел. Теперь идите домой и поспите, этой ночью вам нужно быть во всеоружии. Да, и передайте услышанное сегодня всем остальным, кто не пришел.

Гуляющие сегодня утром по улице увидели странную картину. Из небольшого ночного бара начала вываливаться разномастная толпа очень подозрительного вида. Их было больше, чем мог комфортно вместить кабак, и все они казались встревоженными, о чем-то громко перешептываясь. А еще все они выглядели довольно сонно и щурились на свет, словно их глаза не могли к нему никак привыкнуть.

В баре осталось трое: Бобби, Джон и Машери.

— А вы чего стоите?

— Я хотел кое о чем потолковать, — сказал Джон.

— Я тоже, — подала голос Машери.

— Ты-то ладно, Джон, Майлз был твоим другом, а ты чего? — обратился он к девушке.

— Я... Мы...

— Ну не мямли, — поморщился бармен, тряхнув от нетерпения головой.

— Мы с Майлзом были любовниками, — выпалила Машери и тут же покраснела.

Для Джона это стало новостью, ведь Тор женат, а с Машери мало кто желал иметь дела, тем более в подобном плане. Но Бобби, похоже, обо всем знал. Или хотя бы догадывался.

— Я думал, у вас это несерьезно, — сказал он.

— Несерьезно. Он же женат и любит... любил свою жену. Но все равно. Я хочу знать, кто это сделал. Бобби тяжело вздохнул.

— Мы все хотим, но я сказал все, что знал сам.

— Джон остался, вот я и подумала, что у него что-то есть.

Джон, конечно, ничего не знал, лишь желал поделиться с Бобби своими мыслями и узнать его мнение, но только с глазу на глаз. Все это он высказал вслух.

— Позвольте мне остаться, — взмолилась она чуть не плача. — Возможно, от меня мало толку, но я тоже хочу отомстить за смерть Майлза.

Джон не стал ей говорить, что не имеет подобных мыслей. По крайней мере, на поверхности души. Да, он желает найти виновного, но не так рьяно, как можно было подумать. Этим занимаются другие люди.

— Я не против, чтобы ты осталась, — немного подумав, сказал Бобби. Джон не мог с ним спорить.

— Ничего такого у меня нет, — начал он, когда они присели за один из отодвинутых к стене столов. — Просто я подумал, что Тени на такое неспособны. Конечно, некоторые Тени живут в телах людей годами, становясь сильнее, но обычно они предпочитают отсиживаться в укромных местах, а не бегать по улицам в поисках жертв. А даже если и выходят охотиться, то не перед рассветом.

Тени выходят охотиться на Охотников. Какая ирония. Тот, кто придумал называть таких людей, как Джон, Охотниками, явно имел чувство юмора. Или вообще не имел какой-либо

задней мысли.

— Да, я тоже так подумал. — Бобби помолчал, словно решаясь. — То, что я вам скажу, остальным лучше не знать, ни и так подавлены. В общем, обе предыдущие жертвы тоже были убиты почти перед рассветом, и их обнаружили простые горожане.

— Хочешь сказать...

— Да. Это было послание.

— И что этим хотели сказать? — поинтересовалась Машери.

— Этого я не знаю, — покачал бармен головой, — но убийца определенно хотел, чтобы тела нашли не мы, Охотники, а простые люди.

Обычные граждане, конечно же, знать не знают о существовании как Охотников, так и Теней, все это держится в строжайшей тайне. Даже смерти простых горожан, которым не повезло оказаться на улице после наступления комендантского часа, тут же засекречиваются, и их родственникам и друзьям приходится писать заявление о пропаже человека. Конечно же, этого человека обычно никто не находит, ни живым, ни мертвым.

Если общественность узнает о происходящем в ночной тьме, вопреки логике, жертв станет только больше, а люди начнут бояться выходить на улицу даже днем, а ночью будут спать при свете всех ламп в доме, а на случай отключения электроэнергии позажигают миллион свечи, что приведет к пожарам. Истерия охватит весь мир быстрее, чем тлеет фитиль, и последствия окажутся катастрофическими. Джон, однако, не совсем был с этим согласен.

— Вокруг места убийства Майлза собралась целая толпа зевак, — подтвердил Джон слова Бобби.

— Вот-вот. Кто-то специально выставляет все это напоказ, но вот зачем?

— Хочет рассекретить Охотников? — предположила девушка.

— Это не имеет смысла. Мы считаемся городской легендой. И даже если кто-то во всеуслышание заявит о нашем существовании, правительство все будет отрицать, а мы на некоторое время ляжем на дно. В толпе нас невозможно вычислить.

Помолчали. Бобби выглядел изнеможенным, даже для того, кто сейчас должен спать, а не разглагольствовать, Машери дергала себя за край теплой кофты, уперев взгляд в пол и не зная, что еще сказать. Зато Джон знал:

— Не обязательно раскрывать Охотников.

— В смысле?

— Охотники с виду ничем не отличаются от обычных людей, даже если показать на одного пальцем, никто не воспримет это всерьез и ничего не сможет доказать, а того, кто показал, сочтут психом. Но вот если показать что-то более необычное.

— Теней, — прошептал Бобби, кивая головой. — Но что даст убийство одного Охотника?

— Смятение, — пожал плечами Джон.

Все снова помолчали.

— Ладно, — ударил себя по коленям Бобби, вставая со стула, — сейчас мне следует последовать собственному совету и отправиться спать. Тебе тоже, Машери. Вечер утра мудренее.

— А, и еще, — обернулся Джон в дверях, — Бобби, ты не мог бы узнать, кого именно убили и настолько сильными они были?

Бармен задумался, а потом безмолвно кивнул.

Глава 3: Старые и новые раны

Глава 3: Старые и новые раны

Джон отправился к точильщику подправить меч. Как оказалось, там уже выстроилась целая очередь, и ему пришлось оставить оружие у мастера, чтобы забрать его уже вечером, а может, и вовсе на следующий день. Благо, мечей у него имелось предостаточно.

Весь оставшийся день Джон провел за тренировками и поисками в интернете любой информации о случившихся убийствах. Данных было мало, так как организация ничего не предпринимала вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что убийства взаимосвязаны, и всю имевшуюся информацию уже передали Бобби.

Организация «Тенелов» строго засекречена и является самостоятельной, ни от кого не зависящей. Ни ФБР, ни ЦРУ, ни АНБ, ни Интерпол, ни другие спецслужбы в мире не обладают властью над «Тенеловом». А о том, чем вообще занимается эта организация, знают единицы. Агенты и сотрудники различных служб имеют лишь малую толику информации, в основном в виде приказов: не трогать «Тенелов», не копать под «Тенелов» и сматывать удочки, если организация так приказала. Каждый член различных спецслужб предполагает, что организация является подразделением другой спецслужбы, и никто не стремится их переубедить.

Джон добрал до дома, где жил его приятель с молодой женой, постоял на другой стороне улицы, всматриваясь в окно на пятом этаже и пытаясь понять, что там сейчас происходит. Плачет ли жена Майлза или просто сидит в прострации? Догадывается ли она, что ее муж умер из-за своей работы? Наверняка.

Охотники предпочитают выбирать себе пару, если вообще выбирают, среди других посвященных, в основном из-за образа жизни: мало кто захочет жить с человеком, который днем спит, а ночью пропадает не пойми где и отказывается об этом говорить, ссылаясь на секретность. А еще обычного человека, если он будет не осторожен, может захватить Тень, и Охотнику не останется ничего, кроме как убить свою любовь. Наверно, из-за всего этого Майлз и нашел себе любовницу среди «своих».

Джон так и не решился подняться в квартиру. Возможно, жена Тора хочет побыть в одиночестве, а если и нет, то она уж точно найдет кого-нибудь другого для утешения, того, кого знает лично. Джон никогда с ней не виделся, а потому мог лишь представиться другом с работы ее мужа, но для нее он все равно останется чужаком.

Постояв так минут пять, Джон все же ушел, тем более что начинался дождь. Он падал мелкими каплями и неприятно бил по голове, стекая за шиворот и по гладко выбритому лицу. Джон редко отращивал бороду, в основном потому, что бритье убивало время. Он пошел в место, куда не навдывался уже больше двух недель. Там он бывал лишь когда время превращалось в тягучую смолу.

«Венерина мухоловка» — один из лучших публичных домов в городе. Красиво украшенное трехэтажное здание с неоновыми вывесками, но не режущими глаза, в основном потому, что ночью лупанарий, как и другие заведения, не считая баров Охотников, попросту не работал. Публичные дома в Нью-Йорке стали открыто разрешены не задолго до Великой Мировой Катастрофы, и всякие религиозные фанатики тут же за это ухватились, пытаясь сопоставить эти два события, но на них мало кто обращал внимание, и те, по большей части, в конечном итоге успокоились.

— Вам как обычно? — спросила красивая улыбчивая молодая девушка, имеющая модную

должность менеджера, узнав Джона.

Джон молча кивнул в ответ. Девушка, сидя за стойкой, постучала по клавиатуре, проверяя одни данные и вбивая другие, потом протянула пластмассовый кружок с номером двадцать три.

— Девушка свободна и ждет вас, — сказала она. — Приятного времяпрепровождения.

Джон снова молча кивнул.

Он поднялся на лифте на второй этаж (некоторые клиенты заведения настолько грузны, что подъем по лестнице даже на второй этаж отнимает все их силы), нашел номер двадцать три и постучал.

— Открыто, — послышался из-за двери мелодичный голос. Джон вошел, как входил до этого сотни раз.

На краю большой просторной кровати сидела она. Легкое короткое летнее платье розового цвета подчеркивало фигуру, еще более розовые чулки с бантиком облегли гладкие ноги. Длинные светлые волосы ниспадали на плечи, создавая образ настоящего ангела. Блондинка в розовом — что может быть пошлее? Но ей этот образ шел как никому другому. Джон, привыкший к постоянной тьме, любил этот образ, и она это знала.

Когда девушка-менеджер вбивала информацию, она, конечно, вбила и известные данные о клиенте, тут же передав их выбранной девушке. Но за такое короткое время невозможно подготовиться и переодеться. Значит, она его ждала. Джон не знал как, но она всегда угадывала заранее, что он придет.

— Хелин, — сказал он, когда, наконец, смог заговорить.

— Тебя долго не было, — пропела она в ответ и встала с кровати, подходя к нему.

— Я был... занят.

— Нет, не был.

Она подошла к нему вплотную и, немного подразнив, впиалась ему в губы. Сладкий нектар жаром растекся по его телу. Продолжая целовать, Хелин потянула его за собой, пока не уткнулась ногами в кровать и не упала, увлекая за собой и Джона. Она подняла левую ногу и обхватила его поясницу, прижимая к себе, а он гладил ее по бедру грубыми пальцами, проникая все дальше под платице.

Неожиданно она сильно оттолкнула его и перевалила на спину, оказавшись сверху. Потом встала с кровати и плавными движениями стянула с плеч бретельки платья, которое тут же соскользнуло на пол по гладкой шелковой коже, оставив ее лишь в кружевных трусиках и розовых чулках. Джон сел и стянул с себя свитер с футболкой, оголив рельефный торс, на котором красовалось множество заживших шрамов, напоминающих о старых ошибках безрассудной молодости (он не сильно изменился с тех пор). Она знала каждый его рубец и историю о нем.

Хелин подошла к нему, словно заскользив по водной глади, и положила свои ладони на его грудь, слегка согнув пальцы, чтобы острые ногти заскребли по торсу, выискивая каждую неровность. Добравшись до самого низа, она умелыми движениями расстегнула ему джинсы, и рука заскользила дальше, туда, откуда исходил неистовый жар, способный плавить сталь.

Джон прижал девушку к себе, откинулся на кровать и перекатился, оказавшись сверху. Сначала он поцеловал ее в губы, потом в шею, поласкал подтянутые груди с розовыми сосками, словно созданные под цвет ее одежды. Он начал спускаться все ниже и ниже, пока не добрался до цели.

Сидя на коленях, он снял с себя оставшуюся одежду, и только после этого начал подниматься обратно вверх по изведанной тропе, пока не оказался с девушкой лицом к лицу.

Джон вошел, как входил до этого сотни раз.

Они лежали в измятой постели, думая ни о чем и одновременно обо всем. Хелин заговорила первой:

— Я слышала, что случилось с твоим другом.

— Не таким уж и другом он мне был, — тут же отозвался Джон.

Они молчали еще минут пять, и на этот раз молчание прервал Джон:

— Ты не передумала? — спросил он.

— Каждый раз, приходя ко мне, ты задаешь один и тот же вопрос, а я всегда даю один и тот же ответ.

— Я не оставляю надежд услышать другой ответ.

— Для этого тебе нужно задать другой вопрос.

Где-то на улице кто-то громко засмеялся, словно услышал самую смешную шутку, которую только мог услышать. Это ребячье, подумал Джон. Когда он сам был еще подростком и, несмотря на заверения друзьям, девственником, они с приятелями стояли на другом конце улицы и смотрели на недавно появившийся в районе публичный дом, пытаясь угадать, что творится за его стенами.

Иногда они на спор заставляли кого-нибудь из приятелей зайти в двери и под общий хохот заказать себе проститутку. До конца дошел только один, самый старший из них, давно копивший на это деньги, который вышел через двадцать минут с довольной миной и начал хвастаться, что только что переспал сразу с двумя. Еще тогда Джон засомневался в правдивости слов друга, потому что рассказ его приключений ну никак не мог уместиться в рамки двадцати минут, даже если бы он приступил к делу прямо с порога. Тогда Джон промолчал, посчитав, что его приятель просто слегка преувеличивает, но когда сам впервые оказался в заведении (не с подначки друзей), то узнал у Хелин, после их первой подобной встречи, что у его друга и вовсе ничего не было. Тот от вида сисек кончил прямо в штаны, а оставшееся время девушки вытирали ему слезы позора, и даже пообещали, что в следующий раз обслужат бесплатно, но тот так и не вернулся.

— Ты могла спасти его, — сказал Джон, стараясь, чтобы его слова не звучали упреком и обвинением. — Ты могла почувствовать, что ему грозит опасность.

— Не надо винить меня. — В словах Хелин проскользнула резкость.

— Я просто сказал...

— И почему я до сих пор с тобой трахаюсь? — Вопрос прозвучал в пустоту.

— Потому что я тебе плачу. — Теперь Джон не сдержал раздражение.

«Ссоримся, как старая пара», — подумал он. И так почти каждый раз, когда они встречаются. Джон пытается убедить Хелин стать одной из Охотников и бороться с Тенями, спасая людей, и оставить работу, если это можно так назвать, проститутки, а она говорит, что ей и здесь неплохо. Она вольна выбирать себе клиентов, а с ее способностью чуют опасности ей не грозят ни насилие, ни ЗППП.

— Кстати о плате, — сказала она. — Твои два часа уже истекают. Темнеет, тебе пора идти в дозор. И сегодня особо не лезь на рожон.

Джон поднялся и отправился в душ, почему-то надеясь, что она пойдет за ним, но этого не произошло. Вернувшись в комнату, собрал с пола раскиданную одежду и оделся. Открыв дверь, он оглянулся, как оглядывался сотни раз.

Она лежала абсолютно обнаженной на огромной кровати и бесстрастно смотрела в его глаза, как он смотрел в ее. Когда он закроет дверь, она тоже сходит в душ, переоденется в очередной соблазнительный наряд и будет ждать нового клиента, хотя уже в другой комнате, пока в этой будут менять постель. Другой мужчина будет ласкать ее чужими руками, целовать чужими губами и наполнять чужой любовью, до которой ей не будет никакого дела.

Джон ненавидел уходить от нее с этим осознанием неизбежного, и именно поэтому он виделся с ней реже, чем хотел. Видя ее в первый раз после долгого расставания, Джон ощущал радость и вдохновение, даже счастье, но уходя и бросая последний взгляд, его чувства менялись на противоположные, заставляющие сердце сжиматься.

Он бы что угодно отдал, чтобы узнать ее истинные чувства, если они у нее есть по отношению к нему, что маловероятно.

Когда дверь захлопнулась, она была рада, ведь теперь никто не увидит ее слез.

До самого вечера она надеялась, что он услышал ее предостережение и действительно не станет лезть на рожон, а иначе вновь она увидит его нескоро.

Ночь казалась невероятно темной, словно кто-то пролил на город чернильницу, полную ненаписанных слов. В баре «Лету» случился очередной нонсенс: с момента открытия в него так никто и не зашел. Бобби расставил отодвинутые утром к стенам столы и стулья, протер еще раз все бокалы и стойку, подмел пол, проверил запасы алкоголя и закуски в подвале. Теперь он сидел за одним из столов и почитывал газету. Он не был расстроен отсутствием посетителей, он понимал, что так и должно быть, ведь сегодняшняя ночь должна пылать праведной мстью, очищая улицы от скверны.

Как же он хотел подкинуть в костер головешек, но не осмеливался, ибо монстр в нем мог выйти из-под контроля, и тогда мести будет заслуживать он.

Джон снова бежал по узким улочкам, на этот раз он заприметил Тень в первородном ее виде. Ее нужно убить в первую очередь, пока она не нашла себе носителя. Он бежал, то и дело теряя врага из вида, но глаза, способные видеть в темноте, были не хуже, чем у любой из Теней, — одно из немногих преимуществ Охотника.

Завернув за очередной крутой угол, он вновь потерял ее из виду. Все мышцы Джона напряглись, готовые в любой момент обрушить только что заточенный меч, хотя для убийства пустой Тени особых усилий, кроме скорости реакции, не требуется.

Пройдя чуть вперед, Джон уловил боковым зрением легкое движение в грудке мусора, словно тьма сгустилась и ожила. Он сделал вид, что не заметил, продолжая идти вперед и держа меч перед собой. Легкий шорох за спиной и вот он уже разворачивается, чтобы нанести скользящий удар и превратить противника в ничто. Обернувшись, он увидел ее, стоящую — парящую — в двух метрах от него.

Тень представляет собой бесформенный комок колыхающейся тьмы, но приглядевшись, можно разглядеть конечности, словно приземистое нечто, помесь когтистой обезьяны и лягушки, напялило на себя черный изодранный мусорный пакет, шевелящийся от каждого дуновения ветра. Вот только ветра не было.

Джон взял меч наизготовку, готовясь к атаке. Он уже подался вперед, перемещая вес на переднюю ногу, как вдруг его сзади что-то ударило, а затем пришла острая боль, словно со спины начали сдирать кожу. Забыв об осторожности, он развернулся, пытаясь достать мечом до противника, но ничего не увидел, кроме такого же темного проулка, однако боль не прошла, а наоборот, стала сильнее. И тут до него дошло, что противник не просто сзади, а вцепился в него своими когтями.

Резким движением меча Джон ударил себе за спину и почувствовал, как меч проникает в нечто, напоминающее желе, а затем до него донесся мерзкий писк, словно скрипят ржавые петли. В следующую секунду он почувствовал небольшое ослабление, но не успел повернуться, как очередной удар сбил его с ног. Неловко взмахнув мечом вокруг себя, он встал, готовый

отразить очередное нападение, прислонился спиной к кирпичной стене, но тут же осознал, что это плохая идея: спину саднило невыносимо.

Их оказалось не меньше десятка, и это только те, что не слились с тьмой. Они стояли с двух сторон, прижавшись к земле, как хищники перед нападением, перекрывая пути отхода своими кользящими без ветра телами, и даже сверху, передвигаясь по отвесной стене, наплевав на гравитацию. С таким количеством один на один Джон никогда не сталкивался. У него был с собой пистолет, но даже если каждая пуля достигнет цели, маловероятно, что Теней не станет еще больше.

— У тебя нет выхода, — сказал Мефисто.

— Заткнись.

— А я что? Я правду говорю, даже богу смерти не справиться со всеми.

— Мне не нужны твои советы.

— Пока жив ты, жив и я, — развел призрачными руками Мефисто, — поэтому мы оба рискуем существованием.

— Здесь существую только я, — рявкнул Джон.

— Это уже вопрос философии. Хелин тебя предупреждала, а ты не послушал, поэтому и попал в эту ситуацию. Благо, из нее есть выход, лишь один, а начинается он с проглатывания собственной гордости.

Джон ненавидел, когда Мефисто оказывался прав, а это бывало слишком часто.

Тени, словно дождавшись окончания диалога (для стороннего наблюдателя — монолога), начали движение. Они ползли медленно, ожидая ошибки жертвы, неминуемо приближаясь и подтверждая слова Мефисто — есть только один выход.

Джон сунул руку за пазуху и достал продолговатый предмет — светошумовая граната. Охотники редко берут с собой подобное оружие, потому что оно намного громче даже пистолета и привлекает к себе очень много ненужного внимания.

— Ох, и достанется мне потом от Бобби, — сказал сам себе Джон, вздохнув, и, вырвав чеку, бросил гранату к дальней стене, так, чтобы взрыв произошел прямо между двумя группами Теней.

Несмотря на сильно зажмуренные глаза и заткнутые пальцами уши, Джона оглушило и ослепило. Он тут же вскочил и на ощупь побежал влево, туда, где секунду назад находились Тени, и где, как он помнил, должен находиться поворот за дом и выход на хорошо освещенную улицу. Но едва он успел забежать за угол, как его снова сбили с ног ударом в голову. Мир завертелся и ударился об мокрый асфальт. Если бы Джон мог, он бы вырубился, но вместо этого ему приходилось ощущать всю боль до самой капли. Его вырвало.

Было темно и воняло чем-то неприятным вперемешку с терпким запахом алкоголя, впитавшимся в стены. Теперь Джон лежал не на асфальте или смертном одре, а на самой обычной скрипучей кровати, причем на животе.

— Как самочувствие? — послышался знакомый голос справа.

Джону пришлось повернуть голову в другую сторону, чтобы встретиться с собеседником глазами, и сделал он это не без труда: несмотря на тонну обезболивающих, голова раскалывалась и гудела, как чугунная бочка, выпитая днем ранее, хотя Джон отчетливо помнил, что ничего такого не делал, однако память легко могла его подводить. Спина также болела жгучим жаром и пульсировала в такт биения сердца, а уши заполнял далекий свист, который, наряду с головокружением, создавал эффект падения в бесконечную бездну.

— Живой, — ответил он хрипло.

— Знаменитого Синигами, бога смерти, убившего известного Бостонского рубаку, вырубил

какой-то доходяга с битой. Я даже не могу сказать, что в мое время Охотники были другими, потому что это и есть мое время. Наше время.

— Там были десятки Теней.

Оправдание так себе, но Джон знал, что его ожидает, когда вынимал чеку.

— Уверен, что так оно и было, только тебя чуть не вырубил не Тени, а другой Охотник.

— Знаю-знаю.

— Ты своей выходкой такой переполох устроил, что к тебе полгорода Охотников сбежалось, вот первый и огрел тебя дубиной по башке, приняв за Тень. Наверно, Охотникам стоит носить что-нибудь посветлей. Тебе еще повезло, что ни один вбитый в биту гвоздь не пробил тебе голову. — Бобби постучал себя пальцем по черепушке, демонстрируя, как бы это выглядело.

Джон попытался приподняться на руках, но Бобби тут же его приосадила:

— Не вставай! У тебя вся спина изодрана, пришлось даже несколько швов наложить... несколько десятков. Но ты это и так все ощутил, как говорится, на собственной шкуре. Не впервой.

— Что-то я сплеховал.

— Думаешь? Ну, ты не один такой.

Позади бара у Бобби находилась небольшая пристройка, в которой на всякий случай стояло десяток коек, а также имелось немного медицинского оборудования и всевозможных лекарств. Многие пострадавшие в ночных рейдах оказывались у него, так как в больнице возникли бы неприятные вопросы: почему был на улице в комендантский час? кто напал? и что это за оружие? Организация, конечно, решила бы в конечном итоге все вопросы, но очень бы осталась недовольна.

Джон и раньше здесь бывал, но никогда не видел, чтобы все кровати были заняты, и кое-то даже лежал на полу. Еще как только он увидел стаю Теней, у него промелькнула мысль, которую теперь оформил Бобби:

— Это была подстава, — сказал он. — Кто-то специально захотел устроить мясорубку, выманив на улицы как можно больше Охотников, чтобы потом натравить на них целую ораву Теней. Кто-то хорошо это все спланировал.

— А как же в остальных боро: Бронкс и Куинс?

— У них ничего подобного не было. В Бруклине больше всего людей, а значит, и Охотников, поэтому, полагаю, резню решили устроить именно здесь. Честно говоря, в Бронксе и Куинсе мало того что ничего подобного не произошло, так там Тени на следующие пару ночей вообще затаились, вот и тут сверху считали, что будет так же.

— Но просчитались.

Бобби мрачно кивнул. Каждый из Охотников был ему за место сына, которого он потерял в Великой Катастрофе, а потому каждую чужую рану и смерть он воспринимал как свою собственную. Об этом знали немногие.

— Сколько? — спросил Джон после минутного молчания.

— Ночь еще не кончилась, — ответил Бобби. — Раненых не менее тридцати, серьезные только здесь, так что человек пятнадцать, я не считал. Убитых десятков, может, больше, утром будет точная цифра. Какой же я дурак. — Бобби схватил себя за волосы.

— Ты не виноват. Сегодня Джону не давались слова.

— Всегда кто-то виноват. Сегодня этот кто-то — я. Надо было разбить вас на группы хотя бы человека по три, но мой разум затуманил гнев, и остальным пришлось за это поплатиться.

Джон хотел что-то ответить, но понял, что лучше от его слов никому не станет, особенно учитывая, что сегодня он не склонен на красноречивые фразы. Еще он хотел спросить о мече,

оставленном в переулке, но это казалось более чем неуместно в данный момент.

Бобби встал со стула и молча обошел остальных пациентов, все они спали под действием обезболивающих, и Джону очень хотелось оказаться на их месте.

Уходя, бармен обернулся к Джону:

— Я рад, что ты жив.

Джон очень не любил ранений, тем более серьезных, выводящих из игры. Все остальные могли убивать время сном, который, как говорят, ускоряет поправку, но Джон спать не мог. Он не спал даже на хирургическом столе, когда Бобби сдирал с него кожу и вырывал мышцы — по крайней мере, ощущения были именно такими. Да, обезболивающие снимали большую часть боли, но осознание происходящего никуда не девалось, даже под кайфом.

— *Не слабо тебя потрепало,* — заговорил Мефисто, — *я даже испугался, что ты уже труп. Мы — трупы.*

— Заткнись, — сквозь зубы процедил Джон.

— *Тебе же скучно, неужели не хочешь поговорить?*

— Предпочитаю разговаривать с реальными существами.

— *С белочками, мышами и улитками? Давай, не ломайся.*

— Ты когда-нибудь заткнешься?

— *Ну, наверно, с твоей смертью.*

— Не искушай меня.

Джону пришлось проваляться в койке два дня, прежде чем он все же смог встать, пересилив боль в спине. Раны у Охотников заживают чуть быстрее, чем у обычных людей, но для того, кто никогда не спит, это словно целая вечность.

Бобби, придя очередной раз на осмотр раненых, предоставил неутешительный итог захлопывания ловушки недавней ночью: четырнадцать убитых, тринадцать серьезно раненых, один из которых и сам Джон. Пара человек вообще лишилась по одной руке, став калеками. Следующие две ночи мало кто рисковал выходить на улицы ночью, а если кто и появлялся, то только в большой компании. Они заявляли, что за все время так и не встретили ни одной Тени.

Джон вышел в зал под вечер, когда солнце еще не зашло за горизонт, но бар уже открылся: многим приходилось добираться издалека, хотя были и другие бары, а рисковать разгуливать ночью пока никто не желал.

За стойкой стоял Бобби, а перед ним сидело двое: Машери и Мультголова, попивающий свой любимый коньяк через трубочку.

— Ты бы еще отдохнул, — мягко сказал Бобби, заметив Джона, выходящего из дверного проема.

— Нет сил там больше лежать. — Джон кивком поприветствовал сидящих за стойкой. — Как дела? — спросил он.

— Хреново, — отозвалась Машери, и по ее голосу Джон понял, что это уже не та девушка, которая плакала по потере Тора. Мультголова кивнул, соглашаясь.

— Вы хотя бы не ранены.

— Зато другие ранены и убиты. Мы, блять, вышли на улицы мстить за нашего, а вместо этого лишились еще больше. Нас развели как лохов каких-то! — Она сильно ударила кулаком по стойке, за что получила неодобрительный взгляд бармена. Мультголова снова закивал, как болванчик, после чего допил через трубочку порцию коньяка и жестом попросил добавки.

Мультголова носил маску улыбающейся мультяшной мыши. Всегда. Никто не знал его имени, как и настоящей внешности. И еще он никогда не разговаривал. Некоторые считали, что он просто немой, а маска вообще приклеена к его лицу, другие уверяли, что из-за приклеенной

маски он как раз и не разговаривает — рот, мол, тоже заклеен, не считая небольшого участка в центре губ, через который он ест и пьет посредством трубочки. Есть даже те, кто утверждает, что он вроде как очень известный человек, у которого узнаваемы и лицо, и голос, поэтому он скрывает их за маской и молчанием. Однако спрашивать об этом у него никто не желал рисковать — Мультголова славился взрывным нравом и злопамятностью, он мог ничего не предпринимать месяцами, а потом ударить в спину в самый неожиданный момент. Настоящий маньяк.

— Что говорят наверху? — поинтересовался Джон, принимая от Бобби стакан с виски.

— А что они должны говорить? Говорят быть осторожными и временно особо не рисковать почем зря, поэтому и заданий пока нет. Еще сказали... ну, не сказали, а тонко намекнули, что мы, мол, сами виноваты в случившемся, не надо было нам нестись на улицы с шашками наголо, никому ничего не сказав и не составив план.

Бобби выглядел ужасно. Обычно бодрый человек выше средних лет вдруг сник и сгорбился, будто постарев лет на десять-пятнадцать. Эта трагедия сильно по нему ударила, хоть он и старался этого не выказывать. Он винил себя в произошедшем, потому что не предусмотрел возможности ловушки.

Как бы ни было горько это осознавать, но лидеры «Тенелова» все же по большей части правы насчет шашек наголо, но ведь не только Бобби не подумал о подобном варианте развития событий, но и все остальные тоже. А среди Охотников находилось немало очень умных людей, которые, правда, были довольно зазнавшимися и не считали себя обязанными кому-либо помогать и давать очевидные советы. Они, вероятно, той ночью вообще не выходили из дома.

Одна только Хелин предупредила Джона, и это заставило его сжать кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Если бы она была тогда среди всех на собрании, то могла бы увидеть, что опасность грозит не только Джону, но и всем. Это могло бы навести на мысли. Но ее не было. Джон ненавидел ее за это, но это никак не могло повлиять на его любовь к ней.

Вдруг он почувствовал острую боль в руке, а когда обратил на это внимание, то увидел кровь и разбитое стекло. Сжав кулаки, он забыл о стакане с виски.

— О, прости Бобби, я все уберу.

— Ничего, оставь, я сам. Надо продезинфицировать тебе рану и перевязать.

— Виски уже все продезинфицировало.

— Но наложить бинты оно тебе точно не поможет.

Они с Бобби вновь вернулись в вонючую пристройку. Сам виноват, подумал Джон. Ни Машери, ни, естественно, Мультголова ничего не сказали. Если бы каждый после чьей-нибудь смерти бил посуду, Бобби давно бы обанкротился.

Джон хотел пойти домой, когда уже давно стемнело, но Бобби не позволил ему выходить на улицу одному, а в баре не осталось никого, кому было по пути, поэтому Джону предложили провести ночь в заведении, как и еще несколькими другим, которые все же решились выйти на улицу и дойти до паба; они, вероятно, ожидали услышать свежие новости, но их надежды не оправдались. На втором этаже бара находилась, можно сказать, квартира Бобби — хорошо иметь работу недалеко от дома, — где он смог разместить троих посетителей. Конечно, ночь для Охотников являлась активным временем, но никто не запрещал немного подремать или просто отдохнуть в мягкой постели. Джон же, не способный и на это, решил остаться внизу, где в тишине можно поразмышлять обо всем случившемся.

— *Не думаю, что сейчас на улице много Теней,* — подал голос Мефисто, как только Бобби с остальными ушли наверх.

— Они хотят, чтобы ты так думал.

— О, начал предложение не с «заткнись»? Это прогресс.

— Заткнись.

— Ну вот.

До того, как случилась бойня, Джон попросил Бобби узнать, кого именно убили перед Майлзом, и тот узнал. Как оказалось, оба Охотника считались одними из сильнейших — если не самыми сильными — в своих боро. Значит, кто-то намеренно убирает сильнейших, но зачем? Чтобы исключить риск их вмешательства? Возможно. Но зачем тогда устраивать бойню, в которой, как Джон знал, погибли в основном самые слабые, неопытные и неосторожные? Только если кто-то хочет сокрушить волю противника? Убийство друзей, с которыми сражался бок о бок действительно может вывести из колеи, но что с того, за следующие две ночи не зафиксировано ни одного нападения Теней. Это же нелогично.

Зато кое-что было ясно точно: появился кто-то, кто руководит Тенями. Джон боялся, что это кто-то из Высших. Но как это возможно, если за последнее время поблизости не было зафиксировано ни одного серьезного происшествия, которое могло бы открыть портал в Дыру настолько, чтобы выпустить достаточно сильную Тень?

Десять лет назад Джон, еще не будучи Охотником, столкнулся лицом к лицу с Высшей Тенью. А что, если это она и есть? Конечно, организация заявляла, что ее уничтожили, как только она нашла носителя, но теперь доказать это невозможно. Если это и правда Высшая Тень, городу придется несладко. Высшие Тени намного умнее обычных, а потому даже один способен выкосить целый город, если будет умело руководить своими пешками.

Джон понимал, что его рассуждения не такие уж и оригинальные. В штабе организации сидят куда более умные люди и сами давно пришли к подобным предположениям, а теперь решают, что делать дальше. Джону остается лишь ждать приказов, переданных через Бобби. К иному он и не привык.

К слову, Бобби, пока Джон валялся на кровати со штопаной-перештопаной спиной, сходил к нему домой и доставил новую одежду взамен испорченной (так как он не знал, когда тот будет готов уйти, то захватил как ночную форму, так и повседневную, ничем не примечательную одежду все в тех же темных тонах), а еще сходил к мастеру и отполировал потерянный Синигами меч. Теперь Джон был во всеоружии.

Он быстро переоделся в плащ и черные штаны, стараясь не делать резких движений, нацепил на себя все оружие, что имелось, и вышел на улицу. Бобби не боялся оставлять дверь открытой: обычные воры, которых в эти времена осталось единицы, знают, что к этому месту лучше не приближаться, а Теней отгоняет изображение на двери креста и колоссальное количество амбисидиана.

— Все же решил последовать моему совету? — ухмыльнулся Мефисто. — Я же говорю, Теней сейчас и днем с огнем не сыщешь. О как сказанул!

— Заткнись.

Джон ненавидел, когда Мефисто оказывался прав, и тот это знал.

Глава 4: Человек в ночи

Глава 4: Человек в ночи

Леброн Бертон когда-то был полицейским, причем хорошим, отмеченным наградой за храбрость, которую ему вручил лично мэр города, но с тех пор прошло больше пяти лет, а полицейским он перестал быть менее года назад. Все берут взятки, но, как оказалось, у Бертон к этому таланта не так много, как он рассчитывал. А ведь чуйка его не подвела, он чувствовал, что это подстава, но в тот момент очень нуждался в деньгах, а потому, проигнорировав орущее на него шестое чувство, впервые за всю службу открыто принял деньги за закрытие мелкого, на его взгляд, дела, на которое жалко было тратить время, когда по городу бродит целая толпа настоящих отпетых негодяев, и это несмотря на комендантский час.

И вот Леброн Бертон, бывший примерный полицейский, превратился в частного детектива, что для сердобольных теток предпенсионного возраста то же самое, что и спасатель кошек с деревьев, а максимум, что он способен расследовать, по их мнению, так это кражу мороженого в супермаркете, а пистолет у него просто для виду, и стреляет он огоньком, чтобы сигареты прикуривать. Иногда Бертону очень хотелось прикурить кому-нибудь из них голову.

Так как денег у него вечно не хватало, он не мог позволить себе снимать помещение под офис, а потому организовал его прямо у себя в двухкомнатной квартире на первом этаже, благо у него все еще оставались друзья в правоохранительных органах и других структурах, которые помогли ему все это проверить довольно быстро и с минимумом затрат.

В последнее время дела шли более-менее складно, и он даже скопил небольшой капитал, достаточный для поездки куда-нибудь в Европу на пару недель, но тратить деньги на подобное он никогда не мог решиться. Бывало такое, что он за месяц зарабатывал больше, чем в полиции за полгода, даже с учетом премий, а иногда и наоборот, месяца три никому не требовались его услуги, а если и требовались, клиент не мог оплатить даже половину их стоимости. Бертон пробыв в бизнесе всего ничего, но уже начал делить год на прибыльные и убыточные сезоны.

Так как на данный момент средств ему пока хватало, Леброн решил немного попривередничать, выбирая дела поинтересней, хотя те же самые сердобольные тетки считали, что возможность выяснения супружеской неверности более чем интересное времяпрепровождение для частного детектива. Бертон за время своей деятельности давно пришел к выводу, что если женщина настолько сильно подозревает своего мужчину в измене, что обращается за помощью к детективу, то в девяноста процентах из ста она оказывается права. Конечно, вслух он ничего подобного не произносил, а иначе вместо денег ему пришлось бы довольствоваться словесными благодарностями. Любящая женщина, даже имея на руках неопровержимые доказательства неверности мужа, до последнего не будет желать в это верить. Бывали даже случаи, что жены изменщиков винили во всем самого детектива, однако оплату он брал вперед, а потому его это не особо заботило. Поостынет — сама поймет.

Это утро ничем не отличалось от большинства предыдущих. Бертон еще со времен службы в полиции выработал привычку вставать рано. Будучи обычным следователем, на него тоже распространялся закон о комендантском часе, что особенно чувствовалось зимой, когда день намного короче ночи, из-за чего ему до самого восхода солнца приходилось сидеть дома, придумывая, чем бы еще таким убить время, а возвращаться до его захода. Да, Бертон любил свою работу, а когда его с позором выгнали, он пил целых два дня. Личный рекорд запоя.

После потери должности полицейского, его новая работа позволяла ему иметь свободный

график, и утро он тратил на прогулки на свежем воздухе, когда машин почти не было, но даже выходя на улицу в первую же минуту окончания запретного времени, он мог встретить людей, которые явно вышли немного раньше него. Вот и этим утром случилось так же. Покормив своего черного кота, он вышел прогуляться по одной из улочек, намереваясь на обратном пути зайти в магазин, который еще не успел открыться, и тут вдруг заметил впереди трех стоящих человек, склонившихся над чем-то. Подойдя ближе, он увидел то, чего не видел уже года три, — всамделишный человеческий труп.

Это оказался настоящий гигант, какими в кино часто изображают викингов, но только вместо плотной одежды из меха, топора в руках и шлема на голове, на нем были черные одежды, которые Бертон ни разу не видел на людях, гуляющих по городу, а еще перчатки с острыми железными шипами на костяшках, заменяющих кастет, и которыми можно убить, если знать, куда бить. Бертон подумал, что такой громила мог убить, даже не целясь в жизненно важные точки и без перчаток.

А еще лицо трупа было сильно разбито в кровь. Перчатки тоже были запачканы. Частный детектив не мог представить, кто бы мог завалить такого бугая, да еще, судя по всему, без огнестрельного оружия, так как он не увидел на одежде каких-либо входных отверстий, да и лужи крови под ним не наблюдалось.

Однако удивительней являлся тот факт, что, несмотря на кровавые перчатки с шипами, следов его противника поблизости не было. Кто мог бы уйти на своих двоих, получив пару ударов такими кулачищами? Хотя, возможно, нападавших было много, и оставшиеся на ногах утащили раненых, если не убитых. Но кому вообще в голову могло прийти напасть на человека, чей рост не менее двух метров, а наружность могла отпугнуть даже самых видальих преступников? И когда? Ночью? Что он вообще здесь делал? Что здесь делали нападающие? А может, это он был нападающим? Как много вопросов.

Вдруг Бертон понял, что его кто-то схватил за руку и потянул, он хотел было вывернуться, но тут увидел, что это полицейский, а вокруг уже полно народу, в том числе и подоспевшие, как черти из табакерки, журналисты с камерами (не часто в городе случаются убийства, да еще такие жестокие), которых тоже пытались отеснить от места происшествия. Полицейского Бертон не узнал. Наверно, новенький, подумал он.

Вдруг на него нахлынули чувства. Я не полицейский! Прошло уже больше десяти месяцев, а он все никак не мог свыкнуться с мыслью, что по утрам не нужно никуда бежать, разбирать бумажные завалы и расследовать мелкие дела. Но привычки никуда не делись. Вот и теперь он, стоя перед телом, которое накрывали покрывалом, задается вопросами, которыми задавался бы, будь он стражем порядка, а не гражданским, которому настоятельно рекомендуют отойти от места преступления и не путаться под ногами.

Бертон оглянулся, всматриваясь в лица зевак, собравшихся поглядеть на бесплатное кровавое шоу, как делал это каждый раз, выезжая на подобные вызовы. Говорят, преступник любит возвращаться на место преступления и оценивать реакцию публики. По собственному опыту Леброн знал, что так делают либо маньяки, либо идиоты.

Все лица казались однообразными и серыми, словно вырезанными из одного трафарета, но одно все же выделялось. Этот человек был примерно одного роста с Бертоном и, пожалуй, немного помладше, тоже являлся брюнетом, только волосы темнее и бриты под «ежик». А еще он выглядел намного крепче частного детектива, однако, по его собственному мнению, это компенсировалось отсутствием какого-либо намека на бороду и усы, тогда как сам Бертон предпочитал легкую небритость. Стоял он нахмурившись, словно чем-то недоволен. Этот человек привычен к видам окровавленных тел.

Леброн начал наблюдать за ним. Человек вначале выглядел неоднозначно и едва заметно

нервничал, но когда один из несущих тело чуть не уронил носилки, от чего рука трупа выскользнула из-под покрывала, выставляя напоказ его необычную перчатку, он вдруг весь напрягся, словно что-то заметил, затем развернулся и быстрым шагом начал удаляться. Бертон, чуть подождав, чтобы не вызвать подозрений, направился следом.

Он узнал здание, в котором жил этот человек, однако дальше решил пока не рисковать. Вернувшись домой, что находился ближе к месту преступления, забыв по пути забежать в магазин, он первым делом зашел в интернет.

— Где же я об этом читал?

Он вбил в поиск «люди в черном», но немного подумав, изменил ключевые слова на «люди», «ночь» и «черная одежда», а затем дописал еще в строчку «оружие».

Поиск выдал ему миллионы результатов, большая часть которых вела на сайты скачивания и онлайн просмотра различных фильмов, а также игры, комиксы и даже магазин одежды. Но все оказалось не так плохо. Просмотрев несколько десятков бесполезных сайтов, он наткнулся на старый форум, на который уже почти никто не заходил и где рассказывали про городские легенды. И он начал читать.

«Короче, прикиньте, проснулся сегодня ночью отлить, че-то выглянул в окно с седьмого этажа, а там мужик какой-то идет, а в руке у него настоящий тесак! Я пока за телефоном бегал, его уже и след простыл. Никто ничего не знает?»

«Я тоже видела подобного чувака. Только у него на поясе висел меч, какой там у рыцарей бывает. Только он весь в черном был».

«Я иногда допоздна не сплю и иногда слышу на улице странные звуки, словно кто-то дерется. Но ничего такого не видел. Мама говорит, что это или кошки, хотя я их у нас уже сто лет не видел, как и собак, или хулиганы».

«Зырьте, че нашел. Это откуда-то из Европы, хрен знает». К этой записи прилагалось видео, которое Бертон тут же включил.

Ночь. По улице с каменными домами идет какой-то человек, которого в темноте почти не видно, да и качество съемки оставляло желать лучшего. На нем черный плащ, а лицо закрыто маской. Вот из-за угла дома выходит еще один человек, в руке у него какой-то длинный предмет, который вроде как даже блестит, словно сталь. Он что-то говорит первому и тот тоже что-то вытаскивает из-под одежды обеими руками, после чего они оба бегут в подворотню, где и исчезают. На этом видео обрывается.

Не густо, подумал Бертон. Это могло быть чем угодно, да и время съемок видео неизвестно, может, его вообще сняли до Великой Катастрофы. Хотя, что это меняет? Да и не было у того здоровяка, как он видел, ни ножа, ни меча, ни любого другого холодного оружия. Только перчатки с железными шипами.

Вдруг Леброн в голову пришла неожиданная мысль. Подпольные бои! Точнее, не подпольные, а... ночные. Ночью действует комендантский час, а значит, нет лишних свидетелей. Люди с оружием ближнего боя выходят на улицы и устраивают смертельный турнир. Это бы многое объяснило. Значит, тела других убитых могли все это время убирать с улиц организаторы и никто бы ничего не заподозрил. Но почему они не убрали того здоровяка? Что-то пошло не так? Может, до этого никто не умирал? Мало верится.

Бертон начал читать дальше и даже наткнулся на еще несколько видео подобного содержания. Что же это такое? Подпольные бои без правил? Но даже будучи полицейским, он ни о чем подобном даже не подозревал. Хотя нет, кое-что было. Ведь он же слышал о чем-то, что происходит ночью, из-за чего ввели комендантский час. Но это не могут быть бои. Полиция бы знала. Только если полицейские начальники сами не замешаны. Но ведь комендантский час действует почти по всему миру. Есть кто-то настолько влиятельный?..

Леброн Бертон с силой захлопнул крышку ноутбуку, потер виски и глубоко вздохнул.

— Ух, куда-то меня не туда понесло. Сейчас еще до иллюминатов и масонов додумаюсь. Тайное мировое правительство рубит бабло на тотализаторах, устраивая ночные сражения на улицах городов всего мира, ага. Кому рассказать, тут же в психушку сдадут.

Перекусив легким завтраком с черным кофе, он вернулся к ноутбуку и продолжил читать, но уже не с таким энтузиазмом.

Когда он закончил свои поиски и отложил компьютер, как раз пришло время ужина, а он ничего не готовил на вечер, да и кота забыл покормить. Заказав китайской еды, а заодно и пиццы на потом, он уселся на диван-кровать, пытаясь переварить события сегодняшнего утра и его дальнейших поисков истины в интернете. Где-где, а там ее крайне мало. Чтобы мысли не разбредались, он решил высказывать их вслух, благо рядом на диване вальяжно развалился его кот, которого он завел после увольнения, так что его разговор с самим собой со стороны должен был показаться не таким уже и сумасшедшим.

— Итак, — начал он, словно обращаясь к животному, — что мы имеем? По ночам на улицах появляются странные люди в черных одеждах и с необычным оружием. Судя по всему, такое происходит по всему миру. Еще у нас есть труп довольно грозного на вид человека с шипастой перчаткой, которого забили до смерти. Эм... Все, что ли? Я думал, будет побольше информации. — Бертон задумался. — А, точно! Тот человек спортивного телосложения. Вероятно, он как-то к этому причастен. Вот теперь точно все.

Кот, словно дожидаясь окончания монолога, поднялся, спрыгнул с дивана и ушел восвояси. — Согласен, — сказал Бертон в след уходящей животине, — не густо.

И все это он узнал как-то слишком быстро и просто, а ведь он лишь ввел в поисковике запрос по ключевым словам, что может сделать каждый. И если нечто необычное происходит с самого начала, получается, вот уже десять лет, неужели никто раньше не пришел к тем же выводам, что и сам Бертон? Маловероятно, только если копнувших слишком глубоко... Леброн решил слишком уж не рисковать. Дело, конечно, намечалось действительно интересным, но не настолько, чтобы из-за этого лишаться жизни.

На следующее утро он решил подремать подольше, чтобы к вечеру осталось побольше сил. Бертон решил, что в скором времени выйдет на разведку, то есть отправится на улицу ночью. Он и сам не знал, зачем ему это нужно. Ни денег, ни славы, ни благодарности за работу он не получит, а максимум, что он может поиметь, — арест за нарушение комендантского часа. Но Бертон и сам когда-то был патрульным, а потому знал изнутри, как все работает, а значит, мог оставаться незамеченным. По крайней мере, от полицейских патрулей.

Леброн никогда не мог похвастаться железным терпением, а потому отправился на улицы раньше, чем смог подстроить организм под ночной образ жизни. Из дома он вышел еще до заката и старался передвигаться по узким переулкам, куда не проедет машина, а сам Бертон может в любой момент спрятаться за мусорным баком.

Стемнело. На улицах за двадцать минут до захода солнца включились фонари, и люди, потерявшие счет времени, теперь быстрым шагом или даже легким бегом старались как можно скорее покинуть опасные улочки родного города, хотя и сами не знали, почему те опасны. Бертон тоже не знал, но все же кое-что на уме у него было, и чем больше он об этом думал, тем глупее ему казалась его догадка. Ночные бои людей в черном. Легче было поверить в кровожадных привидений.

Тьма полностью накрыла город. На улицах стало тихо, если не считать звуков редких телевизоров, доносящихся из теплых уютных квартир, когда как снаружи заметно похолодало, но пока еще не до дрожи. Бертон начал даже задумываться о неразумности своего поступка. Ночью в темных переулках поджидать странных людей, которые не боятся носить в открытую

оружие.

И зачем я вообще в это ввязался? Как бы не было странно, но этот вопрос только сейчас возник у него в голове.

— Дурья моя башка, — прошептал он вслух. — И чего мне дома не сиделось? Потянуло на приключения, видите ли. Как бы завтра утром меня здесь самого не нашли.

У Бертона, конечно, был пистолет, но он им не пользовался уже очень давно, да и воспользоваться им он мог попросту не успеть.

— Я же не сова какая-нибудь, в темноте не вижу. Кто-нибудь примет меня за одного из бойцов, подойдет сзади да полоснет ножичком по горлу. — От этой мысли он вздрогнул, как от холода, внезапно проникшего под легкое пальто, и обернулся, но увидел лишь тьму. Да, он боялся, но отступить было не в его правилах. Только если совсем прижмет.

Он услышал, как по улице едет машина и так быстро нырнул за пакеты с мусором, что поскользнулся на какой-то воде и рухнул на задницу, пачкая пальто. Дождя не было уже пару дней, и Бертону не очень понравилась мысль, что это могла быть совсем не дождевая вода. Мимо проехала патрульная машина, осветив переулок, где прятался несчастный частный детектив, прожектором, но, ничего необычного не заметив, поехала дальше.

Леброн встал и отряхнул одежду, но добился лишь того, что запачкал еще и руки. Ему потребовалась вся сила духа, чтобы его ругательства не услышал весь квартал. Подавив в себе последние очаги гнева, он направился дальше, всматриваясь в темноту.

Прошел еще примерно час, когда Бертон устал так, что чуть с ног не валился. А ведь прошлой ночью он не спал до более позднего времени. Наверно, в этом и дело, подумал он. Развернувшись, чтобы тем же путем вернуться домой, он вдруг услышал шаги. Частный детектив чуть не подпрыгнул от неожиданности и возбуждения. Наконец-то!

Бертон спрятался за очередной грудой мусора в самой гуще тени, когда человек прошел мимо, и детектив сразу же его узнал, хоть и было темно. Это оказался тот же черноволосый мужчина. Только теперь на нем оказалась одежда, похожая на ту, что он наблюдал на видео в интернете. Бертон сумел рассмотреть лишь черный плащ и нечто продолговатое, висящее у того за спиной. Меч!

Когда человек прошел, Леброн, как можно тише встав и подойдя к углу дома, где стоял неработающий фонарь, посмотрел вслед уходящему. Теперь он точно мог сказать, что оружие оказалось самой настоящей самурайской катаной, которую он видел лишь по телевизору.

Бертон провожал его взглядом, но тут человек вдруг остановился и потянулся за мечом. «Неужели он меня заметил? Да не может быть, тут же темно, как в могиле». Вытянув катану и встав в стойку, он спокойно сказал: «Выходи». Детектив уже было начал подниматься с корточек, как заметил, что его опередили.

Из подворотни вышла тень. Это оказался человек не особо высокого роста в длинном пальто и в широкополой шляпе, за которой он прятал лицо, хотя в темноте и так было невозможно его разглядеть.

— Кто ты? — спросил первый, в плаще и с мечом.

— Позволь сначала мне кое-что у тебя спросить, — отозвался второй. Голос его звучал шершаво и тихо, словно ему трудно говорить, из-за чего Бертон с едва слышал его слова. Не дожидаясь ответной реплики, человек в пальто продолжил:

— Тебе нравится мир, в котором ты живешь? — спросил он.

— Что за вопрос такой?

— Простой вопрос. Многие довольны этим миром, видя его лишь со стороны, словно на картинке, но еще больше людей видят его истинную сущность, считают его прогнившим и заслуживающим изменения, пусть даже насильно.

— Ты Охотник? — спросил человек с мечом после короткой паузы.

«Охотник? — не понял Бертон. — Про каких охотников он спрашивает? Может, подпольные бои заключаются в разделении людей на охотников и добычу, где первые охотятся на вторых? Тогда добычей становятся добровольно или они похищают людей? Каждый год по всему миру бесследно пропадают миллионы человек, и иногда их тела находят где-нибудь в лесу под двухметровых слоем земли, но чаще не находят вовсе. Неужели это как-то связано? Опять вопросы и никаких ответов».

— Охотник? Ну, если ты имеешь в виду таких людей, как ты, то да. Но если ты о принадлежности к организации, то, боюсь, тут я должен тебя разочаровать.

«Теперь еще и организация. Эти пять минут дали мне больше пищи для размышлений, чем все те часы, проведенные в интернете».

— Значит, ты сам по себе? И что же тебе нужно?

— Все очень просто: я хочу, чтобы ты присоединился ко мне. Вместе мы изменим мир, сделаем его лучше.

— И в чем же заключается его улучшение? — насмешливо поинтересовался человек в плаще. Судя по всему, он не воспринимал стоящего перед ним со всей серьезностью. Встреть Бертон такого один на один в такой ситуации, он бы давно наставил на него пистолет со снятым предохранителем. В Леброне странным образом сочеталась безрассудная смелость и несколько боязливая настороженность. Иногда он неожиданно даже для себя рисковал почем зря, а через секунду уже горько об этом жалел.

— Ты все узнаешь, если пойдешь со мной. Ты сильный, я это узнал после той ночи, поэтому и даю тебе шанс стать одним из нас.

— Той ночи? — Человек в плаще насторожился еще сильнее и поднял доселе медленно опускающийся к земле меч. — Ты о резне? Это ты устроил? И ты... убил Майлза?

— Мне не нужны слабаки, — слегка чванливо ответил человек в шляпе. — Я предложил ему то же, что предлагаю тебе, в надежде, что за сильным лидером пойдут и остальные, но он отказался. Я не мог позволить, чтобы он разболтал о нашей встрече. А потом я просто устроил естественный отбор, чтобы выявить сильнейших. В этом мире слабакам и глупцам не выжить. Чью сторону примешь ты?

— Ты убил всех этих людей, моих друзей, напустив на них Теней, а теперь предлагаешь мне присоединиться к тебе? Я лучше буду на стороне слабаков и трусов, чем на стороне сумасшедшего убийцы, прячущегося за маской!

— Это твой окончательный ответ?

— Да.

Из-за шляпы Бертон не видел, но у человека в пальто за спиной оказался точно такой же японский меч, как и у человека в плаще, и он умело его высвободил с характерным звенящим звуком. Клинок сверкнул в свете далекого фонаря.

— Мне жаль, что ты выбрал не ту сторону и теперь умрешь.

— Себя пожалей.

Человек в плаще поднял меч над головой и опустил его так быстро, что Бертон едва смог разглядеть, однако человек в шляпе легко парировал и провел контрудар, настолько стремительный, что противник едва отпрыгнул, и лезвие лишь разрезало край плаща. Следующий выпад не заставил человека в шляпе врасплох и вот, после очередного контрудара, черноволосый парень схватился за правое плечо.

«Как они вообще могут так драться в крошечной темноте? — промелькнуло у частного детектива. — Я вообще едва вижу, что у меня перед глазами, а они сражаются на мечах, словно средневековые воины, а вокруг солнечный полдень. Невероятно!» Бертон был одновременно в

ужасе и восторге от происходящего, но все же надеялся, что до смертоубийства не дойдет. Он очень хотел заснять все на телефон, но в такой темноте даже малейший свет экрана привлечет внимание, и кто знает, может, они решат, что убить свидетеля важнее, чем сражаться между собой. Возможно, кто-то из жильцов домов услышит на улице шум, заснимет из окна происходящее и выложит в интернет, а то и вовсе полицию вызовет.

Мечники продолжали сражаться, словно находясь не в центре города, а посреди поля боя. Тот, что в шляпе и пальто, несмотря на комплекцию, явно выигрывал. Человек в плаще, было слышно, тяжело дышал и уже прихрамывал на правую ногу. Бертон пропустил, когда его вновь ранили.

— Что, не привык сражаться с другими Охотниками? — заметил человек в шляпе. Голос его был ровнее, чем у второго, но все такой же шершавый и приглушенный.

— Зачем ты все это делаешь?

— Миру пришло время измениться. Людям пришло время измениться. Вы, Тенеловы, заняты тем, что истребляете Теней, но это бессмысленно. На каждую убитую приходится две новые, вылезшие из Дыры.

— А, по-моему, Теней со временем становится меньше. Человек в шляпе громко фыркнул.

— Просто они учатся. Очень быстро учатся. И скоро все в этом убедятся. Только не ты.

На этот раз он первым сделал выпад. Сила удара оказалась таковой, что второго буквально отбросило, но тот удержался на ногах и с ревом бросился на противника, держа меч перед собой. Человек в шляпе ловко отразил удар, звякнув металлом о металл, и, сделав оборот, плашмя ударил катаной по спине человека в плаще, от чего тот вскрикнул, не удержал равновесия и рухнул на землю, тяжело охнув, однако меч из рук не выпустил.

— Если бы я хотел, ты бы уже лежал бездыханным.

— У тебя... ужасные методы... привлечения сторонников, — сказал человек в плаще, пытаясь отдышаться, лежа на холодном асфальте.

— Я убью тебя, — спокойно сказал человек в пальто, — а затем я убью всех остальных, с кем ты работаешь и с кем дружишь. Но также я могу оставить тебе жизнь, а ты спасешь жизнь всем остальным, кого привлечешь на мою сторону.

Человек в плаще медленно поднялся на ноги, опираясь на меч, и, выпрямившись, ответил:

— Мы защищаем людей, — сказал он. — Это опасно для жизни, знаешь ли, но мы сами выбрали этот путь, поэтому никого из нас ты не сможешь запугать и переманить на свою сторону, тем более после того, что сотворил, поэтому не позорься.

— Ты ошибаешься, Джонни. Некоторые разделяют мои взгляды и примыкают ко мне. Я не один.

Бертон не видел, но человек, который теперь получил имя — Джон, — несомненно изменился в лице. Он распрямылся, глубоко вздохнул и, снова встав в стойку, молниеносно атаковал противника из последних сил. Человек в шляпе остановил меч своим, при этом держа его лишь одной рукой, а второй же несколько раз с силой ударил человека в плаще в живот кулаком. Джон, выронив меч, упал на землю, свернувшись всем телом и хватая ртом далекий воздух.

Нарочито медленно подняв меч противника, человек в шляпе вернул свой обратно в ножны на спине, потом встал над черноволосым и молча занес его же катану над головой, чтобы обрушить сверху и пронзить. Бертон, будучи бывшим полицейским, да и вообще добряком, как он считал, не мог позволить свершиться убийству у него на глазах. Он выскочил из-за укрытия.

— Стой! — крикнул он, вытаскивая пистолет. — Брось оружие!

— А я уж думал, ты будешь пайнкой и не станешь вмешиваться, — сказал человек в шляпе, даже не обернувшись.

«Он заметил меня? Невозможно!»

— Брось оружие!

Бертон успел выстрелить раньше, чем человек в пальто с силой опустил меч. Вспышка после темноты ослепила его, заставив зажмуриться, а когда он открыл глаза, человек в шляпе уже несся на него с мечом. «Промазал! Разве?» Бертон был готов поклясться, что у человека, который бежал на него, не оказалось лица, хотя это могло показаться из-за мерцающих перед глазами точек, огоньков и искр.

Не целясь, Леброн сделал еще один выстрел, надеясь не почувствовать в ту же секунду у себя в груди холодную сталь клинка. Его надежды оправдались, но вместо пронзающего плоть острия он все же кое-что почувствовал — сильный удар, выбивший у него из легких весь воздух. Пистолет вылетел из рук, но и меч человека без лица со звоном отлетел в сторону.

Человек в шляпе тут же вскочил и побежал, затем Бертон услышал два выстрела, но стрелял точно не он, а судя по звуку выстрелов, это был не его пистолет. Когда он встал, то не увидел человека в шляпе, а Джон убирал свой пистолет в кобуру. Перед Леброном лежало его оружие, которое он сразу же поднял, чуть дальше валялся уничтоженный меч, разломанный пополам близ рукояти.

Джон встал и, продолжая прихрамывать, но при этом почему-то держа спину очень прямо, протопал к своему сломанному оружию. Сердито зыркнув на Бертон, он молча подобрал части меча и как есть вернул в ножны, после чего развернулся и, ничего не говоря, пошел к переулку между домами на другой стороне улицы. — Стой, — крикнул ему Бертон, поднимаясь с земли. — Что это вообще было? Кто вы такие?

— Это тебя не касается, — ответил Джон, продолжая путь.

— Я спас тебе жизнь.

— А я тебе, так что мы квиты.

Бертон не знал, что еще такого сказать, чтобы удержать человека в плаще и выяснить у него, кто он такой и почему они с человеком в шляпе подрались. Он, конечно, мог бы наставить на него пистолет, но после произошедшего это не казалось ему хорошей идеей.

— Я знаю, где ты живешь! — вырвалось у него, когда Джон уже заворачивал за угол. Он остановился и обернулся.

— Я знаю, — ответил человек в плаще, Джон, спокойным голосом, однако в нем слышалась сталь. — И если ты продолжишь за мной следить, в следующий раз я не стану тебя спасать.

Бертон решил не рисковать и предпочел дожидаться приезда полиции. Взглянув на часы, он только сейчас заметил, что они разбились. Несмотря на перестрелку, приехала всего одна патрульная машина, да и та не так скоро, как он ждал. Одного из сидящих в машине частный детектив знал еще будучи копом, хотя и не общался с ним особо тесно.

— Бертон, это ты? — удивился полицейский, узнав бывшего коллегу.

— Пол, почему вас только двое? И почему вы так долго ехали?

Пол с напарником переглянулись.

— У нас приказ такой. Ночью особо не высовываться и на уличные вызовы не спешить.

— Почему? — удивился Леброн.

— А нам почем знать? Мы лишь исполняем приказы. Ты лучше скажи, никто не убит, не ранен?

— Ну, у меня пара ушибов, а... нападавшие скрылись.

— Давай так решим: ты никому ничего не говоришь и не пишешь заявления, а мы просто отвезем тебя домой и не станем обвинять в нарушении комендантского часа. Сам понимаешь, нам все эти бумаги заполнять одна морока, а того, кто на тебя напал, все равно шансов найти

почти никаких.

Бертон на секунду задумался, но все же согласился. И действительно, кого искать? Того человека без лица или этого Джона, с которым они спасли друг другу жизни? Да он вроде и не преступник, наоборот, это он защищался от нападения, а если попытаться привлечь его в качестве свидетеля, то завтра его вообще может не оказаться в том доме, где он должен бы жить, но Бертон-то никуда не денется, так что все шишки достанутся ему.

В машине Пол задал лишь пару вопросов, но только чтобы просто как-то развеять тишину: спросил, как он вообще оказался на улице в два часа ночи так далеко от дома, и кто стрелял. Леброн ответил, что ему просто не спалось, и он решил прогуляться, надеясь, что его никто не увидит, а про стрельбу сказал, что лишь пытался напугать пару человек бандитского вида, которые показались из темного переулка. Ответы не ахти, но Пола это особо и не волновало.

Довезя Бертон до дома, полицейские предупредили, чтобы он больше не высовывался ночью из дома, но он понимал, что это не по причине волнения за него, а потому, что из-за его проделок им снова придется выезжать на место, и от бумажной рутины им уже будет не отвертеться, если в следующий раз они обнаружат труп.

В квартире было тепло. Кот спал на диване и как будто даже не заметил отсутствия хозяина.

— Если бы меня там убили, он бы даже и не вспомнил о моем существовании, пока не закончилась бы еда в миске, — хмыкнул частный детектив.

Бертон хотел принять перед сном душ, а потом подумать над всем произошедшим, дополнив свои домыслы новыми фактами, но не успел снять короткое пальто и запачканные невесть в чем штаны, как на него навалилась такая усталость, что он едва добрался до дивана, который не было сил раскладывать, благо постельное белье лежало свернутым на краю, и Леброн, кое-как побросав все на софу, спугнув кота, завалился спать, оставив размышления себе из будущего.

Глава 5: Последствия

Глава 5: Последствия

Джон чувствовал, что у него сломано несколько ребер, не считая ранения в плечо и ногу, а также разошедшихся швов на спине, хотя его больше заботил расколотый надвое меч, который он так бережно лелеял долгие годы. Будь он в идеальном состоянии, то не сломался бы от попадания одной пули.

Хромая и стискивая от боли челюсти, он шел и надеялся, что больше из тьмы в эту ночь никто, как черт из табакерки, не выпрыгнет. Но черт его надежд не оправдал, хотя и появился он не из черного проема между домов, а из куда более темных закутков его сознания.

— *Из огня да в полымя, да? Не успел оправиться от одних ран, как получил новые.*

— Заткнись. Если бы не твои нашептывания...

— *Ну, правильно, давай во всем галлюцинации винить. Я лишь часть твоего разума, которую ты не обязан слушать. Ты сам решил выйти.*

— Заткнись.

— *А тот мужик был страшным, — не унимался Мефисто. — Жуткий голос, жуткая одежда, и эти бинты на лице. А как он силен, орудовал мечом, точно это продолжение его руки. А ведь он прав был, сказав, что ты не привык сражаться с другими Охотниками, а тем более, если у тех похожее оружие. Как думаешь, если бы ты был в своей лучшей форме, смог бы ты ему что-нибудь противопоставить?*

И опять Мефистофель, как бы Джон этого не отрицал, говорил верные вещи и задавал вопросы, которые должны были быть заданы, пусть даже и риторически. Тот человек с бинтами на лице владел мечом лучше, чем кто-либо, кого Джон знал, а если учесть, что тот не врал и действительно лично убил Майлза в рукопашном бою, то такой противник ему не по плечу. По крайней мере, если он сам будет один.

Тот парень, что сначала прятался среди мусорных мешков, а потом следил за их боем, попал в него, пусть даже и рикошетом от меча, но тот этого как будто не заметил, а остановил его лишь брошенный Джоном нож, вонзившись человеку в шляпе в ногу, отчего тот и упал. Но даже после этого он довольно бодро смог сбежать, пока Джон доставал непривычный для себя пистолет, и выстрелы так и не достигли цели.

Вспомнив о мече, который ныне бесполезным хламом покоился у него за плечами, между лопатками засвербило, хотя, возможно, это отголоски сломанных ребер, порезанных руки и ноги, порванных швов, а также из-за других мелких ушибов. Несмотря на все это, Джон шел именно домой, а не обратно в бар, где Бобби мог его подлатать.

Он сам не знал, что собирался делать после того, как доберется, но войдя в квартиру, ответ сам его нашел. Домашний телефон разрывался от звонка, а кнопка голосовых сообщений мигала красным.

Джон снял трубку.

— Джон, это ты?! — Это был взволнованный голос Бобби.

— А кто еще может снять трубку у меня дома?

— Почему ты ушел? Я тут весь испереживался. Спускаюсь, а внизу никого, мог хотя бы предупредить.

— Мне просто стало скучно, и я думал, вы спите.

— Да какой там, наши биологические часы так громко тикали, что никто и глаз не сомкнул, вот мы и решили, что лучше надраться, чем бессонно валяться до утра, словно дети в

кемпинге. А что у тебя с голосом?

Джон и не заметил, что его голос из-за сломанных ребер слегка изменился, плюс прибавилась одышка и нечто неуловимое, отражающее его боль по поводу сломанного меча, которая донимала чуть ли не больше физической.

— Да так, подрался тут с одним, ну он мне и накостилял.

Бобби выругался, но отчитывать нерадивого Охотника не стал, хотя Джон тут же понял, что тот решил это сделать при личной встрече:

— Так, сиди дома, я сейчас буду.

— Нарушаешь собственные предписания? — ухмыльнулся Джон, и это отдалось в ребра, заставив его скорчиться. Теперь, когда волшебный адреналин улетучился, организму начали чувствоваться все болезненные ощущения сторицей. От Бобби это явно не ускользнуло, но он снова промолчал.

— Мое предписание касается одиночных прогулок, а нас тут четверо. Все, хватит балаболить, мы выдвигаемся.

Когда Бобби бросил трубку, Джон прослушал голосовое сообщение, которое также оказалось от бармена с просьбой перезвонить. Кое-как сняв верхнюю одежду, Джон доковылял до ванной комнаты и задрал майку: весь левый бок представлял собой синюшно-фиолетовое пятно. Сломано не менее трех нижних ребер. Порез на руке не сильный и уже не кровоточил, а вот нога оказалась ранена довольно серьезно, и каждый шаг отдавался острой болью. Только взглянув в зеркало, Джон понял, что и с лицом у него не все в порядке: когда он падал после ударов по ребрам, асфальт добродушно подставил ему свое дружеское шершавое покрытие, оставив на физиономии у виска красноватый потертый след. Спина же вообще представляла из себя картину абстракциониста, у которого в самый разгар работы фонтаном забила кровь из артерии на шее. Всю пахнущую медью красную краску он кое-как смыл теплой водой, а ногу наскоро перевязал найденным в аптечке старым бинтом.

Зайдя на кухню, Джон налил себе обезболивающего безо льда и один за другим вылил в себя два стакана. Налив третий, побольше, он вернулся в комнату и осторожно уселся на диван. Бобби с компанией так его и застали, когда ворвались к нему минут через пятнадцать.

— А он сидит и пьет, — с порога забубнил Бобби. — Этим же ты мог заниматься и у меня в баре.

— Ну, знаешь, как говорят: в гостях хорошо...

— А на улице и по морде отхватить можно. Помолчи лучше.

Достав из принесенной переносной аптечке размером с чемодан все необходимое, Бобби сначала продезинфицировал ссадину на лице пропитанной спиртом или чем-то таким же пахнущим ваткой, потом неведомо чем обильно попшикал на порез на руке, снова что-то пробубнив, что Джон таки додумался промыть раны, хотя можно было и потщательней. Заметив, наконец, обмотанный на ноге бинт, уже пропитавшийся кровью, капающей на пол, он промолчал, но во взгляде читалось больше, чем можно выразить словами.

Закончив, Бобби спросил:

— Ничего больше не болит?

— Только спина и сломанные ребра.

Бармен несколько раз глубоко вдохнул и с силой выдохнул, стараясь успокоиться.

— И почему ты сразу не сказал, что у тебя ребра сломаны?

— Ты сам сказал мне помолчать.

Налив себе принесенного (без спроса) остальными Охотниками виски, Бобби залпом выпил стакан не менее профессионально, как несколько минут назад это сделал и сам Джон, после чего взялся сначала за кровоточащую спину, а затем и за ребра. Все это время остальные просто

пили так, словно в баре уже все закончилось, иногда подтрунивая над Джоном.

— Так вот, где ты живешь, — заметил Крис, ковыряясь под ногтями кинжалом с волнистым клинком.

— Как видишь, — ответил Джон.

— Неплохо, но нахватает... — он развел руками, пытаясь подобрать слово, — изыска.

Джон не успел найти, чем ему ответить, как в диалог вмешались:

— И за каким хером ты вылез на улицу, когда тебе сказано было сидеть и не рыпаться? — осведомилась Мари. Ей явно было не по душе вылезать из теплого бара и переться не пойми куда и не пойми зачем. Любому, если это не Бобби, кто предложил бы ей такое, она пригрозила бы проклятьем.

— Ребята, успокойтесь, — вмешался Кролик. — Синигами досталось, давайте его поддержим, а не станем винить. Не он нас сюда притащил.

Бобби опять глубоко вздохнул, но ничего не сказал. Кролик не отличался храбростью, потому и получил такое прозвище, но несмотря на это, его слова часто граничили с вызовом и даже оскорблением, однако его невинный облик никому не оставлял сомнения, что тот не имел ничего такого. Но так могли подумать лишь те, кто не знал его достаточно близко.

Когда Бобби закончил, он допил остатки виски в бутылке и вопросительно взглянул на Джона.

— В холодильнике еще есть, — неохотно ответил тот.

Все как будто снова взбодрились. Если бы не алкоголь, подумал Джон, меня бы тут живьем сожрали. Но всему есть предел терпения.

— У меня кроме виски ничего нет.

— Пустяки, — махнул рукой Крис. Намек не понят.

— Может, в баре вам будет попросторней?

Мари снова заволокла пелена надменности:

— Это что же, мы тащились сюда через полгорода тебе на выручку, а ты нас так быстро выпроваживаешь?

Через полгорода. Это более чем преувеличение.

— Как сказал Кролик, я вас не звал, Бобби сам решил прийти и прихватить с собой заодно и телохранителей. Вы вылакали целую бутылку виски, оставьте и мне что-нибудь.

— Да бутылка-то и так наполовину пустая была, — заметил Крис, снова махнув рукой, отчего Мари и Кролику пришлось уворачиваться от его кинжала.

— Ты просто пессимист, — ответил Джон.

Пока они спорили, Бобби уже сам сходил на кухню и принес новую порцию, прихватив заодно и стаканы, а то только один он использовал стакан Джона, остальные же пускали бутылку по кругу и пили из горлышка, как какие-нибудь заправские алкаши.

— Никуда мы не уйдем, — сказал Бобби, разливая алкоголь. — Ночь еще не кончилась, а у тебя, кажется, есть что нам рассказать. Это будет достойная плата за нашу помощь. Не забывай, что я тебя больше двух дней бесплатно выхаживал, пока ты валялся в постели, а теперь мне снова придется тебе спину штопать, чтобы шрамы остались не такими страшными.

Джону нечем было возразить. Налив себе побольше, он рассказал обо всем, что произошло, однако в своей сумбурной и краткословесной манере, из-за чего некоторые довольно важные детали остались просто не у дел.

***

Леброн Бертон никогда не считался храбрецом. Даже будучи полицейским, он старался не лезть на рожон, ажно если дело касалось такого не опасного для жизни дела, как взятки. Лишь

единожды он решил всем рискнуть и с треском и позором прогорел, как прогорают свечи, решившие, что могут светить ярче факела. Теперь он частный детектив, бледная тень себя того, каким он был со значком детектива полицейского. Но, даже потеряв призвание, он не перестал желать пылать, пусть даже и не так ярко, как ему хотелось.

Несмотря на активную ночь, проснулся он еще до восхода солнца из-за холода, обуявшего его. Весь дрожа, он нашел в гардеробе одежду потеплей, принял горячий душ, стараясь разогреть застывшие кости, и укутался в свитер. Приготовив себе легкий завтрак, вернулся к дивану и начал обдумывать все произошедшее прошлой ночью. Несмотря на отсутствие кота, думал он вслух:

— Нет, я, конечно, желал встретить людей в черном, но ввязываться в их разборки в мои планы не входило. Если бы пуля не угодила в меч, расколов его пополам, сейчас бы это я был разрезан надвое.

Словно услышав бормотание хозяина и заинтересовавшись, из гостиной, переоборудованной под офис, прибежал кот, тут же запрыгнув на диван, но вместо того, чтобы улечься, он сел, словно чего-то ожидая. Леброн обычно кормит кота лишь специальным полезным кормом, но иногда ему становится трудно удержаться и не поделиться с питомцем какими-нибудь вкусняшками. С аппетитом проглотив полоску бекона, животное все же решило улечься, словно психолог слушая того, кто ему платит, пусть даже и едой.

— А ведь мне так и не удалось с ним поговорить, — поджал губы Бертон. — Хотя с чего я взял, что он вообще решит со мной разговаривать? И как он узнал, что я за ним следил? И в темноте меж мешков мусора он меня разглядел, как и тот, в шляпе, хотя я руки свои перед собой мог разглядеть, лишь осознавая, что они передо мной.

Кот зевнул, широко раскрыв зубастую пасть, отчего Бертон с трудом удержался, чтобы не подsunуть ему в рот палец, как он любил иногда делать.

— И что это значит? — спросил он сам себя. — Либо они видят в темноте, либо... Даже не знаю. Возможно, они профессионалы, служили когда-то в каких-нибудь войсках особого назначения или вроде того, привыкли замечать незаметное. И что же их заставило начать махать мечами посреди ночной улицы?

На этот раз кот никак не отреагировал, и Бертон продолжил трапезу.

— Все же они сражаются насмерть, — снова вернулся к размышлениям детектив, проглотив последний кусок бекона с яйцом. — Если бы я не вмешался, этот Джон точно бы лишился жизни, но тогда бы и я не попал под раздачу. И если у него с самого начала был пистолет, почему он им не воспользовался?

Пистолет! Бертон вдруг осознал, что слышал два выстрела, а если полиция заниматься делами не собирается, то выпущенные пули все еще там, застрявшие где-нибудь в стене. Конечно, какие-то сплюснутые пули мало что могли сказать о их владельце, но Леброн понимал, что снова оказался в тупике. Охотники; человек в шляпе, который, судя по всему, убил того здоровяка и собирался убить человека в плаще; массовые убийства и что-то о тенях. Бертон и не услышал всего, а из того, что услышал, почти ничего не понял, но ожидая получить ответы, прошлой ночью нашел лишь новые вопросы. Пусть платы он не получит, но от настоящего дела у него в жилах забурлила застоявшаяся кровь.

Быстренько разогрев в микроволновке пиццу, частный детектив поел, даже не успев ощутить вкуса, и покормил кота. Не удосужившись сбрить уже начинающую мешать бороду, собрался и выбрался на улицу едва ли минуту спустя после официального окончания комендантского часа.

Несмотря на раннее утро, улицы оказались довольно оживленными. Бертон пытался

припомнить, какой сегодня день недели, но понял, что давно заблудился в пространстве и времени.

Дойдя до места ночного сражения, а по-другому это и не назовешь, он сразу заметил следы битвы. На асфальте в некоторых местах багровели высохшие и затертые колесами машин следы крови, некоторые довольно крупные, также кровь цепочкой шла до переулка, в котором скрылся Джон, но никто не обращал на нее никакого внимания. Припомнив место, где его сбили с ног, Бертон вдруг обнаружил кровь и там, хотя сам он ранен не был.

— Значит, это кровь того человека в шляпе, — задумчиво проговорил он вслух, почесывая бороду.

Следы вели в тот переулок, где скрылся этот странный тип. Примерно на середине прохода между домами он обнаружил небольшую лужицу крови, но больше тех пятен, что были в начале. Когда он осматривался, его взгляд зацепился за мешки у мусорных баков, на которых покоилось нечто продолговатое, продавливая полиэтилен. Подойдя ближе, он понял, что это нож с заляпанным кровью лезвием.

— Так вот почему человек в шляпе споткнулся, — вновь высказал свои мысли вслух Леброн. — А я-то полагал, это из-за моего выстрела. Джон сказал, что тоже спас меня, но я думал, он говорит о том, что стрелял в преступника, тем самым отогнав от меня. Ха, — усмехнулся он, — преступника. А этот Джон тогда кто?

Не найдя ничего поприличней, Бертон оторвал от одного из мешков кусок черного полиэтилена, завернул в него нож и аккуратно засунул во внутренний карман куртки. Он уже повернулся уходить, замутненный возбуждением от находки, но тут же вспомнил, что шел вообще-то в поисках выпущенных пуль.

Бертон обследовал каждый сантиметр стен домов в поисках необычных отверстий, что заняло у него больше часа. Люди, проходящие мимо, смотрели на него с удивлением и даже с отвращением, как на городского сумасшедшего, которому взбрело в голову вылизать все дома в районе. За это время он нашел лишь одно отверстие, похожее на дырку от пули. Леброн снова обругал себя за свою недалекость: не взял ни пакета для улик (а они у него были), ни что-нибудь, чем можно было выковырять пулю. Конечно, у него есть найденный нож, но использовать одну улику для добычи другой как-то кощунственно.

Тут Бертон осекся. Он уже десять месяцев не являлся полицейским, но продолжал размышлять, как залихватский коп. Несмотря на это, он все же не поленился сходить обратно домой и вернуться уже с небольшим молоточком и узким долотом. Откалывая от кирпича кусочек за кусочком, он очень надеялся, что никто не вызовет полицию или врачей, которые увезут его в дурдом. Он даже посмеялся, представляя, что подумают о нем доктора, когда найдут у него окровавленный нож в куске мусорного пакета и услышат его историю о произошедшем ночью, отчего стал выглядеть еще более больным наголову.

Частному детективу пришлось практически полностью раскрошить кирпич, дабы добраться до желаемого, и вот в его руке уже лежит сплюснутая пуля. Взглянув на нее повнимательней под разными углами света, он неопределенно хмыкнул и достал из внутреннего кармана нож: цвет металлов оказался идентичным, и не походил ни на один из тех, что он видел при использовании ножей и пуль.

Вернув нож на место, а пулю положив в карман штанов, Бертон решил, что вторую пулю искать бессмысленно, возможно, она вообще осталась в теле человека в шляпе, пальто и без лица. Теперь ему уже осталось навестить старых знакомых в лаборатории, чтобы те разузнали все о предметах, что он обнаружил, и о крови на одном из них.

— Если, конечно, мои старые знакомые не пошлют меня лесом и не сообщат начальству о моих находках, — подумал Леброн вслух. — Так, надо кончать болтать с самим собой на людях,

а то ведь и впрямь сочтут за чокнутого. «Ну вот, опять».

Глава 6: Живая тьма

Глава 6: Живая тьма

После Великой Мировой Катастрофы многие большие города лежали в руинах, под которыми оказались погребены миллионы жизней. Нью-Йорк не стал исключением, и, несмотря на относительную значимость города и обладание большими финансовыми возможностями, многие районы даже спустя десять лет так и лежат полуразрушенными. Да даже когда город все еще являлся тем городом, что сохранился на фотографиях туристов и в рисунках на конвертах, некоторые гетто никто не собирался превращать в цветущие районы, а теперь, после принесенной Катастрофой разрухи, такие районы стали похожи на настоящие места боевых действий.

После произошедшего правительство не спешило растрачивать средства на неблагополучные районы, уделяя все внимание центру, и местным выжившим пришлось решать свои проблемы самостоятельно. Остатки местных банд, временно забыв о своих расправах, начали потихоньку отстраиваться, действуя сообща с простыми мирными гражданами, которые, по иронии судьбы, раньше тоже боялись выходить на улицу после захода солнца, но не из-за Теней, а как раз из-за этих банд. Завалы в большинстве районов более-менее расчистили, а уцелевшие кирпичи, арматуры и бетонные блоки пошли на постройку новых домов, однако материалов было мало и вскоре кварталы заволкли более легкие в постройке деревянные строения, больше напоминающие кое-как построенные домики кумы Тыквы из книг о приключениях Чиполлино.

Местные жители, конечно, знали о некоем зле, прячущемся в сумраке ночи, а потому с заходом солнца на улицах гетто стало практически невозможно встретить людей. Однако полиция, как и правительство, просто игнорировали район, отчего туда не заезжали редкие патрули и даже не были восстановлены электросети, и жителям пришлось все также самостоятельно чинить и где-то даже заново тянуть провода, дабы освятить хотя бы свои квартиры. Естественно, что из-за подобного отношения, количество жертв Теней в этом районе превышало показатели в иных областях.

Некоторые дома переоборудовали в подобие гостиниц, где в основном жили люди, лишенные родного крова, а ныне ожидающие постройки новых домов или ремонта старых, чтобы туда переехать, но переждать это на улице, само собой, не желающие. Зачастую подобные гостиницы были изолированы от улицы лучше, чем некоторые частные дома.

Организация «Тенелов», как и полиция, тоже уделяла гетто меньше всего внимания, в основном из-за малочисленности населения и отсутствия какого-либо освящения на улицах. Конечно, в правительство периодически отправлялись запросы, касающиеся дальнейшей судьбы района, но ответы всегда были лишь формальными и не содержали конкретики.

Даже до событий кровавой бойни в таких районах Охотники предпочитали ходить как минимум по трое. А еще только они предпочитали постоянно носить с собой светошумовые гранаты и даже мощные ультрафиолетовые фонари, чтобы отпугивать Теней, чем не раз спасали себе и другим жизни. Почти каждую ночь в гетто погибали или пропадали без вести несколько человек. Первых жестоко убивали и пожирали Тени, а во вторых они вселялись. И даже неизвестно, что хуже.

Они договорились встретиться у одного из относительно уцелевших домов, в котором, правда, не осталось даже окон, потому что в первые ночи после Катастрофы пустые рамы

сжигали, но не чтобы согреться, а дабы отогнать кишасущую миазмами тьму вокруг. Самые верхние же этажи и вовсе разобрали на материалы.

Оливер пришел первым и теперь ждал друзей, поправляя лямки небольшого портфеля за спиной, в котором находилось все необходимое, чтобы весело отпраздновать семнадцатый день рождения: двухлитровая баклажка пива, которую он спер у заснувшего после пьянки отца, и не немного закуски. Остальное должны притащить друзья. Оливер не боялся превратиться в пьяницу, как его никчемный папаша, потому что, как он считал, может контролировать себя, да и вообще, его спиртное не берет, постоянные алкогольные пары в его деревянном двухкомнатном домике даровали ему иммунитет.

Первый из его друзей появился спустя пять минут.

— Давно ждешь? — спросил Гек.

— Минут пять. Где остальные?

— Не знаю. Явятся, куда денутся.

— Джо может и придет, а насчет Беки сомневаюсь, — покачал головой Оливер.

Гек засмеялся.

— Да ради тебя она не только придет, да еще и одна в этот жуткой дом гольшом забежит. — И снова рассмеялся от собственной шутки.

— Хватит уже стебаться, а то я тебя сам сейчас заставлю тут голым бегать.

— Кто это тут голым собрался бегать? — послышался голос из темноты.

— Бека! — воскликнул Гек. — Это мы так, о своем. А мы думали, ты струсишь и не придешь. И что же тебя заставило выйти из дома посреди ночи? — поинтересовался он, ухмыляясь и краем глаза наблюдая за Оливером.

— А чем я хуже вас? — с вызовом бросила Бека. — Я тоже ничего не боюсь. Кстати, Оли, с днем рождения.

Оливер в компании Беки всегда чувствовал себя немного зажато и предпочитал больше слушать, чем говорить, но, благо, алкоголь развязывал язык, а он уже успел немного накинуть, допив за отцом оставшуюся на самом дне бутылки водку, отчего его так скривило, что он боялся уже никогда не вернуть нормальное выражение лица. Друзьям, конечно, о таком знать не стоило.

— Спасибо, — ответил он, стараясь придать голосу уверенности. Оливер был очень рад, что сейчас ночь и Бека не видит его лица.

— А, точно, — встрепенулся Гек, — с днюхой. Я и забыл, — усмехнулся он.

— А зачем мы, по-твоему, здесь собрались? — Бека не очень любила Гека, который всегда был веселее, чем положено.

— Чтобы выпить, — заговорил он нарочито менторским тоном, — повод не нужен.

Бека на это лишь цокнула языком и покачала головой. К алкоголю она относилась не слишком положительно, что было еще одним фактором для Оливера, чтобы не стать алкашом.

— Да где же этот Джо? — не выдержал Гек. — Сколько нам его ждать? Может, пока в дом зайдем?

— И что там делать? Дрова должен был он притащить, так что там сейчас не лучше, чем здесь.

Джо пришлось ждать еще минут десять, пока из темноты не показалось его большое лицо и тучное тело. Джо был старше всех в компании, из-за чего старался вести себя как можно более взросло, хотя все знали, что он маменькин сынок. Из-за его пропорций никто не осмеливался говорить ему это в лицо.

— Задержался, — отдуваясь, сказал он таким тоном, будто высказал что-то умное, о чем никто не знал. — Сейчас дерево хрен найдешь, так что я пару досок от дома оторвал, авось,

никто не заметит.

Все вместе они вошли в темный дом и по лестницам без перил, которые тоже спилили на нужды, поднялись на ныне последний, восьмой этаж. Чтобы не тратить время, Оливер забрал у Джо большой старый рюкзак с дровами и отправился вперед, пока толстяк с трудом пытался переставлять ноги с лесенки на лесенку. Когда он поднялся, костер уже разгорелся, освещая лица собравшихся.

— Наливайте, — выдохнул Джо, взмахнув рукой. Никто не стал спорить.

Помимо двухлитровой бутылки пива Оливера, на полу стояли «Jack Daniels», принесенный Гекком, несколько банок слабоалкогольных энергетиков от Беки и бутылка водки, которую захватил Джо. Также на закуску были хлеб, колбаса, немного сыра и несколько помидоров с огурцами. Более чем достаточно, чтобы ночь прошла весело.

— А воды простой никто не додумался захватить? — осведомился Оливер.

— Бухло можно запивать только бухлом, — ответил Джо также назидательно, рухнув на пол массивным телом, отчего пол под ним задрожал.

Пьянка началась. Каждый предпочитал пить то, что принес с собой, хотя Оливер не отказался от предложенной Бекой банки энергетика, и теперь у него в желудке булькала смесь из водки, пива и энергетического напитка. Достаточно для того, чтобы его язык превратился в помело.

— Кстати, — заговорил он, — и почему это ночью запрещают выходить на улицу? По-моему, это лучшее время.

— Согласен, — встрепенулся Гек. — Родители говорят, что ночью опасно и люди пропадают, хотя это, скорее всего, из-за того, что они просто сваливают из этой вонючей дыры.

Мечта всех жителей гетто, и, как и большинство мечт, несбыточная. По крайней мере, для Оливера.

— А чего же и ты не свалишь, раз тебе так не нравится эта помойка? — язвительно поинтересовалась Бека.

— Я не говорил, что не нравится, но свалю при первой же возможности. Скоро.

— Это когда же?

— Сказал скоро, значит, — скоро!

Бека хотела снова что-то сказать, ослабившись, но тут их перебил Джо:

— А знаете, почему ночью опасно выходить? — вклинился он, придавая голосу нотку таинственности. Оливер решил, что Джо будет держать паузу до тех пор, пока кто-нибудь не задаст так желаемый ему вопрос:

— И почему же?

— Демоны!

У Оливера пробежали мурашки, и не от холода. Он уже не раз слышал то там, то здесь о том, что ночью по улицам бродят неизвестные сверхъестественные существа, утаскивающие людей напрямик в ад. Конечно, он понимал, что это просто сказки, но все равно, каждый раз, когда он об этом слышит, волосы у него близки к тому, чтобы встать дыбом.

— Чупакабра! — выпалил тут же Гек.

— Чего?

— Ну, я слышал, что есть такие существа, которые бегают по ночам и пьют кровь животных, типа вампиры. Их никто не видит, потому что действуют они только ночью и очень хорошо прячутся.

Бека усмехнулась:

— При чем здесь чупакабра, сосущий кровь животных, если пропадают люди?

— Я лишь говорю, что слышал.

Их снова перебил Джо, на этот раз более жестко:

— Заткнитесь! Никакие это не чукапабры. Будь это какие-нибудь животные, никто бы не стал устраивать комендантские часы, а просто бы позвали несколько профессиональных охотников, которые бы их и перебили. Тем более запретное время установлено во всем мире. Говорю вам: это демоны из преисподней.

— Откуда ты знаешь?

— Какая разница? Знаю и все.

Мать Джо являлась яркой католичкой и верила во все, во что можно было верить. Когда произошла Великая Катастрофа, она одна из первых обвинила во всем узаконенные незадолго до этого бордели, мол, Господь Бог послал кару с небес в наказание за грехи. Все это не могло не отразиться и на самом Джо, который, несмотря на потуги матери, хотя и не являлся особо набожным, кое-какие вещи признавал. А как иначе, когда живешь в мире, несколько лет назад подвергшемся мощным катаклизмам, которые никто не смог предвидеть, несмотря на передовые технологии.

— Ладно, — заговорила Бека, — продолжай.

Оливер видел, как она дрожит, и тоже явно не от холода. Он очень хотел обнять ее и сказать, чтобы она ничего не боялась, но даже обильная доза алкоголя не пробуждала в нем столько храбрости, а в дополнение ко всему, его самого пробирала мелкая дрожь, которую он изо всех сил старался сдерживать. Одни только Джо с Гекком вели себя так, словно вокруг не темная ночь, а самый солнечный день в их жизни, и они не в заброшенном мрачном здании, а в какой-нибудь людной кафешке.

— Так вот, — продолжил Джо, — я слышал, что по ночам бродят самые настоящие демоны. Когда мир потрянуло как следует, это открыло портал в ад, из которого к нам и повылазила всякая нечисть. Демоны очень голодны, так как в аду они уже сожрали все, что только можно, даже своих сородичей, а у нас на Земле пищи полно. Вы вот давно видели бездомных кошек или собак на улице?

Все отрицательно помотали головой. И действительно, животных на улице Оливер не видел несколько лет, но ни разу об этом как-то не задумывался. Теперь же, осознав это, его затрясло сильнее, из-за чего он захотел обнять Беку еще больше, но не только лишь для ее утешения, а каждый темный угол предстал перед ним, как пристанище жутких монстров. Даже Гек уже не мог оставаться спокойным, но страх он пытался заглушить юмором.

— Да кошек и собак бомжи съели, — усмехнулся он. — Вот кому точно есть нечего, а не каким-то там демонам.

— И когда в последний раз ты видел бомжей? — снова спросил Джо тем же голосом. Гек замаялся и замолчал, однако на помощь ему пришел Оливер, стараясь не выдать страха:

— Так днем они и не высовываются обычно, а бродят ночью, вот их и не видно. Или, может, после Катастрофы они заняли жилье тех, кто погиб, и теперь ничем не отличаются от остальных.

Джо в ответ лишь хмыкнул и налил себе в пластиковый стакан новую порцию водки.

— Если вокруг демоны, — заговорила наконец Бека дрожащим голосом, — может, нам не стоило вот так ночью выходить?

Джо, закусив выпитое сочным помидором, сок которого растекся у него по подбородку, громко засмеялся, чуть не подавившись.

— Вы во все это верите? — спросил он сквозь смех.

— Но ты же сам...

— А если бы я вам сказку о крокодилах в канализации поведал, вы бы на унитаз садиться боялись? Это все городские байки и не более. Демоны, хах! Да тут люди страшнее демонов. И

он снова рассмеялся.

На душе как-то сразу отлегло. Оливер даже обругал себя: уже семнадцать лет, а боюсь каких-то детских сказок. Если бы демоны действительно существовали, их бы с друзьями давно уже сцапали и утащили в ад или сожрали на месте. Тогда бы и на улице ночью было не безлюдно, несомненно нашлись бы люди, решившиеся бороться с монстрами, а Оли таких никогда не видел и даже не слышал о подобном.

Вечеринка продолжилась, и когда уже две трети всего было выпито и съедено, в одном из темных проемов вдруг послышался какой-то шум, словно на бетонный пол упал маленький камушек.

— Слышали? — встрепелась Бека, стараясь держаться поближе к сидящему рядом Оливеру, отчего тот весь напрягся. — Там кто-то есть.

— Да никого там нет, — махнул рукой Джо, отчего чуть не упал. Язык у него уже заплетался. — Ветер. Или это, — усмехнулся он и громко рыгнул, — бомжи трахаются. С чукапабрами. — Стены снова сотряс пьяный смех толстяка. — Поспорим, никто из вас не зайдет в этот темный проем.

— На что? — тут же откликнулся Гек.

— На что? — Джо огляделся в поисках чего-нибудь подходящего, но так ничего и не найдя, ответил: — А не на что. Если войдешь туда, мы признаем, что ты храбрец, прям как из геройских книжек. Всему району расскажем, какой ты бесстрашный, и предложим другим повторить подвиг. Вот смеху будет! — И он снова рассмеялся, словно репетируя.

Гек встал и глубоко вздохнул, смотря на чернеющий в стене проем. Выпитое явно пробудило в нем больше решимости, чем у Оливера и остальных.

— Гек, не надо, — пискнула Бека, но от этого у Гека только прибавилось решимости. Да что бы он струхнул на глазах у девчонки? Ни за что!

Еще раз глубоко вздохнув, он нетвердым шагом направился в темноту. Все смотрели на него, раскрыв рты и тяжело дыша, словно это они собираются совершить самый смелый поступок в своей жизни, даже Джо во все глаза наблюдал за другом, забыв о стакане с водкой, застывшем на полпути ко рту.

Шаг, потом еще, и еще один. Казалось, что сердца всех бьются в ритм поступи Гека. Остановившись на самом краю бездонной пропасти, он еще раз глубоко вздохнул, переводя дух, и в следующую секунду его поглотила тьма. Все затаили дыхание. Секунда, две, три, тишина. И вот из тени вышел Гек с улыбкой до ушей, тяжело отдуваясь, будто он раньше и сам не понимал, чего боялся.

— Видали? — рассмеялся он немного нервно. — Нет никого храбреей...

Он не успел договорить. Из тьмы у него за спиной вдруг показались две руки, словно покрытые кожей какой-то рептилии, они схватили Гека за руку и шею и рывком втянули обратно во тьму. Время, казалось, остановилось. Все тут же отрезвели, как по мановению волшебной палочки злого волшебника. Джо рефлекторно сжал руку со стаканом, смяв его и выплескивая содержимое на себя. Он вскочил даже раньше, чем Бека начала истошно вопить от ужаса.

Взлетев на ноги, Оливер подхватил под руку девушку, и они все втроем начали медленно отступать к выходу, не отрывая взгляда от черного проема и не веря тому, что видели собственным глазам, надеясь, что это была дурная шутка. Джо дышал даже тяжелее, чем когда поднимался на восьмой этаж этого здания, Бека редела, захлебываясь в слезах; одна ее рука была прижата ко рту, подавляя возгласы, а второй она сжимала руку Оливера. Сам же Оли не слышал ничего, кроме биения собственного сердца в висках с такой силой, будто оно вот-вот прорвет все вены в теле, словно ржавые трубы.

Вагные ноги едва шевелились, а пол под ногами казался топким болотом. Оливер чуть не испустил дух, когда уткнулся спиной в стену рядом с бывшим дверным проемом, он на миг отвернулся, оглядываясь на внезапную преграду, почти стоявшую ему жизни, а когда повернулся обратно, на пороге черного прямоугольника возник Гек.

Его лицо ничего не выражало, но в свете гаснущего костра оно казалось бесцветным, будто у художника внезапно закончилась вся краска, кроме белой. Глаза Гека казались пустыми, словно ничего не видели. Слева от Оливера послышался голос, который он сразу не узнал и вздрогнул:

— Гек, — хриплым голосом позвала друга Бека. Ее лицо тоже превратилось в белый холст, как и лицо Джо, стоявшего за ней. Оливер не сомневался, что ничем от них не отличается. В воздухе резко запахло мочой, однако он не мог сказать, от кого исходит этот запах, потому что сам он не чувствовал, что описался, хотя в таком состоянии он вряд ли мог ощутить, даже если бы кто-то врезал ему по лицу.

Гек вдруг дернулся, открыл рот и закричал, но то был крик не человека. Кто-то потянул Оли за руку, и он не сразу осознал, что это Бека. Дернув свободной рукой Джо за рукав куртки, она побежала вниз по лестнице, увлекая за собой и Оливера. Не так он себе представлял первую прогулку с девушкой, которую будет держать за руку.

Буквально пролетев первый лестничный марш, Оливер и Бека оглянулись и увидели, что Джо все еще стоит на месте, замерев, как истукан. Оли заметил, что запах мочи пропал. Бека попыталась окликнуть Джо, и это получилось у нее лишь с пятой или десятой попытки. Толстяк повернул к ним голову, но если он и хотел что-то сказать, то не успел.

Гек — или то, чем он стал — набросился на Джо с такой силой, что, несмотря на разницу в весе более чем в два раза, тот отлетел метра на два. Бека снова рванула Оливера за руку, и они вместе помчались вниз со всей возможной скоростью.

Оливер не знал, когда именно их руки разжались, но пробежав несколько этажей вниз, он вдруг осознал, что остался один. Остановившись, он начал озираться по сторонам, словно Бека могла оказаться где-то у него за спиной. Пересилив себя, Оли медленно пошел обратно вверх, стараясь дышать как можно тише. Пройдя два пролета, он увидел ужаснувшую его картину.

Бека лежала спиной на лестничной площадке, широко раскрыв глаза от ужаса, а сверху — он не сразу разглядел — над ней не стояло, но склонилось нечто, напоминающее сгусток тьмы. Живой сгусток тьмы. Приглядевшись, Оливер увидел, что это существо там не одно. Он хотел что-то крикнуть, но пересохший язык не желал шевелиться, а горло, казалось, сжали стальные тиски.

Существо неожиданно раскрыло своими ужасными когтистыми лапами челюсти девушки и в следующую же секунду исчезло у нее во рту. Тело Беки изогнулось и затряслось, словно от мучительных болевых спазмов, раздирающих ее изнутри. Оливер снова запаниковал и неосторожно чиркнул подошвой ботинок по голому бетонному полу, но даже этот едва уловимый звук в тишине пустого здания породил терзающий уши шум, способный поднять из могилы мертвого.

Черные существа все как один повернулись на источник звука.

Оливер бежал так, как никогда не бегал. Спотыкаясь и падая, он расшибал колени и ладони в кровь, в попытке спастись от смерти, но его преследователи оказались быстрее и проворней.

На лестничной площадке второго этажа, где не было стены, он оглянулся, что было большой ошибкой. Одно из существ накинулось на него и повалило на грязный бетонный пол, от чего разбросанные повсюду мелкие камушки впились ему в спину. Он не мог найти в себе сил даже пошевелиться, а из глаз текли реки соленых слез. От страха он был не способен хотя бы всхлипнуть или пошевелить руками, даже зная, что от этого может зависеть его жизнь.

Вот существо приблизилось, от чего в нос ударил неприятный запах, словно где-то неподалеку что-то стухло, потом втиснуло свои вонючие лапы между челюстей мальчика и растянуло их до хруста, вот оно заглянуло ему в рот и... отпрянуло. Оно отлетело назад, что-то скрипуче вопя. Остальные, словно выслушав и поняв его, вдруг оскалились (Оливер не видел их ртов, но был уверен, что так оно и есть) и зашипели.

Оли почувствовал, что давление спало, но также он ощутил, что существа не собираются его отпускать, продолжая шипеть и отплевываться. Он медленно поднялся на негнущиеся ноги, не зная, что делать, и продолжая дрожать, и вдруг одно из существ прыгнуло и сильно толкнуло его в грудь.

Последнее, что запомнил Оливер, это наружная стена дома и проем, из которого он вылетел, а потом удар обо что-то твердое, выбившее из него сознание.

Глава 7: Живые мертвецы

Глава 7: Живые мертвецы

Ссылаясь на опасность ходить ночью по улицам, вся честная компания решила переждать ночь у Джона, заодно обчистив его холодильник. На комментарий, мол, сюда они как-то дошли, ответом ему было, что рисковать лишний раз не следует. Он, конечно, мог их всех выгнать, но после того, как Бобби его подлатал, чрезмерная настойчивость могла расстроить и без того шаткие отношения.

Когда Джон рассказал о встрече с человеком в шляпе, Мари так и распирало отправиться по горячим следам и «добить недомерка», но у остальных энтузиазма было намного меньше. Да и что они могли: Мари, предсказательница без нормального оружия, Кролик, старающийся обходить опасность за милую, Крис, который предпочитал выбирать противника послабее, Джон, со сломанными ребрами и раненой ногой, и Бобби, старик, который не брал в руки оружия уже лет шесть, да и не собирался.

Пусть и не вслух, но все Охотники признавали, что Джон довольно силен, и если его кто-то один на один победил в схватке на мечах, да к тому же еще и убил Майлза в рукопашной, то против этого противника у них нет ни шанса. Трудно даже представить, что бы они поодиночке делали, напади на них в темном переулке хотя бы одна Тень.

— Это все, что он сказал? — спросил Бобби, когда Джон окончил рассказ. — Больше ничего не упоминал? Зачем он убивает Охотников и как собирается «изменить мир».

— Если бы сказал, я бы запомнил.

— И зачем ему нападать на Охотников? — поинтересовалась Мари.

Джон ответил, что не знает этого. О том, что этот человек в бинтах переманивает на свою сторону Охотников, он говорить не стал, потому что отныне не знал, кому можно доверять, не считая Бобби. Бармену Джон доверял даже больше, чем себе; когда родители Джона погибли, именно Бобби приютил его, забрав из детдома. Именно поэтому он пытался выпроводить всех из квартиры, чтобы остаться с ним наедине и рассказать полную версию произошедшего.

Ночь прошла быстро, и компания умудрилась надраться до зеленых чертиков. Бобби не был исключением, и потому Джон решил дождаться более удобного случая, чтобы сообщить ему важные детали.

Весь следующий день Джон провел дома, заперев дверь и окна, на которых стояли решетки, покрытые амбисидианом. На второй день, который, несмотря на приближающуюся зиму, казался довольно теплым и солнечным, Джон решил прогуляться до центра, где уже давно не бывал, особенно в лучах солнца.

Слегка прихрамывая, он шел, и окружающий его мир казался ему приторным и наигранным, словно это декорации, а люди очень плохие актеры, давно забывшие свои роли и теперь неумело импровизирующие.

Нью-Йорк. Большое яблоко, кишашее червями и забивающееся своими пропахшими гнилью миазмами в легкие серой массы почти ничего не подозревающих — или просто скрывающих свои недалекие догадки — граждан. Этот некогда процветающий город превратился в клоаку, где каждый день происходят ужасные вещи, от которых любой здравомыслящий человек желает держаться подальше, до боли зажмурив веки, дабы скрыться от реальности. Но это становится видно только гнетущей ночью. Днем же этот город потрясает горожан и туристов своей красотой и жизнерадостностью. Все эти огромные плакаты и неоновые вывески в центре города скрывают за собой заплесневелый и пропитанный чернью

истинный облик. Как только покидаешь фальшивое сердце города и выходишь на мрачные обветшалые улочки с домами, увитыми венами треснувших стен, то чувствуешь весь смрад этого Богом забытого места, где ночь воняет кровью, а еще... серой. Даже если серы в воздухе на самом деле и нет, вонь как будто сочится из людей, которые на деле могут ими и не являться, оседая в легких толстым слоем.

Джон продолжал идти, жмуря глаза от слишком яркого даже для разгара дня света, а уши ему хотелось забить ватой, так не привычен для него шум дневного мегаполиса. Ночью никому выходить нельзя, поэтому каждый стремится с максимальной пользой потратить то время, что ему отведено. Джон, наблюдая за тем, чем занимаются окружающие, никак не мог назвать это полезным делом. Ночная тишь для него куда предпочтительней городской суеты.

Дойдя до самого центра города, он повернул назад, возвращаясь уже другой дорогой. Проходя мимо «Венериной мухоловки», он остановился, всматриваясь в зашторенные толстыми занавесками окна. Что-то ему подсказывало, что Хелин чувствует его присутствие, но даже если так, в окно она вряд ли выглянет. Постояв немного на противоположной стороне улицы, как стоял далеко не единожды, на этот раз он повернулся и пошел дальше, так ни разу и не оглянувшись. В голове у него гуляли странные мысли; обычно в такие моменты появляется Мефисто и говорит какую-нибудь чушь, которая оказывается верными словами, но на сей раз, видимо, он решил оставить их при себе.

Иногда, проходя по гулким улочкам Нью-Йорка, Джон забывал об истинной сущности этого города. Ярко светит обжигающее солнце, невольно заставляя щуриться, по тротуарам гуляют влюбленные парочки и мамы с колясками, ездят таксисты, выискивая клиента пощедрей... Но как только взгляд попадает на переулки между домами — вонючие, темные, зланные и нагнетающие чувство безысходности, — понимаешь всю фальшь представляющего перед тобой мира. Красивый фантик скрывает под собой коричневую массу, и это явно не шоколад.

Редкий день у Джона пролетал так быстро, как этот. На улицах уже начали сгущаться сумерки и включаться фонари, предупреждающие о скором комендантском часе, когда он вернулся в квартиру, прихватив из магазина несколько бутылок виски и еды. Как обычно осмотрев замок на следы взлома, зашел в квартиру. Не успев войти в комнату, он замер. В кресле сидел человек, лицо его скрывал капюшон. Джон даже сам не ожидал, что задержится допоздна, а потому не захватил с собой никого оружия. Он осторожно сделал шаг к скрытому в шкафу тайнику с оружием, но тут в руках у человека мелькнул пистолет, направленный в его сторону.

— Прошу, — послышался знакомый голос, — не делай резких движений. Я не хочу причинять тебе вреда.

Душа Джона ушла в пятки, он широко раскрыл глаза, ошеломленный этим голосом.

— Майлз? — удивленно выдавил он. — Ты же...

— Мертв? — закончил он за него и свободной рукой откинул капюшон. Майлз выглядел так же, как и всегда, а на заросшем лице не было ни следа побоев.

— Я не понимаю...

— Ты ведь встречался с Мрачным Жнецом?

— Мрачным Жнецом?

— Это тот человек, в шляпе и с забинтованным лицом. Когда он предложил мне то, что предложил тебе, я в начале тоже послал его куда подальше, за что он меня и отметелил за милую душу. — Майлз усмехнулся, затем добавил: — Присядь, я хочу нормально с тобой поговорить, кое-что объяснить.

— При нормальном разговоре один собеседник обычно не тычет в другого дулом

пистолета, — заметил Джон, но все же сел на диван напротив человека, которого, может, и не считал лучшим другом, но после его «смерти» все же ощущал потерю. Пакет с продуктами он поставил подле себя, так, чтобы пара бутылок виски выглядывало наружу удобными для держания горлышками; лучшей альтернативы оружию у него под рукой не было.

— Я лишь желаю, чтобы ты выслушал меня. С чего бы начать...

— Начни с той ночи, когда ты встретил этого Жнеца и почему подстроил свою смерть, — сдержанно сказал Джон, сжимая ладони в кулаки.

— Ты прав, — согласился Майлз, качая головой. — Я вышел из бара примерно через час после тебя и направился домой, когда из переулка появился этот человек в шляпе. Он начал о чем-то говорить, что-то спрашивать, а я был так пьян, что ни слова не разобрал, и просто послал его к черту. Тогда-то я и получил первый удар. Сразу же я не отрезвел, но все-таки понял, что драки не избежать. Он даже дал мне время надеть мои перчатки, ну, ты знаешь, и только после этого снова на меня набросился. Или я на него, не помню. В общем, он меня победил и избил до полусмерти, это я уже потом узнал.

— Это понятно, — перебил его Джон, — но если ты не умер, почему скорая увозила тебя, словно ты труп?

Майлз вздохнул, словно собираясь с духом. Его пистолет был у него все еще в руках, но не направлен на Джона. В его огромных ладонях он выглядел детской игрушкой. В последний раз Джон видел друга с пистолетом в руках несколько лет назад, когда они, как и остальные нынешние Охотники, проходили подготовку. «Даже если я успею к нему прежде, чем он выстрелит, оружия при себе у меня нет, а в кулачном бою он намного превосходит меня, даже бутылка не поможет, да и с такими ребрами первый же удар станет для меня последним. Лучше подождать и выяснить как можно больше информации, возможно, после я что-нибудь придумаю».

— Когда я отключился, — продолжил Майлз, — этот самый Жнец вколол мне какой-то гадости, из-за чего мое сердцебиение стало редким, как и дыхание, поэтому со стороны трудно было понять, что я жив, да и эта кровь повсюду. — Он снова тяжело вздохнул. — Он всего мне не объяснял, но, как я понял, Жнец подкупил несколько человек из полиции, скорой и морга, а может, там просто работали его люди. Одним из них был и патологоанатом, который составил ложные документы о моем вскрытии, отчеты там и все такое, я в этом не разбираюсь. В общем, меня он отвез на одну из своих баз, где рассказал о своих планах по... изменению мира. Вначале я ужаснулся, я сказал, что лучше умру, чем перейду на его сторону и позволю ему сотворить такое, назвал его психом, но со временем он меня переубедил. Он объяснил, почему мир должен быть изменен, привел доводы, что иного выхода нет, что только так мы... Я не могу тебе сейчас всего рассказать.

Майлз потупил взгляд и облизнул пересохшие губы, но у Джона и в мыслях не было предложить ему воды или виски. Хоть человек в шляпе и сказал ему, что некоторые из Охотников переметнулись на другую сторону, он и представить не мог, что одним из них может оказаться добряк Торсон. И это после того, как этот Жнец вырезал больше десятка таких же, как и он, Охотников, и почти столько же серьезно ранил.

— Зачем ты пришел? — жестко спросил Джон, отчего Майлз даже вздрогнул.

— В ту ночь, когда ты... сразился со Жнецом, он хотел сделать с тобой то же, что и со мной: вырубить и увезти. Это... это я предложил ему твою кандидатуру. Я знаю, что ты не считаешь меня таким уж другом, но я, несмотря на прошлое, не могу думать о тебе по-другому. Я надеялся, мы вместе... изменим мир к лучшему.

— Ты лишь подтвердил мои опасения, что тебе как следует промыли мозги, но так и не ответил на вопрос.

Майлз замялся, поджав губы, словно хотел оспорить слова Джона о промывке мозгов, но все же не стал, вместо этого ответив на вопрос:

— После той ночи, когда ему помешали исполнить намеченное, Жнец решил, что ты не подходишь. Да ты его еще и ранил, — заметил он таким тоном, словно обрадовался, что Джон, в отличие от него самого, оказался способен на это. — В общем, этой ночью он планировал тебя прикончить, пока ты еще не совсем оправился от ран. Но я был кардинально против, ты бы видел, как я взбесился, — хмыкнул он. — Я еле уговорил его дать мне шанс поговорить с тобой и все объяснить.

— Ты не сказал мне ничего нового, — заговорил Джон после долгой паузы, — кроме того, что тот человек не просто сумасшедший, но может свести с ума и других. Мне плевать, что он стремится изменить мир, но если ради этого он готов убить всех, кто с ним не согласен, я никогда не пойду за таким человеком. И я буду лишь презирать тех, кто пошел у него на поводу и смотрит сквозь пальцы на то, как этот человек жестоко убивает их вчерашних друзей. Ты считал меня своим другом, отныне же можешь наречь меня своим врагом.

Тяжело вздохнув, Майлз поднялся из кресла, став похожим на огромного медведя, который вот-вот накинется на свою жертву. Подняв пистолет к глазам, он осмотрел его, словно впервые увидев, а потом засунул в карман, точно простую игрушку.

— Мрачный Жнец сказал, что если я не смогу тебя уговорить, то должен убить. Ох, и вставит же он мне, когда я скажу ему, что не смог этого сделать. Но в следующий раз, когда мы встретимся, если ты будешь моим врагом, я буду твоим. Кстати, я решил сменить имя, как ты и хотел, называй меня теперь Бальдером.

Он повернулся и тяжелой поступью пошел к двери.

— Почему?

Майлз остановился и оглянулся:

— Это обратная психология, — сказал он. — Мы уничтожали Теней, чтобы спасти мир, а что, если мир нужно спасти иначе, действуя наоборот?

— Это по-другому называется.

Майлз Торсон пожал плечами и открыл дверь, но снова замер, словно о чем-то задумался, потом сказал:

— Почти через месяц Рождество. Шумный праздник.

Когда за Майлзом аккуратно закрылась дверь, Джон просидел на диване еще минут десять, после чего переоделся в ночную форму и отправился в бар. За все это время ни он, ни Мефисто не проронили ни слова.

***

Бертон сидел дома в ожидании звонка. По старой дружбе ему все же согласились сделать анализы быстро и тихо и связаться через несколько дней. Он весь извелся в ожидании и уже было сам вознамерился позвонить в лабораторию, когда раздался телефонный звонок. Бертон был практически одет, поэтому лишь накинул сверху куртку и отправился к автостоянке недалеко от дома, сел в свой старенький «Форд Скупидия» и поехал к лаборатории. На самом деле до нее было не так уж и далеко, однако этот день выдался довольно прохладным, чтобы идти пешком, ожидали даже выпадения снега, хотя пару дней назад светило солнце и погода казалась чуть ли не весенней.

□ Доктор Алим встретил Бертон у себя в кабинете, а не в лаборатории, где проводил большую часть времени, изучая улики, присланные ему полицией; по крайней мере, так было, когда частный детектив еще являлся копом. Его кабинет был уставлен фотографиями

многочисленной семьи и различными безделушками, хотя во всем остальном он мало чем отличался от самой лаборатории. На краях стола лежали целые кипы бумаг, которые, несмотря на виданный хаос, имели свой порядок, понятный лишь самому Алиму.

Доктор встал, когда к нему зашел Бертон, чтобы пожать тому руку, после чего жестом пригласил его сесть на довольно неудобный жесткий стул с прямой спинкой, хотя сам он сидел в дорогом на вид кресле с вращающимся сидалищем. Бертон подумал, что доктор Алим не часто принимает гостей у себя в лаборатории, в том числе и личном кабинете.

— Доктор Алим, — начал Бертон, — спасибо, что сделали все так быстро. Даже не знаю, как вас благодарить.

— Погоди благодарить, — добродушно отмахнулся он, — я еще ничего не сказал.

— Конечно-кончено.

— Так, с чего бы начать. Ладно, насчет ножа и пули. Ты оказался прав и они действительно сделаны из одного металла, хотя, если быть точным, это сплавы, которые незначительно отличаются.

— Сплавы?

Бертон так с самого начала и подумал, хотя в металлах он мало разбирался, а потому сходу не мог сказать точно.

— Амбисидиан. Слышал о таком?

— Где-то когда-то, но если честно, не представляю, что это за сплав. Он используется при изготовлении оружия?

Алим усмехнулся:

— Только если в коллекционных целях. Понимаешь ли, амбисидиан — это сплав золота и серебра, плюс небольшое количество какого-нибудь другого металла, а то и не одного, чтобы сплав стал крепче и мог приобрести необходимые в той или иной мере качества. Собственно говоря, амбисидиан довольно бесполезный сплав, в том смысле, что его можно заменить на другой, характеристики которого будут выше, а цена в разы ниже.

Бертон задумался, пытаясь переосмыслить новые данные. «Так те люди в черном не просто сражаются друг с другом, а используют при этом дорогий сплав, когда его можно заменить на что-то более серьезное и дешевое? Бессмыслица какая-то. А может, такое оружие использует только Джон? Но зачем? На выпендренника он не похож». Леброн спросил, зачем кому-то использовать оружие из этого сплава.

— Зачем? — переспросил Алим и покачал головой. — Если честно, совсем не представляю. Даже если учесть, что нож сувенирный, хотя на таковой он не похож, чтобы сделать из сплава золота и серебра настоящую пулю, да еще и использовать ее по назначению, нужно быть либо сумасшедшим, либо мухой в кедах. Если честно, никогда не видел оружия из этого сплава. Не знаю, Бертон, во что ты там ввязался, будучи этим своим частным детективом, но советую отказаться от этого дела, а то ненароком в следующий раз такую пулю придется вынимать уже у тебя из головы.

«Если бы только ты знал, — подумал Бертон. — Несколько дней назад меня мечом из такого металла чуть напололам не разрезали».

— Я понял, — отозвался он. — Об остальном, думаю, я могу прочитать в интернете.

— Да, там есть интересные статьи об этом.

Бертон надеялся, что они более информативны, чем сообщения о людях в черном.

— А что насчет крови на ноже? Вы изучили ее?

Доктор Алим как-то сразу нахмурился, но потом морщины на его смуглом лице разгладились и он сказал:

— Изучил. И эта кровь еще странней, чем оружие из амбисидиана.

— Почему?

— Видишь ли, она принадлежит человеку, который болен довольно редкой болезнью. Называется она болезнью Гюнтера, или эритропоэтической порфирией.

— Честно говоря... — начал Бертон, покачав головой.

— Если коротко, это кожная болезнь, из-за которой человек не может находиться на солнце, а иначе его кожа начинает, если можно так выразиться, разрушаться. Очень страшная болезнь. И эта кровь принадлежит как раз такому человеку. Судя по следам, нож вошел довольно глубоко, но трудно представить, кому понадобилось воткнуть в человека, больного порфирией, нож. По правде сказать, это впервые за более чем двадцать лет моей работы в этой лаборатории, когда дело настолько необычное. Я так понимаю, ты мне не раскроешь детали своего расследования? — неуверенно заулыбался доктор Алим.

— На самом деле, я и сам мало чего понимаю, — ответил Бертон, — а после разговора с вами все только усложнилось.

Он замолчал, а вместе с ним молчал и доктор Алим. Леброн буквально через минуту спохватился:

— Ой, извините, я опять ушел в себя, обо всем позабыв. У вас есть что-нибудь еще для меня?

Доктор Алим задумался:

— Ну, кровь в базе данных полиции не числится, пуля тоже выпущена из неизвестного оружия, так что... — развел руками Алим.

— Да-да, вы и так сделали больше, чем я рассчитывал. Не обижайтесь, но я, если честно, думал, что вы меня либо вообще не станете слушать, либо расскажете все шефу.

— На самом деле, — снова нахмурился доктор Алим, — я сначала так и хотел, но потом подумал, что тебе и так досталось. Не знаю, чтобы я делал, если бы меня уволили. Из-за комендантского часа преступлений стало меньше, так что и мы тут в лаборатории редко трудимся в поте лица, а деньги все равно получаем те же, да и пенсия приближается. Хочу последние годы провести так же спокойно, а если бы я сообщил капитану, то кто знает, во что бы это вылилось. Лучше сидеть и стараться никуда не лезть, чего и тебе советую. На твоём месте, я бы сменил профессию на что-нибудь менее опасное и более интересное, ты еще молод, у тебя вся жизнь впереди.

— Спасибо, доктор Алим, я запомню.

Вытащив из сейфа пакет для улики с ножом и пулей, Алим отдал их Бертому, сказав, что позвонит, если что-нибудь еще станет известно, после чего они тепло попрощались, хотя доктор так и не сказал, чтобы тот заходил, если что.

Бертон шел домой, как обычно задумавшись о чем-то своем, и только когда под куртку пролез холод близкой зимы, он вспомнил, что приехал на машине. Шлепнув себя по лбу, он развернулся и быстрым шагом направился обратно, коря себя за забывчивость.

Пока он ходил туда-сюда, мысли даже и не думали прекращать прокрадываться к нему в голову: «Зачем ему понадобилось таскать с собой меч и нож из сплава дорогих золота и серебра? И пули. Пистолет у него тоже из этого амбисидиана? И тот человек без лица... А что, если мне не показалось, а у него и правда не было лица из-за болезни? Судя по движениям, на больного он не был похож. Опять куча вопросов», но с каждым новым Бертон все больше жаждал найти ответы. Даже когда он был копом, таких странных дел ему в руки не попадалось. Может, в этом и дело?

На улице все еще было довольно светло, хотя солнце уже скрывалось за большинством высоток, возведенных после Катастрофы по технологиям, которые должны были защитить их от новых землетрясений. Бертон очень надеялся, что деньги были потрачены зря.

Он шел по подземной парковке, в которой, казалось, было еще холоднее, и каждый шаг понижал температуру как минимум на градус. Он уже шел по ярусу, на котором оставил автомобиль, когда впереди ему послышался какой-то шум.

Вдруг одна из лампочек за ним с резким хлопком лопнула, наполнив полупустую парковку множеством эхо. Бертон подпрыгнул так резко, что из холода его тут же бросило в жар, но затем мороз вернулся, накинувшись на него с еще большим остервенением. Выдохнув, он пошел дальше. Подумаешь, лампочка лопнула.

Бах. Еще одна лампочка разлетелась на калейдоскоп стекол и искр.

— Кто здесь? — громко спросил Леброн. Страх заставляет людей вести себя глупее, чем они есть, задавая соответствующие вопросы.

На всякий случай Бертон вытащил из кобуры пистолет и переложил в карман куртки. Третья лопнувшая за спиной лампочка заставила его снять оружие с предохранителя. Он ускорил шаг, больше не чувствуя сковывающего холода, который теперь как будто рассеялся от жара тела, нагнанного бешено бьющимся сердцем. Бертон не боялся темноты, но тьма позади него словно ожила и преследовала его.

Когда лопнула очередное светило, частный детектив остановился, но не потому, что успокоился или решил сдаться, а потому, что лопнуло оно впереди, как раз над «Фордом Скупидия», осыпав автомобиль осколками. Пистолет оказался в руках Бертона быстрее, чем сердце успело сделать еще один быстрый удар.

— Кто здесь? — снова спросили он, однако вопрос теперь звучал не так глупо, — кто-то здесь и в самом деле был. — Стреляю без предупреждения в воздух!

Сзади послышались шаги. Бертон так резко развернулся, что чуть не упал. В десяти метрах от него стоял человек. Его лицо заливала бледность, а глаза как будто налились кровью. Несмотря на холод, он был в легких штанах и тонкой кофте на голое тело.

— Кто ты?

Вместо ответа у человека в руке, до этого заведенной за спину, появилось оружие, похожее на тесак, и он устремился к Бертону, медленно, но маниакально уверенно.

— У меня пистолет, — выкрикнул детектив очевидную вещь, держа странного парня на мушке, но у того даже мускул на лиц не дрогнул, словно это застывшая от холода маска. Когда он замахнулся, Бертон выстрелил.

Парень упал лицом вниз, выронив тесак, но не успел Леброн даже подойти ближе, чтобы удостовериться в его смерти, как новые шаги послышались сзади, сопровождаемые взрывом очередной лампочки. Теперь над Бертоном горело всего три источника не очень яркого света, расстояние между которыми было метров десять. Он снова резко обернулся, направив оружие на источник шума, и увидел еще одного человека, который мало чем отличался от первого, не считая абсолютно лысой головы.

— Что вам надо? — выкрикнул Леброн, надеясь, что хоть со вторым ему удастся договориться, пока тут не стало на еще одного трупа больше.

Второй упал даже раньше, чем успел поднять над головой острый клинок, хотя упал он на спину. Продолжая наставлять на него оружие, Бертон стал обходить его по широкой дуге, чтобы поскорее добраться до машины, и тут он краем глаза кое-что уловил. Точнее, ничего не уловил, хотя должен был. Тело первого человек с тесаком исчезло, как и сам тесак. На том месте осталась лишь маленькая красная лужица крови.

Волоски на затылке затрепетали, а тьма вне тусклых лампочек стала густой, словно смола, из-за которой зрение начало подводить. Бертону, казалось, что он окружен, что вот-вот из тени выпрыгнет один из людей с острым клинком в руках и покромсает его на мелкие кусочки.

Вдруг тело перед ним зашевелилось. Человек медленно встал, продолжая сжимать в руке

широкий тесак, а в груди у него слегка кровоточила дырка от пули, совсем небольшая, но достаточная, чтобы убить. Леброн выстрелил вновь, но на этот раз человек просто отшатнулся, словно его всего лишь толкнули в грудь. Бертон услышал сзади новые шаги, и, развернувшись боком, все еще направляя на лысого человека пистолет, разглядел во тьме силуэт. Он не мог сказать, был ли это тот, которого он подстрелил первым, или же это уже третий.

Сделав еще два выстрела во второго, лысого, Бертон быстро залез на одну из немногих стоящих на стоянке машин, запрыгнув на крышу. Из темноты вышел первый, и теперь перед ним стояло два человека с тесакими, лица которых казались бесстрастными, словно у мертвых кукол. Конечно, куклы, будучи оными, не могут быть мертвыми, но эти «люди» казались именно такими.

Они начали медленно обходить машину с двух сторон. Бертон выпустил всю оставшуюся обойму, чтобы остановить хотя бы одного, но все, чего добился, смог отстрелить ему руку, повисшую бесполезной плетью, однако во второй он все еще сжимал тесак.

Когда первый из бледных людей замахнулся, чтобы ударить клинком по ногам Бертона, он перепрыгнул на капот машины, но не удержал равновесия и упал на спину, разбив лобовое стекло, и тут же почувствовал острую боль в районе груди. Незащищенное острие амбисидианового ножа, лежавшего во внутреннем кармане куртки, больно вонзилось в плоть. Бертон вскрикнул и сразу же скатился на холодный бетон с капота машины, который мгновением позже обзавелся, помимо вмятины, двумя резаными следами от тесаков.

Не видя выхода, детектив достал пакет для улик с окровавленным ножом в нем.

— Боже, надеюсь, эта болезнь Гюнтера не передается через кровь, — вслух подумал Бертон, разрывая пакет. Конечно, так улики использовать нельзя, но он очередной раз напомнил себе, что давно уже не коп.

До выхода с парковки на лестницу было не так уж далеко, но Леброн боялся, что в темноте его могут поджидать другие убийцы, тем более, что ярус, на котором он находился, располагалась на несколько этажей ниже поверхности, из-за чего пришлось бы выбираться по лестнице, на которой света также могло не оказаться, а пространство крайне ограничено, и потому он остановился у самой границы, куда доставал тусклый свет одной из ламп. Единственным разумным выходом было проскочить мимо медленных людей с тесакими, забраться в машину и дать по газам, но она стояла в темноте, а эти неубиваемые монстры могли лишь притворяться медленными и нерасторопными, дожидаясь ошибки жертвы.

Бертон никогда особо не любил ножи, особенно если ими кто-то пытался его пырнуть, так что его умения обращаться с ними ограничивались нарезанием хлеба и колбасы для бутербродов, но когда эти люди подняли свои тесаки, Леброн пригнулся и отпрыгнул вбок от того, что стоял справа, стараясь полоснуть его как можно сильнее по ноге. Он не рассчитывал на какой-либо эффект — если их пули не берут, то куда там ножу? — но ошибся.

Человек взревел, хватаясь за пораненную ногу и выронив тесак. Второй же, взглянув на раненного приятеля, вдруг оскалился, согнав с лица маску бесстрастия, и зарычал, словно разъяренный медведь. Бертон понял, что разворошил осиное гнездо.

Резко вскочив, он бросился куда глаза глядят, и за ним тут же помчался человек с тесаком, как раз тот, чья левая рука висела плетью, причем на сей раз он не являл собой тихохода, а решил показать все, на что способен, будучи явно быстрее и нагоняя жертву. Бертон не сразу сообразил, что бежит обратно к тому автомобилю, на котором недавно пытался отстреливаться. Подбежав как можно ближе и чувствуя на затылке дыхание преследователя, он внезапно изменил направление и помчался вдоль машины; сзади послышался звук ударяющегося тела человека с тесаком, который не успел среагировать, о машину и звук разбивающегося бокового стекла. Вся погоня сопровождалась криками преследователя и невнятным тихим бормотанием

преследуемого. Бертон даже сам не осознавал, бубнит ли он молитвы или строит трехэтажные маты, а может, сразу все; он лишь желал выжить.

Он остановился, тяжело дыша, с другой стороны. Человек с тесаком пытался до него дотянуться, но высота автомобиля не позволяла ему этого, а с одной рукой, в которой зажат тесак, это оказалось практически невозможно, и он лишь бездумно долбил по крыше холодным и острым оружием, злобно рыча. Когда он пытался обойти машину кругом, Бертон двигался в том же направлении, чтобы между ними всегда оставалась непреодолимая преграда. Второй человек уже встал, но из-за ранения не мог нормально двигаться, но все равно медленно приближался к машине, не желая оставаться безучастным.

— Черт! — выругался Бертон вслух. — Да кто вы такие?!

Ответа, естественно, не последовало.

Сейчас он мог думать лишь о том, что нож в его руке куда действенней пистолета, но проблема была в том, что он не желал приближаться к этим людям, даже не будь в их руках тесаков. Он решил рискнуть.

Кружась вокруг машины, Бертон выбрал момент, чтобы оказаться с той стороны, где было ближе до его собственного автомобиля, и когда жуткий человек снова ударил по крыше, отчего его тесак на миг застрял в железе, Леброн рванул так резко, что его бросило вперед. Пытаясь удержать равновесие, он начал делать широкие шаги и махать руками, как если бы впервые пытался научиться ходить, но все же не удержался и рухнул на землю, разбив нос в кровь. Нож отлетел на пару метров.

Повернувшись набок, детектив увидел несущегося на него человека, хотя его взор больше был прикован к широкому тесаку у него в руке. Подскочив на месте, Бертон прыгнул за ножом и успел схватить его прежде, чем клинок противника обрушился сверху. Он неловко подставил свой нож, зажатый в левой руке, который на фоне тесака казался бесполезной пилочкой для ногтей, но все же кое-как защитился от удара. Запястье пронзила острая боль. Человек с тесаком, то ли спотыкнувшись, то ли заранее решив так сделать, навалился на частного детектива сверху всей своей массой. Клинки со звоном разъехались, и Бертон почувствовал, как острый и широкий клинок глубоко впивается ему в плечо, едва защищенное тонкой курточкой и свитером.

Он уже попрощался с жизнью, как вдруг осознал, что человек на нем не шевелится. Навалившись целой рукой, он со скрежетом сбросил с себя тело на спину и увидел, что в груди у того торчит нож из амбисидиана, вонзившийся по самую рукоять. Бертон даже не успел вздохнуть от облегчения, как на него навалилась боль. «Запястье на левой руке, похоже, сломано, а рука вот-вот отвалится, как отрубленный сук». Не успел он сделать второй вздох, как услышал шарканье. Подняв голову, он увидел, что второй человек с тесаком буквально в нескольких шагах от него.

Поднявшись с максимально возможно скоростью, Бертон поспешил к своему автомобилю, по пути с трудом вынув нож из груди убитого, надеясь, что тот не очнется. Вначале ему так и показалось, что тот до сих пор жив, но открытые глаза неподвижно смотрели в пустоту.

Частный детектив сам не знал, как добрался до машины, достал чудом не выпавшие из кармана ключи и забрался в автомобиль. Свист от шин набирающей скорости машины разнесся на всю парковку. Бертон мчался прямо на идущего на него человека с тесаком, но тот отпрыгнул в последнюю секунду, однако край автомобиля все же задел его, отбрасывая в сторону. Не сбавляя скорости, Леброн переехал тело лежащего. И в эту же секунду включился освещающий всю парковку свет дополнительных светильников, означающий, что через полчаса наступит комендантский час.

— Очень вовремя! — проревел Бертон, щуря глаза от резкого свечения. На этот раз он был

уверен, что матерится. Мат не только выражал его чувства, но и, как ему казалось, притуплял боль. Он решил не строить из себя героя-мученика, а направился напрямиком в больницу, предварительно спрятав опустевший пистолет и окровавленный нож в бардачке, чтобы не возникало ненужных вопросов, если кто-то проверит его одежды. А еще он думал о том, отправлять ли нож, сызнова омытый кровью, на повторную экспертизу, но все же решил, что лучше не злоупотреблять дружелюбием доктора Алима. «И если я так скоро притащу ему тот же нож с уже другой, свежей кровью, он точно сдаст меня, не боясь рискнуть работой и будущей пенсией».

— Твою мать, да что это вообще было?! — крикнул он в пустоту. Запястье пульсировало так, что он уже был готов его лишиться, кровь из-под разрезанной куртки стекала на сиденье, а из носа — окрашивала грудь. Бертон чувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Но вот в поле зрения показалось здание больницы.

Глава 8: Предательство

Глава 8: Предательство

В баре было светло, но, наконец, кроме амбре алкоголя, в воздухе витала терпкая нотка душняка человеческого пота, впервые за последние несколько дней. Постоянные клиенты, Охотники, начали постепенно возвращаться к размеренной жизни тех, кем они являлись, — борцами с Тенями. Но помимо запаха пота, в воздухе висело более выраженное зловоние беспокойства и даже страха; каждый боялся повторения недавних кровавых событий, но организация «Тенелов» больше не могла позволить себе ничегонеделанье; Тени постепенно начали возвращаться на городские улицы.

Когда в бар вошел Джон, взгляды тут же устремились на него, словно все опасались, что сюда мог зайти одержимый, но увидев знакомого Охотника, люди вернулись к поглощению алкоголя и тихим разговорам. Джону очень захотелось двинуть какую-нибудь пламенную и воодушевляющую речь, чтобы всех взбодрить и напомнить, кто они есть, напомнить о долге, но он сдержался, есть дела и поважнее.

Открыв дверцу барной стойки у стены, Джон знаком позвал за собой Бобби и прошел в небольшую комнату.

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал Бобби, зайдя вслед через секунду.

— Прости, просто тут такое случилось, что я решил не тратить зря время.

— Что случилось? — послышался голос у двери. В проеме стояла Машери.

— Машери? Я хотел поговорить с Бобби наедине.

— Не тупая, разобралась. Это ведь касается Майлза и всей этой кутерьмы, да? Я по твоим глазам поняла, Синигами.

Джон тяжело вздохнул. Почти все Охотники имели прозвища, многие из которых придумали себе сами, но Джон являлся одним из тех, кого прозвали остальные. Синигами — Бог смерти в японском фольклоре. Так как он носил за спиной именно японский меч и был мастером лишать жизни, это прозвище подходило ему идеально, однако сам он его почему-то не любил, о чем всем постоянно напоминало его кислое выражение лица, когда кто-то его так называл. Но всем на это плевать.

А еще Джон поморщился потому, что понял, что Машери сегодня не та девушка, которую все считали ранимой и вообще размазней, а другая, грубая и неотесанная, словно ломанный кирпич. Мало кому нравилась эта ее вторая личность.

— Уверена, что хочешь все знать?

— Конечно! Я трахалась с Тором не из-за его большого члена. Хотя, конечно, и поэтому тоже.

Джон снова удивился Машери. Второй личности Майлз нравился тоже? Значит и Майлзу нравилась вторая личность? Да, плохо я его знал.

Он решил начать издали:

— Бобби, что ты знаешь о том, что стало с телом Майлза?

— С телом Майлза? — удивился Бобби. — Ну, всех убитых Охотников кремируют.

Считается, что Тень неспособна вселиться в уже мертвое тело, но почти каждый год информация о них пополняется, и то, что раньше считалось необоснованной теорией, нынче может по максимуму использоваться в борьбе с исконным врагом.

— Тебе кто-нибудь отчитывался из «Тенелова»? — спросил Джон.

— Отчитывался? — усмехнулся Бобби. — А зачем мне отчитываться? Такие вещи меня не

касаются, и меня никто в них не посвящает.

— Слушай, — нетерпеливо вмешалась Машери, — давай говори, зачем пришел, задрал уже тянуть кота за лямки.

Бобби глубоко вдохнул и медленно выдохнул, но все же промолчал.

— Короче, буквально минут двадцать назад у меня дома сидел Майлз. Живой и здоровый.

Бобби ошеломленно открыл рот. Даже Машери не нашла, что сказать. Не дождавшись иной реакции, Джон продолжил:

— Он сказал, что его смерть была подставой.

Он пересказал весь разговор, что состоялся у него с Майлзом. За все это время ни Бобби, ни Машери не проронили ни слова, хотя девушка иногда и хотела что-то сказать, но не находя подходящих слов, с клацаньем зубов закрывала рот.

— Так ты считаешь, что его комментарий по поводу Рождества был не просто так? — спросил Бобби, когда Джон закончил.

— Он сказал, что будет шумно. Зачем ему это говорить, если это не подсказка? Тем более ты знаешь, что на Рождество...

— Комендантский час отменяется, — закончил за него Бобби. — Этой ночью на улице будет настоящее столпотворение.

— И что это, нахрен, значит? — вежливо поинтересовалась Машери.

— Мне надо позвонить, — сказал Бобби, помолчав минуту. — Вы идите в зал, там за стойкой моя помощница, она нальет вам, что пожелаете. — С этими словами он развернулся и пошел вглубь комнаты, туда, где у него находился погреб.

— Не иначе как за бластером поперся, — усмехнулась Машери и вышла за дверь. Джон двинулся следом.

Сам не зная почему, Джон надеялся, что когда он все расскажет Бобби, тот сразу же скажет что-нибудь приободряющее, похлопает его по плечу и улыбнется, как делал это раньше, когда Джон еще был подростком, только-только узнавшим о борьбе добра со злом, и что он сам является острием этой борьбы. Если бы не Бобби, Джон бы сдался еще после первой встречи с Тенью один на один на импровизированном поле боя, развернувшемся в центре города. Его тогда так трясло, что ноги едва не рассыпались в труху, а меч превратился в многотонную абсолютно бесполезную палку, и одна единственная Тень казалась ему целым легионом непобедимых адских демонов.

С тех пор минуло много лет, больше, чем Джон рассчитывал прожить. Мир, который после Катастрофы потерял свои яркие краски, не изменился. Все также темно, даже днем, и невозможно понять, это из-за того, что Землю наводнили монстры из мира, где не бывает света, или же сами глаза больше не способны распознавать что-то светлее темных подворотен.

— *Какие все сегодня угрюмые.*

— Заткнись.

— Чего?

— О, прости Блэкснейк. Я это не тебе.

— Сам с собой разговариваешь? — усмехнулась она.

— Есть немного.

Блэкснейк сидела за стойкой рядом с Джоном через стул и пила коктейль трубочкой. Как и Мультиголова, она скрывала свою личность, но вместо маски постоянно носила респиратор, фильтры которого являлись фальшивыми, хотя некоторые полагали, что лишь один. Сам респиратор был разукрашен в стиле киберготов и имел черный цвет с кислотно-красными фильтрами, на которых изображался символ биологической опасности. Как минимум в одном круглом фильтре — точно фальшивом — можно было прокрутить внешнюю заслонку, открывая

небольшое отверстие, через которое Блэкснейк и поставляла в организм по трубочке алкоголь.

Волосы девушки представляли собой не особо толстые дреды, свисающие ниже плеч, с темно-красными вплетенными нитями. В глазах у нее находились линзы, делающие склеру черной, а радужку такой же темно-красной. Многие считали, что глупо носить респиратор, чтобы скрыть лицо, когда все остальное так выделяется, однако никто так и не узнал ее настоящую личность или хотя бы имя. Хотя, конечно, наверху знали все.

— Что у вас там за собрание было? — поинтересовалась она немного безучастно. Из-за респиратора голос ее звучал чуть приглушенно.

— Да так, — отмахнулся Джон, — небольшие проблемы. Скорее всего, вы все сами скоро узнаете.

Блэкснейк пожала плечами и снова принялась за коктейль.

— Слышала, тебе тут недавно досталось, — сказала она, допив коктейль и заказав новый.

— Дважды.

Она усмехнулась:

— А я думала, Синигами бессмертны.

— Так я и не умер.

— Но был к этому близок.

Теперь пришла очередь Джона пожимать плечами. Если бы в первый раз ему не вышиб дух дубиной другой Охотник, все сложилось бы не так страшно. Второй раз его спас случайный — хотя нет, не случайный — свидетель. Можно сказать, что в первый раз ему просто не повезло, а во второй наоборот. Баланс соблюден.

Блэкснейк пересела поближе к Джону.

— Кстати, а ты где была? — поинтересовался он.

— Ездила в Европу, там проводился просто зашибенный фестиваль электронной музыки. Отожгла по полной! Тебе бы тоже не мешало расслабиться, а то выглядишь каким-то зашибленным, словно не ту таблетку проглотил.

Джон усмехнулся. И правда, последние дни у него выдались не самыми приятными, столько всего навалилось, что хотелось просто лечь и лежать, пока все не закончится, и чтобы его не трогали, даже если начнется Армагеддон. Но он понимал, что его не оставят в покое, не теперь, когда он в центре зарождающегося урагана.

— Как там дела в Европе? Насчет Теней.

— Я туда не ради работы ездила, а чтобы отдохнуть, поэтому понятия не имею. Но, видимо, неплохо, потому что концерт проходил ночью. Хотя там, наверно, сотни две Охотников кружило вокруг, словно невидимая стража.

— Уверен, было весело.

— А то! Хотя было бы веселей, если бы я съездила с кем-нибудь вместе. Классно иметь кого-то, с кем хочется быть и кутить. У меня такого человека, к сожалению, нет, а у тебя? Есть кто-то, с кем бы ты хотел быть вместе?

Джон тут же вспомнил о Хелин. Он сам не знал, какие чувства к ней испытывает. Она понравилась ему с первого взгляда почти десять лет назад, он даже пытался проследить за ней, но пожалел об этом, когда узнал, что она работает в «Венериной мухоловке». Сначала он очень расстроился, что та, кто впервые в жизни по-настоящему ему понравилась, является проституткой, но потом решил, что может показать ей другой путь, уговорить ее уйти из этого грязного бизнеса. Очень самонадеянно, да? Однако этого не произошло даже тогда, когда он узнал, что он не обычный человек, а Охотник, как и Хелин. Уже около девяти лет он продолжает к ней ходить, и, несмотря на ее деятельность, не может заставить себя посмотреть на кого-нибудь другого. Но последние события вынудили его поразмыслить над всем этим еще раз.

Из каморки на миг показался Бобби и жестом позвал к себе Джона.

— Прости, мне нужно отойти.

— Я буду здесь.

Джон вошел в комнату, а за ним не пойми откуда тут же появилась Машери.

— Что там? — нетерпеливо спросила она.

— То, что я сейчас скажу, никто больше не должен знать, а иначе... В общем, тело Майлза пропало из морга, и никто не знает как. Патологоанатом, кстати, тоже, его уже разыскивают, но это вряд ли даст результаты.

— Почему они молчали?

— Потому что не хотели вызвать панику. После той резни и так многие Охотники покинули наши ряды, а если еще кто-то узнает, что Майлз не убит, а его переманил на свою сторону какой-то псих, подстроив смерть, это может привести к катастрофе. Никто пока даже не знает о существовании этого Мрачного Жнеца.

— Кроме тех, кто переметнулся на его сторону, — заметил Джон.

— Да, — неохотно согласился Бобби. — Сейчас эту проблему тоже пытаются решить. Пока он действует аккуратно, перетягивая по одному, но ежели все Охотники прознают про него, многие из них могут принять его сторону. А нам даже неизвестно, что он замышляет, хотя аналитики организации согласны с тем, что апогей его замысла приходится на Рождество.

Значит, Майлз не пытался меня одурачить, подумал Джон. На организацию работают Охотники, обладающие невероятными способностями, и если они говорят, что на Рождество что-то случится, значит, так оно и будет.

— Значит, у нас есть еще месяц, — сказала Машери.

— Верно.

— И что нам делать? — спросил Джон.

— Организация уже всю работает, но и тебе, Джон не придется сидеть сложа руки. Приходи сюда завтра за час до заката.

— А я?

— Машери... Ты можешь отдыхать.

— Отдыхать? Что за хрень, старик? — взревела она. — Майлз переметнулся к какому-то чудику, бросил меня, ничего не сказав, а ты говоришь мне...

Впервые за долгое время Бобби не выдержал. Он схватил Машери за грудки обеими руками и приподнял, заставив ее встать на цыпочки, едва касаясь пола носками туфель. Лицо его исказила маска гнева, но голос звучал холоднее могильного камня:

— Больше десяти Охотников, наших товарищей, были безжалостно вырезаны Тенями, которых натравил этот чертов Жнец, а Майлз решил предать нас и принять его сторону, словно эти Охотники просто грязь под ногами. А тебя лишь волнует то, что он тебя бросил?! — рывкнул он. — Можешь отправляться к нему, и тогда ваши трупы будут гнить вместе в одной помойной яме, когда я лично раскрошу череп этому ублюдку!

Бобби излучал такую ненависть, что даже Джон просто оцепенел, не способный сделать и шага, чтобы вырвать у него из рук девушку, которая на его фоне казалась хрупкой фарфоровой куклой. Сама Машери испугалась так, что ее грубая личность сменилась на первую, и теперь она лишь безвольно висела у бармена на руках, не способная сдерживать всхлипываний. Слезы ручьем стекали у нее по щекам, капая на кулаки Бобби, до белых костяшек сжимающих ее во́рот.

Вдруг Бобби резко разжал руки, и Машери, не чувствуя ног, упала на пол. Демиург, глубоко вздохнув, развернулся и прошел мимо Джона, не подняв головы и даже не взглянув на него, и исчез в темноте подвала. Джон тут же кинулся к девушке, и она бессильно расплакалась у него

на груди.

— Что случилось? — спросила Блэкснейк, когда из подсобки вышел Джон. — У Машери был такой вид, словно вы ее чем-то крайне расстроили.

— Она ушла?

— Да, трое Охотников согласились проводить ее до дома, так что не волнуйся. Так что вы ей там наговорили, и где Бобби?

Конечно, Джон не мог ей все рассказать, по крайней мере, пока. Когда он более-менее утешил Машери, та сразу же убежала, ничего не сказав. Джон не думал, что она пойдет сразу домой, и если бы он узнал, что та отправилась одна, тут же рванул бы за ней, но, как сказала Блэкснейк, с ней отправилось еще трое, так что переживать не о чем. Он спустился в подвал вслед за Бобби, но тот заперся в скрытой за дверью комнате, о которой знали сам Бобби, Джон и еще не больше двух-трех человек. Связаться с сидящим внутри человеком снаружи не представлялось возможным, поэтому Джон решил дождаться наверху. Если, конечно, тот собирается скоро выйти.

Ту комнату в подвале Бобби называл «Комнатой отдыха», хотя на деле она служила для выплеска эмоций и имела обитые толстым слоем жесткого пенополиуретана стены и несколько закрепленных между потолком и полом боксерских груш, с помощью которых можно было выпустить пар. Звук не проникал ни изнутри наружу, ни снаружи внутрь, так что там можно делать все, что душе угодно, не боясь, что кто-то помешает. Иногда Бобби проводил там несколько минут, а иногда часы, выходя уже полностью спокойным, пусть и с разбитыми костяшками пальцев и в пропитанной потом одежде.

Блэкснейк вдруг быстрыми выверенными движениями сняла свои линзы. Несмотря на готический вид, глаза у нее оказались голубыми, странно смотрясь на лице, хотя Джону нравилась эта необыкновенность.

— Бобби... отдыхает, — ответил он, чуть замешкавшись. — Сама знаешь, он работает больше, чем можно подумать. Он еще не отошел от случившегося несколько дней назад.

— Да, это было ужасно. Мне повезло, что я находилась в Европе. Если даже ты еле выбрался из переделки, я бы точно ту ночь не пережила.

Джон вынужден был согласиться. Его самого спасло лишь наличие светошумовой гранаты и близость других Охотников, а Блэкснейк носила с собой лишь пару саев и небольшую Беретту.

Смотря на Блэкснейк, Джон вдруг вспомнил о Хелин. Он сам не знал почему, ведь эти две женщины казались совершенно противоположными. Хелин светлая и мягкая, словно мех белки, а Блэкснейк соответствовала своему прозвищу — темная кожа змеи. Но было в них и какое-то сходство, которое Джон не мог разглядеть, даже будучи трезвым, а сейчас очередной стакан виски превратил его сознание в растекшуюся на солнце медузу.

Когда в его голове прояснилось, он осознал, что Блэкснейк уже ведет его по темной улице за руку, энергично двигая бедрами. Вот он поднимается по лестнице, заходит вместе с ней в квартиру. В отличие от самой девушки, ее квартира довольно светлая и обставлена дорогой мебелью, на стене висят какие-то картины в стиле поп-арт с изображением разноцветных лиц. Лиц Джон не узнал, но они показались ему смутно знакомыми, однако вспомнить мешал туман в голове.

Матрас состоял из того материала, который позволял поставить на него доверху наполненный бокал с вином и активно прыгать рядом, не пролив при этом ни капли. Когда его спина коснулась кровати, он очередной раз с сожалением подумал о том, что неспособен спать, но девушка, оседлав его сверху, тут же заставила его выкинуть эти мысли из головы и сняла его усталость, еще миг, и она сняла и свою маску. Она была красива. А еще это она была

изображена на тех картинах. Удивительно, как такая темная готическая девушка способна преобразиться, если наложит светлый макияж. А может, она раньше была такой. Джон не мог об этом думать.

Он сам не помнил, когда она успела снять с него плащ, но на кровать он упал уже без него. И без меча. Спина и ребра все еще болели, но не так сильно; Бобби хорошо постарался. Блэкснейк медленно расстегнула пуговицы на своей небольшой кожаной курточке, точное название которой Джон не знал, и стянула с него черную кофту, названием которой он тоже никогда не интересовался, на этот раз все же заставив его зубы скрежетать от боли. Он почувствовал на губах ее губы, но целовалась она совсем не как гот, хотя ее закрученные в дредлоки волосы и царапали ему лицо.

Она спускалась языком по его телу все ниже, аккуратно поглаживая повязки вокруг тела, пока не дошла до самого низа. Рывком сдернув штаны, она начала вытворять такие вещи, которые Хелин никогда бы себе не позволила. Джон почувствовал легкий укол вины, но не дал ему себя обмануть. Хелин шлюха, которая каждый день трахается с десятком мужиков во всех позах, а он не ее цепной пес, которым она может вертеть, как пожелает; больше нет.

Джон вдруг понял, что его голова забита другим. Другой. Он резко сел, игнорируя боль в ребрах, и обхватил голову Блэкснейк, оторвав от дела. Потянув на себя, он заставил ее лечь рядом с собой на кровать животом вниз. Встав на колени, он стянул с нее кожаные с заклепками штаны и без церемоний порвал тонкие стринги резким движением. Блэкснейк вскрикнула от впившейся в кожу ткани, но тут же рассмеялась. Джон не обратил на это никакого внимания; сегодня он планировал заставить ее кричать куда сильнее. Сегодня он собирался сделать с ней все то, чего никогда бы не позволил себе сделать с Хелин.

Он заставил Блэкснейк встать на четвереньки и впервые за девять лет вошел в другую. Не в Хелин.

Глава 9: Происшествия

Глава 9: Происшествия

Джон лежал на удобной кровати, вперившись взглядом в уложенный квадратными плитками потолок. Девушка мирно дремала у него на груди, мерно посапывая. Он никак не мог заставить себя прекратить думать о Хелин, которая по сути была ему никем, а значит, его связь с Блэкснейк нельзя считать за измену. Но даже понимая это, он не был способен заставить подсознание прекратить кричать о его мнимой вине.

Блэкснейк коротко вздрогнула и открыла глаза.

— Сколько я спала? — спросила она.

— Часа два. До рассвета еще далеко.

Она подняла голову с его груди и перелегла на подушку, потягиваясь и зевая. Джон приложил максимум усилий, чтобы не взглянуть на ее упругие груди и не прикоснуться к ним.

— О чем думал?

— Почему ты решила, что я о чем-то думал?

— Ну, ты никогда не спишь, а чем еще заняться в свободное время? Ты же не просто потолок два часа разглядывал.

Этим я и занимался, подумал Джон. Но и думал, конечно, тоже.

— О чем вы все же разговаривали в подсобке? — немного безучастно спросила она, словно просто пыталась завязать разговор.

— О работе, — все же ответил он, — о чем же еще? За последние дни много чего произошло. Бобби говорит, что организация уже решает проблемы, которые на нас свалились, но не знаю, как можно исправить смерть четырнадцати Охотников и инвалидность еще двух.

— Действительно, — согласилась Блэкснейк. — Я никогда особо не доверяла организации, — сказала она и тут же осеклась: — Ты ничего такого не подумай, просто у многих возникают такие мысли: если люди из организации не могут предугадать такие крупные и ужасные события, как тогда нам не бояться, что следующее задание может стать для нас последним? Они же там вроде просчитывают вероятности и все такое.

— Я мало что об этом знаю, предпочитаю просто выполнять поставленные задачи и не задавать лишних вопросов. Если ты особо не доверяешь организации, — вновь заговорил Джон после небольшой паузы, — то почему вообще на нее работаешь?

Блэкснейк усмехнулась:

— Деньги. Если бы не эта работа, у меня бы не было такой шикарной квартиры.

Джон хмыкнул. Его квартира тоже не из дешевых, пусть он и не собирался обставлять ее дорогой мебелью и модными вещами, хотя не мог не согласиться, что такая обстановка действительно выглядела довольно уютной и не вызывала чувства чрезмерности, балансируя на грани.

Из дум его вывела Блэкснейк:

— И что, неужели они нашли способ решить все наши проблемы?

— Кто? А, организация. Скорее, они нашли себе новые.

— Ты ведь сам говорил, что мы все, Охотники, сами скоро все узнаем. А я такая нетерпеливая, — сказала она елеинным голосом и скользнула рукой под одеяло, которым Джон был накрыт лишь до пупка. Он почувствовал, как она умело ласкает его, продолжая невинно ему улыбаться, словно ничего и не происходит.

— Я не знаю, — ответил он дрожащим голосом, его дыхание было прерывистым и горячим.

— Бобби сказал, чтобы я пришел завтра, точнее уже сегодня, в бар за час до открытия, у него что-то есть. А Машери... он сказал ей отдыхать и... поэтому она расстроилась, ведь они с Майлзом... — он осекся. Не хватало еще, чтобы он разбалтывал чужие тайны, как старый сплетник. Блэкснейк, казалось, совсем не интересовали его ответы. Она спустилась по кровати вниз и скрылась под одеялом, из-за чего Джон видел лишь то, как небольшой бугорок размеренно то поднимается вверх, то опускается вниз, и чувствовал удовольствие, накрывающее его с головой.

Он ушел от нее за полчаса до рассвета, чтобы успеть домой до окончания комендантского часа. Организация очень не любила, когда простые граждане замечали на улице кого-то из Охотников, особенно если те имеют не скрытое оружие.

Придя домой, он тут же плюхнулся на диван. Сегодня он устал даже сильнее, чем после большинства ночных рейдов. Он не мог спать физически, а биологические часы Блэкснейк, как и у любого Охотника, настроены так, чтобы ночью бодрствовать, а те два часа, которые она все же проспала, дали ей еще больше энергии, которую она не желала растрачивать на болтовню и лицезрение потолка. Джон никогда так долго не занимался сексом, и не испытывал при этом столько удовольствия. Пусть ему и нравилась Хелин так, как никто, в постели ее нельзя было сравнить с Блэкснейк.

Очередной укол вины оказался так слаб, что почти не потревожил воды его внутреннего озера морального спокойствия.

***

Погода на улице становилась все прохладней, словно напоминая, что близится зима. Метеорологи предрекали грядущую зиму очень снежной и холодной, будто и так проблем не хватало, и Джон старался как можно больше довольствоваться пока еще бесснежными деньками. Из-за все еще болящих ребер, он не мог убивать время, тренируясь техникам меча, а потому гулял, даже если это не приносило ему того удовольствия, на которое он рассчитывал.

Решив пройтись сегодня подальше, он дошел до центра и двинулся вперед, поднимаясь по небольшому пологому холму, образовавшемуся после землетрясения, пока не уткнулся в высокую башню, напоминающую Биг-Бен, только раза в два меньше. Ее воздвигли через несколько лет после Катастрофы, словно напоминание о случившемся. Джон никогда не понимал стремление людей запечатлеть самые ужасные моменты в истории, будто увековечивание их могло уберечь от новых ужасов. Ставя все эти мемориалы и памятники, люди словно пытаются доказать всем вокруг, и себе тоже, что они помнят о том, что произошло, и не забудут, даже если очень захотят.

На башне, как и на оригинальном Биг-Бене, висели огромные часы. Их создали так, что двигался только циферблат, в то время как часовая стрелка оставалась неподвижной, замерев ровно на той минуте, которая считается началом всей Катастрофы. На самом деле часы отображали время, когда Катастрофа достигла именно Соединенных Штатов, так как исследователи утверждают, что самые первые толчки начались где-то в Сибири, в России, а Америки катаклизм достиг лишь несколько десятков минут спустя.

Башенные часы назывались «Минута Икс», но Джон окрестил их немного более претенциозно: «Человечество». Крутящийся по кругу циферблат ознаменовывал движение времени, а часовая стрелка — людей. Люди предстают так, словно не изменяют своего положения с течением времени, даже если вся жизнь проходит мимо них. Они думают, что идут вперед, а на деле стоят на месте, наблюдая за ходом времени и ожидая какого-то знака свыше, каких-то перемен. Но когда сей знак обрушился на головы прохожим, никто не счел это за

знамение.

Огромные круглые часы валялись теперь внизу, а вокруг них толпился разномастный народ, словно это событие стало самым интересным в их жизни. Наверно, не только один Джон радовался, что они упали, потому что каждый, кто смотрел на них, не мог с первого раза понять, сколько же сейчас времени, вертя головой и пытаясь определить, где какая римская цифра в данный момент.

Не удержавшись, Джон все же подошел к толчее и поинтересовался случившемся.

— Да часы упали, — ответила ему полная сердобольная женщина таким тоном, словно объясняя идиоту, который и так не видит, что произошло. Она стояла, разинув рот и морщась на солнце, поглядывая то на разбитый на земле циферблат, то на круглую дыру в башне, будто высчитывая в уме какую-то сложную математическую формулу. Остальные зеваки мало чем отличались, хотя у некоторых лица выглядели еще более глупо. Эти снимали происходящее на телефоны, хотя на деле ничего и не происходило: три человека наверху, человек пять внизу, каждый занят своим делом по устранению последствий.

— Это я и сам понял, — ответил Джон, стараясь не выдать раздражения. — В чем причина-то?

Тетка все же оторвалась от лицезрения интереснейшей картины и подозрительно оглядела Джона с ног до головы, потом ответила:

— Да говорят, дрался там кто-то. Наверху. Даже стреляли.

— Да не стреляли, а взрывали, — вмешалась другая тетка, почти такая же толстая, только с орлиным носом. — От стрельбы разве ж эта махина рухнула бы? А?

— Я говорю, что слышала, — резко ответила ей первая. — Дрались и стреляли, может, еще чего, не знаю, я ночью тут не гуляю.

— А кто гуляет? Никто не гуляет, — быстро ответила вторая, словно ее в чем-то обвиняют.

— Кто-то гуляет, раз дрались и стрелялись.

— Вот тот, кто гуляет, путь и отвечает.

— Так его еще найти надо. Никого же не нашли.

— Не нашли, но найдут.

— Найдут, ага, конечно, жди.

Джон понял, что про него забыли вовсе, и пока тетки не решили, что это он именно тот, кто гулял и кого нужно найти, решил по-тихому убраться подальше.

Кто-то дрался, стрелял и может даже использовал взрывчатку. Неужели Охотники? Опять Мрачный Жнец? Если так, то с кем он дрался? Джон хотел вернуться и расспросить людей, но он не полицейский, а ему еще не хватало, чтобы те тетки натравили на него копов. Он, конечно, мог бы отмахнуться значком «Тенелова», но это просто не стоило свеч. Это могли быть вообще не Охотники, а если и они, он сам все узнает сегодня вечером, когда придет в бар.

Он хотел уже перестать об этом думать, но тут он вспомнил, что тетки говорили, мол, никого не нашли. Если бы там было тело, они бы точно об этом упомянули, а это значит... Неужели он переманил на свою сторону еще одного? Или тот уже мертв, отказавшись?

Джон еще раз оглянулся на башню с зияющей в ее центре пустой глазницей. На шпиле под холодным ветром гордо реял красно-бело-звезданутый флаг.

— Башня прям олицетворение невежества.

— Заткнись, — машинально ответил Джон.

— Не, ну ты сам подумай, — продолжил Мефисто, — время начала Катастрофы стоит неверное, я бы даже сказал — эгоцентрическое, башня тупо слизана с Биг-Бена и ее построили на месте разрушенного жилого здания. И это вместо того, чтобы создать для людей новый дом. А знаешь, сколько в нее денег вбухали? Вот и я не знаю. Зато над всем этим гордо

развивается американский флаг, словно гвоздь, вбитый в гроб человеческой нравственности.

— Заткнись! — рявкнул Джон, отчего прохожие покосились на него, как на сумасшедшего, разговаривающего с самим собой. Он даже не счел нужным их разубеждать. Я и есть чертов псих!

— *Та баба просто тебя использовала,* — спокойно сказал Мефисто и тотчас исчез.

Джон остановился как вкопанный, из-за чего ему в спину влетела какая-то девушка, ушедшая сознанием в телефон и ничего не замечающая. Она тут же начала его материть, но быстро успокоилась, решив потратить время на что-то более, по ее мнению, полезное, и вновь уткнулась в экран.

— Какая баба? — тихо спросил Джон, но Мефисто не появился и не ответил. Он знал, что его невозможно заставить появиться по указке, а потому больше не проронил ни слова по дороге домой.

Он выбрал самый дальний от «Венериной мухоловки» путь.

***

Потолок сиял белизной, один сплошной кусок мрамора, светящийся изнутри, но когда он смог проморгаться и сфокусировать взгляд, то осознал, что это просто потолок, да и не такой уж и белый.

— О, очнулся, наконец-то? Как себя чувствуешь?

— Коннор? Как выжатый лимон, которого потом сунули в мясорубку, а получившееся вылили в унитаз.

— Значит, не хуже, чем как после похмелья, — усмехнулся Коннор. Бертону для того же пришлось приложить усилие.

— Что случилось? — спросил он.

— Это я тебя хотел спросить. Звонят в полицию, говорят, что из больницы, и что к ним приехал на машине тяжелораненый человек, который потерял сознание, не успев открыть дверцу. При осмотре обнаружили глубокую резанную рану в районе груди и плеча. Патруль приезжает, а там ты.

Коннор являлся полицейским, работавшим с Леброном в качестве напарника, пока последнего не уволили за взятки. Сам Коннор удивился этому инциденту больше всех остальных, ведь сам он, как говорят, старался никогда не нарушать закон, и согласился стать напарником Бертона лишь после того, как просмотрел его личное дело и поговорил с коллегами, с которыми тот когда-то работал. Поняв, что Леброн ничуть не меньше печется о законе, как он сам, Коннор с улыбкой пожал ему руку.

После увольнения Бертона, он не разговаривал с ним три месяца, но потом все же решил узнать, почему Леброн предал все, за что боролся, а когда узнал подробности, все же немного смягчился, однако также приветливо общаться с бывшим напарником уже не мог.

— Так что скажешь?

— У тебя такой тон, словно ты меня в чем-то обвиняешь, — возмутился Бертон. — Тут, вообще-то, я жертва.

— Извини, — поднял руки Коннор, — ты прав. Зря я на тебя вот так набросился, тем более что мне разрешили быть здесь, пока ты не придешь в себя. Я сейчас уйду и позову доктора, так что не вырубайся, а позже, когда мне позволят, мы с тобой поговорим. У меня есть к тебе несколько вопросов.

«Несколько вопросов? Тон у него как-то не особо изменился. Может, меня и правда собираются в чем-то обвинить? Если полиция проследила мои последние действия, то они

знают, что я был у доктора Алима. Вот черт, надо придумать версию поправдоподобней».

Вскоре пришел доктор и зачем-то перечислил Бертону все его повреждения: разбитый нос, растянутое запястье и сильное резанное ранение в области груди и плеча, и это не считая мелких ушибов, о которых он и не подозревал. У Леброна дома не было столько ниток, сколько потребовалось, чтобы наложить достаточное количество швов. Доктор сказал, что ему придется провести в больнице не один день. Значит, вот куда уйдут мои с трудом накопленные денежки, грустно подумал частный детектив.

Коннор вернулся через два дня.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался он.

— С каждым днем все лучше. Особенно в этом помогают обезболивающие.

Они вместе вяло рассмеялись.

— Ладно, — посерьезнел Коннор, — мне нужно задать тебе несколько вопросов. Формальности, ты понимаешь.

Бертон понимал. Ему часто приходилось задавать на его взгляд дурацкие вопросы пострадавшим и подозреваемым, когда всем и так было понятно, что произошло и кто виноват. Бюрократия и бумагомарание никогда не вымрут, даже если бумагу давным-давно заменили электронные планшеты.

— Так, с чего бы начать, — протянул Коннор. — Ладно, для начала расскажи, что именно с тобой стряслось?

Бертон вздохнул и начал заранее придуманную историю: он был в подземной автостоянке, вдруг на него вышло несколько человек в масках и с тесаками, сначала он сделал предупредительные выстрелы, но когда это не возымело эффекта, открыл огонь на поражение, однако патроны кончились раньше, чем он успел перебить всех. А еще ему удалось уложить как минимум двоих. Бертон не знал, выжил ли второй после того, как он его сбил.

— Да, мы были на той стоянке, — заговорил Коннор, допечатав показание, — но тел не обнаружили, только кровь, хотя относительно мало, и в основном твоя.

— Наверно, остальные их унесли.

— Возможно. — Полицейский почесал за ухом. — А еще мы не нашли ни одной пули, только гильзы, причем они валялись преимущественно возле разбитой вдребезги машины.

Бертон и вовсе забыл о машине, на которую залезал, убегая от преследователей. Владелец явно был вне себя, увидев свой автомобиль, который, стоя на стоянке, превратился в груды мусора.

— Ну, так я прятался за этой машиной, — нашелся Бертон. — Я же не знал, есть ли у них еще какое-нибудь оружие кроме тесаков, вот и закрылся ею от возможных выстрелов.

Коннор кивнул и что-то напечатал в планшете пальцем.

— Но пули мы все же не нашли, кроме той, что в потолке, — повторил полицейский.

Бертон проклял свою меткость. Будучи полицейским, он не раз ездил на всевозможные турниры и соревнования, где всегда брал одно из первых мест. Метко стрелял он практически с любой позиции и из любого пистолета.

— Возможно, все пули попали в цель.

— Но ты сам сказал, что уложил всего лишь двоих.

Теперь Леброну пришлось проклясть себя за длинный язык и слишком детальные объяснения. Всего продумать невозможно.

— Я же сказал: как минимум. Там было темно, да и некогда мне было считать, в кого я попал. Возможно, у них были бронежилеты.

— Хорошо, оставим пока эту тему. Дальше. Что за нож и пулю ты приносил к доктору Алиму? Это как-то связано с тем, что на тебя напали ночью хулиганы, в ходе которой

произошла перестрелка?

Бертон боялся, что Коннор узнает от доктора Алима о его посещении лаборатории и просьбе сделать анализы оружия и крови, но о том, что он узнает о его ночной прогулке, даже и представить не мог.

— Откуда ты знаешь про мои ночные похождения? — удивился Леброн.

— В том патруле, что приехал сюда на вызов, оказался Пол, который и выезжал с напарником на тот ночной вызов о перестрелке. Он специально дождался меня и рассказал, считая, что это как-то связано с твоим... нынешним положением. Конечно, он уже отработывает свое наказание за то, что решил замять это дело, но я попросил шефа особо его не ругать, все-таки, он решился все мне рассказать, даже зная, чем это ему грозит. У тебя еще остались в полиции друзья, которые волнуются за тебя.

Бертон хотел сказать, что променял бы одного такого друга на двух врагов, но решил промолчать. Не повезло, так не повезло. «И чего черт меня дернул тогда дожидаться патруля. Даже перестав быть полицейским, я не растерял свое чувство долга. Так себе утешение. Я больше не полицейский, — вновь напомнил он себе, — и сижу, несую откровенную чушь настоящему копу, бывшему — или он до сих пор считает меня таковым? — другу. Но в правду он все равно не поверит, ведь у меня и самого не до конца это получается».

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Правда не помешала бы, — усмехнулся Коннор. — Во что ты влез?

Разрываясь между правдой и откровенной ложью, которая уже созрела у него в голове, Бертон поджал губы и вздохнул. «Я мог бы сказать, что на меня просто кто-то ведет охоту, возможно, кто-то из тех, кого я когда-то посадил, но объяснить мое появление ночью на улице будет трудно. Да и если я скажу такое, ко мне тут же могут приставить охрану, и тогда я буду словно в тюрьме. Вряд ли те люди рискнут напасть на меня дома. Хотя...».

— Что ты знаешь о том, почему ночью действует комендантский час? — начал он издали.

— Я думал об этом, — честно признался Коннор, — но к каким-то конкретным выводам так и не пришел. Думаю, многие из тех, кто умнее нас, пытались это выяснить, но если бы они узнали что-то интересное, давно бы раструбили. Все же считаю, что правительство и правда ввело комендантский час, чтобы снизить число преступлений, пусть это и довольно радикальный метод. Многим запрещенное время не нравится, но это действительно работает. Я, если честно, надеялся, что до конца года так и буду штаны просиживать в участке, а тут ты, — не зло сказал полицейский.

— Извини, что испортил отдых.

— Ничего, зато хоть не скучно. Да и не хотелось бы попасть под сокращение из-за отсутствия работы.

— Если тебя и сократят, Коннор Люпин, то самым последним, — снова усмехнулся Бертон. — Ты же лучший полицейский штата.

— Не преувеличивай, — отмахнулся он. — И не уходи от разговора.

— От допроса, ты хотел сказать?

Коннор вздохнул и слегка нахмурился, отчего его лицо стало еще больше походить на волка. Из-за его внешности его так и прозвали — «Полицейский волк», как полицейский пес, только волк. Ему не нравилось такое прозвище, хотя он не мог отрицать сходство с волчьей породой.

— Называй, как хочешь, — ответил Люпин, — тебя ни в чем не обвиняют. Тел нет, да даже если бы и были, судя по твоим словам, это была самозащита. Но все же, что ты хотел сказать, говоря о происходящем ночью?

— Короче, — начала Бертон, — я тут недавно вычитал в интернете, что ночами по улицам

бродят какие-то люди в черном, да еще и при оружии. Сам знаешь, я очень любопытен, вот и решил хоть что-то выяснить. В ту ночь, когда Пол меня подобрал, я встретил одного из них. Если короче, он на меня напал, но тут появился второй, и спас меня. Этим ножом, что вы нашли у меня в бардачке, был ранен напавший на меня. Пол, как ты знаешь, решил все замять, я тоже не хотел особой огласки, вот и решил самостоятельно узнать, принадлежит ли эта кровь кому-нибудь, кто есть в базе данных полиции.

— Узнал?

— Нет. Но когда я вернулся на автостоянку, на меня напали, а дальше ты сам знаешь.

— Думаешь, это люди того, кто на тебя напал? — Бертон неопределенно пожал плечами. — Что-то не сходится. Он должен был знать, что его ДНК нет в базе данных, а значит, это тупик для тебя, все равно бы ты ничего не узнал, а напав на тебя, они лишь привлекли внимание полиции.

— Не забывай, что они хотели убить меня, — напомнил другу Бертон. — Если бы они достигли желаемого, то засунули бы мое тело, например, в мою же машину и... не знаю, сымитировали бы несчастный случай или просто закопали бы где-нибудь в лесу, а машину под пресс. Но мне повезло. Коннор фыркнул.

Повезло — это единственное, что было чистой правдой. Если бы не нож... Пуля. Бертон вдруг вспомнил, что когда разорвал пакет для улик, в ней еще находилась и пуля.

— Пуля! — сказал он вслух.

— Что?

— Вы не находили смятую пулю, сделанную из того же сплава, что и нож? Она должна была валяться где-то недалеко от той машины.

— Я же говорю: мы не нашли ни одной пули, кроме той, что в потолке. А что это за пуля?

Бертон снова вздохнул, думая, говорить ли Коннору о своей теории.

— Ты сочтешь меня за сумасшедшего, — сказал он, — но мне кажется, что те люди приходили именно за этими пулей и ножом.

— Сумасшедший ты или нет, мы потом решим. Но зачем им они? Они дорогие? И почему те люди не попытались выкрасть их из лаборатории?

— Насчет их цены тебе лучше узнать у доктора Алима, он в этом разбирается. А не выкрали их из лаборатории потому, что проще было сделать это, когда за ними явлюсь я и спущусь в безлюдную автостоянку.

— Тогда, получается, за тобой следили?

Брови Бертона взметнулись вверх. Эта мысль даже не пришла ему в голову. «Черт, похоже, я и правда влез туда, куда не следовало. Дело оказалось мне не по зубам».

— Я оставлю у палаты дежурить пару полицейских. На всякий случай.

Этого Леброн и боялся.

— Думаешь, надо? Пулю они забрали, а ножа у меня больше нет.

— Я не хочу, чтобы тебя убили, — сказал Коннор, вставая. — Лишняя защита еще никому не вредила. Ладно, я узнал все, что хотел, так что мне пора. Если еще что-то появится, я вернусь. Выздоровливай.

Когда Люпин вышел из палаты, Бертон хотел схватиться за голову, но его тут же пронзила острая боль в том месте, где ему наложили швы, и он решил сокращаться без лишних телодвижений.

— Тюрьма, — вздохнул частный детектив. — Пусть я и так бы не сумел никуда уйти, но охрана все равно не лучше надзирателей. Зачем же им нужны эти пуля и нож? Явно не из-за того, что они дорогие. Нет, не теми вопросами я задаюсь. Что это было за хрень? Кто были те монстры, которым пули были не страшней гороха? Что это за люди в черном? Зачем я влез во

все это? Я слишком молод для этого дерьма!

Глава 10: Новые знакомства

Глава 10: Новые знакомства

Желая убить время, Джон пришел за полчаса до назначенного Бобби времени. Бар уже был открыт. Войдя в помещение, он увидел за несколькими столиками людей, которых раньше не встречал.

— А это кто? — спросил он у Бобби, усевшись за барной стойкой.

— Не поверишь, — усмехнулся бармен, — обычные посетители. Так как мы обычно работаем по ночам, тут никого из обычных горожан и не бывает.

— Понятно. Так чего звал?

— Ты пришел слишком рано. Все узнаешь, когда подтянутся остальные.

— Остальные?

— Я же говорю: все узнаешь. Терпение.

Бобби упрям, как старик, хотя до этого возраста у него оставалось еще лет пять, а потому бесполезно задавать вопросы, на которые он не собирался отвечать. Джон как обычно заказал виски и решил поговорить на другую, давно затронутую им тему:

— «Тенелов» не передумал по поводу моей идеи? Бобби непонимающе вздернул бровью, потом в глазах промелькнуло воспоминание.

— А, ты про Дневных Охотников? Ничего они не передумали, и не передумают. Лазить днем по канализациям и другим темным закоулкам в поисках Теней хочешь только ты, а у организации людей не так много, чтобы этим заниматься, особенно после случившегося. — Бобби помолчал. — И одному тебе этим заниматься не позволят, ты слишком ценная единица. Я не говорил, как они каждый час звонили, пока я тебе спину зашивал и после? Они потеряли Майлза, и очень не хотят потерять еще и тебя.

Джон лишь пожал плечами. Он не считал себя таким уж важным членом Охотников, пусть и убил немало Теней. Некоторые даже сравнивали его с самим Бобби Демиургом, когда тот еще находился в расцвете сил и неистово уничтожал Теней налево и направо, орудуя клинком, словно вечным двигателем смерти. Однажды, в пылу сражения, он убил пятерых других Охотников, и с тех пор отложил меч, точнее, повесил его над стендом с выпивкой в баре, как напоминание себе и другим о совершенном им грехе.

В слух Джон сказал, что не считает себя таким уж важным, чтобы о нем так пеклись.

— Ты же знаешь, что до Катастрофы я преподавал историю религии и мифологии?

— Ты говорил.

— Есть легенда о двух братьях, которых боги создали равными друг другу во всем, однако один из них возомнил, что он лучше второго, и решил доказать это на поле боя. Он захватил не одно государство, создав великую империю, однако погиб в последнем из боев, пусть выиграв войну и прославив свое имя, и тогда на престол взошел его брат, ни в чем ему не уступающий, кроме того, что был жив. Возможно, это не самое подходящий миф для сравнения, но ты с Майлзом почти как два этих брата. Пусть Майлз и считался неофициально сильнейшим в боро, но ты ничуть не слабее, просто... меньше выделяешься. Тор всегда вел себя слишком вызывающе, потому этот Жнец и нацелился на него первым. Если бы ты тоже так выпендривался, то мог бы стать первой жертвой.

— Если помнишь, он и на меня напал.

— Да, — согласился Бобби, — но ты-то не проиграл.

— Только благодаря удаче. Если бы не...

— Удача — это тоже часть силы, — перебил его бармен. — Не важно как, но ты не проиграл ту схватку, пусть и не выиграл тоже. Да и кто знает, как бы все сложилось, не будь ты ранен.

Вместо ответа Джон отхлебнул виски. Он знал, что будь он хоть трижды здоров и знай о том, что на него нападут, все равно бы не вышел из боя победителем. Мрачный Жнец не обычный человек, даже для Охотника, иначе бы он не смог напустить тех Теней. Джон боялся, что человек в шляпе соврал о том, что он Охотник, а на самом деле одержим Высшей Тенью. Вслух он такое произносить боялся. А что, если Бобби согласится с этим? Организация этим уже занимается — это все, что хотелось знать Джону.

Через несколько минут в бар зашел еще один Охотник, и Бобби заявил на весь зал, что заведение закрывается из-за скорого комендантского часа. Посмотрев на часы, посетители нехотя разошлись, оставив скупердяйски мало чаевых, как недовольно заметил Бобби.

Тем, кто вошел в зал, оказался Грассхоппер — высокий жилистый Охотник с большими карими глазами. В качестве оружия он предпочитал пару длинных кукри, что, по мнению Джона, было несколько нецелесообразно. Другое дело — длинный и прямой меч.

— Я не опоздал? — спросил вошедший Охотник.

— Ты первый, если не считать Джона, который пришел на полчаса раньше.

— Давно не виделись, — кивнул Джон. В последний раз они встречались, когда вместе лежали в комнате за подсобкой после резни с Тенями. Грассхоппер кивнул в ответ.

— Как раны? — поинтересовался он.

— Скажем так, если бы сейчас завязалась драка, я бы постарался по-тихому свалить.

— Никакой драки не будет, — заверил их Бобби. — Мы просто кое-куда съездим.

— Не люблю сюрпризы, — буркнул Грассхоппер.

За следующий десять минут пришло еще несколько человек. Эвила — женщина лет сорока, но довольно подтянутая, черная вуаль, скрывающая лицо, придавала ей мрачный образ. Барсук — низкорослый мужчина лет тридцати с небольшим, бывший вор-домушник (кто-то говорит, что и нынешний), любит разрисовывать лицо двумя черными полосками, за что и получил свое прозвище. Афро Афродита — красивая темнокожая девушка, примерно одного возраста с Джоном, на голове колючее афро с торчащим из него амбисидиановым гребнем.

— Даже не представляю, зачем мы все здесь собрались, только если Бобби не решил устроить самую странную оргию на моей памяти, — заявила Афро.

— Я не против, — подал голос Барсук, — осталось только договориться о плате.

— Я знал, что так будет, — вздохнул Бобби, — но, к сожалению, не мне решать, кого выбирать.

— Выбирать для чего?

— Сами увидите, — улыбнулся Бобби. — Сколько же будет бучи, — добавил он сокрушенно лишь для себя.

***

Оливер с трудом разомкнул веки и его взгляд уставился в белый потолок с одним единственным плоским плафоном посередине. Повернув голову набок, он почувствовал острую боль, и воспоминания нахлынули на него темной волной. Руки с кожей, как у лягушки, схватившие Гека и утащившие его во тьму; Гек, напавший на Джо, словно дикий зверь; он убегает вместе с Бекой, а когда оборачивается, то видит, что ее нет; темные твари, одна из них залазит в рот девушки, другая пытается сделать тоже самое и с ним, но отскакивает, как от

чумного; падение...

Воспоминания вспыхнули в сознании так быстро, что Оливер невольно подскочил, но тут же бухнулся обратно из-за ужасной боли в голове и по всему телу. Я живой, промелькнуло у него в сознании. Он осторожно коснулся затылка и почувствовал, что его голова забинтована. «Я в больнице? Ну конечно, в больнице! Я же выпал из проема, а остальное мне просто приснилось».

Осторожно, без резких движений, он сел на кровати, свесив ноги, слегка повернулся и аккуратно прижался спиной к стене. Перед ним, шагах в трех, оказалась еще одна безликая стена. Повернув голову направо, он обнаружил, что комната как бы разделена тонкой перегородкой, похожей на туалетную. Странная палата, подумал Оливер. Когда он повернул голову налево, то чуть не подскочил вновь, почувствовав, как очередная раскаленная игла вонзается в мозг. Сначала ему показалось, что две палаты соединены в одну длинную, а на второй половине, также прижавшись к стене, сидит еще один пациент, в такой же серой одежде, похожей на пижаму, но быстро осознал свою ошибку. Слева, вместо стены, находилось огромное зеркало.

У Оливера почему-то возникло такое чувство, что это не простое зеркало, а одностороннее, позволяющее наблюдать с другой стороны. Медленно встав с кровати, он нетвердым шагом подошел к своему отражению и ударил ладонью по стеклу. Послышался глухой стук, словно перед ним пласт пластмассы, толщиной сантиметров пять, а то и больше.

— Эй, есть там кто-нибудь? — позвал он громко.

Никто не ответил. Тогда он решил для начала осмотреть, как ему представлялось, свою камеру заключения. За перегородкой действительно оказался один унитаз и умывальник из какого-то золотистого металла. И все, больше в комнате, кроме кровати и небольшого столика у изножья, ничего не было. Ну, еще и металлическая дверь у самого зеркала с непонятными завитушками на ней, при этом чеканка отливала таким же цветом, как и унитаз с раковиной. Подойдя к ней и ударив ладонью, он понял, что она еще крепче стекла.

«Что же случилось? — судорожно подумал он, стараясь припомнить все детали того вечера. — Сколько прошло времени? Алкоголь уже явно выветрился. А что, если произошедшее было не сном? Да нет, Гек, этот слабак, да чтобы напал на здоровяка Джо и так его отшвырнул? И еще эти чудовища. Это точно сон, навеянный байками Джо о демонах и выпивкой. — Он вернулся на кровать, положив подушку так, чтобы ему было удобней сидеть, прижавшись к стене спиной. Он подумал, что если кто-то за зеркалом увидит, что он пришел в себя, то непременно все ему разъяснит. — Что разъяснит? Может, это не камера, а действительно больничная палата, только вот сама больница в тюрьме? Что, если на нас и правда напали, только не демоны, а люди? Да, я смотрел какой-то фильм или передачу, где говорилось, что иногда память обманывает саму себя, когда происходит что-то, что шокирует человека. Воспоминания подменяются, чтобы человек не сошел с ума».

Не сошел с ума! Оливер не понимал, как воспоминания о всяких демонах не позволят ему свихнуться. Лучше уж помнить то, что произошло на самом деле. Неужели Гек, Джо и... Бека мертвы? От этой мысли Оли чуть не расплакался, но он не собирался выставлять свои эмоции напоказ.

— Я несовершеннолетний! — крикнул он отражению. — Я знаю свои права! Вы не имеете права меня тут держать без согласия родителей.

Отец Оливера был законченным пьяницей, и он понимал, что даже пробудь он здесь целый месяц, тот не сильно будет волноваться, лишь расстроится пропаже порученца, бегущему в магазин за огненной водой, и теперь придется делать это самому или посылать собутыльников. За бутылку он согласится подписать любые бумаги, даже не читая.

— Я есть хочу, — сказал он уже спокойнее в никуда.

К его удивлению, не прошло и десяти минут, как в двери послышались звуки, словно ее отворяют. Вскочив на ноги, он ожидал, что дверь откроется, но вместо этого, внизу в сторону отодвинулась небольшая заслонка, которую Оливер сначала даже не заметил, и рука втокнула внутрь поднос с едой, после чего заслонка вновь быстро вернулась на место, и снова послышался звук ключа в замке. «Зачем кому-то закрывать такую узкую заслонку на отдельный замок?» — подумал Оливер, но увидев еду, вдруг почувствовал сильный голод и переключил внимание.

Он удивился той еде, что ему предоставили: мясо с гарниром, салат, сладкий компот, даже кусочек пирога. Отдельно лежала небольшая белая таблетка; сначала он побоялся его выпивать, но решил, что если его хотят отравить, то проще это сделать, добавив яд в еду. Вкус аспирина развеял последние сомнения.

Если это тюремная больница, подумал Оливер, то я бы не прочь сесть на годик-другой. Лишь съев все до последней крошки, он решил, что это не так. Какой бы комфортной не была тюрьма, свобода всегда лучше, пусть даже и такая несовершенная.

За подносом никто не являлся. Видимо, не хотят рисковать, подумал он. Неужели я такой опасный преступник, что ко мне боятся зайти даже взрослые сильные мужики? Что же, по их мнению, я сотворил со своими друзьями, если меня так опасаются?

Таблетка еще не успела подействовать, а потому голова по-прежнему болела. Задвинув столик обратно за кровать, Оливер лег, прикрыл глаза и заснул, сам того не желая. Ему снился тот же самый вечер, только вместо существ, словно сотканных из теней, был он сам. Он видел, как в темном проеме двери появилось его лицо, и он утащил кожистыми зеленоватыми руками Гека во тьму. Потом он появился в проеме сам, в крови с головы до пят. Увидел, как напал на Джо, на толстяка Джо, которого разорвал на части, словно лист бумаги, скомкал и выбросил. Бека. Он увидел свое отражение в ее наполненных ужасом и слезами глазах, а потом вырвал эти глаза и съел. Она так кричала, что он захотел ее заткнуть, запихав руку ей в глотку, а затем и вторую; в конце концов, он залез в нее полностью, а когда открыл глаза, то они оказались глазами Беки, смотрящими на него в его же желудке.

Оливер резко проснулся и огляделся, словно боялся, что это было взаправду. Машинально он прикоснулся к своим глазам и почувствовал, что его лицо покрыто капельками пота.

— Проснулся? — послышался голос.

Оливер дернулся от неожиданности и быстро поднялся с кровати. Голова закружилась и он сел обратно, не отрывая взгляда от человека, расположившегося на стуле спиной к зеркалу. Напротив него стоял еще один стул.

— Кто вы?

— Меня зовут доктор Скот Джейсон.

— Где я? Я в больнице?

Доктор немного замялся:

— Нет, я не совсем такой доктор. Я хочу с тобой поговорить, можешь сесть на стул или остаться на кровати — как тебе удобней. Тебя ведь зовут Оливер Лайтман? Ты можешь рассказать, что с тобой случилось?

Было странно, что его спрашивает именно доктор, пусть и «не совсем такой», а не полицейский. Хотя, подумал Оливер, возможно, что копы стоят за зеркалом, а этого мужика послали, чтобы я не так волновался. Хотите историю? Пожалуйста.

— Ну, я не очень хорошо помню случившееся, — начал Оливер, решив остаться на кровати.

— Расскажи, что помнишь.

— Мы с друзьями отмечали мой день рождения на восьмом этаже заброшенного здания. —

Оливер сделал паузу, словно ожидая, что его поздравят, но доктор лишь задал уточняющий вопрос:

— Сколько именно было друзей? Перечисли, пожалуйста, их имена.

Он сделал, как просили, и продолжил рассказ:

— В общем, в самый разгар появились... какие-то люди и почему-то напали на нас. Я смутно помню, что именно произошло, потому что сразу же побежал по лестнице вниз, но один из них меня догнал и толкнул, из-за чего я упал со второго этажа и, судя по всему, отключился. — Он потрогал ноющий затылок.

Доктор Скот Джейсон снова молча допечатал показания и проницательно взглянул на молодого парня.

— Так все и было?

— Так я помню, — пожал плечами Оливер.

— Хорошо. А как выглядели эти люди, и сколько их было?

— Было темно, да и как-то не до рассматриваний было. Но, как мне кажется, они были в черных масках.

Доктор снова что-то отметил в планшете.

— Они что-нибудь говорили? Они держали в руках оружие или хоть что-нибудь?

— Я ничего такого не помню.

Доктор покивал головой, но в этом жесте, Оливер понял, не было ни грамма веры. Парень и сам понимал, что его история звучит натянуто и не особо правдоподобно, но голова болела слишком сильно, даже несмотря на выпитую таблетку, словно пульсируя изнутри, и лишь тугой бинт препятствовал тому, чтобы она развалилась на части.

Доктор заговорил вновь, но голос, ранее мягкий и вкрадчивый, теперь несколько изменился, став как будто прохладным. Это был голос человека, который не верил:

— Так значит, ты не видел никаких темных существ, и они не пытались залезть тебе в рот?

Оливер так опешил от вопроса и от того, как он был произнесен, словно это стандартный вопрос любой анкеты, что от неожиданности открыл рот и широко раскрыл глаза, но тут же сменил выражение лица на просто удивленное вопросом.

— Темных существ? Залезть в рот? Я думал, это я головой ушибся.

Оливер старался говорить так, словно вообще не понимает, о чем речь, но чем больше он старался, тем менее правдоподобными ему казались собственные выдумки.

— Что ж, если ты так говоришь...

И снова Оливер был уверен, что ему ничуть не поверили, но он был очень рад, что допрос не продолжится.

«Неужели, это был не сон? — задавал он сам себе мысленно вопрос. — На нас действительно напали демоны? Если так, то получается, что я не в больнице и не в тюрьме, а где-нибудь... в секретной лаборатории. Что, если все это было просто экспериментом? Тогда я тем более все должен отрицать, а иначе они могут пожелать избавиться от ненужного свидетеля».

— Не желаешь немного пройтись? — внезапно для Оливера поинтересовался доктор, хотя вопрос звучал не как предложение.

Когда Скот Джейсон встал, тут же распахнулась железная дверь. Не имея особого желания, Оливер все же последовал за доктором. Выйдя за порог, он увидел слева и перед собой глухие стены, однако справа находилась короткая лесенка вверх. Пройдя за доктором Джейсоном, он очутился в широком светлом коридоре. Свернув направо, он увидел комнату, из которой только что вышел.

Осмотревшись, он вновь от удивления открыл рот. Таких комнат вдоль длинного широкого

коридора располагалось несколько десятков. Те комнатухи, что видел Оливер справа, следуя по коридору за доктором, практически все выглядели одинаковыми, хотя те, что слева, имели черный цвет стекол, которые были как будто матовыми, из-за чего было невозможно рассмотреть, что за ними. Помимо этого, квадратные стекла находились практически вплотную друг к другу, между ними располагались лишь тонкие стены. Оливер готов был поклясться, что из-за некоторых таких стекол слышались звуки ударов и даже крики. Оливер решил, что постарается вести себя как можно незаметней и подчиниться внутреннему своду законов, какими бы они ни были, чтобы не оказаться за одним из таких непрозрачных стекол.

Оливер ожидал, что его ведут в какую-нибудь лабораторию, чтобы подвергнуть более пристальному допросу. Когда из коридора с комнатами они с доктором через дверь вошли в намного более узкий переход и направились к другой такой же двери, Оливер уже собирался с духом и планировал рассказать все, что от него хотят услышать, потому что из фильмов он знал, что любой после продолжительных пыток обязательно в конце концов расколется, а если так, то нет смысла терпеть боли больше, чем необходимо. Но когда двери распахнулись, он понял, что устал за сегодня удивляться.

Перед ним предстало просторное помещение с высоким потолком, стены по обе стороны украшали огромные витражные окна с изображениями из цветных стекол, как в церквях или храмах, при этом окна начинались примерно на середине стены, устремляясь вверх. Судя по всему, на улице уже смеркалось. Когда Оливер смог оторвать взгляд от изображений рыцарей и ангелов, поражающих различных чудовищ, и опустил глаза, то увидел, что это не церковь и даже не какой-нибудь музей, а типичная столовая с множеством столов и стульев. В конце помещения находилась стойка, а за ней низкая перегородка, позволяющая увидеть внутреннее убранство кухни. Оливер даже не сразу заметил за одним из столов четверых человек.

Эти четверо, как решил для себя Оливер, были схожи лишь тем, что так же, как и он, беспокойно озирались по сторонам и выглядели встревоженными, словно не понимая, что происходит и где они, ожидая подвоха. А еще на них оказалась точно такая же серая одежда.

Когда он только вошел в помещение, все взоры тут же устремились на него, словно люди чего-то ждали. Доктор Джейсон подвел его к общему столу и попросил сесть на свободный стул. Через несколько секунд к нему подошел человек и спросил, чтобы он хотел съесть на ужин. Оливер понял, что это официант, а также он осознал, что действительно несколько голоден, хотя и не так сильно, как перед прошлой трапезой. Не зная, что можно выбрать, он заказал пару бургеров и колу. Официант удалился также быстро, как и возник.

— Я так полагаю, ты тоже не знаешь, что происходит? — поинтересовалась у него темнокожая девушка с немного грустным видом, сидящая от него по правую руку. Оливер мог в равной степени дать ей как шестнадцать, так и двадцать лет.

— Если бы он знал, не сидел бы здесь с нами, — подал голос коренастый парень лет двадцати с небольшим и с бритым наголо черепом. Образ дополняли мощная челюсть и, судя по всему, не раз сломанный нос.

Еще двое промолчали. Молодая худая девушка, примерно по возрасту равная Оливеру, с впавшими глазами и мешками под ними, словно не спала несколько дней, и мужчина, возраст которого тоже было трудно определить, хотя он точно был старше остальных. У него были костлявые руки с тонкими длинными пальцами, бегающие глазки, тонкие нос и губы. Этот Оливеру не понравился больше всего, потому что посматривал на все и всех вокруг с нескрываемым презрением и даже ненавистью, словно ему не нравилось находиться в обществе малолеток, да еще и непонятно где, хотя на первую девушку он иногда зыркал так, словно не прочь остаться с ней наедине.

— Как вы сюда попали? — спросил Оливер всех, хотя больше обращался к темнокожей, так

как она выглядела наиболее расположенной к общению, но ответил ему именно тот с бегающими глазками:

— Загребли нас, вот и все. Уроды. Даже права не зачитали, беззаконие полное, словно мы урки какие бесправные.

— Но я ничего такого не делал, — сказал Оливер, но тут же умолк. Если мои друзья на самом деле мертвы, они могут решить, что это моих рук дело, судорожно подумал он.

Он хотел еще сказать, что вообще несовершеннолетний и его не имеют права здесь держать, но тут принесли еды. Каждый заказал себе все по своему вкусу, и только мужик с тонкими губами, как подумал Оливер, заказал себе как можно более дорогие блюда: лобстеры, мясо с кровью, креветки, бутылку вина и всего по мелочи. Не только Оли смотрел на него с отвращением.

— Что? — развел он руками с зажатой в одном кулаке клешней лобстера, а в другом — куриной ножкой. — Халява ведь. Вдруг, это наша последняя хавка.

Оливер в этом сомневался. Зачем накармливать кого-то перед тем, как проводить эксперименты или вообще убить? «А если меня и правда убьют? Будет печально, если перед своей смертью я съем всего лишь пару бургеров». Но Оливер все же не верил, что его убьют, а иначе не стали бы перед этим спасать и лечить. Хотя никто не может знать, чего задумали эти люди, эксперимент может быть куда более сложный, чем можно вообразить.

Несмотря на то, что все ели в тишине, можно было почти физически ощутить, как в воздухе витает напряжение. Оливер полагал, что все эти люди тоже столкнулись с теми существами, но об этом явно никто не желал говорить. Остаток времени на ужин прошел в тишине. Когда кто-то доедал, к нему подходил человек, и они вместе уходили обратно через двери, ведущие в коридор. Оливер не старался есть как можно медленнее, но два бургера кончились слишком быстро, и он вместе с доктором Джейсоном отправился вслед за девушкой с мешками под глазами, которая съела лишь один кекс и выпила полкружки кофе со сливками. Оли подумал, что последним уйдет тот тип с бегающими глазками, если вообще когда-нибудь доест все, что заказал.

— Они видели тоже, что и ты, — сказал доктор, когда они подходили к комнате Оливера.

— А?

— Скоро ты узнаешь больше. Сейчас тебе следует поспать.

Оливер лежал на кровати, которую, кстати, застелили новым постельным бельем, пока его не было, и не знал, чем себя занять, потому что сон никак не хотел приходить. Он не знал, сколько сейчас времени, но судя по витражным окнами в столовой, наступала ночь. Перекатываясь с бока на бок, он в конечном итоге заснул спустя пару часов.

Его разбудил звук открывающейся металлической двери. В комнату вошел человек, сказал, что сейчас время завтрака. Оливер не чувствовал себя выспавшимся, но спорить, как он заранее решил, не стал. Когда он поел, этот же человек забрал поднос обратно. На обед все повторилось, только еда оказалась сытней.

Когда настало время ужина, доктор Джейсон вновь отвел его в столовую, на этот раз он оказался предпоследним, а последней привели темнокожую молодую девушку. Все выглядели такими же невыспавшимися, хотя девушка с мешками под глазами как будто не изменилась. Человек же с бегающими глазами бурчал что-то о странном распорядке дня.

Когда вновь настало время завтрака, Оливера разбудил уже не человек с подносом, а совсем другой, странный на вид, и без подноса. На нем был темный плащ почти до пола, а за плечом виднелась рукоять меча. На белом фоне стен он выглядел как жуткая черная клякса, принявшая форму воина из темных легенд.

Оливер почему-то подумал, что именно так и должна выглядеть смерть; пустыми глазницами черепа сейчас никого не испугаешь, но бездонно-черные глаза способны пробираться до мурашек.

Глава 11: Тени

Глава 11: Тени

Когда Джон, Бобби и остальные вышли через задний ход, их уже поджидал микроавтобус.

— Так куда мы едем? — спросила Афро, когда они выехали на главную дорогу.

— На базу, — ответил Бобби с переднего сидения.

— Я так и подумал сразу, — вздохнул Джон.

— Что нам там делать?

— Сами все увидите.

Остаток пути Афро еще не раз пыталась выпытать, за каким чертом им в штаб «Тенелова», но Бобби отговаривался лишь общими фразами, мол, узнаете, когда доедем. В конечном итоге Грассхopper не выдержал и сказал ей заткнуться и быть терпеливей, из-за чего в маленьком салоне микроавтобуса едва не началась потасовка. Бобби лишь печально вздыхал, не в силах что либо поделать.

Территория базы находилась в южной части полуострова Кони-Айленд, где когда-то располагался парк аттракционов, закрытый еще до Катастрофы. Тот, кто купил землю, собирался создать там огромный торговый центр, но когда больше половины уже построили, произошла Великая Катастрофа, и бизнесмен обанкротился. В конечном итоге землю за бесценок выкупила организация «Тенелов» и отстроила все заново за рекордные сроки уже в качестве своего филиала.

Филиал занимался тем, что выискивал Охотников и тренировал их для борьбы с Тенями, а также в нем проводились всевозможные эксперименты с Тенями и одержимыми ими людьми. Бобби как-то говорил, что большую часть того, что они знают о Тенях, выведено у них самих, хотя это заняло довольно много времени, так как существа из другого мира очень любят приврать на ровном месте, зато с трудом выдерживают пытки.

Главное здание представляло собой высокую и длинную непримечательную постройку, практически не имеющую окон, а те, что были, являли собой стекло, не менее пяти сантиметров толщиной, способное без труда выдержать автоматную очередь в упор. Только те, кто работал на «Тенелов» и/или был Охотником, проходившим здесь обучение, знали, что под землей также располагалось несколько этажей. Подземные этажи-бункеры способны были выдержать взрыв атомной бомбы; больше сотни Теней не имели ни шанса когда-либо вновь оказаться на поверхности.

Проехав КПП, микроавтобус, миновав небольшой перелесок, заехал на парковку, и все Охотники во главе с Бобби вышли на прохладный воздух.

— Я не сделаю ни шага, если ты не скажешь, зачем мы сюда приперлись, — решительно заявила Афро. Охотники не очень-то любили возвращаться на место своего «заклечения».

— Я все объясню внутри, обещаю.

Афродита цокнула языком и покачала головой, но все же пошла вслед за всеми.

Парадный вестибюль оставался таким же, каким его запомнил Джон: высокий и светлый, словно внутри всегда царил солнечный день. Холл со всех сторон обставлен камерами и скрытыми в стенах автоматическими турелями, часть которых заряжена пулями из амбисидиана, а часть обычными, на случай, если внутрь решит ворваться толпа людей, хотя мало кто представлял себе, как такое может произойти. Все выглядело так, будто это просто обычное, хоть и нестандартно большое и уродливое здание организации «Тенелов», всю суть деятельности которой не знал никто, кроме тех, кому следовало знать.

Сразу же свернув направо, Бобби повел всех к вместительному лифту, дверцы и внутренности которого покрывали золото и серебро. Оказавшись в лифте, Бобби решил приступить к объяснениям.

— Может, вы не помните, — начал он, — а может, я и не всем из вас говорил, но «Тенелов» считает, что у нас достаточно Охотников для успешного сдерживания Теней. По крайней мере, было. — Он помолчал. — Несмотря на это, аналитики организации, используя свои способности, все время ищут новых, хотя и не пытаются их завербовать.

Джон помнил, что бармен как-то раз говорил ему нечто подобное. Тогда он еще сказал, что даже если завербовать всех Охотников в мире, этого все равно будет недостаточно.

— Так вот, — продолжил Бобби, — после резни... нас стало гораздо меньше.

— Только не это! — вскинулась Афро. Джон и, судя по выражению лица, Грассхоппер тоже все поняли. На лице Барсука читалось непонимание, а Эвила никак не выразила свои мысли, пряча лицо под черной вуалью.

— Именно это, — спокойно сказал Бобби, кивая. Дверца лифта распахнулась, за ней оказался просторный длинный коридор, по обеим сторонам которого, прямо возле лифта, находилось две небольшие двери. — Экстрасенсы (или кто они там?) в организации, — продолжал он, — выявили, что некоторые из потенциальных Охотников, еще не осознавших свою силу, в скором времени подвергнутся... некоей опасности, что пробудит их способности. А вы нужны для того, чтобы их наставлять, как когда-то наставляли вас.

Джона обучал сам Бобби, но тогда он был не таким спокойным, как сейчас, из-за чего ему постоянно доставалось за промахи. Несмотря на это, Джон благодарен бармену за то, что тот сделал его тем, кем он сейчас является. Даже если так, он с трудом мог представить себя в роли наставника и учителя. Командный игрок из него никудышный.

Пройдя до конца коридора, Бобби набрал на двери код, открыв взгляду уходящую вниз лестницу, в конце которой находилась еще одна массивная дверь, отворяющаяся с пульта диспетчера, следящего за камерами. Не успев спуститься вниз, створки двери с характерным шипящим звуком разъехались в разные стороны. Перед Джоном и остальными предстал широкий коридор, через который они проходили не раз. По обе стороны вглубь уходили почти правильные квадраты толстых стекол, заменяющих одну из стен небольших комнатушек. Слева держали одержимых Тенями, а справа тех, кто потенциально мог быть ими одержим, но не проявлявших каких-либо признаков. Хотя эти комнаты по большей части предназначены для того, чтобы спутать человеку чувство времени.

Бобби остановился возле одного из окон и вновь заговорил:

— Джон уже знает, но скажу для остальных. То, что вы услышите, не должен узнать никто более. Все понятно?

Не дожидаясь ответа, он начал рассказ. Он рассказал все, что знал и Джон, и Бобби, и Машери о Мрачном Жнеце, о том, что он переманивает на свою сторону Охотников для неясной пока цели, о том, что Майлз жив и является одним из предателей, о том, что на Рождество что-то произойдет. На лицах бывалых Охотников застыла смесь шока и ужаса.

— Как вы понимаете, — продолжил он, докончив историю, — времени у нас не так уж и много. Было бы неплохо, чтобы потенциальные Охотники прошли полную подготовку, но у нас нет целого года на это, поэтому ими займетесь вы.

— Невозможно подготовить Охотника меньше, чем за месяц, — сказал Грасс.

— Я и не прошу сделать из них профессионалов, но первичные знания получить они должны. Расскажите им все, что знаете сами.

— Но почему мы? — удивилась Афро.

Бобби усмехнулся и повернулся к стеклу, возле которого они стояли:

— Взгляните, эту девочку зовут Сьюзен. Она, как и ты, Афро...

— Черная, — перебила она Бобби.

— Нет, — вздохнул он. — Она тоже жила в неблагополучном районе, недалеко от гетто, но, как и ты, старалась не пропускать ни одного занятия в школе, собиралась поступать в колледж. Как и у тебя, судьба ее сменилась роком. Не так давно ее родители погибли, хотя она всячески скрывает свои чувства по этому поводу. Ей восемнадцать лет, но теперь она сирота.

— Поняла я, поняла, — махнула Афродита рукой. — Она очень похожа на меня молодую.

— Ты и сейчас не старая, — улыбнулся он.

— Ну, по сравнению с тобой мало кто старей.

Они вместе засмеялись, как и остальные, даже лицо Эвилы, как показалось Джону, под вуалью тронула улыбка. Никто не знал, сколько ей точно лет, она вполне могла оказаться одного с Бобби возраста, хотя это маловероятно.

— Получается, что мы были выбраны, потому что каждый из новичков чем-то похож на нас?

— И это тоже, — подтвердил Бобби. — Вас, конечно, перед этим как следует проверили, чтобы не оказалось так, что вы работаете на Жнеца. Ему знать о наших делах никак не стоит.

— Не доверяешь нам? — сказал Грасс.

— Я доверял Майлзу, — ответил Бобби, вздохнув. — Как и у Джона, я был и его наставником тоже, и даже представить себе не мог, что он когда-либо предаст меня, всех нас.

Наступила звенящая тишина. Никто раньше даже и помыслить не мог, что Охотники подвергнутся опасности не только со стороны Теней, но на них начнут охоту такие же, как и они, Охотники, которые только вчера сидели с ними бок о бок, выпивали в баре и весело смеялись, а потом шли на темные улицы и прикрывали им спины, рискуя жизнью. Предательство — грех вне категорий.

Молчание затянулось, и первым прервал его Грассхоппер:

— Я все же не понимаю, зачем нам тратить время на обучение новых Охотников, вместо того, чтобы пытаться предотвратить катастрофу, планируемую этим проклятым Жнецом, тем более что за месяц мы ничему их не научим? В борьбе с Тенями они бесполезны, только под ногами будут мешаться.

Бобби немного замялся, подбирая слова:

— Не все Охотники выбирают стезю воина ночи, многие работают в аналитическом центре организации, — напомнил он. — Нам нужно узнать, какими способностями обладают эти пятеро, если вообще обладают, но чтобы это выяснить, им необходимо столкнуться с Тенью. Сейчас такая встреча может обернуться для них смертью, поэтому вы должны хоть немного их подготовить: рассказать о Тенях, об их силах и слабостях, об истории мира. В общем, все то, что вы знаете сами. Но главное, вы должны уговорить их, чтобы они желали к нам присоединиться, это самое важное. Наплетите им хоть с три короба, но заставьте поверить, что с нами им лучше, чем без нас.

— Хочешь, чтобы мы соврали детям, будто наша жизнь, как в кино, полна геройства и самоотваги? Не слишком ли это?

Лицо Бобби выражало как будто презрение к собственным словам и поступкам, и даже боль, он переступал с ноги на ногу и поджимал губы, словно вот-вот передумает и велит всем расходиться по домам, но что-то не позволяло ему так сделать.

— Это важно, понимаете? — пробубнил он. — Не врете им, просто... приукрасьте. Расскажите им о себе, найдите что-нибудь, что делает вас похожими. Хотя, вы и так похожи, просто скажите им об этом. И не говорите того, что может заставить их отказаться. И не такие уж они и дети, — проговорил он в конце, — большинство из вас были моложе, когда вы впервые

познали горести утраты и чувство безысходности.

Немного помолчав, Бобби начал подводить каждого к той комнате, где находились новички, ныне пребывающие во сне, и рассказывал их краткую биографию. Заходившие к ним Охотники будили их и отводили к другим комнатам, где уже была подготовлена для них новая одежда, предназначенная для прогулок на воздухе.

Когда Джон вошел в комнату к молодому парню, которому он должен был стать наставником, тот проснулся раньше, чем дверь распахнулась. Он был немного худее, чем сам Джон в его возрасте, но глаза его выглядели куда более взрослыми, уже повидавшим горькую жизнь, хотел он того или нет.

— Меня зовут Джон, — сказал Охотник, — а тебя?

— Оливер. Но друзья зовут меня Оли. Звали, — добавил он печально и потупил взор.

— Оли? Почти как Оле Лукойе. Не хочешь немного прогуляться?

«Тот же тон вопроса, что и у того доктора, — подумал Оливер, — имеющий лишь один ответ без права выбора».

Он встал и направился вслед за Джоном. На этот раз они повернули не направо, к столовой, а налево по коридору.

— Не беспокойся, — сказал Джон, не оборачиваясь, — мы поедем в другом месте.

Оливер не стал задавать вопросы. Он все еще боялся оказаться в другой комнате, где темное стекло прозрачностью не отличалось от грозовой тучи.

Дойдя до металлических дверей, которые, как подумал Оли, должны были расходиться в стороны, Джон свернул налево, в относительно обычную высокую двустворчатую дверь. За ней оказался еще один широкий коридор, с уже одностворчатыми дверьми по обе стороны. Оливер заметил, что на одной из дверей написано имя — Миранда, а на другой — Сьюзен. Возле двери с именем Миранда стояла довольно странная дама, вся в черном, хотя этому он уже не удивлялся, и с черной же вуалью, скрывающей лицо, которая даже не повернула головы, когда в коридор вошли люди. Он уже засомневался в том, что смерть должна быть похожа на Джона.

Дойдя до двери с именем самого Оливера, Джон остановился.

— В этой комнате одежда. Переоденься.

Комната оказалась довольно просторной, особенно по сравнению с той, где он находился последние пару дней. Стояла более широкая кровать, туалет вместе с ванной находились в отдельном помещении. Напротив кровати располагался телевизор, рядом большой шкаф. На полу постелен мягкий ковер. Однако окна все равно отсутствовали.

На кровати аккуратно сложенной лежала одежда: темные джинсы, теплая кофта на пуговицах, куртка и шапка. Быстро переодевшись, он вышел обратно, и увидел, что из той комнаты, где стояла женщина с вуалью, уже появилась та самая девушка с кругами под глазами. Значит, подумал Оливер, ее зовут Миранда, а ту, вторую, — Сьюзен. Хотя они и виделись уже дважды на ужине, но так и не обменялись именами друг друга.

Когда Оливер с Джоном уже выходили из одного коридора в другой, парень встретился с самой Сьюзен лицом к лицу. Та выглядела довольно подавленной. Рядом с ней, словно сопровождение, шла такая красивая девушка, что Оливер даже невольно открыл рот. Она, как и Сьюзен, была темнокожей, а на голове у нее красовалась прическа, какую он никогда не видел живую, — афро. Джону даже пришлось его подтолкнуть, чтобы тот смог сделать следующий шаг. Оливер был готов поклясться, что у человека в черном плаще промелькнула понимающая ухмылка, которая, правда, быстро исчезла, когда они уже подошли к дверям в конце широкого коридора, которые, как и предполагал Оли, разъехались в стороны, открывая крутую лестницу вверх.

Поднявшись, они оказались в очередном коридоре, правда, таком узком, что в нем могли плечом к плечу идти лишь двое. В нем не было ни окон, ни дверей, одни лишь редкие плафоны на потолке, которые, правда, давали достаточный свет, хоть книгу читай. В самом конце, как показалось Оливеру, находилась еще одна разъезжающаяся дверь, но подойдя ближе, он понял, что это лифт. Мы едем на крышу? Надеюсь, хоть не под землю.

Джон нажал кнопку вызова, и створки лифта тут же разъехались в стороны:

— А ты не из болтливых, — заметил Джон.

— Просто... я не знаю, что говорить.

— Когда я очутился здесь в первый раз, — усмехнулся он, — мой поток слов можно было остановить только силой.

Оливер ничего не ответил, он и правда не знал, о чем можно говорить, а о чем нет: незнание закона не освобождает от ответственности. У него было полно вопросов, но он не хотел случайно спросить о том, о чем не следует. Хотя, судя по всему, не так уж тут и строго с этим. Он решил рискнуть:

— А куда мы едем?

— Просто гулять.

Оливер хотел еще спросить, где именно будет проходить эта прогулка, но тут лифт остановился и дверцы разъехались. Они оказались в огромном вестибюле, который практически никак не был обставлен, не считая стойки менеджера примерно на середине помещения и пары горшков с большими зелеными растениями.

Взглянув налево, он увидел прозрачные двери, выходящие на улицу. Это что, удивленно подумал он, получается, я и так был под землей? Какая же там глубина, если мы ехали на лифте так долго? Спустя секунду к нему пришло осознание еще одного невероятно факта — на улице стояла настоящая ночная тьма.

— Сейчас ночь? — спросил он вслух.

— Ага.

— Но я думал...

— Что сейчас утро? — закончил за него Джон. — Организация хотела, чтобы ты так думал.

— Но зачем?

— Все по порядку.

Они вышли из здания на свежий вечерний воздух, отдающий колкой прохладой, и пошли вперед, пройдя небольшую полянку с низко подстриженным газоном перед зданием и выйдя на стоянку, уставленную десятками тремя автомобилями, в том числе и одним микроавтобусом. Оставив парковку за спиной, они оказались возле парка с множеством деревьев. Оливер подумал, что это отличный шанс сбежать, но он очень сомневался, что территория не огорожена, да и кто знает, что его может поджидать за очередным деревом. Взглянув на идущего впереди человека с самурайским мечом за спиной, ему также казалась сомнительной вероятность, что тот не погонится за ним, а выглядел он так, будто был способен догнать леопарда. Его плавная походка не оставляла сомнений, что так оно и есть.

— Зачем мы идем в лес? — настороженно спросил Оливер. Джон остановился у самой кромки и обернулся к парню.

— Ты помнишь, что с тобой случилось? Помнишь тех тварей? Если отойдешь от меня слишком далеко, я не ручаюсь за то, что ты не столкнешься с ними вновь.

Оливер испугался, что мысли о побеге у него обрели словесную форму, либо этот Джон умеет читать мысли.

— Я ни о чем таком не думал.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты не умеешь лгать?

Парень потупил взор и зажевал губу. Джон, ничего не говоря, развернулся и вошел в парк, Оливер тут же опомнился и засеменял за ним.

— Тех тварей, что ты видел, — начала человек в плаще, не оборачиваясь, словно зная, что его и так внимательно слушают, — обычно называют Тенями.

Тени! Они и правда похожи на ожившие тени.

— А мы с ними боремся.

— Кто — мы?

— Ну, нас обычно называют Охотниками, или Тенеловами, наши же ученые предпочитают Хомо Эребус, но мне лично неприятно, когда кто-то так кардинально разделяет нас и обычных людей. Некоторые даже называют нас Людьми в черном.

Оно и не удивительно, подумал Оливер, если постоянно ходить в черном. Но если они охотятся за этими самыми Тенями, зачем им я? Если они считают, что я их видел, вряд ли им понравится, что я все разболтаю. Вероятно, поэтому меня и похитили, если это можно так назвать. Но я бы все равно никому ничего не сказал, потому что кто бы мне поверил? А если бы полиция спросила меня о моих друзьях, я бы слил им ту байку, что рассказал доктору Джейсону. Они-де не такие проницательные, поведутся.

Вспомнив о своих друзьях, Оливер почувствовал в животе тугий узел, стягивающий его внутренности. Все время, что он находился в комнате с двойным зеркалом, он старался не думать о случившемся, но все это как будто перевалило через край, и ему уже было невозможно держать все это в себе. Несмотря на холод, он чувствовал жар.

— Что случилось с моими друзьями? — выпалил он.

Джон остановился и, тяжело вздохнув, обернулся:

— Тени обладают различными способностями. Сами по себе обычные Тени глупы, ими руководят инстинкты и ничего более. Однако они способны вселяться в тела людей; обычно таких называют одержимыми.

Одержимые! Мои друзья одержимы какими-то Тенями!

— Когда такое происходит, — продолжал Джон, — человек полностью теряет контроль над собственным сознанием. Тень способна использовать все ресурсы мозга человека и даже усиливать их; они довольно быстро учатся всему новому. Помимо этого, они могут даже пробудить у человека необычные способности.

— Способности?

— Оглянись, что ты видишь?

Оливер сделал, как просили. Это был обычный парк, который мало чем отличался от обычного леса, кроме того, что в нем вообще не наблюдалось мусора и, сам по себе он казался довольно ухоженным. Деревья, трава, кусты, опавшие листья. Парень перечислил все это вслух.

— Ничего необычного?

Парень оглянулся еще раз, внимательно вглядываясь в пространство. Ничего не обнаружив, он покачал головой.

— А тебя не удивляет, что сейчас ночь, через кроны даже свет луны едва пробивается, а ты все равно все видишь так, словно сейчас день, пусть и пасмурный?

Оливер ранее решил, что устал удивляться, но сейчас у него словно открылось второе дыхание. Это удивление пересилило все предыдущие. «Я. Вижу. В темноте, — проговорил он у себя в голове почти по слогам. — Как такое возможно? Я что, вампир? Или во мне Тень?» — эта мысль заставила его вздрогнуть, и он вновь ощутил холод ночного воздуха.

— Но как? — только и смог он выдавить из себя. Неужели во мне и правда засела Тень? Но я ничего такого не чувствую. Если бы это было так, меня бы никогда не выпустили из той комнаты на улицу.

— Это называется аберрация, — пояснил Джон, — то есть отклонение от нормы. Ученые предполагают, что такие, как мы, появились в связи с тем, что Тени и раньше появлялись на Земле. Вселяясь в людей, они пытались продолжить свой род, чтобы захватить мир, но у них ничего не вышло, потому что наши гены оказались сильнее, и у таких союзов рождались не Тени, а люди, пусть и с некоторыми отклонениями.

— Получается, что мы потомки этих Теней? — прошептал Оливер. Он не мог поверить, что эти твари являются его предками. Хотя просто поверить в существование нечто подобного тоже очень сложно, даже увидев это воочию.

— Можно сказать и так. Хоть наши гены и оказались превосходящими, полностью избавиться от влияния Теней мы не можем, их гены уже часть нашей ДНК. Очень редко они проявляются в человеке: кто-то предвидит будущее или чувствует перемену погоды, у кого-то чересчур хорошо развита интуиция, кто-то практически не чувствует боли или холода, и многое другое. Ученые также считают, что именно из-за Теней в мире появилось огромное множество ужасных болезней. Но, как я сказал, это большая редкость, иметь подобные отклонения. Однако когда произошла Великая Мировая Катастрофа, во всех уголках мира открылись врата в другой мир, откуда хлынули целые полчища этих существ, и во многих людях пробудились латентные гены, что дало им ряд... особенностей.

— Получается, видение в темноте — это тоже аберрация? Джон кивнул. Вместо продолжения разговора, он развернулся и пошел дальше в лес. Оливер решил, что тот дает ему время над всем этим поразмыслить.

Значит, мы отличаемся от обычных людей. Мы! Я уже думаю так, словно являюсь одним из них. Хотя, если размышлять здраво, так оно и есть. Он снова почувствовал, как его кожа покрывается гусиной кожей, но холод не был тому причиной. Оливер, как и многие другие люди в мире, наверно, даже все, в детстве представлял себя таким супергероем, борющимся со злодеями и спасающим мир. Но одно дело детские фантазии, а другое — суровая реальность. Да, у самого Джона был плащ, но не супергерйский, красный цвет заменил цвет беззвездной ночи. Пусть я и вижу в темноте, но те Тени, судя по всему, тоже на это способны, а значит, у меня нет никакого преимущества. Я даже драться не умею.

Вдруг он услышал где-то слева шуршание листвы и вздрогнул, всматриваясь в темноту, которая больше не представлялась ему такой беспросветной, как раньше, но все еще пугала. Он увидел высокого человека в плаще, похожем на плащ Джона. Оливер уже хотел было крикнуть своему сопровождающему, но потом решил, что если даже он заметил, то Джон уж давно знает о его присутствии. Моргнув, он увидел, что по левую руку от него идет тот самый лысый парень с мощной челюстью, с которым он встречался в столовой.

Оливер прибавил шаг и догнал Джона:

— Они говорят о том же самом? — спросил он. Человек в плаще повернул голову в сторону высокого.

— У нас нет инструкций, о чем говорить, может, он уже рассказал этому парню все, что мог.

— А есть что-то еще, что я должен знать?

— Много чего, — спокойно ответил Джон, не оборачиваясь. Тогда Оливер решил тоже идти с ним вровень, а не за спиной, и подошел ближе.

— А эта аберрация, она позволяет лишь видеть в темноте?

— Не только, — сразу же ответил Джон. — Так как в нас, Охотниках, ген Теней проявляется так ярко, сами Тени не способны захватить наши тела. Это главное наше преимущество.

Оливер охнул. Так вот что тогда произошло. Вот почему Тени отпрянули от меня, как от

чумного.

— А еще, — продолжал Джон, — на нас заживает все гораздо быстрее, чем на обычных людях. Например, всего около двух дней назад ты упал со второго этажа и получил сотрясение мозга, а уже ходишь, как ни в чем не бывало. Голова не болит?

Парень дотронулся до затылка, где под шапкой его голову туго обвязывал белый бинт. Только проснувшись, он действительно чувствовал головную боль, легкое головокружение и шум в ушах, но сейчас уже от этого практически нечего не осталось, лишь какие-то далекие отзвуки, хотя сам Оливер не знал, от сотрясения мозга это или же из-за новых знаний о мире, который, как оказалось, он не знал вовсе.

Оли не сразу заметил, как лес начал редеть. Деревьев и кустов становилось все меньше, но зато сквозь густые кроны начал пробиваться тусклый лунный свет. Парк заканчивался также резко, как и начинался: за стеной деревьев возник газон, шагов двадцать в ширину. За ним узкая дорога, огибающая лесопарк, снова тонкая полоска газона и ухоженные хвойные деревья в конце, словно подпирающие высокий тяжелый забор, закрывающий обзор на внутреннее убранство. Пройдя газон наискосок, они оказались у КПП, прошедший их во внешний мир. Два охранника едва на них взглянули.

— Куда мы идем? — спросил Оливер.

— Я же обещал тебя покормить. Лучше говорить где-нибудь в теплом уютном местечке, чем посреди леса, согласен?

— А разве ночью хоть что-то работает? — удивился молодой парень.

— Обычные заведения нет, но существуют и те, что предназначены для Охотников, бодрствующих ночью. Кстати, город куда опасней, чем тот парк, через который мы проходили, так что не зевай.

Оливер решил последовать совету. Он настороженно заглядывал в проулки, мимо которых они проходили, всматриваясь в каждый угол, пытаясь разглядеть хоть какое-то движение, пусть и молился, чтобы ничего не увидеть. Движений не было. И не только в закоулках, но и вообще, как казалось, во всем городе: не было людей, не ездил машины, животных тоже не видно. А ведь Джо об этом говорил. Неужели их сожрали Тени? Или вселились в них? А могут они вселяться в кого-нибудь другого, кроме людей? Оли добавил этот вопрос в список у себя в голове.

Свернув на очередную улицу, где стояла такая же тишина, нарушаемая лишь шарканьем ног по асфальту, Оливер увидел свет. Он исходил из лампы над дверью двухэтажного здания без вывески и окон. Лампа светила очень тускло, но в темноте ночи она казалась такой же яркой, как и месяц над головой.

Шагнув за дверь, на которой красовался большой желтоватый крест, словно вплавленный металлом в ставню, Оливер оказался в прошлом. По крайней мере, так ему показалось: ресторан походил на кабак или трактир из какого-нибудь фильма про ковбоев, любителей пострелять. Атмосферу нарушала лишь видная чистота и местный контингент: люди, похожие на смесь викингов и рокеров, люди, лица которых скрыты всем, чем можно: бандана, высокий воротник до носа, респиратор, маска, как у Ганнибала Лектора и Джейсона, даже был один капюшон, который закрывал лицо молнией, с изображением черепа, и собачий намордник. Был здесь и человек в смокинге, и похожий на бомжа, одна девушка была в полностью кожаном костюме, скрипящем при каждом ее движении. Всего Оливер насчитал около пятнадцати человек.

— Цирк уродов, — одними губами прошептал Джон, проходя к свободному столику.

Когда они сели друг напротив друга, к ним подошла официантка и приняла заказ. Оливер хотел сначала заказать что-нибудь легкое, чтобы не наедаться на ночь, но потом понял, что сон ему в ближайшее время явно не грозит, и с подачи Джона заказал себе всего побольше.

— У меня возникли некоторые вопросы, которые я хотел бы задать, но сначала я хотел узнать...

— Почему я назвал это скопище цирком уродов? — закончил за него Джон.

Оливер замялся и кивнул. Очередной раз он угадывает, что я хочу сказать. Неужели аберрация позволяет ему читать чужие мысли?

— Все очень просто, — заговорил Джон. — Большая часть Охотников скрывает свою личность, некоторые лишь когда выходят на улицу охотиться, боясь, что их увидит кто-то из обычных людей и узнает, а остальные постоянно, таясь даже от своих камрадов. Почти все используют псевдонимы, чтобы казаться еще более таинственными. Они строят из себя тупых супергероев из комиксов, бегают по улицам, «сражаясь со злом», даже разговаривают, как персонажи из мыльных опер, а на деле являются лишь бесхребетными слизняками, заботящимися лишь о своей репутации и внешнем виде.

Оли снова замялся, не ожидая такого откровения, но Джон, не замечая этого, продолжил:

— Видишь вон ту, в латексе? — Оливер обернулся и кивнул. — Была проституткой в самом грязном борделе города, пока не поняла, что она «не такая как все», хотя, судя по одежде, старые привычки дают о себе знать. А вон тот, с воротником почти до самых глаз, едва ли за все время своего пребывания в рядах Тенеловов убил хотя бы десяток Теней. Обычно он предпочитает появляться на месте в самый последний момент и присваивать чужие заслуги. В его костюмчике даже голову нельзя нормально повернуть, а за воротником он скрывает рот, в котором ему не хватает нескольких зубов, и кривой нос, который ему сломали за его хитрожопость, хотя он, естественно, уверяет, что это после сражений с Тенями голыми руками. Герой хренов!

— Значит, большая часть Охотников...

— Мудаки! — перебил его Джон и отхлебнул принесенное ему виски. Сказал он это вроде не громко, но так, чтобы ближайшие к ним сидящие его услышали, да и вообще, свою речь он не пытался скрыть от чужих ушей. Вел он себя так, словно его никто не слышит, а если и слышит, все равно ничего сделать не сможет.

Когда Оливер уже хотел сменить тему, задав другой вопрос, дверь ресторана снова распахнулась, и внутрь вошла та темнокожая девушка с афро на голове, а вместе с ней и Сьюзен. Заметив знакомых, она тут же направилась в их сторону. Оливеру послышалось, как Джон очень тихо выдохнул: «Вот хитрюга».

Подойдя к столу, она, уже усаживаясь, спросила:

— Не против, если мы присоединимся к вам?

Села она так, чтобы оказаться на одной стороне с Джоном, поэтому Сьюзен пришлось присоединиться к Оливеру. Тут же подошла официантка и подала некоторые блюда, заказанные ранее, приняв новые заказы от девушек.

— Пряма наши мини-версии, — елейным голоском проговорила Афро, с улыбкой любясь Оливером и Сьюзен.

— Не заставляй девочку делать афро.

— Ой, да ладно тебе, Джонни, не нуди. Лучше представь нас.

Оли, сидя рядом с девушкой, от которой довольно приятно пахло, чувствовал себя несколько скованно, и приступил к трапезе, стараясь есть медленно и аккуратно, дабы случайно не запацкаться и не показаться свиньей. В столовой, когда они сидели вместе с остальными из пятерки, он такой неловкости отчего-то не испытывал.

— Я так понимаю, — начал Джон, — вы подсели к нам, чтобы я за место тебя рассказал все, что нужно?

— А почему бы и нет? — игриво проворковала Афро. — Ты рассказываешь лучше меня.

— С чего ты взяла?

— Да любой треплет языком лучше, чем могу я. Мне просто лень.

— Ты не видела Грасса? — спросил он после вздоха. — Он со своим вроде прямо за нами шел.

— Ты же его знаешь — он не прочь преодолеть лишнюю милю, только чтобы добраться до бара, где можно выпить. Барсук, вероятно, направился туда же. А Эвила... Кто ее разберет? Может, где-нибудь на кладбище зависает.

Джон покачал головой и съел кусок мяса, который ему принесли ранее, запив виски, словно это вода. Дожевав кусок, он спросил у Афро, что та уже успела рассказать Сьюзен. Как оказалось, она больше болтала о самой себе, но все же кое-что поведала и о том, кто такие Тени и Охотники. Джон решил повторить то же, что он уже рассказал Оливеру, за что тот был благодарен, решив потратить это время на трапезу. Когда Джон закончил, Оливер уже съел больше половины и решил начать задавать новые вопросы.

— Я хотел спросить. Если эти способности были заложены у нас в генах, почему я раньше не видел в темноте и не замечал, что у меня раны заживали быстрее?

— Я же тебе уже говорил: способности проявляются крайне редко, и то не все. Чтобы такое произошло, необходимо подвергнуться сильному потрясению, например, угрозе смерти или встрече с Тенями. Слышал когда-нибудь про Вангу? — Оливер покачал головой. — Оно и не удивительно, она была из Болгарии и умерла еще в девяносто шестом году. В общем, когда она была еще младше вас, то попала в ураган, унесший ее на сотни метров от того места, где она находилась.

— Прямо как Дороти из «Страны Оз», — выдохнула Сьюзен.

— Да, — согласился Джон, — некое сходство определенно есть. Короче, после этого случая она ослепла. Но взамен получила способности к предвидению.

— Иронично, не правда ли? — усмехнулась Афро.

Оливер согласился. Слепнуть, чтобы затем начать видеть будущее и судьбы людей? Он не хотел бы такой участи. А кто бы хотел? Он очередной раз убедился, что Охотники далеко не супергерои.

— Значит, она тоже была Охотником?

Джон усмехнулся:

— Тогда такого понятия не существовало, да и про Теней никто не слышал. На самом деле, мы этого не знаем и никогда не узнаем. Не все ее предсказания сбылись, так что многие считают, что это была просто раскрученная схема шарлатанства, однако то, как она получила свои способности, говорит о том, что она могла бы и правда быть той, в ком пробудились гены Тени. Еще были Вольф Мессинг, Нострадамус, Мария Ленорман и многие другие.

Хоть его и не уносил ураган, у Оливера пробудились способности из-за встречи с Тенями, которая сопровождалась угрозой смерти. Вдруг ему пришла новая мысль, которую он тут же сформировал:

— Я об этом даже и не думал до этого, — сказал он, — а как я вообще очутился у вас? Кто меня спас?

Джон с Афро переглянулись, словно вместе с этим обмениваясь и мыслями. Оливер опять подумал, что они действительно обладают телепатией, только не хотят об этом говорить другим, пока еще не Охотникам. Джон заговорил:

— За вами следили.

— Следили? — поразила Сьюзен.

— Следили — это немного грубо. Скорее, знали о вашем существовании. В организации есть люди, которые могут... определять таких, как мы, даже если у них способности все еще

спят. Они узнали, что в скором времени у вас пятерых они пробудятся и послали к вам наших людей, чтобы найти и объяснить изменения, которые с вами происходят. Когда тебя, Оливер, нашли, ты как раз вылетал из проема второго этажа здания. Охотники, направленные за тобой, посчитали, что опоздали, но ты оказался еще жив. Они отогнали Теней и как можно быстрее доставили тебя на базу, где и подлатали.

Отогнали Теней. А мои друзья? Оливер хотел спросить, что стало с его друзьями, можно ли как-то их спасти, выгнать Теней из их тел, экзорцизмом или еще как, но задать этот вопрос вслух он боялся. Боялся, что ответ ему не понравится, и тогда он будет до конца жизни жалеть о том, о чем жалеет сейчас — он сбежал, бросив своих единственных близких друзей. И даже когда Бека держала его за руку, он выпустил ее, чтобы эгоистично спастись самому. Даже то, что он все же вернулся за ней, никак не умоляло его греха, ведь увидев этих... Теней, он побежал еще быстрее.

Оливер надеялся, что Джон сам хоть что-то скажет о его друзьях, но вместо него заговорила Афро:

— У Сьюзен история совсем другая. — Оли заметил, как девушка, сидящая рядом с ним, понуро опустила голову. — Ее родители недавно погибли в автокатастрофе, и это так ее шокировало, что у нее пробудились способности.

Оли и сам теперь потупил взор, не зная, что говорить в таких случаях. Его мать умерла, когда ему было семь лет, во время Катастрофы, и вряд ли кто-то счел нужным выразить маленькому мальчику слова сочувствия, а если и выражали, это затерялось в лабиринте его памяти.

Он только и смог, что пробубнить слова соболезнования, которые даже сам едва понял. Сьюзен никак не отреагировала, но Афро продолжила, как ни в чем не бывало:

— Я это говорю, — сказала она сурово, хотя с ее внешностью это так не казалось, — чтобы ты смогла смириться. Мои родители погибли, когда я была даже моложе тебя, как и у Джона, но организация заменила нам семью, позволила стать Охотниками, чтобы мы могли отомстить виновникам, пусть эта месть и бессмысленна в своей мелочности.

— Мне мстить некому, — пробормотала Сьюзен.

— И это хорошо! Месть — совсем не благородное дело, тебе не следует уподобляться нам.

— А говорила, что не умеешь трепать языком, — заметил Джон.

Афро смерила его взглядом, способным сжечь его вместе со стулом, но тот, казалось, этого не заметил, продолжая попивать очередной стакан виски, и с виду даже не пьянея.

«Если месть — неблагородное дело, то что делать мне? — спросил сам себя Оливер. — Если так подумать, я и раньше не отличался особым благородством...»

— А как вы отогнали Теней? — поинтересовался он.

— Наверно, мне надо начать с самого начала, — вздохнул Джон.

— Тогда я, пожалуй, тоже закажу себе выпить, — сказала Афро, подзывая официантку.

— То, что я вам расскажу, не обязательно является истинной правдой, но это основная версия всего происходящего.

— Да начинай уже, — махнула ему Афродита, — пусть сами для себя решают, во что им верить.

— В общем, — начал Джон, — почти десять лет назад, как вы знаете, произошла Великая Мировая Катастрофа, о причинах которой до сих пор спорят. Землетрясения, извержения вулканов, цунами и все остальное высвободило столько энергии, что по всему миру открылись порталы в другой мир, откуда и вылезли Тени. Первоначально люди сочли, что это открылся проход в самый настоящий Ад, а существа, что оттуда вылезли, получили соответствующее название — Демоны. Позже, конечно, выяснилось, что это никакие не демоны прямиком из

адского пекла, а жители некоего иного измерения, параллельного мира, если хотите. В конечном итоге порталы стали называть просто Дырами, имея в виду дыры в пространстве, а существ по ту стороны — Тенями, — потому что похожи. Сейчас же весь тот мир называется лаконичным названием «Дыра». Хотя те же самые ученые, что дали Охотникам название Хомо Эребус, называют Теней Эребами или даже Эребнуарами. Что-то связанное с древнегреческими мифами и все такое, я особо не интересовался.

Джон сделал паузу и съел еще кусок мяса, игнорируя Афро, которая всячески пыталась его поторопить. Он лишь сказал, что голоден, а болтовня вызывает у него аппетит и стойкое желание выпить. В конечном итоге он продолжил:

— Эти самые Тени на самом деле довольно слабые и глупые, пусть и пугают до чертиков. Дело в том, что для открытия и удержания порталов, нужно много энергии, и каждый раз, когда кто-то через них проходит, эта энергия расходуется. Чем меньше и слабее Тень, тем меньше энергии. Однако помимо обычных Теней, в Дыре есть и, так называемые, Высшие Тени. Они намного сильнее и умнее рядовых, и один такой равен нескольким сотням мелких. Когда только произошла Катастрофа, в наш мир смогла пролезть лишь одна Высшая Тень — если верить организации, — которую довольно быстро уничтожили, пока она не сумела как следует сориентироваться. В качестве примера скажу, что если сейчас в наш мир проникнет этот монстр, от города, где он объявится, мало что останется.

— Не пугай детей, — взъярилась Афро. — Если Высшую Тень победили еще тогда, когда и Охотников никаких толком не было, то сейчас мы с ней одной левой разделаемся, потому что знаем все их слабости. Джон лишь пожал плечами и отхлебнул из стакана.

— Да мы уже не дети, — сказал Оливер, стараясь придать голосу мужественности, пусть его ладони и покрылись потом.

— Мальчик мой, — ласково ответила ему Афро, — возраст определяется совсем не количеством прожитых лет, а приобретенным за это время жизненным опытом. И тут вы груднички, а мы старцы с бороздами вековых морщин.

Джон хмыкнул и зажевал уже остывшую картошку, воспользовавшись минутной передышкой.

— Продолжай, — сказала ему Афро. Джон вздохнул и подчинился:

— Короче говоря, Тени, как вы уже знаете, способны проникать в тела людей, подчиняя их своей воле. Вместе с этим они как бы проникают в их сознание и приобретают все знания и умения, но помимо этого, они могут развиваться, становясь умнее и открывая для себя весь потенциал человеческого организма, тем самым становясь очень похожими на Охотников. Главные наши отличия друг от друга — Охотники при пробуждении получают свои способности сразу, а Теням нужно время на их развитие, но чем больше времени проходит, тем сильнее они становятся, и в конечном итоге могут быть способны одолеть даже целую толпу Охотников, хотя до этого доходит крайне редко.

— И почему они, обладая такой мощью, до сих пор не захватили мир? — спросила Сьюзен. Она уже не казалась такой мрачной и расстроенной, слушая рассказ Джона, иногда удивленно открывая рот и раскрывая глаза от потрясения. Оливер счел, что она даже эмоциональнее Беки.

— Я как раз хотел об этом рассказать. На самом деле у Теней очень много слабостей. Помимо того, что обычные Тени, не вселившиеся в тела людей, довольно глупы, им подходят не все тела.

— Как это?

— Наши ученые так и не выяснили причин, почему так происходит. Вы когда-нибудь слышали о самовозгорании? — Оливер и Сьюзен кивнули. — Так вот, если тело носителя чересчур слабо или Тень пребывает в нем слишком долго, человек может попросту вспыхнуть и

получить достаточные повреждения, чтобы Тень внутри него не смогла восстановить тело. Хотя чаще процесс протекает медленно: человек слабеет, кожа шелушится и даже опадает, могут отваливаться части тела, вроде носа и ушей, и тому подобное. Из-за этого, кстати, и появились мифы о зомби — живых мертвецах, разлагающихся на ходу.

Оливер вспомнил, как его друга, Гека, схватили руки, кожа которых как будто была лягушачьей. Он сказал об этом Джону.

— Скорее всего, это был одержимый, тело которого разрушалось под влиянием Тени. Обычно они заседают в темных местах, вроде заброшенных зданий и подвалов, где поджидают жертву, чтобы использовать ее как новый сосуд. А я ведь предлагал организации создать отряд Дневных Охотников... — Джон то и дело сжимал челюсти, а потом с каким-то остервенением запихнул и сжевал последний кусок мяса, осушив стакан с виски. Из молчаливого негодования его вывела Афро, очередной раз напомнив ему продолжить рассказ, потому что самое главное он и не сказал.

— А, да, слабости. В общем, после нескольких дней или недель тщетных попыток уничтожить этих демонов, потому что их ничто не брало, некоторые заметили, что те стараются избегать церквей, кладбищ и других подобных мест, связанных с религией. В конечном итоге выяснилось, что Тени уязвимы к серебру и золоту. Церкви, как известно, имеют, можно сказать, нездоровую любовь к излишней роскоши, в том числе и к драгоценным металлам. Если верить нашим ученым, которые пытаются выяснить у Теней, кто они вообще такие, то Тени бывали в нашем мире задолго до появления людей. Например, Мел-палеогеновое вымирание. Ученые полагают, что когда упал тот огромный метеорит, это высвободило энергии даже больше, чем даже наша Катастрофа. Открылись порталы, вылезли Тени, вселились в динозавров и... прогадали. Динозавры, в отличие от предка человека, не имели потенциала к развитию, а потому Тени не особо поумнели. Что случилось дальше — тут мнения расходятся. Одни говорят, что Тени специально уничтожили динозавров, чтобы дать шанс другим видам эволюционировать без опасности, дабы позже вернуться и захватить их, другие же считают, что Тени просто вернулись в свой мир, а динозавры вымерли сами из-за резкого изменения климата.

— А как вы думаете? — спросила Сьюзен.

— Вряд ли Тени настолько умные, чтобы додуматься убить всех динозавров ради эволюции других видов.

— А как это связано со слабостью Теней к серебру и золоту? — не понял Оливер.

— Все просто. Если Тени могли появляться в то время, десятки миллионов лет назад, то могли и позже, только менее масштабно. Мифы и легенды говорят нам о кентаврах, минотаврах, призраках, домовых, подводных монстрах, демонах, богах и многом другом. Бобби говорил...

— Потом узнаете, кто это, — вставила Афро.

— ...что все эти истории появились из-за Теней. Он считает, что Тени нападали на людей и в прошлом, и поэтому люди создали все эти мифы, несколько преувеличивающие истинность. В то время люди как-то и выяснили, что Тени боятся таких металлов, как аргентум и аурум. Тогда-то разные богачи, обладающие достаточным состоянием, и стали менять свои драгоценные в то время шелка, фарфоровые изделия и чай на золото и серебро. Делали из них украшения, обвешивая себя, обставляли дома и все в этом духе. Религия и в то время имела большое влияние, особенно в некоторых государствах, а потому обладала достаточными средствами, чтобы не отставать от высшего света. В конечном итоге Тени пришли к выводу, что там, где кресты и другие религиозные символы, может быть и много серебра с золотом, смертельных для них, и стали обходить такие места стороной. Конечно, со временем все это позабылось, хотя привычки к обвешиванию себя драгоценностями остались.

Организация занимается скупкой серебра и золота по всему миру, и даже имеет несколько

личных приисков, но даже в этом случае, металлов зачастую не хватает. Некоторые одержимые зачастую занимают высокие должности, и пока их не раскрывают, тайно скупают и ищут по всему миру золото и серебро, обделяя тем самым Охотников. Конечно, в конце концов, организация, заметив подобную деятельность, раскрывает одержимого, но так необходимые металлы уже оказываются тщательно спрятаны, а допросы Теней ни к чему не приводят. У некоторых одержимых даже в зубы вставлены специальные ампулы, какие часто показывают в шпионских фильмах, но только вместо яда, вроде цианистого калия, в них смесь золотой и серебряной пыли. Очень неприятная смерть для Тени, и на такое могут решиться лишь уже давно одержимые, пусть и в самом крайнем случае.

— Так вот почему на двери в этот ресторан красуется крест, — догадался Оливер.

— Именно. Чтобы отпугивать Теней. И такие кресты на входах во всех заведениях Охотников.

— И он из золота? — спросил парень, вспомнив желтоватый цвет окраса. Такой же цвет имели унитаз и раковина в комнате с односторонним стеклом.

— Не совсем. На самом деле, это особый сплав серебра и золота, плюс добавление некоторых других металлов для крепости, и называется он — амбисидиан. Используется именно сплав, а не чистые металлы, не только из-за крепости получаемого материала, но из-за того, что серебро намного дешевле золота.

— По этой же причине мы используем холодное оружие, — сказала Афро, доставая из волос гребешок. — Вот этот гребень создан из амбисидиана. Она нажала на небольшую кнопочку, и из него тут же выскочило небольшое лезвие.

Сьюзен взяла гребень в руки и взвесила.

— Тяжеленький, — сказала она и передала его Оливеру.

— Поначалу всегда непривычно.

— Значит, ваш меч тоже из обсидиана? — спросил молодой парень у Джона.

— Амбисидиана. Да. Только я не буду его здесь доставать.

Оливеру не показалось, что гребень такой уж тяжелый, хотя он явно весил больше обычного пластмассового или даже железного, но прицениваясь к мечу, он не мог не отметить, что тот должен весить довольно прилично.

— И вы используете в качестве оружия гребешок для волос? — недоверчиво спросила Сьюзен у Афро. Та зычно рассмеялась, и Оливер отметил, что смех у нее такой же шелковый, как и голос.

— Конечно, нет, мне просто нравится его носить, да и вдруг пригодится. Вот мое настоящее оружие. — Она встала из-за стола и задрала легкую короткую курточку. Вокруг талии у нее оказалась обернута тонкая цепь; на первом конце находился небольшой грузик, который, если учитывать, что он тоже сделан из амбисидана, весил достаточно, чтобы при правильном использовании проломить человеку череп. На втором же конце находился серп с рукоятью в два обхвата и чуть загнутым клинком, сантиметров пятнадцать-двадцать длиной, нынче покойный в специальных ножнах. Рукоять лежала горизонтально, крепясь к краю штанов двумя шлевками с заклепками, которые легко открывались, если дернуть за рукоять серпа. Как посчитал Оливер, с таким серпом у живота сидеть и ходить можно только с выправкой, чтобы ножны не упирались в ребра, что и делала Афро, которая через секунду вернула куртку на место и уселась обратно.

— А что это за оружие такое? — поинтересовалась Сьюзен. — Никогда такого не видела. Оливер поддержал вопрос.

— Оно называется — кусаригама. Это древнее японское оружие.

— Выглядит не особо удобным.

Афро усмехнулась, но в глазах Оливер заметил слабый намек на грусть.

— До того, как стать Охотником, — сказала она, — я занималась художественной гимнастикой и в основном акцентировалась на ленте. Кусаригама, конечно, мало похожа на ленту, но именно это оружие мне поддалось лучше других.

Помимо кусаригамы, у Афро еще были и ножи, но их использовали почти все Охотники, а кто-то даже применял их как основное оружие.

— А почему вы выбрали меч? — На этот раз Джону задала вопрос Сьюзен.

— Потому что меч — это круто! — ответила за него Афро и снова рассмеялась. — Так ты в тот раз ответил?

— Я выбрал меч, потому что он удобнее всего для борьбы с Тенями, — пояснил Джон. — Я хотел выбрать клеймор или бастард, но тогда то оружие оказалось для меня слишком тяжелым, пришлось взять более легкую катану.

— Синигами! — фыркнула Афро.

— Что?

— Синигами, — повторила Охотница. — Это прозвище Джонни. Так называют Бога смерти в Японии, а у него как раз японский меч, которым он орудует лучше, чем любой, кого я знаю.

Джон сразу вспомнил Мрачного Жнеца. Хорошо, что она с ним не знакома, подумал он. Если тот победил Майлза в рукопашной, а его в бою на мечах, то, возможно, и в обращении с кусаригамой он куда искусней. Джон не хотел думать о том, что Жнец силен в использовании любого вида оружия, ведь для обычного человека это практически невозможно. Хотя, Жнец мог быть уже и не человеком. Об этом Джон тоже не хотел думать.

— А почему тогда вас так не прозвали, если вы тоже используете японское оружие? — спросила Сьюзен у Афро.

— Потому что у меня больше выделяются другие черты внешности, — с наигранным самодовольством ответила она, поправляя афро на голове, хотя вместе с тем, Оливер был уверен, она имела в виду и свою внешность, за которую ее прозвали Афродитой. Оли было интересно, какое прозвище может получить он, если станет Охотником, ведь, по его мнению, он ничего особым не выделяется.

— Ты сама себе придумала прозвище, — сказал Джон, — а мне его дали, даже не спросив, нравится оно мне или нет.

— Я назвала себя Афро, а Афродитой меня уже нарекли другие. И Джон Сэндмен звучит не так круто, как Синигами. А ты же любишь все крутое, да? — вновь рассмеялась она.

Оливер, как и Сьюзен, тоже невольно заулыбались, но молодой парень все же решил вернуть разговор в прежнее русло:

— Так значит, Теней отпугнули амбисидианом?

— Нет, — ответил Джон, когда Афро затихла. — Если верить словам самих Теней, они прибыли на Землю, потому что их собственная Вселенная умирает. Местное Солнце, как и почти все остальные звезды, потухло, погрузив мир в вечные холод и тьму. Когда-то Тени тоже были развитой расой существ, но из-за произошедшего они эволюционировали — или инволюционировали, если судить по их внешности и интеллекту — в этих уродливых тварей. Именно из-за вечной тьмы в их мире, Дыре, они боятся яркого света, в том числе и солнечного. Он может их сильно ослабить и даже убить. Тебя нашли в гетто, где не так много Охотников, а те, что есть, всегда ходят группами и с мощными ультрафиолетовыми фонарями, которыми они и воспользовались. Можно сказать, что тебе крупно повезло.

— Но не моим друзьям, — тихо проговорил Оливер, хотя хотел произнести это лишь в своих мыслях. Если бы они пришли на две минуты раньше, подумал он уже про себя, их можно было бы спасти. Оли хотел обвинить Охотников за то, что те опоздали, из-за чего его друзья

теперь одержимы монстрами из другого мира, он хотел выплюнуть обвинения в лица Джона и Афро, но глубоко в душе понимал, что они ни в чем не виноваты. И даже те Охотники, что притащили его в штаб организации, тоже не виноваты, ведь они спасли ему жизнь, и никак не могли предугадать, что произойдет, когда они его найдут, но ведь они все равно могли поторопиться... У него раскальвалась голова от этих мыслей, хотя от боли от сотрясения уже давно не осталось и следа. Все, что ему сейчас было нужно — время, чтобы разобраться в себе и решить, как поступить дальше.

Когда он уже открыл рот, чтобы сказать это, Сьюзен перебила его, задав вопрос, ответа на который он боялся:

— Когда человека захватывает Тень, неужели нельзя ничего сделать, чтобы спасти его?

Охотники вновь переглянулись, но на этот раз их игры в гляделки затянулись. В конечном итоге Джон вздохнул и повернулся к подросткам:

— Те небольшие комнаты, где вы находились, предназначены для выявления одержимых, а также для потенциальных будущих Охотников. Если вы согласитесь ими стать, вам дадут подписать бумаги о неразглашении и переселят в другие комнаты, которые вы видели, когда переодевались. В боксах же напротив находятся Тени и одержимые ими людьми.

— Эти чудовища находились так близко от нас?! — поразила Сьюзен.

— У них не достаточно сил, чтобы разбить то бронированное стекло, а двери выходят на другой блок здания, так что вам ничего не угрожало. Так вот, — продолжил он, — крайне редко бывает так, что Тень покидает тело человека по собственному желанию, если конечно оно уже не на последней стадии разрушения. Такие случаи редки, но каждый раз носитель умирает уже в следующую минуту. — Взглянув на лицо Оливера, у которого в горле застрял комок, Джон попытался его обнадежить: — Это ничего не значит, — сказал он, — ученые вскоре вполне смогут найти способ изгнать Тень без вреда для носителя.

— Если не будет слишком поздно, — прошептал Оливер.

Снова наступила тишина, нарушаемая лишь переговаривающимися за другими столиками Охотниками. Большинство не обращало внимание на четвертку, засевающую в углу, но некоторые посматривали, явно не понимая, что в таком баре делают, по сути, еще подростки, пусть даже и в компании других Охотников. Оливер иногда оглядывался, когда кто-то уходил из бара или заходил в него, и каждый оброненный на зал взгляд заставлял его вздрагивать, когда он наткнулся на чьи-то глаза, разглядывающие его в ответ.

Помимо того, что почти все были в черном, они как будто излучали какую-то темную ауру, хотя, возможно, это лишь разыгравшееся воображение. С Афро и Джоном Оливер ничего подобного не ощущал, несмотря на постоянную хмурость второго, но это могло быть лишь потому, что с ними он знаком, пусть и с момента первой встречи прошло... Оливер взглянул на часы, висящие над стойкой, и удивился — прошло лишь чуть меньше двух часов с момента, когда они сюда пришли. Слушая Джона и Афро, которая иногда вставляла свои комментарии, он почти забыл про еду, и теперь она была уже давно остывшей. Чувство голода притупилось, однако Оливер не отказался бы от добавки, но ему было неловко говорить об этом Джону, и так платившему за его еду, которую он даже не доел.

Когда молчание затянулось, его вновь прервала Сьюзен, явно приободряясь с каждым часом:

— А эта аберрация, она ведь у всех разная, я правильно поняла? — спросила она.

— Общее у Охотников лишь способность видеть в темноте и более быстрое восстановление, ну и иммунитет к одержимости Тенями, конечно. Остальные способности индивидуальны, хотя одинаковые встречаются тоже часто.

— А какие у вас?

— Я не сплю, — просто ответил Джон.

— В смысле? — не поняла Сьюзен.

— В прямом. С момента Катастрофы я не спал ни минуты, не помогают ни снотворное, ни дубинка по голове, хотя я все равно чувствую себя постоянно бодрым, если, конечно, не занят чем-нибудь выматывающим, но тогда мне хватает простого отдыха.

О том, что Джон видит Мефистофеля, которого, кстати, он сам так назвал, не знал никто, даже Бобби. Когда он в первый раз его увидел, то находился один, поэтому никто не мог удивиться тому, как он разговаривает с воображаемым «другом». Затем, когда Мефисто объяснил, что его видит и слышит только Джон, тогда еще подросток решил об этом умолчать, так как боялся прослыть сумасшедшим. Иногда ему казалось, что не только Мефистофель являлся плодом его воображения, но эти мысли исчезали каждый раз, когда он обнажал свой меч, чтобы сразиться с вполне реальным врагом, сотканным из зловещей тьмы. А еще он понял, что не обязательно быть сумасшедшим, чтобы видеть то, чего не видят и не хотят видеть другие.

— А у вас? — обратилась девушка к Афро? Та лишь отмахнулась рукой в кожаной перчатке:

— Ничего сверхъестественного. К слову, не у всех Охотников есть какая-нибудь дополнительная особенность, кроме стандартных. Некоторые особенности — это просто болезни, иногда довольно неприятные. То, что Джонни не спит — это тоже болезнь.

— А у нас тоже могут быть способности? Как о них узнать?

— Никак. Джонни, например, узнал о своей, когда неделю провалялся без сна.

— И чем вы занимаетесь все это свободное время? — поинтересовалась Сьюзен. Джон пожал плечами:

— Убиваю время в интернете, оттачиваю мастерство владения мечом и другим оружием, просто гуляю.

Джон вдруг резко выпрямился, словно о чем-то вспомнил, и обратился к Афро:

— Ты что-нибудь знаешь о башне с часами «Минута Икс»?

— А кто не знает? — усмехнулась Афродита.

— Я не о том. Ты знаешь, что там произошло прошлой ночью?

— Нет, а там что-то произошло?

— Мне надо позвонить. — Джон встал, и Афро пришлось выпустить его из-за стола.

Подойдя к стойке, он что-то сказал хозяину заведения и тот кивнул на висящий у входа в кухню телефон. Подойдя к нему, Охотник снял трубку и набрал номер, через несколько секунд сбросил и набрал заново. Оливеру показалось, что он встревожен, хотя и не так сильно, чтобы это ярко отразилось на его лице.

— Бобби, ты еще на базе что ли?

— Ну а куда я денусь? Что мне в баре делать? Все знают, что мы сегодня закрыты. Бобби не любил закрывать бар, даже если всю ночь не было ни одного клиента.

— Ладно, не важно. Я звоню узнать, что ты слышал о произошедшем вчера ночью в башне с часами «Минута Икс»?

— А в чем дело?

— Циферблат вчера рухнул. Народ говорит, что там ночью кто-то то ли дрался, то ли стрелял, то ли еще чего. Вот я и подумал, что это мог быть кто-то из наших, нарвавшихся на Жнеца или его соратников.

На том конце трубки повисла тишина. Джон не выдержал:

— Алло, ты там?

— Да-да, просто если ты прав, я хочу заранее придумать, что сказать нашим

многоуважаемым боссам, когда с ними увижусь, благо, я нахожусь уже в штабе и встречу с местным главой филиала, а если он откажется, я ему... В общем так, ты рассказал своему подопечному о нас?

— Все, о чем они должны знать. Тут еще Афро со своей, так что...

— Это хорошо, — перебил его Бобби. — Короче, возвращайтесь обратно в штаб, к вашему приходу я уже должен закончить не слишком приятный разговор с начальством.

— А остальные? Мы не знаем, где они.

Бобби снова помолчал:

— Грасс вроде мобильный носит, — сказал он, и после паузы добавил: — Позвоню в несколько ближайших заведений и попытаюсь их найти. Возвращайтесь, — добавил он в конце и бросил трубку.

Если и Бобби ничего не знает, то простые Охотники и подавно. Джон не привык задавать вопросы, но в последнее время они у него появились, вот только отвечать на них не спешили, будь то Тор, который теперь Бальдер, или организация, которая ни с того ни с сего вдруг обзавелась секретами, о которых не знает даже Бобби.

Он вернулся к столику.

— Мы возвращаемся в штаб.

— Что-то случилось?

— Надеюсь, что нет.

Как Джон и предполагал, платить пришлось ему одному. Афро даже из приличия не предложила оплатить хотя бы за себя.

Когда они уже шли обратно по парку, Оливер решил задать еще один вопрос:

— Вы сказали, что если мы согласимся стать... Охотниками, то нам дадут подписать документы о неразглашении и переселят в другие комнаты. А если мы откажемся?

Немного помолчав, Джон ответил:

— Вам сотрут память о последних днях жизни. Современные препараты на это способны; вы просто проснетесь в своих кроватях со страшной головной болью и ничего не будете помнить о том, что узнали об Охотниках и Тенях. За вами по-прежнему будут следить наши наблюдатели. Препараты на каждого действуют по-разному, — предупредил он, — кто-то может забыть лишь один день, и ему придется стирать память снова, а бывает и так, что пропадает целый месяц.

— Получается, выбора-то у нас особого и нет, — вздохнула Сьюзен.

Афро понимающе посмотрела на Джона и ничего не сказала.

Бобби просил, даже чуть не умолял, чтобы они не говорили того, что может заставить новичков отказаться вступить в организацию, поэтому Джон решил умолчать последний вариант. Он предполагал, что они нечего не забудут, но все равно не будут частью организации. Таким людям не стирали память, а просто заставляли подписать кое-какие документы, в которых говорилось, что они некоторое время лежали в психлечебнице с расстройством психики и галлюцинациями. Если такой человек начинает болтать о демонах и охотниках на них, эти бумаги тут же всплывают, а человека забирают в психушку уже по-настоящему. В особую психушку, принадлежащую организации «Тенелов». Людей там не лечат, потому что, по сути, они не больны, но все равно держат взаперти. Меры очень жесткие, но если таким образом можно предотвратить мировой хаос, который может возникнуть при всплытии правды, организация готова на этой пойти.

Джон очень надеялся, что остальные трое Охотников, которые взяли под опеку новичков, тоже додумаются не говорить больше необходимого.

Подходя к зданию организации, Оливер, конечно, не ожидал, что там что-то изменилось, но кое-какие перемены все же случились, однако касались они лишь его самого. Поднимаясь подземных коридоров на поверхность, он все еще был Оливером, парнем из гетто, отец которого беспробудно пил и иногда даже бил своего сына, заставляя того ходить за выпивкой в магазин, ближайший из которых находился почти в километре от дома. Но возвращаясь обратно, он возвращался со знаниями, которые полностью перевернули его мир. Теперь он мог видеть в темноте, а его раны заживали немного быстрее, чем у всех остальных людей, хотя ему не очень хотелось это проверять. А еще существа из другого мира, способные вселяться в людей и контролировать их. Любой человек может оказаться одним из них, даже друзья и родственники.

Мир не такой, каким был три часа назад. Хотя нет, мир тот же, это я изменился.

Джон что-то сказал охранникам у входа, и один из них связался с кем-то по рации.

— Сейчас вы вернетесь в свои комнаты, те, со стеклом, потом, если хотите, сходите перекусить. Следующей ночью вас всех пятерых спросят, что вы выбрали.

Когда Джон договорил, лифт в вестибюле открылся, оттуда появились двое — доктор Джейсон, как узнал Оливер, и еще одна женщина, отвечающая за Сьюзен. Вниз они отправились без Джона и Афро.

Джон нажал кнопку вызова, при этом пробубнив о том, что пора бы уже и второй лифт сделать рядом. Афро с ним согласилась.

Основной офис «Тенелова», где и находился кабинет главы филиала, располагался на самом верхнем этаже здания. Если бы кто-то попал на этаж, не зная, где находится, он бы не отличил открывшуюся перед ним картину от помещения обычного серого офиса, где сидели операторы-планктоны и принимали звонки. Но на самом деле сюда звонили не ради психологической помощи или покупки товаров из магазина на диване. В офис стекалась вся информация об активности Теней в Бруклине и ближайших районах, в том числе сюда звонили и Охотники, уничтожившие цель, вызывая на место чистильщиков. Сами Охотники редко даже заходили на территорию филиала, а если и заходили, на этаж поднимались еще реже, обычно лишь по личному приглашению главы.

Кабинет начальника филиала находился по правую стену от кабинок операторов, растянувшись на десятки метров, словно огромный непроходимый лабиринт, и располагался посередине, из-за чего многие шутили, мол, что уже давно пора проложить велосипедную дорожку и сдавать велосипеды в прокат, дабы добираться до нужного кабинета быстрее и комфортнее.

Еще не дойдя до угла помещения, Джон и Афро заметили выходящего из кабинета Бобби, явно не в духе.

— Остальные еще не подошли? — спросил он, когда они все втроем встретились на полпути.

— Мы никого не видели. Ты нашел их?

— Грасс и правда сидел в одном из баров, сказал, что с ним и Барсук, но тот вроде как не смог поладить со своим подопечным. Сказал, что они уже направляется сюда.

— А Эвила?

— Где она — не знаю. Но она нам нужна, так что явится, никуда не денется.

Бобби помолчал, переступая с ноги на ногу, его явно что-то тяготило, но зная бармена, Джон понимал, что тот не скажет ни слова, пока не соберутся все. Еще будучи профессором в университете, он не любил повторять своим студентам одно и то же по нескольку раз, а каждого, кто пропускал его лекции, он спрашивал вдвойне строже и задавал более каверзные вопросы, поэтому прогульщиков среди его студентов почти не наблюдалось.

Джон все же решил хоть как-то разговорить Бобби, но тот быстро нашел способ увильнуть

и указал Охотнику за спину. Оглянувшись, он увидел вместе Эвилу и Барсука, который пытался сделать вид, что рядом с женщиной с вуалью чувствует себя вполне комфортно, что ему не особо удавалось. Только выйдя из лифта и увидев остальных, он быстрым шагом направился к ним, оставляя Эвилу, которая никогда особо не спешила, позади. Рядом с ней шел Грасс.

— Что Грасс имел в виду, когда сказал, что ты не поладил с подопечным? — тут же набросился на бывшего вора Бобби.

— А я чего? — отпрянул Барсук. — Сами виноваты, что дали мне этого забуддыгу. Может, я и сидел, но таким никогда не был. У него тюремные замашки, будто он всю жизнь провел за решеткой и был там самым-самым авторитетом. Строит из себя хрен знает кого, а только слышал о Тенях, сначала ржал, как свинья, а когда осознал, что я не шучу, чуть в штаны не наложил и сбежать пытался. Ну, я его и вырубил для верности, чтоб шумиху не поднимал.

Бобби лишь вздохнул и недовольно покачал головой, хотя невозможно было понять, чем он больше недоволен: поведением подопечного или тем, что Барсук так бесцеремонно его вырубил. Ведь после такого тот может наотрез отказаться от каких-либо дел с Охотниками, и тогда ему придется стирать память. Лучше, конечно, поместить его в «психлечебницу», потому что его способность видеть в темноте и ускоренное заживление ран никуда не денутся, а если он будет этим бахвалиться — а он будет, — то привлечет к себе ненужное внимание, и никакие бумаги его не испугают.

Демиург хотел что-то еще сказать Барсуку, но тут подошла Эвила, отчего бывший вор-домушник чуть не подскочил, когда увидел ее рядом с собой, тихо подкравшуюся со спины, и как бы невзначай отошел подальше, якобы чтобы что-то спросить у Джона. Бобби тут же переключил внимание на нее:

— А как твоя?

Эвила сначала повернула голову в сторону Джона, а потом опять посмотрела на Бобби и заговорила. Голос ее был тихий и немного скрипучий, словно она не привыкла разговаривать.

— У нее проблемы со сном, — медленно проговорила она. — Почти как у Синигами, только это не просто неспособность спать, а сильнейшая бессонница, из-за чего она почти всегда уставшая.

Эвила предпочитала именовать Джона не иначе как Синигами, даже зная, что ему это не нравится, а может, именно поэтому. Возможно, это было проявление ее необычного чувства юмора.

— Не удивительно, что она так плохо выглядит, — задумчиво сказал Бобби, нахмурившись. — Что-нибудь еще?

— Похоже, у нее нарколепсия.

— Нарколепсия и бессонница? — воскликнула Афро. — Ужасное сочетание. Не может уснуть, а если и спит, то не по собственному желанию. Врагу такого не пожелаешь.

Эвила как обычно никак не отреагировала на то, что ее перебили, но заговорил Бобби.

— Здесь слишком шумно, — сказал он, оглядывая сидящих за телефонами операторов, то и дело отвечающих на звонки, хотя обычно тут в разы более шумно, но нынче Тени по большей части залегли на дно. — Поговорим лучше здесь. — Он открыл ближайшую к нему дверь и зашел внутрь, уводя с собой и остальных. Это оказалось большой комнатой с длинным овальным столом посередине, явно предназначенное под конференц-зал. Бобби сел во главе стола, остальные расположились по обе стороны от него.

Сначала он попросил подробнее рассказать Охотников о своих подопечных, о том, что они узнали о них. Джон первым поведал об Оливере и его рассказе, в том числе и о его встрече с Тенями, о которой до этого тот не хотел никому говорить. Афро мало что смогла рассказать о Сьюзен, кроме того, что она вроде как все же склоняется к тому, чтобы стать частью

организации. Грасс сообщил, что его подопечный, Мейсон, встретился с одержимым Тенью, когда решил прогуляться ночью с друзьями, решившими доказать самим себе, что они крутые и все такое. Его друзья разбежались, как только этот одержимый одним движением отшвырнул от себя одного из их компании, а сам Мейсон остался, чтобы, как он сказал, замочить уroda, но его бита оказалась бесполезна, и если бы не подоспевшие Охотники, он уже был бы мертв. Обладает крайним желанием стать Охотником.

Эвила уже рассказала все, что хотела, поэтому лишь добавила, что Миранда довольно меланхолична, поэтому ей все равно, станет она Охотником или нет. Больше всего Бобби был недоволен Барсуком с его подопечным, о котором тот не узнал ничего нового, хотя все же понимал, что бывшие зеки — не самые лучшие кандидаты на роль Охотников.

Когда все закончили свои скудные рассказы, Бобби заговорил сам. Сперва он поведал о разговоре с Джоном по телефону, а потом уже перешел к диалогу с главой филиала.

— Я сказал ей, что последний раз терплю сокрытие от меня того, что происходит в городе. Если я не буду получать все новости о происходящем в вверенном мне районе, то пусть ищет себе нового дурака, который и слова поперек не скажет, посмотрим, как она справится с каким-нибудь неопытным сосунком, который ничего не будет знать о порученном ему районе и об Охотниках, живущих в нем. И месяца не пройдет, как под его руководством не останется ни одного целого Тенелова, все либо погибнут, либо разбегутся. А она мне заявила, что это от меня все бегут.

Бобби замолчал, но никто не осмеливался нарушать воцарившуюся тишину. Джон, как, видимо, и остальные, понимал чувства бармена. Пусть он не виноват в той ночи, что стали называть ночью резни, где погибло четырнадцать воинов, а еще тринадцать оказались серьезно ранены, но переубедить его в обратном никто не мог. После того инцидента свои полномочия сложили семнадцать Охотников, хотя уже после шестеро все же вернулись, однако отказывались выходить на охоту поодиночке. Бобби чувствовал свою вину, однако все-таки считал, что кто-нибудь другой справился бы с кризисом еще хуже, а он лично заштопал этих тринадцать раненых, не считая небольшой помощи от врачей, присланных из организации, в том числе и сидящих перед ним Джона и Грасса, хотя последний отделался лишь парой царапин и откусанным Тенью пальцем.

— В общем, так, — заговорил он вновь после затянувшегося молчания, — прошлой ночью в башне и правда произошла драка. Глава филиала сказала, что там были обнаружены пули из амбисидиана и следы от меча, однако никаких признаков Теней не найдено.

— Значит, скорее всего, сражались два Охотника.

— Или больше, — кивнул Бобби. — Одного мы точно знаем. — Он сделал паузу.

— Не тяни, — поторопил его Джон.

— Экспертиза показала, что пули выпущены их пистолета Машери.

Джон онемел. Машери? Она же ушла с тремя другими Охотниками, как сказала Блэкснейк. Но как она оказалась в башне, ведь та примерно в десяти кварталах от ее дома?

— Там были только пули из пистолета Машери? — спросил Джон.

— Еще кто-то сломал механизм часов, на которых обнаружили следы амбисидиана. Судя по всему, кто-то перерубил опору, держащую циферблат, и он упал. В любом случае, следов крови там нет.

— Значит, они захватили Машери? Бобби пожал плечами.

Машери была далеко не сильным Охотником, а потому Жнец не мог ею заинтересоваться, однако мог Майлз, которому она приходилась любовницей. «Но неужели Майлз напал на нее, — подумал Джон, — только чтобы заставить ее перейти на сторону Жнеца? Он правда стал способен на такое?» Джон не знал, что и думать, хотя кое-какие мысли у него все же появились.

Но не убедившись во всем лично, он не хотел делиться ими с остальными.

— Это все, Бобби? — спросил он.

— Пока — да. Как только будет новая информация, мне сообщат. Надеюсь. А ты куда-то торопишься?

— Да, мне надо идти. Я хочу... в кое-чем убедиться. Если мои подозрения подтвердятся, я тебе сообщу.

— А на чем ты поедешь? — спросил Бобби. Джон замер у двери. — Ладно, придется мне вернуться в тот чертов кабинет и просить у Камиогавы для тебя личное авто. Иди, у входа сейчас появится машина. А если не появится... значит, я умер.

Джон вышел из комнаты, а потом и из здания. Через пару минут к входу подъехал старенький белый «Escalade», из которого вышел человек и отдал Джону ключи. Он направлялся напрямиком в квартиру Блэкснейк, чтобы она снова подтвердила, что Машери прошлой ночью действительно ушла не одна, и если так и было, то ему нужны были имена тех, кто вызвался ее проводить. «Та баба просто тебя использовала», — так сказал Мефисто, когда появлялся в последний раз. Джон надеялся, что он говорил не о Блэкснейк, хотя другие имена знакомых женщин ему на ум не приходили.

Дорога была пуста, и он прибавил скорости.

Глава 12: Плен

Глава 12: Плен

Днем город всегда выглядел так, словно сошел с жизнерадостной открытки, посвященной какому-нибудь торжеству, который праздновали все, часто даже не зная, чему он посвящен, главное, что можно себя чем-нибудь побаловать, как будто в другие дни это запрещалось. Ночью же зрелище представляло собой диаметрально противоположное, казалось, словно город вымер после эпидемии, а тела превратились в пыль, которую смел невидимый ветер. И растущая сейчас на небе луна точно подчеркивала одиночество, накрывшее мир.

Когда светило солнце, город как будто выглядел меньше, будто высыпавшие на улицы люди заполняли собой все пространство, но город представлял собой лабиринт похлеще Кносского, да и обитающие в нем монстры куда ужаснее.

Джон ехал по холодному асфальту на максимально возможной скорости, не боясь потерять управление, ведь в случае чего, пострадает лишь он один. Хотя кое-кто считал иначе.

— *Эй, лихач, не гони ты так, никуда твоя бабенка не денется, а если и были у нее такие мысли, так ее уже давно и след простыл.*

— Заткнись.

— *И даже не здороваешься?*

— Кого ты тогда имел в виду? — жестко спросил Джон. Он не стал уточнять вопроса, но Мефисто этого и не надо было.

— *Ты сам знаешь ответ.*

Джон недовольно поморщился. Он не любил разговаривать с Мефистофелем, ведь тем самым он признавал реальность его существования, но больше всего он ненавидел то, что тот практически всегда оказывался прав в своих суждениях.

— Если тебе больше нечего сказать, то свали отсюда, ты отвлекаешь меня от дороги.

Джон едва вписался в очередной поворот, отчего шины от трения с асфальтом издали протяжный свистящий звук.

— *Тот парниша чем-то похож на тебя,* — сказал Мефисто, задумавшись и постучав призрачным пальцем по призрачному подбородку. — *Думаю, будь у тебя сын, он бы был его копией. Как думаешь, почему организация им так заинтересована? Да и остальными тоже. Бобби сказал, что их необходимо убедить стать Охотниками.*

— Он сказал, что они не обязательно должны становиться Тенеловами, могут и в аналитический центр пойти.

— *Не обязательно,* — повторил Мефисто. — *Но те, что там работают, редко проходят боевую подготовку. Обычно им дают решать самим свою судьбу, а что сейчас? Следуя завету Бобби, ты не сказал о возможности быть вне организации без стирания памяти. В аналитический центр и обычных людей берут, а Охотников после того случая сейчас довольно мало, чтобы бездумно ими разбрасываться, посылая на сидячую работу, где и так людей хватает.*

— Ты сегодня слишком болтлив, — раздраженно заметил Джон. — Если есть дельные мысли — выкладывай, а иначе проваливай.

— *Дельные мысли, говоришь? Ты слишком сильно доверяешь Бобби. Это первая. А вторая: не особо привязывайся к мальчишке.*

— Что ты?.. — Джон повернулся к Мефисто, но тот уже испарился, как обычно оставив после себя неприятное послевкусие вопросов без ответов. Джон знал, что рано или поздно

ответы появятся, но обычно это случается именно что поздно.

Затормозив у дома, где жила Блэкснейк, Джон вышел на свежий морозный воздух и слегка поежился, но больше от ожидания встречи, чем от холода. Взглянув в окна, он не увидел света, поэтому не был уверен, дома ли она. Пусть бар Бобби сегодня не работал, она могла уйти в другой или вообще отправиться на охоту, но было бы глупо начать поиски не с ее квартиры.

Поднявшись на нужный этаж, он помялся у железной двери с резными завитками преимущественно из серебра, но все же позвонил. Потянувшись за мечом за спиной, он вдруг понял, что безоружен, если не считать ножа, который он носил даже днем. Он проклял себя за свою неосмотрительность. Можно было вернуться домой и переодеться в ночную форму, но звонок уже сделан, а убегать, как какой-нибудь нашкодивший мальчишка...

Прислушавшись, он ничего не услышал, и уже собирался уходить, чтобы переодеться и продолжить поиски, но тут ему послышались шаги. Он снова вернулся к двери, специально встав напротив глазка. Спустя секунд десять, словно потраченных на обдумывание, послышались звуки открывающихся замков, а затем дверь распахнулась.

На пороге, кутаясь в белый махровый халат, стояла Хелин.

— Как ты узнал, где я живу? Хотя не важно, лучше скажи, зачем ты пришел посреди ночи?

Джон несколько раз открыл и закрыл рот, не находя слов, но все же, откашлявшись, заговорил:

— Ты... ты здесь живешь?

— А ты не знал? — Она недоверчиво уставилась на него. — Кого же ты здесь ожидал увидеть?

Джон, словно не слыша ее вопросов, спросил сам:

— Ты здесь одна живешь?

— С сестрой, — ответила она, немного замямвшись.

— Блэкснейк твоя сестра?! — поразился он.

«Я переспал с сестрой Хелин! Но как такое возможно, ведь они совершенно разные? Две совершенно противоположные женщины, словно белый кролик и черная пантера». Джон не знал, как на такое реагировать. Он не знал, рассказала ли ей сестра, что он с той переспал. «А вдруг она считает, что я сделал это нарочно, чтобы позлить ее и заставить ревновать? Да нет, если бы она знала, то точно вела бы себя иначе. Только если ей не все равно...»

— Я не хотела тебе говорить, что моя сестра Охотник, дабы ты не воспользовался этим, как еще одним доводом.

«Ох, лучше бы ты мне все рассказала».

— Она здесь? Твоя сестра.

— Я не видела ее со вчерашнего дня, потому что прошлой ночью... ну, у меня была работа. Она оставила записку, что вернется не скоро, такое с ней часто бывает. А зачем она тебе?

Очередная порция мыслей навалилась на Джона, как снежная лавина в горах. Прошлой ночью, когда он был с Блэкснейк, примерно в это же время кто-то похитил Машери, которая, если считать слова сестры Хелин ложью, отправилась домой одна, доведенная Бобби до слез. «Она обманула меня, а потом отвлекала внимание, пока кто-то — Майлз? — напал на Машери? Значит, она одна из людей Жнеца? Сестра Хелин одна из предателей!!»

— Хелин, Блэкснейк скрывает свои способности, но ты ее сестра, ты должна знать. Расскажи, на что она способна?

— На что способна? — Она поджала губы, словно стремясь уберечь секрет от ненужных ушей. — Сначала скажи, что случилось? Я чувствую опасность. Она исходит и от тебя, и одновременно грозит тебе.

Джон пытался скрыть свои эмоции, но для Хелин он всегда, как открытая книга, оставалось

лишь окунуться в написанное, однако он по себе знал, что в одних книгах слишком много лжи, а в других — слишком мало правды. Он не любил, когда кто-то лез в его душу, хватало и Мефисто, насвистывающего ему в ухо мысли, которые он старался запрятать подальше, где им суждено было утонуть в пыли забвения.

— Если ты не можешь мне ответить, я пойду, у меня много дел.

— Нет, стой! — окликнула его Хелин. — Я расскажу. Может, зайдешь?

Он посмотрел ей за спину, на квартиру, в которую его недавно приводила Блэкснейк, ставшая его второй девушкой, разделившей с ним одну постель. Он не хотел вновь окунуться в эти воспоминания.

— У меня нет времени.

— Я понимаю, — вздохнула Хелин. — Способности Фоллы? Когда-то она тоже была... работала в борделе, но ее выгнали, потому что она обкрадывала клиентов, при этом некоторые из них уверяли, что она даже к ним не прикасалась. В конечном итоге я узнала, что она может как бы путать мысли людей, дезориентировать, встречаясь с ними взглядом, причем часто это происходит без ее желания, из-за чего она носит линзы. Скажи мне, что случилось.

Это все объясняет, подумал Джон. Возможно, он бы ни за что с ней не переспал, не воспользуясь она своими способностями, однако, когда она вела его за собой, когда привела в квартиру, и когда стала раздевать, он все это осознавал, пусть и смутно. Он мог воспротивиться, но не стал. Он сам набросился на нее, словно похотливое животное, пытаясь доказать самому себе, что Хелин ему безразлична. Это он вполне осознавал. Блэкснейк, возможно, была способна пробудить в человеке его скрытые желания, заставить сделать что-то, чего он желал где-то в глубине души, зачастую боясь даже самому себе в этом признаться.

Джон развернулся и направился к лестнице.

— Джон, скажи мне! — окликнула его Хелин. — Она моя сестра, я имею право знать.

Он остановился и оглянулся, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Она — Охотник. — «Или больше нет». — А ты нет. Это касается только нас.

Пока Джон спускался по лестнице, Хелин несколько раз окликнула его, но он не остановился. Блэкснейк, родная сестра женщины, которую он любит, пусть и не хотел себе в этом признаваться, забросив эти мысли в самый отдаленный уголок сознания, теперь его враг. Он надеялся, что у Хелин есть возможность с ней связаться и предупредить обо всем, ведь если он встретит ее вновь, у него не будет выбора, кроме как схватить ее. Что с ней сделает организация — об этом думать ему не хотелось.

Вместо того, чтобы направиться напрямиком в штаб или домой, Джон еще полчаса колесил по городу и думал о Блэкснейк, Бобби и словах Мефисто, но мысли никак не желали подолгу задерживаться у него в голове, ускользая быстрее, чем он успевал как следует рассмотреть их со всех возможных ракурсов. Впервые за долгое время у него возникло такое чувство, словно он вот-вот заснет. Ему срочно нужно было остудить голову, а где это лучше сделать, как не в баре? Подъехав к ближайшему заведению Охотников, он остановился, но мотор все же не заглушил. Немного постояв, он решил, что сейчас не самое лучшее время, чтобы напиться. В конце концов, он решил сначала съездить домой, а затем на место нападения на Машери, чтобы осмотреться. Джон, конечно, не надеялся найти там что-то, что могли пропустить специалисты, но ведь с чего-то надо начинать.

Циферблат уже убрали, видимо, увезли на ремонт или просто решили заменить, однако на мощной камнями площади все еще оставались следы падения в виде разбитых булыжников. В башне на самом верху зияла дыра, черная даже на фоне ночи.

На дверях, ведущих внутрь, Джон замка не обнаружил, а потому беспрепятственно проник

в башню, где не было даже охраны, и по крученой лестнице забрался наверх.

Почти под самой крышей лестница выводила на площадку, с одной стороны которой находилось огромное круглое отверстие, где некогда висели часы. Там на месте все еще находились огромные шестеренки, создающие иллюзию, будто наблюдающий их вдруг резко уменьшился, превратившись в букашку, которую эти шестерни способны измельчить в труху. Некоторые из зубчатых колес валялись на полу, но явно уже снятые специально, чтобы они ненароком не рухнули вниз. Из середины этого механизма, напоминающего стимпанковский, торчал длинный толстый стержень, конец которого, упираясь в пустоту, был косо срублен, словно тонкая ветка. Чтобы такое сотворить, нужно обладать колоссальной силой и крайне острым оружием, которое, даже будучи самым крепким, все равно бы безнадежно затупилось.

Присмотревшись, Джон заметил, что и у некоторых шестеренок имеются следы, похожие на порезы и царапины, будто кто-то намеренно пытался исполосовать механизм. На стене возле отверстия Джон нашел следы от пуль, видимо, выпущенных Машери.

— Ты все еще мне враг? — раздался голос за спиной. Джон развернулся, выхватывая на ходу меч. Майлз. Джон даже не услышал, как он поднялся, а может, он все это время находился здесь. Лицо его украшали синяки, и он явно был не в лучшей форме.

— Это ты напал на Машери? — без обвиняков спросил Джон.

— Напал? Скорее, я защищался.

— Что это значит?

Майлз потупился и уперся взглядом в пол. Казалось, он даже не обратил внимания на то, что у Джона в руках меч, хотя его перчатки как обычно покоились в задних карманах штанов; одно движение, и они легко оказывались на руках.

— Ты ведь знаешь, что мы с ней... были любовниками. Я не хотел, чтобы она пострадала, когда... Я поджидал ее на улице, а когда показался ей на глаза, она, вместо того, чтобы попытаться сбежать, как я предполагал, кинулась мне на шею.

— И зачем ты привел ее сюда?

— Это не я ее сюда привел, а она меня. Она сказала, что здесь очень романтично.

Джон обернулся. С вышины башни, располагавшейся на самом верху пологого холма, город, в котором находилось не так уж много высоток, действительно казался тихим и спокойным местом, особенно ночью. Лучшего места для романтического свидания трудно найти, хотя когда здесь еще висел циферблат, все это можно было увидеть лишь через небольшое окошко в стене.

— Когда мы поднялись сюда, — продолжил Майлз, — Машери сначала вела себя так, словно давно ждала этой встречи, но в один миг вдруг перевернулась и пырнула меня ножом, крича что-то о том, что я ее предал. — Он поднял кожаный жилет вместе с футболкой, оголяя торс, замотанный бинтами, почти как у самого Джона.

— Ничего серьезного, — сказал он, — но я просто не мог такого ожидать. Когда она уже достала пистолет, вдруг появился Жнец. Он знал, что я хотел переманить Машери на нашу сторону и был против, потому что не видел в ней сильного союзника. В общем, он напал на нее с мечом, даже не сказав ни слова. Она оказалась проворней, чем я помнил, даже подстрелила его, хотя ему подобные раны нипочем. Мне даже показалось, что у нее прорезалась какая-то третья личность.

— И что же ты сделал? Ты же что-то сделал?

— Больше, чем я мог подумать, — ответил он, вздохнув. — Когда я надел свои перчатки, Жнец уже разошелся и задел стержень, держащий циферблат часов, хотя они все еще как-то продолжали висеть. В общем, я вмешался, встав между ним и Машери; если бы клинок уже не затупился при разрушении стрелы, я бы остался без головы. Но он не остановился, пытаюсь

убрать меня с дороги, — Майлз указал на лицо, покрытое ссадинами, — а мне не оставалось ничего иного, кроме как атаковать в ответ, хотя я знал, что ничего не могу ему сделать. В конечном итоге, когда он очередной раз увернулся, мой удар пришелся по циферблату, который со скрежетом рухнул вниз. Я просил его не убивать Машери, но его порой бывает очень трудно переубедить. Он сказал, что если я с ней не разберусь, это сделает он. К счастью, к тому времени у нее уже кончились патроны, поэтому мне не составило особого труда поймать ее и вырубить. С ней все в порядке, — поторопился объяснить он, — хоть она и не желает становиться одной из нас, даже услышав, что мы... что Жнец запланировал. А Жнец, кстати, остался крайне мной недоволен, особенно после того, как я не убил тебя.

Джон все это время стоял молча, не опуская меча. Машери жива, но, получается, находится в заложниках. Он сомневался, что Майлз, пока жив, позволит использовать ее в качестве наживки или щита, но если Жнец не поленился проследить за ним и вмешался, как только ситуация вышла из-под контроля, он может вообще посчитать, что Майлз ему более не нужен. Он не покончил с Джоном, пытался переманить ненужную для него Охотницу, да еще и напал на него самого, чтобы спасти Машери, которую Жнец уже готов был убить, несмотря на такое к ней отношение Майлза.

Джон практически не сомневался, что Тор, Бальдер, для Жнеца теперь лишняя обуза, приносящая одни лишь неприятности, и от которой следует избавиться, а тогда ему ничего не помешает покончить и с Машери. Значит, подумал Джон, Майлз здесь не для того, чтобы рассказать мне историю всего здесь произошедшего, а дабы убить, но в его состоянии, пусть он и никак не выказывает своей слабости, это будет проблематично. Джон несколько раз тренировался вместе с Майлзом, и каждый раз проигрывал, хотя был близок к победе, теперь же Тор ранен, а раны Синигами уже практически его не беспокоили; в нынешней ситуации мечник превосходил рукопашника. Оставался лишь один вопрос — понимает ли все это сам Майлз.

Если Майлз действительно собирается здесь с ним схлестнуться, Джону, если он хотел спасти Машери, необходимо не просто не убить его, а сделать так, чтобы тот остался на ногах, но при этом суметь сбежать самому. Если Майлз погибнет, за ним последует и девушка, а ведь она, попав в плен, и даже несмотря на свои чувства к Бальдеру, не предала своих принципов.

— Зачем ты пришел? — спросил Джон. — Не для того ведь, чтобы драться со мной. В твоём состоянии...

— Не смей меня, — перебил его Майлз, — я в отличной форме. Какая-то дырка в пузе меня не остановит. — Он замахал руками, словно разминаясь, но Джон заметил, как его щека иногда подергивается, явно от боли. Однако он не желал признавать своей слабости:

— Я порву тебя, даже если лишусь руки, поэтому лучше о себе побеспокойся. У меня нет выбора, — добавил он, словно оправдываясь, — я не раз уже подвел Жнеца, и если подведу вновь, он убьет меня, а затем и Машери.

— Если ты умрешь от моей руки, будет то же самое. Скажи мне, где девушка, и мы освободим ее вместе. Если понадобится, я приведу и других Охотников.

— Ты не понимаешь, — покачал Майлз головой, натягивая перчатки с металлическими вставками на костяшках. — Жнец слишком силен, на его стороне уже очень много Охотников, а том числе и я, даже Тени служат ему. Несмотря на то, что он кажется злодеем, его идеи — это то, что я считаю верным, пусть его методы мне и не по душе.

Этого Джон и боялся. Если Теней можно убить амбисидианом или прогнать ярким светом, при этом не ожидая от них особого отпора, то Охотники не откажут себе в удовольствии воспользоваться мощным оружием.

— Неужели в нем Высшая Тень? — спросил Джон, стараясь оттянуть время и выяснить хоть что-то, что сможет помочь в борьбе с Мрачным Жнецом, если конечно, удастся выжить.

— Это не важно, — ответил Майлз. — Прости, Джон, но я должен.

Он кинулся на Джона в лобовую атаку, целясь кулаком в лицо, но промахнулся. Он оказался освещен светом луны, заглядывающим в проем, и Джон отметил, что у того другие перчатки, сделанные не из амбисидиана. Он отскочил от противника и нанес удар мечом сверху вниз, стараясь лишь ранить его, однако Майлз подставил руку и послышался звук соприкосновения металлов. Рукав толстой футболки порвался, и Джон увидел, что у Тора практически все предплечье защищено металлическими наручами из достаточно крепкого металла, чтобы амбисидановый меч только и смог, что поцарапать его, пусть удар и пришелся вскользь.

Одержимые Тенями люди редко используют холодное оружие, а потому подобную защиту мог носить лишь тот, кто заранее намеревался сражаться с другим Охотником. Джон не сомневался, Майлз воспользовался ими как раз для боя с ним.

Очередной удар оказался для Джона неожиданным и угодил в плечо, развернув на триста шестьдесят градусов. Он упал, однако в падении сумел выкинуть меч в быстром косом ударе, чудом задев руку Майлза, как раз между наручами и перчаткой. Сам Майлз, казалось, этого даже не заметил.

Вскочив на ноги, мечник едва успел подставить оружие под сокрушительный удар. Руки, согнутые в локтях, не выдержали такого напора, и кулак Майлз впечатал клинок плашмя в грудь противника, отчего тот отлетел и снова упал на спину, едва не разрывая последние оставшиеся швы. Встав, Джон почувствовал боль в левой ладони, которой поддерживал лезвие, защищаясь от атаки, она была порезана в двух местах, в которые с силой вдавились края клинка — ха и мунэ.

Майлзу же досталось больше. Порез на руке у него не вызывал никаких проблем, однако открылась рана на животе, и теперь кровь стекала по его штанам, заливаясь в обувь и вытекая на пол, оставляя красные полосы и следы от сапог там, где он ступал.

— *Забудь про Машери,* — сказал вдруг появившийся Мефисто.

— Уйди.

— Я не могу просто уйти, — ответил Майлз, полагая, что Джон обращался к нему. — Что бы я ни сделал, Машери умрет, если я не выполню задание.

— *Если ты не будешь сражаться всерьез, то умрешь зазря. Жнец так или иначе избавится и от Майлза, и от Машери.*

Джон отмахнулся от вымышленного приятеля. Пусть тот почти всегда и оказывался прав, это не повод его слушать. Не то, чтобы Джон не мог убить Майлза, ведь он ему даже не близкий друг, но что-то не давало ему так просто принять это решение. Даже если он враг, всего несколько дней назад они вместе выпивали в баре у Бобби, и когда Майлз заявился к нему в квартиру, тот назвал его своим другом, даже зная, что сам Джон не относится к нему так же. Это не сентиментальность, подумал он, просто всегда есть иной выход.

— Зачем Жнец вообще так стремится меня убить? — спросил Джон.

— Я не знаю. Он не особо мне доверяет. Могу лишь сказать, что у него повсюду глаза и уши.

Джон пытался тянуть время. Майлз терял кровь, а значит, и слабел, скоро он вообще едва сможет ногами ворочать, не говоря уже о драке, и тогда можно будет сбежать, а в ближайшем заведении для Охотников вызвать скорую. Или позвонить в организацию. Как поведет себя Жнец, если Майлза захватят? Если Машери ему не нужна, Бальдер в любом случае не сможет помешать ее смерти. Но вот если Майлз будет у них, можно будет устроить обмен. Маловероятно, подумал Джон, но это единственный вариант.

Пока Джон размышлял, Майлз уже пришел в себя. Очередной удар лишь скользнул по

голове, но Джон ощутил, как у него над виском стало влажно. Обманным маневром он заставил противника покачнуться влево от себя, а сам со всей силы ударил по наручам левой руки самым острием меча. Удар оказался такой силы, что искры от соприкосновения металлов едва не ослепили их обоих. Майлз протяжно закричал, наручи, чьи плохо защищенные застежки оказались разрублены, упали на пол, а из руки фонтаном хлынула кровь. Недолго думая, Джон с разворота ударил здоровяка ногой в живот, при этом сам скривился от боли — сломанные ребра уже практически зажили, но резкое движение слегка их разбередило, да и удары здоровяка не прошли даром.

Ноги Майлза подогнулись, и он упал на колени, при этом касаясь головой пола и держась здоровой рукой за порезанную.

— Ну же! — выкрикнул он, оставаясь в той же позе и тяжело дыша. — Добей меня! Ты оказался лучше, чем я думал... Как я и надеялся... Убей меня... или это сделает он.

— Почему ты принял его сторону? Что он тебе обещал? Власть в новом мире? Ответить мне, Майлз!

Майлз, которого Джон так и не привык называть Тором, и который теперь именуется Бальдером, словно пытаясь забыть свое прошлое, поднял глаза на Джона, в них читалась боль, но не от ран. Джон едва не сжалился над ним, но высшая милость для него была умереть здесь, а этого он допустить не мог. Джон все еще помнил ночь резни, когда погибло четырнадцать Охотников. Он не мог представить, что такого можно пообещать, чтобы человек не просто поступил своими принципами, а закрыл бы глаза на смерти тех, кто считал его если не другом, то соратником.

— Новый мир, — тихо повторил Майлз. — Как точно ты это назвал. Мир должен обновиться, Джон, должен. Оглянись, что ты видишь? Я вот вижу помойку, огромную помойку из людей, которая растет с каждым днем. Растет, но не вырастает. Мы никуда не движемся, топчемся на месте. Символично, правда? — усмехнулся он. — Это ведь ты мне как-то говорил об этих часах, «Минута Икс». Как там: время движется вперед, а люди стоят на месте?

— Символично, — сказал Джон. — Но разве ты не видишь? Часов больше нет. Круг можно разорвать...

— Это лишь символы, — прервал его Майлз с жаром. — Часы можно сломать, но история продолжает свой круг, снова и снова, а люди ничему не учатся. Но историю можно изменить, не переписать прошлое, как это зачастую бывает, а стереть его полностью, начать все с чистого листа.

— И для этого нужно убить меня и всех Охотников?

Майлз опустил голову, заговорив вновь после долгой паузы. Тон его вновь стал оправдывающимся:

— Новый мир не для нас, Джон, не для таких, как мы. Мы стоим на месте, но есть те, кто способен двигаться вперед, и нам следует покинуть сцену.

— Знаешь, — промолвил Джон, — Бобби как-то сказал мне такую фразу: «Бесконечно можно смотреть на три вещи: на огонь, на воду и на историю, следует лишь постараться не сгореть в первой, не утонуть во второй и не кануть в третьей». Лично я не собираюсь добровольно покидать сцену, пока остаются те, кто хочет меня на ней видеть.

Майлз было засмеялся, но тут же закашлялся. Кровь из руки и живота все еще не останавливалась, приближая его к гибели, и Джон больше не мог просто стоять. Неуловимым движением, на какое только был способен в нынешнем состоянии, он оказался за спиной Майлзы и ударил его по затылку рукоятью, вырубив. Он пожалел, что не захватил с собой одноразовый телефон, и поспешил к машине, чтобы добраться до ближайшего бара или ресторана Охотников. Он мог бы захватить Майлза с собой, но башня высокая, лестница крутая,

Тор/Бальдер тяжелый, а Джон не в лучшей своей форме. Оставалось лишь надеяться, что удар по затылку не позволит скрыться ему раньше, чем приедут из организации, а полученные раны не убьют.

***

Сидя на сайте Охотников, Джон выписывал имена тех, у кого за последнее время резко ухудшились результаты по уничтожению Теней и одержимых. Конечно, подобный метод не отличался надежностью, но иных способов ни Джон, ни аналитики организации придумать не могли. Не проверять же, в конце концов, всех Охотников поголовно, — это приведет к ненужным вопросам и привлечет внимание Жнеца.

От Бобби Джон узнал, что без вести пропало еще несколько Охотников, некоторые найдены убитыми, но организация старалась умалчивать подробности, чтобы не разводить панику. Нескольких особо подозрительных Тенеловов все же пришлось допросить, как словесно, так и с применением способностей Охотников, что обладали силой проникать в чужой разум. Всего а пять дней выявили четверых предателей, но они оказались мелкой рыбой и почти ничего не знали о планах Жнеца.

Все эти дни Джон пытался хоть что-то выведать о Блэкснейк, но он оказался последним, кто ее видел. Было слишком много совпадений: Майлз в его квартире, Блэкснейк со своими чересчур притягательными глазками в баре, убежавшая Машери и встретивший ее Майлз, видимо, увязавшийся за Джоном...

Синигами не любил, да и не был способен подолгу размышлять о чем-то, строя у себя в голове хитросплетения причинно-следственных связей. Даже если все это неведомым способом было спланировано, Майлз явно не смог предвидеть нож под ребрами и проигрыш Джону.

Чтобы остудиться, Джон зачастую делал противоположное, например, тренировался с мечами, разогревая тело до жара. Сейчас это было как нельзя уместно — теперь его враги не только Тени, но и такие же, как и он, Охотники. Не все, напомнил он себе. Паранойя сейчас была бы совсем некстати.

Через два с половиной часа бамбуковый меч, казавшийся вначале легким, словно перышко, теперь весил как добротная штанга, норовя выскользнуть из скользких рук и проломить дощатый пол. Пробыв в ванне еще не менее часа, периодически меняя температуру воды с откровенно горячей до температуры подземного озера, он почувствовал себя посвежевшим и готовым на подвиги.

До Рождества оставалось около трех недель, а планы Жнеца все еще неизвестны. Джон почему-то даже не вспомнил о словах Майлза насчет Рождества, когда сражался с ним в башне, а потому не выведал никаких подробностей. Даже его вопрос о том, является ли Жнец вместилищем Высшей Тени, остался без ответа. По сути, думал Джон, я вообще ничего не добился. Хотя... Машери жива. Была жива пять дней назад.

Заглянув в почти пустой холодильник, он нашел, чем убить время. Медленно одевшись и посмотрев в зеркало на свое гладко выбритое отражение, он вздохнул, снял ночную форму Охотника и переделся в обычную одежду, не забыв накинуть сверху куртку, потому что на улице заметно похолодало.

Никто не просил Джона вернуть взятую машину, так что он продолжал на ней разъезжать, пусть даже и без прав. До торгового центра пятнадцать кварталов, которые он обычно проходил пешком, но сейчас с неба падал легкий снег, таявший, едва коснувшись асфальта, а Джон не любил ничего, что падало с неба, и потому все же отправился за покупками на автомобиле

Торговый центр отличался размером и имел пять этажей, каждый из которых отводился под разные виды товаров, начиная от пищевых продуктов и заканчивая продажей мелкого

транспорта, навроде мотоциклов и трициклов. На первом этаже располагались магазины бытовой техники и мебели, продуктовой же занимал второй. Загнав автомобиль на надземную парковку, просто молодой парень просто направился за покупками.

Направляясь к кассе с полной тележкой, он вдруг уловил в толпе знакомое лицо. Сначала ему показалось, что это Хелин, но вновь высмотрев его, он с трудом узнал Блэкснейк. Ее голову больше не покрывали длинные дреды, сменившись на короткие черные волосы, торчащие во все стороны, словно шипы, также, естественно, не было респиратора, а линзы с того места, где он стоял, разглядеть оказалось невозможно.

Джон выкрикнул ее имя, которое ему назвала Хелин, но тут же понял, что сглупил. Обернувшись на призыв и увидев Джона, она резко переменилась в лице и тут же рванула с места. Джон решил, что другого случая может больше не представиться, и побежал за ней. В толпе, движущейся, словно орда бездумных зомби с покупками, бегущую девушку было заметить не сложно. Отталкивая с пути мешающихся ей покупателей, она выбежала из магазина и помчалась к выходу на парковку.

Он очутился за дверью буквально секунд через пять после того, как за нее выскочила Блэкснейк, но ее нигде не было. Пройдя вдоль рядов автомобилей, вглядываясь в стоянку, Джон завернул за угол и тут же попал в расставленные силки. Глаза девушки сияли голубизной океана, увлекая его на самое дно сознания. Джон почувствовал легкое головокружение, словно от нескольких выпитых стаканов виски. Напряжение в мышцах спало, дыхание выровнялась, захотелось спать, пусть это было и невозможно.

Блэкснейк медленно подошла к нему, продолжая смотреть в глаза, и заговорила тихим вкрадчивым шепотом страстной любовницы:

— Все хорошо. Ничего не бойся.

Она взяла его за руку и повела за собой, словно маленького несмышленного ребенка. Любой, кто бы увидел их со стороны, наверняка бы решил, что он просто пьян от любви. Когда она отвернулась от него, Джон почувствовал, как оцепенение медленно, но сходит. Иногда она оглядывалась, чтобы проверить, как чувствует себя ее жертва, и с каждым разом Джону все труднее было сдерживаться, чтобы не оскалиться в злой усмешке.

Наконец, когда он практически полностью вернул себе контроль над телом, жертва превратилась в охотника. Убивать сестру Хелин и источник информации Джон не собирался. Дернув с силой Блэкснейк за руку, он повалил ее на себя, зажав шею.

Блэкснейк дергалась и храпела, пытаясь острыми коготками дотянуться до лица Джона, чтобы выцарапать ему глаза, но все было тщетно. Охотник же, боясь ненароком сломать ей шею, то и дело ослаблял хватку, стараясь хотя бы удержать бьющуюся в конвульсиях девушку. Само удушение довольно небыстрый прием, а постоянная необходимость следить за тем, чтобы не убить человека, затягивала процесс.

Неожиданно свет потух, но лишь на мгновение. Через секунду Джон почувствовал сильнейшую боль в голове, а тело словно превратилось в деревянную куклу, у которой подрезали веревочки. Спустя несколько мгновений картинка и звук появились вновь. Он валялся на бетонном полу парковки бесполезной грудой и смотрел на Блэкснейк, стоящую на четвереньках и сотрясающуюся в кашле.

— Свяжи его! — выкрикнула она гортанным голосом и снова зашлась сухим кашлем.

Джон почувствовал, как его переворачивают на живот и заводят назад руки. Холодный металл наручников сковал его запястья, впиваясь в кожу.

— Ты чего так долго? — снова гневно прохрипела Блэкснейк, держась за горло. — Он меня чуть не задушил.

— Никогда не знаешь, когда придет твой конец, — послышался незнакомый для Джона

голос, в котором он уловил австралийский акцент.

— Твой придет скоро, если не заткнешься.

Человек ничего не ответил, и Блэкснейк встала, продолжая прочищать горло от невидимого кома. Подойдя к Джону, она с размаху ударила его ногой по лицу. Из носа тут же хлынула кровь.

— Урод! Если бы не Жнец, я бы тебя прямо здесь грохнула. — Ударив его еще пару раз в живот, она успокоилась и уже как-то ласково, насколько позволял севший голос, промолвила: — Хотя в постели ты хорош, наловчился с моей сестрой, ничего не скажешь. — И еще раз ударила его под ребра.

— Если ты продолжишь, — вновь спокойно заговорил человек с австралийским акцентом, — то его конец окажется ближе, чем мой.

— Заткнись, Шуд, лучше отведи его в машину и убедись, что он не сбежит.

— Я всегда хорошо выполняю порученные мне задания, — ответил он. Даже Джон заметил колкость, но Блэкснейк никак на это не отреагировала.

Минивэн серебристого цвета находился совсем близко от того места, где Джон пытался удушить девушку. Легко подняв связанного противника с земли, Шуд повел его так, словно и не боялся никаких ответных действий со стороны ведомого, и не без оснований. У Джона до сих пор в глазах все плыло, и если бы не пустой желудок, могло и стошнить. Он шел, подталкиваемый Шудом, а ноги то и дело старались увести его в сторону.

Когда Джона запихнули на заднее сидение, ему также сковали ноги, а на голову надели мешок, едва пропускающий свет. Исправно работал лишь слух, но по звукам невозможно определить направление движения.

Ехали долго. Очень долго. Джон был уверен, что они пересекли Бруклинский мост, а значит, оказались в Манхеттене. Через некоторое время звук проезжающих мимо машин стал как будто гулким, словно в туннеле. Джон окончательно запутался, он даже не знал, находится ли все еще в Нью-Йорке, что, возможно, было сделано нарочно его похитителями.

За все время поездки они ни разу не заговорили, а остановились лишь единожды, чтобы перетащить его в другую машину, судя по всему, тоже в минивэн. Ни чтобы заправиться, ни чтобы, например, сходить в туалет, остановок не было. О туалете Джон думал в последнюю очередь, потому что его больше волновали собственные конечности, натертые от тугих наручников из-за постоянной тряски; этот Шуд оказался не самым лучшим водителем. Мешок, надетый на голову, пропитался изнутри влагой, выдыхаемой Джоном изо рта, а также кровью от разбитого Блэкснейк носа. Дышать было трудно, но нос, судя по всему, не сломан; единственная хорошая новостью за день.

Голова все еще трещала от удара Шеда, который, можно уверенно сказать, в этом деле профессионал. Пульсирующая боль в затылке мешала сосредоточиться.

— Какой же ты наивный.

Джон не сразу сообразил, кто это сказал, а потому даже не ответил привычным «заткнись!» Между тем Мефисто продолжил:

— Такая глупая ловушка, а ты попался в нее, словно заяц в силки, расставленные деревенщиной, едва умевшим вязать силки. И вот приспичило тебе ее удушать, а не просто вырубить прямым ударом в челюсть. Чему тебя только в организации учили?

Джон, чтобы его не слышали, едва шевелил губами:

— Ты можешь сказать, где мы? — И тут же осекся. «Мы». Никогда он не говорил так, будто Мефисто реально существует — ну или старался не говорить, — а теперь «мы». Видимо, сказывался удар по голове.

Мефистофель ответил, и в его голосе скользнула нотка плохо скрываемого ехидства:

— Я не привеление, Джон, я слышу и вижу то же, что и ты сам. Главное наше отличие — я умнее. Сейчас, например, я слышу звук моря, а значит, мы либо пересекаем мост, либо едем по дороге возле пляжа. А знаешь, чего я не слышу? Других автомобилей. Выбирайся, Джон, — закончил Мефисто, — выбирайся, я не хочу сгинуть в небытие вместе с тобой.

Автомобиль остановился так резко, что Джон едва не свалился с сиденьев. Блэкснейк и Шуд вышли, а затем открылась и задняя дверь.

— Без резких движений, парень, я не хочу набить себе шишку, если ты вдруг решишь брыкаться, зато не прочь набить еще одну тебе.

Шуд снял с него наручники на ногах и не особо бережно выволок наружу. Ноги тут же подкосились, и Джон упал на асфальт, по крайней мере ему показалось, что это асфальт. Затекившие конечности не желали слушаться, но некоторым было на это плевать. Шуд рывком поднял его и поставил на негнущиеся ноги, и, подгоняя сзади, повел вперед.

Когда под мешком стало чуть темнее, чем до этого, Джон понял, что его заводят в какое-то здание. Через несколько шагов послышался звук открывающейся стальной двери, а затем вниз повела крутая лестница, что не лучшим образом сказалось на ногах Джона, и он не упал только благодаря державшему его за шиворот Шуду.

Когда с его головы сдернули мешок, возвращая в бранный мир, его руки и ноги уже оказались скованны на косом кресте. Нижние конечности широко расставлены, а верхние подняты, превращая тело в живую литеру «Х». О каких-либо удобствах говорить было нельзя, хорошо хоть одежду оставили, не считая куртки, подумал Джон. Но надолго ли?

Комната, в которой очутился пленник, походила на иллюстрации к книге об орудиях пыток средневековой инквизиции. В углу стояло кресло допросов, рядом со стулом ведьмы, на стене висел «аист», под которым покоился кол. Повернув голову влево, Джон увидел открытую «Железную деву», манящую своими острыми шипами, рядом, прислоненная к стене, словно скоро может пригодиться, стояла классическая дыба, а на полу под ней небрежно валялись железный тапок и испанский сапог. Орудий было много, и это не считая всевозможных цепей, клещей, пил и страшных на вид масок, должных запугать любого, кто их увидит.

— Атмосферненько, — только и смог выдавить Джон. У него до сих пор раскальвалась голова, и он с трудом фокусировал взгляд.

— Нравится? — усмехнулась Блэкснейк, подходя к нему вплотную. — Знаешь, тут есть такая интересная штучка, — ласково продолжила она, проводя рукой по внутренней стороне бедра Джека, поднимаясь все выше и выше, — которая одевается на мужчину, чтобы померить его пыл. Когда он возбуждается, это причиняет ему очень сильную боль. — Дойдя до конца, она с силой сжала пятерню, словно показывая на примере работу той «штучки».

— Ты же сама сказала, что я хорош в постели, неужели ты так просто лишишь себя возможности повторения той ночи?

— Сомневаюсь, что после расспросов Жнеца у тебя останется так уж много ночей впереди.

Она отошла от Джона и стала прогуливаться вдоль всех этих орудий, проводя по ним пальцами, словно прицениваясь и представляя, как они работают, а может, вспоминая. Наверняка, прежде чем примкнуть к Жнецу, она тоже здесь повисела, хотя наблюдая за тем, как она смотрит на все эти инструменты, не факт, что ей не понравилось. Интересно, подумал Джон, а Машери он тоже пытал, чтобы заставить ее примкнуть к нему? Но в слух спросил другое:

— Почему ты с ним? Не из идейных же соображений. Нужно иметь веские основания, чтобы предать родную сестру.

— Я ее не предавала! — с жаром отозвалась Блэкснейк, но тут же успокоилась: — Она не Охотник и не является членом организации, а значит, не имеет ко всему этому отношения.

— Зато она имеет отношение к тебе. Она несколько раз приходила ко мне, чтобы выяснить, что с тобой стряслось, и почему мы тебя разыскиваем.

— Я же сказала, что ее это не касается! — снова закричала Фолла. — А тебя не касаются мои отношения с ней. Ты ей никто, она лишь трахалась с тобой за деньги, пользуясь тем, что ты бегал за ней, словно собачонка, но как только в поле зрения замаячила другая юбка, тут же за ней увязался, виляя хвостиком.

Джон хотел сказать, что это лишь из-за ее способности к гипнозу, но сразу же осекся. Пусть она и поманила его за собой, все остальное он сделал без ее указки. Он сам повалил ее на постель и делал с ней все то, чего не осмелился бы даже предложить Хелин. Только он один виноват в случившемся, а все остальное лишь жалкие попытки найти оправдания. Он едва сдержался, чтобы не зарычать.

Неожиданно она взяла в обе руки большие клещи, подошла к нему и защелкала ими у него перед лицом, словно гадая, как же их получше применить.

— Скажи, — спросила она, — с кем тебе было лучше: со мной или с моей родной старшей сестренкой?

Он не собирался ей отвечать, потому что сам не знал ответа. Точнее знал, но боялся даже себе в этом признаться. После девяти лет он вдруг вкусил плод другой женщины, более страстной и податливой. Это был ураган новых ощущений, затмивший все его предыдущие чувства, что он испытывал с Хелин.

Он не собирался ей отвечать, но она вдруг сомкнула клещи у него на левом ухе и с силой скрутила его, заставляя истошно закричать. Перекрикивая его, она закричала сама:

— Отвечай мне!

— С тобой! С тобой!

Она отпустила клещи с довольной ухмылкой на лице, но задала следующий вопрос:

— Скажи, — промолвила она также ласково, как предлагала в постели сменить позу или сделать ему приятно так, как умеет только она, — а ты хотел бы трахнуть меня и мою сестру одновременно? Устроить тройничок, посмотреть, как мы ласкаем друг друга?

— Нет, — ответил он.

Она ему не поверила. Он и сам себе не поверил, но на самом деле никогда таким вопросом не задавался. Он не знал, что Блэкснейк и Хелин сестры, пока не пришел в их квартиру в поисках первой, а ему открыла вторая. Две противоположности, и особенно это ощущалось теперь.

Она ему не поверила и ухватила пыточными клещами за его разбитый ей же ранее нос, выкручивая его то в одну сторону, то в другую.

— Да! — закричал он ей. — Да! Хотел бы!

На этот раз она чуть помедлила с прекращением пытки. Джон выкрикнул лишь то, что она хотела услышать, но его мысли не могли сосредоточиться на выборе правильного ответа. Голова гудела пуще прежнему, и к этому прибавилась боль вывернутых уха и носа, да и крест, на котором он оказался распят, с каждой минутой как будто все сильнее истомлял его тело, стягивая конечности железными ремнями.

— Да, — заговорила она удовлетворенно, — я знала, что ты просто похотливый извращенец. Наверняка у тебя, когда ты увидел мое лицо, так похожее на лицо моей сестры, тут же закралось подозрение, но от этого ты лишь сильнее возбудился. Я угадала? Можешь не отвечать.

Она снова щелкнула клещами, взглядом обегая его тело, словно прицениваясь, за что его еще можно было «ущипнуть». Как Джон не пытался успокоиться, но его возбуждение не желало проходить, и это не скрылось от глаз Блэкснейк. Завидев новую цель, она хищно заулыбалась.

— Последний вопрос, — сказала она, уже пристраивая клещи, — кого бы ты выбрал прямо сейчас: меня или мою сестру?

Вопрос был заведомо безответный, и Джон это знал. Также он знал, что ни один из данных им ответов не удовлетворит эту женщину. Ее глаза пылали огнем и выражали лишь скорое желание напрячь руки да по сильнее. Он решил потянуть время:

— В каком смысле — выбрал? Для чего?

— Не прикидывайся! — взревела она, слегка надавив на ручки клещей. — Ты знаешь, что я имею в виду. С кем бы ты хотел быть, иметь отношения и трахаться до конца своих дней? Отвечай.

«А, будь что будет!»

— С Хе... — Он не успел договорить, как дверь в пыточную со скрипом распахнулась.

— Блэкснейк, — тут же заговорил вернувшийся Шед, который покинул комнату сразу же, как только заковал Джона, — чего это ты делаешь?

Она обернулась, гневно сверля его глазами, но клещи все же убрала, чему Джон был несказанно рад, как и тому, что его кровь вновь прилила к голове.

— Это не твое дело, — с неожиданным ледяным спокойствием ответила она.

— Может, и не мое, но точно уж Жнеца. Он приказал не причинять ему вреда сверх необходимого.

— Я и не собиралась, — сказала она, откладывая клещи.

Шуд со стороны не выглядел особо эмоциональным и получающим удовольствие от чужих мучений человеком, но и добродетелью от него не веяло. Джон посчитал, что он вполне мог стоять под дверью и слушать происходящее внутри, а вмешался лишь потому, что должен был выполнить приказания. Джон решил, что этот человек опасен, и если у него будет шанс вырваться на свободу, встречи с ним следует либо по возможности избежать, либо при удобном случае убить первым, даже если это не будет выглядеть особо благородно с его стороны.

Блэкснейк он явно не нравился, потому что поглядывала она на него исподлобья, иногда переводя взгляд на Джона, недовольная тем, что ее прервали в самый неподходящий момент, хотя Шуд, казалось, этого даже не замечал, что злило ее еще больше.

— Кстати, — заговорил он, не глядя на нее, — почему на нем не сработал твой знаменитый гипноз?

— Не знаю. Возможно, потому, что он не может спать или потерять сознание, а гипноз похож на введение человека в полубессознательное состояние.

— Неужели ты об этом не знала, вызываясь схватить его?

Девушка вся покраснела от злости, но продолжала говорить нарочито спокойно, пытаясь встретиться с Шудом глазами и проверить на нем свои способности, но тот продолжал таращиться в другую сторону:

— Мне приказал Мрачный Жнец, потому что знал, что Джон обязательно заглотит эту наживку.

— Значит, это Жнец виноват? — невинно осведомился он.

— Жнец знал об этой его особенностях, потому и приказал тебя сопровождать меня, хотела я того или нет, так что заткнись уже!

Шуд пожал плечами, словно и не собирался продолжать разговор, но с таким видом, будто остался победителем. Джон был уверен, что она уже и к нему приценивается, что бы ему такое выкрутить клещами, дабы тот, наконец, хоть как-то выказал свои эмоции.

Молчание затянулось, и Джон спросил:

— Скоро ваш хозяин придет?

— Он нам не хозяин, — выплюнула Блэкснейк.

— Верно, — послышался шершавый, чуть приглушенный голос, и дверь распахнулась, — я им не хозяин. Потому что хозяин не может иметь с питомцами одну цель, не навязанную им насильно.

Жнец выглядел так же, как при первой встрече с Джоном, только меч отсутствовал. Шляпа и повязки на лице придавали ему пугающий образ маньяка из старых фильмов ужасов, которые в свое время кого-то доводили до дрожи в коленках, и для тогдашней публики не было ничего страшнее, чем вот такой вот фрик, да еще и с окровавленным столовым ножом в руках.

— Не похоже, чтобы ты не применял по отношению ко мне насилия, — сказал Джон, дернув прикованными к кресту руками, которые уже начинали ныть.

— О, а я уже и не собираюсь тебя переманивать на нашу сторону, хотя твои способности сослужили бы нам добрую службу. Знаешь, я даже расскажу, что я буду с тобой делать.

— Очень благородно с твоей стороны, — язвительно вставил Джон.

— Сначала я задам тебе вопросы, дав возможность ответить добровольно. Затем я попрошу Шуда помочь мне в этом, потому что я не особо люблю попусту марать руки, и если продолжишь артачиться, мне все же придется рассказать, чего я добиваюсь, после чего все повторится вновь. Я сомневаюсь, что даже зная мои цели, ты согласишься с моим мировоззрением и станешь мне помогать, но попытка не пытка. Забавно получилось, — усмехнулся он, оглядывая интерьер.

— А не проще с самого начала рассказать о своих планах?

— По возможности я хотел бы не распространяться по поводу своих замыслов; ты мастак выкручиваться из безвыходных ситуаций, хотя на сей раз я бы на тебя не поставил.

Джон и сам понимал, что эта ситуация даже хуже той, когда он в ночь резни оказался окружен ордой Теней, пусть здесь их сейчас и не было (или все же они где-то неподалеку?). За дверью, ведущей, как он уже заметил, в длинный коридор из слабо отесанных камней, вполне могли поджидать как Тени, так и бывшие Охотники, примкнувшие к Жнецу. А судя по длинному спуску по лестнице, он находился под землей, что только все усложняло, ведь даже если на поверхности солнечный день, здесь в любую секунду может восторжествовать мрак, способный оказаться куда опасней, чем можно представить.

— И что же ты хочешь знать? — поинтересовался Джон.

— Скажи мне, почему вы, пятеро Охотников, так таскаетесь с теми новичками? Что в них такого особенного?

И тут Джон понял, что попал. Попал по-настоящему, потому что сам не знал ответа на этот вопрос.

Глава 13: Там, где не хочется быть

Глава 13: Там, где не хочется быть

Пот скатывался по лицу Оливера солеными каплями, хотя его никто не подгонял. С того момента, как он согласился стать Охотником в организации «Тенелов», прошло уже четыре дня, и не было ни одного, чтобы он не пожалел о своем решении. Не для того он прогуливал школу, чтобы ходить на другие уроки, посвященные Теням, на которых процентов девяносто всего просто теории и гипотезы, нудное словоблудие. Все, о чем там говорят, лишь развернутое объяснение сказанного Джоном в их первую встречу.

В первый день ему даже все это нравилось, казалось, что он попал в какую-то сказку, пусть и темную, зато в ней он сможет стать героем, возможно, даже главным, однако потом пришло осознание, что все куда более прозаично. Оливеру каждый день втолковывали, что он супергерой, борющийся со злом и легко его одолевающий, а простой солдат, имеющий лишь слабое превосходство над противником, да и то, если научится им как следует пользоваться, не убив при этом себя. Я не супергерой, твердил он и сам себе каждый день, как просыпался и ложился спать, и в конечном итоге почти с этим смирился.

Единственное, что ему нравилось во всей этой новой жизни, — тренировки с мечом, точнее, с его деревянным аналогом. Он выбрал это оружие не из-за Джона, но из-за согласия с ним по поводу практичности. Несмотря на то, что ему нравилось держать меч в руках, который как будто делал его сильнее, все эти тренировки оказались куда более сложными и изматывающими, чем он предполагал. Практически каждое его движение, выглядящее со стороны бессмысленным маханием палки, имело свое название, а для верного исполнения необходимо было не просто ударить в правильное место, но и правильно же вывернуть руку, поставить ногу и даже вздохнуть, а иначе реальных врагов можно было поразить разве что искусно выполненным па, достойным придворного шута.

После первой такой тренировки мышцы Оливера ломило так, что он едва дополз до кровати, а на следующий день все повторилось, при этом его учитель уверял, что это лишь разминка для настоящего обучения, так сказать — основы основ. Лишь Джон, наведавшийся его с того раза лишь единожды, проведя с ним вторую половину тренировки, решил дать ему какие-никакие поблажки, показав пару настоящих боевых техник. Когда одну из таких техник на следующий день Оливер показал своему учителю, желая похвастаться и показать, что готов уже приступить к серьезному обучению, ему пришлось в качестве наказания прозаниматься лишний час.

Остальным было не лучше. Миранда не могла удержать в руках ни одно из представленных ей холодных оружий, а первый выстрел из пистолета отдачей чуть не выбил ей глаз. В конечном итоге ее тренировали с помощью таких же деревяшек, какими махал и сам Оливера, только раза в два меньше, но лишь для того, чтобы в дальнейшем позволить ей носить с собой тупое дзюттэ, которым она не сможет пораниться сама и поранить других. В бою против Теней ими пользоваться практически невозможно, но никто не сомневался, что если Миранда и станет Охотником, то, скорее всего, ее всегда будет кто-нибудь сопровождать. Оли надеялся, что на эту роль возьмут не его.

Мейсон, парень с большой челюстью, ломаным носом и лысой головой, заявил, что хочет использовать битку, утыканную гвоздями и тому подобным, либо железную, из амбисидиана. Насчет гвоздей ему сказали, что такое оружие неэффективно, хотя есть и те, кто пользуется подобным, а полноценная битка из сплава золота и серебра весит слишком много, чтобы ей

можно было нормально сражаться. Сошлись на том, что он взял булаву, набалдашник которой имел длинные острые шипы из амбисидиана. Это оружие понравилось ему даже больше любой биты.

Сьюзен, как оказалось, обладала неплохой меткостью, да и Теней, даже ни разу их не видя, заранее сильно боялась, поэтому сказала, что ей больше подойдет что-нибудь, что можно метать с расстояния, однако такое оружие оказалось не в ходу у Охотников, потому что амбисидиан стоил дорого, а все метательное рано или поздно где-нибудь да теряется. Увидев, что Оливер выбрал меч, она тоже решила, что такое оружие в самый раз, однако даже узкая катана оказалась для нее неподъемной. В конечном итоге она выбрала тонкую шпагу, тем более что в детстве, как призналась сама Сьюзен, хотела обучаться спортивному фехтованию, но как-то не сложилось.

Больше всего проблем доставлял Везел (так звали последнего). Как узнали Оливер и остальные, в ту первую ночь, когда их вывели на улицу, он подрался со своим наставником, хотя, как оказалось, драка была короткой и закончилась одним ударом. Как все и предполагали, он действительно сидел за разбой, хулиганство и мелкие кражи, а вышел совсем недавно по амнистии, которую, как считал Оливер, устроила организация.

После двух дней буйства к нему пришла статная женщина азиатской наружности и в строгом костюме, а когда она от него ушла минут через пять, вылез и сам Везел, крайне недовольный и смотрящий на всех еще более дико, чем раньше, однако все же поутихший. В качестве оружия он выбрал длинный нож навроде армейского, который в его руках смотрелся крайне нелепо. Несмотря на протесты и заверения, что он и так отлично обращается с заточками, его все же заставили начать более профессиональное обучение, но на всякий случай настоящее оружие старались держать пока подальше.

Четыре дня, проведенные в постоянных тренировках, сказывались на них не особо положительно, хотя все вокруг уверяли, что они, в конце концов, привыкнут. Никто особо не жаловался, лишь изредка бормотал себе под нос, что его все достало, и лучше бы он согласился на стирание памяти, однако доктор Джейсон, как-то повстречавшийся Оливеру в коридоре, сказал, что по прошествии такого количества времени стирание памяти о последних днях крайне проблематично. Потребуется минимум два сеанса, а это чревато проблемами с мозгом и разумом в будущем. Когда Оливер сказал об этом остальным, бормотание о выборе такого решения прекратилось. Выбора больше не было.

Закончив тренировку, Оливер вернулся в свою комнату с кроватью, шкафом и телевизором, и принял душ, забросив одежду в стиральную машину. В организации старались приучить к самостоятельности, хотя при этом постоянно указывали, что и как делать. Оли и до этого жил самостоятельной некуда, присматривая еще и за выпивохой отцом, чтобы тот не захлебнулся в собственной блевоте, стирал одежду, убирал в доме и все в этом духе, хотя похвалить его было некому.

Одевшись в свежую одежду, он уже направился в столовую, когда из своей комнаты вышла Сьюзен. Она была одета в простую коричневую кофту и джинсы с кедами, тогда как сам молодой человек отличался разве что тем, что вместо кофты выбрал черную футболку. По крайней мере, не та серая униформа-пижама, подумал он.

— Привет, — сказал он, — как тренировка?

— Привет! Не сказала бы, что все хорошо, все эти правильные стойки и точные удары могут с ума свести. Учитель не устает напоминать, что у меня в руках не гнутая палка, а смертельное оружие, и противник мой не будет намерен ждать, пока я как следует прицелюсь в смертельную точку. Будто он будет ждать, пока я приму правильную стойку, — фыркнула она.

— Наши учителя не так уж и различаются. Мой говорит, что все, чему я сейчас занимаюсь — основа, а я уже и так на пределе.

— И мой твердит об основах.

Основу нужно повторять снова и снова — так говорил учитель Оливера и каждый раз усмехался этой фразе, будто она не перестала быть забавной еще до первого ее произношения. Помимо самой тренировки с мечом, ему приходилось минут двадцать разминаться и растягивать мышцы. Конечно, он знал, что так правильно, но все же сомневался, что у него будет время на разминку, когда враг неожиданно выпрыгнет из-за угла. Тогда уже станет не до растянутых мышц, как бы голову не потерять.

— Так нужно, — сказал он вслух шепотом, словно это проскользнули случайные мысли.

— Да, — вздохнула Сьюзен, — нужно, а самое нужное всегда дается с трудом.

В столовой уже сидели все остальные новички. И Эвила. Эта женщина на любого страха наведет, не хуже, чем сами Тени, и поэтому все старались держаться от нее подальше. Несмотря на свой пугающий вид, она каждый день проводила с Мирандой, словно считала ее своей дочерью, а не простой подопечной. Оливеру даже казалось, что девушка с каждым днем все больше становится похожа на свою наставницу, разве что вуали не хватает.

К квадратному столу приставили еще один такой же, чтобы было больше места. Все неосознанно разделились на мелкие группки, пусть даже и из одного человека. В одном конце стола, отстранившись ото всех, сидел угрюмый Везел, ковыряясь в своем жареном мясе, словно что-то с ним не поделил; в другом сидели Миранда с Эвиллой, от которых наоборот, отодвинулись все остальные; Оливер и Сьюзен всегда выбирали место на самой середине, садясь рядом, а напротив непременно находился Мейсон. Никто заранее места не забивал, но все всегда сидели на тех же самых.

— Всем привет, — сказал Оливер, присаживаясь. Никто, кроме Мейсона, особо не отреагировал.

— Привет, голубки, — оскалился он в веселой ухмылке. Он всегда так подшучивал над Оливером и Сьюзен, и первый всегда краснел до самого темечка, когда как девушка ограничивалась лишь сердитым взглядом. — Как тренировка? Лично мне нравится раздалбливать манекены железной булавой, хотя тренер постоянно нудит, что я не должен бить бездумно, а целиться в правильные места. Будто булавой можно ударить куда-то еще; каждый удар несет смерть. Бах! — выкрикнул он и ударил кулаком по столу. А ведь вначале казался нормальным, подумал Оливер, но вслух сказал:

— У нас все куда сложнее.

— Ну, правильно, чтобы вашими зубочистками кого-нибудь убить, нужно его всего истыкать, а потом подождать, пока у него вся кровь не вытечет. — Он снова усмехнулся и принялся за еду, только что ему принесенную.

Оливер и Сьюзен тоже заказали себе поесть, а пока они ждали, парень решил заговорить:

— К тебе давно Афро приходила? — спросил он у Сьюзен.

— Вчера, ты же ее видел. А что?

— А, ну да. Да просто, Джон сказал, что придет сегодня, даже мой здешний учитель куда-то свалил, а он не явился. Пришлось одному заниматься, повторяя движения.

— Он же Охотник, у него могло появиться неожиданное дело.

— Ну, он мог хотя бы позвонить сюда и передать, что его не будет.

— Неожиданное дело на то и неожиданное, что о нем узнаешь в последнюю минуту, — заявила Сьюзен.

Оливер, пожалуй, был с ней согласен, но его все равно грызла обида из-за несдержанного обещания Джона. Молодой человек, проведя с ним всего два дня, хотя лучше сказать — не

больше пяти-шести часов, сам не понял, как привязался к Джону. Он не считал, что тот может заменить ему отца, как Эвила заменила мать Миранде, но считать человека примером для подражания никто не запрещал. Джон был как раз таким, каким сам Оливер представлял себя в своих фантазиях в будущем, правда, в этих фантазиях он не видел себя ночным охотником на монстров из другого мира, подвергающим свою жизнь каждодневным опасностям.

Прошло еще три дня, но Джон так и не объявился. Оливер даже набрался храбрости что-нибудь выяснить у Эвилы, но та лишь сказала, что он занят. Как-то заглянул Грассхopper, но на вопрос лишь пожал плечами, заявив, что ему с Мейсоном забот хватает, чтобы еще нянчиться с другими Охотниками. Когда он вновь встретился с доктором Джейсоном, тот пробормотал что-то невнятное о том, что не имеет прямого отношения к Охотникам, но обещал разузнать, если будет время.

Еще одна ночь ничего не принесла. Оливер беспокоился все больше.

***

Раны Бертона были далеки от заживления, и он это чувствовал. Особенно остро его беспокоило плечо, которым он не мог пошевелить без боли, пронизывающей все его тело, словно ударом молнии. За все те дни, проведенные в больнице, на него так никто и не решился покушаться, а Коннор ничего конкретного о расследовании не говорил, уверяя, что они, так или иначе, найдут преступников. Бертон в этом сильно сомневался, ведь его показания практически полностью состояли из лжи, а правду он сказать не мог, иначе из больницы его тут же переведут прямиком в психлечебницу.

Врачи разрешили ему передвигаться, но без лишних движений; он и сам не особо желал тут же начать заниматься аэробикой. В саду при стационаре было прохладно, но эта прохлада освежала. Тонкий слой снега хрустел под ногами, как разбитое стекло, и это умиротворяло даже лучше, чем лопание пузырьчатой упаковки. Деревья, давно сбросившие пожелтевшие листья, тоже стояли белыми ветвистыми столбами. Ветер поутих, казалось, что весь мир просто остановился, хотя идиллию нарушали другие гуляющие в саду пациенты, некоторые с пришедшими к ним посетителями. К Бертону приходил некому, дома его дожидался лишь один кот, которого обещал навещать Коннор. Он, конечно, заскакивал, но в основном не чтобы проведать, а по делам.

— Вы мистер Леброн Бертон? — послышался сзади голос.

Частный детектив подпрыгнул от неожиданности, тут же схватившись за привязанную к торсу руку, которую словно ток поразил. Он даже не слышал, как кто-то подошел к нему сзади, хотя каждый шаг должен был отдаваться снежным хрустом.

— Да, а в чем дело? — спросил он, обернувшись. Перед ним стоял человек в черном костюме и шляпе и в черных же солнечных очках. Сам Бертон нацепил на себя под куртку, привезенную Люпином взамен изорванной, сразу два халата, чтобы не замерзнуть, но этот человек стоял в своем костюме с прямой спиной и не выражал хоть маломальское неудобство погодой; казалось, что даже полупрозрачный пар из его рта вылетал как-то неохотно, словно боялся испортить образ.

— Я из ФБР, меня зовут Блэйк Андерсон, — сказал он, показывая значок.

Бертон почему-то так и подумал, хотя первая мысль, которую он тут же отбросил, была о людях в черном, с которыми он уже встречался, однако он сомневался, что те наведаются к нему посреди дня, да и еще и «рабочей форме».

— Я думал, приставленная ко мне охрана никого не подпустит, — сказал Леброн.

— Ваша охрана из полиции, мистер Бертон, а я, как видите, из другой службы, более серьезной.

— Ну да, ну да. — Он оглянулся в поисках этих самых полицейских, и насчитал троих, прогуливающих неподалеку; еще как минимум двое находились в самом здании, сторожили палату. — Так зачем вы здесь? Я имею в виду, дело же ведет полиция.

— Они попросили помочь им в расследовании, потому что сами они зашли в тупик. Если вы не против, — резко поднял Блэйк руку, когда Бертон уже собирался спросить, чем он еще может помочь, кроме того, что пересказать все ту же сочиненную им историю, — я бы хотел уточнить некоторые детали.

Бертон удивился появлению агента ФБР, особенно потому, что бюро с полицией не особо в ладах, а тут те еще и сами попросили у них о помощи. Когда сам Леброн работал в полиции, они лишь однажды просили у федералов содействия — в поимке Бостонского рубаки, да и то лишь потому, что те сами не раз намекали, что не прочь заняться этим делом, а самим вызваться не позволяла гордость. Маньяка, кстати, нашли уже мертвым, с пронзенным сердцем, поэтому тот раз можно было считать ничьей.

— Я к вашим услугам, — сказал Бертон. — Задавайте.

— Нет, вы не поняли, я хотел бы задать их вам не здесь, а у нас.

— У вас? — удивился Леброн. — А почему?..

— Просто ваши показания несколько... сбивчивы и неточны. Нам бы хотелось проверить ваши слова на полиграфе, если вы не против, — сказал Блэйк тоном, не терпящим возражений.

Полиграф, или детектор лжи, применялся не так уж часто, чтобы узнать, правду ли говорит человек или же лжет. А не часто его применяли потому, что со времен изобретения данного устройства придумали и множество способов его обмана. Да и без обмана аппарат не всегда точен.

При упоминании полиграфа, Леброн сначала даже потерял дар речи, но не из-за боязни быть разоблаченным, хотя и это тоже, а в основном из-за душившего его возмущения.

— Полиграф? — раздраженно переспросил он. — Вы, случаем, не забыли, что я здесь потерпевший, а не подозреваемый? И я не лжесвидетельствовал, потому что просто не на кого. Или вы думаете, что это я сам себе разбил нос, вывихнул запястье и порезал плечо, чуть не умерев от потери крови?

— Успокойтесь, мистер Бертон, — сказал агент Андерсон спокойным тоном, в котором, правда, частный детектив уловил нотку нетерпения. — Вас ни в чем не обвиняют, просто мы полагаем, что из-за полученного шока ваши воспоминания несколько спутаны и не совсем точны. Помимо самого полиграфа, наши специалисты хотят поместить вас в искусственный сон, чтобы вы смогли вспомнить все, что с вами произошло.

— Вы имеете в виду гипноз? Блэйк кивнул с таким видом, словно в этом не было ничего особенного.

Бертон был в панике. Он не знал, что ему делать и как поступить. С одной стороны, если узнают о его лжи, это пошатнет доверие к нему, а это чревато тем, что от него отвернутся все, кто до этого хоть как-то пытался его оправдать в собственных глазах, даже Коннор. Но с другой стороны, он может рассказать всю правду целиком, подтвердив свои слова на детекторе лжи и под гипнозом. Но ведь эти методы тоже не точны. Кто знает, как эти люди отреагируют, если он расскажет им о бессмертных людях с тесаками. «А если мне все это привиделось? — подумал он. — Меня точно в психушку отправят».

— Об этом не беспокойтесь, — сказал агент. «Похоже, я опять думал вслух. Ну, точно, натуральный псих!» — Эти способы дознания не точны, так что все ваши слова не будут иметь юридической силы, а значит, вы не понесете наказания. Но все же кое-что сможет проясниться.

— А Коннор, Коннор Люпин, он знает обо всем этом?

— Детектив Люпин? Конечно, он первый и выразил сомнения в ваших показаниях.

Бертон ахнул. «Значит, мне и так никто не доверяет. Остались ли у меня друзья? А были ли они раньше?».

Он вздохнул:

— Ну, судя по всему, у меня нет особого выбора. Если врачи согласны отпустить меня из больницы, я сейчас же переоденусь, и мы отправимся.

— Боюсь, у нас нет на это времени, — заговорил агент, указывая на ворота, ведущие из сада на улицу. — Нас уже дожидается машина.

— Но моя одежда...

— Она вам не понадобится. Мы съездим в штаб, проведем тесты и тут же вернемся, вас никто не задержит дольше необходимого. Чем раньше мы узнаем, кто были те двое, тем быстрее их найдем, и вы сможете спать спокойно.

Частный детектив хотел возразить, но агент Андерсон уже ухватил его под локоть здоровой руки и чуть ли не насильно повел к двери рядом с воротами. Леброн, конечно, знал, что федералы не любят церемониться и сразу берут быка за рога, но он-то не бык, чтобы его вот так тащить, словно на скотобойню.

Он хотел попросить хотя бы оставить больничные халаты, надетые под куртку, но вдруг остановился так резко, что агент чуть не поскользнулся на замерзшей лужице на дорожке из каменной плитки, ведущей к калитке наружу.

— Пойдите-ка, — нахмурился Бертон, делая шаг назад, — с чего вы взяли, что нападавших было двое? Я говорил, что подстрелил как минимум двоих, а не...

Лицо агента ФБР вдруг исказила гримаса гнева, и не понятно, на себя он злился за оговорку или на Леброна, который ее услышал. Бертон было отпрянул от него, но Блэйк держал его локоть стальными пальцами.

— Вы...

— Мистер Бертон? — послышался от дверей здания незнакомый голос.

Он даже не успел повернуть голову, как Андерсон толкнул его на землю, и только сила толчка, развернувшая его тело, позволила ему подставить при падении здоровую руку, однако все оказалось не так уж плохо — на пути Бертона находились кусты, смягчившие падение.

Уже лежа в кустах, он видел, как якобы агент ФБР достал пистолет и нацелил его в сторону дверей больницы. Там стояло два человека, незнакомых Бертону, в теплых коричневых плащах до колен, а также медсестра и его лечащий врач.

После первого выстрела, сделанного Блэйком, люди в плащах отпрыгнули в разные стороны, врача и медсестру тут же кто-то отдернул назад, затаскивая в здание, а через секунду на входе появился Коннор Люпин. Люди в плащах достали оружие и открыли ответный огонь, то же самое сделал и детектив полиции. Трое человек, приставленных к Бертону, сначала хотели открыть огонь по плащам, но завидев Коннора, тут же переключились на мнимого федерала.

Блэйк стрелял, как казалось, не глядя, и быстро отступал к калитке наружу, куда до этого хотел увести и Леброна. Частный детектив, наблюдая со стороны, заметил, как несколько пуль все же угодило в Андерсона, но тот как будто этого даже не почувствовал. Когда у него кончились патроны, он бросил пистолет и уже со всех ног помчался вон, на ходу обронив свою шляпу, а еще раньше успел лишиться очков, и Бертону даже показалось, что тот напоследок взглянул на него, но взгляд, помимо злобы, отображал и толику досады. Пока он не скрылся за металлической дверцей, его спину поразили еще как минимум две пули. Два приставленных к нему стража порядка тут же помчались за преступником, на ходу меняя магазины.

Неловко вылезши из колючих кустов, снег с которых угадил ему за шиворот, Бертон поднялся на ноги, тяжело дыша, будто это он тут бегал и стрелял. Сначала его взгляд зацепился за темную куртку человека, лежащего ничком чуть поодаль — это был третий полицейский, кровь которого теперь впитывала промерзшая земля. Он не шевелился. Повернув голову, он вдруг увидел лежащего на спине Коннора, вокруг которого уже оказались те два человека в плащах. Бертон тут же кинулся к нему.

— Коннор! — крикнул он, падая на колени перед другом и не обращая внимания на боль в руке.

— Бертон, ты жив? — хрипло процедил он. — Везучий... не то, что я.

— Держись! Это же больница, тебе сейчас помогут. К нему уже бежал тот же доктор, которого он недавно вытащил из-под пуль.

— Бертон... прости.

— За что?

— Я отвернулся от тебя... когда тебя уволили. Я был так... расстроен, что ты... самый честный коп в Нью-Йорке и... — Он закашлялся, изо рта потекла тонкая струйка крови. Врач расстегнул ему куртку и ножницами разрезал кофту и майку. В районе ребер кровоточила страшная рана. Не обращая внимания на врачей, он продолжил, с каждым словом все труднее ворочая языком:

— Я не верил твоим словам, — признался Люпин. Как же Бертон и сам хотел сознаться, что его слова действительно мало общего имели с правдой. Но он не рассказал лишь потому, что боялся показаться сумасшедшим. «А если бы я поведал, что было на самом деле: и там, в переулке, и в подземной стоянке, — поверил бы ты мне? А если бы поверил, чтобы предпринял? В конце концов, тебя могла бы ждать та же участь, ведь ты верно сказал, что я куда удачливее тебя». Бертон хотел сказать все это вслух, объяснить другу, почему лгал, но понимал, что сейчас его это уже не волнует.

— Я не верил тебе, — повторил Коннор, — хотел докопаться до истины... Я попал... — вдруг прохрипел он так яростно, как только мог. — Он должен быть мертв...

— Ты попал, — сказал Бертон. — И он будет мертв.

Он не знал, услышал ли эти слова его друг, потому что его глаза закатились, а из целого легкого вырвался последний вздох, сопровождаемый едва видимым паром изо рта.

Леброн опустил другу веки.

Бертон молча собирал в сумку свой малочисленный скарб, и за ним наблюдали те самые люди в коричневых плащах. Судя по всему, они не особо удивились всему случившемуся, и вели себя так, словно ничего и не произошло, однако все же не подгоняли его и молчали, за что Леброн был им безмерно благодарен. Меньше часа назад умер его друг, пытаясь спасти его, пусть даже и не зная, от чего именно. Коннор сказал, что не верил его словам о случившемся с ним, и теперь Бертона мучили эти последние его слова. Настоящий друг не может сомневаться в словах друга, но зато должен сомневаться настоящий полицейский, а чтобы получить пулю за другого, нужно быть кем-то большим.

Двое в плащах — Аввал и Саниян — оказались агентами из организации «Тенелов». Бертон, конечно, слышал об этой конторе с таким странным названием, но, как и большинство остальных, практически ничего о них не знал, кроме того, что они работают по всему миру, как Интерпол, но их деятельность намного секретней. Что-то вроде ФБР, но куда более глобальная организация. Еще Джон знал, что их штаб в Бруклине находится на Кони-Айленде, на месте бывшего парка аттракционов. На этом знания о «Тенелове» у Бертона заканчивались.

— Там мне точно ничего не будет угрожать? — спросил он очередной раз у агентов, с

трудоёмко застегивая сумку одной рукой.

— Там намного безопасней, чем здесь или где бы то ни было еще, — ответил один из них, Аввал или Саниян — Бертон не знал, ибо не запомнил кто из них кто.

— И госпиталь у нас не хуже, чем здесь, — сказал второй.

Леброн лишь кивнул и забросил сумку на здоровое плечо, но тут один из агентов все же предложил помочь, отказываться же казалось глупо.

Даже когда они выехали на трассу, Бертон все никак не мог унять дрожь, но не из-за страха, что эти «тенеловцы» могут оказаться такими же фальшивыми, как и тот агент ФБР. Прошло всего около двух недель, как он ввязался во все это дело, а началось все с того, что ему было просто скучно, и мелкий частный детектив вдруг решил взяться за что-нибудь серьезное. «Но кто же знал, что банальное убийство может привести к такому?» — задал сам себе вопрос Бертон, и, кажется, даже вслух, но агенты, сидящие на передних сидениях, не обратили на это никакого видимого внимания.

Обдумывая все это еще лежа в больнице, Леброн таки решил, что все с самого начала не выглядело таким уж банальным и обычным. Убитый человек был не просто большим, а накаченным до состояния куска мяса — не обошлось без стероидов, — а на руках у него красовались перчатки с железными шипами. Даже местные бандиты, каких не так уж много из-за комендантского часа, никогда не использовали ничего подобного. Бертон это знал, он работал полицейским, и ему попадался всякий контингент, и самое необычное, что они при себе имели, — травматический пистолет, переделанный под боевые патроны.

Ему уже не казалась идея о подпольном бойцовском клубе логичной, хотя и с самого начала она была более чем натянутой, но все же единственной, что пришла в голову Леброну. Сейчас же у него идей не было вообще, одни лишь вопросы. «Возможно, — подумал он, — эти парни из «Тенелова» что-то да знают. А если они одни из тех, кто все это организовал? Главное, чтобы они не посчитали меня ненужным свидетелем. Хотя, если по интернету ходят целые видео, на которых засветились эти люди в черном, то избавиться от каждого у них руки не дотянутся, да и не стали бы они меня спасать от того «федерала», коли хотели затем избавиться. Шальная пуля могла избавить их от лишних хлопот».

Но самым мистическим Бертон все же считал нападение на него в подземной парковке. Целая обойма потрачена впустую, но вот нож... Обычный на вид нож, не считая налета желтизны, спас ему жизнь там, где не справилось огнестрельное оружие. Амбисидиан — так назвал его доктор Алим. «Но какая разница, из чего сделано оружие? А я ведь совсем забыл найти об этом сплаве информацию в интернете».

— Простите? — повернулся к нему один из агентов.

— А, ничего-ничего, просто мысли вслух.

«Ну вот, опять я болтаю сам с собой. Не удивлюсь, если их хваленая больница окажется лечебницей для психически нездоровых. А ведь они даже не сказали, почему приехали ко мне. Тоже для допроса? А я со всеми этими событиями даже и узнать у них ничего толком не смог. Даже не подумал».

— Скажите, — обратился он к ним, — а меня снова будут допрашивать? Тот агент ФБР, ну, ненастоящий, естественно, говорил про полиграф и даже гипноз. Может, тут он и не врал, но что нового я могу еще сказать?

Агенты переглянулись, и тот, что сидел на месте пассажира, ответил:

— Нам просто приказали доставить вас на базу «Тенелова». Если же вас решат допросить, есть более действенные методы, чем полиграфы и гипнозы, — сказал он, правда, без тени угрозы.

Сидящий за рулем смерил его недовольным взглядом, и тот умолк.

«Более действенные методы, чем полиграф и гипноз? Пытки? Это вряд ли, я же не преступник. Тогда что?» У Бертона все равно не было особого выбора, а потому он решил больше об этом не думать. Если его собираются пытаться, он решил, что расскажет все сразу же, как только увидит хоть один жуткий пыточный инструмент, указывающий в его сторону, потому что он знал, что любой после продолжительных пыток обязательно, в конце концов, расколется, а если так, то нет смысла терпеть боли больше, чем необходимо.

Здание штаба организации «Тенелов» представлялось до нелепости большим и уродливым, хотя с чего ему быть красивым? Длинное и высокое, оно походило на прямоугольный белый торт. Небольшие оконца наблюдались лишь наверху, судя по расположению — на последних двух этажах. Помимо безвкусного торта, Бертон мог сравнить подобное здание еще лишь с оборонительной крепостью, а всю территорию штаба — с крепостным фортом. Периметр ограждали толстые стены, не менее трех метров высотой, что еще больше предавало ему сходство с оборонительной системой построек, правда, не ясно, от кого тут нужно защищаться. Еще одной странностью являлся металлический забор, идущий вдоль каменного. Он имел золотистый цвет, и Бертон лишь усмехнулся, подумав об амбисидиане.

Массивные ворота отъехали в сторону, и автомобиль оказался на небольшой заворачивающей асфальтированной дорожке, идущей вдоль ухоженного лесопарка из смешанных деревьев слева. Справа же располагались небольшие постройки неизвестного предназначения. Дорожка упиралась прямоком в парковку возле главного здания, того самого, большого и уродского.

Пройдя прямо по газону, все трое оказались у входа, где за прозрачными стеклами виднелся огромный вестибюль. На входе стояло двое охранников, хотя они не особо отреагировали на появление гостей. Бертон подумал, что нужно пройти вперед, к стойке, но двое его сопровождаелей свернули направо, попросив Леброна не отставать. Там в стене оказался одинокий лифт, створки которого разъехались, едва один из агентов нажал кнопку вызова.

Лифт вывел их в просторное помещение, от края до края заставленное кабинками с низкими стенками. Немногочисленные работники то и дело ходили по рядам, передавая сообщения вслух и через записки, кто-то стоял у одного из многочисленных кулеров или столов с кофе и просто беседовал с коллегами, иногда посмеиваясь, а кто-то и вовсе спал прямо за столом. Леброн подумал, что будь помещение заполнено хотя бы наполовину, тут от сопровождающего шума заложило бы уши.

На вышедшую из лифта тройцу, казалось, никто не обратил внимания. Свернув направо, они пошли вдоль стены до самого угла, после чего повернули налево и остановились лишь на середине. Один из агентов постучал в крепкую дверь из красного дерева, после чего из небольшого динамика рядом послышался дребезжащий звон и дверь приоткрылась.

Кабинет представлял собой просторное помещение с высоким потолком. Вся мебель в одном стиле, темная, и, будучи в основном из дерева, подчеркивала серьезность атмосферы. За массивным столом, прямо напротив двери, восседала женщина в строгом костюме. Она была азиатской наружности, ее темные прямые волосы ниспадали до самых плеч, а взгляд, как казалось, ничего не выражал, хотя Бертон подумал, что ей привычнее быть недовольной.

— Присаживайтесь, мистер Бертон, — указала она ему на кресло, стоящее напротив стола. Двое сопровождающих его агентов словно из сопровождающих превратились в охранников, встав по обе стороны от двери. У Бертона почему-то возникло такое чувство, словно его не охраняют, а сторожат.

— Меня зовут Камиогава, я глава этого филиала организации «Тенелов».

— Ну, мое имя вы уже знаете, — немного неловко отозвался Бертон. «Камиогава. Просто

Камиогава и все? Это вообще имя или фамилия? Даже таблички с именем на столе нет, да и на двери, вроде, тоже пусто».

— Да, мы знаем о вас все, что смогли найти. Нам лишь хочется узнать, что на самом деле с вами произошло, из-за чего у вас теперь перевязана рука.

— Но я уже все рассказал полиции. У них и мои показания есть, они могут предоставить их вам, если...

— Они у нас тоже имеются, — прервала его Камиогава. — Только в них присутствуют некие нестыковки, а потому мы хотели бы, чтобы вы рассказала нам все в точности, что с вами произошло, даже если вам покажется, что эти подробности незначительны или... невероятны. Расскажите нам все.

Бертон пересказал практически слово в слово все то, что уже рассказывал полиции, начиная от первой встречи с бандитами на улице ночью и до потасовки на стоянке. Потом его попросили рассказать, что произошло в больнице, и он пересказал все то, что видел, хотя с тем же успехом это могли сделать и два агента, стоящие за его спиной. Он был уверен, что они и так все ей перескажут, как только он уйдет. О том, что он видел, как мнимого агента ФБР все же достало несколько пуль, Леброн, конечно, умолчал.

Когда он выложил все, что помнил, пусть эти воспоминания и были не совсем правдивыми, Камиогава вызвала человека, который должен был отвести его в больничную палату. Больше она ничего не сказала, даже не задала уточняющие вопросы.

Больница оказалась на другой стороне здания, хотя находилась она за забором. Чтобы туда попасть, необходимо было проехать другой дорожке, ведущей к парковке, и выехать уже из второго КПП. Здание больницы представляло собой почти точную копию штаба «Тенелова», только намного меньше, всего три этажа (хотя казалось, что еще ниже; судя по всему, в большом здании просто потолки выше), да и не такое длинное, хотя и не менее уродское. А еще в нем на всех этажах располагались окна, только зарешеченные. Бертон не сомневался, что больница является неотъемлемой частью всего комплекса и принадлежит организации, хотя позиционировала она себя, как отдельное независимое учреждение, просто случайно оказавшееся по соседству со столь внушительной структурой.

Мужчина, что был приставлен к нему, являл собой гору мускулов, и больше походил на высокого и широкоплечего клубного вышибалу, чем на агента. Он молча провел Бертон через двери, ведущие в здание, которые, в отличие от большого брата строения, находились посередине, подошел к стойке и назвал имя пациента сидящей там медсестре. Та посмотрела записи и утвердительно кивнула, протянув ему какую-то книжечку. Здоровяк кивком позвал Леброна за собой, и они поднялись по лестнице на третий этаж, где и находилась нужная палата.

За все время Бертон встретил не так уж много людей, но все они были пациентами, хотя больными совсем не выглядели, скорее удрученными и замкнутыми, даже напуганными. Докторов и медсестер, кроме той, что он видел за стойкой, он так и не встретил.

Палата оказалась одноместной, довольно просторной, с одной кроватью, на которой уже лежала сумка с вещами частного детектива, телевизором, не самым старым, шкафом и прикроватной тумбочкой, на которой стоял светильник. В отдельной комнате находился туалет и душ. Бертон удивился лишь тому, что окна, несмотря на третий этаж, тоже закрывались решетками. Поставлены ли они для защиты пациентов или чтобы те не сбежали, — понять невозможно.

Высокий и широкоплечий мужчина молча отдал Бертону ту самую книжечку, взятую у медсестры в холле, развернулся и вышел вон. Леброн хотел было окликнуть его, узнать, будут ли его еще допрашивать, а если будут, то когда и как: полиграфом, гипнозом или «более

действенными методами», но понял, что ответов от него все равно вряд ли можно добиться.

Взглянув на книжечку, он прочитал: «Правила поведения для пациентов госпиталя „Кроличий остров”».

— Какое странно название, — промолвил он вслух.

Открыв первую страницу из пяти, он увидел пункты этих самых правил поведения:

«Пункт 1: Запрещаются попытки побега. Наказание: Принудительное введение седативных средств либо одиночное заключение на период, установленный лечащим врачом.

Пункт 2: Запрещается любая связь с внешним миром (телефоны, интернет, записки и т.п.) без позволения лечащего врача. Наказание: Одиночное заключение на период, установленный лечащим врачом. При повторных попытках возможны применения седативных средств.

Пункт 3: Запрещается выход из палаты после наступления комендантского часа. Наказание: Одиночное заключение на период, установленный лечащим врачом. При повторных попытках возможны применения седативных средств.

Пункт 4: Запрещается применение силы против других пациентов, врачей, медсестер и кого бы то ни было. Наказание: В зависимости от степени нарушения, от одиночного заключения на период, установленный лечащим врачом, до ЭСТ (ЭКТ)».

Всего пунктов было тринадцать, однако на следующей странице находились подпункты и дополнения, вроде того, что найденные телефоны будут отобраны, а наказания могут быть пересмотрены в зависимости от общего поведения пациента и смягчающих и отягчающих обстоятельств. Все было расписано довольно подробно, а сама книжечка выглядела жизнерадостно, хотя от содержания иногда пробивала дрожь, а некоторые моменты были не совсем ясны. Например, Бертон так и не понял, что значит аббревиатура ЭСТ (ЭКТ), хотя, судя по контексту, нечто крайне нелицеприятное. И это-то в простой больнице.

Запомнив номер палаты — триста один, — Бертон отправился на «разведку». По пути ему никто не встретился, а на первом этаже, где хоть что-то можно было уточнить у медсестры, стойка пустовала. Выйдя на улицу, в сад, так похожий на тот, что возле предыдущей больницы, он, наконец, увидел людей. Это были так же тепло одетые пациенты, разгуливающие по слегка заснеженной траве, но не было никого, кто ходил на костылях или сидел бы в инвалидной коляске, не было даже переносных капельниц.

Подойдя к компании из двух пациентов, выглядящих более-менее дружелюбно, Бертон решил заговорить:

— Здравствуйте, меня зовут Бертон. Леброн Бертон. Я только сегодня сюда прибыл, хотел узнать, что тут да как.

— Каким-то ты не особо пришибленным выглядишь, — сказал один из них, сидящий низкорослый и худощавый мужчина лет пятидесяти.

— А должен?

— Ну, обычно сюда только такие и попадают.

— Я лежал в другой больнице, — решил пояснить Бертон, показывая на перебинтованную руку, — а потом... ну, в общем, много чего случилось, и меня решили перевести сюда, тут, мол, безопасней и все такое.

Оба пациента усмехнулись:

— Безопасней? — переспросил второй, чуть старше Бертон и ниже его всего лишь примерно на два пальца. — Для кого? Для тебя или для них?

— Вы о чем? Чего это мне быть для кого-то опасным? Я с такой рукой еще долго не смогу представлять какую-либо опасность.

— Чтобы быть опасным, — сказал все тот же, — не обязательно быть сильным, главное, — знать то, чего не знают другие, — постучал он себя пальцем по голове.

— Ты, вообще, знаешь, где находишься? — с сомнением поинтересовался первый, с сединой.

— Госпиталь «Кроличий остров»? — неуверенно повторил Бертон прочитанное ранее на книжечке.

На этот раз двое пациентов рассмеялись в голос.

— Госпиталь, — усмехнулся тот, что постарше. — Официально учреждение числится как частная психиатрическая лечебница закрытого типа. Конечно, травмы здесь тоже лечат, если нужно, но особо не надейся, что покинешь эти стены даже после того, как твоя рука заживет.

Бертон ошеломленно раскрыл рот и отшатнулся от собеседников. Психиатрическая лечебница. Он в психушке, там, где желал очутиться меньше всего на свете. «Нечто более эффективным, чем полиграф и гипноз, могут быть только препараты, даже самому стойкому развязывающие язык». Бертон чуть ли не наяву уже видел направленный в него пыточный инструмент, оставалось лишь успеть рассказать все прежде, чем он вонзится в плоть.

Глава 14: Выбор

Глава 14: Выбор

Кожа горела, как от огня, но огнем его пока не пытали, хоть и грозились. Блэкснейк оказалась изобретательней, чем можно было решить по ее шелковому красивому лицу. Она решила провести процедуру эпиляции воском по всему телу Джона, нанося вещество на участки кожи, после чего наклеивая сверху специальные бумажки и с силой сдирая их вместе с волосами, хотя казалось, что и с кожей тоже.

— Почувствуй все то, что чувствуем мы, женщины, чтобы понравится вам, волосатым обезьянам, — говорила она. Помимо этого, Фолла выщипывала ему брови, волосы из носа и каждый день сбрасывала щетину на лице опасной бритвой, иногда «случайно» оставляя незначительные порезы.

И все же Джон предпочитал именно пытки Блэкснейк, чем Шуда, который мог доставить не только болезненные ощущения, но и реально травмировать. Больше всего тот любил наносить мелкие порезы тонким лезвием, но уже по всему телу, причем каждый день он резал по одним и тем же местам, а когда заканчивал, чтобы Джон не умер от потери крови, мазал раны какой-то пахучей мазью, которая, попадая в ранки, щипала сильнее, чем соль, однако помогала. До следующих пыток.

А еще были пытки водой, иглы под ногти, испанский сапог, дыба, пресс для черепа, колесование и всякое по мелочам, причиняющее иногда колоссальную боль. Раны на спине практически зажили, но иногда тоже давали о себе знать, хотя с ребрами было еще хуже; пытатели его не били (видимо, это слишком скучно), возможно, еще и потому, что переломы куда сложнее обычных порезов, ушибов и растяжений, а залечивать их некому, поэтому кости медленно, но крепили, однако из-за позы, которой к кресту был прикован Джон, ребра также нещадно ломало.

Жнец заходил лишь единожды, поинтересоваться, не передумал ли Джон, но тот лишь попытался плюнуть ему в лицо, однако из-за пересохшего рта так и не удалось собрать достаточно слюны.

— Я ни за что не буду участвовать в твоей сумасшедшей задумке, — только и смог выдать он.

— Будешь, — спокойным тоном ответил Жнец. — Только вопрос — переживешь ли? Все зависит от твоего выбора.

Джона до сих пор бросало в дрожь от того, что он узнал. План Мрачного Жнеца и правда должен изменить мир, но казалось крайне сомнительно, что после столь радикальных изменений, он не будет уничтожен под чистую.

Но еще больше Джона пугало то, что у него есть сторонники. Блэкснейк точно больна на голову, как и Шуд, который на деле оказался фанатиком, чуть ли не целующим Жнецу подол пальто при каждой встрече с ним, и смотря на него, словно на мессию, призванного спасти мир. Однако, как только его повелитель удалялся, на его лице вновь трудно было что-либо прочесть, кроме слепой решимости.

Четыре дня Джон провел на кресте, не способный даже согнуть руки или ноги. Все тело ломало так, что некоторых пыток он ждал с предвкушением, и эти мысли пугали его еще больше. Крест можно было переворачивать практически как угодно. Иногда Джону придавали горизонтальное положение, но лишь для того, чтобы пытать водой, вливая ее в глотку через воронку, либо положив на лицо тряпку, и поливая воду сверху, из-за чего невозможно

вздыхнуть, не захлебнувшись. После пыток водой его могли не поить весь день.

Каждые несколько часов кто-нибудь приходил и переворачивал Джона вверх ногами, чтобы кровь смогла прилить к постоянно поднятым рукам, держа его так минут по тридцать. Иногда его просто крутили, пока не стошнит, а как только это начиналось, оставляли вниз головой, из-за чего он захлебывался собственной рвотой.

— *Держись,* — сказал ему Мефистофель. У Джона не нашлось даже сил, чтобы велеть ему заткнуться. Невидимым для других, собеседник появлялся перед ним каждый день, словно это еще один вид изощренных пыток. Иногда Джону очень хотелось, чтобы Мефисто оказался настоящим и спас его, но высказать такое вслух ему не позволяла гордость, да и все равно это ничего не изменит.

— *Если ты умрешь, они, конечно, ничего не добьются, но и тебе уже будет все равно. Молчи, молчи, я знаю, что ты хочешь сказать. Ты ничего не знаешь. Но что мешает тебе наврать им с три короба? В твоём состоянии никто и поймет, что ты врешь, все спишут на твою усталость. Я не хочу умирать. Как и ты, полагаю.* — Джон ничего не ответил, но не только потому, что с трудом мог говорить, но и просто не знал, что сказать. — *Сюда кто-то идет. Судя по поступи, это Блэкснейк. Воспользуйся моим советом, который я вдалбливаю тебе уже которой день.*

Как же Джон хотел тоже вот так взять и просто исчезнуть.

В комнату и правда вошла Фолла, в жилете и штанах из кожи, короткие волосы все так же торчат во все стороны. Взгляд хитроватый, а на губах легкая довольная улыбка лисицы. С собой она принесла небольшую бутылку воды, которой напоила Джона, иногда игриво, как ей казалось, держа ее чуть дальше необходимого, чтобы к горлышку приходилось тянуться. Не стоит объяснять, что половина бутылки так и не попала в рот пленнику.

— Пришла меня помучить? — прохрипел Джон.

— И это тоже, конечно, хотя мне начинает слегка надоедать. В твоих криках я все чащи чувствую нотки фальши.

Она схватила Джона за лицо рукой и с нажимом провела по нему пальцами, отчего его потрескавшиеся губы закровоточили. Проведя указательным пальцем по губам, она облизнула его с видимым наслаждением.

— Кажется, скоро придет время бриться. Я думаю сменить опасную бритву на воск, что скажешь?

Джон ничего не ответил, потому что каждое его слово она понимала по своему, но и молчание для нее значило многое.

— *Делай, что хочешь,* — все же вымолвил он.

— Так и сделаю.

Блэкснейк отошла к столу с инструментами, которые чаще всего использовал Шуд, и взвесила несколько из них в руке.

— Вообще, — заговорила она вновь, — я пришла сказать, что Майлз очнулся. Его состояние лучше, чем можно было полагать.

В первый же день, как он оказался привязанным к кресту, Жнец рассказал ему, что это он забрал Майлза из башни, поэтому, когда туда заявили агенты из организации, то ничего не обнаружили, кроме следов свежей крови. Джон, конечно, сразу подумал о Жнеце, но удивлялся лишь тому, что он не вмешался в их битву, даже когда Майлз оказался без сознания. Джон был не в лучшем состоянии, а потому пара десятков Теней и одержимых или пятерка бывших Охотников легко могла встретить его на выходе из башни и схватить еще тогда. Однако он не знал, почему этого не произошло, но понимал, что это лишь часть головоломки.

— А что с Машери? — спросил он сиплым голосом.

— Опять ты начинаешь, — разозлилась Блэкснейк. — Ладно этот Майлз постоянно о ней талдычит, но ты-то чего? Я думала, ты любишь мою сестру, ну или, в крайнем случае, меня, — она кокетливо ему заулыбалась, — но эта баба тебя вообще не должна волновать.

— Меня волнуют все Охотники, не предавшие мир ради мнимой власти.

— Мнимой? С чего это она должна быть мнимой? — подняла она брови.

— Когда Жнец сделает то, что намеревается, вы ему больше не понадобится.

Блэкснейк зычно рассмеялась:

— Мы и сейчас не особо-то ему нужны, но мы здесь, он позвал нас, сделал своими товарищами, а мог бы просто оставить на растерзание Теням, как и всех остальных.

Джон никогда особо не понимал всей прелести власти, ведь владея всем, ты теряешь себя. У властителей всегда есть враги, много врагов, и даже чтобы куда-то отправиться, например, на отдых, в одиночку это не получится. С тобой всегда телохранители, готовые подставить под пулю за того, кто ее заслуживает, а без них тебе не прожить в реальном мире и пяти минут. Сидя на троне, ты видишь лишь безликую толпу подле своих ног, но толпа видит только тебя одного, такого одинокого, такого незащищенного. А если толпа — это орда монстров? Тогда они не видят в тебе даже человека, всего-навсего кусок мяса, до которого рукой подать.

Толпа — это единый организм, но вот голов у нее много, и никто не знает, какая будет завтра: желающая подчиняться или жаждущая подчинять.

— Товарищами? — усмехнулся Джон. — Скорее уж приспешниками. Неужели ты считаешь, что Майлз заслужил того наказания, какое понес?

— Забавно, правда? Ведь это именно ты вынес ему наказание. Из-за тебя он впал в кому.

— Именно. А знаешь, почему так вышло? Потому что Жнец боится запачкать свои и без того грязные лапы, действуя чужими.

— Майлза он лично заплучил, — резко возразила ему Блэкснейк; в такие моменты она казалась не менее фанатичной, чем Шуд, но тот хотя бы спокойный. — Он лично победил его в бою один на один, и тебя пытался, но тебе повезло, что вмешался третий.

— Ой ли? Ты и без меня прекрасно знаешь, что его трудно назвать одиночкой...

— У каждого свои преимущества, — перебила его девушка. — Но и недостатков тоже хватает.

Джон знал свои недостатки. Слишком мягкосердечный, пусть все вокруг и считали его «Богом смерти», крушащим противников налево и направо. А еще наивным, несмотря на годы борьбы. Именно из-за этих качеств он и попал туда, куда попал. Не помчись он за Блэкснейк в магазине, а затем не попытайся вырубить ее удушением, вместо того, чтобы ударить головой о стену, то сейчас бы... Он вдруг вспомнил об Оливере. Он так и не пришел к нему, как обещал. Интересно, задумался Джон, о чем он подумал, когда я не явился в назначенный день, и во все остальные тоже? Может, ему сказали, что я пропал? А кто вообще считает меня пропавшим? А если меня никто не ищет? В любом случае, выбраться отсюда живым у меня мало шансов.

— Ладно, — вздохнула Блэкснейк, — что-то мы заболтались, пора и за дело приниматься. Сегодня попробуем что-нибудь новенькое.

Джон уже сомневался, что все эти каждодневные пытки направлены на выбивание правды, а не потехи ради, но эти мысли, как и все остальные в его голове, все равно лишь бесполезный белый шум, не способный ничего изменить.

***

Оливер все же решился. Он подошел к небольшой двери с табличкой, на которой было написано имя нужного ему человека, и постучал. Ответом ему была тишина. Он постучал еще

раз, громче.

— Войдите, — отозвался неуверенный голос. — А, это ты, Оливер, что ты здесь делаешь? Сюда нельзя заходить никому, кроме специалистов.

— Доктор Джейсон, вы узнали, о чем я спрашивал?

— О чем? — не понял доктор.

— О Джоне. Вы обещали узнать, где он.

— А, да-да. — У него на лице промелькнуло воспоминание. — Прости, Оли, у меня сейчас полный завал, я совсем забыл.

На столе у доктора Скота Джейсона Оливер заметил нож, по типу армейского, сделанного, судя по цвету, из амбисидиана. Он бы не придал этому никакого значения, в лаборатории находилось и другое оружие, но на клинке темнела засохшая бурая кровь.

— Вы этим заняты? — спросил он, указывая на нож.

— А? А, да, мне нужно узнать, что это за кровь и... Тебе это не интересно.

— Я просто думал, что у вас несколько другая направленность. Вы вроде как меня допрашивали.

— У меня много обязанностей, — ответил доктор. — Когда-то я хотел стать психологом, но не сложилось. В организации я занимаюсь изучением Теней, одержимых ими людей и всем, что с этим связано. Сейчас, например, мне нужно выяснить, принадлежит ли кровь одержимому Тенью или нет.

— Это можно выяснить?

— Да, в крови одержимых содержится совсем незначительное количество вещества, нам неизвестного, но похожего на серу, именно оно и приводит к разрушению тела носителя. Его можно обнаружить, но это довольно сложный и долгий процесс, особенно, если крови так мало и она такая... несвежая.

«Значит, кровь моих друзей прямо сейчас заражает какое-то неизвестное даже науке вещество, превращающее их тела в такое же, как у того одержимого из темноты, схватившего Гека? Неужели я ничего не могу сделать? Почему другие ничего не делают? Должен быть выход!»

Доктор Джейсон, завидев, что Оливер замолчал, посчитал, что тому больше нечего сказать или он даже обиделся, и заговорил сам:

— Ладно, давай сделаем так. Я сейчас позвоню главе филиала, и если она позволит, мы поднимемся к ней, и ты сможешь задать все интересующие тебя вопросы.

Оливер обрадовался такой возможности, ведь кто, если не самый главный, знает ответы на все вопросы.

***

Чертова психушка. Бертон застрял в психлечебнице, там, где держат умалишенных, но он-то им не был. По крайней мере, он очень хотел, чтобы это оказалось именно так, хотя еще больше желал, чтобы так посчитали и остальные.

На небе, которое на части разделяла крепкая кованая решетка, Бертон в темном безоблачном небе видел растущую луну, такую же одинокую, как и он сам, но она, во всяком случае, не под стражей. Он не мог заснуть и ворочался в постели, пытаясь устроиться поудобней, но ничего не выходило. Пару раз он поднимался и проверял дверь комнаты, которая всегда оказывалась закрытой. В брошюре об этом ничего не говорилось, лишь то, что нельзя выходить после комендантского часа. А как тут выйдешь, если выхода нет?

Свои часы он разбил еще при встрече с Джоном той злополучной ночью, но по ощущениям

было примерно часа два, когда в дверь уверенно постучали. Бертон встал с кровати, чтобы открыть дверь, но вспомнил, что она закрыта изнутри, и просто сказал: «Входите».

В дверь вошел человек в теплой короткой куртке, и в свете луны Леброн заметил, что он абсолютно седой, хотя ему максимум можно было дать лет тридцать пять.

— Вы не спите? — поинтересовался он.

— Не могу уснуть.

— Это распространенная проблема новеньких в этом месте. Со временем все привыкают.

Бертон сглотнул. «И сколько мне понадобится для этого времени?»

— Вообще, хорошо, что вы не спите. Глава хочет вас видеть. Одевайтесь и выходите, я буду за дверью.

Леброн не спеша натянул штаны, свитер и куртку; не спеша потому, что одной рукой это было сделать не так-то просто. Постоял у зеркала, словно собираясь с духом, и тяжело вздохнул. Он не знал, зачем понадобился той женщине ночью, да и не хотел знать, но так или иначе, встречи с ней не избежать. Возможно, она просто задаст какие-нибудь новые вопросы или же попросит пересказать всю историю с самого начала, чтобы попытаться выявить неточности, а может, она уже наполняет шприц какой-нибудь сывороткой правды.

Глубоко вздохнув еще раз, он вышел за дверь, где его терпеливо дожидался седой человек.

— Меня, кстати, Ведьмаком кличут. Это из-за цвета волос, — усмехнулся он.

Бертон назвал свое имя, настоящее, хотя не понял, как связан цвет волос этого человека с прозвищем, но спрашивать не стал, чтобы не выглядеть тупицей — вдруг, это знают все, кроме него?

На улице, за полоской сада, стояла такая же машине, как и та, на которой Бертон приехал в эту лечебницу. Выехав за ворота, они въехали в другие уже через несколько секунд, снова проехали по дорожке вдоль здания и остановились на стоянке недалеко от входа в штаб организации «Тенелов». Выходя из машины, Леброн обернулся, за спиной темнел лесопарк. Мелькнувшая мысль о побеге тут же подавилась воспоминаниями о трехметровой стене, окружающей территорию вокруг, через которую ему ни за что не перебраться, даже будь у него целы обе руки.

Все повторилось так же, как и в первый раз: вестибюль, лифт... Но на этот раз они поехали вниз, а не вверх, причем времени это заняло не меньше. У Бертона пересохло во рту, но зато вспотели ладони, которые он без конца вытирал об штаны. «Подземная база. Ну конечно, наверху у них все чинно, благородно, но по-настоящему ужасные дела творятся внизу, где никто не услышит криков».

Дверцы распахнулись, выводя в длинный узкий коридор, в конце которого находилась дверь, ведущая по лестнице еще ниже. Первую дверь Ведьмак открыл набором цифр на панели, вторая же открылась сама, видимо, подумал Бертон, с пульта диспетчера, наблюдающего через камеры. Они оказались в еще одном коридоре, только широком и еще более длинном. По обеим сторонам его тянулись странные стекла, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга, хотя те, что справа, имели между собой небольшие проемы и были прозрачными, левые же стояли почти впритык, черные и как будто матовые. Ближайшее квадратное стекло находилось примерно в пятнадцати метрах от двери, и Леброну показалось, что за ним находится небольшая комнатка, но рассмотреть все повнимательней ему не позволил Ведьмак, который тут же свернул налево и прошел в другую дверь в углу, поторопив замешкавшегося Бертона.

И снова коридор. Шире, чем первый, но уже второго. Слева находилось всего две двери, на ближайшей из которых Бертон прочел: «Доктор Скот Джейсон», хотя какой именно доктор — написано не было, но частный детектив очень надеялся, что не Доктор Смерть. На второй двери

надписи не наблюдалось.

В самом конце коридора находилась еще пара дверей, одна, находящаяся прямо по курсу, довольно обычная на вид, пусть и с небольшой панелью, а вторая — железная и очень крепкая, — располагалась справа в стене. Она тоже открывалась на панели, но при этом пришлось подождать, прежде чем дверь все же с шипением распахнулась. Бертон посчитал, что и ее тоже открывает диспетчер. Такая безопасность явно неспроста, и можно было надеяться, что там что-то крайне секретное, и вряд ли это какая-нибудь камера пыток, хотя кто знает, что в голове у этих людей.

За дверью узкий проход уходил резко влево, а в конце очередная дверь справа выводила в огромную длинную комнату, в некоторых местах поддерживаемую узкими колоннами. В помещении находились еще двери и лестница слева в стене, ведущая куда-то наверх. Справа же тянулись прозрачные толстые стекла, каждые метров пять-шесть в длину, разделенные металлическими столбами, за ними виднелось еще одно большое светлое помещение с металлическими дверьми на другой стороне. Бертон сразу сообразил, что они ведут в маленькие комнаты, непрозрачные стекла которых он видел, только спустившись на этаж. А еще то помещение разделялось поперек опять же матовыми стеклами, охватывая в получившееся пространство по три двери. Частный детектив был уверен, что эти стекла могут убираться, как бы утопая в полу.

Ведьмак лишь вновь поторопил Леброна, ступая на ступеньки, ведущие на второй этаж, если его можно было так называть под землей (Бертон не был уверен, что этаж, на котором он очутился, являлся последним). Наверху располагалось практически идентичное нижнему помещение, тоже с колоннами и со стеклами, выводящими в ту же самую комнату с дверьми, однако теперь это был вид сверху.

У одного из широких окон стояло два человека в халатах. Перед ними располагался широкий пульт, похожий на панель управления в самолете, где некоторые элементы были сенсорными. Посреди пульта находился джойстик с непонятными кнопками на нем. Люди в халатах повернулись к вошедшим, а когда Ведьмак молча им кивнул, снова вернулись к пульта.

— Зачем я здесь? — не выдержал Бертон. Он и не знал, что думать, понимая лишь, что пытаться его не собираются. Пока.

— Сейчас увидишь, — усмехнулся в ответ Ведьмак.

Носители халата водрузили на глаза подобие очков виртуальной реальности, после чего один из них на сенсорном экране пальцем передвинул ползунок, и свет в помещении за стеклом потускнел. Следующими действиями они открыли две двери напротив. Сначала ничего не происходило, но когда человек в халате еще что-то нажал, в комнатах вдруг зажегся яркий свет, способный ослепить любого, кто бы там ни находился. Послышались вопли и из обеих камер выбежали два человека, двери за ними тут же закрыли, а свет внутри погас.

У Бертона отвисла челюсть. Они и правда здесь проводят опыты над людьми, держат их взаперти и ставят ужасные эксперименты. «Но зачем я здесь? — судорожно подумал он. — Они пытаются меня запугать? Да я уже от страха еле на ногах стою!»

— Смотри внимательней, — сказал ему Ведьмак, и Леброну не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться.

Один из людей в халатах ухватился за джойстик, и тут Бертон увидел, как под стеклом из перекрытия между этажами появилось нечто невообразимое. Это было похоже на какое-то артиллерийское орудие с тремя стволами разного калибра. Не успел он хоть что-то спросить или даже удивиться, как прозвучал выстрел. Один из двух людей рухнул, как подкошенный, Леброн заметил, что выстрел угодил ему прямо в грудь.

— Что вы делаете?! — ужаснулся Бертон. Он отошел — отпрыгнул! — от окна, словно

боясь, что выстрел достигнет и его.

— Смотри, — спокойно сказал Ведьмак. Леброн не желал видеть, как подстрелят и второго, только затем, чтобы напугать его. «Да они же все тут сумасшедшие!»

— Я все расскажу! — закричал он. — Не делайте этого! Я расскажу все, что вы пожелаете! Всю правду!

— Смотри, — повторил незлобно, но с нажимом седовласый.

Бертон на негнущихся ногах подошел к стеклу и чуть снова не отскочил в ужасе. Человек, которого только что подстрелили прямо в грудь, уже вставал на ноги, потирая место, куда угодила пуля, едва обозначенное кровью. Леброн был полицейским, многое повидал, и мог сказать, что бывает, если человеку выстрелить в грудь.

Оба человека стояли неподвижно и злобно всматривались в окно, хотя взгляд их, как казалось Бертому, был направлен не на них, а куда-то в сторону, в участок стекла над турелью. «Куда они смотрят?»

— Они нас не видят, — сказал Ведьмак. «Видимо, я опять думал вслух». — С той стороны лишь зеркало. Смотри еще, — кивнул он.

Прозвучал еще один выстрел, и, несмотря на то, что Леброн знал, что так будет, все равно вздрогнул. На этот раз рухнул второй, пуля угодила ему в то же самое место, что и первому. Прошла минута, потом еще одна, но человек так и не поднялся.

— Что... — запнулся Бертон. — Почему этот не встает? Он какой-то другой?

— Хотите это знать? Тогда сначала вам придется рассказать нам всю правду, что с вами на самом деле произошло, и чем подробней, тем лучше.

— Да я готов был все выложить, как только вы постучали в дверь. Не обязательно было...

— Обязательно, — перебил его Ведьмак. — А теперь мы пойдем к Камиогаве, а то она, небось, заждалась.

Люди в халатах так и не вымолвили ни слова, когда они вышли из помещения. Им пришлось проделать весь путь обратно по запутанному лабиринту к самому лифту, на котором они сразу поднялись на этаж с офисом. Только на этот раз офис оказался забит даже больше, чем наполовину. Представления Бертона о гаме, какой здесь царил бы при большем количестве народа, воплотились в реальность. Шум голосов, хождения работников по проходам, работы компьютеров и звонков телефонов выливался в разрозненную какофонию, не позволяя уловить каждый звук в отдельности.

Бертон почти не обратил на все это внимание. Его голова была забита пустотой, когда как обычно там его собственный голос, по большей части задающий насущные вопросы, но этот голос молчал, потому что боялся получить ответы. Что бы ни нафантазировал Бертон, ни одна мысль не могла показаться ему более-менее реалистичной.

Частный детектив шел практически на автомате, и очнулся, лишь поняв, что стоит у все той же крепкой двери из красного дерева, а Ведьмак уже стучит кулаком. Послышался дребезжащий звон, и седовласый открыл в дверь, пропуская вперед Бертона.

Леброн рухнул в кресло, едва получив позволения, и заговорил, даже не дождавшись вопросов. Он рассказал все, начиная с того дня, когда утром вместе с остальными прохожими наткнулся на труп странно одетого мужчины, и заканчивая пересказом событий в больнице, который мало чем отличался от первого, кроме как заверения Бертона, что он видел, как того мнимого агента ФБР все же поразило несколько пуль.

— Значит, вы, получается, спасли Джона? — переспросила Камиогава, когда он закончил излагать все как на духу. Бертон замялся:

— Ну, наверно. Но и он меня спас, когда бросил в того человека в шляпе нож.

— А он ничего ни о вас, ни о ноже не говорил, — задумчиво проговорила она и вздохнула.

— Так вы говорите, что кровь на том ноже принадлежит напавшему на Джона человеку? Вы уверены?

— Да. А еще тому, кто напал на меня на парковке. Я и пулю выковырял из стены.

Бертон вспомнил, как косились на него люди, случайно заглядывающие в переулок и видя там странного человека, изучающего стены возле помойки. Возможно, Леброн и тогда что-то бормотал себе под нос, высказывая мысли вслух, но из-за сосредоточенности даже не замечая этого.

— Пулю? Она у вас? Потому что в ваших вещах мы ее не нашли.

— Полиция ее тоже не нашла. Она была в том же пакете, что и нож, и вероятно, выпала, когда я его разорвал, чтобы достать оружие, которым хоть как-то смог бы защититься от нападавших, патроны-то кончились. Вообще, я слышал два выстрела, но вторую пулю так и не нашел, может, она попала в того человека.

Человека ли? Бертон уже не был так в этом уверен. «Может, мне тогда и правда не померещилось в темноте, и я действительно не промазал первым выстрелом?» Он уже и не знал, что ему думать: пришельцы, мутанты, монстры, жертвы экспериментов — кто эти «люди», которых не берут пули? «Может, они как Горцы, — бессмертные воины, которых можно убить, лишь отрубив голову? Но ведь второго в той комнате убили простым выстрелом». Словно вспышка, в его голове сложилась. Нож, пуля — они были сделаны из амбисидиана, как, вероятно, и меч Джона, если судить по цвету клинка. Вот слабость тех... существ. «Ну, хоть один вопрос нашел ответ».

Судя по всему, неожиданное озарение не осталось незамеченным:

— В чем дело? — поинтересовалась Камиогава.

— А, мне просто кажется, я понял, почему у Джона все оружие было из амбисидиана.

— Ах да, насчет этого. Что ж, думаю, после всего, через что вы прошли, у вас не так уж много выбора. Я могу рассказать вам все о том, с чем вы столкнулись, если хотите. А если желаете, можете остаться в неведении, но в обоих случаях вам придется подписать кое-какие бумаги. — Она открыла ящичек стола и достала оттуда не очень толстую кипу документов. — Сначала подпишите, а потом сделайте выбор.

— А что в них?

— Вы уже видели свою палату в больнице?

— Да.

— Если вы кому-либо за пределами организации расскажете правду о том, что с вами произошло, то ту палату вы будете видеть каждый день до конца жизни.

До конца жизни. Бертон и дня бы не желал там проводить. Будь он и правда сумасшедшим, ему может, эта идея не показалась бы такой ужасной, но он ведь, как оказалось, вполне здоров, это лишь мир сошел с ума. Что чувствует человек, психически здоровый, запертый в больнице для умалишенных? Бертон знал ответ уже как несколько часов, и это был ответ, вопрос к которому он не задавал.

Он не глядя подписал бумаги, понадеявшись на авось. Слишком часто в последнее время он так поступал. А может, всегда? Трудно уследить за собой, когда следишь за другими.

Небрежно убрав подписанные бумаги обратно в стол, Камиогава неспешно начала свой рассказ, и по мере появления новых подробностей, Бертон все больше сомневался в рассудке этой женщины, хотя все же понимал, что все ее слова — чистая, но крайне неприятная правда, пусть и не вся, ведь он не член организации, а значит, обо всем ему знать не положено.

Он слушал о Тенях, и волосы на загривке у него вставали дыбом; от мысли, что они могут вселиться в него, глаза его чуть не вылезли из орбит; зато более-менее успокоило знание о слабостях этих существ: яркий свет и, главное, амбисидиан, точнее, сплав золота и серебра,

которые и по отдельности действуют не хуже. Больше всего Бертона поразило, что причиной появления Теней была Великая Мировая Катастрофа, после которой по всему миру открылись порталы, связывающие этот мир с другим.

Вдруг телефон на столе главы филиала организации зазвонил, и Камиогава, резко оборвав рассказ, взяла трубку. Секунд через десять она, быстро вздохнув, сказала, что свободна и пусть поднимаются, после чего отключилась. Добавив еще пару пояснений и уточнив, все ли Бертон понял — на что он машинально кивнул, даже не задумавшись, — по-деловому попрощалась с ним, на что Леброн пробормотал нечто невразумительное.

Из кабинета он вышел со смешанными чувствами, в которых в основном преобладали страх, шок и тревога. А еще он корил себя за то, что выбрал первый вариант, а не второй. Пусть он и не удовлетворил бы свою любознательность, зато спал бы ночью крепче. Теперь же ночь представлялась ему в ином свете; пусть эта Камиогава и уверяла, что за стенами территории организации и больницы абсолютно безопасно, ночь от этого не становилась менее темной.

Бертон очень не хотел возвращаться в свою палату, он даже был готов оставить там свои вещи, только бы вновь не переступить порог той комнаты, но больница и правда была единственным местом, где он мог бы находиться, потому что территория организации являлась секретным объектом, а в больнице находились врачи, которые должны были следить за состоянием его здоровья.

Рана ужасно ныла — завтра будет перевязка, — но Леброн все равно сомневался, что уснул бы, даже будь он полностью здоров, однако сон настиг его раньше, чем он успел обдумать все услышанное. Да, он искал ответы, задавая вопросы в пустоту, но никак не надеялся, что пустота ответит. Только не она.

***

Лифт открылся на последнем этаже, где Оливер до этого еще ни разу не бывал, хотя знал, что там находится. Знал, но никак не ожидал, что едва дверцы распахнутся, как на него обрушится шум множества голосов и всевозможных звуков, не отличимых один от другого.

Не успев сделать и пяти шагов, Оливер чуть не наткнулся на странного человека, под распахнутой курткой которого молодой человек заметил перевязанную левую руку, как ее пристраивают при переломе, чтобы ограничить движения. Оливеру даже вначале показалось, что это Джон, который, правда, обзавелся короткой бородкой и усами, но через секунду понял, что ошибся. Беспокойный взгляд этого человека был устремлен в пол, и он, казалось, даже не заметил, как чуть не налетел на Оли, едва успевшего отскочить. Его сопровождал другой странный человек с седыми волосами, хотя в нем сразу узнавался Охотник.

— Кто это? — спросил Оливер у доктора Джейсона.

— Не знаю, но у него такой вид, точно он призрака увидел. Или Тень.

Доктор Скот велел парню идти за ним, сначала до угла, потом налево и практически до самой середины. Там находилась крепкая дверь из дерева, хотя Оливер не мог сказать, из какого именно. Постучав и дождавшись дребезжащего звона, доктор Джейсон вошел, поздоровался и представил Оливера.

Когда дверь закрылась, парень даже обернулся к ней от удивления, потому что шум снаружи словно отрезало. Было слышно даже размеренное тиканье часов на стене.

— Да-да, — сказала женщина в деловом костюме, который сидел на ней, как влитой, — я читала его дело. Оливер Лайтман. Можешь звать меня Камиогавой, — обратилась она уже к парню. — Кажется, я знаю, о чем ты хочешь спросить, но хочу услышать это от тебя.

Оливер немного замялся, не зная, с чего начать, поэтому начал с того, что его интересовало

прямо сейчас. И что значит, что она знает, о чем он хочет спросить?

— Я хотел узнать насчет Джона. Он обещал прийти еще несколько дней назад, но его так и нет.

Камиогава жестом приказала доктору Джейсону выйти, и тот мигом выскочил за дверь.

— Я же могу быть с тобой откровенна? — Оливер энергично закивал. Почему-то рядом с этой женщиной он чувствовал себя каким-то незначительным и бессильным, что не изменилось бы, будь у него с собой даже оружие, а она сидела бы в клетке. Говорила она спокойно, но ее чересчур низкий для женщины голос пылал властностью. — Джон, твой наставник, пропал. Как раз в тот день, когда должен был прийти к тебе. В последний раз его видели в торговом центре, куда он, судя по всему, поехал за покупками. Он так и не вернул машину, — сказала она уже тихо, для самой себя. — В общем, суть в том, что он погнался за одной... женщиной, которая предала организацию, но это, надо полагать, было ловушкой. Его похитили, и мы не знаем, где он сейчас, жив ли вообще.

Оливер не верил своим ушам. Джон ему казался просто непобедимым, да он и сам слышал, что его прозвали Синигами за свою смертоносность, а тут он вдруг попадает в дурацкую на первый взгляд ловушку, погнавшись за кем-то так бездумно. Хотя, если учитывать, что его целью была женщина, пусть и предательница, то это может все объяснить, особенно, если она была ему дорога когда-то. Оливер и сам не взялся бы зарекаться, что не помчался бы сломя голову, завидев он вдруг Беку даже где-нибудь в темном переулке посреди ночи.

— Но вы же его ищите? — спросил он неуверенно.

— На поиски задействованы все свободные Охотники и аналитики организации, но за все эти дни мало что удалось разузнать. Действовали профессионалы, которым не впервой... Впрочем, тебе это знать не положено.

— Не положено? Но он ведь мой наставник! — повысил голос Оливер, но тут же успокоился под ледяным взглядом.

— Я не должна тебе это говорить, и надеюсь, это останется между нами, но все ваши наставники, в том числе и Джон, были подобраны в соответствии с вашими характером и темпераментом, а также образом жизни, прошлым и другими характеристиками. Например, вряд ли бы ты присоединился к нам, если бы к тебе приставили не Джона, а, скажем, Эвилу.

— Это уж точно, — буркнул парень. — Но получается, вы их просто использовали. Чтобы потом использовать нас, — прошептал он.

А он до этого раньше и не догадывался. Оливер даже не думал о том, что его чуть ли не насильно заставили стать частью организации. Хотя нет, думал, но мысли его сводились к тому, что он сам выбрал такой путь, а ведь мог просто согласиться на стирание памяти. Или нет. Потеряв память, он мог так и не вспомнить, что стало с его друзьями, а зная себя, он бы попытался их разыскать, и кто знает, вдруг это они бы нашли его. Нашли и растерзали.

Оливер до сих пор сомневался в собственном выборе, хотя выбора-то и не было, лишь иллюзия.

— Если вам не хватает людей, может, мы сможем помочь? — неожиданно для себя выпалил он.

— Помочь? — удивилась Камиогава. — В чем?

— Ну, в поисках Джона. Мы не профессиональные Охотники, но вдруг это как раз и станет нашим преимуществом?

Глава филиала впервые за весь разговор улыбнулась, хотя улыбка была снисходительной.

— Интересно, — сказала она. — Ты уже все решил за остальных, даже не спросив их мнения?

Оливер тут же покрылся пунцовой краской. Он и сам не заметил, как начал разговаривать,

словно главный. Даже в компании своих друзей он не был основным заводилой компании, эту роль на себя всегда брал Джо, а сам Оли обычно оставался на заднем плане, лишь предлагая идеи, когда как другие решали, воплощать их или нет. Он никогда не желал становиться главным, но сейчас взял на себя именно эту роль, даже сам того не осознавая.

— Я... — нерешительно заговорил он, откашлявшись, — я спрошу у остальных, но даже если они не согласятся, я могу пойти и один. Или меня можно приставить к другому Охотнику, занимающемуся поисками.

— Не думаю, что ты или остальные готовы даже с Тенью один на один столкнуться, не говоря уже об одержимых или Охотниках.

Оливер было подумал, при чем здесь Охотники, но сейчас его интересовали другие вопросы, а он не хотел потерять нить темы, ради которой и пришел.

— Но нам так и так придется рано или поздно с ними столкнуться, чтобы узнать, на что мы способны. Если с нами... — он опять поймал себя на том, что говорит «мы», — ...если я буду с Охотником, он сможет меня защитить. В худшем случае я получу ценный урок и пару ссадин, а в лучшем — найду Джона. Если вы думаете, что я хочу сбежать, то подумайте еще раз; мне некуда идти.

Оливер счел, что в конце его тон стал несколько резок, но все же не потупил взор, пусть и почувствовал, как его уши загорелись, смотря прямо в глаза Камиогаве, а та, вместо того, чтобы сердито напомнить с кем он разговаривает, как будто задумалась, смотря куда-то сквозь молодого человека.

В конце концов, она вновь хмыкнула, откинувшись на кресле и уткнувшись подбородком в пальцы.

— Что ж, язык у тебя подвешен, когда хватаешь уверенность за жабры. Скажу честно: я подумаю. Не радуйся. Думаю я иногда долго, а твоя просьба чересчур безрассудна. — Она посмотрела на часы, висящие на стене, и вновь заговорила: — Если у тебя все...

— Я еще... хотел спросить о своих друзьях. Их захватили Тени, а я слышал, вы некоторых одержимых ловите, чтобы... ну, я не знаю, зачем.

— Я поняла, о чем ты хочешь спросить, — перебила его Камиогава. — К сожалению, как я уже сказала, практически все наши люди сейчас очень заняты, чтобы этим заниматься. Я тебе искренне соболезную, но не думаю, что твоим друзьям можно чем-то помочь, а чтобы их схватить, потребуется очень много сил и времени, а у нас нет ни того, ни другого. Не так давно мы потеряли больше двадцати Охотников, кто погиб, кто покинул нас добровольно, поэтому на данный момент у нас не хватает рук, и вы, пятеро, как раз одни из тех, кто заменит их на этом поприще. Вы нужны нам, и мы не можем потерять вас, когда вы даже и на десятую часть не обучены всему, что должен знать и уметь Охотник.

— На практике можно обучиться куда быстрее... — начал Оливер.

— Но не зная теории, практика может закончиться плачевно.

Оливер тоже это понимал, но юношеский максимализм брал свое, и ему хотелось оказаться везде и сразу, сделать все и даже больше, сначала действуя, а потом думая. «Я не супергерой», — очередной раз напомнил он себе, но чем больше он это повторял, тем меньше воспринимал это, как непреложную истину. Трудно быть не таким, как все, но не чувствовать разницы.

— Ладно, — вздохнула Камиогава через минуту, — я дам тебе выбор: либо ты выбираешь поиск Джона, либо поиск своих друзей. Опять же, напомню, маловероятно, что я разрешу кому-либо из вас вообще покинуть территорию штаба. В ближайшее время, — подчеркнула она.

Оливер считал предложение Камиогавы слишком жестоким. Выбор между друзьями и человеком, которого он видел всего два раза в жизни, пусть и бывшим ему наставником, открывшим ему глаза на реальный мир. Однако шансов спасти друзей мало, а если верить

словам главы, то и вовсе никаких. Оливер сам не понимал, почему вдруг вызвался идти спасать Джона, это просто был секундный порыв, почему-то переросший в убеждение, что так и надо. Да еще и остальных приплел, не интересуясь их мнением.

На базе и правда было довольно нудно, и хотелось чего-нибудь эдакого, попробовать свои силы на настоящих противниках, а не на тренировочных куклах. Но реальный враг не будет стоять на месте, а попытается убить тебя в ответ, и тогда все будет зависеть от мастерства, которого у Оливера на данном этапе действительно маловато. Но в паре с другим Охотником все будет совсем иначе, в этом-то он и желал убедить Камиогаву. Но даже заставить ее обдумать предложение оказалось большей победой, чем он рассчитывал.

Оливер сидел в своей комнате до самого обеда и думал, кого же ему выбрать: друзей, шансов спасти которых не было, или Джона, которого не могут найти несколько дней даже профессионалы. В конечном итоге чувство вины превысило все остальное, и Оли решил отправиться в родное гетто и попытаться найти своих друзей, пусть и захваченных Тенями. Но согласятся ли пойти со мной остальные? Сьюзен — шансов мало, но кто ее знает; Миранда — Эвила не позволит ей так рисковать, пусть та и скажет, что ей все равно; Везел — за ним нужен будет глаз да глаз; Мейсон — вот этот почти точно должен согласиться, ведь он просто мечтает раскрошить голову каким-нибудь одержимым, нужно лишь проследить, чтобы ими не оказались Гек, Джо или Бека.

А Охотники? Даже если ни один Охотник не выскажет желания направиться в опасную зону, Камиогава может просто приказать. Но станет ли она так рисковать своими людьми не пойми на кой черт? Но все это лишь неосознанные мысли, ведь шансов, что глава филиала согласится на это тоже крайне малы, практически нулевые. Но это не повод сидеть сложа руки.

Во время обеда Оливер собирался предложить остальным присоединиться к нему, чтобы.. идти спасать незнакомых им людей. Сомнения завладели его сердцем, но крошечный лучик надежды все же все еще пробивался сквозь эту толстую стену неуверенности, но он был так мал, что едва освещал путь впереди.

Глава 15: Побег

Глава 15: Побег

Реакция оказалась не совсем такой, какую ожидал Оливер. Всем просто осточертело сидеть в четырех стенах, а ведь прошло всего несколько дней с того момента, как они согласились обучаться на Охотников. Трудно было представить, что все Тенеловы перенесли то же самое и не свихнулись, хотя, все же, большинство выглядело и правда не совсем здоровыми умом, не даром Джон назвал тех людей в ресторане цирком уродов. Некоторые явно перебарщивали с образом, но Оливер надеялся не стать таким, однако для этого было необходимо иногда развеиваться. Многие, судя по всему, считали так же.

Спасение — или лучше сказать захват силой — друзей Оливера трудно было назвать увеселительной прогулкой, но все сочли, что это куда лучше, чем каждодневная интенсивная тренировка и обучение. Мейсон, как и предполагал Оливер, согласился сразу же, Сьюзен решила поддержать друга, однако для начала ей надо было переговорить с Афро, Везел тоже был «за», и даже его вечная недовольная хмурость слегка спала с лица, а в глазах зажегся огонек. Миранда, как и думал Оли, не выказала практически никакого интереса, однако Эвила, до сих пор не расстающаяся с ней, заявила, что ее подопечной не помешало бы подышать свежим воздухом, однако одну ее она отпустить не могла.

В общем, согласились все, причем готовы были отправиться немедленно, однако Оливер остудил их пыл, сказав, что шансов на «прогулку» мало, ибо слово за Камиогавой, а та тетка серьезная, и так просто подобное не разрешит, даже будь у нее десяток свободных Охотников. Все с этим согласились, однако энтузиазм продолжал витать в воздухе. Теперь же Оливер чувствовал себя немного виноватым. Даже не немного. Помимо того, что он зажег в людях надежду, которая легко могла оказаться ложной, так еще все это он предпринял лишь ради спасения своих друзей, прекрасно осознавая, что этому не бывать, однако зажегшуюся надежду и правда крайне трудно потушить, пусть загорелась она и без видимых причин.

А ведь ради собственных эгоистичных побуждений он вот так просто взял и решил рискнуть жизнями других людей. И не сейчас, в открытую предложив им шанс покинуть казематы, а еще тогда, будучи в кабинете у Камиогавы. Оливер лишь надеялся, что это не неотъемлемая часть его характера, а лишь минутная вспышка, вызванная страхом за своих друзей и желанием их спасти.

Власть меняет людей. Оливер не считал себя главным хоть в чем-то, однако в их пятерке он явно являлся негласным лидером, даже если остальные с этим не согласятся. Миранда слишком апатична и не выказывает интерес вообще ни к чему, хотя ей явно нравится компания Эвилы, как, в общем, и самой Охотнице, хотя ни та, ни другая открыто этого не выказывают. Везел же вообще не желает находиться там, где находится, он бы с удовольствием променял это место на камеру в тюрьме: пусть и кормят хуже, зато вместо Теней там лишь надзиратели. Мейсон вроде бы и был лидером в своей банде, однако, видимо, это выразалось лишь в проявлении агрессии и силы, которая решала все, здесь же нужно действовать умнее и осторожней, у него же и того, и другого было меньше, чем надо. Лишь Сьюзен подает какие-никакие надежды, однако за маской безмятежности ее сердце обливается невиданной тоской, ведь совсем недавно она потеряла обоих родителей, а такую утрату невозможно восполнить, Оливер уж точно это понимал.

Вот так и получалось, что Оли являлся единственным, у кого была четкая цель — спасти друзей, ну или хотя бы захватить их живыми, а дальше... Он не знал, что будет делать дальше, жизнь часто сама подбрасывает подсказки, нужно лишь уметь их вовремя заметить, а это

невозможно, если просто сидеть на заднице и ждать чуда.

Прошло еще два дня, прежде чем Камиогава вызвала к себе Оливера. Поднимаясь на лифте, он едва сдерживал дрожь, хотя не мог сказать, от страха ли из-за возможного отказа или от нетерпения. Все эти два дня он не мог найти себе места, хотя и ожидал, что если какое-либо решение и будет, то точно не раньше, чем через неделю, а тут всего два дня прошло. Вряд ли бы Камиогава его вызвала только для того, чтобы лично сказать, что он никуда не отправится. Все же он больше дрожал от нетерпения, но страх перед отказом сменился страхом перед грядущим. Кто знает, что его теперь ждет по ту сторону высокой стены. Хотя кое-что он все же знал, пусть и не хотел признавать, — что боится Теней до дрожи в коленках.

К двери кабинета Камиогавы Оливера проводил человек, которого он видел с тем, другим, осунувшимся и с перевязанной рукой, в которого чуть не врезался при выходе из лифта в его прошлое и первое появление на этаже. Он сказал, что его зовут Ведьмак, и парень улыбнулся, потому что тот и правда отдаленно напоминал знакомого ему персонажа, особенно белоснежными волосами, хотя на актера из сериала он все же совсем не походил, особенно угрюмостью, точнее ее отсутствием.

Камиогава, как и в прошлый раз, сидела в своем дорогом кресле, словно и не вылезала из него все это время. Она жестом позволила Оливеру сесть за стол напротив нее.

— А ты любишь добиваться намеченных целей, — заметила она.

— О чем вы? — Оливер все еще сдерживал дрожь.

— Ну как. Сiju вчера, никого не трогаю, и тут ко мне вламываются ваши наставники. Говорят, что ты, мол, неизвестным образом уговорил остальных новичков и даже одну Охотницу — и не кого-нибудь, а Эвилу — отправиться чуть ли не на настоящую охоту на монстров. А остальные пришли, чтобы уговорить меня согласиться.

Оливер изумился. Получалось так, что Эвила не просто поддержала его идею, а уговорила остальных тоже ее поддержать. Или запугала? Он каждый день видел эту женщину с вуалью, но едва ли за все эти дни услышал от нее хотя бы три десятка слов. Каждый раз, когда его взгляд касался полупрозрачной тряпицы, скрывающей лицо, ему казалось, что она смотрит прямо на него, отчего мурашки просто не могли не покрывать его кожу. Сомнительно, что она могла одними лишь словами уговорить кого-то хоть на что-то, наверняка она просто пронизательно глядит на человека, пока тот не соглашается на все что угодно, лишь бы убраться от нее подальше. Оливер бы так и поступил.

— И вы... согласились? — осторожно поинтересовался он.

— На самом деле, кое-кто был против. Барсук — это наставник Везела — уверял, что его подопечный не то, что не готов пойти на дело, его вообще не стоит выпускать за территорию организации.

Оливер не мог с этим не согласиться. Он вообще надеялся, что тот откажется отправляться на опасную прогулку, но не тут-то было. Оли плевать хотел, сбежит ли Везел, его больше волновало, что он может сделать это именно тогда, когда без него невозможно будет обойтись, и еще повезет, если он вдруг не вздумает ударить в спину, прежде чем свалить.

— Если честно, я тоже с этим согласна, — продолжили Камиогава, — однако не могу просто заставить его остаться здесь, а иначе он и вовсе взбесится, а тогда Охотника из него не выйдет никогда.

Так и так не выйдет, подумал Оли.

— Если же он попытается сбежать или выкинуть какую-нибудь другую глупость, Барсук вновь его усмирят, после чего у нас будет реальный повод больше не выпускать его отсюда. Конечно, вечно мы его держать тут не станем, но покинет он эти стены лишь тогда, когда мы точно будем уверены, что он будет слушаться нас беспрекословно.

— Значит, Барсук тоже идет с нами? Эвила, а теперь еще и Барсук, Оливер не так все себе представлял.

— Барсук, Грассхopper, Эвила и Афро — идут все четверо. К вам присоединиться еще один Охотник — Крис Аквилани. Его ты не знаешь, но он будет присматривать за тобой.

Теперь Оли вообще засомневался в своей затее. Да, он ожидал, что за ними пошлют приглядывать одного-двух Охотников, но никак не по одному на каждого. Ему нужна была свобода действий, а эти Тенеловы не позволят сделать даже одного лишнего шага не в ту сторону.

Оливер боялся, что все эти Охотники идут с ними не просто так, а с какой-то целью. Например, убить всех Теней и одержимых на пути. Кто знает, какой жестокий урок решит преподать ему эта Камиогава, она совсем не походит на добродушную тетюшку.

Он решил выразить мысли в слух, старательно подбирая слова:

— А нужно ли все это? Я имею в виду, что мы же не Теней идем уничтожать, а спасать моих друзей, ну, или чтобы захватить их. Неужели у вас нет какой-нибудь пушки с сеткой, покрытой амбисидианом, чтобы их сдержать, не причиняя вреда?

— Ах да, я, кажется, забыла уточнить. Вы идете не за твоими друзьями, а на поиски Джона. Маловероятно, конечно, что вы найдете его следы, но это куда менее опасно, чем беготня по гетто, и куда более полезное занятие. Тебе нужно смириться с тем, что твоих друзей не спасти.

— Смириться?! — неожиданно даже для себя взревел Оливер. Это его второе посещение этого кабинета, и во второй раз он выходит из себя. — Я не могу смириться с этим! Мои друзья все еще живы, и я не поверю в обратное, пока не увижу их... их мертвые тела собственными глазами!

Он понимал, как глупо это звучит, но ничего не мог с этим поделать. Его друзья все еще ходят, дышат, думают, значит, — они все еще живы, и никто не сможет убедить его в обратном, даже Тени, засевшие в их телах. Он найдет способ спасти их, даже если для этого придется нарушить все правила, которые он согласился соблюдать, подписав те злосчастные бумаги.

— Поумерь пыл, мальчик, — спокойно сказала Камиогава. Можно было и не говорить, ее холодные бездонные глаза, пронизывающие Оливера насквозь, и без того заставили его замолчать и поежиться в кресле. Он чувствовал, как лицо вновь заливают краской. Вот всегда так, сначала тебя переполняет уверенность в собственных словах, а потом становится стыдно из-за собственной несдержанности и опрометчивой глупости.

Оливер потупил взгляд, уставившись в ковер, которым был застелен пол кабинета. Ему хотелось кричать и спорить, но он понимал, что это просто бессмысленно. Он здесь никто, и должен быть благодарен не только за то, что его вообще куда-то отправляют на задание, но и за собственное спасение в тот день, когда на него и его друзей напали Тени. Конечно, спасение не было безвозмездным, и теперь ему до конца жизни придется работать на организацию, борющуюся с монстрами из другого мира, и конец такой жизни может настать в любой момент. Но он не видел, чтобы кто-то из Охотников жаловался, а потому и сам отныне собирался вести себя сдержанно и скрывать свои настоящие чувства. Если удастся усмирить свой нрав, о котором он и не догадывался.

— Вы отправитесь днем. Именно днем, а не ночью, поэтому советую тебе постараться поспать.

Поспать ему так и не удалось. Привыкнув к ночному бодрствованию, невозможно вот так взять и заснуть под свет сотен звезд, пусть и невидимых в коробке комнаты. Он лишь надеялся, что днем его не будет клонить в сон.

Прошлой ночью он так больше и не смог сказать чего-нибудь дельного. Все споры были бы

бессмысленными и могли привести к тому, что Камиогава вообще передумает выпускать их куда-либо, и плевать на Охотников, которым это не понравится, — здесь она главная.

Утром все новички встретились в столовой, и так как ночью их не покормили, набросились на еду, будто неделю ничего не ели. По большей части все выглядели довольными и практически не сонными, хотя Сьюзен пробубнила что-то о том, что такие частые смены распорядка дня вредны для кожи.

Когда они добились десерты, в столовую вошли Охотники. Оливер даже присвистнул от удивления. Черные одеяния сменились непривычной для них повседневной одеждой: Барсук оказался одет в простые джинсы и темно-коричневую пухлую куртку; Афро облачилась в теплое длинное пальто с высоким воротом, а шею до самого подбородка замотала легким шарфом; Грассхоппер же выбрал пальто короткое, серое, на шее его тоже оказался узел длинного шарфа, а на голове красовалась широкополая шляпа. В руках он держал большую дорожную сумку. Меньше всего от прежнего образа отличалась Эвила, практически никак не изменившаяся, хотя черную вуаль она сменили на высокий воротник до носа, черные непроницаемые очки и фетровую кепку, так и так скрывающие ее лицо. Пятый, судя по всему, и являлся тем самым Крисом Аквилани. Оливер решил, что он итальянец или испанец, сам он постоянно их путал, у него оказались длинные черные волосы, слегка волнистые, и длинный же нос, на нем красовались самые настоящие брюки и простая на вид куртка.

Оружия ни у кого видно не было, хотя Оливер не сомневался в его наличии. Даже простое расследование пропажи может обернуться чем угодно, а зная противника, можно быть уверенным, что так оно и будет.

— С чего начнем? — спросил Оливер, когда они на вместительном фургоне выехали за территорию.

— С того же, с чего и другие, — ответил Грассхоппер. — Тем, кто искал Джона, дали другие задания, так что, по сути, мы просто их заменяем. Они передали нам все данные, что успели нарыть. — Грасс, сидящий до этого с планшетом, передал его Оливеру и остальным, сидящим напротив. На экране оказалось видео, точнее, компиляция нескольких видеозаписей, снятых разными камерами наблюдения в торговом центре, откуда похитили Джона.

Оливер сосредоточено наблюдал за происходящим. Вот Джон уже идет с полной тележкой к кассе, как вдруг резко останавливается и вглядывается в толпу, еще секунда, и он срывается с места. Девушка с короткими волосами, торчащими во все стороны, словно сосульки, убегает от него и через коридор выбегает на надземную стоянку, а через несколько секунд там оказывается и Джон. Дальше уже шло видео выезжающего с парковки серебристого минивэна. Конец.

— И это все? — удивилась Сьюзен.

— А что вы еще хотели? Камеры в магазине стоят лишь в самом зале, а на стоянке лишь на въезде-выезде. Нам вообще повезло, что мы узнали, что его увезли именно на этой машине.

— Да, кстати, а с чего вы взяли, что это была именно она?

— Мы нашли этот брошенный минивэн на пустыре в паре десятков километров северо-западной. На заднем сиденье обнаружена кровь, которая принадлежит Джону. Видимо, они сменили автомобиль.

Для начала было решено съездить как раз в этот самый торговый центр. Конечно, все свидетели уже допрошены, а видео с камер изъято, но никогда не знаешь, что можно упустить из виду. Незамыленный взгляд лучше старых двух.

Середина недели знаменовалась кучей народа в магазине, особенно учитывая скорые праздники; едва удалось найти место для фургона на стоянке. Хотя, если подумать, в торговых центрах всегда полно народу, в любой день недели, словно чем больше таких центров, тем больше появляется людей, заполняющих их. И откуда они только берутся?

Группа из десяти человек представляла бы собой довольно странную компанию, поэтому на место похищения отправилось лишь пятеро: сам Оливер, Сьюзен, Миранда, Грассхоппер и, конечно же, Эвила. В одном из углов, недалеко от входа в коридор, ведущего в продуктовый магазин, Грассхоппер указал на пол:

— Здесь была найдена кровь Джона. Судя по всему, его не слабо приложили по голове, после чего отволокли к машине. Ничего не чувствуете?

— А что мы должны почувствовать? — удивилась Сьюзен.

— Ну, у некоторых Охотников могут быть способности, вроде ясновидения. Они могут видеть отдаленные события, если находятся в местах, где что-нибудь случилось или при касании. Осмотритесь здесь.

Грассхоппер отошел в сторонку, словно давая простор и одновременно высматривая непонятно что. И что мешало пригласить на это место настоящих ясновидящих организации? Эвила с Мирандой отошли в другую сторону, и Охотница что-то начала тихо говорить на ушко своей подопечной.

— Я собираюсь бежать, — выпалил Оливер Сьюзен шепотом, но все равно оглянулся, всматриваясь, никто ли его не услышал, хотя все находились слишком далеко.

— Бежать? — изумилась девушка. — Куда бежать?

— С нами обращаются, как с неразумными детьми. Да, мы еще совсем не опытные, но отправлять десять человек на поиски одного — это глупо. Я бы предложил разделить на две группы, но вряд ли меня послушают. Эта Камиогава ясно дала понять — ей плевать на моих друзей, и она не за что не позволит мне их искать, даже если со мной будет целая армия.

— Но это безумие, — возразила ему Сьюзен. — Даже если тебе и удастся сбежать, что потом? В одиночку ты ничего не сможешь сделать.

Он знал, что это так, но ничего не мог с собой поделать. Иногда приходится идти против одних правил, чтобы соблюсти другие. Моральный кодекс куда важнее каких-то письменных законов какой-то там организации. Если они готовы бросить на произвол судьбы одних, то кто помешает сделать то же самое с тобой? Оливер не желал работать на организацию, которая лишь убивает монстров, но не спасает от них простых людей, зато на поиски одного Охотника отправляет целую экспедицию.

— У меня есть это. — Оливер полез за пазуху и вытащил длинный нож, запрятанный в ножны.

— Откуда он у тебя? — поразила Сьюзен.

— Стащил из лаборатории доктора Джейсона, когда в очередной раз забежал к нему. У него там полно всяких железяк, он даже и не заметит пропажи. Во всяком случае, в ближайшее время. Да, оружие не ахти, но я и не собираюсь с ним перебить всех Теней, лишь найти своих друзей.

— А дальше что?

Оливер ненадолго задумался:

— Если я буду знать их местоположение, то, возможно, Камиогава позволит их поймать. Сьюзен, я должен это сделать, — с рвением выпалил он, схватив ее за плечи, но тут же отпустил, отводя взгляд.

— Я понимаю твои чувства, — ответила она. — Но как ты собираешься сбежать?

— Подыграй мне.

Оливер потянул Сьюзен за собой и подошел к Грассхопперу, все еще бездумно бродящему по стоянке:

— Грасс, мы тут подумали, что раз уж мы у магазина, не плохо бы затариться немного, а то кто знает, сколько мы еще будет по всему Бруклину гонять, вдруг нам и перекусить не удастся.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Грассхоппер после недолгого раздумья. — Но я пойду с вами.

— Поэтому и подошли, — невинно улыбнулся Оливер.

— Как пропал?! — взревела Афро. — Грассхоппер, твою мать, как ты умудрился проворонить целого мальчика? Ты с высоты своего роста вообще ничего под собой не видишь?

— Он сказал, что ему надо в туалет... — попытался оправдаться высокий Охотник.

— Тебе надо было идти вместе с ним.

— Не пойду же я в туалет с пакетами с едой, оставив Сьюзен одну.

Афро рвала и метала, а Грассхоппер, несмотря на свой немалый рост, весь съежился под ее руганью. Оливер сбежал через окно в туалете, под которым находился достаточно широкий карниз, ведущий к пожарной лестнице. Сьюзен так заболтала Охотника, что тот и не сразу сообразил, что парня как-то слишком давно нет. Когда он забежал в туалет и выглянул в окно, то обнаружил лишь следы ботинок на покрытом снегом карнизе.

Афро перевела свой гнев на Сьюзен:

— А ты чего стоишь? Небось, вы вместе это и спланировали, я права?

Сьюзен ничего не ответила. Она с самого начала понимала, что ей влетит, и теперь стоически принимая заслуженное наказание. Хотя нет, это еще пока не наказание, оно будет, девушка не сомневалась, куда более серьезным. Но она ни о чем не жалела, потому что считала, что все сделала правильно. Ее мысли были посвящены лишь Оливеру. Он сказал ей, что если действительно так необходим организации, то они отправятся на его поиски, а если нет... то они и остальных бросят при первой же возникшей неудобной для них ситуации.

Сьюзен должна была дать Оливеру фору, а потом сказать, куда он направляется, но кое-чего они оба не учли.

— Он отправился в гетто, — глухо проговорила Эвила.

— Да, ты права, — поддержала ее Афро. — Спасать своих друзей. Я не могу винить его за это. Но для этого у меня есть вы двое, — сверкнула она гневно глазами на Сьюзен и Грассхоппера. — Я свяжусь со штабом, сообщу о случившемся, а потом отправляемся.

***

Дни тянулись, как сыр на поверхности пиццы, только были они куда более пресными. После разговора с Камиогавой, Бертон не думал, что сможет уснуть, но вся усталость, которая навалилась вдруг, взяла свое, однако проснулся он все же рано, незадолго до восхода солнца, которое зимним утром едва пробивалось через пелену снегопада. Снег падал медленно и мелкими хлопьями, но и этого оказалось достаточно, чтобы небо за зарешеченным окном приобрело цвет какой-то серой безысходности.

Рука ныла, будто чувствуя погоду, и Бертон надеялся, что не станет одним из тех стариков, предсказывающих непогоду по ноющим суставам и головным болям. До старости ему еще далеко, хотя казалось, что последние дни состарили его лет эдак на десять-пятнадцать. Смотря в зеркало, он не верил, что еще не поседел.

За ним пришли после обеда — кормили в больнице неплохо — и отвели к врачу. Им оказался толстоватый дядька с густыми белыми волосами, такими же, как у Ведьмака, только у него они выглядели более гармонично, так как соответствовали возрасту. Он аккуратно снял повязки с плеча и груди Бертона, то и дело пшикая на поврежденные участки специальным раствором, как только Леброн корчил гримасу боли. Раствор этот обеззараживал, ослаблял боль и способствовал заживлению, в общем — все и сразу.

Доктор лишь взглянул на защитный порез, идущий от самой ключицы и до середины груди наискосок, и довольно хмыкнул. Бертон скосил глаза на рану и его тут же замутило. Доктор заставил его взять в рот жвачку и как следует пожевать; не прошло и пяти секунд, как Леброн уже чувствовал себя намного лучше. Жвачка имела мятный вкус и действовала не хуже, а то и намного эффективней, чем нашатырный спирт, по крайней мере, не приходилось нюхать эту вонючую жидкость, запах которой неприятно отдавался в затылок и сам мог стать причиной потери сознания.

Рану перебинтовали довольно быстро, и доктор сказал, что через пару недель Бертон уже сможет свободно ею шевелить, почти не чувствуя боли. Раненый же желал поправиться уже сейчас и не чувствовать боли вообще.

Прошел еще один день. На этот раз Леброн решил все же поспать, но, как назло, в этот раз ему пришлось беспокойно ворочаться на постели, и не только из-за ноющей боли, вернувшейся после перевязки, но и из-за лезущих в голову мыслей, которые до этого словно не желали вылезать наружу из испуганного сознания.

Сам не зная почему, первая мысль, которая пришла ему в голову, это мысль о коте. Надо было выпустить его на улицу, подумал Бертон, там он хоть мог бы найти, чем поживиться, а то теперь о нем даже некому позаботиться, повезет, если он все еще не сдох от голода. Как-то раз он убежал, и частный детектив едва отыскал его в закоулках улиц, хотя это был не первый его опыт в поисках сбежавших домашних животных, но один из немногих, завершившихся успешно. Наверно, с самой Катастрофы домашние животные пропадают каждый день, и теперь Леброн знал, куда они деваются. «Нет, все же хорошо, что он дома. Лучше умереть от голода, чем позволить кому-то другому утолить голод собой».

От мыслей о коте Бертон вспомнил и о Люпине. Один из немногих его друзей погиб, защищая его. Хотя лучше звучит, что он погиб, исполняя долг, но эта формулировка казалась Леброну не верной, словно умаляя вину Бертона за гибель друга. Да, он винил себя, но одновременно считал это глупым. Лучше так, чем и вовсе считать себя непричастным.

За все эти дни его уже пытались и убить, и похитить. Насчет второго у Бертона возникало больше вопросов. Почему надо было обязательно его похищать, а не убивать на месте? Ведь тот фальшивый агент ФБР имел десяток шансов избавиться от частного детектива, но вместо этого даже отбросил его в кусты, убрав из-под огня. Бертона пугали мысли о том, что с ним могли сделать, если бы похищение прошло успешно.

Тени, Охотники, порталы в другой мир — каждый раз, когда он думал об этом, его бросало в дрожь. Несмотря на все, через что он прошел, Леброн не хотел верить во все это. Это как сказки о Бугимене, живущем под кроватью. Что бы сделал ребенок, узнав, что это вовсе не сказки? Наверно, бежал бы, пока не выдохнется. Бертон собирался сделать то же самое.

Сбежать от организации, как он понял, практически невозможно, но он не верил, что его отпустят, даже когда все его раны полностью заживут, но сейчас все поддерживают иллюзию его свободы, а вот бесполезная рука поддерживает в остальных иллюзию его бессилия что-либо предпринять, и Бертон собирался на этом сыграть.

— Кот? — удивилась Камиогава. Леброн чувствовал удовольствие от того, что смог ее озадачить.

— Да. У меня дома живет кот, раньше его кормил Коннор Люпин, мой друг, это тот полицейский... что погиб, пытаясь меня спасти, но сейчас это делать некому, и тот может попросту умереть от голода... — Бертон поджал губы. Он давил на жалость и знал, что это работает. «Коннор, надеюсь, ты меня простишь за это».

Бертон не особо долго придумывал план, тем более что он действительно беспокоился за

своего кота, пусть со всеми этими потрясениями вспомнил о нем лишь прошлой ночью. На следующее утро он тут же подошел к одному из тех, кто охраняет внутренний периметр госпиталя, — хоть повсюду и стояли камеры, а на заборе натянута колючая проволока, начальство, видимо, считало, что этих мер не достаточно, чтобы предотвратить возможный побег. После короткого разговора, охранник все же согласился связаться и узнать, может ли Камиогава принять Бертона. Она согласилась, и теперь он пытался всеми возможными ухищрениями добиться от нее разрешения покинуть территорию организации.

— Мы можем отправить нашего человека... — начала глава филиала, но частный детектив ее перебил:

— Нет-нет, вы не понимаете. Мой кот почти никого кроме меня к себе не подпускает, любому, кого вы туда отправите, придется всю квартиру мне разнести, чтобы поймать его, а мне бы этого очень не хотелось. Тем более, я хочу забрать некоторые вещи, а то мне тут даже переодеться не во что.

Судя по выражению лица Камиогавы, доводы Бертона возымели эффект, однако она была не из тех, кто делал все в точности, как того желают другие.

— Так уж и быть, я позволю вернуться вам в вашу квартиру за... вещами, однако вы поедете туда в сопровождении наших людей. И не спорьте. — Бертон и не собирался. — Это делается не из-за того, что мы боимся, будто вы сбежите, а чтобы обезопасить вас. На вас уже дважды покушались.

На том и порешили.

В машине, где ехал Бертон, находилось еще четыре человека, и за ними ехала точно такая же. Из оружия у телохранителей были лишь пистолеты и ножи, но и этого должно более чем хватить, если они из амбисидиана.

Доехали довольно быстро, всего-то почти за час. Вместе с Леброном пошло четыре человека, двое вошли в квартиру с пистолетами наготове, после чего пригласили и самого хозяина, сказав, что все чисто. Бертон так не считал. Пыли было столько, словно на улице не так давно прошла песчаная буря, а окна оказались открыты, да и кошачья шерсть не давала забыть, что здесь живет домашнее животное, не говоря уже о запахе. Хотя вся же больше всего выделялись грязные следы от ботинок этих самых телохранителей, которые даже не удосужились вытереть ноги о половик.

Кот оказался более чем жив. Он лежал на диване, как ни в чем не бывало, а когда в комнату зашел Бертон, то лишь лениво поднял морду, открыл один глаз и снова улегся, вот и вся реакция на долгое отсутствие любимого хозяина.

— Чертова животина, — пробубнил Бертон и зашел на кухню. На полу стояло, Леброн пересчитал, целых девятнадцать глубоких тарелок, некоторые из которых были ему не знакомы. Он не сразу понял, что да как, но потом все же до него дошло. Коннор придумал интересную систему. Он поставил на пол десять тарелок, некоторые из которых, судя по всему, купил сам, с насыпанным в них кошачьим кормом, а сверху накрыл их уже другими тарелками, пряча еду. Кот, увидев «миску» полную еды, тут же приступал к ее поеданию, а когда корм заканчивался и голод возвращался, искал новую порцию, скинув одну из перевернутых тарелок и находя под ней заслуженную награду. Бертон догадался, потому что последние две тарелки все еще изображали пухлое НЛО.

Он позавидовал фантазии погибшего друга, хотя система все же казалась сомнительной, ведь кот легко мог в первый же день поскидывать все тарелки и нажираться каждый день до отвала, и тогда бы к этому дню уже давно бы ничего не осталось. А еще Коннор, похоже, больше сюда и не заходил, хотя сам уверял, что делал это каждый день. Не такой уж он и честный, подумал Бертон вслух. Вот бы он еще придумал, как решить проблему с туалетом, потому что

лоток оказался переполнен, и кот, не долго думая, нашел себе по всему дому новые места, что и являлось источником запаха. Теперь Леброн не так уж сильно винил кота за столь нерадушный прием после долгого расставания.

Решив отложить все это на другой день, если он вообще настанет, Бертон отправился в спальню собирать вещи. Он, конечно, не собирался возвращаться в больницу, но это не означало, что он должен вечно ходить в грязном там, куда собирался.

Кое как одной рукой сложив в большую сумку вещи, среди которых оказались зажигалка и свеча — вдруг там не будет света, а фонаря у него не было, — он взял ее, чтобы выйти из комнаты и направиться в туалет, где можно было вылезти через окно, благо, он живет на первом этаже, а под окнами стоят большие мусорные баки с крышкой, на которые можно спрыгнуть. Конечно, идти в туалет с сумкой было бы подозрительно, поэтому Бертон заранее придумал отговорку: он, мол, хотел забрать из шкафчиков зубную щетку и пасту, пару мазей, крем для бритья, лосьон после бритья, саму бритву плюс насадки, гель для душа, шампунь и всякое по мелочи, а с одной здоровой рукой ему придется уносить все это минимум в три подхода, поэтому проще зайти в ванную комнату с сумкой и сразу сложить все это туда. Он лишь надеялся, что о Черныше позаботятся и без него.

Выйдя из комнаты и уже открыв рот, чтобы заговорить обо всем этом, он вдруг услышал за дверью квартиры какой-то шум, а потом и выстрелы, идущие еще и с улицы, где осталось две машины и пять человек. Двое, дожидаящиеся его в квартире тут же достали свои пистолеты и встали наготове у двери.

— Быстро, уходи! — крикнул один из них прежде, чем дверь сотряс удар, потом еще один, и еще. Выстрелы прекратились, и Бертон был уверен, что все агенты снаружи уже мертвы. Он даже не сразу понял, что ему делать, пораженно остолбенев. Не успел он опомниться и побежать к ванной, как входная дверь от очередного удара с грохотом рухнула на пол. Выстрелы громовым эхом зазвучали в стенах квартиры. В квартиру хлынула целая толпа людей, не боясь ни пуль, ни ударов ножами агентов организации.

Все произошло так быстро и неожиданно, что Бертон пришел в себя, лишь оказавшись на одной из площадей, недалеко от метро, куда он и спустился, не прекращая озираться по сторонам.

Он ехал туда, где искать его будут в последнюю очередь, — в гетто. Если он правильно понял, то Теней там просто тьма, но люди ведь как-то живут. Еще будучи полицейским, он узнал, что там есть гостиницы, больше напоминающие крепости, хотя никто и не знал, зачем они переделывают в них обычные дома, а идти узнавать никто не спешил, с гостиниц в гетто даже налоги никто не требовал, что было единственным плюсом того места.

Бертон почти не сомневался, что людям там известно о Тенях достаточно, чтобы уметь от них защититься. Всяко лучше, чем квартира, куда вломились те люди, явно одержимые, и это среди бела дня, и уж тем более не хуже, чем психушка организации, в которой хоть и находились лишь те, кто проболтался о Тенях, некоторые из них и правда не дружили с головой. Одни утверждали, что организация с ними заодно, а когда Бертон спрашивал, с чего они взяли, на него смотрели, как на умалишенного. Некоторые даже всерьез верили, будто эти Охотники и сами одержимы Тенями, которые сражаются с другими за власть над миром. Гипотеза имела бы шансы на жизнь, если бы амбисидиан действовал и на Тенеловов.

В конечном итоге Бертон пришел к выводу, что ему говорили правду, пусть не всю, но правду. Однако это не давало организации права держать здорового человека в психушке. Леброн решил, что с него хватит больниц, тем более для душевно больных.

Бертон так задумался, что едва не пропустил свою остановку. Выйдя на платформу, он перешел на другой ярус, чтобы сесть на поезд, идущий к гетто. Встав так, чтобы оказаться

примерно в среднем вагоне, он стал дожидаться поезда, продолжая озираться по сторонам. В метро пусть и было светло, но солнечных лучей там отродясь не водилось. Леброн даже подумал, что все эти рассказы об огромных крысах и аллигаторах в туннелях метро и канализации вовсе не рассказы, а свидетельства встречи с Тенями, просто намного проще внушить себе, что это была именно крыса, пусть и невероятно огромная, чем поверить в живую тень.

Повернув очередной раз голову, его глаз на миг уловил что-то смутно знакомое, но что именно — он понять не успел. Бертон начал всматриваться в толпу, разглядывая лица, и вдруг нашел его. Это был тот самый молодой парень, что налетел на него в главном здании «Тенелова», когда выходил из лифта. Бертон видел его лишь мельком, но память на лица, которую он развил в полиции, позволила его узнать.

— Что он здесь делает? — задал вопрос частный детектив вслух, отчего дама средних лет, стоящая рядом, странно на него посмотрела, но он этого не заметил, хотя и спохватился. «Он за мной следит? Неужели на них работают даже дети? Или он просто выглядит так молодо?» Бертон не отрывал от него взгляда, но тот так к нему и не повернулся, даже одним глазом не взглянул, находится ли его клиент там, где находился секунду назад, или же уже затерялся в толпе. Частный детектив и правда хотел затеряться в толпе, но что-то ему подсказывало не делать этого. «Либо он профессионал, что до сих пор не выдал себя, либо это просто совпадение, что мы здесь оказались в том же месте, в то же время». Он сомневался, что организация будет так беспечна, послав следить за ним не просто парня, моложе его самого, а того, с кем он уже встречался, пусть и на долю секунды.

Наметанный глаз детектива заметил, что мальчишка пытается скрыть волнение. Он не оглядывался, но явно желал это сделать. В кармане куртки рука его то и дело напрягалась на боку, словно что-то сжимая. Точно также делал и Бертон, когда в подземной стоянке вдруг начала лопаться лампочка. Вряд ли у парня пистолет, скорее, нож.

Подъехал поезд, и Бертон с Оливером сели в него, даже оказались в одном вагоне, хотя Оли сидел спиной и не мог его видеть. Леброн не желал за ним следить, но наблюдал, ожидая, выйдет ли тот на той же остановке, что и он сам, либо раньше. Благо, парень сидел так, что если они выйдут на одной станции, ему все равно придется идти перед Бертоном, чтобы выйти в город, а тот не собирался его обгонять. «Если он на самом деле за мной следит, то ему придется сделать все возможное, чтобы я его перегнал, а если нет... я сам за ним прослежу». Зачем — частный детектив не знал, он, как ни странно, верил в совпадения, и зачастую раскрывал дела только благодаря им.

***

Карниз оказался скользким, однако второй этаж внушал надежды, что при падении ничего не сломаешь, главное — правильно приземлиться. Но он не упал, успешно добравшись до пожарной лестницы и быстро спустившись на землю. Тут же скрывшись за ближайшим углом торгового центра, припустил, что есть мочи, и бежал, пока боль в боку стала невыносимой. Отдышавшись, он убедился, что его не преследуют, и тут же пошел нормальным шагом, стараясь держаться как можно неприметней.

Вот остолопы, подумал он. Хотя все же Оливер не мог их винить за то, что они его проворонили. Он умел входить в доверие, хотя возможностей опробовать свои умения у него до этого было не так уж и много. Оли лишь надеялся, что Сьюзен не сильно достанется от наставников, а еще он решил, что все-таки зря ей выболтал, куда собирается удрать. Сьюзен он верил, однако знал, что Охотники могут надавить так, что и самый бравый мужик выболтает,

где хранит заначку от жены.

Он направлялся к метро. Худшего места, чтобы укрыться, трудно найти, ведь там повсюду камеры, но он все же надеялся, что в толпе его будет обнаружить трудней, а когда это все же произойдет, он уже будет там, где должен быть. Оли не знал, куда ему податься в гетто, но понимал, что в первую очередь его будут искать дома, а у родителей друзей — во вторую. «Интересно, что сказали Охотники родителям моих друзей? Что они просто пропали? Или же погибли? А может, ничего не говорили?» Несмотря на это, друзья его были там, а значит, у него не оставалось выбора.

В метро Оливер старался не выдавать своего волнения и не оглядываться по сторонам, как встревоженный сурок, чтобы меньше привлекать к себе внимания. Его не покидало чувство, что за ним следят, а особенно сильно оно проявилось, когда он стоял на платформе, чтобы пересест на поезд, идущий к ближайшей станции к гетто. Однако он лишь сильнее сжал кулаки в карманах куртки, но так и не рискнул оглянуться. Если за ним и правда следят, он ничего не изменит, если убедится в этом, и уж тем более поведет себя глупо, попытавшись сбежать, ведь если это всего лишь паранойя, то так он как раз и привлечет внимание.

Оливер вышел на конечной. Раньше можно было уехать и дальше, однако после Катастрофы больше половины всех туннелей метро обвалилось, но за десять лет не все из них восстановили. Еще одно доказательство того, что правительство просто наплевало на район, который и до всего случившегося имел не самую лучшую репутацию.

Поднявшись на поверхность, он взглянул на небо. Ни одного облачка, хотя ночью прошел снег. Было холодно, но теплая куртка, выданная организацией, не давала замерзнуть. Конечно, было бы неплохо ее сменить, чтобы его не узнал кто-нибудь из Охотников, но денег у Оливера в обрез, а значит, пока придется походить так. Кто не рискует — тот долго живет. Оливер лишь желал спасти друзей, но если для этого нужно рискнуть, он был готов. Подумав об этом, он лишь сильнее сжал нож, прикрепленный к ремню штанов, который не отпускал ни на секунду с тех пор, как сбежал из торгового центра, держа его через тонкую материю кармана куртки.

Чувство, что за ним следят, не пропало, но стало меньше его беспокоить, ведь если за ним в самом деле наблюдают, то не вмешавшись сейчас, не вмешаются и потом. Возможно, они хотят узнать, что же теперь предпримет Оливер, однако он и сам этого не знал. Конечно, было бы неплохо подготовиться, но он даже не представлял, как именно; вряд ли в гетто можно было найти золото или серебро, да еще и в таком количестве, чтобы воспользоваться ими как оружием, надежда оставалась лишь на нож и удачу.

Оливер понимал, что тратить время не стоит еще и из-за того, что его в любую минуту начнут искать, если этого уже не произошло, поэтому он решил начать действовать незамедлительно, пока еще на небе светит спасительное солнце. Он направился к зданию, где последний раз видел друзей.

Если его ждут дома, то и у того здания тоже может быть засада. Он не хотел думать об организации как о каком-то враге, ведь она лишь стремится помочь ему, взамен ожидая того же, но мысль о ловушке возникла сама собой. Однако Оливер желал не прислуживать, но служить, чтобы и к его мнению прислушивались, учитывали его желания.

А пока этого не произошло, ему приходится действовать без разрешения, ведь это не просто его прихоть, спасение друзей — это нечто, что стоит выше всего остального, и ради этого можно рискнуть будущим.

Обшарпанное здание стояло все там же, словно памятник, не позволяющий забыть о случившемся. Оли имел в виду Катастрофу, но после той роковой ночи он уже не мог не ассоциировать эту безглазую кирпичную коробку с началом всех его бед. Беда не приходит одна, однако и удача следует за ней по пятам. Оливер считал удачей встречу с организацией,

благодаря которой он остался жив, узнал о тайном мире и теперь не просто желал отомстить, но и знал, как это сделать. Однако он все же не знал, как спасти друзей, из-за чего его снедало чувство отчаяния. Удача обманчива.

Он оглядел здание сверху донизу, всматриваясь как в пустые глазницы окон, так и в улицы, выискивая потенциальных соглядатаев организации, но так ничего и не заметив, устремился к бывшей многоэтажке. Проходя мимо того места, куда он упал со второго этажа, он кинул взгляд на обломки, но если там и оставались следы, их давно замело снегом.

Поежившись у входа — ему хотелось верить, что из-за холода, — Оливер вступил внутрь. За проемом практически сразу начиналась лестница, и он, недолго думая, поднялся на самый верхний уцелевший этаж. Там, само собой, было пусто. Залетевший внутрь снег сиял белизной.

Единственное место, где можно было что-то обнаружить — подвал, куда Оливер с друзьями ни разу не рисковали спускаться.

***

Прошло минут десять, а парень так и не вышел. Бертон вглядывался в пустые окна, но сколько не пытался что-либо рассмотреть, движений так и не заметил. В конце концов, он рискнул выйти из-за укрытия и направиться к дому. Прислушиваясь к малейшему звуку, он проник внутрь. На снегу выделялись следы, ведущие вверх и прямо.

Частный детектив пошел по второй цепочке следов, осторожно ступая след в след. Следы привели его к двери, судя по всему, единственной, что осталась в здании. Дверь была железной и покореженной так, что за ней едва ли можно было что-либо скрыть, тем более что висела она на одной петле. За ней черный проем вел куда-то вниз по крутой лестнице. Подвал, догадался Бертон.

— И что ему делать в подвале? — произнес он вслух.

Поставив сумку на пол, он достал из нее заранее забранные из квартиры зажигалку и свечу. Это, конечно, не фонарь, но всяко лучше, чем бродить в абсолютной темноте. Сумку он решил оставить в самом низу лестницы, ведь ценных вещей там особо и не нет, да и судя по чистому снегу, в это здание если кто и совался, то очень и очень редко.

Зажигалка не сразу высекла огонь, но свечу все же кое-как удалось зажечь. Поставив сумку в угол, Бертон пошел по коридору, на грязном полу которого остались следы парня. Еще только спустившись вниз, он неосознанно поежился, — ему хотелось верить, что из-за холода, который в подвале оказался еще более жгучим.

С собой оружия у него не было, но хотелось верить, что оно и не понадобится. Леброн надеялся, что парень спустился в подвал по каким-то личным мотивам, никак не связанным с Тенями, ведь если все иначе, то он идет напрямик в лапы смерти, и Бертон не очень-то отставал.

***

Лишь спустившись вниз и пройдя вглубь, Оливер все же решился признаться себе, что боится до смерти. В темноте подвала, где не было ни одного окошка или другого источника света, даже глаза Охотника оказались почти бесполезны. Он включил заготовленный загодя фонарик, однако опустил его так, чтобы свет оставался лишь у него под ногами, ведь привлечь лишнего внимания он не хотел, а его зрению хватало и такого количества света.

За все время, что он шел по хитросплетениям длинных коридоров, которые явно уже выходили за пределы дома, где он спустился, Оливер подскакивал от страха уже раз десять.

Трубы, несмотря на то, что давно уже не функционировали, иногда издавали звуки, словно кто-то сжимал их огромными руками так сильно, что те сминались. Он понимал, что это лишь из-за холодного воздуха, а может и из-за крыс, бегающих по ним, хоть ни одной он и не встретил, но все равно не мог отделаться от чувства, что кто-то дышит ему в затылок еще более холодным и зловонным дыханием, чем окружающий воздух.

Оливер уже не считал свою затею такой уж прекрасной, хотя и изначально она не была таковой, но он зашел слишком далеко. Отступить теперь — не значит умереть, но значит проиграть, а ведь он еще даже не видел врага. И не хотел видеть, хотя и высматривал его за каждым углом. Что я буду делать, если увижу друзей? Он не прекращал задавать себе этот вопрос еще с той минуты, как подумал о побеге, сидя у себя в комнате. Он надеялся, что ответ сам появится в нужный момент.

Прошла вечность. Или минут десять. Оливер забыл, когда вдыхал вонючий затхлый воздух в последний раз. Не считая стонов труб, стук зубов и треск костей руки, сжимающей фонарь, вокруг царила тишина. Ни подозрительного шороха, ни звука шагов, ни даже завывания ветерка.

Вдруг впереди он заметил еще что-то более темное, чем все вокруг. Сначала он подумал, что это распростершаяся на земле Тень, то ли мертвая, то ли спящая, хотя он и не знал, спят ли Тени вообще, но, подойдя ближе, понял, что это всего лишь открытый люк. Ржавая лестница вела еще ниже, в катакомбы, где может быть все, что угодно. Подвал шел и дальше вперед, однако Оливер отчего-то не сомневался, что ему нужно именно вниз. Пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы вступить на первую ступеньку.

Катакомбы находились еще метров десять под землей, не считая подвала. Забраться по такой обратно будет не так просто, особенно если за тобой будут гнаться Тени. Вот теперь пути назад точно нет. Интересно, подумал Оливер, если кто-нибудь из организации когда-нибудь найдет тут мой истерзанный труп, будут ли они винить себя за то, что не позволили мне отправиться на поиски моих друзей вместо того, чтобы искать Джона? Или просто скажут, что так мне и надо, раз не послушался?

Оливер сам не знал, подумал ли он об этом всерьез. Сейчас его мысли представляли собой мешанину, в которой он едва различал нотку здравого смысла, кричащего ему, чтобы он убирался отсюда как можно скорее.

Туннели катакомб были словно огромными трубами из кирпича, метра четыре в высоту и ширину. Стены обшарпаны, а известка или нечто подобное крошилась, едва ее коснешься. Воняло здесь уже почему-то не так сильно, как наверху, но все еще было затхло, словно воздух перемешан с чем-то более плотным, забивающимся в легкие.

Оли успел пройти метров, наверное, сто, когда, свернув на пересечении нескольких туннелей, чуть не выронил из рук фонарь. Просторное помещение с более высоким потолком, чем во всем остальном туннеле, было словно заволочено тьмой. Казалось, что Тени слились во что-то единое, как Крысиный король, миф о котором Оливер когда-то где-то мельком услышал. Огромная масса шевелилась, походя на горящее в замедленной съемке черное пламя, стелящееся по земле, покрывающее стены и потолок.

Во всем этом кошмаре Оливер даже не сразу разглядел светлые пятна. Это были люди, точнее, одержимые Тенями. Их было не менее десятка, среди которых он с ужасом обнаружил Гека, Джо и Беку. Завидев их, из него вырвался сдавленный стон, и он едва успел прикрыть рот ладонью, подавляя всхлип. По щекам текли слезы, которые он не мог также просто загнать в себя.

Его друзья, как и остальные люди, хоть и были светлее Теней, но грязь покрыла им лица, едва позволяя отличить одного человека от другого. Даже своих друзей Оливер смог узнать не сразу, и не только из-за облепившей их грязи. Они выглядели сильно исхудалыми и

изнеможенными, даже Джо, славящийся своими телесами, похудел не менее чем в два раза. На лекциях Оли рассказывали, что одержимые пусть и могли поддерживать носителя, защищая его от болезней и даже вылечивая смертельные ранения, но таким же образом они не могли спасти от голодной смерти, однако Теням было безразлично, что есть, они не чувствовали вкуса. Оливер подумал, что попадись он им на глаза, организация уже никогда не найдет его истерзанного тела.

Фонарь он выключил почти сразу, как увидел Теней, и теперь очень медленно и осторожно отступал обратно, стараясь издавать как можно меньше шума. Полное отсутствие света не позволяло ему видеть даже собственного носа, зато слух, казалось, обострился до предела. Он слышал, как под ногами глухо хрустит штукатурка, обвалившаяся со стен и потолка, хотя не слышал этого, когда шел вперед. Надежда была лишь на то, что у Теней не такой чуткий слух.

Он с самого начала не собирался совершать подвиги; найти, где прячутся Тени, и рассказать об этом месте Охотникам — вот что являлось его целью. Они бы не смогли игнорировать это, тем более зная, что там есть друзья Оливера. Не сразу, но он догадался, что почему-то необходим организации, а раз так, грех этим не воспользоваться. Если они откажутся даже попытаться помочь ему спасти его друзей, он просто сядет и ничего не будет делать, даже учиться и тренироваться, и хоть трава не расти. Возможно, его поддержат и остальные новички.

Отойдя на безопасное, как ему казалось, расстояние, Оливер трясущимися руками включил фонарик, прижимая его к куртке, чтобы свет не разлился по всему коридору. Он приложил его к ладони так, что рука как будто засветилась изнутри. Его острое зрение вновь позволило ему видеть почти в крошечной темноте.

Он не сразу осознал, что причина, по которой примерно метров через тридцать он не видит ни стен, ни потолка, это не из-за слишком слабого источника света, а из-за Теней. Он облепили весь туннель, казалось, что они сидят даже друг на друге, сливаясь в одну постоянно шевелящуюся черносмертную субстанцию.

Ноги одновременно одеревенели и превратились в вату. Несмотря на холод, Оливер чувствовал, как у него по лицу стекают капли пота, заливая глаза и сливаясь со слезами в соленые ручьи. Кое-как переставляя ноги, он медленно пятился назад, боясь даже сделать вдох, не говоря уже о мысли выключить фонарик. Тени его увидели, и этот крошечный источник света — все, что отделяло его от неминуемой гибели в абсолютном мраке. Хотя нет, не отделяло — оттягивало неизбежное.

Сделав всего шагов пять, растянувшихся на целых пять минут, Оливер с ужасом понял, что Тени зашевелились. Замедленное до этого пламя мгновенно вспыхнуло черными языками смерти. Оли развернулся, чтобы побежать, и тут же ударился носом обо что-то железное. Как оказалось, лестница наружу находилась прямо за ним, об нее-то он и разбил нос в кровь. Не обращая на очередной соленый ручей внимания, Оливер мертвой хваткой вцепился в первую ступеньку и судорожно переставляя конечности, пополз вверх, как ему казалось, с черепашьей скоростью.

Он даже не отбросил мешавшийся ему фонарик, потому что считал, что это займет слишком много времени, которого у него нет. Еще у него промелькнула мысль, что если бы лестница не была такой ржавой и шершавой, он бы давно полетел вниз, соскользнув из-за мокрых ладоней.

До люка оставалось совсем немного, когда его ногу пронзила острая боль, заставившая его издать истошный крик, разнесшийся эхом по туннелю. Одна из Теней схватила его когтистой лапой и потянула вниз. Сами по себе Тени были довольно слабы физически, хотя все же сильнее, чем можно было сказать на первый взгляд, однако внизу их копошилось не меньше сотни, они лазили друг по другу, цеплялись своими лапами, превращаясь в одну сплошную

смертоносную волну, способную утащить на дно, дай ей только захлестнуть тебя.

Следующая лапа другой Тени вцепилась уже выше, погружая свои острые когти в икроножные мышцы. Оливер держалась за тонкий прут ступеньки так сильно, что ржавые наросты уже до крови изрезали его ладони. В тот момент, когда он уже отчаялся удержаться, сверху вдруг что-то прилетело, угодив прямо в лоб ближайшей Тени. Еще секунда и сверху начали валиться комья грязи. Тени слегка ослабили хватку, мотая головой в попытке избавиться от мокрой земли, и Оливер, преодолевая боль, сумел подняться еще ступеньки на две, когда кто-то схватил его за руку.

— Держись! — прокричал незнакомый мужской голос, хотя Оли и так вцепился в протянутую ему руку не слабее, чем это могли сделать Тени.

***

Бертон напрягся изо всех сил, дабы вытянуть парня из лап ночного кошмара. Ему пришлось лечь на холодную землю, чтобы дотянуться до него, и теперь его левая рука, прижатая к телу, упиралась в пол. Он чувствовал, как расходятся швы и одежду изнутри пропитывает влажная кровь. Ему было невероятно больно, но он не он, если позволит мальчишке умереть. Он сам был лишь немногим старше Оливера, когда случилась Катастрофа, и как же он тогда желал, чтобы ему тоже вот так протянули руку помощи. Ее и протянули, когда вытаскивали его из-под развалин дома, однако позже он жалел, что вообще выжил. Лишь он один.

Он тянул изо всех, хотя казалось, не прилагал даже и десятой толики усилий, потому что ничего не менялось, но как только он об этом подумал, сила, тянущая его вниз, несколько ослабла. Он так сильно сжал челюсти, что во рту почувствовался металлический привкус крови, еще миг и голова парня показалась на поверхности. Бертон едва его видел, потому что единственным источником света являлся фонарик в руках у парня, а свою свечу и зажигалку он бросил в Теней несколько секунд, а может, и минут назад.

Не успел парень оказаться наверху, как за ним тут же устремились Тени. Бертон изо всех сил надавил на открытую крышку люка, но прежде, чем ржавые петли пришли в движение, и та упала, наружу выползло не менее десятка тварей.

— Нож! — закричал Леброн, кое-как отбиваясь от Теней ногами и лишь одной рукой, потому что вторую он вообще не чувствовал.

***

Если бы не крик человека, который его вытащил, Оливер наверно так бы и не вспомнил, что у него на поясе болтается нож из амбисидиана. Отбиваясь от Теней, он с трудом вытащил из ножен золотистое оружие.

Хотя его и обучали сражаться на мечах, он все равно как-то неумело полоснул по воздуху острием, словно пытаясь просто отмахнуться от врагов, однако одну Тень он все же задел. Та с воплем кинулась в сторону и принялась бегать по стенам и потолку, словно ища выхода. Кое-как поднявшись и приступая на раненую ногу, Оливер кинулся к тому человеку, прочертив перед собой ножом очередную дугу и разгоняя Теней.

Только сейчас Оливер смог приглядеться к тому, кто его спас, или же отсрочил неизбежное. Несмотря на окровавленное лицо, он сразу его узнал. Это был тот самый мужчина, которого он видел на верхнем этаже здания организации, куда поднимался, чтобы поговорить с Камиогавой. Оли не представлял, что он тут делает, потому что на Охотника он не похож, но все же был ему благодарен за попытку его спасти, однако эти мысли оказались так

стремительны, что за это время его бешено бьющееся сердце едва успело сделать и один удар.

Продолжая махать ножом, он наклонился к своему спасителю и помог ему подняться. Его рука явно все еще была перевязана под курткой, поэтому парень даже удивился, как тот смог вытащить его всего лишь одной рукой.

— Бежим! — выкрикнул он, тяжело дыша, но не тут-то было. По крышке люка изнутри ударили, потом еще раз, сильнее, третий удар стал роковым. Люк откинуло назад, и из черной бездны катакомб хлынула целая орда черной смерти. Оба, и Оливер, и Бертон, поняли, что им не спастись.

— Беги! — прокричал мужчина, разворачиваясь навстречу волне холодного черного пламени. Оливер чуть не засмеялся от мысли, что его может спасти, пусть это и маловероятно, человек, от которого он услышал не больше пяти слов в пяти разных предложениях. Наверно, он так и сделает, — рассмеется, если сможет выжить после всего этого, но смех этот точно окажется не радостным.

Оли не пробежал и десяти метров, когда его израненная нога, пульсирующая болью, которая не так сильно чувствовалась из-за бурлящего в крови адреналина, обо что-то зацепилась, и он ничком растянулся на земле. До сих пор сжимаемый фонарик выскользнул из окровавленных ладоней, выключившись от удара об землю.

Ничего не видя в сплошной темноте, Оливер судорожно шарил руками по полу подвала, пока все же не почувствовал небольшой гладкий цилиндр. За то время, пока он падал и искал фонарик, Тени не раз могли накинуться на него и разорвать на части, но этого не произошло, поэтому первым делом, когда появился свет, он направил его туда, где остался тот человек, пытавшийся задержать исчадий тьмы.

Он все еще был там. Стоял к Оливеру спиной. Из изодранной куртки пучками торчало подобие пуха, местами окровавленного, левый рукав и вовсе оказался оторван. Парень даже не сразу понял, что не так. Левая рука. До этого перевязанная, теперь она ничем не отличалась от правой. Испачканная в крови и грязи ладонь то сжималась в кулак, то разжималась вновь.

Не в состоянии отвести глаза, Оливер, не поднимаясь на ноги, начал медленно спиной отползать назад. Даже понимая, что позади десятки, а то и больше метров коридоров, а нога ранена, он не желал оставлять надежды на чудо, но лишь до тех пор, пока человек не обернулся.

Он был все тем же, если не считать крови и грязи, облепивших его лицо, из-за чего неестественная бледность выделялась еще явственней. Оли сразу вспомнил о Геке, который был не менее бледен, выходя из проема, куда его затащили кожистые руки. Глаза также изменились, стали как будто пустыми, безразличными ко всему вокруг, юноша ощущал, как они впиваются в него со всей сверхъестественной ненавистью.

Одержимый Тенью спаситель, теперь сам желал разделаться со спасенным самым жестоким образом. Он медленно, словно осознавая, что жертве некуда деваться, направился напрямик к нему. Тени, словно бурлящая тьмой свита, надвигалась у него за спиной. Оливер вдруг осознал, что у него в руке нет ножа. Обшаривая взглядом каждый уголок подвала, он увидел его, лежащим метрах в трех от него, в том месте, откуда он только что отполз, как раз посередине между ним и одержимым. Он лишь невесело и хрипло хмыкнул, поняв, что с его ногой ему ни за что не успеть первым.

Подойдя ближе, человек вдруг злобно оскалился и прыгнул на Оливера, обрушился, словно лавина. Парень инстинктивно прикрылся руками, но это мало чем помогло, казалось, что человек, чье тело захватила Тень, стал тяжелее раза в два. Он надавил на скрещенные руки с такой силой, что они рухнули на ребра, как наковальня, выбив из легких весь воздух.

Разорвав слабую защиту Оливера, одержимый вцепился в его лицо и сжал, словно стараясь расплющить его голову голыми руками. Крича изо всех сил, парню не оставалось ничего иного,

как тоже схватить противника за лицо. Какого же было его удивление, когда это сработало.

Пальцы, впивающиеся в Оли, разжались, и он увидел, что у одержимого широко раскрыты глаза, уставившиеся в никуда, и рот, открытый в немом крике. А еще его била крупная дрожь, сопоставимая разве что с дрожью самого юноши. Продолжая держать его за лицо, Оливер попытался подняться, но человек все еще неосознанно прижимал его к земле всем своим весом.

Сам не зная, что это изменит, он сильнее сжал окровавленные ладони, и тут заметил, что у человека изо рта появляется нечто черное. Пара секунд, и половина Тени уже вылезла наружу, вопя так истошно, что у Оливера заложило уши. Несмотря на трясущиеся поджилки, он не отпуская окровавленные руки от лица, осознавая, что именно из-за этого Тень и вылезает наружу. Он не знал, почему, возможно, что все Охотники на такое способны, только почему-то забыли упомянуть об этом ему самому.

Вылезшая полностью Тень, продолжая вопить, умчалась к своим сородичам, которые один за другим закричали все вместе, создавая такой шум, что, казалось, вот-вот рухнет потолок, похоронив их всех под обломками. Тело человека обмякло, и Оливер наконец смог спихнуть его с себя, однако это все равно не имело смысла. Стена темнее черного устремилась на него, стремясь смести его всей своей неудержимой мощью мрака.

Свет оказался столь ярким, словно источником его было само Солнце, неожиданно возникшее в темном подвале. Заслонив глаза руками, Оливер лишь слышал, как крики Теней удаляются все дальше и дальше. Кто-то подбежал к нему, поднял и куда-то понес, унося прочь прямо со смертного одра. Только сейчас он развел руки и открыл глаза, однако ничего не увидел, кроме белого света, переливающегося разноцветными полосами, вспышками и бесформенными точками.

— Мои друзья. — Он не узнавал собственный голос. — Там мои друзья. — В голове все еще гудело от воплей десятков Теней, поэтому он даже не знал, говорит ли шепотом или же орет, что есть мочи, стараясь перекричать шум в ушах. По крайней мере, он надеялся, что второе. — Спасите их!

Глава 16: Изнутри

Глава 16: Изнутри

Оливер очнулся и ничего не увидел. Темнота, лишь в глазах яркие точки периодически вспыхивали и гасли, перемежаясь разными цветами. Он поднял руку, чтобы коснуться лица, но кто-то тут же перехватил ее.

— Глупый мальчишка. — Это была Афро. Голос ее звучал спокойно, но так напряженно, что едва не срывался на крик. — Ты понимаешь, что бы случилось, если бы мы не успели?

— Как вы меня нашли? — глупо спросил он.

— Какая тебе разница? Мы спасли твою тупую задницу, а ты, вместо благодарности, засыпаешь меня глупыми вопросами.

Ее голос звенел от сдерживаемого порыва накричать на него, хотя Оливер не понимал, как он мог засыпать ее всего одним вопросом. Ему действительно было интересно, ведь даже зная, что он отправился в гетто, шансов обнаружить его в здании, где на него впервые напали Тени, всего равно мало, да еще и догадаться заглянуть в подвал... У него имелось еще несколько вопросов, о том, что у него с глазами, потому что он уже окончательно пришел в себя и почувствовал, что они завязаны, а также что случилось с тем человеком, который минимум дважды спас ему жизнь, и главное — его друзья, однако он быстро понял, если на его вопросы и ответят, то не раньше, чем ответит он.

— Что случилось под землей? Расскажи все с самого начала.

И Оливер рассказал. О том, как он спустился в подвал дома, а потом и ниже, в катакомбы, как наткнулся на становище Теней, где было человек десять одержимых, в том числе и его друзья, как пытался убратся оттуда, но просчитался. Рассказал и том, как его спас тот человек с раненой рукой, которого впоследствии захватила Тень...

— Так, а вот отсюда поподробней, — попросила Афро, хотя просьба больше походила на приказ, коей, наверняка, и являлась. Оливеру не оставалось ничего другого, кроме как пересказать все до последней мелочи из того, что он помнил.

— Интересно, — задумчиво проговорила она.

— Что с моими друзьями? Вы их спасли?

Афро ответила не сразу:

— Твои друзья? Ах да. Нет, когда мы врубили ультрафиолетовые фонари, то Тени тут же смылись, мы успели перебить десятка два, что слишком ослабили от света, чтобы сбежать. Некоторые Охотники спустились вниз, в, как ты их назвал, катакомбы, но ничего особенного не обнаружили.

Оливер сжал кулаки, но тут же почувствовал острую боль. Он и забыл, что они сильно поранены о ржавую лестницу, теперь же их перевязали толстым слоем бинтов.

— А тот человек... он жив?

— Леброн Бертон? Он пришел в себя пару часов назад и теперь как ты пересказывает все, что с ним случилось.

— Он следил за мной. Кто он?

— Тебя это не касается. — К голосу Афро вновь примешалась нотка ледяной стали. — Если Камиогава позволит, вы с ним еще успеете поболтать и обменяться впечатлениями.

Парень вновь открыл рот, чтобы спросить по поводу повязки на глазах, но в этот момент он почувствовал, как Афро начала снимать ее, не особо аккуратно отдирая пластыри.

В комнате царил мрак, точнее, мраком это было для обычного человека, так как свет

оказался выключен. Оливер попытался проморгаться, но это все равно не избавило от летающих перед глазами точек.

— Это пройдет через пару дней. Ультрафиолетовыми фонарями, конечно, желательно вообще в глаза не светить, но это лучше, чем если бы тебя разорвали Тени, правда?

Оливер не мог не согласиться. Скосив глаза, он увидел, что на его носу тоже красуется повязка, а нога, израненная Тенями, покоится на возвышении.

— Нос не сломан, — пояснила Афро, — просто сильный ушиб, а вот с ногой серьезней. Довольно глубокие рваные раны, но уже все залатали, так что не парься. С боевым крещением тебя, — рассмеялась она. Оливер вроде как тоже усмехнулся. Он задумал рассмеяться, если выживет, пусть и не веселым смехом, но сейчас почему-то этого не хотелось. Наверно, тогдашние страх и адреналин чересчур взбаламутили его мысли. Сейчас ему вообще ничего не хотелось.

Дверь в палату неожиданно резко распахнулась, впуская внутрь яркий свет, от которого Оливеру пришлось закрыться руками.

— Закрой дверь! — рыкнула на входящего Афро.

Это был Крис, Крис Аквилани, если Оли правильно запомнил его имя. Во время вылазки на поиски Джона, он должен был сопровождать Оливера, но, судя по всему, особого удовольствия ему это не доставляло, а побег парня, наверняка, стал для него настоящим подарком. В руках он держал кинжал необычной формы.

— А, Афро, ты здесь?

— А ты кого хотел тут увидеть?

— Я зашел к... мальцу, поинтересоваться, как дела. Но раз уж ты тут, сообщаю, что мы уже поговорили с Камиогавой и...

— Не здесь, — перебила его девушка.

Выходя из палаты Оливера, Афро велела ему поспать, хотя сомневалась, что тот ее послушает. Крис по привычке заковырял под ногтями своим кинжалом. И откуда у него там постоянно грязь берется? Гадость.

— Ну, что там? — спросила она, не спеша ступая по коридору.

— Мы пересказали Камиогаве все, что видели, и что рассказал этот Бертон. И о... как ее там?

— Миранда, — вздохнула Афро.

— Да-да, вот о ней. Интересная у нее способность. А что там с этим... как его?

— Оливер, — еще более раздражительно напомнила она. — Его способность не менее интересная, если не сказать больше.

Она и правда так считала. Касанием рук выгнать из тела одержимого Тень! Это же перевернет все представление о вселении. Ведь до этого считалось, что если Тень вселилась в человека, то его уже невозможно спасти.

— Что за способность? Не, ну мне правда интересно. Он выжил в окружении Теней, значит это что-то не менее интересное, чем у этой... как ее там? Неважно.

— Так, мне надо в туалет, и зная тебя, ты и там меня достанешь, поэтому отвечу: он может касанием рук изгнать Тень из тела одержимого, при этом тот не умирает, можешь судить по Бертону. — Повернувшись к нему спиной, она зашла в женский туалет.

Умывшись и подправив макияж, она, как обычно это делала перед зеркалом, задрала лонгслив, чтобы взглянуть на свой живот. Она старалась это делать как можно чаще, чтобы белые пятна, покрывающие большую часть ее тела, не казались так быстро растущими. Из-за витилиго она не могла обнажить даже руки, нося и летом длинные рукава с перчатками. Благо

болезнь пока не достигла лица, а иначе ее бы больше не называли Афродитой.

Заправив лонгслив в джинсы, она открыла дверь и... Она даже не поняла, что произошло. У нее перед глазами мелькнуло лицо Криса, а потом острая боль поразила ее живот. Он затолкал ее обратно в туалет и бросил на пол, наклонившись, он вонзил в нее кинжал с волнистым клинком еще раз.

— Прости, Афро, у меня не было выбора, ты же понимаешь, — запричитал он, вытирая об ее одежду окровавленный нож, но осознав, что находится в туалете, поднялся и трясущимися руками домыл остатки крови в раковине. — Этот парень слишком опасен для Жнеца, я не могу позволить ему жить, и тебе тоже, раз уж ты меня видела. Какая у него удивительная способность, но она может все испортить. У меня нет выбора. Если бы мне тогда в подвале не помешали, я бы и эту... как ее там? Эту девку бы тоже... Черт!

Он выскочил за дверь и быстрым шагом направился к палате Оливера. Ему даже не нужно было прятать нож, потому что все привыкли, что он постоянно разгуливает с ним на виду. Афро скоро найдут, но к тому времени он уже разделается с пацаном и смоеется как можно дальше. Он бы разделался с ним раньше, в суете подвальной заварухи, но Жнец слишком любопытен, а потому для начала желал узнать, что же особенного в этой пятерке новичков, какими способностями они обладают. Крис теперь знал о двоих, и как минимум от одного из них он сейчас избавится. Мрачный Жнец будет доволен.

С этими мыслями он отворил дверь в палату парня, стараясь изобразить на лице непринужденную улыбку, но сколько не старался, выходил лишь хищный оскал.

***

Как только дверь за Афро закрылась, Оливер схватил стоящие у стены костыли и заковылял к двери. Он услышал удаляющиеся голоса и шаги Охотников. Приоткрыв дверь, он выглянул наружу. Свет больно ударил ему в глаза, но он готов был это вытерпеть. Коридор расходился в обе стороны, и парень выбрал сторону, противоположную той, где за углом скрылись Афро и Крис.

Афро велела ему отдыхать, причем таким тоном, словно даже не ожидая, что он может воспротивиться. Оливер же отдыхать не хотел, пусть ноет нога, пульсирует нос и горят руки, он сомневался, что несколько часов сна способны его исцелить. А он хотел найти того человека, что его спас. Леброн Бертон. Судя по словам Афро, он все же имеет какое-то отношение к организации, но явно при этом не является Охотником.

Коридоры, больше напоминающие лабиринт, как и все основное здание организации, вывели его к лестнице. Лифта поблизости не оказалось, и ему пришлось взбираться самостоятельно, медленно, чтобы не соскользнули, переставляя костыли. Дверь открывалась простым нажатием утопленной в стене кнопки.

Выйдя наружу, он обнаружил знакомый коридор. Слева находилась массивная железная дверь с камерой наверху, которая следила за всеми входящими, справа же располагалось две двери, хотя не такие серьезные. Одна вела в лабораторию доктора Джейсона, а вторая — в небольшое хранилище при ней. Вспомнив о докторе Скоте, Оливеру даже стало не по себе. Он наверняка уже узнал, что Оли стащил у него один из ножей. Теперь дорога в лабораторию ему заказана.

Доковыляв до своей комнаты, он довольно медленно сменил больничную белую одежду на привычную ему. Первым делом он решил узнать, что же все-таки произошло в подвале после того, как его оглушил рев десятков Теней и ослепил свет ультрафиолетовых фонарей. Недолго думая, он направился к двери комнаты Сьюзен. По идее, в это время она должна быть на

тренировке, но он не знал, с чего еще можно начать.

К его удивлению, дверь комнаты распахнулась практически сразу, как он постучал.

— Оли? — удивилась девушка. — Я думала, ты в больнице.

— Я был, — усмехнулся он, надеясь, что улыбка не вышла надменной.

— Ты сбежал?

— Ну, можно и так сказать.

Если можно было незаметно выбраться из подземной больницы, значит, в организации не такая уж жесткая охрана, как им внушали, а значит, отсюда и вовсе можно улизнуть на поверхность. Эту мысль он оставил при себе на случай, если его вновь решат держать взаперти, когда его друзья, которые были так близко, все еще в опасности. Теперь-то он знал, что мог их спасти, но с каждым днем шансов становилось все меньше, и если Камиогава и остальные этого не понимают...

Из задумчивости его вывела Сьюзен:

— Зачем ты сбежал? Тебе нужен отдых, так Афро сказала. У тебя серьезные ранения.

— Вот именно, а ты заставляешь меня стоять у порога на костылях. Тут же спохватившись, она пригласила его внутрь. Ее комната по форме не отличалась от комнаты Оливера, даже обставлена была практически так же, хотя почему-то все же ощущалась женская рука. Было намного чище и светлее, на стене висела картина с изображением вазы с белыми большими цветами, название которых Оливер не знал.

— Ты же знаешь, — сказал он, усаживаясь в кресло, — что у Охотников все быстрее заживает, чем у обычных людей.

— Но не за несколько же часов, — всплеснула она руками.

— Я к тому, что если я не под капельницей и не подключен к каким-нибудь аппаратам, значит, со мной все в порядке.

Конечно, он не мог ей признаться, что нога ужасно болит, а под бинтами на ладонях чешется так, что он вновь готов схватиться за ржавые ступени, чтобы избавиться от этого ощущения. С виду он казался вполне здоровым и бодрым.

— Скажешь тоже.

— Ты лучше расскажи, что случилось. Афро наотрез отказалась мне что-либо говорить, пока я не отдохну, а доказать, что я уже в норме, ей не так-то просто. На самом деле он не особо-то и старался, потому что спорить с женщиной, которая смотрит на тебя, как на нашкодившего котенка, себе дороже. Будь его нога цела, он бы не удивился, поставь она его в угол подумать о своем поведении.

— Ох, и влетит же тебе, когда она узнает, что ты вот так смылся. Да и мне заодно. Ладно, я расскажу, но после этого сразу же отправляйся обратно, вдруг твоя прогулка окажется никем не замеченной.

И она рассказала. Как оказалось, Сьюзен не выболтала, что Оливер собрался отправиться в гетто, искать своих друзей, сопровождающие их Охотники сами тут же до этого догадались, что, как оказалось, спасло ему и Бертону жизни. Отследить его не составило труда, потому что, Афро не хотела в этом признаваться, в некоторую одежду новичков были вшиты специальные микрочипы, по которым можно отследить передвижения тех, на ком они закреплены.

Охотники собирались перехватить Оливера еще на выходе из метро, но совсем не учли пробки, потому что не привыкли к ним, обычно работая ночью, когда на улицах кроме них можно встретить разве что редкие патрульные машины, не считая припаркованных. А еще пришлось потратить время, чтобы захватить ультрафиолетовые фонари и вызвать нескольких Охотников на подмогу. В общем, сигнал маяка прерывался дважды: когда Оли находился в метро и когда спустился в подвал. Благо, последний след привел Охотников к тому дому, где на

Оливера с друзьями в первый раз напали Тени, а по следам на снегу они догадались, что он спустился в подвал, однако не в одиночку.

Охотники побежали на шум и в конечном итоге нашли его и Бертона.

— Я слышала, что того человека, Бертона, захватила Тень, а ты ее прогнал. Получается, ты открыл свои способности? — спросила Сьюзен, закончив рассказ.

— Ну, похоже на то.

— Миранда тоже.

— Миранда? — Оливер удивился, потому что не представлял, как такое могло произойти, если она не сталкивалась с Тенями. Или сталкивалась?

— Да. Когда шум резко усилился, она и Мейсон рванули в подвал, я тоже хотела, но Афро схватила меня за руку и не пустила, а Везел лишь вздрогнул и отступил шага на два. В общем, как я слышала, к тому моменту, когда они добежали до вас, там оставалось Теней двадцать, и Мейсон сказал, что они как будто боялись к Миранде и вовсе приближаться, хотя у нее с собой даже оружия не было.

— Получается, ее способность заключается в том, что к ней бояться подходить Тени?

Оливер и сам променял бы свою способность на подобную. Или нет. С одной стороны, будь у него такая способность, Тени не были бы ему страшны, но если подумать, со своей нынешней способностью у него имеется огромный шанс спасти своих друзей. Но для этого их еще необходимо отыскать, ведь вряд ли после всего случившегося они хоть раз там еще объявятся, а катакомбы могут пролегать вообще под всем бором. Это как искать иголку в стоге сена, если бы иголка была живой и пряталась намеренно.

Однако Оливер еще задумался над тем, что Миранда побежала в подвал, зная, что может там умереть. Эта апатичная девушка с впалыми щеками и кругами под глазами, которая не может удержать в руках что-то тяжелее короткого дзюттэ, вдруг бросается в самую гущу боя? Это было трудно представить. И зачем? Явно не для того, чтобы сражаться с Тенями. И куда только смотрела Эвила?

— Если это все, что ты хотел узнать... — Она не успела договорить, когда за дверью послышались громкие шаги нескольких человек, явно торопившихся. Сьюзен уже открывала дверь, когда Оливер только поднялся на ноги, точнее, на костыли.

— Что там? — поинтересовался он, выходя в коридор вслед за ней.

— Что случилось? — спросила девушка у одного из Охотников, которым оказался Грассхopper. Он повернулся, чтобы отмахнуться от нее, но тут заметил Оливера.

— Оливер! — вскрикнул он. — Ты цел?!

— Да, — растеряно отозвался тот. — Что случилось, почему я должен быть не цел? — не считая тех ран, что уже были у него. Он заметил, что дверь его комнаты распахнута настежь и оттуда выходит человек с его больничной одеждой.

Взгляд Грасса вернулся к Сьюзен, и его лицо как будто резко осунулось и помрачнело.

— Сьюзен, — нерешительно заговорил он, пытаясь подобрать слова. — На Афро напали, сейчас за ее жизнь борются наши лучшие хирурги, но раны слишком серьезные...

Не успев даже дослушать, Сьюзен прижала руки ко рту, подавляя всхлипы. Слезы ручьем катились у нее по щекам. Не только Миранда сроднилась со своим наставником. Оливер знал, что родители Сьюзен не так давно погибли в аварии, а теперь и Афро, с которой она только-только начала сближаться, находится на грани смерти. Оливер хотел приобнять ее, чтобы хоть как-то утешить, но из-за костылей это выглядело бы слишком неловко, поэтому все, что ему оставалось, это попытаться подобрать ободряющие слова, хотя он по собственному опыту знал, что они сделают лишь хуже. Время лечит — это вряд ли. Точно не всегда, не всех, и уж определенно — не от всего. Куда уж там словам.

От нужды в бессмысленных утешениях Оливера спас Грасс:

— Сейчас не время сопли разводить, — сказал он твердо. — Оливер, почему ты здесь, а не в палате?

— Я... хотел встретиться с тем человеком, что спас меня в туннелях, — объяснил он.

— Тебя нельзя было покидать палату, но это, судя по всему, спасло тебе жизнь. Тот, кто это сделал, наступил в кровь и, видимо, не заметил этого, его след вел как раз к твоей палате.

Оливер разинул рот от удивления, почти так же, когда только услышал о случившемся. Его кто-то хотел убить. Но зачем? И кто мог, не страшась свидетелей, проникнуть на базу «Тенелова», где может находиться несколько десятков Охотников?

Мысль возникла так быстро и была столь очевидна, что он чуть не сплюнул от досады, что она не вспыхнула яркой звездой в первую же секунду, как Грасс сказал об Афро:

— Вы его поймали? — выпалил Оливер.

— Знать бы еще, кто это...

— Аквилани! Крис Аквилани заходил ко мне, когда там была Афро, и у него в руке был нож.

На лице Грассхопера на секунду появилась смесь удивления и как будто досады, но дальнейший рассказ Оливера о том, что эти двое ушли вместе, он уже не слушал, отдавая приказы пришедшим с ним людям схватить Аквилани во что бы то ни стало. Те тут же выбежали вон, на ходу связываясь по рациям с остальными.

— Он мне никогда не нравился, — покачал головой Охотник, скривив губы. Оливер был с ним солидарен.

— А вы с ними не пойдете? — спросил Оливер.

— Их там и без меня полно, вам сейчас лучше одним не оставаться.

Грассхopper попросил их со Сьюзен вернуться в комнату и вошел сам, закрывая за собой дверь на щеколду. Если кто-то захочет войти, это не останется незамеченным.

— Может, мне тогда в свою комнату вернуться? — предложил Оли. — Если они, кто бы это ни был, охотятся за мной...

— Сомневаюсь, — перебил его Охотник, — что они охотятся лишь за тобой, просто сейчас ты стал для них самой легкой мишенью.

Оливер это понимал. Помимо того, что он едва может ступить на раненую ногу, его кисти перебинтованы так, что любой меч, который он возьмет в руки, просто вылетит при первом же взмахе. Посмотрев на ладони, он увидел, что повязки, до этого белые, порозовели от крови, но говорить об этом вслух не стал, сейчас есть проблемы поважнее.

— Если не только за мной, то за кем? — спросил он, но тут же догадался. Лекарства, которыми его напичкали, явно влияли на его способность думать.

— Верно, — кивнул Грассхopper, прочитав в глазах Оли осознание.

— Но... А где остальные? — спохватился он.

— Не волнуйся, я уже за ними отправил, им ничего не грозит.

Пусть в этом и заверяет Охотник, но сам он этого знать не мог, а если все же что-то знал и понимал, так это явное преувеличение собственного заявления. На Оливера напали не где-нибудь, а в цитадели всех Охотников, при этом серьезно ранив одного из них. И ни кто-нибудь, а другой Тенелов. И ведь он это сделал не из-за Тени, поселившейся в нем, а по собственному желанию, вполне осознавая свои действия, что еще больше ставило Оли в тупик. Если, конечно, нападавшим был Крис. Ну какой убийца разгуливает с ножом у всех на виду?

Грассхopper отказался отвечать на вопросы, заявив, что их это не касается. Всех новичков хотят убить, как это может их не касаться?! Охотник лишь сказал, что если потребуется, им все объяснит сама Камиогава.

Оливеру оставалось лишь гадать, связано ли это как-то с его посещением катакомб и тем человеком, что его спас, и которого, судя по всему, он спас в ответ. Но главное, связано ли это с похищением Джона и попытками его найти? Неужели в этом могут быть замешаны сами Охотники? Оливер никогда не питал иллюзий по поводу непогрешимости организации, но о подобном и помыслить не мог.

Минут через двадцать в дверь осторожно постучали. К этому времени Сьюзен уже практически успокоилась, прильнув к Оливеру и лишь изредка всхлипывая. Он слегка приобнял ее, стараясь не запачкать одежду девушки кровью с ладоней.

Услышав стук, Сьюзен подскочила от неожиданности, вперев взор в дверь, словно боясь, что она вот-вот слетит с петель, и в комнату ворвутся убийцы. Вместе с этим она как будто только сейчас осознала, что последние двадцать минут прижималась к Оливеру, словно кошка, что заставило ее заалеть, придав щекам оттенок ее заплаканных глаз. Она тут же осеклась, сейчас не время думать о чем-то подобном. На этот раз щеки покраснели от смущения. Оливер, казалось, ничего этого не заметил, не отрывая взгляда от двери и стискивая рукой костыль, единственное, что он сейчас мог использовать в качестве оружия. Он надеялся, что после происшествия ему разрешат носить с собой хотя бы нож. Такой же, что спас его в подвале.

Несмотря на свой внушительный рост, пусть и лишенный крупного телосложения, Грассхopper двигался на удивление плавно. Он медленно поднялся с кресла, в котором до этого сидел боком к выходу, и направился к двери, запустив руку под легкую куртку. Оливер не знал, каким оружием он пользуется, но это явно что-то небольшое, хотя сам он представлял Охотника с чем-то под стать его росту, вроде копья или гуандао.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, — отозвался безмянный голос из-за двери, хотя Грасс, судя по всему, узнал его, потому что тут же расслабился, хотя руку из-под куртки убирать не стал.

За дверью оказался один из тех, кому Охотник отдавал приказы. Когда тот вошел, Грассхopper выглянул за дверь и осмотрел широкий коридор, но ничего особого не заметив, закрыл ее и вновь запер на щеколду.

— Что там? — спросил он, возвращаясь в комнату.

— Он смылся раньше, чем мы успели передать указания на пост. Охранники говорят, что он уехал на своей машине, при этом явно спешил, потому что не стал дожидаться, когда ворота откроются полностью, из-за чего лишился бокового зеркала.

Оливер досадливо поморщился. Еще полминуты и он бы никуда не делся. А все потому, что самому Оли слишком поздно пришла в голову мысль о Крисе Аквилани, хотя взаимосвязь между его появлением в палате и ранением Афро казалась очевидней некуда. «Если бы только я сразу сказал...»

— Не кори себя, парень, — опустил Грассхopper руку на плечо Оливера, тем самым давая понять, что последнюю фразу он сказал вслух. Или он просто понял, о чем тот думает по выражению лица. — Ты не мог знать, что подобное может случиться.

— А кто мог?

Грассхopper поджал губы и нахмурился, отводя взгляд, но ничего не ответил, вновь обратившись к охраннику:

— Что с остальными?

— Они уже у себя в комнатах, за ними присматривают их наставники, а снаружи дежурят наши люди.

Грасс медленно кивнул, словно параллельно обдумывая, хватит ли этого, и могут ли среди охранников быть те, кто с Крисом заодно. Оливер очень надеялся, что этого быть не может, хотя понимал, что Грассхopper и, судя по всему, другие Охотники, что-то скрывают от него и

остальных учеников. Подобная мысль не раз приходила парню в голову за все время обучения, но лишь сейчас он убедился в этом окончательно. Похищение Джона тоже является частью всего этого.

Оливер хотел знать все, хотел, чтобы его полностью подключили к творящемуся вокруг, потому что это так или иначе касается и его самого. С каждым днем он все глубже погружается в эту трясину вместе с остальными, вот только остальные знают, что это за трясина и пытаются найти выход, а глаза Оливера туго завязаны непроницаемой повязкой, и все, что ему остается, — надеяться на других. Попытка спасти своих друзей была попыткой показать, что и он на что-то годится, но теперь он боялся, что после столь очевидного провала, помимо глаз, ему заткнут еще и уши, а руки свяжут за спиной. Оли решил этого не допустить.

Выйти из комнаты разрешили лишь через полчаса, когда был обыскан каждый самый темный уголок массивного здания организации, хотя многие не видели в этом особого смысла. Крис Аквилани скрылся в неизвестном направлении, и сейчас его по всему городу ищут Охотники и другие члены организации, что, казалось бы, не так уж и сложно, с учетом того, что действует комендантский час, и людей на улице нет. Других же предполагаемых убийц найти просто невозможно: каждый Тенелов может оказаться потенциальным предателем.

На следующую ночь Оливера и остальных вызвали к Камиогаве, и те отправились в сопровождении самых проверенных охранников и Охотников, среди которых были и наставники, не считая Афро и, конечно же, Джона.

Просторное помещение офиса оказалось забито, как и всегда ночью, но на сей раз Оливер и остальные уловили нечто, чего до этого не было: нотку серьезности. На этот раз никто не стоял у кулера и не шатался празднично меж перегородок, в надежде завести разговор и подслушать местные сплетни. Все работали, все искали Криса, отслеживая его через городские камеры, пока Охотники бродят по темным улицам, готовые сорваться по первому же звонку в указанную точку. Ни Оли, ни остальные новички не знали, что в ночь резни и после атмосфера представляла еще более накаленной.

Несмотря на то, что все охранники оставались снаружи, в просторном кабинете Камиогавы было не протолкнуться. Оливер никогда не видел столько Охотников в одном месте, даже в том ресторане, где их находилось предостаточно. Все они были разодеты точно так же, как и тогда, хотя, конечно же, добавились и новые экземпляры, не менее экстравагантные. Оли вспомнились слова Джона о цирке уродов, с которыми он был согласен, однако сейчас они таковыми ему не казались. Даже если их и можно было назвать уродами или фриками, то из цирка они превратились в настоящий боевой отряд.

Толпа стояла полукругом, дугой окружив стол Камиогавы, словно ее стальной взор не позволял никому подойти ближе, чем она того желал. Однако кое-кто все же был исключением. В этом человеке Оливер узнал Бертон.

— Все собрались? — раздался чересчур низкий для женщины голос главы бруклинского филиала организации «Тенелов».

— Все, кто смог явиться, как и просили, — послышался незнакомый Оливеру голос откуда-то справа. Он не видел этого человека за черной стеной, но, судя по голосу, решил, что ему далеко за сорок. — Остальным передадут.

— Хорошо, — ответила Камиогава таким тоном, словно ничего не хорошо. — Полагаю, — начала она, — все слышали о похищении одного из Охотников почти десять дней назад, Джона Сэндмена, также известного как Синигами. Однако мало кто из вас знает, кто это сделал. Этот человек называет себя Мрачным Жнецом, и именно он устроил ночь резни.

В толпе поднялся гвалт, не слабее, чем обычно стоит в офисе. На тех лицах, что не были покрыты масками, теперь оказалась маска гнева и непонимания. Оливер переглянулся со

Сьюзен и остальными, но те, судя по всему, тоже не знали, о какой ночи резни идет речь. Оли даже сначала подумал, что говорят о нем и его друзьях, но быстро понял, что это не так; всем было на это плевать.

Камиогава подняла руку, и шум почти сразу утих.

— Также, — продолжила она, — почти все уже слышали, что вчера случилось с Афро Афродитой. Это совершил Крис Аквилани — он приспешник Жнеца. — Новый взрыв гвалта вновь был прерван главой филиала: — А тот, кто участвовал в похищении Синигами — Блэкснейк, настоящее имя которой — Фолла Фридж. Так как она предала организацию, мне не нужно ее разрешения, чтобы раскрыть настоящее имя.

Шум множества голосов возобновился вновь. Оливер, как и остальные новички, мало что понимал из происходящего. О Мрачно Жнеце, конечно, они слышали впервой, но были рады, что им, наконец, раскрыли лицо истинного врага, потому что до этого они знали лишь о похищении Джона, гадая, кому это могло прийти в голову. Больше всего Оливера удивило то, что остальные Охотники тоже не слышали об этом человеке, однако Камиогава раскрыла и эту тайну:

— Мы скрывали информацию от большинства из вас из-за возможности, что остальные сторонники Жнеца начнут вести себя более скрытно, зная, что об их существовании стало известно. Однако, основываясь на... столь грубой попытке убить Охотников прямо в здании организации, можно судить о том, что Жнец уже наслышан о наших манипуляциях, а потому скрывать его существование не имеет более смысла.

Некоторые из вас подверглись сканированию мозга без объяснения причин. Что ж, теперь оно у вас есть — мы пытались выявить приспешников Жнеца.

— Выявили? — спросил кто-то из толпы.

— На данный момент мы обнаружили пятерых предателей, но все они мелкая сошка, от которых нам не удалось узнать ничего интересного.

— Получается, — раздался другой голос, — мы даже не знаем, где находится этот Жнец?

— Кое-что мы все же знаем. Но об этом расскажет другой человек. Оливер, выйди сюда.

Оливер даже вздрогнул от неожиданности, когда прозвучало его имя. Он думал, что будет просто слушателем, а потому никак не ожидал, что ему предложат — попросят — быть оратором, и просьба эта, как и все, что озвучивала Камиогава, не имела отрицательного ответа.

Оли вышел из толпы и встал рядом с Бертоном, с которым хотел встретиться, однако не при подобных обстоятельствах и сглазу на глаз. Сейчас он чувствовал одну лишь неловкость, на него никогда не смотрело столько глаз одновременно, глаз, ждущих от него что-то важное.

— Расскажи подробно о том, что с тобой произошло в подвале, и о том, что ты видел, — попросила Камиогава.

Оливер, сглотив, неуверенно начал пересказ всего, что с ним произошло позапрошлым днем. О своем побеге, о том, что лишь хотел найти своих друзей, о встрече с Тенями глубоко под землей, в темных катакомбах, а главное — о людях, одержимых Тенями, среди которых были и его друзья. Также он сказал, что если бы не Бертон, то точно не выбрался бы оттуда живым, и это было самым близким к той благодарности, что он хотел выразить частному детективу.

Больше всего всех взволновали слова о том, что Оли смог изгнать Тень из частного детектива простым касанием рук, при этом тот, как можно заметить, остался жив и, более того, все его увечья зажили, даже от довольной серьезной раны на плече остался лишь небольшой шрам.

— Мистер Бертон, — вновь заговорила Камиогава, когда Оливер закончил рассказ, — а теперь поведайте вы, что случилось после того, как в вас вселилась Тень.

— Ну, — начал он, — на самом деле, я плохо помню этот момент. Все как будто в тумане. Было такое ощущение, словно мою личность вытеснили на задворки сознания, иногда я как будто видел, что происходит вокруг, и, несмотря на темноту, довольно отчетливо. Я не мог сконцентрироваться на чем-либо, казалось, что мысли превратились в желе, которые, каждый раз, когда я пытался собрать их вместе, проскальзывали сквозь пальцы...

— Мистер Бертон, ближе к делу, — прервала его Камиогава.

— А, да, конечно, — спохватился Леброн. — В общем, когда Оливер изгнал из меня эту Тень, я потерял сознание, но когда очнулся уже в больнице... В общем, я точно помню, что не спускался в катакомбы, однако в моей памяти появились, как бы это назвать, отголоски воспоминаний, но воспоминаний не моих.

— Как вы знаете, — вновь прервала его глава филиала, обращаясь к Охотникам, — нами проводились и проводятся эксперименты по изгнанию Теней из одержимых, и те, кому повезло прожить после этого дольше пары секунд, заявляли о том же самом, — у них появлялись воспоминания, которых до этого не было. Они помнили вещи, которые точно с ними не происходили.

Для Оливера это было открытием. Все, что только что было сказано. И по большей части это вселяло в него не просто надежду, но уверенность, — его друзей можно спасти. И они осознают, что с ними происходит, или, хотя бы, близки к этому. Если это так, то они ждут спасения, и коли организация вновь откажет в попытке помочь им, Оливер собирался сбежать, и на этот раз не просто броситься в омут очертя голову, а сделать все возможное, чтобы ему помог хоть кто-нибудь. Если для этого нужно раскрыть правду о Тенях и Охотниках, он без зазрения совести собирался это сделать.

С разрешения Камиогавы, Бертон продолжил:

— В общем, весь вчерашний день я пытался осознать хоть что-нибудь, относящееся к воспоминаниям Тени, находившейся во мне. И кое-что я все же узнал. В тех катакомбах сотни и сотни Теней, а главное, — там десятки людей, одержимых этими Тенями...

— И еще кое-что, — подняла Камиогава к небу палец. — Все вы знаете, что иногда появляются одержимые, чьи люди-сосуды занимают высокое положение, и эти одержимые скупают золото и серебро буквально по крупичкам, только чтобы они не достались нам. До этого мы не знали, куда они прячут металлы, но теперь, благодаря мистеру Бертону, нам стало известно, что все это находится в катакомбах под городом. И нам необходимо их добыть, а заодно сократить поголовье Теней, которые могут стать для нас серьезной угрозой, если Жнец вдруг вновь задумает использовать их для очередной ночи резни. Также мы считаем, что где-то в катакомбах может находиться незапечатанная нами Дыра, и это самая большая опасность.

— Ровно через два дня, — заговорила громче Камиогава приказным тоном, — почти все Охотники и элитные бойцы, способные сражаться, отправятся в катакомбы, и не вернуться, пока не найдут запрятанное там золото и серебро, а также Дыру, если, конечно, она там действительно есть.

Оливер, как и остальные новички, не был полноценным Охотником, а потому не мог отправиться вместе со всеми. С одной стороны, это было для него разочарованием, ибо он хотел найти друзей и спасти их, и чем быстрее, тем лучше, но с другой — возвращаться в тот ад, даже в сопровождении профессиональных Охотников, ему совсем не хотелось. Ну а еще его раны на ноге до сих пор не зажили, хотя он и без них оказался бы лишь бесполезным грузом. Тем больше он удивился следующим словам Камиогавы:

— Все новички отправятся тоже.

— Они? — ухмыльнулся один из Охотников. — Они же даже настоящего оружия в руках не держали.

— Зато некоторые из них встречались с Тенями и смогли довольно неплохо им противостоять, и это при условии, что у них вообще не было никакого оружия. — Оливер хотел возразить, ведь у него тогда имелся нож, но Камиогава даже и не подумала позволить кому-либо себя прерывать: — Это может послужить для них прекрасной практикой и пробудить силу у тех, кто ее еще не пробудил. Тем более что их будете сопровождать вы, Охотники, а также элитные бойцы из числа обычных людей.

Это был сокрушительный удар по самолюбию Тенеловов. Редкий Охотник признается в своей слабости перед лицом опасности, особенно если она исходит от Теней — заклятых врагов любого человека, будь он хоть Сапиенс, хоть Эребус. Мало в какой семье в мире никто не умер из-за Великой Мировой Катастрофы.

— Мы не можем сражаться с Тенями и одновременно защищать мальков, — все же подал кто-то голос из толпы.

— Сражаться с Тенями — ваша второстепенная задача, даже третьестепенная, я бы сказала. Главное — найти Дыру и золото с серебром. Возьмете с собой ультрафиолетовые фонари, и Тени сами будут разбегаться, а ослабленных вы будете добивать, а еще лучше — позвольте это сделать новичками; чем быстрее они пробудят силы и перестанут бояться подходить к Теням, тем лучше для всех нас. Тем более среди них есть та, к кому отродья ночи боятся подходить и без всяких фонарей с амбисидианами. Если нет вопросов — свободны. Ровно через два дня, готовьтесь.

Толпа Охотников, то и дело шепотом переговаривающихся между собой, медленно стала покидать кабинет. Два дня было дано им на подготовку и осмысление всего услышанного. Оливеру почему-то казалось, что этого времени недостаточно.

Когда почти все вышли, в кабинете остались двое охранников у двери, Оливер с компанией новичков и их наставниками, еще пара Охотников, Леброн и мужчина около пятидесяти лет с проседью в волосах. Камиогава, казалось, ничуть не удивилась.

— Ты уверена, что поступаешь правильно, отправляя этих детей на столь опасное задание? Глава филиала внимательно взглянула на разношерстную компанию и ответила:

— Лучшего шанса может не представиться. Им необходима встреча с Тенями для пробуждения.

— Но я уже встречался с ними, если не сказать больше, — подал голос Оливер, подхрамывая ближе. — И Миранда тоже. Камиогава посмотрела на него так, что он сразу пожалел, что подошел ближе, или вообще не вышел за толстую дверь.

— То есть теперь ты хочешь убежать, поджав хвост? — серьезно спросила Камиогава.

— Успокойся, Кагесура, не наседай так на парня, он недавно пережил довольно серьезную трепку.

— А кто в этом виноват, Роберт? Первоначально он вообще хотел отправиться туда вместе с остальными новичками, когда они и на десять процентов не готовы. Он пришел и попросил отправить их на поиски его друзей! Никого не спросил, сам решил. А когда я отправила его на задание, успешность которого куда более вероятна, он сбежал и полез в осиное гнездо, едва не погубив себя и все, что мы... Если бы не удача в лице мистера Бертонна, его бы уже доедали Тени.

Оливер никогда не ощущал такого стыда. Его прилюдно, можно сказать, высекли словесно в самой жестокой форме. Хуже всего было то, что он получил за дело, и знал об этом, но все равно считал несправедливым столь негативное к нему отношение. Эта Камиогава сама не желала пускать его на поиски друзей, из-за чего Оли и отважился отправиться без спроса, и именно это его решение привело к тому, что в Бертонна вселилась Тень, благодаря чему тот узнал некоторые важные тайны ночных тварей.

Оливер не удержался и высказал последнюю мысль вслух, чувствуя в собственном голосе какую-то детскую обиду, но не в состоянии ничего с этим поделать.

— Случайность — не твоя заслуга, — осадил его глава филиала. — Тебе повезло, что он пришел на помощь, тебе повезло, что тебя не разорвали раньше, повезло, что ты пробудил свою способность, и она оказалась именно такой. Мистеру Бертону тоже повезло, что он остался жив, но везение бы ему не понадобилось, не отправься он за тобой. Хотя на эту тему мы уже поговорили с мистером частным детективом. — Камиогава перевела взгляд на Леброна, и тот потупил взор, облизнув губы. Оливер посчитал, что ему досталось не меньше, хотя и не знал почему. По крайней мере, она высказывала ему с глазу на глаз.

— Роберт, — обратилась глава филиала к мужчине с проседью, — я не просила тебя остаться, ты что-то хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что ты делаешь ошибку, посылая в катакомбы неподготовленных детей, пусть и в сопровождении Охотников. Хочешь устроить им встречу с Тенями, в закромах организации их десятки, подготовь условия для безопасной встречи, и пусть сразятся на нашей территории и на наших условиях.

— В темных переулках правит мрак, Роберт, ты должен понимать это лучше меня. Если они будут сражаться лишь со слабым противником там, где им ничего не грозит, то они ничему не научатся.

— Но...

— Все, Роберт! — твердо перебила его женщина. — Ты сам отказался занять это кресло, теперь либо выполняй приказы... либо уходи на пенсию.

Бобби сжал кулаки и челюсти, чтобы не пустить их в ход. Нет, не чтобы кого-то ударить или, уж тем более, укусить, а чтобы не разбить костяшки о дубовый стол и не наговорить лишнего. До «комнаты отдыха» было далеко, а свой лимит срывов он уже израсходовал, сорвавшись на Машери, которую в тот же день похитил Жнец. Он не хотел, чтобы его тогдашние слова ей стали последними. Он потерял уже многих, не сказав им последнего слова, которого они заслуживали, и теперь не желал потерять еще хотя бы одного.

Всех Охотников, даже тех, что были старше него, пусть таких и немного, он воспринимал как своих детей, даже не ожидая взаимности, а тех, по сути, еще мальчиков и девочек, стоящих перед ним, он мог воспринимать не иначе как внуками, которых желал узнать поближе. Ну, кроме самого старшего, Везела, который, судя по криво открытому рту, мало понимал, что вообще происходит. В семье не без уroda.

— Как думаешь, почему я дала на подготовку два дня, а не приказала приступить к миссии немедленно? — прервала затянувшуюся паузу Камиогава. Бобби вопросительно посмотрел на нее. — Чтобы раны Оливера более-менее затянулись. Он на удивление быстро восстанавливается, и уже через два дня сможет ходить без костылей. Мы больше не можем мешкать.

— Если с ними что-нибудь случится... — Бобби, не договорив фразу, вышел из кабинета, но, хотя Оливер и ожидал, не хлопнув дверью.

— Ну а вам чего надо? — обратилась Камиогава к новичкам.

Оливер посмотрел на остальных, остальные смотрели на него. Роль главного он не выбирал, за него это сделали другие, а он не любил, когда решали за него, решали не правильно. За него решили, что он должен стать Охотником, даровав ложный выбор, потом решили, что он должен идти туда, куда не хотел, а не туда, куда должен, и теперь это повторяется вновь. «Да, я совершал ошибки, но это мои ошибки за мои решения, но их бы не было, если бы мне кто-нибудь помог, когда я просил об этом». Будь он главным, он мог просто приказать, но главным не в этой пятерке неумех, к коим относил и себя. В чем смысл власти, если есть кто-то, у кого ее больше?

— В общем, мы... — он взглянул на остальных новичков, — ...я согласен со словами человека, который сейчас вышел. От нас в катакомбах будет мало толку.

— Вы получите все необходимое вооружение. Настоящие ножи, мечи и остальное оружие, с которым тренировались последние две недели. На вас будет больше золота и серебра, чем у священника самой богатой церкви, вы будете как пламя костра для мошек: притягательны, но смертельно опасны для тех, кто окажется слишком близко. Если это все, вы свободны.

— А Джон?.. — начал Оливер.

— Не тебе говорить о Джоне, — прервала его Камиогава. — Если это все, вы свободны, — повторила она с нажимом.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как закрыть рот и молча выйти вон. Наставники сказали возвращаться в свои комнаты, к которым их проводят охранники, точнее, элитные бойцы, как их назвала глава филиала.

Через два дня Оливеру предстояло вернуться в те темные и затхлые катакомбы. Он туда совсем не рвался, но приказ есть приказ. Супергерои не выполняют ни чьих приказов, если сами того не желают, но он не супергерой, простой служащий в огромной организации. Огромной, как океан, а он маленькая рыбешка, на которую даже акулы не обратят внимание. Но когда он сбежал, все сразу засуетились. Возможно, акулы ждут, когда рыбешка как следует подрастет, чтобы затем насытить ей свои желудки.

***

— Вы уверены, что поступаете правильно? — спросил Бертон, когда все Охотники, собранные для спецзадания ушли готовиться.

— В чем именно?

— Во всем. Я же говорил вам, что воспоминания Тени о золоте и серебре в катакомбах неточны. Я разобрал лишь мысли о блестящем и опасном, которое в темноте больше не блестит, но при этом не становится менее смертоносным. У этого парня, Оливера, был нож из амбисидиана, возможно, мысли Тени относились именно к этому. Слишком опасно отправлять Охотников в столь опасное место, даже не убедившись, что там что-то действительно есть.

— И как же вы собираетесь в этом убедиться?

Бертон растерялся. Он думал об этом, но так ни к чему конкретному и не пришел. Огромное количество золота и серебра — заманчивый куш, но многие Охотники и, тем более, элитные бойцы могут лишиться жизни не за что. Его больше всего волновали люди, в том числе и друзья Оливера, захваченные Тенями. Их можно спасти точно так же, как парень спас Леброн, вот только Охотники не вызывали в нем доверие; они берут с собой оружие, которое можно использовать и против людей. Конечно, Камиогава уверила его, что всех встреченных одержимых изловят, причиняя им как можно меньше вреда, но кто знает, чем для них является минимум максимального вреда.

— Нам просто нужно отвлечь их, пока мы выполняем настоящее задание, — сказала Камиогава, выводя Бертон из дум. — Главное, чтобы вы были уверены насчет тех воспоминаний, иначе все это не имеет смысла. Если мы, как говорят, облагаемся, у нас появятся большие проблемы. Не больше, чем Жнец, конечно, но они будут нас отвлекать от по-настоящему важных дел.

— Я уверен не меньше, чем была уверена Тень, сидевшая во мне. Воспоминаниям от семи до девяти дней, так что они давно уже могли перебраться в другое место.

— Вряд ли. Лучшего места для базы трудно придумать: на самом виду, но невидимы. Идите готовиться, — сказала Камиогава после короткой паузы, — через два дня мы атакуем базу

Жнеца, где держат Джона.

Глава 17: Преддверие

Два дня на подготовку. Оливер провел их в больнице. Стационар больше походил на тюрьму, а его палата — на одиночную камеру; ни окон, ни уютной кровати, а за дверью дежурят целых четыре охранника из числа элитных бойцов — ни один Охотник не возьмется за подобную работку. Единственная побрякушка — телевизор, который притащили специально для него, однако ни спутникового, ни кабельного телевидения, как, в общем-то, и интернета, которым новичкам все же разрешили пользоваться, хотя и отслеживали все действия.

Приходилось смотреть старые фильмы на DVD и Blu-ray. Оливер не жаловался, потому что у самого у него дома стоял лишь старенький телевизор, а антенна ловила далеко не все каналы, из-за чего приходилось смотреть всякие дурацкие ток-шоу и дешевые мыльные оперы, где все жаловались на жизнь, имея при этом нормальный дом или квартиру, семью, работу, автомобиль и чистые улицы за окном, когда как сам Оливер жил в едва не разваливавшейся халупе, наполовину построенной из мусора.

Через тонкую трубку в организм поставлялись различные жидкости, призванные ускорить восстановление. Повязки на ноге меняли каждые двенадцать часов, попутно обрабатывая рану специальными растворами. То же самое делали и с ладонями, хотя там раны оказались не столь страшны, пусть и навсегда изменяли его линию судьбы.

Два дня валяния на кровати и просмотра фильмов для многих является настоящей мечтой, но Оливер считал, что провести время за тренировками куда полезней. Всего две недели назад подобные мысли его бы рассмешили, но сейчас он даже втянулся. Мышцы больше не ныли от каждодневных тренировок, а легкие не горели. Теперь он мог постоять за себя в любой ситуации. Намного лучше, чем пить с друзьями в заброшенных домах.

Его мысли о друзьях — о них он думал каждый день и старался не винить себя за все случившееся — не успели даже сформироваться как следует, когда дверь в палату распахнулась и внутрь вошел его лечащий врач. Он как обычно спросил о состоянии пациента, а Оливер как обычно ответил, что все нормально, и не соврал. На этот раз вместе с доктором пришел еще один человек. Оли видел его на собрании два дня назад и хорошо запомнил, потому что тот единственный из всех присутствующих носил юбку, точнее, килт. Зеленый в клеточку он свисал чуть ниже колен, покрывал живот и пересекал грудь. Оливеру подобная одежда не казалась удобной, но, видимо, этот шотландец считал иначе.

— Меня зовут Клайд Сдейл, — представился здоровяк, тряхнув зачем-то рукой, мол, так получилось, ничего не поделаешь. Несмотря на размеры, он казался весьма подвижным и активно жестикулировал, хотя и слегка стесненно, словно не зная, куда деть руки.

— Я — Оливер.

— Да-да, я знаю. Меня попросили прийти за тобой, пора выдвигаться. Сейчас врач сменит повязки, — он указал рукой на доктора, словно показывая собеседнику, о ком он говорит, — и посмотрим, сможешь ли ты двигаться самостоятельно или тебе понадобится помощь.

Оливер не знал, о какой помощи идет речь. Камиогава, судя по всему, твердо намеревалась отправить Оли в катакомбы, то ли надеясь, что он вновь проявит свою способность, то ли просто в наказание за все его слова и поступки. Сам парень считал, что более чем достаточно поплатился за свои ошибки, хотя до сих пор упорно считал, что вина лежит не только на нем.

Все эти два дня он провел в кровати, приподнимаясь только чтобы воспользоваться лежащей под ней уткой, хотя до туалета было шагов пять. Ему строго-настрого запретили напрягать ногу, не позволяя использовать даже костыли. Но теперь, если он все же не сможет более-менее нормально ходить, без них ему не обойтись. Единственной альтернативной было,

чтобы его тащили на руках, но он лучше поползет, чем позволит кому-то нести его, словно свадебную невесту.

Доктор снял повязки и осмотрел рану, затем удовлетворительно кивнул сам себе и достал мази. Обильно смазав всю рану, он вновь плотно перебинтовал ногу. Оливер уже было захотел слезть с кровати и, наконец, ступить на долгожданную землю, но врач остановил его, сказав, что еще не закончил.

— Я сейчас наложу термопластиковый гипс из турбокаста.

— Гипс? Но у меня же ничего не сломано.

— Он сожмет ногу и не позволит швам разойтись даже при интенсивных движениях, хотя их, разумеется, все же лучше избегать. Гипс даже можно мочить.

Современные медицинские технологии продвинулись довольно далеко, что было связано в первую очередь как раз с Катастрофой. Погибло более пятисот миллионов человек, а раненых оказалось еще больше. Чтобы ускорить исцеление пациентов, изобрели множество способов проведения различных операций, от скорейшего заживления порезов и ушибов до пересадки потерянных конечностей. Некоторые же способы были лишь на бумаге и в головах энтузиастов, и Катастрофа оказалась достаточным поводом, чтобы попытаться воплотить их в жизнь. Те, что показали себя с лучшей стороны, стали использовать повсеместно и улучшать, на случай, если подобный кошмар повторится вновь.

Вся процедура заняла от силы минут десять. Теперь ногу Оливера покрывал телесного цвета гипс, похожий на гольф, покрытый множеством отверстий, словно порами, чтобы кожа могла дышать. Гипс был смоделирован так, чтобы ступня могла без труда двигаться, позволяя ходить практически без хромоты. Оливер тут же опробовал свой новый атрибут и остался доволен, почти не чувствуя дискомфорта, не считая легкого давления на сжатую материалом ногу.

Помимо прочего, врач вколол пациенту легкое обезболивающее и дал упаковку таблеток, также обладающих подобным эффектом.

— Честно говоря, я бы не советовал их принимать, — сказал он, — особенно в ближайшие часы после укола, но мне было велено их передать на всякий случай. Не знаю, какой такой может произойти случай, чтобы было необходимо ими воспользоваться. В любом случае, таблетки довольно сильные, поэтому принимать их стоит только в крайнем случае, а не если заболит голова или занозится пальчик.

Повязки на руках тоже сменили. Раны на ладонях от ржавой лестницы все еще оставались, но уже не причиняли такой боли, как раньше, лишь чесались. Доктор, опять же, по совету свыше, выдал Оливеру специальные кожаные митенки, позволяющие уберечь руки и перевязку от повреждений. Оливер подумал, что они не помешали бы ему в тот день, когда его дернул черт лезть в эти катакомбы.

Когда Оливер с Клайдом поднялись на поверхность, все уже собрались в полной боевой готовности. Там были и остальные новички, в темной одежде Охотников. Самому Оли выдали теплые черные штаны и плотную кожаную куртку с множеством карманов и ремешков и специальными ремнями за спиной, в которые можно было вложить ножны. Сами ножны вместе с мечом, а также несколько ножей, ему выдала лично Камиогава. Это был первый раз, когда Оливер видел ее вне кабинета. Она была совсем невысокой, но манера держаться делала ее выше всех присутствующих.

— Надеюсь, они тебе не понадобятся, — сказала она, передавая парню оружие. — Держись поближе к Охотникам, а в случае чего — беги, не оглядываясь. Не нужно строить из себя героя, как в прошлый раз, и лезть на рожон.

Оливер клятвенно заверил, что будет тише воды. Он не врал, Тени и до этого пугали его до

чертиков, а теперь и вовсе стали для него ужасом, он даже удивлялся, что ему не снятся кошмары, как после первой встречи.

Меч из амбисидиана оказался тяжеловат, как и представлял себе Оли, но упражнения с тренировочным клинком, специально утяжеленным, не прошли даром. Оливер сразу заметил, что меч короче, чем у Джона: если у того была полноценная катана, то это, так называемая, — чиса-катана.

— До большого еще не дорос, — сказала Камиогава, увидев на лице Оли недоумение.

На этом разговор с главой филиала «Тенелова» и закончился. Оливер чувствовал себя неловко в окружении стольких Охотников и элитных бойцов, если бы не остальные новички, он бы и вовсе пропал. Из более-менее хорошо знакомых Тенеловов, в холле находилась одна лишь Эвила. Он хотел было спросить, где Грассхopper, но толпа двинулась, выталкивая за собой и Оливера.

Вот и все. Их посадили в микроавтобус с тонированными стеклами и повезли в гетто. Никаких воодушевляющих речей, никаких последних наставлений или простого махания ручкой на прощание. Есть приказ — его надо выполнять.

Оливер хотел чувствовать себя важным и нужным, но сейчас ощущал себя лишь маленьким механизмом в огромной боевой машине. Обычно говорят, что самые маленькие детали — самые важные, но ему казалось, что если он сломается, этого никто даже не заметит, а когда все же обратят внимание, то очень быстро заменят на другую такую же, еще и чертыхнувшись, что на такую чушь приходится тратить драгоценные секунды.

Но он был нужен. Не знал — зачем, но нужен, а иначе бы над ним, как и над другими новичками, так не корпели, тренируя в ускоренном темпе. Оливер не сомневался, что все это как-то связано с этим Мрачным Жнецов, в том числе и эта операция.

Ему почему-то казалось, что никакого золота, а тем более Дыры, в тех катакомбах нет и следа. Если все это проверка, я пройду ее, подумал Оливер. Я покажу все, на что способен, если даже для этого мне придется... Если ему скажут убить своих друзей, он сделает все возможное, чтобы их спасти, и если ему суждено умереть, он постарается забрать с собой как можно больше Охотников, и плевать, кто как к этому отнесется. Если же он выживет, то отправится к Жнецу и вступит в его ряды. Если его Тени захватили моих друзей, то он может приказать им и отпустить их. Мысли копошились в его голове, словно черви, достигая таких глубин его сознания, о которых Оливер и не догадывался.

***

Несколько микроавтобусов выехали со стоянки у здания организации и направились в сторону гетто. Бертону даже не верилось, что в Нью-Йорке вообще существует столько Охотников. Ему казалось, что их хватит максимум на две футбольные команды с несколькими сидящими на замене, но, как оказалось, с этим количеством можно было устроить целый чемпионат, и это при условии, что многие отправились своим ходом, не желая париться в душном автобусе вместе со всеми. Отдельными автобусами ехали элитные бойцы из состава простых людей, которых было не меньше, чем Охотников. Настоящая армия.

На задание отправились многие, но не все. Вместе с Бертоном осталось еще около дюжины Тенеловов. Когда последний микроавтобус скрылся за лесополосой, они вышли наружу. В этот раз Леброн не видел ни одного охранника, хотя в прошлый раз у входа в здание стояли двое. Это обуславливалось строжайшей секретностью.

Бертон был рад, что не отправился с большинством в темные катакомбы искать клады, попутно отбиваясь от Теней, но что-то ему подсказывало, что там, куда они собираются, ничуть

не лучше.

— Все готовы? — спросила Камиогава, даже не оборачиваясь на подходящих к ней со спины людей. Вопрос был риторическим, хотя Бертону очень хотелось на него ответить. Нет, я не готов! Иметь дел с Тенями он не желал, но выбора у него не было. Не пойдет добровольно — заставят, а когда уже придут на место, если захочет выжить, придется оставаться вместе со всеми, вот только без оружия.

Частному детективу выдали пистолет и несколько обойм с амбисидиановыми пулями, так как владеть холодным оружием он не умел. Наказали беречь патроны как свои зубы. Зубов ему лишаться не хотелось, но выжить все же важнее.

— Я готов, — все же отозвался один из голосов, идущий из-за спин остальных. Все, даже Камиогава, моментально обернулись.

— Роберт. Какого черта, мы ведь обо всем договорились.

— Я не могу сидеть сложа руки, пока все остальные заняты делом.

— Но...

— Обещаю, — перебил ее Бобби, и это был первый раз, когда Бертон увидел, как Камиогаву кто-то перебивает, и она при этом не превращает этого человека своим взглядом в ледышку, — я буду сдерживаться.

Леброн уже видел его раньше в кабинете главы филиала, и даже перебрался с ними парой фраз, но мало что о нем знал. Невысок, но крепок телосложением, на вид около пятидесяти лет. Бертон принял его за бывшего Охотника, но никогда не видел того в черных одеждах Тенелова и с оружием.

Теперь увидел. На нем был расстегнутый черный плащ чуть ниже колен, под которым оказалась теплая кофта в тон, за спиной настоящий рыцарский меч с длинной рукоятью. Он находился не в ножнах, а закреплялся специальными ремнями, так как клинок подобной длины просто не удалось бы вытащить из-за спины, если, конечно, у тебя руки не достают до колен.

— Ты слишком давно не брал в руки оружие, я не могу так рисковать.

— В том-то и дело, что давно, вряд ли смогу кому навредить, если... И чем тут рисковать? — он усмехнулся, показав на себя. — Охотник, не приносящий добычи. Если кем и рисковать, так только мной. Нет! Молчи. Я собираюсь спасти своего ученика, и тебе меня не остановить.

Он ее так уговорил. Каменное лицо Камиогавы было так напряжено, что Бертону казалось, оно вот-вот треснет, и из трещин польется лава. Но этого не случилось. Ничего не говоря, женщина, немногим младше Роберта, вернулась в здание, стуча по камням каблуками так, словно не являлась им родней.

Ехать пришлось долго. Намного дольше, чем до гетто. Бертон гадал, чем сейчас заняты остальные, встретились ли они уже с Тенями, нашли ли золото с серебром, которых, скорее всего, там и не было никогда. «Если же золото и серебро там все же есть, то его явно меньше, чем на мне», — подумал он. Амбисидиановые кольца, цепочки на шее, браслеты на руках и ногах, даже на зубах сияла специальная вставка, которая почти не мешала, хотя Бертон то и дело ловил себя на том, что трогает ее языком. Встреть он сейчас цыган или священников, они оторвали бы ему роки и ноги, чтобы поскорее добраться до драгоценностей.

— О чем задумался? — спросил у него Бобби.

— А? Да так.

— Не бойсь, просто проведешь нас по тому лабиринту и все, остальное за нами.

— Я уже говорил, что воспоминания сумбурны, вряд ли я буду полезен.

— Поэтому и взяли с собой, может, на месте ты вспомнишь больше. Бертон в этом

сомневался.

Они выехали почти в ту же минуту, как наступил комендантский час, а к мосту подъехали уже за полночь. Ночью не было пробок, однако, чтобы добраться до нужного места, необходимо было сделать немаленький крюк. И вот, они на подъезде к мосту на остров Эллис. Бертон оказался здесь впервые, и все ему казалось странным. Остров был маленьким, а чуть дальше, на расстоянии километра или около того, располагался еще более мелкий кусок земли — остров Свободы. С этого ракурса статуя, подсвеченная огнями прожекторов, казалось микроскопической фигуркой, повернутой ко всем задом.

— За нами следили, — сказал Грассхopper. Некоторые из Охотников согласно закивали. Бертон ничего такого не заметил, хотя улицы были пусты, и не заметить слежки для бывшего полицейского было сложно. Частный детектив все же как-то умудрился.

Первым из микроавтобуса вылез сам Грасс, уверенным шагом направившись к автомобилю, стоявшему метрах в двухстах за кустами и деревьями. Бертон понял, почему ничего не заметил, — он не мог видеть в темноте. Досадное упущение, зато теперь это больше можно не считать ошибкой, если, конечно, быть обычным человеком — не ошибка.

Леброн пошел вслед за Охотником, доставая на ходу пистолет и снимая его с предохранителя. Они еще даже не спустились в подземелья, а уже приходится доставать оружие. Хотя у Грассхopperа в руках ничего не было, как заметил частный детектив.

До автомобиля оставалось шагов пятьдесят, когда дверца распахнулась и наружу вышла молодая девушка со светлыми волосами.

— Хелин?! — в голос воскликнули Грассхopper и Бертон и удивленно переглянулись. Ночь обещала быть долгой.

***

Катакомбы остались такими же, какими их запомнил Оливер, и не следа произошедшего здесь несколько дней назад. Единственное веское отличие заключалось в количестве народа. Вся огромная кирпичная труба была забита Охотниками, многие из которых держали в руках ультрафиолетовые фонари дальнего действия, отчего в некогда темном подземелье стало светло как днем.

Оливер старался, чтобы свет не попадал в глаза, которые, хоть уже и перестали чесаться, иногда слезились, когда слишком ярко.

У многих с собой, помимо основного, было еще два небольших фонарика и запасная батарея; рюкзаки с небольшим количеством припасов отягощали спину — никто не знал, сколько здесь придется пробыть. Камиогава приказала не возвращаться, пока они не найдут хоть что-то, и Оливер сомневался, что она преувеличивала.

— Не уходите далеко от сопровождающих, — сказал ему и остальным Клайд Сдейл. Он был все в том же килте, но помимо него, на поясе висел еще и меч клеймор, за рукоять которого тот то и дело хватался.

Всю толпу разделили надвое, и одна половина двинулась в том направлении, куда в прошлый раз отправился Оливер, а вторая — в противоположную. В первой оказались и Мейсон с Везелом, когда как Оли остался с девушками.

— А нам обязательно разделяться? — спросил Оли, оглядываясь на удаляющихся других новичков. На самом деле ему не особо хотелось находиться рядом с ними, особенно с Везелом, но в знакомой компании он чувствовал себя уверенней.

— Если будете постоянно вместе, ничему не научитесь.

Значит, придется расстаться с остальными двумя. Оливеру не понравилась эта мысль. Он подсознательно хотел защитить девочек, хоть и знал, что настоящие Охотники сделают это намного лучше него, но ему почему-то казалось, что им до этого куда меньше дела. Случись заварушка, о них даже и не вспомнят. А еще, если кто-то натолкнется на его друзей, то он не сможет остановить Охотников, чтобы те их не убили.

Наконец они дошли до перекрестка. Точнее, здесь пересекалось три туннеля, один вел чуть левее, а второй резко уходил направо. Слева же находилась та самая ниша с высоким потолком, где в прошлый раз Оливер натолкнулся на Теней и своих друзей. Сейчас там было пусто, лишь слышался неприятный запах.

Здесь группа вновь разделилась. Сьюзен с Мирандой в составе первой отправились направо, а Оливер со второй — налево. Никто не знал, что ждет их впереди, но каждый был готов к самому худшему. Группа Оливера состояла из сорока-сорока пяти человек, но после первого впечатления ему казалось, что их слишком мало. Попадись им на пути те Тени, что чуть не задрали Оли до смерти, им не останется ничего иного, кроме как отпугнуть их фонарями. А если их станет пятеро? Было сомнительно, что пять фонарей отгонят сотню тварей.

— Все нормально? — спросил Клайд.

— Просто волнуюсь за друзей, — сразу ответил Оливер, сам не зная, кого имеет в виду. Теперь у него было на одного друга больше, на двух, если считать Миранду, но она такая молчаливая и отрешенная, что невозможно понять, считает ли она его другом. Мейсона и Везела друзьями Оливеру считать не хотелось. Не обязательно же дружить с теми, с кем учишься или работаешь?

Клайд, судя по всему, решил, что Оливер говорит именно о Геке, Джо и Беке. Его радовало, что хоть кто-то о них помнит. Пусть миссия и заключалась в ином, но если они еще и друзей его спасут, это будет лучшим его днем за последние несколько месяцев. Таковым должен был стать его день рождения, но в тот раз все пошло наперекосяк, сделав тот день худшим из всех.

— Мы их спасем, если найдем, — сказал Клайд. — Чем быстрее отыщем золото с серебром, тем больше у нас будет времени на их поиски. Честно говоря, мало кто верит, что их еще можно спасти, поэтому энтузиазмом не блещут, но зная о твоей способности, они хотя бы попытаются.

Несколько человек несли за спиной, помимо рюкзака, еще и пушки с металлическими сетями, частично покрытыми амбисидианом. Оливер предложил какие-нибудь транквилизаторы, но они, как оказалось, не действуют на Теней и одержимых ими людей.

У Оливера не было с собой часов, но прошло не больше получаса, когда они наткнулись на еще одну развилку, а спустя час его группа уперлась в тупик. Если тупиком можно было назвать обвалившийся туннель. Кирпичи, камни и земля представляли собой непреодолимый затор, словно бляшка в сосудах. Катакомбы были довольно высокими, и подобный обвал должен был сопровождаться провалом и на поверхности.

— Вероятно, часть туннеля обвалилась после Катастрофы, — сказал кто-то.

— Странно, что он вообще весь не рухнул.

— Кажется, там есть небольшой зазор, — крикнул один из членов элитных бойцов, подошедших поближе к затору.

— Можно пролезть? — поинтересовался другой.

— Тень точно сможет.

Если драгоценные металлы и существуют, они вполне могут находиться по ту сторону. Там же может находиться и смерть. Так или иначе, этого не узнаешь, потому что Теней в их команде нет, а значит, пролезть некому, а лопаты с собой вряд ли кто захватил.

— Думаю, туда смог бы пролезть кто-нибудь очень худой, — сказал боец, вернувшись к остальным. Все посмотрели на Оливера. Он хотел сказать, что ни за что туда не полезет, но его

опередил Клайд:

— Вы рехнулись? — рявкнул он. — Нам приказано беречь его, словно зеницу ока, плюс он ранен, — Клайд показал на ногу. — Кому надо, пусть туда и лезет.

— И все же нам придется проверить. Если Камиогава узнает, что мы не проверили потенциальное место, где может быть золото, она спустит с нас шкуры и заставит тут все перерыть голыми руками, и только потом, может быть, вернет нам наши шкуры обратно.

Все хмыкнули, но без восторга. Оливер полагал, что примерно так все и будет, вернуться уж точно придется, а Оли зарекся спускаться сюда еще хоть раз, теперь даже в метро он всегда будет озираться по сторонам.

В конце концов, самый худой нашелся среди элитных бойцов. Он заявил, что знает еще более тощего сослуживца, и остальные это подтвердили, вот только он остался в другой группе, а возвращаться слишком долго.

Раздевшись до трусов и майки, боец взял с собой лишь нож из амбисидиана и маленький фонарик и полез вверх по обвалу. На улице было довольно прохладно, а на земле лежал скрипучий снег, из-за чего город походил на пейзаж в стеклянном шаре, здесь же тоже не было жарко, лишь слегка душновато, но даже без верхней одежды можно было чувствовать себя более-менее комфортно, если, конечно, не злоупотреблять.

Добравшись до самого верха, боец посвятил в зазор, но, видимо, ничего не разглядев, полез вглубь, разгребая землю перед собой и отбрасывая попадавшиеся камни и кирпичи за спину. Через несколько секунд он скрылся внутри полностью.

Прошла минута, потом пять, но ничего не происходило. Когда прошло десять минут, один из бойцов уже начал раздеваться, чтобы отправиться следом за сослуживцем, когда первый, наконец, показался из дыры. Он был весь грязи с головы до ног, майка изодрана.

— Ты чего так долго? — спросил один из бойцов.

— Да так, — ответил он.

— В нем Тень! — хором выкрикнуло несколько Охотников, вместе с ними и Оливер.

Несколько людей выругались и направили на одержимого оружие. Остальные засветили ему в глаза ультрафиолетовыми фонарями, отчего тот чертыхнулся и прикрылся руками.

— Вы чего?! Это я. Все со мной в порядке.

Однако это было не так. Оливер помнил то же самое отрешенное выражение на лице Гека, когда тот вышел из темного проема двери, помнил его бледность. Слова бойца тоже звучали как-то отрешенно.

— Стойте, не стреляйте! — крикнул один из Охотников. — Поймите его!

Вперед сразу вышел человек с пушкой с сеткой. Одержимый боец, едва поняв, что планируется, вдруг резко сорвался с места и помчался по насыпи обратно вверх. Он успел добраться лишь до середины, когда его опутала прочная сеть. Запутавшись в ней, он с криком скатился вниз.

— Держите его! — крикнул тот же Охотник, что приказал его схватить. Охотники и элитные бойцы накинулись на одержимого всем скопом, хватая его за ноги и за руки, но, несмотря на видимую щуплость, удержать его оказалось не так уж легко. Он дергался, выгибал спину и даже плевался, пытаясь вырваться из хватки. Чтобы вытащить амбисидиановые наручники, просто не было времени.

— Чего ты стоишь? — прикрикнул на Оливера Тенелов. — Сделай хоть что-нибудь полезное, если действительно можешь избавить его от Тени.

Оливера словно током ударило. От всего происходящего он даже забыл о своей способности. Спohватившись, он тут же подбежал к одержимому, однако с трудом представлял, что делать дальше. В прошлый раз он смог изгнать Тень по чистой случайности, просто боролся

за свою жизнь, теперь же ему предстояло осуществить подобного без внешнего стимула. Конечно, спасти человеку жизнь — тот еще стимул, но все же любой нормальный человек сначала предпочтет спасти жизнь себе. А ведь Оливер говорил Камиогаве, что не готов.

Подойдя ближе, он сел на колени и сглотнул. В прошлый раз он касался головы, поэтому не решился сейчас экспериментировать; вдруг возможность изгнать из человека Тень зависит от длительности его одержимости?

Ухватившись за голову бойца обеими руками, отчего тот чуть его не укусил, он сосредоточился на мысли, что должен избавить тело от приникшего в него существа. Первые несколько секунд как будто ничего не происходило, однако по легкому ропоту окружающих стало понятно, что это не так. Одержимый продолжал брыкаться, но уже не так отчаянно, спина, выгнувшись в дугу, таковой и оставалась, а глаза, широко распахнутые, смотрели в никуда.

Рот бойца открылся, словно в немом крике, и спустя секунду оттуда начала вылезать тьма. Сначала показалась голова (если это можно было так назвать), а затем и лапы. Когда снаружи оказалась пасть, все услышали пронзительный крик существа. Оливеру хотелось отдернуть руки, но он не смел, понимая, что если сделает это, то вся его работа пойдет насмарку.

Тени не являлись крупными существами, но даже навскидку, никто не поверит, что она может забраться человеку в глотку, не разорвав его изнутри. Но так и было. Вырвавшись наружу, ночная тварь со всей мочи рванула к зазору, но не успела проделать и четверть пути, когда ее изрешетили из автоматов с амбисидиановыми пулями.

— Не стрелять! — крикнул кто-то. — Берегите патроны.

От Тени не осталось и следа. После смерти они растворяются в воздухе, будто становясь частью тьмы. Именно поэтому ученым из организации приходится держать этих тварей живыми. До сих пор никто не знает, есть ли у этих тварей внутренности; они ведь питаются — преимущественно человечинной.

Проверив пульс у бойца, один из Охотников заявил, что он жив, просто без сознания. То же самое было и с Бертоном, только Оливер не знал, как долго тот провалялся в отключке.

После короткого совещания было решено вынести бойца наружу, а остальным продолжать поиски. Вероятно, за этим обвалом ничего и не было, не считая единственной потерявшейся Тени, а может, там именно то, за чем они и явились. Так или иначе, рисковать бессмысленно, необходимо перегруппироваться. Похоже, сюда все же придется вернуться, но уже с лопатами.

Связь так глубоко под землей не работает, поэтому не было никакой возможности узнать о судьбах остальных групп.

Вернувшись к последнему раздвоению туннелю, группа Оливера остановилась, не зная, куда отправиться дальше. Бывшего одержимого бойца отправили в сопровождении еще трех бойцов и одного Охотника к выходу, остальные остались на месте.

— Наши пошли туда, — сказал один из Охотников, указывая вглубь туннеля. — Пойдем за ними. Это лучший вариант.

— Мне кажется, пока лучше оставаться здесь. А если там еще одно распутье? Они могли решить выбрать, например, два пути из трех, а если мы вновь разделимся и не встретим остальных, нас станет слишком мало, это опасно.

— Чего там опасного? Мы лишь одну Тень встретили, — сказал другой, махнув рукой.

— Оливер видел здесь сотни Теней...

— У страха глаза велики, — перебил его Охотник.

Оливер решил, что его мнение никого особо не интересует. Он, конечно, тогда знатно испугался, но знал, что видел. Возможно, их не было несколько сотен, но даже сто Теней — это

очень много. Больше, чем ему хотелось бы когда-либо увидеть.

Охотники ссорились, решая, что делать дальше. Одни предлагали разделить, другие желали оставаться на месте и ждать, возможно, что и остальные туннели завалены точно так же. Сам Оливер не знал, что делать, ему вообще хотелось выбраться на поверхность, он даже в какой-то мере завидовал тому бойцу, что выволокли отсюда, словно мешок картошки.

Ему вдруг показалось, что он что-то услышал, какой-то знакомый звук, доносящийся из того тоннеля, куда ушла другая часть группы. Звук повторился.

— Вы слышали? — спросил он, но занятые глупым спорам профессионалы не обратили на него никакого внимания. — Эй! — никакой реакции. — А ну заткнулись все нахрен! — рявкнул он. Все тут же умолкли, выпучив на него глаза. Оливеру было одновременно стыдно и радостно. Если бы он знал, что чтобы его услышали, нужно орать и браниться, он бы поступил так с самого начала. Сейчас он не имел никакого веса, его считали мальчишкой, даже не приблизившимся к званию Охотника, он был инструментом, вроде гвоздодера, только вместо гвоздей, он вырывал Теней; способность полезная, но для Охотников абсолютно ненужная.

— Вы ничего не слышите? — сказал он, стараясь говорить так, словно ничего и не было. Ему не хотелось больше повторять столь сомнительный подвиг. Зато все прислушались, чего он и добивался, теперь оставалось надеяться, что это было не зря, а иначе он будет готов провалиться сквозь землю от стыда. Еще глубже, чем он сейчас.

— Выстрелы? — предположил кто-то. Все тут же зашевелилось. Один из Охотников рванул вперед, прихватив с собой несколько человек. Оливер с остальными остались на месте, на всякий случай проверив автоматы и пистолеты. Самому Оли подобного оружия не доверили. Из пистолетов и автоматов он стрелял всего пару раз, так как большая часть времени уходила на тренировку с мечом.

— Хороший слух, — похлопал его по плечу Клайд. Наконец оглянувшись и решившись поднять глаза, Оливер неожиданно для себя увидел во взгляде остальных не упрек или обвинение, а самое настоящее одобрение. Он не смог сдержать довольной улыбки. — Только в следующий раз постарайся не ругаться.

Улыбка растаяла. Он понимал, что несколько перегнул палку, но просто не знал, как еще привлечь к себе внимание тех, кто сам привык привлекать его к себе.

Спустя несколько минут из глубины туннеля показался свет фонаря, который нес приближающийся человек. Это оказался один из убежавших бойцов.

Остановившись, он быстро отдышался и отрапортовал:

— Там Тени. Сотни. — Он посмотрел на Оливера. — Остальные их сдерживают с помощью фонарей, периодически подстреливая прорвавшихся. Нам приказано отступить.

— Отступить? Куда отступить?

— Не знаю, возможно, лучше отправиться в другой туннель и присоединиться к остальной группе.

— Не знаю как вы, а я собираюсь отправиться на подмогу, — твердо сказал Клайд, доставая из ножен на поясе сверкающий желтизной меч.

— Мне почему-то кажется, что это нам не помешает подмога, — медленно проговорил Оливер. Он сказал это не громко, но теперь никто не ругался, а потому его услышали все, молча проследив за его взглядом.

Он смотрел на туннель, на тот самый, откуда они вышли несколько минут назад. Сначала он думал, что ему просто показалось. Стало как будто темнее, но это могло казаться и из-за фонарей, слепящих глаза, но направив туда свой и включив его на полную мощность, Оли понял, что это совсем не игра разума.

Оливера захлестнула волна дежавю. Если прошлый раз показался ему просто кошмарным

сном, то теперь он сбывался. Те же сотни Теней облепляли пол, стены и круглый свод туннеля, неумолимо надвигаясь, словно волна черной смерти.

Почти все Охотники и бойцы выругались так, как Оливер никогда не слышал, направив фонари и автоматы в сторону адской массы.

— Отправляйся назад, — сказал Охотник прибежавшему бойцу, который теперь стоял, словно примерзший к земле, — и передай остальным, что если они отступают, то пусть делают это быстрее. Беги! — Тенелов говорил это спокойно, словно отдавал не очень важное распоряжение, выполнять которое можно не спешить, но в конце ему пришлось как следует рывкнуть, чтобы элитный боец, наконец, растопил сковавший его лед. Он рванул так быстро, что секунд через десять уже даже не было слышно звука его ударяющихся о бетонный пол сапог.

— И что нам делать? — нерешительно спросил кто-то из толпы. Оливер не знал, был ли это Охотник или один из оставшихся элитных бойцов, но голос его подрагивал не хуже, чем ноги у парня.

— Держаться, — ответил Клайд, выходя вперед и меняя свой меч на автомат. В нынешней ситуации лучше обойтись без лишнего пафоса. Хотя бы в действиях. — Если мы проиграем и отступим, наших ребят зажмут в тиски, — он привычно для себя сиволапо махнул рукой в сторону коридора справа, словно показывая, о каких ребятах говорит, — и перебьют их всех. Не позволим этому произойти!

Оливер сам не понял, как оказался за спинами остальных. Сейчас от него не было абсолютно никакого проку. Единственное, что он мог, — светить фонарем на темных тварей, надеясь, что их страх перед светом сильнее, чем жажда его плоти.

***

Джон сбился со счета, сколько дней он уже провел прикованным к кресту. Мефисто вначале считал, но и ему вскоре это наскучило. Около двух недель, хотя по ощущениям как минимум вдвое больше. Жнец, судя по всему, вообще забыл, зачем держит его здесь, а если и помнит, то явно отчаялся добиться от него хоть чего-нибудь. Тогда возникает резонный вопрос: почему он его все еще не убил? Потому что есть вещи похуже смерти, мелькнуло в голове у Джона. Вот только он не понимал, чем таким смог насолить Жнецу, что заслужил все это.

— Он псих, разве нужны еще какие-нибудь причины? — Как-то сказал Мефисто. — Нет, в его словах, конечно, если доля истины и здравого смысла, но вот разум его и вправду не здоров.

— Здравый смысл? — хмыкнул Джон, отчего незаживающая трещинка на пересохших губах вновь закровоточила. Жидкость в его организме исчезала быстрее, чем восполнялась водой, приносимой Шудом или Блэкснейк. Первый, к слову, все так же монотонно продолжал истязать жертву, тогда как Блэкснейк это наскучило, отчего от мелких издевок и длительных процедур эпиляции она перешла к простым побоям, принимая Джона за боксерскую грушу. Ее удары были не столь сильны, чтобы он не мог их выдержать, но после манипуляций Шуда, каждый удар отдавался по всему телу электрическим разрядом.

Он начал отчаиваться. С самого начала Джон запрограммировал себя не сдаваться ни в коем случае, держаться до последнего. Его ищут, это было очевидно, даже если организация и не знает о похищении, несколько человек точно заметят его отсутствие.

Больше всего Синигами волновался об Оливере. Что он подумал, когда пропал его наставник? О том, что его предали? Джону казалось, что он смысленный парнишка, и догадается, что что-то случилось. Главное, чтобы не наделал глупостей, как в свое время сам Охотник. Чувство мести до добра не доводит, а в купе с юношеским максимализмом — это ядерная смесь, взрывной волной задевающая всех вокруг, более всего — самого инициатора.

Джон и сам сомневался, что вырос достаточно, чтобы думать такие думы. Броситься очертя голову за женщиной, с которой переспал и которая его предала. Предала всех, даже саму себя. У него было время подумать, и главное, к чему он пришел, — ему еще расти и расти. Если, конечно, удастся пережить эту пытку.

Когда к нему в последний раз заходил Жнец, то сказал: «Смерть — это удобрение для жизни». Удивительно здравая мысль от сумасшедшего, и удивительно глупое ее истолкование для спасителя всея. Он полагал, что чтобы стать удобрением, необходимо умереть и превратиться в очередную ступеньку для следующего поколения, Джон же считал, что удобрения — это деяния человека, то, что он оставляет после себя. Сам Джон после себя оставил одно лишь дерьмо. Злая ирония.

— Кто-то идет, — подал голос Мефисто. В последнее время он говорил мало, хотя и были все основания, и при этом как-то невыразительно, словно ему наскучила вся та же нуарная обстановка инквизиционного средневековья. Если надоело даже галлюцинации, то чего уж говорить о живом человеке.

Когда деревянная дверь с полосами железа, прибитыми железными же заклепками распахнулась, Джон не поверил своим глазам. Он ожидал кого угодно, но только не их.

— Пора нам отсюда выбираться, друг, — проговорил своим знакомым басом Майлз. Выглядел он на удивление здоровым, особенно учитывая, что всего несколько дней назад пребывал в коме.

Вместе с ним находилась и Машери. Вот она действительно выглядела неважно: взлохмаченные волосы, бледность лица, подчеркивающая темные круги под глазами, и испуганный взгляд. Это точно была не спецгруппа по его освобождению. Джон ненавидел ее вторую личность, но сейчас предпочел бы именно ее серой мышке, которая вот-вот расплчется. И все же он был рад, что она жива.

— Что вы здесь делаете?

— У тебя, видать, уже мозг высох. Мы пришли тебя спасать.

— А Жнец?

— К черту Жнеца!

У Майлза не было ключей от оков Джона, поэтому он просто перекусил их большими кусачками, лежавшими на столе, которые, к счастью, не применялись к жертве. Такими кусачками можно разве что палец оттяпать, а Жнец приказал не калечить Джона, если с тех пор и передумал, то явно забыл сказать об этом его истязателям.

Когда Майлз сломал одну из железных оков на руке, Джон не смог удержаться на кресте, его ноги подогнулись, однако вторая рука все еще была закована, что было чревато переломом. Майлз вовремя подхватил друга, и, прижав его к кресту, откусил последнюю защелку, затем быстрыми движениями освободил ноги от толстых ремней. Отбросив кусачки, он поднял Джона.

— Ты явно убавил в весе, — хмыкнул Бальдер.

И в весе, и в силе. Все тело Джона ломило нещадно, ноги не гнулись, и казалось, что каждое движение растягивало кожу и остатки мышц под ними до предела, едва их не разрывая.

Джон с самого начала желал сбежать и продумывал пути отхода, но чем больше проходило дней, тем меньше у него оставалось надежды. В конце концов, он решил, что единственная разумная линия поведения — ждать спасения извне. Но и в этих его фантазиях он был во всеоружии и помогал прорываться вместе со всеми, однако иллюзия развеялась в ту же секунду, как его сняли с креста. В своем нынешнем состоянии он не то что не мог сражаться наравне с остальными, его вообще придется нести на руках, что и сделал Майлз, бесцеремонно перекинув Джона через плечо.

— Куда ты меня тащишь? — спросил Джон пересохшим языком. Могли хотя бы воды с собой захватить, точно не было бы лишним.

— Ну, точно мозги усохли. На выход.

— Охрана...

— Здесь из охраны одни лишь Тени, — перебил его Майлз. — Они... можно сказать, натасканы не трогать своих.

— Я не свой. — Джон старался говорить как можно меньше и медленнее, боясь, что язык, принявший свойство наждачной бумаги, может расцарапать небо в кровь.

— А я — да. Поэтому лучше помалкивай, черт знает, как они определяют своих и чужих. По пути к тебе мы встретили парочку, но на Машери они не отреагировали, и на тебя не должны.

Майлз осторожно ступал по темным коридорам из камня, так же создающим атмосферу средневековья, которой Джон уже пресытился на всю оставшуюся жизнь. Самого Джона Майлз нес на правом плече, а левой рукой держал Машери, ведя ее, словно маленькую девочку. Было удивительно, что он решил спасти ее после того, как она его чуть не убила в башне с часами. Да, там была другая ее личность, но кто возьмется за то, что она не выскочет вновь и не попытается довершить задуманное, наплевав на свободу, к которой ее вел Майлз Торсон. Тор. Бальдер.

Внезапно Майлз остановился, отчего Джон качнулся и ударился лицом о его могучую спину. Спустя мгновение послышался голос, который узник так боялся услышать.

— И что это все значит? — спокойно спросил Тамам Шуд. Джон ненавидел этот его безучастный тон.

— Уйди с дороги, Шуд, — пригрозил ему Майлз твердым голосом, от которого у многих пропадает желание с ним ссориться.

— Нет, — просто ответил тот.

— Да я тебя просто раздавлю, козьявка! — прикрикнул Тор, почти аккуратно сбрасывая Джона с плеча на пол около стены. На нем были надеты его излюбленные перчатки с шипами, но не из амбисидиана, и, судя по всему, наручи, которые сейчас скрывали длинные рукава одежды.

Джон оказался на полу и теперь могу разглядеть всю картину в целом. Рядом с Шудом сидела Тень, низко прижавшись к земле, что делало ее похожей на лягушку, готовую в любую секунду прыгнуть на жертву и разорвать ее когтями, похожими на когти игуаны, только еще более мощными. Джон на своей шкуре знал, чего стоит повернуться к такой твари спиной.

Майлз размял плечи, как разминал всегда перед серьезным боем. Для него этих движений было вполне достаточно, когда как сам Джон разминался перед выходом из дома не менее получаса. Сейчас же ему потребуется несколько дней, чтобы более-менее прийти в норму, и только лишь благодаря быстрому восстановлению тела Охотника.

Тамам Шуд стоял так же спокойно, как и разговаривал, словно насмехаясь над оппонентом. Джон надеялся, что тот не бросит в бой Тень, ибо без амбисидиана у них не было ни шанса. А еще он гадал, та ли эта Тень, что повстречалась Мейсону и Машери на дороге несколько минут назад. Это что же получается, она сообразила, что происходит, и убежала за подмогой? Как вообще тупую Тень возможно выдрессировать? Джон все больше убеждался в том, что в Мрачном Жнеце сидит Высшая Тень.

В прошлый раз такую удалось как-то победить, но это лишь потому, что она совсем недавно нашла носителя и не успела привыкнуть ни к новому телу, ни к новому миру. Теперь же, если подобная тварь сидит в Жнеце, она явно акклиматизировалась и приобрела невиданную мощь.

Майлз, закричав, бросился на Шуда, не обращая внимания на Тень подле него. Несмотря на

массу, он всегда был довольно проворен, но все же Джон видел небольшую скованность в его движении, однако не столь сильную, как в его недавней драке с Синигами.

Шуд практически без труда оказался за его спиной, но Майлз выкинул ногу, не позволяя тому приблизиться. Второй удар тоже прошел мимо, а следующий угодил в каменную стену и ободрал пару камней, осыпая пол мелкой дробью. Тор сам не понял, как описал круг оси на триста шестьдесят градусов. Шуд бабочкой порхал вокруг него, уклоняясь в самый последний момент, словно от порыва ветра, создаваемого кулаками гиганта.

Когда Майлз вновь повернулся к Джону лицом, тот вдруг увидел, что у друга идет кровь. Сначала он решил, что это открылись старые раны, вроде той, что ему нанесла Машери в живот или Джон, порезав ему руку, однако кровь явно нашла новые бреши.

Майлз сбавил обороты, прекратив бить по воздуху вокруг себя, остановился и Шуд. И только сейчас Джон заметил, что у мелкого садиста в руках что-то есть. Керамбиты. Ножи с небольшими загнутыми лезвиями, которые обычно держат обратным хватом, что и делал Шуд. Подобными короткими и загнутыми ножами трудно убить, а потому не применяются ни одним Охотником в организации, хотя у Грассхопера отдаленно похожее оружие, но он и не бывает в первых рядах.

Тамам Шуд успел нанести Майлзу не менее дюжины болезненных порезов по всему телу, но сам так и не получил ни единого удара, а, судя по разнице в комплекциях, его как раз таки и хватило бы для завершения боя. Однако Майлз и минуту назад ничего не мог сделать, а сейчас, сильно ослабнув, не имеет и шанса. «Если бы только я мог двигаться...», — подумал Джон, но не завершил мысли, ибо понятия не имел, что бы сделал. Даже будь он в лучшей форме, Шуд был слишком силен для честного боя один на один, а в замкнутом помещении лабиринта мечом не помашешь.

А еще эта чертова Тень. Джон был уверен, что если Шуд каким-то чудом проиграет, она тут же рванет за своими собратьями, или еще хуже, за Жнецом.

Майлз глубоко вдохнул и медленно выдохнул, готовясь к очередному бессмысленному броску на амбразуру, но тут Джон заметил краем глаза другое движение. Машери разбежалась и всем телом бросилась на Шуда, то ли пытаясь забраться ему на спину, то ли желая сбить с ног. Однако ни того, ни другого ей не удалось. Тамам, словно третьим глазом заметив угрозу со спины, резко развернулся и с силой впечатал девушку в стену, придавив ее шею предплечьем, а острие ножа приставил прямо к сонной артерии.

Майлз, помешкав лишь секунду, с ревом выбросил левую руку, целясь Шуду в голову. Тот, понимая, что не может одновременно защититься или уклониться и держать Машери, выпустил девушку из тисков и вдруг дернул ее другой, правой, рукой за волосы.

Удар пришелся прямо в скуловую кость. Раздался треск. Или это просто показалось. Голова Машери дернулась с такой силой, что, казалось, вот-вот слетит с плеч. Девушка обмякла, и Шуд просто отпустил ее, позволяя свободно рухнуть на землю.

Майлзу потребовалось время, чтобы понять, что он натворил. Джон все осознал намного раньше, закричав пересохшим ртом, отчего из горла раздался лишь едва слышимый сдавленный скрежет. Майлз же успел лишь открыть рот и перевести взгляд на Шуда, когда тот нанес ему точечный удар в висок. Джону сначала показалось, что он всадил ему клинок в голову по самую рукоять, но потом заметил, что Шуд успел сменить хват ножа и ударил навершием рукояти. Каким бы сильным не был человек, удар в висок уравнивает его со всеми остальными. Майлз рухнул бесполезной грудой возле тела любимой, которую убил собственными руками.

Месяц, находящийся в стадии убывания, лишь изредка пробивался сквозь вязкие тучи, обволакивающие небо. В любой другой ситуации Бертон подумал бы, что это дает неплохое преимущество, не позволяя заметить их противникам, однако в данном случае это было лишь минусом, так как все вокруг могли прекрасно видеть в темноте. Кроме самого Бертона.

А ведь это могли предусмотреть и дать ему, например, прибор ночного видения, пусть он и выглядел бы в нем как идиот. Зато тьма вокруг не была бы столь непроницаема. Сейчас он не особо видел преимущества во всех этих золотых бирюльках, навешанных на него, словно гирлянды на елку. Лишь пистолет под мышкой придавал какое-никакое чувство уверенности.

Бертон очень не хотел посреди ночи ехать спасать Джона из плена, тем более что даже будучи полицейским, ему никогда не приходилось иметь дел с захватом заложников, да даже если бы и пришлось, всю опасную работу в основном проделывает спецназ. А теперь он в первых рядах. Он ожидал увидеть Охотников-предателей, Теней, даже толпу народа с цветами и камерами, которые, смеясь и хлопая в ладоши, говорили бы ему, что все это был один большой дурацкий розыгрыш, но увидеть Хелин он не ожидал точно.

Леброн был взрослым человеком, а потому не считал зазорным обратиться за услугами профессиональной проститутки, или куртизанки, как они любили себя называть, тем более что это уже десять лет как совершенно легально. Хелин была одной из его любимых ночных бабочек, пусть они и работали лишь днем.

— Что ты здесь делаешь? — раздался за спиной мужчин голос. Это оказался Бобби. Заметив удивленные взгляды Бертона и Грассхопера, он тут же попытался объяснить: — Я знаю ее, потому что...

— Потому что я тоже обладаю способностями, — перебила Хелин его.

— Я знаю почти всех потенциальных Охотников в городе, — вновь заговорил Бобби. — И Хелин действительно одна из них, хотя уже много лет отказывается вступить в организацию. Ее способность была бы для нас очень полезной.

— Я не знал, — выдохнул Грасс. Бертон об Охотниках-то с Тенями узнал лишь неделю назад, так что у него и в мыслях не было, что кто-то из... его знакомых окажется кем-то из них. Он так долго ходил близ стеклянной стены, но видел лишь отражающийся в нем мир, не замечая того, что по ту сторону. И желал бы дальше ничего не замечать, однако уже поздно, разбитое стекло не восстановить по осколкам, многие из которых вонзились в плоть.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я хочу узнать правду. Что с моей сестрой, что с Джоном? Я пыталась выяснить это в организации, но я не Охотник, а потому мне ничего не сказали.

— У тебя есть сестра? — переспросил Грасс.

— Да. Она называет себя Блэкснейк.

Грасс просто выпал в осадок. Он бы быстрее поверил, что Бобби ее отец, чем то, что Блэкснейк родная сестра. С Охотницей он мало общался, зато периодически видел ее в баре и на темных улицах. Хелин была вся такая светлая и нежная, а Блэкснейк наоборот, щетинилась своей темной натурой девушки-гота. Было трудно представить, что эти две противоположности могли бы стать подругами, а тут оказывается, что они сестры.

— Ну, так что, вы объясните, что здесь происходит?

— Сначала расскажи, как ты узнала, что мы куда-то собираемся?

— Это моя вина, — поднял руку Грасс, поджав губы.

— Как это? — не понял Бобби.

Грассхонер несколько замялся, не зная, как начать, но тут вместо него заговорила Хелин:

— Он был у меня сегодня днем. Бобби перевел взгляд на Охотника.

— Ну, а что? Нам дали два дня на подготовку, а я уже тогда был готов, поэтому и решил

скоротать время.

Бертон чаще всего навещался в «Венерину мухоловку» по той же причине. Сидя без работы, мало способов интересно убить время. Однако цены на услуги в борделях совсем не маленькие, поэтому зачастую приходилось выбирать между вкусно поесть и приятно провести время в объятиях красотки.

— И заодно раскрыть наши планы секретного задания? — Бобби вперил взгляд в Грассхопера, и, несмотря на огромную разницу в росте, именно последний казался намного меньше.

— Не вини его, — вступилась Хелин. — Он-то не знал обо мне, а вот я прекрасно осведомлена, с кем сплю.

У Бертона неприятно засосало под ложечкой. Знала ли она, что спит с неудачником? И как сильно она презирала его за глаза? Леброн до этого даже и не мог подумать, что его будет волновать мнение какой-то там проститутки. Хотя нет, не какой-нибудь.

— Он лишь сказал, — продолжила девушка, — что этой ночью его ждет опасная работа, и он, возможно, даже не вернется с нее. Я сразу поняла, что это как-то связано с пропажей Джона и моей сестрой, о которой тот спрашивал.

Бертон только сейчас сообразил, что Джон тоже был клиентом Хелин. До этого он не хотел думать, что у нее бывают другие мужчины. И все же, она проделала весь этот путь ради Джона. И сестры, конечно. Хотя частный детектив не знал, ради кого больше.

Бобби хрюкнул и сплюнул, но тут вдруг вспомнил, что перед ним дама, и как-то смутился от собственного свинства, однако извиняться не стал, вместо этого он довольно твердо сказал:

— Ты не можешь пойти с нами. Тебе лучше отправиться домой, завтра я или кто-нибудь из организации придет к тебе и все объяснит.

— Я не могу ждать до завтра. Мне нужны ответы сейчас или я никуда не уйду. Я чувствую нависшую над вами большую опасность, а значит и тем, с кем вы собираетесь воевать, она тоже грозит. Среди них ведь и моя сестра, верно?

— Ты всегда была очень умна, — тепло улыбнулся Бобби, и это был первый раз, когда Бертон увидел его улыбку, — будь ты в организации... Что ж, ты еще и очень упряма. Есть один человек, — начал Охотник, — называющий себя Мрачным Жнецом. Он противостоит организации по пока неизвестным нам причинам, и переманивает на свою сторону Охотников. Раз ты имеешь дело с Тенеловами, то, вероятно, уже слышала о ночи резни. Так вот, ее устроил именно Жнец.

Хелин от потрясения не могла найти подходящих слов. Именно в ту ночь она предостерегла Джона об ожидающей его опасности, и тогда он чуть не умер. О ночи резни она узнала уже позже, но даже подумать не могла, что в ней замешан человек, специально натравивший Теней на Охотников. Ей трудно было представить столь безумного ублюдка.

— И Фолла, твоя сестра, на его стороне. Именно она похитила Джона.

У Хелин подогнулись ноги, но ее тут же подхватили с двух сторон сильные мужские руки, руки, что не раз гладили ее обнаженное тело, но лишь сейчас, будучи полностью одета, она вдруг почувствовала давящее на грудь чувство стыда.

— Этого не может быть, — проговорила она сдавленно.

— У нас есть видеозаписи с камер наблюдения.

Она еще минуту приходила в себя, прежде чем вновь смогла твердо встать на ноги и заговорить, едва сдерживая дрожь в голосе:

— Тогда я тем более должна отправиться с вами. Не перебивай, Бобби! Со мной вы сможете избежать большинства опасностей, и сестра меня не тронет. Я попытаюсь уговорить ее бросить эту дурацкую затею и сдать. Или даже перейти на нашу сторону и помочь спасти Джона. А

главное, я не позволю вам убить ее.

— У меня и в мыслях не было! — воскликнул Бобби, словно обиженный таким о себе мнением.

Тема была исчерпана. Охотники уже утомились ждать окончания спора, хотя и не пытались никого торопить. Бобби был назначен главным в этой операции, а Грассхоппер, если что, должен подменить его. Бертон чувствовал себя лишним в этой компании сверхлюдей, и даже проститутка, которой он много раз платил за секс, оказалась полезнее него.

Они быстро, но стараясь не шуметь, побежали по мосту вдоль поручней. По нему можно было проехать и на машине, но она слишком приметна и шумит. Бертон и Хелин бежали в самом конце в разных группах, рассредоточившихся на обеих сторонах моста. У Бертона имелся пистолет, а у Хелин ее способности, но он ни за что не променял бы первый на вторые, хотя от ночного зрения точно не отказался бы.

Добежав до самого конца, обе группы разместились у заснеженных кустов и редких деревьев, скрывающих их от возможных глаз. Мост оказался довольно длинным, а потому всем необходимо было перевести дыхание.

— Никого, — констатировал Грасс. — Куда дальше?

— Понятия не имею, — отозвался Бертон.

— Ты же говорил, что знаешь!

— Я знаю, что они под землей, но где спуск — понятия не имею.

Грасс недовольно выругался.

— Остров, может, и маленький, но для стога сена сойдет. Где нам искать этот чертов вход?

— Думаю, он там, — подала голос Хелин, указывая на дверь ближайшего здания.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда исходит самая большая опасность.

Выбора все равно не было, и, перебегая через небольшой двор по двое, вся группа перебралась к стенам постройки, выстроившись по обе стороны от двери вдоль стен. Хелин показала на дверь, а затем обхватила запястье левой руки указательным и большим пальцами правой. Бертон видел подобный знак у спецназа, но даже не помнил, знал ли когда-нибудь его значение, но главное, что знал Грасс. Он достал из-под плаща два небольших ножа с гнутыми клинками — кукри, и тихо просунул пальцы между железной дверью и стенкой, стараясь, чтобы ржавые петли не издавали звуков. Несколько раз он глубоко вздохнул, а затем с силой рванул дверь.

С другой стороны уже стоял человек, чтобы не позволить двери удариться о стену, что точно разбудит весь остров. За Грассом тут же вбежало еще несколько человек. Раздалась возня и несколько глухих звуков, в том числе и не самые приятные. Не прошло и десяти секунд, как Охотник вышел наружу с окровавленными ножами и позвал остальных.

Операция по устранению Жнеца и спасению Джона началась.

***

Оливер уже потратил все пули в пистолете, что ему все же доверили. Теней было больше, что патронов в оружии, и при этом в цель попадал едва ли каждый второй выстрел. Они катились плотными рядами, словно морская волна, и как волна, были неподвластны человеку. Тени словно предчувствовали, куда угодит пуля, и уходили с траектории ее полета. Единственное, что могло им помешать, — ультрафиолетовые фонари, но и они не были гарантом абсолютного успеха.

Они успели убить двоих, Охотника и элитного бойца, когда как их полегло уже несколько

десятков. Однако счет все же был не в пользу людей. В прошлый раз, когда Оливер ступил в катакомбы, фонари смогли подавить Теней и прогнать их, однако сейчас дело обстояло иначе. Они шли напролом, наплевав на собственные жизни, если их существование можно описать словом жизнь. Словно им кто-то приказывает, кто-то страшнее амбисидиановых пуль и мечей.

Как бы плохи не были дела группы Оливера, у тех, кто отправился в боковой коридор, все еще хуже. Они оказались зажаты с двух сторон армиями Теней, не в состоянии выбраться наружу, а Оли с остальными продолжали отступать.

Оливер понятия не имел, сколько прошло времени, но каждая секунда тянулась целую вечность, а каждый шаг назад, казалось, вел в гору. До выхода далеко, тем более никто не знал, что их ждет дальше, возможно, остальные команды уже уничтожены и другие Тени заходят со спины.

Вдруг, среди верещания Теней и звуков выстрелов, отражающихся эхом от стен, Оливер услышал за спиной как-то звук, он резко развернулся, уже готовясь пустить свой меч в дело, как увидел свет фонаря. Кто-то бежал в их сторону. Один.

— Народ, там кто-то есть! — сказал Оливер, стараясь перекричать шум. Его услышали.

— Это кто-то из наших. Значит, у остальных дела должны быть не так плохи.

Когда человек подбежал ближе, Оливер сразу его узнал. Это оказался Ведьмак. В руках он держал самый обыкновенный тесак, а за спиной, помимо рюкзака, висел автомат.

— Вот черт! — выругался он, заметив стену из Теней.

— Зачем пожаловал? — спросил у него Клайд Сдейл.

— Нам нужна подмога, но, судя по всему, от вас ее хрен дождешься.

— Нам и самим она не помешает. За этой стеной другая группа, и они зажаты с двух сторон. Если мы не прорвемся, а с нашими силами это невозможно, ночь резни покажется прелюдией к настоящему кошмару.

— Наши силы в другом коридоре, если мы примчимся сюда, то тоже окажемся в тисках.

Именно в той группе находились Сьюзен с Мирандой. За Миранду можно было не беспокоиться — к ней Тени почему-то боятся подходить, а вот способность Сьюзен неизвестна, если она у нее вообще есть. Оливер бросился бы на помощь прямо сейчас, не зная он, что абсолютно бесполезен.

Ситуация казалась безвыходной. У группы Оливера не было вариантов, кроме как пятиться назад, к выходу, но пятиться нужно быстро, ибо до предыдущего поворота не близко, и если не поторопиться, сценарий Ведьмака может осуществиться. Либо обречь на смерть одну группу, либо погибнуть вместе с ними.

— Но если мы доберемся до перекрестка в разное время, произойдет то же самое, зажаты будет либо мы, либо вы!

Оливер этого не учел. Если добраться до распутия слишком рано, группа Сьюзен и Миранды будет зажата точно так же, как и первая, а если все же те придут раньше...

— И что делать?

— А я откуда знаю? — воскликнул Клайд. — Из меня хреновый тактик.

— Эй, я тут случайно подслушал ваш разговор, — подал голос один из Охотников, подходя поближе, но продолжая светить фонарем на стену из Теней. Он был невысокого роста, а его лицо скрывала черная кожаная маска до глаз, с несколькими шипами и дырочками для дыхания. В остальном он мало отличался от остальных, не считая, пожалуй, темно-красного жилета под черным коротким плащом. Помимо автомата, по бокам у него висело довольно необычное оружие: железный полукруг, который можно держать, словно кастет, утыканный большими острыми клинками; помимо этого, к краям пристегнуты две цепи, которые примерно на середине соединяются в одну, оканчивающуюся подобием браслета, что можно надеть на

запястье.

— Бакуган? Что у тебя?

— Сети уже все кончились, но у нас же все еще есть светошумовые гранаты.

— Воспользоваться ими в тесном помещении катакомб? Это безумие, — воскликнул

Ведьмак.

— Он прав, — согласился Клайд. — Ты сам видел завалы, кто знает, насколько хрупки эти туннели после Катастрофы, один неудачный взрыв, и нас всех похоронит под грудой камней и земли.

— Светошумовые — не боевые. Ну, мое дело предложить, если есть варианты получше, жду ваших решений. И желательно как можно скорее, пока нас не смели. Он вернулся к остальным и вскинул автомат, что с учетом громоздкого фонаря было не так-то просто.

Оливер очень хотел найти какое-нибудь решение, но сомневался, что предложил бы что-нибудь лучше, чем остальные Охотники, имеющие за плечами многолетний опыт.

Все, что оставалось, — ждать и надеяться.

Конец первой части.

Тени города. Часть вторая

Глава 1: Спасение

Джон вновь оказался привязанным к кресту. Шуд, прежде чем вернуть его обратно, не слабо приложил ногой, и более слабого удара хватило бы, чтобы отправить Джона в нокаут; он слишком ослаб, даже чтобы поднять руку. Теперь же, как ему казалось, он никогда не сможет этого сделать. В глазах потемнело, и если бы не боль и всецельная ломота, он мог бы подумать, что потерял сознание, о чем особенно мечтал последние дни.

Более-менее он пришел в себя из-за резкого шума прямо над ухом и едкой вони. Открыв глаза, ему пришлось вновь зажмуриться от яркого света, бьющего в глаза. Все три чувства подвергались пытке: Джону ли не знать.

— А, пришел в себя, — заметил Шуд, приподнимая сварочную маску. Любой другой проговорил бы это с ехидством и ухмылкой, не менее едкой, чем вонь сварки, но не Шуд. Голос ублюдка оставался бесцветен, как пожухлая трава.

— Что ты делаешь? — спросил Джон, отворачивая голову, чтобы не чувствовать запаха. Язык едва шевелился, ему так и не подали воды, а от сварки стало еще хуже.

— Твой друг сломал замки, а новые искать слишком долго, поэтому я решил просто заварить кандалы для предотвращения возможности повторения эксцесса. Хотя крайне сомневаюсь, что нечто подобное произойдет в ближайшее время.

Джон сомневался не меньше. После всего случившегося, он уже начал подумывать, не откусить ли себе язык. Долгая и болезненная смерть, но всяко лучше еще более долгой и болезненной жизни. Однако ему хотелось не просто умереть, а заставить своих врагов страдать не меньше, ну, или хоть сколько-нибудь, главное, чтобы они пожалели, пусть и всего на секунду. Осталось только продумать план собственной смерти всем назло.

— Где Машери? — спросил он.

— Мертва.

— Ублюдок!

— Не я ее убил, а твой друг. И не важно, что было, — быстро добавил Шуд, не позволяя ответить Джону, — главное, кто нанес удар. Смерть ждет всех нас.

— Твоя уже близко.

— Возможно. Но я не боюсь, а ты?

Не дожидаясь ответа, он вновь надел маску и продолжил сваривать металл. Джона едва успел отвести взгляд; еще ослепнуть не хватало.

Закрывая один глаз, ближайший к сварке, он осмотрел остальные оковы; обе на ногах,

сменившие простые ремни, и на другой руке уже оказались заварены.

— Что с Майлзом? — спросил Джон, но шум сварки не позволил Шуду его услышать. Он попытался перекричать аппарат, но пересохшая глотка едва ли могла выдать что-то громче. В конце концов, Шуд, судя по всему, увидев потуги Джона, остановился и снял маску, наконец, услышав его вопрос.

— Он жив, но это ненадолго. Терпение Жнеца не безгранично, хватило бы и капли, но глупые действия Бальдера тянули на целое море. Больше не говоря ни слова, он натянул маску и продолжил работу.

***

Бертон чувствовал себя неуклюжей обезьяной рядом с грациозными леопардами. Даже Хелин двигалась намного проворней, хотя он знал об этом и до этого, но то постель, а тут совсем другое. Леброн, наконец, готов был признать, что потерял форму, перестав быть полицейским; снятие кошек с деревьев и слежка за неверным супругом, который не увидит преследователя, даже подойди тот вплотную, явно не пошло на пользу. Нет, он знал, что все еще на что-то способен, но на фоне Охотников выглядел совершенным растяпой.

Вход в подземную часть комплекса нашли не сложно, учитывая, рядом человек, чувствующий опасность. Бертону только не особо радовало, что они к этой опасности с каждым шагом все ближе. А еще он не очень понимал, как на столь крошечном острове может вообще находиться подземелье?

— Этот остров несколько лет назад выкупила частная компания, — пояснил Бобби, когда Бертон все же решился задать вопрос вслух. — Если быть точным — через год после катастрофы. Образовавшейся волной смыло все постройки, а южную часть острова так вовсе уничтожило больше чем наполовину. Власти решили, что его проще продать, чем отстраивать все заново, тем более что все исторически ценное оказалось потеряно. Зато остров Свободы подлатали будь здоров, денег вбухали больше, чем на строительство самой свободы.

На этом лекция закончилась, так как они начали спускаться по длинной крутой лестнице вниз. У Бертона, однако же, еще оставалось много вопросов, но он решил задать их позже, в более подходящей обстановке, если, конечно, останется в живых.

В самом конце лестницы оказалась железная дверь. При открытии она могла громко скрипнуть, а прямо за ней могли оказаться враги, поэтому действовать нужно было осторожно. Грасс вопросительно взглянул на Хелин, но та в ответ лишь пожала плечами: «Опасность повсюду».

Как и с первой дверью, Охотник попытался аккуратно приоткрыть ее на толщину пальцев, чтобы затем так же резко дернуть и ворваться внутрь. Дверь никак не поддавалась, и

тогда Грасс ухватился за край уже обеими руками, но и тут ничего не произошло.

— Замкнуто, — констатировал он. Выглядело все это нелепо: целая толпа профессиональных убийц (плюс бывший полицейский и куртизанка) остановлена одной единственной дверью. — Что делать будем?

— Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и откроют вам, — шепотом проговорил Бертон, отчего все взоры устремились на него. — Евангелие от Матфея, — пояснил он. — Что? Я учился в приходской школе.

Грасс оглядел всех присутствующих, и взор его остановился на Бобби. Тот лишь пожал плечами, мол, а есть другие предложения?

Не видя иного выбора, Охотник просто взял и постучал кулаком в железную дверь. В ответ лишь тишина. Он постучал снова. За дверью послышались неспешные шаги.

— Кто? — спросил низкий голос.

— Свои, — ответил Грасс.

— Свои все здесь.

— Ну, значит, чужие.

Уловив взгляды остальных, Грасс лишь развел руками; он явно не являлся мастером импровизации. Все уже были готовы к любым неожиданностям, вроде сигнала тревоги или полчища Теней, лезущих из всех щелей, но вместо этого вдруг послышался звук, напоминающий усмешку, и открывающиеся затворы. Последний затвор едва успел выйти из паза, как Грасс с силой распахнул дверь и с размаху обрушил нож на голову привратнику.

Зрелище не из приятных. Первых жертв Бертон не видел, потому что остался снаружи, а когда вошел, остальные Охотники уже убрали трупы подальше с глаз. Теперь же человека убили прямо перед ним, и не просто убили, а вонзили, воткнули длинный нож почти по самую рукоять в голову. Трудно представить, какой следует обладать силой, чтобы проделать такое. Так работали Охотники, так работала организация «Тенелов», и с каждой минутой Бертон все больше становился уверенным, что это не его.

На этот раз дверь почему-то никто не придержал, и она с гулким грохотом ударилась о каменную стену. Последствия не заставили себя ждать. Из-за первого же угла выскочил какой-то парень лет, наверное, двадцати, черные волосы взлохмачены, на лице какая-то смесь злобы и страха одновременно. Заметив всю честную компанию, он только сделал шаг, чтобы скрыться в коридоре справа, из которого и выбежал, как Грасс резко выкинул руку вперед, и кукри, кружась в воздухе, вонзился парню в грудь. Тот от неожиданности вскрикнул, потянулся было к ножу, но рухнул навзничь.

Грасс подбежал к нему и бесцеремонно выдернул оружие. Тут он вдруг резко выпрямился и закрылся руками, в следующую секунду из того же коридора выпрыгнул второй

человек, с силой врезавшись в Охотника, но не успел он хоть что-то еще предпринять, как остальные Тенеловы буквально утыкали его мечами. Грассу помогли подняться с земли, хотя выглядел он в порядке.

— Чертовы одержимые, — чертыхнулся он.

— Здесь настоящий лабиринт, — заметил Бобби, словно Бертон об это не предупреждал. — Куда дальше? — спросил он у Хелин.

— Не знаю. Здесь во всех направлениях чувствуется опасность.

— Два проводника, и оба ни черта не знают, куда идти, — пробубнил Попай. Он носил белую хоккейную маску старого образца, оставляющую открытыми лишь глаза и рот, а прозвище такое получил за то, что его оружием являлся короткий гарпун с удобной рукоятью на конце, к которой была привязана тонкая, но прочная веревка, нынче обвязанная вокруг предплечья и закрепленная другим концом на рукаве; обычно Попай использовал гарпун в ближнем бою, но в случае чего мог швырнуть его на три метра — такова длина веревки. Сам Бертон никакого сходства с мультипликационным персонажем не видел, кроме того, что гарпун обычно является атрибутом рыбаков на крупную морскую живность.

— Не горячись, Попай, — попытался успокоить его Бобби. — Без них мы бы вообще это место не нашли. Попай что-то буркнул в ответ и продолжил вглядываться в коридоры, держа гарпун наготове. И не зря.

Не прошло и минуты, как из коридоров с двух сторон повалили Тени. Хелин с Бертоном встали в середине, а Охотники, окружив их, не позволяли Теням подобраться ближе. Мелькали мечи и ножи, гарпун Попая и кукри Грассхопера, у еще одного охотника оказался топор, с какими в фильмах показывают викингов. У самого Бертона был лишь нож и пистолет, который он решил приберечь на потом, Хелин тоже кто-то одолжил один из армейских ножей, и она, судя по всему, умела с ним обращаться.

Теней оказалось много, почти столько же, сколько Леброн видел в катакомбах. Одной из Теней удалось проскользнуть сквозь кордон и напасть на частного детектива. Вспомнив прошлый опыт, он испугался и инстинктивно закрылся руками. Тень врезалась в него и сбила с ног; он упал на что-то мягкое. Бертон, закричав, махнул рукой с ножом, но тварь успела отскочить, и как только у Леброна открылась грудь, она вновь прыгнула на жертву.

Бертон понял, что едва ли успеет воспользоваться ножом, который в его неумелых руках оказался просто бесполезной железкой, прежде чем Тень разорвет его грудь своими острыми, как бритва, когтями, но тут вдруг мелькнула желтоватая сталь и вонзилась ночному чудищу прямо в голову. Тварь коротко взвизгнула, рухнула на землю и медленно растаяла черной дымкой.

— Спасибо, — выдавил из себя Бертон.

— Не зевай, — бросила ему Хелин, держа нож наготове и ожидая очередного нападения.

Бертон медленно поднялся на ноги и тоже решил быть повнимательней; Охотники, конечно, профессионалы, но не всесильны, и даже развешанное по всему телу золото с серебром не смогут уберечь от когтей и зубов. Только сейчас он заметил, что упал на труп одержимого, того, что сбил с ног Грасса. Частный детектив оглядел себя и чертыхнулся — вся куртка и штаны измазаны кровью. Единственный плюс — она была чужая.

Леброн не знал, сколько точно прошло времени, но Охотники, казалось, даже не запыхались, уничтожив последнего противника. Теперь на земле валялось всего шесть тел, считая и первых двух одержимых. Несколько Охотников оказалось поцарапано, но не сильно.

— Здесь слишком узко, — пробормотал Бобби. — Будь мы в месте попросторней, эти Тени нас даже не задели бы.

— А мне нормально, — пожал плечами Грасс, пряча короткие кукри.

— Вот и радуйся, — произнес Бобби, убирая свой длинный меч в ножны на поясе.

Дальше пробирались медленно. Бертона и Хелин взяли в кольцо ради защиты, что многим было не очень-то по душе: самим бы как защититься, а тут еще дилетантов на шею посадили. С Тенями и одержимыми ими людьми встречались еще не раз, но все обходилось лишь царапинами да ушибами.

Потолок был низкий, чуть выше двух метров, что всего в два раза меньше ширины коридоров, хотя попадались и еще менее широкие. Бертон лишь радовался источнику света, состоящему из мелких и тусклых светильников, украшающих потолок каждые метров пять. Какой-никакой, а свет.

Прошло примерно полчаса со спуска в лабиринт, когда они, наконец, наткнулись на нужную им деревянную дверь, обитую железом, такую же, как и десятки дверей до этого, за каждой из которых находилась обычно небольшая комнатка, иногда набитая Тенями и одержимыми. Ни одного Охотника, преданного Жнецу, так и не было встречено, из-за чего остальные начинали нервничать.

Помещение за дверью разительно отличалось от прочих. Множество железок и деревяшек всевозможных форм, и все предназначены для одной цели. А еще запах гари, едва не разъедающий глаза. Но самое главное — крест. Икс-образный, он находился посреди комнаты, и на его фоне с трудом угадывался силуэт висящего на нем человека.

— О боже, Джон! — воскликнул Бобби и подбежал к нему, тут же пытаясь нащупать пульс, и, судя по всему, нащупав, с облегчением вздохнул.

Бертон едва узнавал в этом побитом человеке того самого Джона, сражающегося на мечах на темной улице. Он помнил его крепкое телосложение, выделяющееся даже под одеждой, и хмурое решительное лицо, сейчас же перед ним предстал лишь безжизненный каркас былого человека. Он был тощ и изнеможен, все тело, казалось, изрезали мелкие осколки, и раны все еще не успели затянуться, да и затянутся ли? Волосы отрасли, скрывая осунувшееся

лицо с впалыми щеками и глазами.

Бобби схватил обтянутый череп Джона и поднял голову, одновременно стараясь убрать с лица волосы. Оно было все в синяках и крови, нос, судя по всему, не так давно кровоточил.

— Джонни, ты меня слышишь?

— Кажется, — прокряхтел в ответ Джон, — я заснул... и вижу сон впервые... за последние десять лет.

— Это не сон, сынок, мы пришли тебя спасти.

— Не сон? — переспросил он. — Даже не знаю... радоваться мне... или нет.

Бобби усмехнулся, но тут же посерьезнел.

— Чего вы стоите, остолопы? — прикрикнул он на остальных Охотников, не оставшихся на страже за дверью. — Снимите его уже.

Первым опомнился Грасс и осмотрел крест.

— Оковы припаяны, причем совсем недавно, — сказал он. — Их так просто не открыть.

Бобби досадливо поджал губы и огляделся вокруг. Казалось бы, в подобном месте должно найтись все, что угодно, но абсолютно все вещи были бесполезны, даже кусачки с длинными рукоятями.

— Не на кресте же нам его тащить? — развел руками Бобби и вновь пригляделся к орудию. — А ну-ка, ребятки, встаньте здесь, — он указал на место возле креста, а сам зашел за спину, разглядывая механизм, после чего двумя-тремя движениями перевернул крест почти на самый бок и вынул меч.

Никто сразу и не понял, что он собирается делать, пока клинок не поднялся к самому потолку.

— Не надо! — выдавил из себя Джон, с трудом поворачивая голову, сиюсь рассмотреть Бобби.

— Не дергайся, — ответил тот. Он глубоко вдохнул горький воздух и закашлялся, что лишь усилило тревоги Джона.

Клинок обрушился с молниеносной быстротой, не ожидаемой от человека возраста Бобби. Острие прошло сквозь дерево не как сквозь масло, но как сквозь сыр точно. Верхняя часть деревяшки с оковами отвалилась, и рука Джон безвольно повисла над землей, касаясь пола лишь отделенным концом креста.

— Недаром я каждый день меч натачивал.

Бобби стал переворачивать крест на другой бок, и тело Джона оторвалось от дерева.

— Держите, говорю! — крикнул он, хотя и с опозданием, так как его уже подхватывало несколько пар рук.

Бобби проделал те же манипуляции со второй рукой, но не так успешно. Хлынула кровь, окропляя пыточный механизм знакомой алой жидкостью.

— Ничего серьезного, — подытожил Бобби, осмотрев пораненную руку Джона. — Эх, возраст берет свое.

С ногами пришлось несколько повозиться, так как меч несколько затупился, а сам Бобби обливался потом; для умелого и точного удара необходимо было иметь сверхчеловеческую концентрацию и точность, а это затрачивало как физическую силу, так и психическую.

Джона положили на пол, предварительно подстелив несколько плащей и курток. Теперь стало намного удобней, и Викинг топором отсек лишние бруски, оставшиеся от креста, к которым крепились оковы. Топор не был предназначен для рубки дров, лишь для рубки врагов, как сказал сам Викинг, но не жалел затупленного в хлам оружия: «Друзья-Охотники куда важнее каких-то там железяк».

Лишенный привычного оружия, Викинг решил, что от него будет больше пользы, если он сам понесет Джона на загривке. Теперь тех, кого следовало защищать, стало трое, если считать только стоящих на земле. Но если Хелин и Бертон чем-то и могли помочь, Викинг с Джоном на плечах вряд ли мог участвовать в сражении, хотя и уверял, что освобожденный из оков, пусть и фигурально, так как на нем все еще висели кандалы, весит не больше пушинки.

Они не далеко успели пройти назад, когда вновь натолкнулись на скопище Теней. Действовали они, казалось, еще более ожесточенно и рьяно, за что и платились существованием, но и Охотникам было не так легко, как в начале. Они начали выдыхаться, все раны, полученные на пути, давали о себе знать.

Первая стычка закончилась серьезными ранениями двух Охотников. Раны были не смертельными, но нормально держать в руках холодное оружие они более не могли из-за пораненных и окровавленных рук. Складывалось такое ощущение, словно Тени специально атакуют слабозащищенные конечности. Взамен раненым Охотникам дали автоматы, которые они с трудом, но могли удерживать. Больше таиться не имело смысла, все Тени и одержимые лабиринта, наверняка, уже прослышали про чужаков, а потому рисковать сражаться лишь в ближнем бою стало бессмысленно. Началась стрельба.

Ультрафиолетовых фонаря было всего два, один отдали Бертону, а второй Викингу,

будто нарочно выбрав двух в данный момент самых бесполезных членов отряда. Обижаться на правду бессмысленно, но частному детективу все же стало несколько досадно. «Не я ли убил двух здоровых одержимых, когда еще даже не знал о том, кто они такие?» Но он тут же себя одернул: тогда те двое даже не воспринимали его всерьез, да и убил он лишь одного, второй, очевидно, выжил.

Вторая группа Теней оказалась не менее ожесточенной, но с ней разобрались быстрее. Автоматы и фонари делали свое дело. Тех Теней, что все же проскальзывали сквозь шквал огня, добивали уже холодным оружием.

Все шло более-менее, пока они не завернули за очередной угол.

Бертон вначале даже и не понял, кто и по кому стреляет, пока стена над его головой не посыпалась каменной крошкой. Все тут же бегом и падая спрятались за угол, из-за которого только что выбежали.

— Куда это вы собрались? — послышался голос, у которого, казалось, даже интонация отсутствовала.

— До выхода хотелось бы, — ответил Бобби.

— Это Шуд, — проговорил Джон, сжимая челюсти. — Он убил Машери.

— Машери?! — ахнул Бобби. — Она была здесь?

— Майлз — Тор — пытался нас вывести отсюда, но на пути встал Шуд, он убил Машери и вырубил Тора, я не знаю, где он сейчас.

Бобби нахмурился, поджав губы, казалось, что он вот-вот расплечется. Бертон догадался, что эта Машери была ему чем-то очень дорога. Не дочь ли?

— Чего вы там шепчетесь? — вновь послышался сухой голос. — Как насчет сделки? Вы становитесь под стяг Жнеца, а мы прощаем вам ваши грехи.

— Черта с два, ублюдох! — рявкнул Бобби.

— Это выгодное предложение. Неужели все вы готовы умереть за свои идеалы, точнее, за идеалы организации?

— А вы?

— Да, — тут же послышался спокойный ответ. — Мы готовы умереть во имя высшего блага, но, как и все люди, не стремимся к этому. Наверняка среди вас найдутся те, кому по душе наши идеалы и кто желает прожить как можно дольше.

— У нас тот же вопрос к вашим людям.

Бобби, стоящий ближе всех к углу, оглянулся. В глазах каждого читалась решимость, никто не собирался сдаваться. Если суждено умереть, нет чести больше, чем погибнуть за то, во что веришь, с оружием в руках и огнем в сердце.

Бобби одобрительно кивнул, хотя и без того знал, что никто даже и не задумается перейти на сторону врага, и уже оборачивался назад, чтобы высказать ублюдку все, что думает о его предложении, но тут вдруг заметил движение и резко дернул головой.

Бертон, подняв руки, осторожно выглянул за угол и вышел вперед, нервно сглотнув. Один из Охотников поднял автомат, чтобы его пристрелить, но Бобби перехватил его и опустил ствол:

— Он сделал свой выбор.

— З-здрасьте, — начал Бертон, едва шевеля пересохшим от волнения языком; он боялся, а ноги его едва держали вес тела. — Меня зовут Бертон. Леброн Бертон. Я простой частный детектив, не Охотник. Я тут вообще оказался случайно. Все эти Тени, Охотники, убийства, — все это не по мне.

— И чего же ты хочешь, Леброн Бертон, простой частный детектив?

— Я просто хочу домой, а меня не отпускают. Сначала меня поместили в психушку, но я сбежал, а затем в меня вселилась эта чертова Тень, и я едва не умер. Меня дома кошка ждет, если она еще не сдохла от голода. Если я вернусь в эту организацию, меня снова запрут в лечебнице, а то и похуже чего. И я подумал: может, вы мне поможете? Если вы просто меня отпустите, я никому ничего не скажу, клянусь! Я просто хочу, чтобы все это прекратилось.

Шуд посмотрел сначала налево, где стояло несколько человек, потом направо, словно ища совета, как ему поступить, но ответ были лишь пожимания плечами.

— Что ж, — наконец проговорил он, — я не вижу смысла в твоей смерти. Брось пистолет и иди к нам, а там поговорим.

— Пистолет? — переспросил Бертон. — А! — спохватился он, потянувшись к заткнутому за пояс оружию. — Я и забыл совсем.

Дальше все произошло очень быстро и внезапно для обеих сторон, и спасло Бертон от выстрела в спину того самого Охотника, которого вначале остановил Бобби.

Бертон выхватил пистолет, делая вид, что собирается его выбросить, но вместо этого направил его на Охотников во главе с Шудом и нажал на спусковой крючок. За мгновение до этого он начал двигаться вправо, и, сделав пару шагов и в два раза больше выстрелов, он прыгнул за другой угол. Автоматные очереди разрывали каменные стены в пыль, периодически высекая искру, попадая по заложенным в кладке камням. Шум поднялся невероятный и лишь секунд через десять Шуду, наконец, удалось докричаться до своих людей.

— Не стрелять, я сказал! — рявкнул он почти без эмоций, но достаточно громко.

Спустя пару мгновений выстрелы превратились, и теперь весь коридор перед ними застилала каменная пыль, кружась в звенящей тишине.

— Ну, ты, парень, даешь, — покачал головой Бобби. — Мы ведь и сами могли тебя пристрелить.

— Все должно было выглядеть достоверно, — ответил Бертон, поднимаясь с земли. — Нужно было рискнуть.

Сердце Бертона колотилось как бешеное, ноги не держали, и он сел на пол, прижавшись спиной к стене и учащенно дыша ртом, глотая пыль. Закашлялся.

— Их там семеро, — снова заговорил он. — Ну, то есть уже четверо. В главного я не попал, — удивленно проговорил он. Первым он стремился застрелить именно Шуда, а дальше как получится, но первая пуля лишь скользнула по его плечу, раздирая рукав, зато все остальные угодили точно в цель.

Бертон хотел доказать всем свою полезность, но даже в лучшем из того, что умел — метко стрелять, — он облажался.

— Ты молодец, — одобрительно сказал Бобби, — только в следующий раз предупреждай.

— Это было... интересно, — послышался голос Шуда. — Мало кто может похвастаться подобной меткостью. Значит, ты сделал свой выбор.

— Сделал, — подтвердил Бертон.

— А ведь я в самом деле думал тебя отпустить. Сначала узнать все, что ты знаешь об организации, а затем отпустить на все четыре стороны.

— Теперь я вряд ли узнаю, лжешь ты или говоришь правду.

— Теперь — вряд ли.

Бертон взглянул на дверь в противоположенной от него стене чуть дальше от поворота. Она чем-то едва уловимым отличалась от остальных, что им встречались на пути. Как будто слегка сияла, отражая свет светильников. Бертон медленно поднялся и направился к ней, держа пистолет наготове.

— Эй, ты чего удумал? — окликнул его Бобби.

— Хочу посмотреть, что там.

— А если там Тени?

— Надеюсь, вы меня прикроете, — пожал он плечами. Тени так и так скоро на них

нападут, натравленные этим Шудом или Жнецом.

Бертон подошел и дернул за массивную ручку; дверь оказалась заперта. Он наставил пистолет чуть выше, где находилась замочная скважина, и чуть правее. Прозвучал выстрел, в тишине ударив по ушам.

— Он там застрелился что ли? — послышался голос Шуда.

— Не дождешься, — ответил Бертон.

— Тогда что... — Он умолк. — Не открывай эту дверь, а иначе пожалеешь.

У Леброна и так уже было полно сожалений, парочка новых ничего не изменит. Он ухватился за ручку и потянул на себя, дверь подалась, от замка что-то звонко отвалилось.

Шуд, похоже, тоже это услышал.

— Вперед! — крикнул он. Вновь начали стрелять, но Бобби с остальными, как и просил Бертон, прикрыли его, открыв ответный огонь, высунув автоматы из-за угла. Послышался мат, и через секунду выстрелы с той стороны прекратились; сторонники Жнеца, вероятно, тоже скрылись за углом.

Открыв дверь, Бертон невольно прищурил глаза. Внутри все сияло белизной, словно снег зимой, что резко контрастировало с внешним антуражем.

Это оказалось больничное отделение или нечто, очень его напоминающее. Белые стены и потолок, святающиеся мягким светом, пол, покрытый белыми с синим плитками. Все больничные койки пустовали, и лишь на одной Бертон заметил лежащего человека.

Подойдя ближе, он ахнул. Это оказался тот самый здоровяк, чей труп валялся на улице, и с которого началось это злосчастное расследование частного детектива, о котором он не переставал жалеть. Бертон даже решил, что перед ним мертвец, но присмотревшись, увидел то подымающуюся, то опускающуюся могучую грудь.

— Так это он Майлз? — догадался Леброн.

На правом виске здоровяка красовался не маленький такой синяк, из-за которого, судя по всему, он здесь и оказался. Бертон заметил, что руки Майлза прикованы к бортикам кровати наручниками. От капельницы к руке шла тонкая прозрачная трубка с такой же бесцветной жидкостью. Бертон и сам не так давно провел в больнице некоторое время, а потому узнал по надписям на пакетике с раствором знакомое название обезболивающего, от которого безудержно хочется спать.

Недолго думая, он, передвинув специальное колесико, перекрыл поток лекарства. Порыскав в ближайших шкафах, отыскал нужную баночку, нашел шприц, в который вобрал вещество, а затем впрыснул в специальный участок на трубке. Жидкость начала медленно поступать в организм.

Не прошло и минуты, как здоровяк подал признаки сознания.

— Где я? — спросил он.

— Думаю, это что-то вроде лазарета.

— Ты кто? — повернул он голову к Бертону, и тот понял, что Тор только сейчас его заметил, а вопрос был задан в пустоту.

— Я... Я Леброн Бертон. Вы меня не помните... Да и не должны. В общем, я с группой Охотников, мы пришли спасать Джона. Синигами, — зачем-то добавил он.

— Джон? Он все еще жив? Черт, я пытался... — Он замолчал.

Бертон, не дождавшись окончания затянувшейся паузы, продолжил:

— Мы пытаемся его спасти, но у нас на пути встал этот Шуд.

— Шуд?! — взревел Майлз, рывком попытавшись сесть, но наручники на запястье крепко приковывали его к постели, зато спала накрывающее его тонкое одеяло, оголив мощный волосатый торс, на котором то там, то тут красовались ватно-марлевые заплатки, пропитанные кровью. — Он убил... Я убил. — Вдруг здоровяк заплакал, отворачивая лицо. Бертон растерялся.

Он уже было решил вернуться назад и рассказать о находке остальным, но Майлз пришел в себя быстрее, чем думал Бертон.

— Эй, как там тебя?

— Бертон.

— Высвободи меня. Я не уберег Хелин, но сделаю все возможное, чтобы помочь Джону и загладить свою вину, даже если это невозможно.

Бертон вновь начал шарить по тумбочкам и столам, но ключа так и не нашел, тогда он посмотрел на нож у себя в руке. Его острие было слегка вздернуто и выглядело достаточно тонким, чтобы пролезть в замочную скважину наручников.

Через минуту он понял, что ничего не выйдет.

— У тебя же пистолет, — заметил Майлз, — отстрели их нахрен.

Цепь наручников на левой руке разлетелась, и Майлз оказался наполовину свободен. Приставив дуло ко вторым наручникам, Бертон спустил курок и... ничего не произошло. Он вынул магазин.

— Патроны кончились.

— А-а, черт! — заревел Майлз и перекатился через бортик, резко дернув рукой. Забытая игла от капельницы вылетела из вены, забрызгав Бертон прозрачным веществом. Майлз, не обращая внимания на льющуюся по предплечью кровь, поднялся, пошатываясь, и вновь с силой дернул рукой, раздирая запястье. Поудобней перехватив цепь наручников, он с силой ударил ногой по крепкому пластиковому бортику, но не удержал равновесия и упал: судя по всему, сказывалось обезболивающее, до сих пор туманящее сознание.

Бертон догадался, что намеревается сделать Майлз, забрался на кровать и так же с силой обрушил ногу в крепких ботинках на бортик рядом с наручниками. Пластик оказался довольно прочным, словно его намеренно создали антиударным. Бертон вновь занес ногу для удара, но тут краем глаза заметил какое-то движение. Подняв взгляд, он увидел человека, выходящего из-за двери. Это оказался Блэйк Андерсон.

— Ты! — взревел Бертон, направил на него пистолет и нажал на курок, забыв, что у него кончились патроны. Про патроны не знал и одержимый, бросившись в сторону, падая между больничными койками. Леброн сначала даже удивился, потом вспомнил, что останься у него еще пули, они были бы амбисидиановыми.

Бросив на кровать бесполезное оружие, он достал нож. Владел он им очень плохо, можно сказать, не владел вообще, но выбора не было. Майлз прикован, а Блэйк точно не отступится. Драка на смерть неизбежна.

Бертон хотел накинуться на убийцу Люпина, пока тот еще в замешательстве, но тот уже понял, что что-то не так, и поднялся на ноги, заметив несущегося на него частного детектива, неумело сжимающего в руке нож.

Леброн ударил оружием сверху вниз, но Блэйк увернулся так легко, словно от полудохлого шмеля. Следующим движением Андерсон толкнул Бертон обеими руками, и тот отлетел, врезавшись в одну из коек и перелетев ее спиной вперед, едва не выронив нож.

— Я смотрю, рука вас больше не беспокоит, мистер Бертон — заметил Блэйк. — Вы быстро восстанавливаетесь, словно одаренный, хотя это и невозможно.

— Одаренный? — переспросил он, вылезая из-за кровати.

— Вы называете нас одержимыми.

— А, я и забыл, что внутри тебя... Что ты и есть Тень.

— Это лестно. Мы и стремимся, чтобы нас невозможно было отличить от обычных людей. Пока.

Несмотря на это, все же что-то в нем было не так. Есть много людей, которые словно не от мира сего, отличающиеся чем-то неуловимым, но все же отличающиеся. Стоя на кассе в магазине не обратишь на него внимания, но стоит только взглянуть ему в глаза, как ощущаешь какую-то неловкость, словно он видит в тебе нечто большее, чем ты в нем.

— К чему вы стремитесь, чего хотите? — спросил Бертон, стремясь растянуть время, чтобы что-нибудь придумать. Майлз все еще возился с наручниками, то и дело дергая руку, но понимая, что это вряд ли к чему-то приведет. На Блэйка он смотрел с не меньшей неприязнью, чем сам Бертон.

— Мы хотим одного — жить.

— Но при этом отнимаете жизнь у других.

— Сильные выживают, слабые погибают или становятся рабами.

Он медленно подходил все ближе, а Бертон отходил, держа перед собой нож. Сзади была лишь стена и выход в лабиринт. Если одержимый последует за ним, Охотники тут же его пристрелят.

Он уткнулся в стену, нащупывая рукой дверь. Но тут Блэйк резко рванул к нему. Майлз, сидевший до этого тихо, стараясь даже едва дышать, вдруг заревел и с силой дернул койку. Бертон подумал, что он вновь пытается оторвать бортик, но вместо этого койка сама сорвалась с места. Андерсон, не ожидая такого поворота, влетел в нее и перекувыркнулся.

Леброн тут же развернулся, чтобы выбежать за дверь, но Блэйк настиг его раньше, он схватил детектива за шею и отбросил назад, на ту же самую койку. Бертон вновь перелетел через нее, чуть не разбив затылок, и выронил нож, который отлетел под кровати.

Выругавшись, он пополз за ним, но одержимый схватил его за ноги и потянул назад. Но тут он почувствовал удар. Оказалось, Майлз вновь использовал свою ношу как оружие, врезавшись на ней в спину Блэйка. Его толкнуло вперед, он не удержался и упал, Бертон попытался встать, но ударился головой о проезжающую над ним кровать.

— Хватай нож! — крикнул ему здоровяк, разгоняясь на свое койке. Он хотел влететь в Блэйка на всей скорости, но не тут-то было. Одержимые очень сильны. Он просто выставил руку, которая даже не согнулась, когда койка влетела в нее, и лишь из-за скользкого плиточного пола больничная кровать не остановилась сразу, а проехала еще пару метров, таща перед собой сидящего на коленях одержимого. Майлз и сам упал на колени.

— Как же ты меня достал, — процедил сквозь зубы Андерсон, поднимаясь на ноги и нависая над Охотником. — В наказание за упущенного Бертон, Жнец приказал мне смотреть за тобой, чтобы ты не наделал глупостей. Снова. Но, думаю, он не сильно расстроится, если я убью тебя прямо сейчас.

В этот момент Бертон уже добрался до ножа. Биться один на один с одержимым просто самоубийство, а здоровяку не особо удобно с одной-то рукой. Всего у частного детектива было два ножа, и он решил рискнуть воспользоваться одним как метательным. Потеряет не страшно, а если попадет, будет, чем похвастаться.

Вспоминая просмотренные когда-то фильмы, он схватил нож за острие, выскочил из-

за импровизированного укрытия и бросил его, целясь в голову. Чуда не произошло, что не удивительно. Блэйк совершенно без труда поймал клинок в воздухе за лезвие, едва на него взглянув.

— И что это было, мистер Бертон? Отчаяние?

— Попробовать стоило, — пожал он плечами.

Он достал второй нож, просто, чтобы быть более уверенным, хотя это помогало мало. Он не знал, что делать дальше, зато сам Майлз не растерялся.

Как сидел, он вдруг резко выхватил нож из руки Блэйка, разрезая ему ладонь, и с силой всадил куда-то в живот. Одержимый скривился, однако не издал и звука, лишь ухватил здоровяка за держащую нож левую руку мертвой хваткой.

— А вот это ты зря, — медленно проговорил он.

Бертон, сам от себя не ожидая такой прыти, как только Майлз ударил Андерсона ножом, вскочил на ближайшую к нему кровать, перепрыгнул на вторую, и когда Блэйк договорил свою фразу, отпрыгнул от третьей, наваливаясь на противника сверху. Колесики третьей койки, судя по всему, не стояли на тормозе, и когда Леброн прыгнул, опора ушла у него из-под ног. Он надеялся запрыгнуть на спину Блэйка, если удастся, ударить его при этом ножом, но из-за незакрепленных колес, просто сбил с ног, вновь выронив нож.

Он, не медля ни секунды, подтянулся и со всей оставшейся силой ударил противника кулаком по лицу, но это что слону дробина. Блэйк попытался спихнуть его с себя таким же ударом в лицо, но промахнулся и попал по лбу, но и этого оказалось достаточно. Бертон попятился назад, хватаясь за ноги Андерсона, боясь, что тот начнет пинаться, а затем и встанет, и тогда точно конец. И тут он заметил рукоять ножа, все еще торчащего из живота одержимого.

Если он и причинял ему неудобства, то, видимо, не такое сильное, как сам Бертон, держащийся за его ноги, как за последнюю надежду. Детектив все же рискнул, выпустив одну руку, чуть не схлопотав по лбу вновь, но на сей раз коленом. Он схватил нож и выдернул его из тела, а затем вонзил вновь куда-то под ребра. На этот раз противник вскрикнул и зарычал.

Бертон, отталкиваясь ногами от скользкого пола, полз вверх по неистово брыкающемуся телу, нанося неглубокие из-за неудобного положения удары ножом все выше и выше, словно скалолаз, забираясь на такую близкую и такую далекую вершину. Руки Блэйка, которыми тот пытался защититься, были напрочь изрезаны. Он ругался, плевался кровью, даже угрожал, несколько раз засветил Бертону кулаком, но тот не собирался сдаваться.

Наконец, Блэйк прекратил изворачиваться, словно угорь, но все еще и не думал умирать. Леброн перевернул его на спину, сел сверху и занес нож, держа его двумя руками.

— Это! Тебе! За! Люпина! Мразь! — выкрикивал он с каждым ударом, вбивая нож в грудь по самую рукоять.

Наконец, силы и гнев покинули его. Он сполз с тела, оставив в нем торчащий нож, и сел — рухнул, — прислонившись спиной к одной из коек.

Мсть свершилась. Но принесло ли это успокоение? Не особо. Люпин все равно мертв, а Тени на это плевать, они не умеют раскаиваться или сожалеть, а все их эмоции заимствованы из сознания человека, в которого они вселились. Хотела ли эта Тень действительно жить, как говорила, или это просто отголоски человеческих желаний? Так или иначе, теперь это было не важно, они оба мертвы.

— Ты хорошо справился, — сказал Майлз. Бертон решил, что слова будут лишними. — Но это еще не конец. Помоги мне сломать эту чертову хрень.

Глубоко вздохнув, Леброн с трудом поднялся на ноги, не забыв при этом пнуть по ребрам одержимого, и забрался на койку, к которой был прикован здоровяк. Чтобы сломать бортик, понадобилось всего три сильных удара ногой, и то, он лишь треснул, но и этого хватило Майлзу, чтобы высвободиться и встать.

В первый раз Бертон увидел этого человека во весь рост. Он был по-настоящему большим: под два метра, мышцы на руках бугрятся валунами, пресс без кубиков, какие бывают у культуристов, это был просто настоящий здоровяк, которому лучше не переходить дорогу. И все же именно он, а не Шуд, был привязан к постели без сознания с множеством ранений по всему телу. Бертон видел этого Шуда, и не мог себе представить, как тот смог победить.

— Где они? — спросил Майлз.

— Там, — Бертон указал на дверь, хотел было пояснить, где именно, но тут вновь послышались автоматные выстрелы.

— Черт! У меня все оружие забрали. — Он оглянулся в поисках подходящего оружия. — Нож.

Он подошел и без церемоний вынул холодное оружие из груди Блэйка. В его руках он больше походил на зубочистку, о чем, вероятно, подумал и сам здоровяк, поморщившись, рассматривая короткий клинок в руках. Бертон в это время нашел второй, который выпал у него из рук, и вернул в ножны. Вздохнув, бугай направился к двери, но тут его понесло, и он упал на одно колено, охнув.

— Обезболивающее в крови все еще не выветрилось, — пояснил Бертон.

— Так вот почему у меня почти ничего не болит. Это даже хорошо. — Встряхнув головой с короткими волосами, какие когда-то были и у Джона, он поднялся и открыл дверь.

Редкие выстрелы то и дело мололи камень. Бертон выбежал вслед за Майлзом, не забыв на всякий случай прихватить пустой пистолет, и увидел, как стена слева, как раз напротив поворота в коридор, просто изодрана автоматными очередями, в свете редких светильников плясала пыль.

Бобби и остальные Охотники отстреливались от Теней, лезущих к ним небольшими группами, когда как Шуд и остальные тоже периодически стреляли из-за угла, не позволяя противникам высунуться.

Майлз подбежал к углу и замер. Его, естественно, заметили.

— Майлз, ублюдок! — взревел один из Охотников и наставил на него автомат. Бобби едва успел схватиться за ствол, и пули бороздой прошли по полу.

— Побереги патроны, черт тебя дери! — выругался Бобби, прижимая отбитую руку к груди. Стрелок тут же потупился, но продолжал зыркать на Майлза, а заодно и на Бертона, недобрым взглядом.

Сам Майлз, казалось, почти никак на произошедшее не отреагировал.

— Я был неправ, — крикнул Майлз через коридор. — Я считал, что поступаю верно. Жнец... Его идеи не лишены смысла, но я не смог ради них убить своих друзей. Я хотел спасти... Хелин. — У него вновь по щеке скатилась скупая слеза, утонув в зарослях бороды.

— Чего уж теперь жалеть? — откликнулся Бобби. — Сделанного не воротишь.

— Нет, — согласился Майлз, всхлипнув. Он посмотрел на Джона: — Простишь ли ты меня, Джон?

Синигами, нынче и правда походивший на костлявую смерть, взглянул в глаза старому... друга, приятеля, коллеги? Какая разница во всех этих словах, если ни одно из них не подходит? Он не знал, что ответить. Насколько он знал, Майлз не убил ни одного Охотника или обычного человека, но чтобы причинить боль и страдания, не обязательно мучить плоть.

— Я не знаю, — честно ответил он. Майлз понимающе кивнул в ответ.

Он взглянул на нож у себя в руках.

— Эй, у вас лишнего ножика не найдется?

Кто-то без слов бросил ему нож, это оказался Бобби. Майлз быстрым движением перехватил его в воздухе за рукоять. Несколько раз глубоко вздохнул.

— Я знаю, вы мне не доверяете, но моего доверия хватит на вас всех.

С этими словами он закричал, перекрикивая выстрелы и писк Теней, и бросился в коридор со всех ног, на ходу рубя находящихся там Теней. Остальные Охотники, вдохновленные его порывом, с криком выбежали из-за угла и открыли огонь по ночным монстрам, заодно не позволяя компании Шуда вылезти из укрытия. Два мощных фонаря осветили коридор, разгоняя полумрак, так как все светильники там уже оказались разбиты.

Кто-то выбежал из-за угла, но не успел он даже рассмотреть, кто перед ним, как его

голова оказалась запрокинута назад, а из разрезанной до самого позвоночника шеи кровь залила Майлза с ног до головы, смешавшись с его собственной, вытекающей из открывшихся ран.

Охотники побежали вперед, на ходу убивая оставшихся Теней. Кто-то упал. Патроны оставались лишь в одном единственном автомате у Бобби, и он берег их на всякий случай.

Группа Шуда, вероятно, надеялась, что они потратят все патроны на Теней, но они никак не ожидали, что Охотники пойдут в лобовую атаку. Бертон вдруг заметил, что людей на той стороне стало явно больше — подкрепление, вот только невозможно было понять, Охотники это или простые одержимые.

Они тоже держали в руках огнестрельное оружие, но вблизи оно было практически бесполезно. Началась самая настоящая мешанина из тел и оружия. Мечи, ножи, затупленный топор, даже гарпун то и дело вздымались вверх и обрушивались на врагов. Кровь лилась рекой, заливая пол, стены и даже потолок. Крики людей и верещания Теней смешались в одну страшную какофонию смерти.

Бертон с ужасом выглядывал из-за угла. Даже будь у него оружие и ночное зрение, он бы ни за что не сунулся в эту мясорубку. Он видел битву Джона со Жнецом, то и правда была битва, Леброн рассмотрел в ней даже долю благородства средневековых рыцарей. Но тут все иначе. Бессмысленный круговорот кровавой машины из человеческих и не очень тел.

Кроме него, единственными оставшимися не у дел оказались Джон, Хелин и один из раненых Охотников, чьи руки наскоро перебинтовал Бобби непонятно откуда взявшимся у него бинтом, ныне насквозь пропитанным кровью. Сам он сидел на самом углу и наблюдал за происходящим с нескрываемою злобой, злобой на самого себя, подумал Бертон, на свое бессилие. Джон сидел, точнее, был посажен спиной к стене, а рядом находилась Хелин, подобравшая ноги и заткнувшая уши ладонями.

Частный детектив понял, что все враги заняты, а потому как можно быстрее перебежал на ту сторону, но, вымотавшись от недавней схватки, спотыкнулся и упал, растянувшись на пыльном полу. Из внутреннего куртки кармана что-то выпало. Это оказался один из запасных магазинов, про которые Бертон совсем забыл. «И как только они не выпали раньше?» — подумал он, неосознанно проговаривая мысли вслух. Спohватившись, он быстро перезарядил оружие.

— Хелин. Хелин! Ты меня слышишь? — Он развел ее руки, закрывающие уши. — Ты должна успокоиться, Хелин! Из зажмуренных глаз градом лились слезы, оставляя неровные дорожки на щеках, запорошенных пылью. Ее трясло.

— Вот почему... Вот почему я не хочу становиться Охотником! — крикнула она сквозь рыдания.

— Хелин, — устало позвал Джон.

— Я чувствую, как они умирают! Нет... Я чувствую, как они умрут, но ничего не могу с этим сделать! Я не могу их спасти, потому что они не слушают. Они никогда не слушают!

У нее была самая настоящая истерика, но Бертон не мог, не хотел бить ее по щекам, чтобы привести в чувства. Зато Джон, будь он способен поднять руку достаточно высоко и размахнуться, точно бы это сделал. По крайней мере, так считал Бертон.

За всеми этими рыданиями он даже не сразу осознал, что шум драки затих. Охотник, стоящий рядом, вышел из-за угла, поднялся и Бертон, оставляя чуть успокоившуюся девушку сидеть на месте.

Коридор был просто завален трупами. Рассеченные головы и животы, лужи крови, вывалившиеся внутренние органы. Леброн не сдержался, и его вырвало на ближайшую стену. Будучи полицейским, он успел насмотреться на трупы, но их никогда не было так много, да и в большинстве случаев он приезжал на места, когда тела уже накрывали белым покрывалом. Здесь же все было наведо.

К нему подошел Грассхоппер.

— Эй, ты как? — спросил он.

— Нормально, — ответил Бертон, нагнувшись и держась за стену одной рукой, глаза его оставались закрыты. На самом деле ему было далеко до нормального, но на фоне произошедшего жаловаться как-то неправильно.

— Нам нужно убираться, пока сюда не прибежал еще кто-нибудь. Ты сможешь понести человека?

Только сейчас частный детектив поднял взгляд и посмотрел на собеседника. Он весь был в крови. Вероятно, большая часть крови принадлежала не ему, однако на левой щеке можно было разглядеть страшную резанную рану, возможно, даже сквозную.

Бертон кивнул. Он очень устал, но хотел хоть чем-нибудь помочь, и если не в бою, то хотя бы после.

— Тогда понесешь Джона, у Викинга рука прострелена и так, по мелочам, он не в состоянии, остальные возьмут кого потяжелей.

Грасс помог затащить Джона на плечи, а затем привел в чувства Хелин, которая до сих пор плакала, но уже не навзрыд, просто словно не могла остановить поток соленых слез. Вообще, Грасс и сам мог понести Джона, но Бертон понимал, что в случае чего, Охотнику придется вступить в бой, а частный детектив в ближнем бою бесполезен, и потому должен оставаться позади, да стрелять можно было и с человеком на загривке, при условии, что весил он совсем ничего.

Всего серьезно раненых оказалось трое, еще двоих выносили уже мертвыми, не желая оставлять друзей на участь быть сожранными Тенями. Тел противников оказалось куда больше.

Когда они проходили по кровавому коридору, Бертон старался не смотреть на тела,

что оказалось довольно сложно, так как необходимо было видеть, куда наступаешь, дабы не поскользнуться на чьих-нибудь внутренностях. Его все еще мучило, и детектив до боли сжал челюсти, чтобы и его внутренности не вылезли наружу. Вдруг Джон попросил остановиться.

— Опустим меня, — сказал он. Бертон, не без помощи Грасса, усадил его на пол рядом с Майлзом. Тот был еще жив, но на нем просто живого места не осталось. Грудь пересекал кривой прочерк пореза, рану в животе он закрывал рукой, правый глаз залит кровью.

— Ты жив, — прохрипел Майлз, слабо оскалившись в кровавой ухмылке.

— Да, — прохрипел Джон в ответ.

Повисла пауза, слово оба они собирались с силами, чтобы что-то сказать.

— А я вот не очень, — усмехнулся вновь здоровяк. — Я не хотел, — заговорил он вновь после новой, но короткой паузы. — Я считал, что поступаю правильно. Идеи Жнеца... Я до сих пор не знаю, верные они или нет.

— Зато я знаю.

— Это хорошо. Придерживайся своих идеалов. Я вот усомнился в них, и посмотри, что со мной стало. Я убил Машери...

— Это был Шуд.

— Я убил Машери, — повторил Майлз. — Я ведь любил ее, Джон. И жену любил, конечно, но тут нечто другое. Я заслужил такой смерти.

— Никто не заслужил такой смерти. Я скажу, чтобы и тебя вытащили...

— Нет, — перебил его здоровяк почти прежним своим громовым голосом. — Уходи. Уходи и позволь мне умереть с честью, даже если все будут считать иначе.

Джон кивнул и знаком попросил помочь подняться ему на ноги.

— Я прощаю тебя, — сказал он напоследок, и они медленно продолжили путь.

Майлз так и не сказал ему, что ранение в живот он получил совсем не от людей Жнеца.

Завернув за первый же угол, Джон решил, что будет лучше, если его вновь водрузят на плечи, чтобы можно было передвигаться быстрее.

Они бежали по запутанным коридорам так быстро, как могли, и лишь через несколько минут Бертон вдруг заметил, что нет Бобби.

— Сейчас его лучше не беспокоить, — скупое ответил Грасс на вопрос Леброна.

На пути еще не раз попадались Тени, но было их не так много и, судя по всему, они не специально искали нарушителей порядка, но заметив противников, все же бросались в атаку. Пару раз попадались одержимые, некоторые из которых выглядели каким-то больными, у одного по всей кожи воспалились гнойники, у другого взбухли вены. Были они вялыми, а потому особых проблем не доставили.

Несмотря на легкость Джона, когда они, наконец, добрались до выхода, его вес сделался для Бертон почти неподъемным, но он не жаловался, пока, поднимаясь по лестнице вверх, не спотыкнулся и не упал. На него тут же все ополчились, мол, если устал, так бы и сказал, вместо того, чтобы бросать с размаху оземь свою неподъемную ношу. Сама ноша покряхтела, но промолчала.

— Я иду назад, — заявил Грасс, едва они ступили за порог здания. — Нужно найти Бобби, а иначе Камиогава нас всех зашибет.

— Так и так зашибет, — ответил другой. — И лучше она, чем...

— И все же, — перебил его Грассхоппер. Он уже повернулся обратно, когда вперед выступила Хелин:

— Я тоже пойду.

— Нет, — категорично заявил Охотник.

— Я чувствую опасность и могу ее предсказать, если ты пойдешь один, то погибнешь.

Грассхоппер замолчал, обдумывая слова девушки. Умирать ему не хотелось, но и подвергать риску Хелин тоже.

— Я тоже с вами, — неожиданно для себя выдал Бертон. — Здесь от меня пользы мало.

— Как и там.

— На что поспорим, что я стреляю лучше любого из здесь присутствующих? — спросил он, оглядывая раненых и изодранных Охотников. — У меня еще две полные обоймы, я смогу присмотреть за Хелин... а она за мной.

Грасс, снова ненадолго задумавшись, все же согласно кивнул.

— Возьми автомат, — сказал он, — там патронов побольше.

— Я по автоматам не особо, мне лучше с пистолетами.

Джона несли на плечах, словно мешок картошки. Весь день носили. Сначала Майлз, потом Викинг, затем этот Бертон, непонятно как затесавшийся в компанию Охотников. Он понимал, что многое пропустил за дни своего плена, и собирался это восполнить, если все пойдет по плану и он, наконец, будет свободен.

Он не знал, какое сегодня число, но полагал, что до Рождества осталось около недели. Джон не многое узнал от Жнеца, лишь его основной план, но вот способ его реализации до сих пор оставался для него загадкой.

Как только его усадят в машину, он собирался без замедления связаться с Камиогавой. Она должна знать, все должны знать. Необходимо было что-то предпринять, и как можно скорее, а иначе случится непоправимое.

Пока его несли по мосту, Джон все же сумел дотянуться до поручней, собирая в ладонь тонкий слой снега и посылая его в рот. Во рту словно расцвели райские сады. Он не помнил, когда пил в последний раз, и холодная талая вода приятным теплом растекалась по всему организму. Джон чувствовал, как оживает.

Спасенный пленник забылся, наслаждаясь каждой таявшей на языке снежинкой, и очнулся лишь в тот момент, когда несущий его Охотник вдруг резко остановился. До конца моста оставалось метров тридцать.

— Ну и ну, — раздался знакомый сдавленный голос. — В живых осталось больше, чем я рассчитывал, хотя сейчас это не имеет значения.

— Опустим меня, — попросил Джон, и Охотник поставил его на ноги, но продолжая придерживать, закинув его руку на плечо.

В самом конце моста стояло несколько вооруженных человек во главе со Жнецом. Была там и Блэкснейк.

— Так все это было подстроено? — спросил Джон. — Тогда к чему весь этот фарс? Вы потеряли десятки Теней и одержимых, не говоря уже об Охотниках.

— Нет-нет, это не было ловушкой. Мне самому интересно, как вы узнали про это место. Не скрою, к встрече с гостями мы подготовились, хотя и не ожидали увидеть их на пороге так скоро.

— Тогда почему вы сбежали?

— Ты же не думаешь, Джон, что я столь глуп, чтобы бездумно вступать в прямую конфронтацию? Я всегда продумываю пути отхода. Я надеялся, что вы там подзадержитесь, но вы оказались проворней, чем я думал.

— Подзадержимся? — переспросил Джон. — Для чего?

— Я ведь говорю: я всегда продумываю пути отхода. Под всей этой цитаделью, — он кивнул на постройки на острове, — заложена взрывчатка. К сожалению, таймер можно взвести лишь изнутри. Похоже, Шуду не удалось вас задержать на достаточный срок.

Так вот почему этот ублюдок сбежал в самом начале схватки, подумал Джон. Ему об этом сказали уцелевшие Охотники. Он не мог представить, почему столь сильный боец просто взял и сбежал посреди боя, зато благодаря этому в живых осталось больше, чем могло бы быть. Сбежал, чтобы установить таймер. Или он уже был установлен? Тогда решил смыться тем же путем, что и Жнец со своей свитой?

— Майлз бы мне сказал! — крикнул Джон.

— Я никогда не доверял ему полностью. Он очень наивен, пусть и пытается делать вид, что это не так. Переманить его на свою сторону было проще простого.

— И все же он предал тебя.

— Нет, — потряс он указательным пальцем, — он предал вас, а не меня, потому что не может предать тот, кто и так не считался полноценной частью. Я понял, что он слишком глуп уже после раскрытия перед ним своих замыслов, и хотел избавиться от него, но потом решил, что и от дурака может быть польза. Однако той ночью он не убил тебя. Я следил за ним, и когда он вышел из подъезда твоего дома и поплелся за тобой, я уже собирался его убраться, как вдруг из ниоткуда выбежала эта Машери. Я увидел, как они милуются, — фыркнул Жнец, — и у меня тут же созрел очень интересный план.

— Ты боялся, что Майлз тебя предаст, а потому решил схватить и завербовать Машери и использовать ее, чтобы Тор даже и не думал о предательстве, так?

— Твой острый ум очень бы нам пригодился, Джон. Но представь мое удивление, когда я забрался на ту башню и увидел, как эта девка воткнула нож в Майлза, а он и не думал сопротивляться. А я очень не люблю, когда мои планы срываются, — проговорил он со сталью в голосе. — Но это даже было на руку. Когда он увидел, что я якобы собираюсь убить его любимую, то чуть ли не умолял стать моей послушной собачкой.

— И ты приказал ему убить меня. А потом...

— Да. Один из вас должен был убить другого. За этим было интересно наблюдать. Однако ты его не добил. Я снова спас его, гадая, может ли этот увалень вообще быть хоть в чем-то полезен. Хотя кое-что он сделал.

Джон сразу вспомнил их давний разговор и догадался.

— Запись, — подтвердил Жнец. — Ваша битва была записана на видео, как я тебе и говорил. В конце концов, не зря же я этот чертов циферблат сбросил с башни.

Джон знал об основном плане Жнеца, но совершенно не понимал смысл делать запись. Если задуманное им осуществится, в видео пропадет всякий смысл. Смысла не останется вообще.

Он был рад, что узнал больше, но вряд ли Жнец стал бы так откровенничать, желая оставить Джона и остальных в живых. Охотник редко виделся со Жнецом, но и из этих коротких встреч усвоил инфантильность последнего, его желание отомстить всем обидчикам и похвастаться каждому встречному своим острым умом. Вот и сейчас, прежде, чем их убить, он решил приоткрыть завесу тайны, но будучи человеком далеко не глупым, рассказывать всего он не стремился. Вероятно, о всех деталях его плана не знали даже приближенные.

Джон тоже пытался тянуть время, стремясь придумать выход из тупика, или подождать, пока его не найдет кто-нибудь другой, но будучи запертым в четырех стенах, невольно начинаешь кружить на месте, в надежде, что после очередного витка не увидишь перед собой стены.

— Фолла, — обратился он к девушке. Она лишь усмехнулась:

— Надеешься, что я выпрошу для тебя спасения? Даже не думай.

— А для сестры? — Она вздрогнула.

— При чем здесь Хелин?

— Разве Жнец тебе не сказал? Она сейчас в этой, как он выразился, цитадели, осталась, чтобы найти Бобби.

У девушки округлились глаза, и она перевела их на Жнеца.

— Там моя сестра?! Почему ты не сказал?

— А что бы ты сделала? — спросил он бесстрастно. — Скоро все взлетит на воздух, ей не помочь. Я предлагал тебе посвятить ее в наши планы, но ты решила защищать ее до поры до времени, пожинай плоды.

— Ты должен ее спасти! — выкрикнула она гневно. Остальные приспешники Жнеца напряглись. Конченные шестёрки, подумал Джон, зато козырная масть. — Мы же договорились...

— Договор был нарушен, когда твоя сестра пришла сюда с шавками организации! — прикрикнул он в ответ. И тут, словно повинувшись его вспышке злости, раздался взрыв.

Он не был сильным и не сопровождался огненным грибом, как, собственно, и ударной волной, просто вдруг гулкий тяжелый хлопок огласил ночь. Все обернулись на остров. Здания, словно карточные, проваливались сами в себя, вздымая тучу пыли и дыма. Мост слегка зашатался.

Вслед за этим воздух прорезало протяжное «нееет!» — кричала Блэкснейк. Когда Джон обернулся, она уже падала на промерзлую землю; Жнец не убил ее, просто вырубил ударом кулака. Он взмахнул рукой, и большая часть его людей стала отходить, один подхватил на руки бессознательное тело Фоллы.

— Что ж, а теперь, — он достал из кармана широкого плаща небольшую черную коробочку, — пора и нам прощаться.

Джон все понял почти с самого начала.

— В воду! — крикнул он.

Охотников обучали многим вещам, и, несмотря на желание большинства действовать в одиночку, организация много времени уделяла командным работам. Если кто-то кричал пригнуться — все пригибались, если кричали пасть на землю — все падали на землю, — если в воду, даже если та ледяная, — все бросались в воду.

Охотник, державший Джона, перекинул его через перила моста раньше, чем прозвучал первый взрыв. Он прогремел как раз у самого острова, разнося железный мост на куски, второй уже чуть ближе. Они приближались, словно предыдущий являлся катализатором для взрыва последующего, подобно принципу домино.

Вода оказалась ледяной, что не удивительно, стояла середина декабря. Дыхание Джона перехватило, вода забила в рот, нос и уши, он не понимал, находится ли все еще под водой или все же сумел всплыть, а потому боялся попробовать вздохнуть. Короткий плащ, который на него надели еще в самом начале, слетел, оставляя Джона в одних лишь потрепанных за время плена штанах.

Сам не понимая как, но он вдруг ощутил под собой землю, сначала даже подумав, что оказался на дне, но тут же сообразив, что может дышать. Ледяной воздух обжигал легкие не хуже ледяной воды, и все, чего хотелось — тепла, даже не тепла — жары. Джон решил, что если выберется из этой заварушки живым, то где-нибудь летом отправится в теплые страны, и пошло оно все к черту.

Оставалось самое главное — выжить и выпросить отпуска у Камиогавы. Он не знал, что из этого сложнее.

***

Странная троица вернулась в лабиринт. Охотник, бывший полицейский, ныне не очень удачный частный детектив, и проститутка, — компания что надо.

Нож для Бертона все же нашли, даже два, Грасс тоже держал в руках два острых

клинки, но более привычные ему кукри, Хелин же, вспомнив о необходимости оружия, взяла в придачу автомат. Судя по тому, как она его держала, обращаться с ним она не умела, несмотря на то, что всячески пыталась делать вид обратного. Видимо, решил Бертон, с большим оружием она чувствует себя уверенней, точно так же, как сам частный детектив с пистолетом.

— И где нам его искать? — спросил он. — Почему Бобби вообще куда-то ушел?

— Хвала богам, что ушел, — откликнулся Грасс. — У него необычная способность, или, лучше сказать, проклятие, — пояснил он. — Когда он сильно злится, то впадает в бешенство и нападает на всех, кто рядом, даже на союзников. В той битве он почувствовал, что теряет контроль, и чтобы не причинить нам вреда, убежал как можно дальше. Бобби сильный боец, — заговорил вновь Охотник после длинной паузы, — и без него нам стало туго, но поверь, останься он, и выносить мертвых было бы попросту некому.

Бертон решил поверить на слово, тем более что сам видел, как меч бармена то и дело мелькал в куче-мале золотистым вихрем.

Стояла тишина, на пути не попало ни одной Тени. Грасс то и дело пинком открывал попадавшиеся на пути двери, но и за ними не было ни души. Бертон готов был поверить, что они перебили всех монстров в подземелье. За дверьми чаще всего оказывалось пусто, лишь небольшие комнаты, больше походившие на камеры, с лежанками и двухэтажными кроватями без белья. В одной отыскался довольно зловонный туалет, за другой подобие мастерской, только без инструментов.

Они так и петляли по запутанным коридорам, пока вдруг не осознали, что находятся у той самой развилки, где произошла бойня. Вонь от крови и содержимого кишечника стала еще сильнее. Осмотревшись, Бертон вдруг понял, что Майлза нигде нет. Не время об этом думать, вернувшись, он доложит об этом остальным.

Пройдя дальше, они наткнулись на дверь, за которой и обнаружили Джона. Не тратя время на размышления, Грасс ударом ноги распахнул и ее.

— Какие люди, — раздался голос, когда они втроем зашли внутрь. — А я думал, вы уже сбежали.

— Шуд! — зарычал Грассхopper. — Мы, в отличие от подобных тебе, не сбегаем, оставляя товарищей на погибель.

— Товарищей? Каких товарищей? Всех Охотников, что были со мной, вы перебили, оставались лишь Тени да одержимые, как вы их называете. У меня нет от них абсолютной защиты, в отличие от Жнеца, и мне не хотелось бы оказаться разорванным ими на куски.

— А как насчет меня? Тебе хотелось бы быть разорванным мной? — снова прорычал Грасс и двинулся на Шуда с ножами. — Не вмешивайтесь, — кинул он через плечо Бертону и Хелин.

Шуд тоже достал свое оружие. Это были небольшие — меньше, чем у Грасса — ножи,

похожие на клинки самого Охотника, но без выгнутых лезвий, а загнутые полукругом, словно когти какой-нибудь хищной птицы. Бертон много раз видел такие, но все время забывал их название.

— Керамбиты, — сказала вслух Хелин, держа Шуда на мушке автомата, однако обзор ей перегораживал раскуроченный Бобби крест. — У него нет ни шанса против грассовых кукри.

Насколько понял Бертон, Хелин никогда не хотела становиться Охотником, но при этом довольно неплохо разбиралась в холодном оружии, в том числе и во владении им. У Леброна же все было иначе, его страстью были пистолеты, а ножом он и картошку не мог нормально почистить, ни разу не порезавшись.

Но как бы хорошо она не разбиралась в клинках, он сильно сомневался, что она так же умело способна с ними обращаться.

Первым напал Грасс. Он нанес самый очевидный удар — сверху вниз, и можно было подумать, что такой удар нанесет и ничего не смыслящий новичок, но даже невооруженным взглядом непрофессионала можно было разглядеть отточенность движений. Грасс высокий и худой, а руки его длинные, из-за чего удары получаются хлесткими, словно он бьет плетью с острыми ножами на конце. Большое оружие ему бы точно не пошло.

Шуд же наоборот, на голову ниже и телосложение имел более плотное, однако верткости ему было не занимать. Каждый удар Грасса проходил мимо, словно противник уклонялся в последнюю секунду, а может, сам нападающий всякий раз промахивался на миллиметр.

Короткие клинки так и мелькали в воздухе, словно порхающие металлические бабочки: золотистые у Грасса и серебристые у Шуда.

Не прошло и минуты, как Бертон заметил, что Грасс явно уступает. Его дыхание участилось, а движения сделались медленнее, Шуд, до этого лишь уклонявшийся и отводящий удары, Бертон не видел как, но успел нанести первые удары. Кровь капала из-под разрезанного рукава Грасса, заливая ладони, отчего те, наверняка, делались скользкими.

Охотник и сам понял, что проигрывает. Он решил плюнуть на честный бой, тем более что его противник сам точно не отличался благородством. Заприметив на столе железные клещи, он вдруг одним движением смел их и швырнул в Шуда. Тот, явно не ожидая такого подвоха, едва успел прикрыться руками, закрывая голову. Вторым в него полетел какой-то деревянный сапог, который Грасс пнул в противника, отбив ногу как себе, так и Шуду.

Танец клинков и всего, что попадет под руку и ногу, продолжался.

— Это странно, — заговорила Хелин. Грасс и Шуд медленно двигались по комнате, кружа вокруг поломанного пыточного креста и крепкого стола за ним. Бертон и Хелин делали то же самое, стараясь оставаться на противоположной стороне.

— Что именно? — поинтересовался частный детектив.

— Я совсем не чувствую этого Шуда, словно его здесь и нет вовсе. Клянусь, как только я закрываю глаза, мне чудится, словно Грасс сражается с собственной тенью.

Бертон не нашелся что ответить. Все эти способности Охотников были для него диковинкой, возможность видеть в темноте и иммунитет от вселения Теней он еще мог понять, но вот все остальное... Комиксы он не любил, в основном из-за излишне гипертрофированных персонажей. Только ребенок может желать мира во всем мире без последствий, и только он может свалить всю эту работу на плечи одного единственного супергероя, приписав ему все необходимые для этого свойства и способности. И все равно у него это не получается, потому что, помимо гипертрофированных супергероев, всегда есть такие же гипертрофированные суперзлодеи.

Сейчас же Бертон мечтал попасть в один из таких комиксов, где все просто и понятно, а супергерои спасают всех вокруг, не пролив и капли невинной крови.

Из очередного приступа ступора его вывела Хелин. Она вдруг встрепенулась и повернула голову к двери. Бертон проследил ее взгляд, но ничего не обнаружил. Они как раз находились уже почти на противоположной стороне, где застали Шуда, вломившись в пыточную.

— Дверь, — тихо сказала девушка. — Дверь! — выкрикнула она уже намного громче. — Грасс, ты должен вытолкнуть его за дверь!

— И как я тебе это сделаю? — прошипел он сквозь зубы. Было видно, что он чертовски устал, но и Шуд начал сдавать, все хуже защищаясь от случайных швыряний Грасса в него всякими вещами, что попадались под руку и ногу. Одна бровь была разбита, или порезана, заливая глаз кровью, смешиваясь с уже засохшей из разрезанной щеки.

Вдруг он закричал, разбрызгивая кровавую слюну, и с силой влетел в противника. Тот попятился, и от падения его спасла лишь дверь, в которую он врезался спиной. Она открывалась в другую сторону.

Грасс выругался и вновь надавил на Шуда, волоча того к стене. Шуд пытался сопротивляться, вырывался из медвежьей хватки, но придавленный к стене это ему плохо удавалось; пусть он и поплотней, Грасс компенсировал это ростом.

Он сдвинулся чуть правее, так, что косяк двери оказался по левую руку, но открыть дверь не мог, так как руки с ножами у него были заняты сдерживанием рук с ножами Шуда.

Бертон, заметив тупик, подбежал, рывком распахнул дверь, и не поверил своим глазам. В коридоре, метрах в пятнадцати от него, стоял Бобби.

Запыхавшийся, весь в крови, грудь его быстро вздымалась, словно не в состоянии насытиться кислородом, в руке он сжимал свой меч, примерно треть которого была обломана неровным краем. Он повернул голову на шум, но Бертону почему-то показалась, что Охотник его словно не видит, лишь ощущает чужое присутствие. Он зарычал диким зверем и уверенно

зашагал по коридору, неумолимо приближаясь, держа перед собой обрубок окровавленного меча.

— Выброси его за дверь! — снова закричала Хелин. Грасс закричал от напряжения, отвел голову назад и лбом ударил Шуду по носу и рванул на себя, выдергивая из угла, и вытолкнул за дверь, которую Бертон тут же захлопнул.

— Там Бобби, — сказал он.

— Что? Тогда мы...

— Нет, — перебила его Хелин. — Бобби почти не угрожает опасность, он должен победить.

— А если... — Начал Грасс, но тут вдруг в дверь ударили, словно тараном. Бертон чуть не отбросило назад, но Охотник тут же навалился рядом, что оказалось очень кстати, потому что второй удар не заставил себя долго ждать.

За дверью слышалась возня и выкрики, пару раз послышался металлический звук, словно железом ударили по камню. Драка затихла раньше, чем можно было представить, не прошло и полминуты, как за дверью воцарилась зловещая тишина.

Троица переглянулась. Бертон и Грасс перестали подпирать дверь. Охотник взглянул на остальных и кивнул. Он взялся за ручку и потянул на себя.

Острая сталь протиснулась между дверью и косяком раньше, чем щель достигла хотя бы пары сантиметров. Обрубок меча едва не задел отпрянувшего Грасса, и будь клинок цел, Охотник уже лежал бы с пронзенной грудью.

Троица отбежал вглубь комнаты: Хелин и Грасс по левую сторону креста, Бертон — по правую. Бобби, заметив новую цель, также уверенно стал надвигаться на «противников». Его клинок был окроплен свежей кровью, но все еще жаждал больше.

— Дверь! — вдруг крикнула Хелин за спиной Грасса.

— Что — дверь? Она далеко.

— Нет, тут еще одна, она замаскирована под стену. — Она надавила на нее всем телом, но та не поддалась. — Черт!

Времени изучать новое открытие не было. Бобби взмахнул мечом и ударил. Грасс снова еле-еле uklонился. Они с Хелин отходили по кругу комнаты, пока не оказались возле Бертон.

— Отвлеките его, — крикнул он. Частный детектив обежал назад, мимо выхода, и оказался прямо напротив Бобби через стол. На полу он заметил брошенные ранее Грассом в Шуду кусачки, поднял их, смахнул со стола несколько пыточных инструментов и взобрался на

него.

— Эй, ты! — крикнул он, пнув в Бобби какую-то безделушку. — Я здесь!

Бобби отвлекся на новую, более близкую цель, гневно закричал и мечом ударил по ногам Бертона. Тот подпрыгнул и уже в приземлении, держа обеими руками, ударил Бобби кусачками по голове. Тот дубом рухнул на спину и выронил меч.

Сам же Леброн приземлился не очень удачно. Он наступил на какую-то деревяшку, нога подвернулась, и Бертон, вскрикнув от пронзившей его боли, повалился со стола прямо на бессознательное тело бармена. Падение оказалось мягким, но от этого не менее неприятным.

Грасс и Хелин тут же подбежали к ним.

— Ты чем думал?! — закричал девушка с ходу.

— Ты же его убить мог! — крикнул в унисон Охотник.

— Я в порядке, спасибо, — простонал Бертон, сползая с Бобби.

Грасс пощупал пульс у бармена и удовлетворенно кивнул.

— Он в отключке. Что нам дальше делать?

— Убираться отсюда, только вам придется мне помочь, я, кажись, ногу подвернул.

— Убираться? Знаешь, как мы далеко от выхода? Я устал и потерял много крови, Бобби я просто не донесу, а тут еще ты со своей ногой.

— А вторая дверь?

— Какая еще дверь? А, точно.

Грасс поднялся и бесцеремонно перешагнул через Бобби, подошел к двери.

— Тут кровь, — сказал он.

— Это, наверное, твоя, — предположила Хелин, подходя следом. Бертон тоже поднялся и медленно поплелся следом, держась за стол, чтобы не напрягать ногу.

— Ладно, попробуем, — хмыкнул Грасс и навалился на дверь. Хелин тоже ему помогла, но безрезультатно — дверь, замаскированная под стену, словно и правда была таковой.

— Да ею, наверно, уже лет сто никто не пользовался.

— А может, как в кино? — предположил Бертон.

— В смысле?

— Ну, рычаг там какой нужно нажать, книгу потянуть или статуэтку покрутить.

— Нет тут ни книг, ни статуэток, — поморщился Грасс, высматривая и трогая все вокруг.

Бертон приостановился, держась за край стола. Там где есть две пары глаз, третья может оказаться лишней. Он решил пока подождать в стороне, держа ногу на весу, в надежде, что ноющая боль уйдет. «И угораздило же меня в героя поиграть. То под пули прыгаю, то под мечи. Подвернутая нога — слишком слабое наказание за безрассудство, но другого, пожалуй, не надо. А ведь я оказался бесполезен, как и говорил Камиогаве, ничего нового не вспомнил».

Отвлеченный думами, его взгляд шарил по столу: цепи, колья, какой-то деревянный сапог, наверно, пара тому, что Грасс пнул в Шуда, оковы, ноутбук... Ноутбук?

Черный, он лежал почти на самом краю стола, чудом не сметенный в царивших здесь схватках. Пара огоньков говорила о его включенности. Странно, подумал Бертон, и открыл крышку. Черный экран сопровождался серым прямоугольником посередине, на котором мелькали уже белые цифры обратного отсчета, если верить которому, оставалось четыре минуты и девятнадцать секунд.

— Народ, — протянул Бертон вслух, — я бы посоветовал вам поторопиться.

— Без тебя знаем, — отмахнулся Грасс.

— Нет, я серьезно.

Хелин, возможно почувствовав в голосе Леброна напряженность, все же обернулась и увидела ноутбук.

— Что там? — она подошла и взглянула на экран, широко раскрыв глаза, увидев меняющиеся каждую секунду цифры. — Думаешь...

— Скорее всего.

Грасс, заметив всеобщий ажиотаж, тоже подошел. Чертыхнувшись, он быстро вернулся к стене-двери и стал судорожно ощупывать каждый камень, каждую полку, скидывая с них все, что стояло, даже ощупал пол. Крикнул, чтобы ему «уже, наконец, помогли, черт вас дери!»

Хелин тут же бросилась к нему и стала осматривать все то же самое. Бертон начал оглядываться. Вдруг его взгляд остановился на цепи. В комнате царил сумрак, от одного единственного запыленного светильника посреди потолка толку было мало, поэтому вначале он ничего и не заметил, однако свет от ноутбука освятил стену напротив, немного, но достаточно.

Частный детектив уже не раз замечал висящую вплотную к стене с потолка цепь, но

подобных полно по всей пыточной, а потому он не обратил на нее особого внимания, однако теперь он увидел, что почти самый ее низ заляпан кровью.

Бертон оторвался от стола и, прихрамывая, подошел к ней. Неуверенно схватив цепь и взглянув наверх, как бы что не упало на голову, он с силой дернул. Цепь поддалась, а секунду спустя послышался шум работающего механизма. Что-то щелкнуло, и дверь слегка приоткрылась.

Грасс и Хелин переглянулись, словно задавая немой вопрос, кто из них нашел заветный рычаг, а потом их взгляд упал на стоящего чуть дальше Бертон в свете ноутбука. Тот, поймав их взгляды, лишь пожал плечами.

Дальше все происходило быстро. За дверью оказалась довольно узкая лестница на поверхность, а наверху располагался маленький причал с двумя небольшими моторными лодками, даже не причал, просто спуск к воде, устланный деревянными досками, которые давно отсырели и подмерзли тонкой коркой льда.

Грасс так и не смог поднять Бобби на руки, а потому просто взял его под руки и потащил по лестнице, из-за чего хозяин бара потерял обувь. Самому Бертоу до лодки помогла пройти Хелин. Несмотря на все произошедшее, пахла она также приятно, как и всегда в борделе, ну, может, еще добавился запах пота, но он не портил общей картины.

Бертон осадил себя. «Нашел время».

— Что? — спросила девушка.

— А, так, ничего, — замялся частный детектив, поняв, что выразил последние мысли вслух.

Дотащив его до лодки и усадив, она вернулась к Грассу, схватив его нелегкую ношу за ноги. Заметив отсутствие обуви и протертые до дыр носки на пятках, она укоризненно зыркнула на Охотника, но тот, казалось, ее взгляда даже не заметил.

Бертон, находясь на катере, все же тоже сумел кое-как помочь загрузить на него Бобби. Вслед за ним залезли и Хелин с Грассом. Второй, к слову, неплохо умел управлять катером. В организации подобному не обучали, но Бертоу так и не удалось выяснить, где он этому научился.

Не успели они отплыть и на десятую часть мили, как за спиной прогремел взрыв, и здания на острове рухнули, словно выстроенные из хрупкой глины. Вода закрутилась, заполняя внутренние пустоты разрушенного лабиринта. То, чего не сделала Катастрофа, довершили люди.

— И это все? — разочаровано произнес Бертон. — Я ожидал более... масштабного действия.

— Нам бы хватило, — буркнул Грасс.

Они остановились, решая, куда плыть дальше. То, что к большой земле, — было очевидно, но вот в какую сторону? Джон и остальные могли их ждать, а могли уже уехать; некоторые Охотники ранены, и им необходима помощь.

Решение приняли новые взрывы. Мост, находящийся сейчас по отношению к ним на другой стороне острова, вдруг начал взрываться. Словно домино, взрывы катились по мосту, разрушая его до основания. На этот раз они сопровождалась более громкими хлопками и огненными всполохами с фонтанирующими брызгами воды.

Грасс чертыхнулся, завел мотор и резко развернул посудину, из-за чего Хелин с Бертоном чуть не выпали за борт. Уже подплывая к берегу, они увидели несколько таких же отплывающих катеров. Грасс выбрал второе между преследованием и помощи тем, кто оказался в воде. Кто-то плыл к берегу, некоторые не подавали признаков жизни. Грасс затормозил у одного из бултыхающихся тел и не раздумывая спрыгнул в ледяную воду, охватил человека за грудь и одной рукой загреб к недалекому берегу.

— Умеешь управлять это штукой? — крикнул Бертон Хелин.

— Теоретически, а что?

— Сможешь подплыть вон к тому? — он указал рукой на одно из ближайших тел, дрейфующих в реке. Хелин кивнула и сняла катер с холостого хода, аккуратно разворачивая его. Подплыв поближе, она заглушила мотор и как можно более резко развернулась, ударив по телу бортом. Бертон, свисающий как раз с этого самого борта, зацепившись за что-то одной ногой, попытался затянуть человека на катер, но он оказался на удивление грузным, а намкнув, стал просто неподъемным. Леброн сказал, чтобы девушка шла тихим ходом к берегу, пока он сам будет держать человека в воде, приподняв тому голову.

Хелин, как и сказал Бертон, прямо на ходу въехала в пологий берег, отчего их все бросило вперед. Частный детектив кое-как перебрался через борт и аккуратно спрыгнул в воду, стараясь не наступать на подвернутую ногу; вода оказалась всего лишь по колено, и ее холод притупил боль.

Он втащил тело на берег и проверил пульс. Он отсутствовал. Прислушавшись к сердцебиению, начал делать массаж. Спустя полминуты его окликнул Грасс:

— Твою мать, что ты делаешь?

— А? Пытаюсь спасти хоть кого-то! — прокричал он в ответ.

— Это Курман, он погиб еще на острове!

Бертон присмотрелся и выругнулся. Он и правда видел, как его несли уже мертвым. Снова выругнулся. Столько сил и стараний ради спасения уже умершего человека.

Разбрызгивая воду, на берег выбралась и Хелин; Бертон про нее совсем забыл.

— Ты цела? — запоздало спросил частный детектив.

— Да вот, шишку набила, — цокнула она, потирая лоб. Бертон почувствовал себя виноватым, да он и был. — Эй, да это же Курман, — сказала она, увидев тело Охотника. — На кой черт ты пытался спасти покойника? Мы чуть не угробились.

— Я ж не знал, — пожал он виновато плечами.

— Нет, ты все правильно сделал. Не каждый приложит столько усилий, чтобы кого-то спасти. — Она огляделась. — Это же Джон.

Она подбежала к Грассу. Бертон видел, как рядом с ним кто-то лежит, но не особо обратил внимание, а потому только сейчас сообразил, что это и правда Джон, и, в отличие от «спасенного» Леброном, живой. Посмотрев дальше, прикрывая глаза от пламени догорающего моста, он увидел, что на берегу не только они, но и другие выжившие Охотники. На сердце сразу отлегло. Он почти никого из них не знал, но почему-то был рад, что они живы.

Лишь спустя минуту он вдруг подумал, откуда Хелин знает имя этого Курмана? Вероятно, он тоже был ее клиентом. От воспоминаний того, кем является девушка, ему на душе снова сделалось тошно. Такая красивая, такая нежная, любой мужчина пошел бы ради нее на все, а она заделалась проституткой, с которой, похоже, переспала половина организации фриков.

От очередного приступа неконтролируемых дум его отвлек всплеск воды. Бобби, очнувшись, спрыгнул с катера, как и Хелин, держась за голову, и снова по вине Бертона. Сам он вдруг резко вскочил, но боль в ноге пронзила его до самого мозга, и частный детектив вновь рухнул на задницу.

— Тише, парень, тише, — успокоил его Бобби. — Я пришел в себя. Судя по шишке на голове, меня кто-то не слабо приложил. И правильно сделал. — Его взгляд остановился на теле Курмана и сделался испуганно-печальным. — Это... это я его? — спросил он, сглотнув.

— Нет. Думаю, нет. Я лишь знаю, что вы убежали раньше, чем... ну, вы знаете.

Бобби сел на снег рядом с Бертоном, рассматривая окровавленные руки.

— Что там случилось?

Леброн пересказал все события с того момента, как началась бойня в коридоре так, как помнил их сам и как представлял себе, а представлял, надо сказать, он довольно верно.

— Так значит, Джона мы спасли? Хоть одна хорошая новость за день.

Через минуту их окликнули, что, мол, пора отсюда сваливать, пока не нагрянули копы. Разбираться с ними придется так и так, но лучше, чтобы всего этого они не видели. Тела собрали: двое погибших на острове и еще столько же от взрыва моста. Бертон винил себя, что не

попытался кого-то из них спасти, а вместо этого бесцельно реанимировал стопроцентного мертвеца. Справедливый ли это обмен: один спасенный на четырех погибших, не считая раненых? Леброн сомневался.

Микроавтобус оказался на месте, лишь колеса были пробиты, словно в отместку за какую-то старую обиду. Полиция и кареты скорой помощи прибыли раньше, чем новый транспорт от организации, и разбираться с ними пришлось Бобби, что в его состоянии оказалось проблематично.

Полицейские вначале вообще наставили на всех пистолеты и приказали бросить оружие, потом встать на колени и руки за голову, и что б без резких движений, пока не придет подкрепление. Охотники послали их к черту и заявили, что если будет сделан хоть один выстрел, копы об этом пожалеют так, как не жалели никогда в жизни. В конечно итоге они все же позволили показать документы сотрудников организации «Тенелов» и немного расслабились, но оружие далеко убирать все же не спешили.

Скорая осмотрела раненых, кого-то хотели увести, но Бобби не позволил. Через минут пять подъехали машины организации во главе с Камиогавой. Полицейские расслабились совсем. Немного позже прибыло пресловутое подкрепление, которое тут же отослали обратно, но Бертон и остальные этого уже не видели, возвращаясь на базу на семи разных автомашинах.

Ночка выдалась ужасной, самой ужасной из всех ночей и дней частного детектива. Вряд ли ее удастся когда-либо переплюнуть. Бертон надеялся.

Глава 2: Поиски

Неравный бой продолжался, словно шел всегда и будет идти вечно. Оливер очень надеялся, что это не так. Даже не будучи в гуще битвы, он очень устал, чего уж говорить об Охотниках. Несмотря на все их старания, несколько Теней все же проскользнули, и парню пришлось применить все свои умения обращаться с мечом, чтобы их уничтожить. Как казалось ему самому, справлялся он вполне неплохо, но даже если и заслужил похвалы, сейчас всем было не до этого.

Разбилось уже два фонаря, а патронов в автоматах оставалось совсем немного. У всех кончились магазины. Больше всего устали те, кто использовал более грузное оружие, вроде топоров и секир, но и мечникам было нелегко. Пользователи же коротких ножей и кинжалов вообще оказались практически бесполезны, и их посылали узнавать о судьбе второй группы. Они оставались там, взамен них прибегали уже другие такие же бесполезные сейчас Охотники с коротким оружием.

Вторая группа держалась лучше, оттуда даже прислали несколько Охотников на подмогу, хотя проку от них тоже было немного. Казавшиеся очень широкими до этого катакомбы, вдруг стали узкими, заставляя Охотников тесниться, бить друг друга плечами и локтями, и аккуратнее махать клинками, чтобы никого не задеть.

Вторая группа еще и двигалась то ли медленнее, то ли с самого начала ушла вглубь коридора дальше, чем группа Оливера, и теперь первой приходилось задерживать черную волну изо всех сил, дабы не подойти к распутью слишком рано.

Цилиндрический туннель был слишком высоким, до потолка просто физически было невозможно достать ни руками, ни оружием, зато по ним прекрасно лазили Тени, спрыгивая прямо на головы. Чтобы этого не происходило, большая часть фонарей направлялась именно вверх, но это помогало лишь тем, что падали Тени уже обессиленными от ультрафиолета.

Так прошел, наверное, час. Оглянувшись очередной раз, Оливер разглядел уже недалеко распутье и уходящий чуть в сторону главный коридор. Уже близко, подумал он. Отвлечшись, он пропустил рухнувшую сверху Тень, оглянувшись лишь на звук ломающейся штукатурки. Тень, вереща, бросилась на него, сбив с ног, от неожиданности тот обронил и фонарь, и меч, рухнув на спину.

Тень, сбив его на землю, перелетела через него, и теперь скалила острозубую пасть. Оливер замер, стараясь дышать как можно тише, наблюдая за монстром который теперь оказался для него вверх ногами, и боясь оторвать взгляд. Где-то по правую руку лежал короткий меч, а по левую — фонарь. Необходимо было выбрать что-то одно, либо дожидаться помощи, которая, скорее всего, уже опоздает.

Вдохнув поглубже затхлым воздухом, он подскочил как можно резче и кинулся к оружию, ухватившись за лезвие меча, и если бы не перевязанные уже руки с митенками, порез оказался бы серьезным.

Он едва успел выставить клинок, когда его вновь сбили с ног. Тварь, нанизанная на острие, взвизгнула и затихла на груди Оливера. Он видел, как медленно исчезает перед ним густая тьма, растворяясь прямо в воздухе, чувствовал уходящую с груди тяжесть ночного чудовища, порождения тьмы. Через несколько секунд о существовании Тени напоминал лишь слабый запах серы, смешавшийся с множеством других зловоний катакомб.

Поднявшись на ноги, он оглядел себя: куртка была лишь слегка порвана в нескольких местах, ничего серьезного. Переведя взгляд на фонарь, Оливер увидел, что тот не горит. Подойдя и подняв его с земли, он убедился, что ручной источник света безвозвратно сломался от падения. Проклиная свою нерасторопность, он сплюнул и запустил фонарем в стену из Теней, что не осталось незамеченным.

— Ты совсем охренел фонарями бросаться?

— Он разбился.

— А батарею ты вытащил? Оливер тут же покраснел от стыда. Обычно он не страдал ребяческой глупостью.

— Запасная осталась, — промямлил он.

— Давай сюда, а то еще и эту выбросишь. Он тут же подчинился.

Теперь пользы от него стало меньше, чем от Охотников с ножами. Пусть его клинок и был длиннее, но сам он находился не на передовой, да даже если бы и находился, с настоящими Охотниками ему не сравниться.

Оливер снова оглянулся на пересечение коридоров. Взглянув на спины Охотников, он решил, что все равно ничем не сможет тут помочь, и побежал к перекрестку.

Встав на самом углу, он посмотрел сначала налево, потом направо. Группа справа и правда была дальше. Он побежал к ним. На полпути встретил бегущего навстречу Охотника. Они переглянулись, и Оливер решил, что правильней будет что-то сказать, но на ум ничего не пришло, поэтому он лишь глупо пялился на Тенелова. От неловкости он снова покраснел.

Вдруг в ногу кольнуло, и он чуть не упал. Кольнуло в ту самую ногу, которая была загипсована, а он об этом и забыл. Действие местного обезболивающего, судя по всему, стало медленно проходить. Остаток пути он пробежал не так рьяно, стараясь аккуратнее наступать на больную ногу.

Подбежав, он увидел почти идентичную картину. Множество Охотников, стоя плечом к плечу, отбивались от Теней. Посреди ряда он вдруг заметил брешь, а присмотревшись, разглядел стоящую там Миранду с Эвиллой за спиной.

Миранда использовала свою способность на полную, не позволяя Теням приблизиться к ней ближе, чем метра на полтора во все стороны, да даже и на таком расстоянии Тени словно чувствовали себя плохо, плюясь и шипя. Охотники, пользуясь моментом, то и дело уничтожали

отвлечшихся Теней. Оливер решил, что так медленно они отступают именно из-за этого.

Позади всех он увидел и Сьюзен. Подходя ближе, он вдруг услышал ее всхлипывания. Она плакала.

— Сьюзен, — окликнул он ее, но тут его кто-то схватил за рукав. Он вскрикнул и уже занес меч, как увидел, что это один из Охотников, который на занесенный клинок даже не взглянул.

— Ты же Оливер? Что ты здесь делаешь? Тебя послали передать, как обстоят дела?

— Э... Нет. То есть... В общем, вам следует отступить чуть быстрее.

— Это мы и так знаем, — отмахнулся тот. — Но мы не можем, если расслабимся, Тени нас раздавят.

Видимо, потеряв к парню всякий интерес, Охотник вернулся обратно в строй, занося для удара меч странной формы, словно клинок у него получился слишком длинным, и его попросту согнули, превратив в подобие крюка.

— Сьюзен, — снова позвал он девушку, подходя ближе. Та развернулась. Лицо ее и в самом деле оказалось заплакано, откуда-то взявшаяся тушь давно потекла и размазалась по всему лицу, придавая ей странный комичный образ. Оливер едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Оли?

— Сьюзен, почему ты плачешь? Тебя ранили?

Девушка помотала головой:

— Не меня, — она всхлипнула она, — одного из солдат. В него... вселилась Тень, и меня попросили ее изгнать. Но это у тебя такая способность. — Она закрыла лицо руками, и Оливер решил, что больше она не скажет ни слова, но ошибся. — Они сказали, что бежать за тобой слишком далеко, а решать нужно сейчас, иначе он умрет. И я... я...

— Что ты сделала?

— Я помню, как ты говорил, как спас того детектива. Я положила руки на голову одержимому солдату... и сосредоточилась. Сначала ничего не происходило, а потом... — Она снова всхлипнула, но удержалась от рыданий. — Потом он вдруг весь выгнулся, глаза и рот его широко раскрылись. Я подумала, что у меня получается, я была так рада, что хоть чем-то могу помочь. А потом... — На этот раз она не удержалась и зарыдала в голос.

Оливер не знал, что делать. Подойти и обнять ее? Или просто стоять и ждать? Может, отвесить пощечину? Он никогда не понимал девушек, иногда в одинаковых случаях они желают разного.

Он решил, что лучше всего будет подойти и положить руку на плечо, чтобы показать ей

свое участие, если захочет, она сама уткнется ему в грудь или отстранится. Так он и сделал, однако Сьюзен осталась стоять, как стояла, утопив лицо в ладонях.

— Что случилось потом? — спросил он несколько неловко. — Расскажи мне.

— Потом... потом он умер. Он просто перестал двигаться и все. Когда я осознала, что наделала... Охотники ждали, когда вылезет Тень, чтобы ее прибить, но этого не произошло. Я убила и Тень, и человека.

На этот раз она все же уткнулась в грудь Оливеру. Не зная, как себя вести в подобных ситуациях, он неловко приобнял Сьюзен и погладил ее по спине. Однако объятиям не суждено было продолжиться слишком долго. Тени все налегали, а Охотники медленно отступали.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказал Оливер.

— Куда?

— На поверхность. Здесь мы все равно ничем не сможем помочь, а если останемся, то окажемся в ловушке вместе со всеми.

— Предлагаешь просто сбежать? — спросила она как-то с укором и отстранилась.

— Я же говорю: от нас здесь никакого проку.

— Но ты хотя бы можешь изгнать Тень, если она в кого-нибудь вселится.

Оливер не нашел, что ответить. Да, он мог, вот только случаев вселения Теней было всего два, считая случай со Сьюзен. Обычно Тени просто набрасываются и стремятся разорвать жертву, а не сделать ее тело своим новым пристанищем.

От Сьюзен же проку еще меньше, так как ее прикосновения и вовсе смертельны для одержимого, хотя сказать такое вслух он не мог. Ей так или иначе необходимо уходить, но одну ее отпустить он не осмеливался.

В конечном итоге последнее предложение он все же озвучил вслух.

— Хочешь сказать, что я всем только мешаюсь? — обидчиво спросила она.

— Я такого не говорил. Я лишь сказал, что нам всем надо отсюда убираться, а лучшего случая может не представиться.

— Я могу постоять за себя, — с вызовом заявила она. Слезы о случайно убитом человеке высохли, оставив после себя лишь размытую по всему лицу тушь.

Оливеру это упрямство уже надоело.

— Да? И чем же? Где твоя шпага?

Она было потянулась за пояс, но тут же одернула руку и потупилась, поджав губы. Оливер догадался, что оружие она попросту потеряла. Еще оставались ножи, но сейчас они покоились в чехлах бесполезными железками.

— И чем ты собираешься постоять за себя? Голыми руками? — Он помолчал, но ответа так и не услышал. — Давай хотя бы дойдем до распутия, там сама увидишь, как обстоят дела. Снова ничего не ответив, она все же после короткой паузы коротко кивнула.

До перекрестка добежали быстро. Он и не заметил, как противостояние продвинулась дальше. Стоя на пересечении туннелей и у высокой комнаты-бочки, уже можно было разглядеть и Охотников, и кишащую Тенями тьму перед ними.

Охотники слева все еще держались не так хорошо, как правые, где находилась Миранда. Как оказалось, Охотник, что повстречался на пути Оливера, когда тот перегибал в другую группу, бежал сообщить о делах, обратно вернулся уже другой, передал вести, и тот, что допрашивал Оли, направил в подмогу еще двоих Тенеловов с фонарями, но и этого казалось мало. Способность Миранды превосходила любое количество даже самых опытных Охотников, ограждая от темных сил непробиваемой, хоть и невидимой стеной.

Главный ее минус заключался в радиусе. Стоя на самой середине туннеля, она не могла закрыть бреши с боков и сверху, чем и пользовались Тени, безуданно пролезая в них, словно тараканы в узкие щели. Уйди все Охотники на подмогу второй группе, Миранду попросту окружат со всех сторон, и она превратится в валун посреди бурной реки, который бушующие воды едва замечают на своем пути. А вода, как известно, камень точит, и никто не знает пределов сил юной воительницы.

Между тем обе группы продолжали неумолимо приближаться. Сьюзен смотрела во все глаза то в одну сторону, то в другую. Оливер не хотел вновь предлагать ей уйти, во-первых, она может вновь заартачиться, а во-вторых, не желал прослыть в ее глазах жалким трусом, хотя понятия не имел, почему ему так важно ее мнение. Не только ее, поправил он себя, всех Охотников. Один из них, к слову, вдруг его окликнул.

— Оливер! — закричал Клайд, да так, что парень подскочил на месте. — Твою мать, ты куда делся?

— Я, — начал он слабым голосом, но потом понял, что с такого расстояния его едва ли слышно, тем более за всем этим брэнчанием оружия и визгом Теней, и заговорил громче, — я был у второй группы.

— Какого хрена ты убежал, никому ничего не сказав?

— У меня сломался фонарь, — попытался он нелепо оправдаться, чувствуя какую-то вину, но не знал, в чем именно он виноват. — Я бы все равно ничем не смог бы здесь помочь.

— Тебя поставили защищать тылы! Все считали, что ты позади, поэтому тебе и следовало там быть! Мы потеряли еще одного человека!

Оли глупо открыл и закрыл рот, не зная, что возразить. Хотя кое-что все же было: ему никто и не приказывал защищать тылы. Лишь сказали держаться позади и светить фонарем, что он и делал, пока последний не сломался.

Клайд Сдейл молча сплюнул и вернулся в плотный строй, слившись с темной стеной, что стояла на пути еще более темной волны.

Вот так Оливер, спасший человека от одержимости и предупредивший о надвигающейся тьме, превратился в Оливера, которому нельзя доверять прикрывать спину. Он едва сдержал слезы обиды, вспомнив, что не один он может видеть в темноте. Сьюзен все это время стояла рядом, но не проронила ни слова.

Винит ли она его? Из-за него, возможно, погиб человек, но он был виноват лишь косвенно, когда как девушка убила напрямую, пусть и по незнанию. От этой мысли ему почему-то сделалось легче, но в то же время и противно.

Он не знал, что делать и что говорить, и следует ли вообще. Если он сбежит сейчас, хватятся ли его? Обвинят ли в трусости? Он посмотрел в тот коридор, где шагах в ста находилась лестница, ведущая на мнимую свободу. Отводя взгляд, он вдруг заметил какой-то блеск. Присмотревшись, он и в самом деле разглядел далекий свет.

Когда он приблизился, Оливер увидел, что это вторая половина всех Охотников, спустившихся в катакомбы. Половина, в которой оказался Оливер, нынче разделилась на три, однако половина, с которой ушли Мейсон и Везел, казалось, оставалась все той же. Когда они приблизились, в туннелях вновь стало невероятно тесно.

Почти все Охотники, заметив положение товарищей, тут же выругались и всем скопом кинулись на подмогу. Уставшим бойцам пришли на помощь свежие силы союзников. Фонарей стало почти в два раза больше, послышалась канонада выстрелов, так как и патронов у подкрепления все еще оставалось полно.

Оливер и Сьюзен, чтобы не мешаться, отступили вглубь высокого помещения, где было еще более душно, чем в остальных катакомбах, а воняло просто нещадно. Но Оли не обращал на это внимание. В его груди горела какая-то восторженная радость, но при этом и ел стыд за то, что он минуту назад всерьез задумывался о побеге, и на сей раз не ради спасения друзей...

Тяжело дыша и с кровавой ссадиной на голове вдруг показался Мейсон, сжимающий в руках свою любимую булаву. Его явно неслабо потрепали, одежда изорвана, а сама булава в некоторых местах помята, словно ею долбили по каменным стенам. Кулаки его, почему-то, тоже оказались разбиты.

— Мейсон! — окликнул его Оливер. Лысый и угловатый, Оли он совсем не нравился, особенно его постоянные грубые усмешки, которые он, по-видимому, таковыми не считал.

— О, Оливер! — вскинул он руками, — И Сьюзен здесь. Рад, что вы живы, голубки.

— Что у вас там случилось? — проигнорировав «голубков», тут же спросил Оливер. — Почему вы вернулись?

— А. Да ничего особенного, тупик там оказался, а в тупике Тени, и эти, как их, одержимые.

— Одержимые?! — воскликнул Оливер, не сумев сдержать эмоции. — Где они? Что вы с ними сделали?

— Успокойся, успокойся, — примирительно поднял руки Мейсон, в одной из которых все еще покоилась внушительная булава, усеянная шипами. — Приказ все помнили, схватили их, наручники из этого амбисидиана надели.

У Оливера сразу отлегло. Он до последнего не верил, что встретив одержимых, Охотники тут же не перебьют их всех от греха подальше; так проще. Но Камиогава отдала приказ. Потому что Оливер попросил? Организация не хотела потерять столь потенциального члена и потому согласилась? Маловероятно. Тогда, может, они и правда решили попытаться спасти всех одержимых с помощью силы Оли? Не потому ли он как раз столь им интересен? А раньше? Они ведь не могли знать, когда спасали его от Теней, на что способен, если вообще обладает какой-либо силой, как и не знали о способностях Миранды. Или это не так?

Организация чего-то добивается, и во главе их планов стоит пятерка новичков со столь необычными даже для Охотников способностями. Оливеру это не нравилось. Он не знал, задумываются ли о подобном остальные, но сомневался в этом, однако рассказывать о своих подозрениях не спешил, не желая почем зря их тревожить и заставлять волноваться. А если я не прав, думал он, меня же засмеют и объявят параноиком. А если о моих опасениях и недоверии узнает сама организация, меня точно где-нибудь запрут, да хоть в той же психушке. Ладно меня, но и остальные попадут под удар.

— Эй, ты заснул что ли? Оливер встрепенулся.

— Где они? — спросил он.

— Кто?

— Ну, одержимые!

— А, мы их там оставили, — он махнул рукой в сторону коридора. — Они в наручниках, под прицелом фонарей и автоматов, никуда не денутся. Их оставили позади с охраной, чтобы они не замедляли движение остальных. Везел такое сотворил, вы ни за что не поверите! Эти одержимые превратились в полуживых черепах, ни двигаться нормально не могут, ни говорить. Натуральные зомби! — усмехнулся он, а потом и вовсе рассмеялся своей шутке.

— А там были... Ну... — замялся Оливер. Он хотел спросить о друзьях, но не знал, как их описать. Он видел их всего три дня назад, но едва узнал сам: грязные, исхудалые, со слипшимися волосами, куда там их узнавать кому-то, кто никогда прежде их не видел. — Сколько их всего? — решил он задать вопрос.

— А, человек десять, может, дюжина наберется. Я не считал, — пожал Мейсон плечами.

— А Везел? Где он.

— Да был где-то здесь, — он оглянулся. — Он же вырубился сразу, как намутил свои шаманские штучки, его Охотник какой-то нес. А, вон он.

Оливер проследил за его взглядом и заметил сначала Клайда. Рядом с ним стоял почти такой же большой Охотник, а на загривке у него покоился Везел.

Понимая, что добиться от Мейсона внятных ответов вряд ли получится, он, ничего не говоря, бегом направился к ним. Сьюзен отправилась вслед.

— Их нужно отвести в организацию как можно скорее, пока они не пришли в себя, — услышал Оливер слова Клайда.

— Может, ну их к черту? — спросил второй, держащий Везела. — Нам нужны люди здесь. Ты только посмотри! — он кивнул на одну из армий Теней.

— Насмотрелся уже, — угрюмо проговорил Клайд и сплюнул под ноги. — У нас есть приказ...

— К черту приказ! — перебил его второй. — Наша основная задача — найти чертово золото или чертову Дыру. Мы не нашли ни того, ни другого. Нужно уходить, а этого не сделать с лишним грузом на плечах, — сказал он, поправляя груз на плечах.

— Не факт, что здесь ничего нет, — вмешался в разговор третий. Это оказался тот самый Охотник, что расспрашивал Оливера. Один его глаз оказался в крови, возможно, и вовсе вырван, но держался он стойко, словно получил незначительную царапину.

— Ирмин?

— Наша группа так и не дошла до конца туннеля. Тени набросились на нас раньше. Если в этих вонючих катакомбах что-то и есть, то оно в той стороне, — он показал на коридор, из которого появился, и тут же умолк. Там было какое-то движение, какое-то неправильное. Люди закричали, Тени повалили, словно поток воды сквозь рухнувшую дамбу.

Клайд и Ирмин закричали во все горло и ринулись на подмогу, несмотря на раны, несмотря на усталость.

— Подкрепление! — Взревел Ирмин. — Нам нужна подмога!!

Все, кто услышал клич и был свободен, бросились на помощь, не раздумывая ни секунды, словно давно ждали, когда их позовут. Они ринулись в бой с бездной без страха и сомнений, будто давно привыкли вот так каждый день подвергать свою жизнь опасности.

Оливер сомневался, что когда-нибудь станет таким же.

Кто-то выбежал из толпы. Это оказался незнакомый Оли Охотник и Эвила. Охотник нес на руках тело. Миранда, тут же пришла в голову догадка. Эвила не отходит от нее ни на шаг.

Оливер было дернулся побежать, но понял, что они и так бегут сюда, а он лишь окажется помехой под ногами.

Остановившись в самом центре пересечения коридоров, Охотник встал на одно колено, все еще держа девушку на руках и придерживая ей голову. Вслед за ним из толпы выбежало еще несколько человек, неся Охотников и элитных бойцов. Кто-то был жив, стонал и что-то лепетал, словно в бреду, другие покоились на руках безмолвно.

— Что случилось? — потрясенно спросила Сьюзен, опередив Оливера, и присела на колени рядом, касаясь покрытого потом лба Миранды.

— Нарколепсия, — ответила Эвила, голос ее всегда был спокоен и холоден, однако сейчас в нем чувствовалось напряжение. — Она заснула.

— Это наша ошибка, — покачал головой Охотник, оглядываясь на коридор; кризис, казалось, миновал, Клайд и Ирмин возвращались. — Нам говорили об этом, но мы забыли, а потому даже не подготовились к подобному.

— Не вини себя, — сказал, подходя, Ирмин, и положил руку на плечо Охотнику. — Никто из нас не подумал.

— С ней все будет в порядке? — спросила Сьюзен.

— Да, она просто уснула. Эвила не зря находилась рядом, девочка даже не успела закрыть глаза, как она тут же ее подхватила и уволокла, а остальные прикрыли.

Оливер взглянул сначала в первый коридор, потом во второй. Обе группы теперь находились практически на одинаковом расстоянии от перекрестка.

— Уже скоро, — проговорил он вслух.

— Да. Я и забыл, — спохватился Клайд. — Эй, Баку! У тебя все готово?

— Взрыв будет такой, что затмит свет солнца! — крикнул тот в ответ.

— Эй, чего это вы задумали? — не понял Охотник, держащий Везела.

— У нас целая гроздь светошумовых гранат. Мы специально отходим так, чтобы обе группы Теней оказались здесь в одно время, а затем мы жажнем так, что эти твари во век не забудут.

— А если тут все рухнет к чертям собачьим? — Его заверили, что все уже обсудили и решили, только без него. — Хорошо, ладно, черт вас дери, вот только светом вы убьете лишь

тех, что окажутся в эпицентре, остальные же быстро очухаются, вы их всех не перебьете.

— А мы и не собирались. Взрыв даст нам времени, чтобы уйти.

— Уйти? — удивился Охотник. — Черт, я же буквально только что предлагал тебе то же самое, а ты отказался. Сказал, что нужно спасать тех, кто оказался зажат между Тенями.

— Так я и не предлагаю уйти насовсем, нам лишь нужно перегруппироваться. В машинах наверху еще осталось оружие и фонари.

Оливеру план не понравился сразу. Если он отсюда выберется, то черта с два вернется. Его заботили лишь друзья, которые где-то дальше по коридору закованы наручниками и медленно движутся к выходу. Он хотел рвануть туда, посмотреть, есть ли среди захваченных одержимых его друзья, вытащить из них Теней немедленно. И вообще, почему ему не предложили этого сделать, а решили сразу же отправить в организацию?

— Так может это, воспользуемся способностью этого малого? — кивнул Тенелов на покоившегося на его плечах Везела.

— А что он может? — спросил кто-то. Охотник кивнул и вкратце пересказал свою историю.

Оливер обомлел.

Везел, оказывается, обладает просто колоссальной силой, превосходящей всех других. Он словно создает вокруг себя невидимую волну, убивающую всех Теней, попадающих под нее, а одержимых словно дезориентируя. Тени внутри людей, похоже, не погибают, но как бы теряют контроль над телом, однако и сам законный владелец не приходит в себя.

— Несправедливо, да? — хмыкнули за спиной, отчего Оливер подскочил от неожиданности.

— Мейсон!

— Ха-ха-ха! Не бойсь, свои. Говорю, везет Везелу. Хорек чертов. Смотришь: бандит бандитом, зэк, чего с него взять. А тут раз, оказывается нашим спасителем. У нас там тоже Теней привалило, думали, капец нам, а тут он как заорет, руки раскинул, задрожал весь, словно его током шибануло, а потом раз, и повалился наземь. Решили, что с ним приступ какой случился, потом глядим, а Тени-то прямо на глазах падают и исчезают, словно... словно тени ясным днем, во.

— Так что, используем его?

— Погоди, давай сначала подумаем.

— Ты думай, да не задумывайся. Минут десять, и нам тут всем придет каюк.

Тени продолжали напирать, медленно, но уверенно оттесняя бойцов. Да, Охотников и элитных бойцов стало теперь намного больше, но туннель все еще оставался слишком узким, и все, что им оставалось, — светить фонарями из-за спин, иногда подменяя уставших или раненых. Зато теперь ни одна Тень не могла пробиться за спину. Но если обе группы ночных тварей окажутся на широкой развилке, то сметут любого противника перед собой смертоносной черной волной.

— У нас ничего не выйдет, если Везел будет без сознания.

— Сейчас. — Охотник стряхнул бывшего зэка со спины и уложил на холодный и грязный пол. — Я уже пробовал раньше, но у меня ничего не вышло.

Как оказалось, здоровяка, принесшего Везела, зовут Джейсоном, хотя большинство его называли Эскулапом. Прозвище это к нему привязалось, когда узнали, что он способен исцелять, прикладывая руки к телу раненого. Однако это все же не совсем так, о чем он не уставал постоянно повторять. Он мог лишь унять боль, нормализовать состояние и привести человека в чувства, что зачастую летально. Джейсон был новичком в организации, с момента его вступления едва ли прошло больше полугода. А раньше он работал массажистом, и имел репутацию человека с золотыми пальцами.

Везел пришел в себя не сразу. Казалось, будто он уснул после долгого и трудного дня, а теперь не желал просыпаться. Пусть Мейсон и считал, что Везелу повезло со способностью, но Оливеру так не казалось. Терять сознание после каждого использования как минимум не прагматично и опасно, если вокруг тебя нет тех, кто сможет вытащить твое обмякшее тело.

Когда Везел более-менее пришел в себя, его поставили на ноги, хотя все же приходилось придерживать его в вертикальном состоянии, чтобы он не упал.

— Эй, Везел, да? Помнишь, что случилось?

— Смутно, — отозвался тот, прокашлялся и сплюнул. — На нас Тени напали.

— Да, и ты их уничтожил.

— Кто? Я? — поразился спаситель.

— Ты, ты. Так вот, нам необходимо, чтобы ты повторил этот свой подвиг. Сможешь?

Везел, казалось, с трудом понимал, что вокруг происходит. Он то и дело тряс головой и пытался проморгаться, фокусируя взгляд на собеседнике. Было сомнительно, что он сможет воспользоваться своими способностями вновь.

— Эй, ты меня слышишь?

— Слышу я. Я ничего не знаю, ничего не помню.

— Так я тебе напомним. — Клайд обхватил лицо Везела за подбородок своей массивной

рукой и повернул ее к одному из коридоров. Везел дернулся, глаза его в ужасе распахнулись. Он даже попытался вырваться из рук, но держащий его Джейсон оказался для него непосильными оковами.

— Д-да что вам от меня нужно?! Отпустите меня!

— Избавишься от них, и тогда поговорим.

— Я не знаю как!

— Тогда вспоминай, а иначе мы все тут сдохнем. Эй, Бакуган, кончай там возиться, у нас новый план.

Бакуган посмотрел на Клайда так, что даже удивительно, как тот не взорвался вместо гранат.

— И что мне делать? Снова разделять эту связку? Клайд ненадолго задумался, что-то прикидывая в уме и переводя взгляд с одного коридора на другой.

— Знать бы еще, как далеко эти Тени уходят вглубь.

— Опять придумал какой-то безрассудный план? — усмехнулся Джейсон.

— Эй, Баку, а ты сможешь смастерить две связки?

План оказался прост и сложен одновременно, и был рассчитан на чистую удачу. Было много «если» и «возможно». Большинству Охотников и элитных бойцов приказали отойти поближе к выходу, остальным же сдерживать Теней до нового приказа, при этом не рассчитывая на возможность смениться. Оливера и остальных новичков, кроме Везела, тоже, само собой, увели подальше.

Тени и сдерживающие их отряды находились уже, наверно, метрах в десяти-пятнадцати от развилки, в центре которой стоял Везел, поддерживаемый с двух сторон, чтобы не упал или не убежал. Два самых сильных и целых на вид Охотника — Клайд Сдейл и Эскулап Джейсон — взяли в руки по связке светошумовых гранат. Сами по себе они были не тяжелыми, но все вместе теперь весили, наверно, килограммов по пятнадцать. Бакуган смастерил их так, что при взрыве одной, взорвутся и все остальные. На палец надевалась всего одна чека, которую должно было сорвать при броске.

Оливер находился примерно в сотне метрах от происходящего и наблюдал за Везелом. Бандит и бывший заключенный, который до сих пор вел себя вызывающе и безразлично, теперь стоял окруженный двумя вооруженными людьми и дрожал, как перед казнью. Сказать, что Оливеру это не нравилось, — ничего не сказать. Они насильно собираются использовать его силу, и если в первый раз он просто потерял сознание, то что случится во второй, когда прошло так мало времени, а он только очнулся, и то, до сих пор не может прийти в себя?

Оливер понимал, что это необходимо, чтобы выжить, без риска зачастую никак, но ведь

можно же просто с ним поговорить и разъяснить ситуацию. Да, в случае с Везелом это будет не так просто, и сам Оли за такое точно бы не взялся, но тут чуть ли не сотня Охотников, неужели среди них нет никого со способностями оратора, не с суперсилами, а обычными, человеческими?

А если так решат использовать и его силу? И Миранды, Сьюзен, даже Мейсона. Оливер так и не узнал, что у того за способность, а вот силу Миранды уже использовали. Хотя в этом случае, похоже, все было добровольно, Эвила не позволила бы ее мучить. А если ее приставили к ней как раз для того, чтобы Миранда прониклась к ней доверием? Если в организации есть профессиональные психологи, им не составит труда проанализировать мозг любого, а потом подправить где что надо.

Эта мысль заставила Оливера поежиться. Он не замечал, чтобы кто-то вот так промывал ему мозги, но «если ты параноик, это ещё не значит, что за тобой не следят». Медленно и аккуратно, бобры подтачивают дерево, точно зная, куда оно в конечном итоге упадет. Вот только сейчас мешкать нельзя, поэтому на Везела пришлось надавить.

Оглянувшись, Оли видел лишь стоящих за спиной Охотников. Если одержимых вели к выходу, их уже, должно быть, везут в организацию. Сам Оливер этот момент как-то пропустил.

Повернувшись назад, он увидел, как Клайд и Джейсон начали раскручиваться, держа на вытянутых руках связки гранат.

— Как только крикну, — громко сказал стоящий впереди группы Охотник, — закрывайте глаза и уши.

Оливер как-то не сразу сообразил, как можно закрыть и глаза и уши всего двумя руками, потом до него дошло, и он чертыхнулся. Устал. Эта ночь казалось вечной, возможно, на поверхности уже давно светит солнце. Да еще и эта нога ноет, грозясь отвалиться вовсе. Когда Джон говорил, что раны у Хомо Эребус заживают быстрее, он надеялся на что-то большее. Я не супергерой, повторил он вновь себе. Ноге было плевать.

Раскрутившись как следует, Клайд выкрикнул: «Готов!», за ним повторил и Джейсон. «На счет три!» На счет три они с ревом бросили связки гранат прямо в стену Теней, некоторые из которых уже ползали сверху, перебираясь из одной армии в другую, кто-то даже забрался в нишу слева.

Сами же сдерживающие их Тенеловы ничком бросились на землю, закрывшись руками.

На счет три знак подал и впереди стоящий Охотник. Ждать долго не пришлось, буквально через секунду загрохотала канонада взрывов.

Многokrатно отразившись от стен сотнями эхо, они оказались столь громкими, что воткнутые в слуховые каналы пальцы едва ли сильно помогали, а вибрации воздуха заставили сердце замереть. Плотнo сжатые веки тоже не смогли спасти от ярчайшего света, пробивающегося сквозь кожу. Что же случилось с теми, кто оказался в эпицентре?

Сверху посыпалась штукатурка, падая за шиворот, где-то ближе к развилке слышались звуки падения чего-то побольше.

Открыв глаза, Оливер увидел фантастическую картину. Ему сначала показалось, что это взрывная волна, однако она давно прошла и вряд ли была видна, тем более распространяясь на огромной скорости. Это было нечто иное. Словно сгущающийся воздух она исходила прямо из Везела, который ныне лежал на земле и бился в припадке. Как только он затих, пропала и волна. Тени медленно, не издавая ни звука, исчезали, словно их и не существовало никогда.

Не успел Оливер высказать свое мнение по поводу случившегося, как толпа побежала к перекрестку, унося с собой и самого парня. Он даже не мог вытащить из ножен меч, так на него наседали со всех сторон. Оглянувшись, он не увидел ни Сьюзен, ни Миранду. Он надеялся, что их не затоптали.

— Расходимся! Расходимся! — кричал кто-то в толпе, возможно, тот же самый, что и приказал всем закрыть глаза и уши.

Все толпа разделилась надвое, большая группа побежала прямо, туда, где в капкане застрял отряд Охотников, которых, вероятно, уже и не было в живых, оставшиеся же свернули направо, в туннель, который так и не успели обследовать до конца. На пути и тех, и других попадались Тени, но их было мало, да и выглядели они оглушенными, из-за чего разделаться с ними не составило труда.

К центру относили раненых и таких же оглушенных взрывом. Особо сильно пострадавших вроде как не наблюдалось. Неподалеку от эпицентра взрыва слетела вся штукатурка, несколько кирпичных стенок рухнуло, придавив несколько человек. От арки над входом в один из коридоров также отвалился кусок, лишь по счастливой случайности не упав на голову Клайду, который, бросив связку гранат, там же и кинулся на землю. Находящихся ближе всех потрепали Тени, исцарапав спины и руки, коими они прикрывали затылки; их спасли рюкзаки на спинах.

Сейчас же и Клайд, и Джейсон, и даже Ирмин сидели на пересечении коридоров, потирая головы, открывая и закрывая рты.

— Что нам делать? — подходя, спросил Оливер.

— А? Чего? — громко переспросил Клайд. — Говори громче, нас оглушило!

— Я говорю: что нам делать-то теперь?

— А-а, — протянул он. — Да что хочешь.

Оливер замолчал. А что ту еще скажешь? От него и правда мало толку.

Он заметил лежащего на земле Везела, лицо которого было белым не только от осыпавшей его штукатурки, возле него сидел Джейсон, приложив руки к голове и груди.

— Как он? — спросил Оли нарочито громко.

— А? Черт, да неважно. Теперь он вряд ли скоро очнется. Его бы того, наверх отправить, в смысле, в больничку.

Второй раз подобную схему повторить не удастся, по крайней мере, в ближайшие несколько часов. Даже если собрать новую связку и бросить ее за спину Теням, чтобы те от вспышки света сгруппировались и подошли поближе, убивать их было некому.

— Все же погорячился я с присвоением ему лучшей способности, — сказали за спиной, отчего Оливер вновь подскочил. Это опять оказался Мейсон. «Он так бесшумно подходит со спины, потому что умеет или потому что я все время отвлекаюсь и не замечаю ничего вокруг?»

— Прекрати вот так подкрадываться! — все же высказал он.

— Мне и моя способность нравится, — словно не слыша Оливера, продолжил Мейсон.

— Ты ее тоже пробудил? И что ты можешь?

— Да я ее еще в прошлый раз пробудил, как ты сказал, когда на тебя и того мужика Тени набросились, просто молчал. — И словно в подтверждении своих слов, он и вправду замолчал. Оливер вздохнул.

— Так что за способность-то?

— А, так, ерунда, — отмахнулся Мейсон. — Просто могу голыми руками забить Тень. С оружием-то оно будет все же сподручней, — усмехнулся он, поводя своей булавой.

Способность, конечно, не ахти, зато может быть полезна в бою. Конечно, избавлять людей от Теней внутри тоже неплохо, но хотелось чего похожего на способности Везела или Миранды, только без последствий. Но хуже всего, бесспорно, досталось Сьюзен. Убивать одержимых касанием вместе с Тенями внутри. А если способность действует не только на одержимых, но и на обычных людей? Держишь ты ее, такой, за руку, а потом — раз, и упал замертво.

Оглянувшись, он едва разглядел ее в толпе. Сьюзен, спящая Миранда, Охотник, держащий ее, Эвила и еще парочка Тенеловов. Все они были живы и, как казалось, здоровы. Не считая Миранды, конечно, впавшую в нарколептический сон.

Вот Охотник поднялся, развернулся и вместе с Эвилой и еще одним Охотником отправился к лестнице. Они уходили. Вероятно, на этом настояла сама Эвила, а другие просто побоялись с ней спорить. Миранда помешкала, оглянувшись назад, возможно, ища взглядом Оливера, и пошла за ними вслед.

— Вам тоже надо уходить, — раздалось за спиной.

— Клайд?

— Свои способности, как я понял, вы все пробудили, так что вам больше нет смысла здесь

оставаться.

— Я еще могу быть полезен, — запротестовал Оливер. — Да, я облажался, когда ушел без спроса, но я хочу исправиться.

Клайд, казалось, задумался.

Оливер не знал, были ли среди тех одержимых его друзья, поэтому намеревался остаться до конца, и в случае чего тут же воспользоваться своими способностями. Везела теперь нет, и Охотникам при встрече с одержимыми придется применить силу, и даже если те регенерируют, мысль о том, что его друзей, которые и так уже натерпелись, будут еще и бить, не давала ему покоя.

Бертон отрывками помнил свою одержимость, и если его друзья тоже запомнят побои со стороны Охотников из организации, как они отреагируют на то, что и сам Оли присоединился к ним? Тема гуманности здесь отходила на второй план, предоставляя главенство эгоистичному желанию помочь друзьям во что бы то ни стало.

— Я тоже остаюсь, — вышел вперед Мейсон. — И хрен вы меня выпроводите, — без лишних эпитетов добавил он.

Клайд все же решил не тратить время на споры. Приставив к ним еще двоих оставшихся целыми Охотников, он позволил им идти, но лишь в правый коридор, где пока все казалось безопасней. Сам он захватил остальных и направился в левый туннель на подмогу. Остальным он приказал пока отдыхать, а как только кто придет в норму, чтобы отправлялся наверх, брал дополнительное снаряжение и возвращался.

Первыми он запряг Джейсона и Ирмина, чтобы те вынесли отсюда Везела.

— А я-то чего? — возмутился Ирмин. — Кто тебя вообще за главного оставил?

— Я сам остался, пока другие мандавошек считали. Тебе глаз выдрали, загноится, башку придется отрезать, так что не спорь. А Джейсону нужно присматривать за Везелом, чтобы тот кони не двинул, а то Камиогава тогда нам сама так двинет.

— Да я и не спорю, — отозвался Эскулап.

На том и перешли. Оливер с Мейсоном уже спешили догнать вторую группу Охотников, когда Клайд, подправив весь порванный и истрепавшийся килт (рюкзак он где-то давно потерял), поспешил к первой.

Бежать пришлось не так уж и долго; Охотники, конечно, спешили, но и об осторожности не забывали. У них на пути то и дело попадались Тени, иногда целыми небольшими кликами, но вдохновленные недавними событиями, рубились Тенеловы на славу, не оставляя ночным созданиям ни шанса.

Когда они бежали, Оли вдруг почувствовал в ноге такую боль, словно в нее вновь вцепилась

Тень. Он остановился, сославшись на то, что выдохся сегодня уже бегать, остановились и остальные.

— Бегите, бегите, — махнул он им, — я вас догоню.

Когда показались их спины, он достал из рюкзака таблетки, которые ему на всякий случай вручил врач, наказав быть с ними поосторожней. Всякий случай, как казалось, наступил. Он выпил таблетку, подумал, прислушался к ноющей боли в ноге, добавил еще одну, запив все это маленькой бутылочкой воды.

Когда Оливер и остальные добежали до основной группы, они как раз заканчивали с последней Тенью.

— Эй, а вы чего приперлись? — удивился один из Охотников. Это оказался один из тех, кого в организации называют машинами для убийства. Здоровый как бык, крепкий, с блестящей испариной лысиной, он сжимал в руках большие армейские ножи с серрейтором.

— Клайд отправил, — ответил Тенелов, прибежавший с Оливером и Мейсоном.

— Когда это он успел стать главным?

— У него и спроси.

— А, — отмахнулся он, — делайте, что хотите, только не мешайте. Если что, я не виноват.

Ничего не говоря, все двинулись дальше, держа оружие наготове. Лично Оливер сомневался, что здесь есть что-то интересное, если Тени насаждают на первую группу, значит, они пытаются помешать им пройти. Вопрос только в одном: куда?

Здесь же Тени если и попадались, то являли собой разрозненные формирования, словно случайно тут оказавшиеся и попавшие под горячую руку воодушевленных Охотников.

Оливер и Мейсон шли позади группы, хотя второй то и дело норовил проскользнуть вперед, но плотные спины Охотников этого не позволяли, отчего Мейсон то и дело плевался и нетерпеливо разбивал воздух своей булавой.

— Слушай, — обратился к нему Оливер, которому надоело слушать топот пары десятков ног в тишине туннеля, — а Мейсон — это у тебя имя или фамилия? Как тебя полностью-то зовут?

— Мейсон — это фамилия, — ответил тот. — А так я Рутгер.

— Рутгер? — переспросил Оли. Он подумал, что имя это ему очень даже подходит; угловатое, грубое, и обязательно с диким «р», словно рык зверя.

— Да. Мог бы и узнать за все это время.

Если бы Оли плохо знал Мейсона (а так оно и было, но тут дело именно в образе), то решил бы, что тот обиделся.

Он и правда не стремился узнать что-то о Мейсоне или тем более Везеле, а Миранда сама по себе была тихоней, но ведь и сами они не стремились познакомиться поближе. У Охотников, как правило, нет напарников, зато есть приятели, но ведь ими не обязательно становиться только потому, что вы попали в «Тенелов» почти вместе!

Однако сейчас Оливер и Мейсон как раз были кем-то вроде напарников, хотя бы потому, что никого из присутствующих они больше не знали. Оли чувствовал себя несколько неуютно из-за того, что наиболее близкой по духу с ним была именно Сьюзен, девушка, а не такой же, как он, парень. Да, она приятный собеседник, но с девушкой ведь нельзя поговорить о всем том, о чем говорят между собой парни, и вопреки расхожему мнению, это не всегда спорт, машины и эти самые пресловутые девушки.

Из всех Охотников, которых Оливер видел, только Джон был более-менее близок к нему. Он до сих пор гадал, жив ли тот или его давно уже убили? И почему его никто не ищет? После вылазки небольшого отряда, от которого Оливер сбежал, он ни о чем таком более не слышал. Вдруг его держат в какой-нибудь холодной клетке и пытаются, моря голодом? Ему была противна мысль, что организации плевать на своих людей, хотя ради спасения попавшей в ловушку группы, Клайд очень сильно рисковал. Но Клайд еще не организация, и кто знает, какое наказание он понесет за самодеятельность.

Ниша находилась слева туннеля, почти такая же, как и та, что на распутье, за исключением того, что из нее вдруг вылетели Тени, словно черный ураган смерти. И одержимые. С десятков одержимых, грязных, тощих, но нечеловечески сильных.

Возможно, они поджидали жертву, а может, просто мирно пребывали в полусне, как тогда, когда Оливер в первый раз спустился в катакомбы и наткнулся на такое же гнездо.

— Глаза! — заорал кто-то. Оли едва успел прикрыть веки, когда раздался взрыв. От неожиданности он растерялся и не сразу догадался, что кто-то решил воспользоваться светошумовой гранатой, забросив ее в нишу.

Даже сквозь веки пробили лучи, пусть и не причиняя никакого вреда, хотя Оливер до сих пор не до конца избавился от цветных мушек в глаза, когда его ослепили фонарем в подвале, а вот звук... Ниша словно в десять раз усилила взрыв, и пусть Оливер находился не прямо напротив, его все равно оглушило. В ушах зазвенело, как от набата, раздающегося в гудящей голове.

«Сначала ослепило, — подумал он, вновь вспоминая первый визит в катакомбы, — теперь оглушило. Дальше что? Отнимется язык?»

Ему повезло, что он с самого начала вынул из ножен меч, уподобившись остальным. Первая Тень оказалась возле него как будто случайно, словно шла мимо, не замечая никого вокруг. Оливер рубанул, разрезая ее надвое. Вторая оказалась поосмотрительней и едва не вцепилась парню в лицо длинными острыми когтями. Но волновало не это.

— Не убивайте одержимых! — орал он во всю глотку, силясь перекричать звон в ушах. — Не убивайте моих друзей.

Со стороны, наверно, он выглядел нелепо, но сейчас ему было на это плевать. Все смешалось. Голова болела, в глазах двоилось, ноги то и дело старались увести его куда-то в сторону. Вокруг толкались, как в каком-нибудь новомодном клубе, в котором он никогда не бывал, но часто видел по телевизору.

Перед лицом мелькали другие лица, искаженные, кричащие звоном, плюющиеся, залитые кровью. Мелькали черные Тени. Оливер то и дело замахивался на них мечом, но каждый раз на прежнем месте оказывался человек. Может, они и есть Тени?

Что, если Тени — это такие же люди, просто они выглядят иначе, отлично от других? Если так, то они тоже хотят жить наравне со всеми, а мы их убиваем. Но ведь и они убивают, а мы просто равнозначно отвечаем. Это наш мир! А если для них Тени — это мы? Вдруг они ушли куда-то, вернулись, а их мир заняли уродливые монстры с длинными конечностями, использующие для их геноцида блестяще металлы — золото и серебро.

Ведь Джон говорил, что Тени, возможно — только возможно! — появлялись на земле и раньше, еще людей и в помине не было, до их появления оставались миллионы лет. А если они застолбили первыми эту маленькую планетку?

Но вот незадача — они не могут жить без носителя, а люди так им подходят на роль оболочек, все, кроме Хомо Эребус. Эти чудовища убивают их, приходят в их дом, взрывают, колот, режут, изничтожают волнами смерти. Если бездумные монстры в этой истории люди, то кто тогда Тени? Герои-освободители? Но тогда кого они освобождают? Себя?

А как же люди?

Все хотят жить.

Но это не значит, что им позволят.

Должен остаться кто-то один. И пусть это будет тот, кто считает себя разумным, это справедливо. Для того, чей разум позволяет считать это справедливостью. А если нет — историю пишут победители, зачастую в конце битвы забывая, за что они сражались.

Не может существовать войны, в которой главенствовал бы разум. А справедливость?

Оливер сам не понял, как оказался где-то в стороне. Перед ним вдруг оказался одержимый. Разум или справедливость? Убить и рискнуть всем, чтобы его схватить и спасти? Но это ведь не Джо, не Гек, не Бека.

Оливер пришел за друзьями, какое ему дело до остальных?

Он отбросил эти мысли, как грязные и дырявые носки. Уподобиться организации? Ну уж

нет!

Меж тем одержимый прыгнул на него, и парень едва успел отскочить, упав на землю и чуть не напоровшись на собственный меч. Одержимый же, промахнувшись, сбил с ног одного из Охотников, но тут же поднялся и вновь рванув к парню.

Оли вдруг осознал, что все еще лежит на земле, однако не успел подняться на ноги, как одержимый набросился сверху. Он схватил его за шею и придавил к стене, сжимая холодные пальцы. Хватка оказалась железной, в ту же секунду перекрывшая доступ кислорода, меч выпал из ослабших рук. Оливер задыхался, но еще раньше противник мог попросту сломать ему шею, а помочь оказалось некому.

Он потянулся, силясь дотянуться до лица одержимого, но руки того оказались длиннее, а поза самого парня крайне неудобной. Обреченно он ухватился за запястья душителя, практически не надеясь, что это поможет ослабить хватку. В глазах, рядом с цветными, заплясали черные точки. Мозг, лишаясь кислорода, отказывался соображать.

Вдруг хватка ослабла. Сначала слегка, потом все сильнее, Оливер сильнее сжал запястья, открыл глаза. Из глотки одержимого, вереща так, что даже звон в ушах не мог заглушить этого крика, вылезала Тень, суча полупрозрачными лапами.

Хватка ослабла полностью, и Оливер завалился на бок, перекатился на четвереньки, едва держась на трясущихся конечностях, и начал с трудом пытаться глотать ставший в миг слишком плотным воздух. Легкие словно мотор, замерзший на морозе, едва шевелились, стараясь расправиться и впустить кислород. Наконец, воздуху удалось проникнуть внутрь. Оливер вновь повалился на бок, жадно глотая затхлый, но такой живительный кислород.

Битва затихала. Всех Теней перебили, а одержимых, не без труда, скрутили. Наконец, заметили и валяющегося Оливера. К нему подбежали и поставили ноги. Что-то говорили, но он едва мог разобрать слова, в голове все еще гудело, а глотать было больно. Он что-то ответил, но не был уверен, что его поняли.

Посмотрев на того одержимого, что его душил, он указал на него Охотникам. Значит, мне не обязательно касаться лица, между тем подумал Оли. Один из элитных бойцов присел и пощупал пульс, потом поднял голову, что-то сказал и покачал головой. Оливер прочел по губам: «Он мертв»

Но почему он умер? Бертон же просто потерял сознание, да еще и все раны у него пропали почти без следа. А если все зависит от времени пребывания Тени внутри? Джон говорил, что Тень разрушает тело. Но как много нужно времени? Как долго был одержим этот человек? Дольше, чем его друзья? Тогда необходимо вынуть из них Теней как можно скорее, однако вместо этого их увезли в организацию. Оливер решил, что при первой же возможности выскажет Камиогаве все, что думает об организации в целом, и о ней самой в частности.

Оливера подвели к пленникам и сказали, чтобы он извлек из них Теней.

— А почему вы их тоже не отправите в организацию? — спросил он хрипло, при каждом

слове глотку терло, словно наждачной бумагой. Откашлявшись и потирая горло, он снял рюкзак, достал бутылку с водой и допил, однако пользы от этого было мало.

Ему ответили, но Оливер мало что услышал.

— Говорите громче, — прохрипел он, — меня оглушило.

— У нас нет на это времени, — громко повторил ему один из Охотников чуть ли не в самое ухо. — Тот одержимый мертв? Ты его убил?

— Я лишь изгнал Тень.

— Я думал, эта та девчонка убивает прикосновением, — подал голос другой Охотник.

— Меня тогда не было, я ничего не видел.

— Не, ну он же спас того детектива, как его там?

— Возможно, — вновь заговорил Оли, прочищая горло, — все зависит от времени одержимости.

Охотники переглянулись и посмотрели на брыкающихся и плюющих пленников. Все они мало отличались от первого, грязные и очень худые, у кого-то на коже вылезли воспаления и даже гнойники, многие лишились зубов, целые же были черными и кровоточили, волосы росли клочками. У двух-трех сломаны руки, но неизвестно, случилось это давно или в этой битве. Трех в пылу схватки убили.

— Свежими они точно не выглядят, — вздохнул Охотник. — Нам все равно нельзя их вот так оставлять, так что мы либо прямо сейчас с ними кончаем, либо ты изгоняешь из них этих демонов, экзорцист хренов, а там посмотрим.

Оливер так и сделал. Теней убивали сразу же, так только изо рта появлялись их верещавшие рожи, пока они еще не могли напасть. Как и предполагали, одержимые умирали сразу же, как только Тень покидала их, а может, они и до этого были мертвы, превращены в марионеток, кукловоды которых управляли ими изнутри.

— Так даже лучше, — обронил один из Охотников и высморкался. Больше он ничего не сказал.

Среди состава погибло двое, оба обычные солдаты, не Охотники. Два Тенелова и три бойца получили ранения различной тяжести. Убитых решили пока оставить, посадив спиной к стенам, чтобы случайно не наступить; один Охотник и элитный боец остались там же, помогая друг другу обработать раны. На обратном пути, если он будет, погибших необходимо захватить с собой, дабы в дальнейшем похоронить со всеми почестями, как и остальных убитых в этот день.

Побежали дальше. Боль в ноге практически затихла, да и шея не болела, было лишь такое ощущение, словно в глотку запхнули ваты. Таблетки действовали прекрасно.

Впереди бегущий сбавил шаг, и жестом приказал всем остановиться, пытаясь высветить сгущающуюся впереди темень. Так же сделали и остальные.

— Там справа еще одна ниша, — проговорил он шепотом, и если бы не передающие по цепочке его слова, Оли так бы ничего и не услышал.

Говоривший Охотник достал светозумовую гранату и обернулся, показывая, что собирается делать. Оливер сразу смекнул, что попав под раздачу второй раз подряд, ему не миновать глухоты, а потому заранее отвернулся и заткнул пальцами уши, после чего сильно зажмурился.

На сей раз все прошло куда удачней, как для его ушей, так и для глаз. Когда он обернулся, бойцы уже с криком и оружием наголо влетали в темную нишу. Оли вынул пальцы из ушей, однако шума бойни не услышал, лишь тишина.

На всякий случай осторожно он подошел к нише и заглянул за угол, тут же обомлев от увиденного. Он считал, что его теперь ничем не проймешь и не удивишь, но ошибся.

На противоположной от входа стороне в воздухе, метрах в двух над землей, висел круг, что чернее черного. Даже не круг, окружность с неровными краями, которые, словно волны, то и дело сужались и расширялись, будто продуваемые ветром рваные паруса. Полный размер такой окружности составлять около двух метров, а при сужении достигал дыры, в которую едва ли пролезет голова. Вот только вряд ли найдется такой смельчак, кто решится это проверить.

От висящей в воздухе дыры тянуло каким-то замогильными холодом, от которого не спрячешься под слоем толстых дубленок. Ветра не было, но воздух здесь как будто был свежее, но при этом, если принюхаться, слегка тянул серой. Прямо под мрачным оком, на что не сразу обратишь внимание, валялись золотые и серебряные побрякушки. Не очень много, на клад это совсем не тянуло, даже в потраченных патронах из амбисидиана и то металла больше.

— Это Дыра? — раздался в тишине голос, от чего некоторые даже подскочили. Спрашивал Майсон.

— Она самая, черт ее дери.

Снова помолчали.

— Надо вызывать мастеров, — сказал другой Охотник.

— Дальше тупик, — раздался голос за спиной. Вернулись Охотники, которых отправили проверить дальнейший путь туннеля. — Обвалы.

— Возвращаемся.

— Куда?

— Обратно, на перекресток. Мы нашли, что искали, но что надеялись не найти. Золото. — Он пнул одну из побрякушек на земле. — Да будь здесь хоть целая гора этого золота, наши потери оно не возместит. — И он сплюнул.

Назад бежали без остановки, не отвлекаясь на Теней. Оставленных погибших и раненых бойцов забрали.

На распутье они встретили человек двадцать пять. Одни были ранены, другие выглядели вполне здорово. Как заметил Оливер, все здоровые имели оружие ближнего боя, вроде ножей и кастетов. Рюкзаки сняты, кто-то ел, кто-то пил, другие же поили раненых, не способных самостоятельно утолить жажду.

— Чего это вы?

— Приказано пока здесь побыть на всякий случай. Чего это у вас, раненые?

— Если бы только они, — горько отозвался Охотник.

Из всей толпы выбрали четырех менее потрепанных, им и приказали доставить тела на поверхность. Четырех за тем, что по лестнице в одиночку одного не затащишь.

— Где остальные, еще воюют?

— Да, медленно пробиваются вперед. Некоторые уже успели сгонять до машин и вернуться с патронами, оружием и фонарями. Вы тоже туда пойдете?

— Не все. Сюда надо вызвать бригаду. Мы нашли Дыру.

Собеседник чертыхнулся и сплюнул, как и некоторые другие вокруг.

— А золото, серебро?

— Да там валяется немного, но явно не то, на что мы рассчитывали.

Народ распределили. Большая часть отправилась на подмогу тем, кто оказался в тисках между Тенями. За столько времени, окруженные с обеих сторон, без подкрепления и с ограниченным запасом патронов, Оливер очень сомневался, что там выживет хотя бы один.

Самого его, как и Мейсона, отправили на поверхность. Оли не особого-то и сопротивлялся, в отличие от Рутгера, его друга, если где и были, то точно в первой связке одержимых, и чем раньше он до них доберется, тем больше шансов их спасти.

Как оказалось, у него было ранено левое плечо, по которому стекала кровь до самых ладоней, а на голове засела шишка, и это не считая посиневшей и расцарапанной шеи. Боли Оливер не чувствовал, как, в общем-то, и особой усталости, хотя должен бы. Таблетки работали лучше, чем он рассчитывал, даже слишком хорошо, будь ранений побольше, он мог бы умереть от потери крови, и даже не заметить этого.

Несмотря на внутренние ощущения, на улице царил мрак ночи, однако по сравнению с подземельем, здесь было так ярко, аж глаза слезились, а морозный воздух наполнял легкие свежестью.

Оливер сам не заметил, как уже очутился в дороге на пути к зданию организации. Кто-то перевязал ему кровоточащую рану на руке, удивляясь его стойкости. Этот кто-то не знал о его ноге.

Ночь еще не закончилась, но в душе наступило утро. Оли решил больше не зарекаться насчет катакомб, если прикажут, ему придется спуститься туда. Если, конечно, он продолжит работать на организацию.

Сейчас его мысли занимали лишь друзья. Пусть только эта Камиогава заикнется, что среди одержимых их не было, он сломает ей нос, и пусть его потом хоть всего изобьют, этого никто не сможет отменить.

Сжимая кулаки и челюсти, Оливер зло подумал, что надо было все же отправиться с той группой, как ему и предлагали. А если бы с ними пошла Сьюзен и использовала бы на ком-нибудь свою силу? Простил бы он ее за убийство друга, пусть даже случайного? Но этого не произошло, однако успокаивало это мало. Чураться девушки он не хотел, бояться, что она ненароком убьет ее касанием, подобно василиску. Их способности были так похожи, но и так различны, словно скальпель хирурга и нож убийцы.

Путь от родного гетто до родной теперь организации пролетел незаметно. Лезущие в голову мысли работали лучше любой телепортации: вот ты, грязный, потный и окровавленный вылезает из мрачного зева подвала, а вот уже подъезжаешь к уродливому длинному зданию, словно серому улью, упавшему на бок, в котором обитают какие-то неправильные пчелы в черном, и жалящие куда больнее и смертоноснее.

За время поездки Оливер слегка поостыл. Ругаться и топтать ногами больше не хотелось, криками делу не поможешь, особенно если речь идет о Камиогаве, и понять это ему следовало куда раньше. Излишние эмоции — плохой помощник, особенно если их от тебя ждут.

Микроавтобус остановился, и все сразу же оживились. Остановился он не на стоянке, а прямо на подъезде к ней. Оливер выглянул в затемненное окно. Всю парковку заняли одинаковые темные микроавтобусы, из-за чего просто невозможно было проехать дальше. Тут явно были не только те, что приехали от катакомб.

Дверь открылась, и Охотники по одному вышли на улицу, парень немедля последовал за ними. Микроавтобусы стояли кое-как, игнорируя разметку на асфальте, словно парковались женщины у салона красоты. Машин было не меньше, чем когда они уезжали на задание, однако большая часть все еще оставалась в гетто, получается, эти прибыли откуда-то еще.

Оливер видел, как выносят тела и выводят раненых, при этом некоторых он видел впервые.

— Этих точно с нами не было, — сказал Мейсон, очередной раз подобравшись незаметно.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Оли, стараясь делать вид, что не удивлен появлением рядом с собой бритоголового.

— Похоже, они были на другом задании.

И словно в подтверждении слов Мейсона, Оливер разглядел в толпе отдаленно знакомое лицо, но тут же потерял его из виду. Он задумался, припоминая, кто это был. Так бывает, когда бросаешь взгляд на вымощенную камнем дорогу, потом отводишь глаза и вдруг понимаешь, что там валяется центовая монета, ты начинаешь уже нарочно вглядываться, но ничего не находишь.

Оли начал вспоминать всех, с кем из Охотников был знаком.

Грасс? Нет, не он. Афро? Она в больнице, если вообще еще жива.

Он поднял взгляд и теперь уже четко увидел Бертона, заходящего в здание. Он был потрепан не слабее, чем сам Оли.

Джон!

Мысль пришла так резко, что парень аж подпрыгнул. Это был Джон! Его спасли! Вот что это было за другое задание. Но почему ему никто не сказал?

Джона он узнал не сразу, потому что тот мало походил на себя прежнего. Длинные слипшиеся волосы, как будто мокрые, но без бороды, осунувшееся лицо, такое худое, словно он не ел целую вечность. Кажется, кто-то его поддерживал под руки.

Его пытали. Морили голодом. Он был таким же худым, как большинство одержимых, как его друзья.

Сбросив оцепенение, он направился к входу, ругая себя за то, что не сделал этого раньше. Но его порыв закончился, не успев начаться. В вестибюле находилось полно народу. Лифт был всего один, и чтобы переправиться всем, куда им надобно, требовалось время. Первыми, конечно, шли серьезно раненые, за ними на руках несли тела убитых. Их было так много.

Сюзен с Мирандой ушли намного раньше, вероятно, сейчас они в лазарете. Как и Везел.

— Эй, Оли, — окликнули его. Он оглянулся. Перед ним стоял Бертон, который, судя по всему, не был серьезно ранен, хотя лицо и покрывали синяки.

— Мистер Бертон!

— Зови меня просто Бертон. Или Леброн.

— Где вы были? Вы спасли Джона? Что с ним?

— Не спеши, не спеши. Все узнаешь. Не знаю, можно ли об этом говорить, хотя не вижу причин, почему бы и нет, давай только отойдем в сторонку.

Они отошли, благо вестибюль отличался размерами. Мейсон увязался за ними, словно свита, Бертон не стал его прогонять, да тот бы и не ушел.

— В общем, пока вы бегали по катакомбам, мы выполняли секретное задание по освобождению Джона. Ну, под нами я подразумеваю Охотников, а я так, пятое колесо.

И Бертон выложил все, что знал и видел, опуская мелкие подробности, вроде своего героического представления перед Шудом и диалогов, как между Джоном и Майлзом. К концу рассказа у лифта осталось лишь пара человек. Оли хотел было рассказать в ответ, что приключилось с ними, и почему он тоже, как выразился частый детектив, оказался пятым колесом, но тут Леброн заметил на полу кровь.

— Эй, да у тебя кровь идет. Что ж ты молчишь? Тебе в лазарет срочно. Пошли, пошли, потом расскажешь свою историю, никуда она не денется. Свою я никогда не забуду.

Оливер не сказал о крови, потому что не знал, что она у него идет. Похоже, швы на ноге разошлись, не сдержал их и гипс из турбокаста. Таблетки работали, и он ничего не чувствовал, даже то, что ногам мокро от залившейся в обувь крови. «Зря я сразу две принял», — подумал он.

По пути вниз Бертон запричитал:

— Как же хочется домой, но меня теперь вряд ли отпустят. Ради моей же безопасности, ага.

— А вас что, кто-то дома ждет? — поинтересовался Оливер.

— Ждет? Ну, может, кот. Еда-то у него, вероятно, кончилась. Если он еще не издох, то ждет, но, скорее, не меня, а чтобы его кто-нибудь покормил.

— А где вы живете?

— Зачем тебе? — удивился Бертон.

— Я все-таки Охотник, пусть еще и неопытный, однако успел побывать не в одной заварушке, сами знаете. Возможно, если меня отправят на улицы, я смогу к вам заглянуть, накормить кота.

Бертон немного помялся, но все же сказал парню свой адрес, а также, где искать запасной ключ. По правде говоря, он даже не знал, что с его квартирой; когда он был там в последний раз, разразилась настоящая бойня. Он лишь узнал, что все его телохранители оказались мертвы, как и большинство нападающих, среди которых были как одержимые, так и обыкновенные люди.

Весь народ, судя по всему, стянулся вниз, в лазарет. Пол от лифта и до самой подземной больницы был залит кровью и грязью, валялась испачканная и изодранная одежда, некоторая вообще насквозь мокрая. Люди в лазарете то и дело ходили туда-сюда, носили капельницы и

медикаменты, кто-то бегал в хирургических перчатках, подняв над головой вымытые до стерильности руки.

И откуда только взялись все эти врачи и медсестры? Когда он сам здесь лежал, то видел лишь своего лечащего врача да пару медсестер.

Оливер не успел как следует об этом задуматься, когда его очередной раз окликнули. Это оказался тот самый врач, что накладывал ему гипс. Он глянул на окровавленную штанину с ботинком и покачал головой.

— Так, идем со мной, — сказал он таким тоном, с каким обычно не спорят. Остановив другого врача, он сказал кому-то что-то передать и потащил мальчишку дальше. А именно так чувствовал себя Оливер — нашкодившим мальчишкой.

Они зашли в свободный кабинет, почти идентичный тому, в котором он лежал не так давно.

— Таблетки пил? — Оливер кивнул. — Сколько?

— Две.

— Так и знал, что не надо было давать тебе целую пачку, но я решил, что ты можешь с кем-нибудь поделиться в случае чего.

Оли зарделся. Он и не подумал даже о том, чтобы с кем-то поделиться, просто не подумал, а ведь там были раненые, возможно, кому-то это спасло бы жизнь. Но теперь думать об этом уже поздно.

Врач сделал перевязку. Зашивать заново не имело смысла, потому что разошлись лишь нижние швы, и он их лишь заново стянул, а благодаря таблеткам, Оливер этого почти не почувствовал. Накладывать гипс тоже не стали, долго это, да и бегать в ближайшее время ему все равно никто не позволит. Перевязали и руку, и голову, наложили повязки на несколько других несерьезных ранений, о которых Оли даже и не догадывался.

Под конец он стал похож на мумию. Ходить ему разрешили, но лишь с костылями, пусть боли он не чувствовал, но на ногу наступать все равно нельзя. Грязную и рваную одежду он сменил на больничную. Спорить ему не хотелось, он желал поскорее узнать, что с остальными: Сьюзен, Миранда, Джон, его друзья. Хотелось отправиться ко всем и сразу, но ближе всего оказалась Миранда.

За порогом палаты, помимо самой спящей девушки, как и ожидалось, он встретил Эвилу со Сьюзен.

— Как она? — спросил он.

— Спит, — ответила Сьюзен. — А ты?

— Да так, пара порезов и ушибов, ничего серьезного.

— А костыли?

— А, это так, чтобы швы на ноге не разошлись.

Темы для разговоров как-то кончились. Он не знал, о чем еще спросить, да и вообще, если тут все хорошо, он хотел продолжить свой поход. Однако тему нашла сама Сьюзен:

— Афро пришла в себя.

— Правда? — обрадовался Оливер. — Это здорово.

— Ну как — пришла. Она очнулась, но ее вновь накачали, чтобы спала. Не знаю, так надо. Я была у нее, — как-то невпопад добавила она. — Врачи говорят, если бы не цепь кусаригамы, обвитая вокруг талии, второй удар задел бы что-то там жизненно важное, а так — свезло, лишь селезенку вырезали.

Значит, все не так плохо. Хотя нет, нужно выразиться иначе: плохо, но не так, как могло бы быть. Способность убивать касанием никуда не делась, вот и сейчас Сьюзен сидела, зажав ладони между коленей, словно боясь ненароком кого-нибудь коснуться.

Никто о подобном не предупреждал. Способности должны были стать чем-то, что помогает бороться с Тенями и спасать людей. Миранда отгоняет ночных монстров от себя, Везел их и вовсе уничтожает, Мейсон может убить их голыми руками, а сам Оливер изгонять их же из одержимых. Так почему же Сьюзен досталась именно эта? Где тут справедливость? Родители девушки умерли совсем недавно, потом Афро, ставшая ей кем-то большим, чем наставником, едва не погибла от рук предателя, а теперь еще и это. Словно она была прокаженной.

Оливер лишь надеялся, что сама она так не думает. Утешать ее не имело смысла; когда слова утешения хоть кому-то помогли? А вот отвлечь — другое дело.

— Кажется, Джона спасли.

— Правда? Я не видела.

— Да я сам лишь мельком его увидел. Похоже, наше задание было не единственным.

— Оно было секретным, — подала голос Эвила, о которой Оливер даже забыл, так она была неприметная в палате с приглушенным светом, словно слилась с тьмой.

— Да, Бертон мне рассказал. Но почему оно было секретным?

— В организации предатели, нельзя было, чтобы кто-то прознал про него. — Голос Эвилы был слегка скрипучим, словно заржавевшим от долгого неиспользования. Она говорила медленно, иногда делая короткие паузы между словами. — Наше же задание было отвлекающим маневром. И заодно проверкой вас пятерых.

Ничего себе проверка, подумал Оливер, столько человек погибло и пострадало. И вызволяющие Джона тоже, судя по всему, сильно пострадали. А все ради чего?

Организации очень важна их пятерка, и Оливер все четче это осознавал, не зная лишь одного — зачем? Из-за способностей? Это точно было не единственной причиной. И этим не грех было воспользоваться.

— Я хочу повидаться с Джоном.

— Тебя к нему не пропустят, — сказала Эвила. — Сейчас его спрашивает Камиогава и другие главы организации.

— Тогда я хочу увидеть своих друзей, к ним-то мне еще можно, или мне придется ждать, пока они не превратятся в ходячих мертвецов, из-за чего я не смогу их спасти? — Оливер начинал заводиться, и сам понимал это, однако не мог сдержать переполняющих его эмоций.

— Наберись терпения. Завтра будет большое собрание, где все разъяснят, ты сможешь увидеть и Джона, и своих друзей.

— А если я не могу ждать до завтра? Если мои друзья не могут? Возможно, именно эти последние часы станут для них роковыми. Что тогда? Они умрут, но убьют их не Тени, не этот чертов Жнец, а организация! Ты их убьешь, Охотница, ты и тебе подобные! Тогда чем вы лучше Жнеца и Теней?

— Оливер, успокойся! — крикнула Сьюзен.

— Зачем? Сначала мне нельзя было идти искать моих друзей, теперь, когда они так близко, мне нельзя избавиться от Теней! Зачем мы, пятеро, вам понадобились? Что вы от нас хотите? Вы хотите использовать моих друзей как заложников, чтобы я вам подчинялся? Вы вытащили Везела из тюрьмы, чтобы он был вам благодарен. Якобы спасли мне жизнь, чтобы и я не смог отказаться, а после того, как я сбежал и направился на поиски друзей, вы поняли, что я не столь покладист, поэтому и захватили моих друзей, возможно даже, что именно вы и натравили на нас Теней! А родители Сьюзен? Действительно ли это был несчастный случай?

Вдруг Сьюзен резко поднялась со своего стула, очень быстро подошла к нему и залепила пощечину, аж воздух зазвенел, или это в ушах.

В ее глазах стояли слезы. Оливер так вышел из себя, что потерялся в собственных мыслях, забыл, где явь, а где им же выдуманная фантазия, дикие теории и параноидальные гипотезы. Правдивы ли они? С тем же успехом он мог обвинить «Тенелов» в убийстве его матери десять лет назад и спаивании отца. Несмотря на это, отныне доверять полностью организации он не собирался никогда.

Но в чем провинилась девушка? Сьюзен такая же заложница обстоятельств, как и он. Смерть ее родителей — величайшее горе в ее судьбе, незаживающая рана, которую, в пылу пагубных эмоций, он густо посыпал солью.

Ответить Оливеру было нечем. Он молча развернулся и вышел вон, лишь за порогом вспомнив о костылях. Отправился он не в палату, как должен был, а к себе в комнату. И пусть только кто-нибудь попробует меня остановить... Но его никто не остановил и не окликнул; все были заняты более важными делами, чем его мелочные домыслы, основанные лишь на юношеских запальчивости и мнительности.

Если ты не параноик, это ещё не значит, что за тобой не следят.

Глава 3: Мрачный Жнец

Смерть приходит к каждому, и лишь глупцы встречают ее с распростертыми объятиями.

Именно такие мысли посещали молодого священника из Германии по имени Вольфганг Зельвейзер. Несмотря на то, что католики должны верить в жизнь после смерти, лучшую жизнь, чем на Земле, Вольфганг почему-то совсем не хотел умирать, боясь даже самой мысли о смерти. Он каждый день неистового молил Бога дать ему сил, чтобы бороться с этим страхом, но ответа не получал.

После обучения в семинарии, он совсем не представлял, что делать дальше. Оставаться дьяконом ему не хотелось, он стремился к чему-то большему, быть на высоте, главенствовать, чтобы с его мнением считались, а советы воспринимались как побуждение к действию. Да, мысли для служителя католической церкви несколько грешные, но Вольфганг всячески отказывался верить, что другие не имеют похожих желаний.

Он очень долго учился, чтобы знать всю подноготную церкви и вообще религии, и потому мышление его отличалось от остальных: он был пастором, пастухом, а остальные всего лишь паства, стадо овец. Подобное отношение можно было бы считать безнравственным, если бы оно не было прописано в Священном писании.

Будучи немцем, Вольфганг стремился к постоянному идеализму, он хотел стать выше, лучше, излучать уверенность и надеяться, что на него будут равняться, и очень не любил, когда подобное происходило с другими. В Германии основной религией был католицизм, хотя хватало и протестантов, которых Вольфганг не переносил на дух. «Ленивые христиане», — называл он их пренебрежительно. Особенно он ненавидел баптистов, с этими их плясками и пениями. Цирк.

В Германии протестантов было примерно столько же, сколько и католиков, а вот в США наблюдался явный перевес в сторону «циркачей». Различных церквей у них было столько, что становилось сомнительно, действительно ли они преданы религии или просто пытаются перещеголять друг друга в более идиотском названии церкви. Все они больше походили на секты.

И самое ужасное из всего этого — это считалось нормой.

А тут еще неожиданно узаконили бордели с продажными девками. Религиозный мир ответил незамедлительно, что заставило священника ликовать: еще не все потеряно. Но радоваться слишком рано — плохая примета. Высказавшись категорически против, католики и представители других конфессий, побузили еще пару месяцев и, не найдя особой поддержки, смирились с фактом развращения общества.

Как только Вольфганга рукоположили в сан пресвитера, он тут же рванул в утопающую в ереси Америку. Но поехал он туда не только потому, что хотел наставить всех на путь истинный, но и по более эгоистичным мотивам. Если где-то очень много протестантов, а он будет их вовсю поносить, — его точно заметят. Оставаться простым священником надолго он не

собирался, надеясь в скором времени получить сан епископа, вот тогда его точно признают все, а там... Слишком мало среди римских пап было немцев, а вот итальяшек целый ворох, каждый третий, и это не считая римлян.

Вольфгангу понадобилось около месяца, чтобы его невзлюбили все, кто о нем слышал. Ярый противник протестантства, он то и дело обзывал их еретиками, атеистами, противниками Христа и Бога, сектантами и ально сатанистами. Даже американские католики, поначалу довольно тепло его принявшие, начали неодобрительно на него поглядывать, прося уняться. «Уняться? — гневно отвечал он. — Да если все так оставить, лет через десять все люди будут лишь носить крестик на шее раз в неделю, и считать, что этого достаточно, чтобы тебя считали истинным верующим. Я не для этого проучился полжизни!»

Но его не слушали. Конечно, у него были и немногочисленные сторонники, но с каждым его выступлением их становилось все меньше. Мечты о сане архиерея рассыпались на глазах, не говоря уже про архиепископа. Слово «консерватизм» стало оскорбительным, а традиционные доктрины превратились в свод пожеланий, которые соблюдать не обязательно, а если очень хочется, можно вообще создать новую церковь с любыми правилами, какими захочешь. И это тоже все считали нормальным и богоугодным.

В тот день Вольфганг Зельвейзер молился в своей аскетически обставленной келье при соборе. Молился неистово, стоя коленями на жестком полу и сжимая ладони так, что побелели костяшки пальцев рук. Он читал молитвы на немецком и английском, на латыни и греческом, в надежде, что Бог его услышит и подаст знак, укажет дальнейший путь. Он считал себя единственным верным, а раз так, Господь просто обязан откликнуться на его молитвы, либо сейчас, либо никогда.

Сначала почувствовался легкий толчок, словно кто-то грохнул дверью, и вибрации прошли по полу. Вольфганг не обратил на это внимания: молитву ничто не должно прерывать, особенно если она читается в келье. Однако вторая тряска оказалась чуть значительней, и священник все же был вынужден прервать свое моление.

Он прислушался. В соборе кто-то бегал и что-то кричал. Вольфганг, подобрав полы сутаны, вышел наружу.

— Что случилось? — спросил он у пробегающего мимо клирика.

— Отец Зельвейзер! Землетрясение! Все бегут в бункер под собором, поторопитесь! — и он убежал, даже не дождавшись ответа.

Землетрясение? В Нью-Йорке? И это в час молитвы о знаке свыше? Вольфганга переполняли эмоции. Если Бог услышал его молитвы, то это и есть тот самый знак, иначе быть не может.

Вместо подвального бункера, он уверенными шагами направился к выходу. И тут снова потрянуло. Посыпалась штукатурка, светильники, свисающие с огромного купольного потолка, закачались, лавочки задвигались, скребя по полу. Пресвитер заторопился; Бог ждать не привык.

Выбежав на улицу, он увидел бегающих людей, гудящие возле собора автомобили, некоторые из которых столкнулись, перекрыв проезд, настоящий кошмар. Он выбежал почти на самую середину дороги, остановился и оглянулся на собор, такой большой, но при этом неимоверно крохотный на фоне серых многоэтажек вокруг, однако превосходящий их все по своему неподражаемому великолепию.

И тут земля сотряслась снова, да так сильно, что Вольфганг не удержался на ногах и упал прямо на стоящее за спиной в аварии желтое такси, ударившись затылком о крыло. В глазах тут же залетали точки, бесконечно черные, как его сутана, и вместе с ними вспыхивающие яркими красками блики, а дальше начался суший ад.

В глазах двоилось, и Вольфганг с трудом осознавал происходящее. В ушах стоял натуральный грохот, словно это звучат трубы всадников Апокалипсиса, а может, так оно и было. Люди падали и кричали, иногда казалось, что орут они прямо в уши, а иногда, что они очень далеко. Что-то разбивалось и падало, земля под пресвитером бугрилась и разламывалась неровными паутинами трещин. Он увидел, как одна из машин провалилась под изрыгающую пар или дым землю, не иначе в ад, ведь это настоящий Апокалипсис. Однако Вольфганг сомневался в том, что заслуживает рая, ведь свою миссию он не завершил, но старания ему точно зачтутся. Однако, несмотря на это, он безумно боялся умереть, даже во имя Христа, чье второе пришествие он сейчас наблюдает.

Он поднял взгляд к небу, но вместо него увидел падающий на него шпиль собора. «Я не хочу», — подумал он перед тем, как его окутала тьма.

Вольфганг очнулся в отделении реанимации. Белый потолок, белые стены, что-то плачет и жужжит, заверяя, что это не рай, слышен топот ног и пульсирующая в голове кровь. При попытке подняться, ничего не получается, лишь чувствуется боль, словно все тело раздавило под прессом. Либо это больница, либо ад.

— Доктор, он пришел в сознание, — послышался откуда-то сбоку слегка встревоженный женский голос. Над Вольфгангом нависло мужское лицо, худощавое, в морщинах, белые усы под длинным носом, седина и в коротких волосах.

— Вы быстро идете на поправку, голубчик, — проговаривает он, доставая фонарик и светя в глаза, заставляя жмуриться. — Удивительно быстро. Три дня, а уже в сознании. Удивительно.

— Что случилось? — выдавил из себя пресвитер.

Доктор заохал, мотая головой.

— Даже не знаю, что и ответить. Землетрясения, цунами, извержения вулканов, настоящий конец света. Связь до сих пор не восстановлена до конца, мы даже не знаем, как обстоят дела на других концах мира.

Вольфганг слушал, не веря своим ушам. Неужели это и в самом деле Апокалипсис? Вряд

ли, а иначе за три дня не осталось бы не вознесенных на небеса или не низвергнутых в геенну огненную. Хотелось спросить: был ли огонь с небес? видел ли кто-нибудь Всадников? воскресали ли мертвецы? являлись ли ангелы? Но будь оно так, доктор точно бы не умолчал.

Был еще один немаловажный вопрос.

— Что со мной?

— Ну, — врач взял в руки табличку с историей болезни. — Сотрясение мозга, — начал он перечислять, — переломы правой руки и обеих ног, так, еще несколько ребер, селезенку и одну почку пришлось удалить, травма грудной клетки, несколько трещин в позвоночнике. И еще по мелочи. Честно говоря, мы очень сомневались, что вы выживите. Конечно, необходим еще не один десяток операций, но с вашим здоровьем, они вряд ли будут проблемой.

Как оказалось, пациентов было столько, что они не поместились ни в одних больницах и госпиталях. Их размещали прямо на улицах, а самого Вольфганга поместили в общую палату не только потому, что он был тяжелораненым, но и из-за его сана священника. Хорошо, что я был в сутане, подумал он.

Люди тащили из своих уцелевших квартир матрасы, подушки, одеяла и даже ковры с занавесками, чтобы подкладывать их под раненых и накрывать. Кто-то даже потрошил уже бесполезные изорванные диваны и кресла, сдирая с них обивку. Армия целыми грузовиками подвозила медикаменты, а в те места, куда невозможно было проехать, их сбрасывали с вертолетов и самолетов, активно использовались беспилотники и мультикоптеры. Помимо медицинских препаратов и продуктов с белком, на парашютах пребывали и врачи, подключили даже лишенных лицензии, заключенных и ветеринаров.

Ничто так не объединяет людей, как общее несчастье.

Число погибших шло на тысячи, десятки тысяч, и это только по предварительным данным. Даже если катастрофа коснулась лишь одного Нью-Йорка, ее уже можно считать самой ужасной за всю историю человечества.

Вольфганг лежал, буравя взглядом трещину, пересекающую весь потолок, и пытался думать. Что это было? Ни одна даже самая ярая молитва не могла привести к таким последствиям, на его памяти, последствий не было никогда, ни хороших, ни плохих. Если это действительно знак свыше, то предназначался он не для него, точнее, не только для него.

И если так, то что он значил? Жизнь ничего не стоит? Сегодня ты стремишься изменить мир, а завтра мир изменяет тебя, превратив из священника в поломанную куклу, которой оборвали нити. Но может, это и есть свобода, со всеми ее последствиями?

Вольфганг выжил, и это было главным. Сломанные руки, ноги, ребра — это лишь еще одно испытание, вот только пройдешь ты его или нет, зависит не от тебя. Кто его устроил? Бог? «Но не была ли вся моя жизнь сплошным испытанием?» Вольфганг не знал, как на это реагировать, ему нужно было подумать, долго подумать, пожалуй, времени на реабилитацию должно хватить.

— И еще, — вдруг заговорил доктор после долгой паузы, словно не решался. Он перечислил все его травмы, не считая душевной, что может быть хуже? — Вы знали о своей болезни?

— Болезни? — тупо переспросил пресвитер.

Доктор замялся.

— Мы брали у вас кровь, чтобы узнать группу, резус-фактор и тому подобное, и анализы выявили болезнь. Мы думали, вы знаете.

— Не томите, — прокряхтел Вольфганг.

— Она называется болезнью Гюнтера.

— Я не силен в медицине.

— Если простым языком, вам нельзя подвергаться воздействию солнца, да и вообще любого яркого света, поэтому окна здесь занавешены плотной тканью, не пошедшей на импровизированные лежаки и одеяла для пациентов на улице.

Сам Вольфганг видел прекрасно, чуть ли не лучше, чем до попадания в больницу, хотя считал, что ему просто кажется из-за пережитого шока, а свет если и приглушен, то не настолько сильно, как можно было подумать со слов врача.

Болезнь Гюнтера звучала иронично, да и сама ее суть сквозила иронией. Вольфганг был немцем, и болезнь, судя по всему, названа в честь немца, а яркий свет так и вовсе являлся несколько чуждым для служителей церкви, в том смысле, что в соборах и церквях всегда царит полутьма, а в кельях и подавно, и зачастую абсолютную тьму разгоняет лишь несколько свечей.

И все же священника обуял гнев, Iга, один из семи смертных грехов, который, в купе с предметом этого чувства, являлся ужасным деянием, особенно если его источник — служитель церкви; а целью его является — Бог.

«Я готов был умереть с тем, что на долгие месяцы останусь инвалидом, не способным самостоятельно ходить, возможно, на полное восстановление уйдут годы, пусть, но это?! Это знак? Знак, что я не должен выходить на свет, ни в прямом, ни в переносном смысле? Это мое наказание? Тогда оно слишком жестоко для всемилостивого и всепрощающего Господа. Я просил знака свыше, который укажет мне путь, а вместо этого получил наказание за неведомые мне проступки. И если это знак, единственное его значение — сидеть на заднице и не рыпаться. Нужен ли мне такой Бог?»

Вольфганг испугался собственных мыслей, но быстро пришел в себя. Ему не нужны долгие месяцы, чтобы все обдумать, он уже знает, какой сделать выбор, и плевать, если он кому-то покажется неверным.

Доктор продолжал что-то говорить о редкости болезни, тем более в таком возрасте, об экспериментальных способах лечения, что-то там с костным мозгом, но пресвитер — бывший пресвитер — его уже не слушал. Он гадал, что делать дальше. Все, что он умел, — быть служителем церкви. Многие годы учебы, изучение святых писаний, заучивание сотен молитв и клятв наизусть. Помимо прочего, это говорило о его устремленности. Стать богословом? Вольфганг больше не желал иметь дело с католицизмом. Превратиться в активного и яркого атеиста? Вольфганг знал множество несоответствий в религии как таковой, противоречия и переименование смыслов, ни один теолог не смог бы выиграть с ним прямой спор.

Все это было детским лепетом, мысли гордого мальчишки, желающего отомстить превосходящему его врагу, врагу, у которого в подчинении больше миллиарда последователей, а его самого, вероятно, и нет вовсе. Это как воевать с тенью, только меньше шансов победить.

Спустя два месяца он выписался из больницы. Хотел и раньше, но врачи просто не могли поверить, что он так быстро пошел на поправку, называя это чудом. Если и так, то Бог участия в нем точно не принимал.

Через неделю после того, как он очнулся, его пришли навестить сам архиепископ и другие служители собора, их достали из бункера, раскопав руины, целыми и невредимыми, отчего Вольфганг чувствовал себя идиотом, но не за свой поступок, а за веру в силу молитвы и знаки свыше. Несмотря на все уговоры, он сложил с себя полномочия священника. Его бывшие братья удалились расстроенными, бывший пресвитер ничего не стал им объяснять, все равно не поймут, он это знал по себе.

За те два месяца, что он пробыл на лечении, мир изменился кардинально. Разрушенные дома, истерзанная трещинами земля, затопленные города, все это было лишь видимой катастрофой, истинная же зародилась в людских сердцах.

Вольфганг перестал быть священником и вообще верующим, но многие годы учебы невозможно просто взять и выбросить. Чистый лист новый жизни зачастую является лишь изнаночной стороной листа уже исписанного. И чем сильнее был нажим ручки, тем больше чернила проступают с оборотной стороны. Вольфганг понимал, что его познания и мысли никуда не делись, и на мир он будет смотреть глазами эрудированного человека, сильно волнующегося о своей душе, и чуть менее сильно — о душах других людей.

Они разбиты, подавлены, многие потеряли кров, но еще хуже — родственников и друзей. Сам Вольфганг рос в детдоме, а потому о родных, если они и были, он ничего не знал, да и знать не хотел.

Но больше всего его поразила волна преступности по всему миру. Грабители, убийцы, насильники, им не было числа, словно катастрофа открыла в людях их потаенные темные стороны. Довольно часто сообщалось о случаях людоедства, хотя еды хватало. Каждодневно правилась статистика погибших и пропавших без вести. Вольфганг все еще сомневался, не попал ли он в ад.

Он жил в соборе, но теперь от собора остались лишь развалины, даже если бы он и продолжал стоять, места ему там больше не найти. Кто он теперь? Бездомный бывший

священник-неудачник, всеми порицаемый и ненавистный. В мире для него не осталось места. И единственно, куда он мог пойти, — центр помощи лишенным жилья. Ему выдали войлочное одеяло с маленькой подушкой, порцию одежды, которую пожертвовали граждане, и железную миску с кружкой. На банковском счету у него оставались неплохие средства, но покупать сейчас было попросту нечего и негде, да и найти уцелевший и открытый банк не так-то просто, а в те, что выстояли, очередь на месяцы вперед.

В лагере бездомных под открытым небом, среди едкой вони и болезней, он провел две недели. За это время его успели несколько раз ограбить — даже грязные одеяла и железная утварь была кому-то нужна очень срочно, так срочно, что у него просто не было времени попросить это у распределителей. Дважды он подрался, и оба раза по совершенно идиотским причинам. Интересно, вели ли бы они себя так же, если бы знали, кем он был каких-то два с лишним месяца назад?

А затем случилось то, что переменяло всю его судьбу.

Он лежал, укутавшись засаленным одеялом и почесывая мелкие рубцы на теле — симптомы болезни Гюнтера. Он понимал, что так делать нельзя, но все чесалось невероятно, а ему уже было плевать, как и на слегка розоватую мочу.

Ночью еще не так плохо, но вот днем, когда светит громадное яркое солнце, ему приходится прятаться в тених устоявших и перестраивающихся зданий, а если все же нужда заставляет его выходить, он даже в разгар дня не расстается с одеялом, накрываясь им с головой.

В эту ночь Вольфганг никак не мог заснуть, ворочаясь с одного бока на другой, и шершавая ткань приятно почесывала кожу. Он все думал о своем будущем. Как только аэропорты заработают для обычных граждан, он первым же рейсом отправится в Германию, послав к черту эту проклятую страну. Там не так много небоскребов и высотных строений, а потому жертв там оказалось намного меньше, хотя и все равно ужасающе много. Там у него остался дом, и, если верить сообщениям знакомых, он остался сравнительно цел, не считая действий мародеров.

Захотелось в туалет. Он поднялся, но до кабинок биотуалетов было далековато, и идти, переступая через головы спящих, попросту не хотелось. Он не боялся наступить на кого-нибудь или потерять свое место — после катастрофы он почему-то начал прекрасно видеть в темноте, — просто переулок между полуразрушенными домами казался намного ближе, и это казалось не только ему.

Завершив дело, очередной раз вздохнув из-за цвета своей мочи, Вольфганг уже собирался отправиться обратно, чтобы попытаться хоть немного поспать, но вдруг услышал какое-то шарканье, идущее откуда-то из-за дома. Он не был любопытным человеком и, наверное, проигнорировал бы это, но сна не было ни в одном глазу, а потому решил проверить, что там такое. Кошка или собака? После катастрофы их почему-то становится все меньше и меньше. Наверно, здесь не обошлось без тех сумасшедших, что промышляют каннибализмом.

Заглянув за ближайший угол, он сразу же заметил какого-то человека. Не будь у него этого необычного зрения, он бы ни за что не разглядел его среди мусорных пакетов и всевозможного

строительного барахла. Человек стоял, слегка нагнувшись и опустив голову, одной рукой он держался за стену, вторая висела плетью. На преступника он похож не был, и Вольфганг решил, что ему просто нездоровится.

— Эй, мистер, вы в порядке? — спросил он. Ответа не последовало, человек даже не шелохнулся. «Уснул стоя, что ли?»

Вольфганг подошел ближе, наклонившись и пытаясь заглянуть в лицо из-под опущенных волос.

— Эй, — позвал он, слегка тряхнув незнакомца за плечо. В этот раз ответ последовал, но не тот, на который он рассчитывал.

Незнакомец двумя руками вцепился в плечи Вольфганга и сильно сжал, отчего тот непроизвольно крикнул, а затем поднял голову. Это было не лицо, а настоящая каша, кожа словно слезала с черепа, под глазами залегли неестественно большие мешки, нижняя губа отвисла, словно вот-вот отвалится, а уши, как казалось, отсутствовали вовсе, редкие тонкие волосы едва скрывали два загноившихся отверстия на их месте. Глаза белые, как от катаракты.

— Что с вами? — поразился Вольфганг и попытался отстраниться, но хватка оказалась просто железной. И тут человек открыл рот, да так широко, словно у него не было ни мышц, ни суставов. Бывший священник не успел поразиться одной удивительной картине, как его ошарашила другая — прямо из глотки человека начала подниматься какая-то черная субстанция.

Вольфганг и сам открыл рот, но не мог издать и звука, словно помимо плеч, его ухватили и за горло. Ноги подогнулись, но мертвая хватка ужасного незнакомца продолжала держать его. Если бы он уже не справил нужду, то точно бы обмочился прямо в штаны.

К этому времени черная масса начала обретать очертания: огромная пасть с острыми зубами, едва виднеющиеся под черной пеленой красные глаза с вертикальными зрачками, вместо носа две неровные дырочки. Лапы как у игуаны, с не менее острыми, чем зубы, когтями.

Не до конца вылезши изо рта незнакомца, она уже вцепилась в Вольфганга, раздвигая пошире челюсти. Бывший священник вспомнил про себя все молитвы, которые знал, они переплетались у него в голове, превращаясь в бессмысленную массу слов с именами всех святых, каких только он мог вспомнить. Вольфганг не знал, есть ли Бог, но лицо дьявола находилось прямо перед ним.

Существо, которое уже засунуло свою морду почти на треть в рот жертвы, вдруг отпрянуло и что-то натужно пропищало, мотая головой, но продолжая держаться за рот. В этот момент тело человека безжизненной грудой рухнуло на спину, и железные пальцы отпустили плечи Вольфганга, а порождение тьмы повисло, вцепившись в челюсти своими когтями. Помимо привкуса серы, во рту начал чувствоваться и вкус крови.

Бывший пресвитер непроизвольно попятился назад, обо что-то спотыкнулся и полетел спиной вперед. Он упал прямо затылком на какую-то железяку и почувствовал острую боль,

подобную которой он испытывал лишь пару месяцев назад, когда очнулся в больнице.

Существо от неожиданности ослабило хватку и отцепилось, но в следующую секунду уже вновь накинuloсь сверху, прижимая жертву к земле. На самом деле оно было не таким уж и тяжелым, но в купе с ужасом казалось просто неподъемным, словно на грудь уронили настоящую наковальню. Оно наклонилось к лицу и вновь вцепилось в рот, раскрыло его, а затем вдруг начало обнюхивать. Вольфгангу даже подумалось, что ему не нравится его запах изо рта.

Обнюхивая его так с полминуты, оно вновь приглушенно взвизгнуло и начало влезать в рот. Невозможно было поверить, что столь огромное существо могло влезть в человека и не разорвать ему хотя бы горло изнутри. Когда оно пролезало в глотку, Вольфганг вдруг понял, что не может дышать, в легких словно не осталось ни грамма кислорода, он затрясся, пытаясь вздохнуть, засучил руками, разорвав одной мусорный мешок, а другой взрывая отчего-то мокрую землю. Но только он подумал, что это конец, как все прекратилось, и он смог вздохнуть.

Полежав не меньше пяти минут и моля, чтобы это было дурным сном, он осторожно поднялся на ноги. Тело незнакомца все еще лежало без признаков жизни. Казалось, что оно пролежало здесь не менее двух недель, медленно разлагаясь. Что его таким сделало? Это существо из другого мира?

Вольфганга передернуло. Почему он решил, что оно из другого мира? Это знание словно само собой возникло в сознании.

— Неужели это и правда был дьявол? — подумал он вслух. — Нет, скорее, это его приспешник. Но что-то ему подсказывало, что это не так.

Он осмотрелся, не видел ли его кто, но вокруг было тихо и безлюдно, словно весь город в одночасье вымер. Однако что-то было не так. Он потрогал затылок и посмотрел на пальцы — кровь. Вновь пошарив по голове, он не нашел даже шишки, да и боли не было. Прислушавшись к себе, он вдруг с удивлением осознал, что у него ничего не чешется. Он с надеждой взглянул на руки, но рубцы все еще оставались на месте. Зато он чувствовал небывалую легкость и прилив сил. Ему почему-то снова подумалось, что все это в порядке вещей, так и должно быть.

Остаток ночи он провел в раздумьях, а днем кто-то обнаружил тело. Он не стал говорить о произошедшем, а иначе его признают просто психом, и весь день провел в тени, но не потому, что боялся воздействия света из-за болезни, а просто не хотел, словно свет стал для него врагом. После того инцидента существо не давало о себе знать, оно не ворочалось где-то внутри, не рвало органы и не пыталось выбраться, будто его и не существовало вовсе, а может, так оно и было. Сойти с ума в наше время не так уж и сложно. Если Бог есть, и он послал Вольфгангу испытание, тот его с треском провалил.

Когда солнце зашло, бывший пресвитер почувствовал зуд, но не от желания почесаться, а такой, который бывает, когда чего-то хочется, но не знаешь, что именно, или когда силишься вспомнить что-то важное, но никак не можешь. Ему захотелось прогуляться.

Он шел, не разбирая дороги, мимо разрушенных домов и разломанных судеб, не обращая на

все это никакого внимания. Взор его привлекли служители церкви, ходящие вдоль рядом лежанок с палатками и разговаривающие с лишенными крова людьми. Там были и католики, и протестанты, и иудеи, и даже мусульмане с буддистами, и все они работали вместе. «Может, я был не прав? — подумал он с горечью. — Да, все эти люди верят в разных богов и по-разному, но сейчас они все вместе помогают нуждающимся».

И тут Вольфганг почему-то почувствовал к ним ярое отвращение. Помогают? Но чем? Просто словами ободрения? Это ли нужно людям? «Я хотел дать им нечто большее, веру в Господа, силу противостоять невзгодам не в одиночку, но с Богом в сердце, а вместо Бога они верят в служителей церквей, ждут помощи от них, слушают их речи и надеются на их помощь. Но зачем нужны посредники, если можно общаться непосредственно с Творцом?»

Вольфганг сжал кулаки. Он проиграл в своей борьбе не потому, что был не прав, а потому, что сила, противостоящая ему, оказалась слишком могущественна и злокозненна в своем желании всем заправлять. А ведь он и сам являлся частью системы, но не замечал всего этого, занятый искоренением скверны всюду, кроме своей обители.

Сплюнув, он пошел дальше, куда вела его невидимая юдоль. Темнело все больше, но острый взгляд цеплялся за предметы вокруг, которые размывались в глазах лишь совсем немного, словно это и не ночь вовсе обволакивала землю, а так, лишь небольшие тучи закрыли солнце.

Он остановился возле канализационного люка в одном из переулков. Интуиция и голос в голове подсказывали ему поднять крышку и спуститься вниз. Не найдя, чем бы ее подковырнуть, Вольфганг решил попробовать поднять люк руками. Он всунул палец в небольшое круглое отверстие, в которое обычно вставлялась железная палка, используемая как рычаг, и потянул. Крышка, которая казалась очень тяжелой, соскочила практически без проблем, и бывший священник почти без усилий передвинул ее в сторону.

Внутри было намного темнее, чем на улице, тусклый свет проникал внутрь лишь от открытого колодца. Изнутри исходил очень неприятный запах, но Вольфганг, напоследок вздохнув более-менее свежим воздухом, начал аккуратно спускаться вниз по лестнице. Помимо смрада, там было и довольно влажно, и спустя пять минут одежда уже прилипла к коже.

Несмотря на идущие вдоль стен канализационных лабиринтов трубы, воды было по щиколотку, и Вольфганг старался не думать, откуда она там набежала. Он не знал, как далеко ему придется идти, и уже готовился к долгой прогулке под асфальтом города, но ошибся.

Завернув за первый же угол, он увидел их. Он даже и не сообразил сначала, что это те же самые существа, одно из которых сидит в нем, ему просто показалось, что тьма резко сгустилась, и даже его невероятное зрение не позволяет что-либо разглядеть. Но это все же были такие же существа, сотни, копошащиеся от залитого пола и до свода туннеля.

Первой инстинктивной мыслью было — бежать. Но что-то словно сковало его ноги, он не мог пошевелиться, не мог даже закричать, тело перестало его слушаться.

Внезапно черные твари зашевелились, и через миг их бесформенные тела образовали собой

арку, через которую прошел человек. Он выглядел еще хуже самого Вольфганга: оборванные одежды, грязь на лице, небритость, волосы растрепаны. Однако он не казался бедным и несчастным, его взгляд говорил о том, что он знает, чего хочет, и полностью контролирует ситуацию.

— У нас еще одно тело, прекрасно, — сказал он. Вольфганг не знал, что ответить. — Почему ты молчишь? Ты должен был сразу овладеть навыками общения.

— П-простите, — запинаясь, заговорил бывший священник, — но кто вы? Что здесь вообще происходит?

На лице незнакомца появилось искреннее удивление. Он подошел ближе в сопровождении темных существ, которые уже не так сильно вызвали страх, приблизил лицо и понюхал, поморщившись. Вольфганг не смел пошевелиться.

— Странно, — произнес незнакомец. — У тебя странный запах, словно... В тебе есть Тень? — спросил он резко.

— Тень? — не понял Вольфганг.

— Эй, вылезай!

В горле сначала запершило, потом появился ком, как когда начинает тошнить. Вольфганг согнулся, готовый, что его вот-вот вырвет, но вместо этого стало трудно дышать, а затем воздух и вовсе оказался перекрыт. Он почувствовал, как изнутри что-то вылезает, а еще через несколько секунд он увидел, как у него изо рта лезет то существо, что вселилось в него прошлой ночью. Как только оно оказалось снаружи, Вольфганг не удержался на ногах и съехал по стенке на пол, глубоко дыша и держась за горло, не обращая внимания на воду, в которую он шлепнулся.

Между тем существо, вылезшее только что из глотки, что-то проверещало противным писком.

— Понятно, — протянул незнакомец. — Как тебя зовут? Отвечай!

— Вольфганг Зельвейзер, — ответил бывший пресвитер, решив, что скрывать что-либо от этого странного человека бессмысленно. Может, в нем тоже сидит эта Тень?

— Слишком длинно. Я буду звать тебя просто Вольфом. Просто Вольф решил не возражать.

— Тебе, наверное, интересно, — продолжил безмянный незнакомец, — что вообще происходит. Но мне тоже интересно, как ты смог контролировать себя с Тенью внутри. Я уже слышал о том, что мои подданные не способны вселиться в некоторых людей, а потому просто их убивают, но все, в кого они могут вселиться, они контролируют без проблем. Так в чем твой секрет?

— Я не знаю, — ответил Вольфганг. И не соврал. Он вообще мало что понял из слов этого

человека, но основную мысль уловил — он чем-то отличался от других, и это было плохо.

— Что ж, тогда я сам это выясню.

Незнакомец вдруг выгнулся назад и захрипел, его тут же окружили темные существа. Затем он согнулся пополам, хватаясь за живот и широко раскрыв рот, из которого показался темный сгусток, напоминающий лапу. Это и правда была лапа. Она оказалась достаточно длинной, чтобы коснуться пола, залитого нечистотами. Она начала расширяться, а затем разделась надвое. Тело бы давно упало, если бы его со всех сторон не поддерживали остальные Тени.

На все про все ушло около минуты. Перед Вольфгангом предстал сгусток тьмы, похожий на те, что находились вокруг, но только много выше. Существо доставало до самого свода, и это при условии, что оно сильно пригибалось. Если Вольф удивлялся, как обычное существо могло влезть в человека, тут же его не разорвав, то сейчас он оказался поистине шокирован.

Как только оно вылезло, остальные, более мелкие существа, заверещав, подхватили безжизненное тело-оболочку и уволокли куда-то вглубь, откуда раздались совершенно отвратительные чавкающие звуки, от которого у Вольфганга застыла в жилах кровь.

Огромное существо, словно сотканное из тьмы и страха, медленно приблизилось к Вольфгангу, канализационные воды стали еще грязнее, и он вдруг осознал, что сейчас испытает самое ужасное ощущение в жизни, даже ужаснее, чем первые дни, когда он очнулся в больнице. И не ошибся.

Он открыл глаза и увидел над головой звездное небо, хотя вообще больше не ожидал увидеть хоть что-то. Тело ломило, голова болела, рубцы зудели. Даже самое ужасное похмелье не могло сравниться с этим чувством.

— Почему ты не сказал, что болен? — раздался незнакомый голос. Вольфганг с усилием повернул голову, вглядываясь в говорившего человека. Тот оказался довольно оборванным, однако без бороды, но с лишним подбородком, на голове зияла лысина, подобно монашеской тонзуре.

— Кто вы?

— Я? Я все тот же, просто пришлось сменить тело, второе за последний час. Ты не ответил на вопрос.

— Никто и не спрашивал.

Помолчали.

Вольфгангу уже было плевать на все происходящее, ему даже не хотелось чесать рубцы, словно в отместку непонятно кому. Он считал, что умрет, когда наблюдал, как это чудовище раскрывает ему рот своими когтистыми лапами, и теперь сожалел, что этого не случилось.

— Понимаешь ли, — начал монстр в человеческом облике, — обычные Тени могут вселяться в тела и находиться в них от нескольких недель до многих-многих лет, как я надеюсь; эксперименты в прошлом уже были. Но я не просто Тень, я Высшая. И тело мне необходимо под стать, чтобы оно могло продержаться больше одного месяца и не развалиться. Я надеялся, что ты станешь подходящим сосудом, и, возможно, так бы и случилось, если бы не твоя скверная болезнь. Возможно, я знаю, кто мне подойдет, но мои Тени не могут в них вселиться и привести их ко мне. Ты стал исключением.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Зачем? — Высшая Тень, казалось, задумалась. — Я хочу, чтобы их привел ко мне именно ты.

— Я? Но как? И почему ты думаешь, что я стану тебе помогать? Чего ты вообще добиваешься?

— Ты умираешь, человек, и будешь умирать долго и мучительно, а люди, как я уже понял, очень дорожат своей жизнью. Когда в тебе была одна из моих Теней, тебе же стало лучше, правда? Вселяясь в тела, мы исцеляем их ранения, но если у них болезнь, подобная твоей, то мы ее замедляем. Я не особо понимаю, почему это происходит, но это и не важно. Тела людей всегда — всегда! — переходят под контроль Тени, но не в твоём случае. Если мы договоримся, ты больше никогда не будешь чувствовать дискомфорта, который сейчас испытываешь.

Над Вольфгангом вдруг нависла страшная морда Тени, обычной, а не Высшей, она медленно раскрыло рот и начала влезать. Бывший пресвитер не сопротивлялся. В этот раз все оказалось не так страшно, после своего огромного собрата, эти мелкие порождения тьмы казались совсем не страшными, и в глотку они пролезали, словно намазанные маслом.

Ломоту и головную боль как рукой сняло, но главное — прекратился зуд. Вольфганг словно после обжигающего солнца вступил в прохладную негу реки. Тело наполнилось силой.

Он поднялся.

— Ты будешь сильнее любого человека, сможешь видеть в темноте и заживлять почти любые раны. Однако тебе придется поменьше контактировать с ярким светом, особенно солнечным, и избегать золота с серебром, ранения от которых могут стать смертельными.

— И что мне делать?

— Ты создашь организацию по борьбе с Тенями и будешь приглашать в нее людей, которых мои Тени не могут захватить. Я сам буду давать наводки, тебе лишь стоит прийти к ним и разъяснить, что происходит, то есть то, что я тебе скажу. А Тень внутри тебя проследит, чтобы ты не вздумал меня обмануть.

Так Вольфганг создал организацию «Тенелов». Каждый раз, когда какая-нибудь Тень натыкалась на человека, в которого не могла вселиться (как Вольф понял, Тени словно чувствовали какое-то родство с этими людьми, и попытка в них вселиться была равнозначна

попытке вселиться в другую Тень), после чего она вселялась в самого Вольфганга и передавал ему воспоминания об этом человеке.

За месяц набралась целая дюжина таких людей всех возрастов и обоих полов. Им пришлось объяснять, что встреченные ими существа далеко не демоны из ада, а пришельцы из иного мира, из-за чего его подняли на смех. Поверить в демонов для них оказалось проще, чем в иных созданий из параллельной Вселенной. Несколько человек ушло, считая Вольфганга психом.

Рубцы от болезни Гюнтера находились и на лице, пусть и не так много, другие же симптомы проявлялись не так открыто, и потому он мог отговориться, что это простые угри. Болезнь и правда почти его не беспокоила, и вспоминал он о ней обычно лишь во время похода в туалет.

Про организацию, которую и назвать-то таковой было нельзя (они собирались в полуразрушенном доме, покинутом жильцами), начали распространяться слухи. С одной стороны это было хорошо, но при этом, помимо особенных людей, которых Вольфганг называл Тенеловами, из-за чего началась некоторая путаница (не был он силен в придумывании имен и названий), начали приходить и люди обычные.

Высшая Тень лишь сказал, что ему все равно, остальные могут стать сосудами для его Теней, да и в пищу сгодятся. От этих слов Вольфа передернуло. Он знал, что если не оправдает надежд этого существа, его сожрут живьем, а умирать он не желал, как и вообще чувствовать боль.

Спустя два месяца случилось то, чего никто не ожидал. К ним пришел человек, самый обыкновенный, который, спустя некоторое время пребывания в их рядах, заявил, что внутри него находилась Тень. Ему сначала не особо-то поверили, однако его рассказ подробно описывал и само существо, и процесс ее вселения и выселения. Вольфганг сразу узнал в нем свои собственные ощущения первого опыта.

— И как же ты от нее избавился? — спросил один из членов организации. Бывший одержимый усмехнулся и пальцем поддел верхнюю губу, обнажая золотые зубы.

— Не знаю, как это существо не заметило моих золотых протезов, но вселившись в меня, оно испытывало сильную боль, а когда не выдержало, то покинуло мое тело. Случило это днем, в парке, как мне сказали доктора, когда я очнулся в больнице, — кто, то вызвал скорую, увидев мое бессознательное тело. Я лишь от вас узнал, что эти чудовища не переносят солнечный свет и золото. Все встало на свои места.

— Вот это да, — поразился один из слушателей. — Ни разу не слышал, чтобы кто-то выжил после одержимости Тенью. Все остальные тут же загомонили, соглашаясь с ним.

— Но не это самое главное, — прервал их этот человек. — У меня остались некоторые воспоминания этой Тени. В общем, я знаю, где одно из их логовищ.

В это время в просторном помещении заброшенного здания находилось около пятидесяти человек, треть из которых являлись Тенеловами, или, как они сами себя называли, —

Охотниками.

Вольфганга переполняли противоречивые чувства. Если Высшую Тень уничтожат, он станет свободен, но кто знает, что с ним сделают Тени, когда их повелителя больше не станет. Если он не предупредит о готовящемся вторжении, существо внутри него просто разорвет его, он чувствовал, как оно желает поскорее добраться до своего владыки и все ему выложить. Не подчиняясь вселившейся в него Тени, он мог не опасаться, что его мысли станут известны существу, но кое-что все же проскальзывало, как это было и в обратную сторону, и Вольфганг старался поменьше задаваться подобными мысленными вопросам, а вслух и вовсе никогда ничего подобного не произносил.

Однако люди не спешили браться за вилы с факелами и бросаться в омут ради сражения с чудовищами. Одно дело, когда ты просто защищаешься от них, но другое, когда лезешь в их логово, чтобы уничтожить.

— У нас и оружия-то нет, — заявил один. — И вряд ли будет. Где мы возьмем столько золота и серебра?

— У меня золотой крестик, — подал голос другой.

— Этого мало.

— А если переплавить столовое серебро? У меня есть немного.

— Точно. В разрушенных домах полно этого добра. У моего соседа было золото, доставшееся в наследство, он мне сам показывал. Когда наш дом рухнул, я был на работе, а сосед погиб, если там порыскать...

— И кто будет рыскать? — перебил его еще один член «Тенелова». — Там с кранами надо разгрести.

— Верно. И сколько на это уйдет времени? Демоны к тому времени могут перебраться в другое место.

— Есть еще церкви, — подал неуверенно голос другой Охотник.

Вольфганг опасался этого. Когда он был священником, у них в соборе действительно было довольно много серебряной утвари и еще немного золота. Конечно, он мог сказать, что обкрадывать храмы грешно и все в этом роде, но то же заявили и без него. Вольф, как его прозвал Высший, все еще колебался, нужно было очень многое учесть, и любая ошибка могла стоить ему жизни. Если они все же решатся забрать драгоценные металлы из церквей и храмов, так тому и быть, все равно казалось крайне сомнительным, что они смогут победить всех Теней, а главное — Высшую Тень.

В тот вечер он спустился в канализацию и все рассказал владыке Теней. Ему повезло, что тот не стал заставлять подтвердить его слова Тени, сидящей в нем, — кто знает, какие мысли она смогла уловить. Высшая Тень с каждым днем доверяла ему все больше.

За две недели собрали столько серебра и золота, сколько никто из них никогда в жизни не видел, но появилась еще одна проблема — как все это переплавить? Кузниц в городе, само собой, не было, в ювелирных магазинах такое количество не смогут переплавить, да ведь еще и определенная форма нужна. Ближайший плавильный завод довольно далеко, да и кто их туда пустит? Все, что было под ругой, — небольшой тигель, не пойми где раздобытый одним из Охотников, да куча золотого и серебряного лома.

— Вообще, температура плавления золота и серебра не такая уж большая, при желании их можно переплавить и в домашних условиях, но тут нужно постараться, — сказал как-то один из Охотников, когда-то преподающий химию в школе.

В конечном итоге нашлось сразу три сварочных горелки, и народ приступил к делу. Вначале собирались выплавить самые настоящие мечи, руководствуясь принципом — чем длиннее, тем лучше, но стало быстро понятно, что в расплавленном виде металлы выглядят не так внушительно, и что оружия на всех попросту не хватит, хотя из почти пятидесяти человек пойти войной на Теней решились лишь чуть больше тридцати; Вольфганга посчитали тоже, даже не спрашивая его мнения; главный зачинщик, да что б в стороне остался? Поэтому было решено выплавить более короткие и тонкие кинжалы.

Так как форм не было, их вырыли в земле, утрамбовав ее по мере возможности. Раздобыли цемент. Сказать, что оружие оказалось кривым, ничего не сказать. Оно оказалось слишком толстым и тупым, заточка мало помогала. Хватит для убийства Тени, но не одержимого. Ковать горячий металл пришлось на канализационных люках и железобетонных блоках, что тоже сказывалось на качестве.

Когда почти все было готово, кто-то вычитал об амбисидиане, новом сплаве золота, серебра и других примесей, которые вместе давали вполне прочный материал, хотя, по словам самих создателей, практически бесполезный, так как являлся слишком дорогим и непрактичным. В домашних, или уличных, условиях создать амбисидиан невозможно, зато это дало идею разбавить драгметаллы еще чем-нибудь.

Благодаря дополнительным материалам получилось увеличить количество оружия почти на треть, но все это стоило огромного труда. Некоторые металлы имели большую температуру плавления, чем серебро и даже золото, а на некоторых этапах приходилось использовать специальные методы и выверять каждый грамм. Бетон не выдерживал температуры, и приходилось заливать новые формы, у строителей сперли особый высокоогнеупорный бетон, но и он постоянно трескался.

Спустя еще две недели оружие оказалось готово. Неказистое, искривленное, с зубчатыми лезвиями и рукоятями, смастеренными из двух деревяшек, перевязанных веревочками и изоляцией. Никто не додумался сделать нормальную гарду, за которую можно было бы примотать веревочки, и потому самодельные рукояти на самодельных кинжалах шатались, грозясь отвалиться вовсе.

И все же это было лучше, чем ничего.

Когда Вольфганг рассказал все Высшей Тени, тот лишь посмеялся. Легкая добыча, сказал он. Даже самое смертоносное оружие в руках дилетанта окажется бесполезней карандаша в руках слепого. Но даже слепой может создать великое полотно к пению птиц, а глухой написать симфонию восходящего солнца.

Вольф знал, что Высшая Тень стремится заполучить себе самое сильное тело, а потому ждал, когда его прислужники приведут к нему такое. Он приказал убивать лишь обычных людей, а Охотников просто выводить из строя, чтобы он смог затем выбрать лучший сосуд, а остальных можно, например, где-нибудь запереть, чтобы воспользоваться ими в будущем, если тело все же начнет разрушаться. Вольфганга не покидало чувство, что Тень недоговаривает.

В назначенный день они пришли к заветному колодцу и долго не решались спуститься. Каждый разжился фонарем, некоторые даже соорудили факелы, потому что слышали, что Тени боятся огня так же сильно, как и любого другого источника света. По этой же причине раздобыли и фальшфейеры. Все те дни, что они плавил металлы и ковали себе оружие, они не забывали и о стратегии ведения боя: как идти по канализационным туннелям, как драться, чтобы никому не мешать, как использовать оружие, что делать, если кто-то упал или погиб. Единственное, что продумали хуже всего, — как отступать, если другого выбора не будет.

Первым спустился бывший военный, держа в одной руке нож обратным хватом, а в другой — факел. Его пример оказался заразителен, и спустя пару минут под землю спустились все, стараясь идти тихо, но вода под ногами предательски плескалась и хлюпала.

— Где они? — спросил кто-то, обращаясь к тому, в ком когда-то сидела Тень.

— Понятия не имею. Я лишь запомнил дом на поверхности, возле которого валялись детские качели. Я до Катастрофы жил неподалеку, и проходил здесь по пути на работу, вот и запомнил.

— Так мы можем до ночи здесь рыскать, эти туннели идут через весь город.

— Это лучше, чем сидеть сложа руки.

Они прошли вглубь и свернули за угол, где Вольфганг обычно встречался с Высшей и другими Тенями. Он так напрягся, что нож начал выскальзывал из потных пальцев, сжимающих обмотанную изолентой рукоять. Остальные выглядели не лучше, поэтому его поведение не вызывало подозрений. Но он напрягался напрасно, за углом оказалось пусто. Как и за следующим.

Они прошли несколько развилок, возвращались назад, натыкаясь на обвалы, но разделяться все же не решались, хотя подобные предложения поступали. Более тридцати человек едва могли развернуться в узких туннелях, и чем больше проходило времени, тем больше всем это надоедало, словно они не на смертный бой пришли, а просто на прогулку, а проводник, почему-то, отказывается показать им самые интересные места.

— Знаете, — заговорил один из Охотников, уже не держа перед собой нож, а опустив его вместе с рукой и скучаяще вертя в ладонях, — по-моему здесь ни хрена нету. Ты, — обратился

он к пережившему одержимость, — либо нам наврал с три короба, либо эти твари давно уже смотали.

— Я ведь говорил, что нам следует поторопиться.

— Вот и шел бы сюда с голыми руками да воевал.

— В любом случае, — вновь заговорил первый, — надо отсюда сваливать. Нет здесь ничего, кроме вони и наших мокрых ног.

В это мгновение за спиной раздался звук, словно какой-то скрежет. Все как один оглянулись.

— Что это было?

— Да отвалилось что-нибудь, — не очень уверенно предположил один из Тенеловов. — Вы же видели обвалы.

— Еще одна причина поскорее отсюда вылезти, у меня от этой копоты факелов глаза слезятся.

— Да мы всего один факел зажгли на всякий случай, не ной. Но да, пошлите отсюда.

Они развернулись и направились к люку, но не к тому, через который пришли, а к другому, что был ближе, надеясь, что он не завален и людей там нет, а то объясняться не очень-то хотелось, сочтут еще за психов, всем скопом сбежавших из лечебницы.

Когда половина группы уже зашла за угол, сзади неожиданно раздался протянутый вопль, леденящий душу. Народ зашевелился. Те, кто был за углом и ничего не видел, начали протискиваться назад, остальные стояли как вкопанные.

— Тени! — закричал кто-то. — Это нападение!

Народ помчался назад, послышались звуки зажигания фальшфейеров. Кто-то поджигал факелы, остальные неумело рубили нападающих на них Теней, остервенело размахивая кривой железкой, хотя до этого тренировались несколько дней. Все их стратегии разбились вдребезги перед лицом ужасного, а главное — реального врага. Послышались выстрелы: у кого-то оказался пистолет, но он был бесполезен.

Вольфганга закружила толпа, пару раз его кто-то случайно порезал ножом, Тень внутри него позволяла залечить такие раны за несколько секунд, однако из-за амбисидиана на это потребуется уже не одна минута. Но намного страшнее было то, что в общей суматохе его могут разорвать сами Тени, не узнав в нем того самого Вольфа.

Его вынесли за угол, и он увидел их. Тени предстали перед ним во всей красе. До этого он видел их спокойными, как ленивый переливающийся черный клубок, но теперь они казались неистовым ураганом, они скалились, плевались, верещали, когда их настигали амбисидиановые

ножи и пламя факелов, пытались дотянуться до противников, чтобы их разорвать. Вольфганг даже не был уверен, помнят ли они приказ Высшей Тени не убивать Охотников. Кто-то швырнул в них фальшфейер, но упав в воду, он тут же затух. В руках он являлся более грозным оружием.

Кто-то закричал сбоку, Вольфганг повернулся и увидел еще Теней, нападающих с другой стороны.

— Тени! — закричал кто-то. — Они нас окружают! Сюда!

— Помните, чему вы учились! Держать строй!

— Бейте их! Бейте! Не сдавайтесь или мы все умрем.

— Одержимые! Здесь одержимые!

Несколько одержимых, игнорируя фонари, факелы и файеры, бросились в самую гущу толпы, расшвыривая людей во все стороны, словно котят. Кровь и ругань сопровождали эту мясорубку. Кто-то потерял рукоятки и держал нож так, разрезая ладони в кровь, другие подбирали оружие павших и наносили удары сразу двумя руками.

Размахивая факелом над головой, один из Охотников бил им по Теням и одержимым. Один из одержимых загорелся, словно облитый маслом. Он закричал и начал метаться во все стороны, что оказалось пагубным как для своих, так и для чужих. Людям приходилось бросаться в нечистоты, чтобы потушить пламя.

Вольфганга выкинуло в авангард, и он тоже рубился, что есть силы. Фальшфейер в его руках целился в глаза, а когда враг отвлекался, бывший священник без жалости вонзал в них нож, снова и снова, пока противник не падал замертво или не растворялся в воздухе. Одному заснул уже затухающий файер прямо в рот, а затем вонзил сверху в голову нож, да так, что рукоять распалась, и он не смог вынуть его обратно, скользя окровавленными пальцами по металлу. Но новый нож нашелся быстро, и оказался он даже лучше собственного.

Умирали люди, умирали одержимые, умирали Тени. Вольфганг чувствовал боль за всех, ибо в нем перемешались части всех их. Он чувствовал, как рвется внутри него Тень, словно желая захватить контроль над его телом и самой вступить в битву, но на другой стороне, колоть и рвать ненавистных ей людей, и плевать, обычные они или наделенные даром, которых приказано оставить в живых. В битве об это забываешь.

Когда ему на глаза попадались лица людей, сражающихся с ним бок о бок, он видел их ненависть, их желание крови и смерти, хотя у Теней, возможно, не было ни того, ни другого. Сами же Тени эмоций не выказывали, но Вольфганг знал — знал благодаря существу у него внутри, — что и они тоже чувствуют и хотят если не жить, то существовать, как того хочет любое живое существо, особенно на пороге смерти.

Да, Тени были монстрами, пожирающими людей, но разве крокодилы и львы делают это нарочно? Нет, они видят чужака, вторгшегося на их территорию, видят добычу, наплевав, есть у

того паспорт и ест ли он вилкой с тарелки. Разве глисты и паразиты живут в людях потому, что нарочно хотят им навредить? Нет, их такими создал Бог. Нет, не Бог, природа, поправил себя Вольфганг. Разве Бог позволил бы такому происходить, что его величайшее творение — люди — вдруг оказывались бы в животах у одних, а другие сами обитали бы у них во чреве, грызя изнутри?

Так кто же здесь зло? И есть ли оно вообще? Нас учат, что мир не состоит только из белого и черного, есть и другие цвета, однако и цвета делятся на светлые и темные. Если люди светлее, то Тени темнее? Но чем ярче свет, тем сильнее он обжигает глаза, когда как тьма приносит единственно усладу уставшим очам, остальное лишь выдумки псевдофилософов и поэтов, чья цель лишь красота изложения, но не логика и здравый смысл.

Невозможно было понять, сколько прошло времени. В темноте подземелья всем казалось, что на поверхности давно настала ночь. Трупов тоже было не счесть, окровавленные, растрепанные, невозможно отличить одного от другого.

Вольфганг не сразу понял, что стоит на коленях, а перед ним не осталось ни одного противника.

— Сюда! — закричал кто-то. Вольфганг так не хотел реагировать, тяжело вдыхая вонючие пары канализации и запах крови, но его подняли за руки.

— Давай, Вольф! — закричал ему на ухо один из Охотников. — Мы должны отсюда убираться. Да, этого ему хотелось больше всего на свете. Он нашел в себе силы, чтобы идти самостоятельно.

— Тени! — закричали вновь.

«Нет, только не снова», — промелькнуло у него. Подняв взгляд, он увидел очередную толпу Теней, но было их меньше, чем в предыдущих ордах. Но главное, там стоял Высшая Тень. Выглядел он так, словно вот-вот развалится, его облик был даже хуже, чем у того первого одержимого, которого встретил Вольфганг в переулке за домом.

Посмотрев на сражение, он неожиданно развернулся и побежал, бросая своих драгоценных Теней.

— Руби их! Руби!

Сейчас почти у каждого было по два ножа, у кого-то за поясом даже висел третий. Светило три фонаря, два фальшфейера и один почти погасший факел. Вольфганг, словно открыв второе дыхание, зажег последний свой фэйер и бросился в атаку.

— Там был еще один! — закричал один из Охотников, когда в воздухе растворилась последняя Тень. — Его нужно догнать.

— Может, ну его? Что он сделает?

— Из-за них мир лежит в руинах! — взорвался первый, его переполняли эмоции, а кровь кипела от адреналина. — Я не успокоюсь, пока не поквитаюсь с каждым.

Никого не дожидаясь, он развернулся и рванул в туннель, держа перед собой единственный фонарь. Остальные, переглянувшись, помчались за ним.

Они едва не потеряли его из виду со всеми этими перепутьями и повторами, но вот он вдруг остановился.

— Что случилось?

— Я не знаю, в какую сторону он побежал.

— Может, пока оставим его? — попробовал вновь его переубедить другой Охотник. — Мы потерял слишком много людей, нам нужно вынести их на поверхность до темноты и похоронить. И раненые...

— Их смерть окажется напрасной, если мы не перебедем всех Теней до единого! — закричал Тенелов в ответ, и его слова отразились эхом от стен канализации. — Они все бросались на нас, словно дикие псы, а этот убежал. Если у них и есть главный, то это, несомненно, именно он.

Его оппонент не нашелся, что ответить, и в звенящей тишине где-то сбоку послышался всплеск. Все тут же побежали на звук. Забежав за угол, они увидели, как за другой поворот свернул убегающий.

— Это он! Быстрее, мы его нагоняем!

Вольфганг решил, что Высшая Тень бежал лишь тогда, когда бежали остальные, чтобы те не могли слышать звука его шлепанья по воде, как только остановились преследователи, остановился и он, но почему-то все же не смог устоять на месте и случайно обнаружил себя. Это казалось странным.

За следующим углом они увидели его уже более четко. Он бежал как-то неловко, заваливаясь на один бок, а одна нога у него, казалось, едва сгибалась. Тело разрушается, догадался Вольфганг. Высшая Тень считал, что нет смысла искать новый сосуд, если скоро их будет много, и не простые люди, а одаренные необычной силой.

Свернув на очередном перекрестке, Вольф чуть не влетел в спины остановившихся бегущих впереди. Выглянув из-за них, он чуть не воскликнул от удивления. Там находился обвал, и куски бетона, кирпича и арматура проломили землю и теперь представляли собой своеобразную насыпь, ведущую на залитую солнцем поверхность, однако она была столь сумбурна, что при попытке залезть по всему этому мусору, легко можно было сломать ноги, а то и шею.

Однако при всей осторожности сделать это представлялось возможным, вот только Высшей Тени было не до осторожности, и был он явно не здоров, даже отсюда виднелись плечи у него

на голове от выпавших волос.

Тот Охотник, что сильнее всех желал разделаться с одержимым, медленно подошел к нему и вонзил нож в брыкающуюся ногу. Высшая Тень закричала, а та, что была внутри Вольфганга, вдруг дала о себе знать. Он схватился за живот.

— Попался, падла! — чуть ли не прорычал Охотник, а затем вынул и вонзил нож уже в другую ногу. Высший вновь закричал и попытался как-то неловко пнуть Охотника, но промахнулся.

— Хватит, просто покончи с ним, и уходим. Кто-то мог слышать его крики, и поверь, если кого и пристрелят, то точно не его.

— Я не могу позволить ему сдохнуть так просто!

— Тогда поторопись!

Охотник ухватил одержимого за ноги и стянул пониже, так как сейчас он мог дотянуться максимум до бедер. Он занес кулак и ударил монстра. Они знали, что Тени и одержимые почти не чувствуют боли, если удары не нанесены с использованием золота или серебра, но чувство удовлетворения никто не отменял.

— Зачем вы это делаете?! — заревел Охотник и нанес еще один удар, ломая нос.

— Разве это имеет значение? — отозвался спокойным голосом Высшая Тень. — Разве вам не все равно, с кем воевать, лишь бы был враг?

— Кто вы такие? Откуда вы?

— Мы? Мы из другого мира, который умирает, а этот мы присмотрели давно. Мы Тени, что живут в каждом из вас, но о которых вы не подозреваете. А я — Высшая Тень! И я повелеваю всеми остальными, — ощерился одержимый и неожиданно нанес удар ногой, отбрасывая Охотника от себя.

Поднявшись на дрожащие ноги, он продолжил:

— Вам, простым людишкам, не убить меня.

— Ты уже выглядишь, как ходячий труп.

— Мне всего лишь нужно сменить сосуд, и вы, выжившие до этих пор, отлично мне подходите. Вольф, надеюсь, ты не забыл наше обещание?

Все взоры тут же обратились на него. Удивленные и злые взоры.

— Я... я не понимаю, о чем он говорит, — начал оправдываться Вольфганг.

— Ты что, с ним заодно? Но ты же наш лидер!

— Лидер? — усмехнулся Высшая Тень. — Скорее, пастух, готовящий свое стадо на убой. Он неплохо поработал, приведя вас ко мне, волку. Иронично, не правда ли, с учетом его имени? Хотя я все же рассчитывал на большее.

— Это то, к чему ты нас готовил? — прошипел один из Охотников, сильнее сжимая свой нож без рукояти.

— Вы... Вы не понимаете. Во мне Тень, а я болен, я умру без Тени, — попытался объяснить злой пастух в овечьей шкуре, медленно отходя назад.

— Не стоит оправдываться, — вновь заговорил Высшая Тень, — ты, как и любой человек, стремишься спасти свою жалкую жизнь, невзирая на последствия, используя все методы, какие можешь найти. А теперь, я надеюсь, ты поможешь мне разобраться с этими сосудами, и тогда наш договор будет исполнен.

Вольфганг стоял, не в силах что-то вымолвить. Он не ожидал, что все будет именно так, он надеялся, что вообще останется в стороне, но ему пришлось сражаться за свою жизнь, как и всем остальным, убивать Теней и одержимых. Его роль сыграна, и если бы он погиб, Высшая Тень вряд ли бы сильно расстроился.

Он шестерка, раб, хуже любой Тени, чья жизнь казалась ничтожной. Высшей Тени в равной степени плевать и на тех, и на этих. Помогать ему? А что взамен? Слепое повиновение? Вольфганг ненавидел повиноваться, он стремился на самый верх, однако рухнул вниз опаленной птицей, но не по своей вине. У него все еще был шанс взлететь, призрачный шанс, едва видимый во тьме где-то далеко впереди.

Но все будет кончено, если он умрет здесь, от рук ли Охотников или самой Высшей Тени. Однако Тенеловов было больше, а Тень, пусть и высшая, — одна, и в теле, у которой выпали почти все волосы и зубы, а сломанный нос готов вот-вот отвалиться.

— Я не могу, — пролепетал он.

— Что? — повысил голос Высшая Тень; несмотря на состояние, выглядел он внушительно и даже устрашающе.

— Не надо меня заставлять, — прерывисто проговорил Вольфганг, пытаясь сглотнуть ком в горле, но через миг он внезапно понял, что это не просто ком. Тень пыталась вылезти наружу.

— Я ведь тебя предупреждал.

Вольф согнулся пополам, и из его широко открытого рта начала вылезать Тень, словно ребенок из роженицы, ужасающий ребенок, готовый тебя сожрать.

И тут, наконец, опомнились Охотники:

— Убейте его! — заревел один и бросился на одержимого, но тот словно знал, куда будет нанесен удар и увернулся, а взмахом руки отбросил нападающего, но тут же на него накинута другая.

Что же делать с самим Вольфгангом никто не знал: с одной стороны он предатель, но с другой — он рассказал о слабостях Теней и помогал ковать оружие, да еще в нем сидела Тень, однако сам он на одержимого похож не был.

Тем временем Тень вылезла почти наполовину, вереща и царапая своими когтями лицо. Вольфганг упал на колени и вдруг почувствовал боль в ноге. Оказалось, что у него в руке все еще покоится нож, и он сделал то, что казалось единственным верным на тот момент, — он вонзил нож в Тень, торчащую у него изо рта.

Ночная тварь заверещала пуще прежнего, несколько раз конвульсивно дернулась и медленно растаяла у него во рту, оставляя на языке гадкий серный привкус.

Охотники всей толпой набросились на Высшую Тень, нанося ей удары кинжалами. В ответ одержимый махал окровавленными руками, то и дело задевая кого-то и отправляя на залитый пол. Но силы были не равны. Будь Высший в здоровом теле, он мог бы раскидать их всех, ни разу не поранившись, но его оболочка была на грани. Он плевался, ругался, угрожал, но ничего поделать не мог.

Вот кто-то зажег последний оставшийся фальшфейер и сунул его прямо в рожу противнику. Одержимый Высшей Тенью вскрикнул и закрыл лицо руками, но это было ошибкой. Один из Охотников, тот, что побольше, прыгнул и сбил врага с ног, и все вместе они накнулись на него гурьбой, нанося размашистые удары кинжалами. У некоторых отломались клинки, но они продолжали бить обрубками.

Спустя несколько минут все закончилось. Тело одержимого было изодрано так, словно его самого рвали Тени. Удивительно, но среди Охотников не оказалось потерь вовсе, лишь ушибы и пара сломанных ребер.

Прямо сидя в окровавленных нечистотах рядом с трупом и не в силах подняться на ноги, они обернулись к Вольфгангу.

— Тебе лучше уйти, пока у тебя есть возможность, — недобро сказал один из них.

— Верно. Ты предал нас, но без тебя мы бы не узнали слабости Теней, теперь понятно, как ты сам о них узнал. И я видел, как ты бился с ними. Может, в тебе и была Тень, но ты точно не был ею одержим. Если тебе нужна была помощь, ты мог бы нам все рассказать, мы бы что-нибудь придумали.

— А теперь уходи. Или, клянусь Богом, как только я смогу подняться, я утоплю тебя в этих нечистотах.

Поднявшись с колен, Вольфганг посмотрел на свой кинжал. Он выпустил его из окровавленных рук, развернулся и молча ушел, почесывая рубец на шее.

У него за спиной оставалось примерно треть всего спустившегося под землю отряда, который в будущем, из группы обычных граждан с самодельным оружием, превратится в международную секретную организацию по борьбе с Тенями, добьется комендантского часа и особых полномочий.

Вольфганг найдет других Теней и расскажет им о всем, что с ним произошло, слегка подправив финал, представив все так, что он сражался с Охотниками, но ослабевшую Высшую Тень спасти не успел, после чего бежал.

Он, взамен на ослабление своей болезни, даст обещание, что откроет новый большой портал, чтобы впустить в мир еще больше Высших Теней, а до тех пор остальные Тени должны ему повиноваться.

Он привыкнет к ним, а они к нему. Его будут почитать, спустя время он решит, что Тени ему куда ближе, чем люди, которые его никогда не понимали. Все, что умеют люди — воевать, но не ради жизни, а ради смерти, а Тени всего лишь хотят обрести новый дом, взамен погибающего.

Чем Тени хуже людей? Они как беженцы из другого мира, со своими особенностями и традициями. Чья жизнь дороже? Вольфганг решил для себя, что люди — это пройденный этап эволюции, и есть те, кто их превосходит — такие, как он и остальные Охотники. Они видят в темноте, раны на них заживают быстрее, а Тени не способны в них вселиться, как и в своих сородичей, словно эти новые люди им равны.

Однако эти новые люди этого не понимают и убивают Теней, даже не желая слышать их предложения. Старые люди не нужны этому миру, пора свершить эволюционный скачок, и выживут лишь сильнейшие, способные перенести одержимость Тенями и плодиться новыми сосудами для новых Теней. Миллиард? Миллион? Сколько выживут? Это не важно, потому что каждый выживший будет стоить сотни.

Вольфганг взял себе новое имя — Мрачный Жнец. Но разве Смерть — зло? Не она убивает людей, она лишь приходит в назначенный час и отводит тебя в то место, которое ты сам заслужил, и только ты сам виноват, если это ад.

Но что, если Смерть точно также и приводит новую жизнь?

Если Мрачный Жнец забрал чью-то жизнь, значит, пришло его время.

Вольфганг больше не верил в Бога, ибо он в каждом из нас. Он решил устроить Апокалипсис, который, вопреки всеобщему заблуждению, является не концом света, а откровением, вознесение праведных и свержение грешных. Люди должны покинуть этот мир, чтобы освободить место для других. И эти другие — Тени.

И те, в кого они вселились, словно святой дух, не одержимые, они одаренные. А Охотники — их потомки, подобные потомкам первых из людей.

Глава 4: Цели

Оливер не мог заснуть до утра, и не только потому, что раны по всему телу зудели, и с каждым часом это становилось все невыносимей. Эффект таблеток проходил, и одновременно с этим прояснялось сознание.

Он жалел о том, что наговорил и Эвиле, и Сьюзен, да еще и в палате, где Миранда лежала в своем нарколептическом сне. Однако гордость и даже детское нежелание признавать своих ошибок не могли позволить ему просто пойти и извиниться, потому что, несмотря ни на что, он видел в своих словах зерно правильности, вопросы, ответы на которые он имеет право знать.

Кончено, Оли сомневался, что организация действительно подстроила все, о чем он наговорил Эвиле и Сьюзен, но нельзя отрицать, что они все же этим не преминули воспользоваться в своих интересах. И еще эти наставники, так похожие на них самих. Оливеру нужны были ответы, и на завтрашнем собрании он собирался их получить, а если нет, он найдет их в другом месте.

«Если бы только я был полностью здоров», — с досадой подумал он.

Он заснул, когда снаружи уже давно поднялось солнце, и проснулся, когда оно еще не зашло за горизонт. Его активное время суток — ночь, но он до сих пор не мог к этому привыкнуть. Когда обычные люди уже ложатся спать, он только готовится к предстоящей ему работе. Так и существуют эти два мира, так близко, но все же врозь.

Вместо кабинета Камиогавы, собрание решено было провести в столовой, где для этого случая убрали все столы, кроме двух, оставив лишь ряды стульев, а перед ними поставили небольшой постамент.

Когда Оливер доковылял до столовой, там оказался лишь один Мейсон.

— А, Оливер! Я думал, тебя в больничке покормят.

— Я оттуда ушел.

— Вот это правильно, нечего там делать.

Легко тебе говорить, подумал Оливер. Мейсон имел лишь несколько порезов и ушибов, в основном на руках, которыми периодически колошматил Теней, несмотря на булаву. Он любил подраться, и ему было плевать, человек перед ним или же ночное существо из кошмаров. Вот он бы точно не позволил какому-то одержимому прижать себя к стенке. Горло Оли, несмотря на употребляемые каждые несколько часов специальные эликсиры, все еще першило.

— А остальные где? — спросил он.

— Хрен знает. Миранда, наверно, все еще спит, а Везел, как я слышал, в коме или вроде того. Сьюзен — не знаю.

Если Сьюзен все еще обижается, а так оно и есть, то вряд ли придет в столовую, зная, что там будет Оливер. Он тоже не хотел ее видеть, потому что не знал, что сказать.

— А откуда ты знаешь, что Везел в коме?

— Мне Грасс сказал. Еще сказал, что на этом собрании что-то будет по поводу нас, ну, меня, тебя и остальных.

— А конкретнее? Они скажут, зачем мы им?

— Хрен знает, — пожал плечами Мейсон.

Принесли заказ, и Оливер накинулся на него, но не успел как следует распробовать вкус большого стейка с гарниром и пригубить вино, как за спиной послышались звуки открываемых дверей и шаги. Два парня тут же устремили взор на входивших. Это оказались Сьюзен, Миранда и, конечно же, Эвила, от вида которой Оливера очередной раз пробрал озноб.

Ничего не говоря, они расселись по местам, при этом Сьюзен села по левую руку от Миранды, подальше от Оли. Мейсон с любопытством переводил взгляд с одного на другую, и обратно. Оливер пожалел, что сделал такой большой заказ.

Рутгер прервал неловкое молчание первым, при этом не скабрезной шуточкой, как обычно, а вопросом, который хотел задать и сам Оли.

— Я думал, ты в лазарете, — обратился он к Миранде, но та в ответ лишь потупилась.

— Она лишь уснула, но не ранена, — ответила за нее Сьюзен, и девочка понурилась еще больше, — так что ей нет смысла там оставаться. Там и без нее полно раненых.

— Так это, — начал он вновь, когда еду принесли и девушкам, — что сегодня будет на собрании? Мы же тоже приглашены?

— Когда оно начнется, тогда и узнаешь.

— Чего ты злишься-то сразу, я же просто спросил.

Сьюзен, казалось, хотела что-то ответить, но решила промолчать. Зато неожиданно заговорила Миранда:

— Простите, — прощепетала она.

— За что?

— Я всех подвела. Я уснула, когда должна была сражаться. Я чувствовала, что вот-вот усну, но никому ничего не сказала, думала, что смогу продержаться.

— Ты ни в чем не виновата, — стала утешать ее Эвила своим хрипловатым голосом. — Ты сделала все, что могла, больше, чем мы могли рассчитывать.

У Миранды по щекам текли тихие слезы, и Эвила обняла ее, положив голову на грудь, а Сьюзен в это время гладила ее по руке.

Оливер тоже хотел сказать, что она не виновата, как и Сьюзен, убившая своей способностью человека, пусть и одержимого, которого так и так пришлось бы убить, ведь Оли находился слишком далеко. Она и сама должна это понимать, однако женщины, независимо от возраста, склонны к самоистязанию почем зря, не вдумываясь в ситуацию слишком глубоко. Миранду сейчас утешают, а Сьюзен так же утешить некому.

Пока к общей меланхолии не присоединился и Мейсон, Оливер решил покинуть это гнездо уныния, даже не доев свой заказ. Возвращать поднос на кухню он тоже не собирался — должны быть у человека на костылях какие-нибудь поблажки.

— Тебе следовало бы извиниться, — раздался у него за спиной голос Эвилы, и она точно говорила не о подносе. — Не передо мной, но хотя бы перед Сьюзен. Ты наговорил ей слишком много лишнего.

— Я это говорил не ей, а вам, — ответил он, не оборачиваясь.

— И все же.

— Если я в чем-то и виноват, так это в том, что доверился организации слишком сильно. После сегодняшнего собрания я решу: уйду или останусь. Если решите запихнуть меня в психушку, вряд ли я смогу вам помешать.

— Мы так не поступаем. Оливер лишь пожал плечами и заковылял между стульями к выходу. В своей комнате он провел все оставшееся время до собрания.

Собрание начиналось в четыре часа ночи, в самый разгар рабочего времени Охотников, однако сегодня они не бродили по улицам в поисках противников из потустороннего мира, как и не сидели в барах, попивая пиво и травя байки о своих встречах с Тенями.

Выйдя из коридора, где располагались комнаты новичков, Оливер натолкнулся на Грасса. Выглядел он довольно бодро, несмотря на большую повязку на лице слева и большой пластырь над глазом, через которые проступало немного крови.

— Оливер! — махнул ему Охотник, заметив. — Я искал тебя в лазарете, а мне сказали, ты ушел.

— Мне нечего там делать, — угрюмо ответил парень.

— Что с тобой? Что-то случилось?

Оливер немного замялся.

— Просто... поссорился кое с кем.

— Поссорился? Ну, это бывает. А кто виноват в этой ссоре?

Оли пожал плечами, насколько позволяли костыли.

— Наверное, я, — ответил он.

— Наверное? Такого не бывает: либо точно ты, либо точно не ты. Хотя, если в дело замешаны женщины, то возможно всякое. Вот что, если ты действительно поссорился с кем-то из женщин, тебе и просить прощения, потому что именно так поступают настоящие мужчины.

Оливер понимал, что Грассхopper прав, он и так знал, что должен попросить прощения, но слова Охотника прибавили еще одну причину для этого. Если нужно было извиниться, он это сделает, но лишь после собрания, когда выяснит все, что желает.

В столовой собралась целая толпа, даже больше, чем отправилось в катакомбы с учетом погибших и серьезно раненых, все еще остающихся в лазарете. Стульев на всех не хватило, и некоторые просто стояли, прислонившись к стенам. Оливер вздохнул, готовясь к тому, что простоят на костылях всю ночь, однако Грасс велел ему идти за ним к первым рядам. Там, в самом первом ряду, оставалось два свободных места, видимо, специально оставленных для них.

Оливер как раз сел между Грассом слева и Мейсоном справа, дальше вправо шли Сьюзен и Афро, которой, видимо, все же позволили покинуть палату. Выглядела она неважно, с растрепанными волосами и небольшой бледностью, хотя, заметив Оливера, она нашла в себе силы ему улыбнуться. За ними сидела Миранда с Эвиллой, а еще дальше Везел, мрачнее тучи, поглядывающий на мир из-под нахмуренных бровей, и его наставник Барсук. В самом конце — Бертон. Получалось, что только один Оливер оставался без наставника.

Пока шел между рядов, он успел наглядеться на всяких фриков. Были здесь и те, кого он уже видел в ресторане и во время выполнения миссии, а также и другие. Многие скрывали лица разнообразными масками и повязками, из-за чего все это походило на какой-то маскарад. Самого Оли не спросили, хочет ли он выставлять напоказ свое лицо.

Несмотря на вид этих людей, большинство из них сражались в подземелье, рискуя своей жизнью, самозабвенно бросаясь на врага, превосходящего числом, помогали товарищам. Те, кого не было, видимо, просто не подходили для подобных заданий, отсиживаясь где-нибудь в офисе, а может, просто трусили отправляться на столь опасную миссию. Кто-то из них отправился спасать Джона, что, судя по погибшим, оказалось не менее опасным, хотя Оливер не знал, сколько человек было задействовано в той операции, Бертон кое-что рассказал, но о количестве как-то не упомянул.

— Все собрались? — послышался чересчур низкий для женщины голос Камиогавы, раздаваясь эхом на все просторное помещение столовой. В двери все еще то и дело просачивались припозднившиеся, но время начала собрания объявили заранее, и переносить его

из-за чьей-то безалаберности никто не собирался. Уже точно не властная глава филиала организации «Тенелов».

Оливер не заметил, как она вышла из двери, ведущей, в коридор при кухне. Оттуда же вышли Джон и еще четыре неизвестных человека, явно не привыкших держать в руках оружия, максимум ручку, хотя в них чувствовалась энергетика власти, такая же, как и у самой Камиогавы.

— Начнем без приветственных речей, — продолжила она, не дожидаясь ответа на вопрос. — Вы все слышали, что произошло вчера, а многие из вас в этом участвовали. — Оливеру показалось, что она мельком взглянула куда-то вправо, в сторону Барсука. — У нас была основная задача — это спасти Джона «Синигами» Сэндмена. Но не потому, что он какой-то особенный, хотя он очень ценный член организации, с этим никто не спорит, но и из-за того, в чьем плену он пребывал. Вы все также наслышаны и о Мрачном Жнеце, мне не следует повторяться. Миссия же в катакомбах была отвлекающим маневром для возможных шпионов, которые, наверняка, передали информацию о ней Жнецу, тем самым позволив сделать вылазку за Джоном непредсказуемой. Честно говоря, я не ожидала, что вы встретите такое яростное сопротивление, а иначе мы продумали бы все четче, однако времени не было совсем. Я очень сожалею, что многие наши товарищи погибли, и прошу прощения у тех, кто оказался ранен. Всего в прошлую ночь погибло восемнадцать Охотников, и мы их не забудем.

Вот и появилась причина спасения Джона. Организация никогда не делает ничего просто так. Если бы не сведения, которыми он, потенциально, мог обладать, его бы бросили на произвол судьбы. Возможно, подумал Оливер, его так долго не спасали как раз ради того, чтобы у него было больше времени что-нибудь выяснить.

Однако извинения Камиогавы оказались для него неожиданностью, пусть она и нашла для себя оправдание. Восемнадцать убитых, а сколько раненых? Каждый второй, если не больше.

— Благодаря Джону мы теперь знаем, что запланировал Жнец. Он собирается открыть новую Дыру, чтобы впустить в наш мир Высшую Тень, а может, и не одну.

В зале тут же загомонили, а учитывая количество людей и отражающие эхо стены помещения, все это превратилось в какофонию голосов и звуков удивления.

Оливер и сам внес свою лепту в этот шум, присвистнув. Высшая Тень. Джон говорил, что это существо, превосходящее обычную Тень в несколько раз, и способное уничтожить город, имея в запасе подходящее количество простых Теней. А если их будет несколько... Оли тут же представил себе картину сражения с этой тварью. В туннелях они могли так долго продержаться и даже победить с огромными потерями только благодаря ограниченности пространства. Если же бой будет в городе, Теней в одной точке сдержать не получится: они будут лазить по стенам домов, заходить с флангов через переулки, прыгать сверху с крыш и из окон, даже пробираться за спину через канализацию, а одержимые и вовсе могут взять в руки оружие и таранить толпу на машинах. А если ими будет руководить разумная Высшая Тень, никто не сможет их остановить.

Камиогава подняла руку, и буквально через несколько секунд все возгласы прекратились.

— Дальше все расскажет сам Джон.

Джон встал со стула и медленно подошел к трибуне, установленной на постаменте. Теперь Оливер мог разглядеть его вблизи. Он очень исхудал, на лице его красовались синяки и кровоподтеки, губы потрескались. Волосы, однако, он все же подстриг, что только подчеркнуло его худобу.

— В общем-то, — начал Синигами вполне бодрым голосом, — добавить мне особо нечего. Я очень благодарен тем, кто отправился меня спасать, рискуя жизнью. В ту ночь погибло много хороших Охотников, наших товарищей. Я бы рад сообщить что-то очень важное, но не могу. Нам лишь известно, что Мрачный Жнец возомнил себя спасителем мира, он намерен открыть новые порталы и наводнить планету Тенями, которые должны воспользоваться людьми, как сосудами. Он назвал это эволюцией, хотя, как по мне, это настоящий геноцид. Еще мы знаем, что его план должен прийти в исполнение этим Рождеством, и о том, что произойдет нечто грандиозное, подтверждают и наши аналитики из штаба. То есть у нас остается десять дней. Я не знаю, что именно он собирается сделать, но чтобы открыть Дыру или же расширить уже существующую необходимо колоссальное количество энергии, а значит, погибнет много людей.

Джону больше нечего было добавить, и к трибуне вернулась Камиогава. Она рассказала о скудной находке золота и серебра, которое, видимо, отныне потеряно в Дыре, и о необходимости обыска остальных катакомб, но только после поражения Жнеца.

Дальше на постамент вышел Бобби, выглядевший устало, но старающийся держаться бодро. Он поведал о спасении Джона, при этом подробнее Бертон. Он рассказал о встрече с неким Шудом и помощи со стороны Майлза, который, как понял Оливер, перешел на сторону Жнеца, но затем осознал свои ошибки.

Все эти их внутренние дела совершенно не интересовали Оли, он лишь ждал, когда уже наконец-то заговорят о нем и остальных новичках. Он уже собирался встать с места и подтолкнуть их поторопиться, когда к трибуне вновь вернулась Камиогава.

— Теперь о том, что многих интересует: пять наших новичков. Вам наверняка интересно, почему мы так усердно стараемся их натаскать за такой короткий срок, и я вам отвечу. До этого мы молчали, потому что не все из них пробудили свои аберрации, и мы боялись, что об этом услышат шпионы и передадут информацию Жнецу, а тот решит поскорее покончить с ними. Однако, видимо, он и так догадался, что эти новички чем-то важны, а поэтому попытался чужими руками убить одного из них, из-за чего пострадал один из наших Охотников — Афро. Именно поэтому Джона не убили сразу, а долго пытали, — чтобы вызнать у него тайну, о которой он даже не знал.

Даже он не знал! Оливер поразился этому обстоятельству. Джона, как и остальных наставников, представили к ним, чтобы уговорить новичков вступить в организацию, а затем обучать их по мере возможности, став не просто учителями, но еще и друзьями. И все это время они не знали, зачем это делают. Наставники просто выполняли приказ, не задавая вопросов. Оливер так бы не смог.

— Сейчас это уже не важно, — продолжила Камиогава. — Правда в том, что в аналитическом отделе главной базы организации уже давно, можно сказать, напроорочили нечто похожее на то, что запланировал Жнец. Также ясновидцы узнали, что появятся пятеро Тенеловов, обладающих способностями, которых ни у кого до этого не было. Они сказали где искать лишь в тот самый день, когда их и обнаружили. Благодаря этой пятерке, либо лишь несколькими из них, у нас есть шанс остановить Жнеца и его Теней, мы только не знаем одного — каким образом. Я все это говорю затем, чтобы вы все знали, чего мы добиваемся и какими методами пользуемся. Даже если... Когда Жнец узнает об этих пятерых, он все равно теперь ничего не сможет им сделать, потому что их будут охранять каждую секунду несколько человек, которым мы доверяем, в том числе и их нынешние наставники.

Все стало на свои места. Их роль стала ясна и понятна, хотя об этом можно было сообщить и пораньше, и если не всему свету, то хотя бы только лично им. Избранные среди избранных или проклятые среди проклятых. Но как они смогут победить Жнеца и его армию Теней, спасти мир, если ничего не знают о действиях этого ужасного человека? Аналитики в организации, судя по всему, обладают невероятными способностями, но даже им не под силу знать все.

Оливер из всех них мог выделить лишь Миранду и Везела, остальные же в бою почти бесполезны, особенно если сравнивать с бывальми Охотниками. Пойти против такого сильного противника, как Жнец, кажется безумием, хотя сам Оли никогда его не видел, но почему-то представлял себе огромной фигурой в капюшоне, сжимающей в руках косу из человеческих костей. А еще он обязательно должен сидеть на таком же костяном троне и молча одним лишь перстом направлять Теней.

И все же оставался еще один вопрос, ответ на который он ждал больше всего: что с его друзьями.

Однако дальше речь зашла о патрулировании улиц на Рождество. Те четверо человек, что ныне восседали за спиной у Камиогавы вместе с Джоном, оказались главами филиалов организации из других боро Нью-Йорка. Так как Жнец обосновался именно в Бруклине, то и события на Рождество должны были произойти именно здесь, что подтверждали аналитики, а потому другие районные филиалы города предоставляли дополнительное подкрепление. Охотники должны будут прибыть даже из соседних городов и еще немного из других штатов.

Бруклин на Рождество станет настоящим полем боя, и все это понимали, хотя в открытую никто подобного не произносил. Патрулирование улиц — вот и все, что официально предстояло делать этим людям. Комендантский час будет отменен ровно на одну ночь, и на улицах окажется полно народу, среди которых легко затеряться как Охотникам (на подобных мероприятиях всегда полно полиции и спецслужб на всякий случай, никто не будет задаваться вопросами), так и одержимым, которые на первый взгляд неотличимы от обычных людей.

Но будут еще и Тени, незримыми хищниками выискивающие себе жертву. В прошлые годы за такую ночь в Бруклине погибало или становилось одержимо до двух тысяч человек, что для боро в несколько миллионов не такая уж и заметная потеря. Но ведь все эти смерти происходили в одну единственную ночь, что, в купе с постоянными предупреждениями населению быть осторожными и не выходить за пределы перекрытых зон, не могло не остаться незамеченным. До двух тысяч было лишь в первые два года, дальше люди стали осмотрительнее

и осторожнее, и в последние годы число жертв сократилось до нескольких сотен.

В эти ночи Охотники не оставались без работы.

— В катакомбах было уничтожено несколько сотен Теней, — сказала Камиогава, — а вокруг обнаруженной там Дыры уже строится саркофаг. Но это не повод расслабляться, Жнец бы не отправил все эти полчища ночных тварей, если бы у него в запасе не оставалось как минимум столько же, поэтому эта рождественская ночь окажется не менее кровопролитной, чем всегда. Даже более, если учитывать, что Тени на сей раз направляются Жнецом. Мы не знаем, что нас ждет, но зато мы знаем, что нам делать, — выполнять свою работу.

Было произнесено еще несколько ободряющих фраз и обговорен ряд мелких деталей. Несмотря на то, что с событий в катакомбах прошло всего лишь один солнечный день, Камиогава уже успела связаться с правительством и заказать огромную партию бронежилетов, однако надевать их или нет — дело сугубо добровольное. Кому-то может быть неудобно носить одновременно средство защиты и свой клоунский костюм. Попытки внедрения бронежилетов уже как-то была, но провалилась по различным причинам.

В конце Камиогава предложила Охотникам все это время до самого Рождества оставаться в здании организации, чтобы до них поодиночке не добрались люди и Тени Жнеца. Жилых этажа было всего два, на некоторых жили офисные сотрудники, но большая часть комнат пустовала.

Глава филиала пожелала всем удачи и готовиться к грядущему.

— А как же мои друзья? — вскочил с места Оливер. Его попытался остановить Грасс, но не успел. — Вы ни слова не сказали о них, а я знаю, что вы их забрали и теперь держите где-нибудь за решеткой, тыкая амбисидиановой палкой. Если вы не позволите мне их спасти, из вашей драгоценной пятерки останется лишь четверка, и плевать на последствия. Каиогава посмотрела на него со снисхождением:

— Я не забыла о твоих друзьях, Оливер. Но они ведь твои, верно? А значит, других это не касается. Мы поговорим, когда все разойдутся. — Последнее предложение она произнесла с нажимом, и люди, который при окрике Оливера замерли, ожидая какого-то продолжения собрания, тут же заторопились на выход. Учитывая, что лифт всего один, их исход займет не менее получаса.

Как оказалось, из столовой вел и другой выход, ведущий к северной части здания с запасным лифтом, где, как Оливер знал, располагались лаборатории и места содержания Теней, а еще, как это ни удивительно, лазарет. Связано это было с тем, что здание располагалось на берегу Лоуэр-Бей, и если бы подземные помещения расширились и на юг, то в конечном итоге их залили бы воды из Атлантического океана.

Через второй лифт отправились главы филиалов и четверка новичков в сопровождении своих наставников и дополнительной охраной. И Бертон. Оливер же остался внизу и вместе с Камиогавой, Бобби с еще несколькими обязательными бойцами отправился дальше. Перед этим он даже успел перекинуться парой слов с Джоном, но диалог вышел довольно неловким. Какой вопрос задать? Как дела? Ответ и так был ясен. Поэтому Оли лишь спросил, что Джон будет

делать дальше, а тот ответил, что приводить себя в форму, то есть отъедаться и разминать одеревенелые за время плена мышцы. Примерно то же самое он посоветовал сделать и парню, хотя за десять дней мало что можно узнать нового и чему-то обучиться, но он все равно пообещал.

Пройдя несколько дверей, лестниц и коридоров, что с костылями было не так уж и просто, Оливер и остальные очутились в просторном длинном помещении с колоннами, а слева оказался еще более просторный зал, странным образом отделенный толстыми стеклами. Зал был таким же длинным, только потолок располагался гораздо выше, однако и оно было разделено огромными стеклами, словно деля его на секции. На противоположной стороне находилось множество неказистых железных дверей с круглыми матовыми окошками на уровне глаз.

Однако им было в другую сторону. В стене справа находилась массивная белая дверь с панелью и камерой наблюдения над головой. Камиогава ввела цифры, а секунд через десять дверь отворилась с характерным пищащим звуком. Послышалось шипением выходящего воздуха.

Внутри оказалось не так просторно, как в предыдущем помещении с колоннами, но и здесь было, где развернуться. И выглядело оно чище и светлее. Напротив находилась такая же длинная стена, в которой, на различном расстоянии друг от друга покоились еще одни массивные белые двери, с панелями, но уже без камер.

— Где мы? — не вытерпел Оливер.

— Это лаборатории, где изучают Теней и одержимых.

— И вы решили изучить моих друзей?

— Поверь, у нас полно подопытных и без них. Просто мы хотели провести кое-какие анализы. Ради их же блага. Ты сам все увидишь.

Пройдя немного по коридору, Камиогава остановилась у одной из дверей, ввела код (Оливер не знал, везде ли один и тот же пароль или же он разный для каждой двери, а если так, то как их вообще все можно запомнить?) и все вошли внутрь.

Это оказалось очередное длинное помещение, уходящее вглубь на несколько десятков метров и утыкаясь в очередную стену с очередной дверью. Также двери были и с двух сторон, явно ведя в соседние, не менее длинные помещения. Первое, что заметил Оливер, не считая снующих вокруг людей, — это капсулы по обе стороны помещения. Без всяких церемоний он подошел к одной из них и посмотрел сквозь круглое окошко. Там лежал человек. В соседних капсулах тоже лежали люди, но не везде. Кто-то казался просто спящим, другие же имели вид полуразложившихся трупов.

— Кто это? Что вы с ними сделали? — спросил Оливер.

— Это одержимые. Не беспокойся, они просто в анабиозе. Иди за нами.

Они прошли чуть дальше середины помещения, где Камиогава остановилась и рукой показала на три капсулы перед собой. Оливер не был глупым, и сразу догадался, кого увидит, заглянув в оконца: Гек, Бека и Джо.

Выглядели они еще более неважно, чем Джон, когда парень его увидел прошлой ночью. Хотя было видно, что их отмыли, как могли, а одежду заменили на какую-то форму, похожую на ту, что была на самом Оливере, когда он впервые очнулся после встречи с Тенями, только вместо серой она оказалась белой. А еще в капсуле находилось подобие капельницы, по которой в вену поставлялась мутная жидкость, вроде физраствора.

Больше всего неестественная худоба выделялась у Джо, который, будь он во всей своей форме, точно бы не влез в капсулу.

— Как они? — тихо спросил Оли, не отрывая взгляда от Беки.

— В этой лаборатории мы изучаем влияние Тени на одержимого ею человека. Все тела одержимых разрушаются, чьи-то медленнее, чьи-то быстрее, но мы пока не выяснили, почему конкретно это происходит, хотя гипотезы есть, и вполне реалистичные, если, конечно, можно говорить о реализме в отношении Теней и вообще Дыры.

— Я спросил не об этом.

— Рано или поздно человеческое тело умирает, — продолжила Камиогава, не обращая внимания на слова Оливера. — И именно тогда оно начинает разрушаться быстрее, и Теням приходится намного сильнее поддерживать его, чтобы оно не развалилось окончательно, однако парадокс заключается в том, что чем больше влияет на тело Тень, тем быстрее оно разрушается. И мы научились отличать одно состояние от другого.

— Зачем вы мне все это говорите? Я лишь хочу изгнать этих Теней из моих друзей.

— Я говорю тебе это за тем, что этот факт напрямую касается твоих способностей.

Оливер не особо вслушивался в бормотание Камиогавы, но все равно уловил суть, однако не особо понимал, что именно она пытается до него донести. Сейчас он не мог думать ни о чем, кроме друзей, лежащих в лабораторных капсулах перед ним. Если бы не эта преграда, он уже бы вытравил из них ночных тварей.

— О чем вы? — не выдержал он. — Хватит говорить загадками.

— Знаешь, почему ты смог спасти Бертона и того солдата в катакомбах, а остальных одержимых, которых вы встретили на пути в Дыре, нет?

Камиогава вновь предпочла иносказания и отвечала вопросами на вопросы, что так раздражало Оливера, но он все же сдержался. Он уже пробовал кричать, и это ни к чему, кроме собственного стыда, не привело.

— И почему?

— Потому что Бертон и тот элитный боец были живы, а те одержимые давно умерли. Жизнь в них поддерживали лишь Тени, и их изгнание оказалось равносильно обрыванию нитей у марионетки.

Теперь Оливер, наконец, понял. Он с самого начала стремился как можно быстрее найти своих друзей, чтобы спасти их от смерти, однако не совсем осознавал, что это значит. Он полагал, что если тело мертво, то Тень не может в нем находиться, но тот одержимый, что сцапал Гека, имел зеленые руки, словно лягушачьи, однако был вполне бодрым, а значит — живым. Теперь же Оли понял, что это было не так, его сосуд разрушался, и он искал себе новый. И нашел.

Однако тела его друзей хоть и выглядели бледными и худыми, не имели следов разложения, а значит, они точно живы. Камиогава просто на всякий случай решила в этом убедиться. Теперь Оливер чувствовал себя еще более виноватым во всех этих нападках как на Эвилу, так и вообще на организацию в целом.

Последнюю мысль, не считая сожалений о поспешных обвинениях, он выразил вслух.

— Да, — подтвердила она, — мы именно поэтому первым делом привезли их сюда, дабы как можно скорее поместить их в капсулу анабиоза, дабы обследовать и предоставить необходимый уход. Однако... — она замолчала и посмотрела на Бобби.

— Видишь ли, Оливер, — заговорил бармен, прочистив горло, — не все из тех, кого мы вытащили из катакомб, были живы на тот момент.

— Что вы хотите этим сказать? — заволновался он.

— Ты хорошо описал нам внешность своих друзей, чтобы мы ненароком не причинили им вреда, хотя мы и без этого не собирались. Это Джо, верно? — Бобби положил руку на одну из капсул. Оли бессильно кивнул.

— Нам очень жаль, Оливер, но он мертв.

Оли взглянул на лежащего в капсуле старого друга. Он выглядел не хуже, чем остальные, пусть и непривычно худ, но все же Тень его доконала. Возможно, он умер еще в тот первый день от страха, а может, намного позже, от голода, ведь еды ему требовалось больше, а добыть пищу в катакомбах невозможно. Что, если Тень в его теле попросту не могла вылезти на поверхность из-за его веса? Да даже если бы и могла, что там можно найти, кроме неосторожных ночных гуляк? Теней сотни, и даже десять человек не могли утолить голод всех.

Оливер поймал себя на мысли, что он даже не морщится, думая о людях, как о потенциальных жертвах Теней. Все произошедшие с ним события последних дней наложили свой несмыслимый отпечаток циничности.

— А остальные? Могу я уже изгнать из них Теней?

— За этим мы и привели тебя сюда. Из всех одержимых катакомб на данный момент в живых остаются лишь шестеро, считая двоих твоих друзей.

Камиогава подала знак, и шесть человек вывезли капсулы за дверь в противоположной стороне длинного помещения. Там оказалась небольшая комната, обитая металлом, но не амбисидианом. Кое-где виднелись следы когтей.

Открыли первую капсулу с неизвестным Оливеру мужчиной. Он был худ, что не удивительно, имел длинный нос и темные короткие волосы.

— Не бойся, — заговорила Камиогава, — они под особым наркозом.

Оливер подумал, что ему специально подсунули для начала тело неизвестного человека, а изгонять Теней из друзей ему придется в конце. Возможно, Камиогава боялась, что как только он спасет друзей, то просто откажется использовать силу дальше, а может, она хочет убедиться, что способность сработает как надо, и человек не умрет в ту же секунду, как его покинет Тень. Случись подобное с его друзьями, он точно не захочет продолжать и будет жалеть до конца своих дней. О том, что не успел вовремя, о том, что доверился организации, вообще о том, что решил праздновать свой день рождения в заброшенном здании, портале в настоящий ад.

Только Камиогава не знала, что он и так об этом сожалеет. Да, он спасет Гека и Беку, но Джо уже не вернуть.

Оливер решил не класть руки на лицо человека, а просто взял его за руку: это не так глупо выглядит, да и Тень, когда будет вылезать, не сможет его поцарапать. Камиогава и Бобби переглянулись, явно до этого не догадываясь, что ему не обязательно касаться головы одержимого, но промолчали.

Как только Тень показалась изо рта, один из бойцов ударом ножа пронзил ее, и она растворилась в воздухе с неприятным серным запахом, затем крышка капсулы тут же закрывалась вновь. Те же манипуляции были проделаны и с остальными одержимыми. Парень даже удивился, почему этих Теней не поймали для дальнейших наблюдений. Видимо, их и без того у них полно.

Оливер все боялся, что люди очнутся, как только Тень будет уничтожена, однако наоборот, надеялся, когда проделывал это с Геком и Бекой. Но они были под наркозом, а потому никак не отреагировали. Да даже и без наркоза, Бертон ведь тоже не сразу пришел в сознание.

— Что дальше? — спросил он.

— Мы проведем еще несколько тестов, не бойся, они совсем не опасны, просто необходимо узнать, как сильно Тени повлияли на их тела: измерить давление, температуру, синусовый ритм, оценить работу мозга и других внутренних органов, изучить состав крови. Если все в порядке, мы переведем их в палаты госпиталя.

— Тогда я буду ждать, когда смогу их навестить.

На этом его экскурсия по лаборатории завершилась. Конечно, он не знал, что находится в соседних помещениях, но вряд ли это что-то сильно отличается от того, что здесь.

На обратном пути Оливер спросил:

— А что это за особый наркоз, про который вы говорили?

— Видишь ли, одержимые Тенями очень быстро восстанавливаются от ран, большинство препаратов и вовсе никак на них не действуют. И та, и другая проблема решается золотом и серебром. Мы просто добавляем в наркоз немного амбисидиановой пыли, не достаточной, чтобы изгнать Тень, но достаточной, чтобы усыпить человека без угрозы для жизни. Бобби так резко зыркнул на Камиогаву, что у него аж шея хрустнула.

— Понятно, — протянул Оливер, делая вид, что ничего не заметил.

Они могут изгнать Тень из человека и без его способностей! Мысль поразила его до самых костей. Тогда зачем же просить это сделать его? Узнать, будут ли побочные эффекты? Просто ради любопытства, как он это делает? Они не сказали, когда именно умер Джо, а что, если это произошло как раз после того, как его вытащили из катакомб? Тогда в его смерти виноваты не только Тени.

Организация обманывает и врет, манипулирует людьми ради собственной выгоды, и делает это даже тогда, когда можно просто попросить: «Помоги нам, мы можем изгнать Тень сами, но хотели бы посмотреть, как это делаешь ты». И все, Оливер не видел причины отказать в подобной просьбе.

До этого момента у него было двойкие чувства по отношению к «Тенелову», но теперь он точно был уверен, что не должен доверять им во всем. Возможно, их цель и благородна, но средства ее достижения несоизмеримо низменны.

Он должен рассказать об этом остальным, и для этого ему придется помериться со Сьюзен. Возможно, об этом не стоит говорить Везелу, но остальные должны знать, что даже когда им говорят правду, между строк остается слишком много лжи.

Молчание затянулось, а у Оливера как раз созрел еще один вопрос:

— На собрании вы говорили о каком-то саркофаге. Что это такое? Оли показалось, что Камиогава вздохнула как-то с облегчением. Ну да, куда глупому мальчишке до распознавания чужой лжи и оговорки!

— Позволь мне объяснить, — вмешался Бобби, обращаясь к главе филиала. — Оливер, ты же уже знаешь о Дырах, и даже видел одну из них. Когда находят такие порталы, вокруг них строят специальную железную комнату, обитую изнутри амбисиданом. Это и называется саркофагом. Даже если Тень вылезет из Дыры, выйти за пределы саркофага она все равно никак не сможет.

— А если кто-нибудь разрушит саркофаг снаружи?

— На этот случай на нем устанавливаются датчики, а каждые несколько дней кто-нибудь проверяет железный куб. Однако мы все же оставляем специальную дверь, изнутри, само собой, открыть ее невозможно, а открывают ее лишь специалисты, следящие за состоянием портала. Когда-нибудь мы надеемся найти способ закрывать подобные Дыры навсегда.

Они выбрались наверх, вновь прошли через столовую, а у входа в коридор с комнатами разделились: Камиогава с Бобби и парочкой бойцов отправились наверх, в ее кабинет, а Оливер, также сопровождаемый охраной, вернулся в свою комнату. От всех этих хождений ныли нога и ладони, и ему было приятно отбросить свои костыли и плюхнуться в свежую кровать. Конечно, перед тем, как войти, его комнату осмотрели, но лишь глупец попытается убить его в его же комнате, где снаружи полно элитных бойцов организации. Хотя, в первый раз нечто подобное и произошло.

Он прилег отдохнуть, немного подумать и придумать слова, чтобы попросить прощения у Сьюзен и Эвилы. Искренние у первой и не особо у второй. Он хотел рассказать об оговорке Камиогавы, но разговор не касался ушей Охотников, а значит, ему нужно уговорить Эвилу покинуть их хотя бы на десять минут. Только Миранда могла на нее повлиять, но не факт, что она согласится.

Не успел он углубиться в раздумья, как уже спал мертвым сном.

***

Джон с Бертоном дожидались Камиогаву в ее кабинете, как им и было велено. Леброн рассказал о том, что с ним происходило после их первой встречи на ночных улицах и до самого острова Эллис, куда его послали против воли. Джон слушал с интересом, потому что его последние дни оказались довольно однообразны.

Их ничего не связывало между собой, кроме Хелин, которую не пустили даже на собрание, хотя они оба считали, что это несколько несправедливо. Но Камиогава сказала свое слово, а ее слово, что кремень.

— Похоже, — сказал Джон, — твои похождения оказались не лучше моих, я, по крайней мере, знал, чего ожидать. — Он усмехнулся, и Бертон тоже не удержался от ухмылки. — Пусть ты не Охотник, да и до элитного бойца тебе далеко, но я наслышан о твоей меткости и храбрости.

— Жить захочешь, не так запляшешь.

Он не желал во все это лезть, и лучший вариант для него — вообще свалить из города. Но что это изменит? Сколько людей погибнет, если план Жнеца сработает? Не мог же Леброн ходить по всем друзьям (пусть и бывшим) и знакомым, рассказывая им о том, что в ночь на Рождество один маньяк с армией монстров из другого мира будет крушить город, а тайная организация по борьбе с этими монстрами будет пытаться их уничтожить? В этот раз его могут

упечь уже в настоящую психушку.

Но если ему все же позволят помочь, что он сделает? Поможет отстреливать Теней? Вряд ли на многолюдном празднике будет использоваться огнестрельное оружие, а с холодным он не в ладах. Бегать по городу обвешанным в золото и серебро, чтобы его не сожрали Тени, тоже много пользы не принесет.

— Думаю, — вновь заговорил Джон, — тебе позволят на некоторое время остаться здесь. Внизу у нас есть свободные комнаты, где живут Оливер и остальные. Вряд ли Жнец тебя просто так оставит после всего, что ты сделал ему.

Спас Джона от меча Мрачного Жнеца и привел на его базу Охотников, дабы спасти вновь этого самого Джона от этого самого Жнеца. И это не считая ранений повелителя Теней, а также его уничтоженной базы. Убитых в катакомбах Теней и одержимых тоже можно считать. Жнецу будет не до условностей, кто и насколько в чем виноват.

Затронув еще пару-тройку общих интересов, они таким образом просидели в кабинете около получаса, когда, наконец, явилась Камиогава, а с ней и Бобби.

— Оливер изгнал Теней? — тут же спросил Джон.

— Да, все в порядке.

— И все же я считаю, зря мы не позволили сделать ему это сразу, ну или хотя бы не объяснили, что к чему, — помотал головой Бобби.

— У нас не было на это времени. Пусть он и считает, что мы подвергли его друзей опасности, но было бы куда хуже, если бы он изгнал Теней, когда их состояние не контролируется врачами. Да и смерть одного из его друзей...

Из-за нестабильности тела одержимого, когда оно умирает, Тень одновременно и поддерживает его, и разрушает, из-за чего становится невозможно определить точное время смерти. Возможно, этот Джо умер еще неделю назад, а может, по пути в лабораторию организации. Камиогава случайно сболтнула о возможности изгнать Тень без вреда для человека и без способностей, но Оливер, казалось, не особо к ней прислушивался, а потому не заметил. По крайней мере, она так надеялась.

Кагесура решил сменить тему разговора:

— Мистер Бертон, что вы намереваетесь делать дальше?

— В каком смысле?

— Вы приняли участие в миссии, увидели все изнутри, знаете, чем мы занимаемся, и какой ценой это достается. Если хотите, мы можем отпустить вас домой, все необходимые бумаги вы уже подписали.

— Не думаю, что это хорошая идея, — вмешался Джон. — Жнец наверняка желает ему отомстить, а дома защититься он не сможет. Мы, конечно, можем организовать ему охрану, но помните, чем это закончилось в прошлый раз? Пусть с ним были лишь элитные бойцы, но и среди нападавших большинство тоже оказались простыми людьми. В связи с последними событиями мы не можем выделить ему на охрану Охотников, да и кто согласится?

— И что ты предлагаешь? — поинтересовалась Камиогава. — Вернуть его в поликлинику?

— Зачем же? У нас внизу множество свободных комнат, безопаснее места не найдешь, особенно учитывая, что всех новичков сторожат по несколько элитных бойцов.

— Кагесура, — сказал Бобби, — ты должна признать, что это лучший вариант.

Камиогава и сама это понимала, однако ей было несколько не по себе, что по организации будет шастать простой гражданский. Он подтвердил свою лояльность, однако не относился к организации. Его даже можно было назвать внештатным консультантом, но он помог всем, чем мог, да и то случайно, когда в него вселилась Тень, и он обрел ее воспоминания. А еще он спас Джона при первой его встрече со Жнецом.

— Должна отдать вам должное, — наконец заговорила Камиогава, — вы оказали нам неоценимую помощь. За это я могу позволить вам побыть у нас до тех пор, пока угроза со стороны Жнеца не исчезнет.

— Премного благодарен, — ответил тот.

— Однако, — продолжила глава филиала, — вы не член организации, а потому не имеете права вмешиваться в ее дела. Я распорядюсь, чтобы вам подготовили комнату, а до тех пор можете переждать внизу. Если хотите, идите в столовую, повара приготовят вам все, что пожелает. Можете выйти на улицу — где лифт, вы знаете, однако я бы не советовала вам покидать пределы территории.

— Я понимаю. Спасибо.

Когда Бертон ушел вместе с охранником, приставленным к нему в качестве телохранителя, они остались втроем.

— Ну а ты, Джон, что намереваешься делать?

— Для начала приведу себя в подходящую форму. На это время я тоже останусь здесь, надеюсь, залы все еще работают?

— Конечно, все в твоём распоряжении но... ты уверен, что в порядке? Ты две недели провел в плену под пытками, и за десять дней прийти в норму будет не так просто, а Жнец наверняка в первую очередь будет охотиться за тобой.

— Это только к лучшему, потому что теперь я буду готов. Камиогава кивнула.

— Роберт?

— Не могу же я остаться в стороне, когда происходит подобное. Мне лишь нужно новое оружие, свой старый меч я поломал, а затем он взорвался вместе с тем островом, хотя этого я уже не помню, и не только потому, что мне дали по башке. — Он пощупал повязку у себя на голове.

Следующие вопросы касались пятерки новичков и их роли в надвигающейся катастрофе. На Рождество их вообще не хотели выпускать из здания, охраняя, как зеницу ока, однако в предсказании четко сказано, что именно благодаря им удастся остановить грядущее, а как они это сделают, оставаясь под замком?

— Для начала мы должны выяснить, что именно произойдет на Рождество, а потом уже решать, задействовать их или нет, — заявил Бобби.

— Как по мне, — откликнулся Джон, — они почти готовы. Они удивительно быстро учатся. Сам я не видел, но Охотники, бывшие с ними в катакомбах, вполне лестно о них отзываються.

— Не обо всех и не во всем, — не согласилась Камиогава. — Везел слишком труслив, чтобы участвовать в заданиях, за ним необходимо постоянно приглядывать, дабы он чего не выкинул. Хотя способность у него превосходит все остальные. Будь он с нами с самого начала, нам удалось бы избежать множества жертв. Мейсон слишком безрассуден и ломится напролом, не жалея себя. Он может переоценить свои силы и погибнуть по собственной глупости. Миранда же чересчур ретивая и чувствительная, она слишком рьяно хочет всем помочь, как и Мейсон, не жалея себя, а когда ничего не получается, впадает в уныние. Я уже не уверена в правильности выбора Эвилы ей в наставники, иногда схожесть бывает во вред. Надо было к ней кого-нибудь... потемпераментней, что ли, приставить. Сьюзен — это вообще отдельный разговор. Ее способность годится только на убийство одержимых, и это сильно ее гложет. Она теперь даже к людям боится прикасаться. Еще чуть-чуть, и у нее случится нервный срыв. Все эти десять дней с ней придется работать психологу. И Оливер. Он слишком своевольный и не думает о последствиях, с каждым днем он все меньше доверяет нам. С моей стороны было ошибкой оставить его без нового наставника, но мы и не думали, что ты, Джон, проведешь в плену столько времени. Если бы мы могли, то спасли бы тебя раньше.

— Я знаю это, а потому никого не виню, кроме самого себя. Вы правы, эта пятерка не готова, но разве мы не знали об этом, когда звали их в организацию? Мы понимали, что у нас не будет достаточно времени на их подготовку, так что грех жаловаться. Нам лишь необходимо разъяснить им все еще раз, но теперь без лишних глаз. Нужно объяснить им все без утайки, потому что если они поймут, что их обманывают, то замкнутся в себе и никому не станут более доверять.

— Ты прав, Джон. Как только они немного отдохнут и придут в себя, вы, их наставники, должны все вместе разъяснить им, что к чему. На их плечи ложится большая ответственность, и мы всеми силами обязаны помочь им ее нести.

Как только короткая встреча у Камиогавы закончилась (а была она короче, чем время ее ожидания), Бертон, в сопровождении охранника из числа элитных бойцов, спустился на нижние этажи и сразу же направился в столовую. Ему было непривычно, что теперь его везде будет сопровождать телохранитель, хотя, в отличие от Оливера и остальной пятерки, он был всего один, что сразу делало очевидным приоритеты. Самого охранника все это тоже не особо радовало, ибо не за этим он тренировался долгие годы.

В столовой успели уже прибрать и расставить столы по местам. За некоторыми из них сидели группы людей, уплетая свой заказ; ничего не говоря, к одной из таких групп отправился и его телохранитель, явно желая обсудить с ними свою незавидную судьбу. Это были те, кто решил остаться в организации до рокового дня. И не удивительно: бесплатная и вкусная еда на любой вкус, всегда свежая постель и тренировочные залы недалеко. Бертон не понимал, почему они постоянно здесь не живут.

Хотя один минус все же был — отсутствие крепкого спиртного. Камиогаву не раз просили разнообразить меню пивом, водкой, виски и другими горячительными напитками без ограничения, но она сказала: «Нет! Только аперитив», а спорить с ней могли лишь глупцы. Хотя до бара-ресторана в ковбойском стиле было минут десять ходьбы, из-за чего там теперь постоянно не хватало мест.

Блэйк Андерсон — или как на самом деле звали того одержимого? — во время их схватки заехал Бертону в челюсть, которая до сих пор болела, особенно если ее перенапрячь, поэтому он заказал суп с фрикадельками и мелко порезанное овощное рагу. Леброн не был любителем выпить, но посчитал, что ему не помешает немного расслабиться, а потому добавил к заказу и бокал хереса.

Блюда были с пылу, с жару, и Бертон ел не спеша. Когда он только приступил к рагу, к нему кто-то подсел. Подняв взгляд, он увидел Джона.

— О, Джон. Вы уже закончили?

— Да ничего особенного мы и не обсуждали, все было на собрании.

Когда к нему подошел официант, он заказывал полмену, преимущественно белки и углеводы. За эти десять дней ему было необходимо набрать прежнюю массу, и желательно мышцами. Кончено, за такой короткий срок сделать это было практически невозможно, но и сидеть на заднице — не выход.

— Десять дней, — проговорил Бертон. — Неужели все будет так плохо?

— Вспомни лабиринт. В катакомбах, как я слышал, все было в десять раз хуже. А на Рождество тот ужас приумножится еще в столько же, потому что тогда мы будем сражаться не только за свои жизни, но и спасти обычных граждан.

— У меня почему-то такое чувство, — протянул Бертон, — что что-то не сходится. Будто все это как-то просто, но одновременно и сложно.

Джон усмехнулся, разделявая вареную куриную грудку, политую гарниром:

— Ты не одинок в своих мыслях. Ты же знаешь, что помимо бойцов, в нашей организации полно и других членов? Некоторые из них даже оружия никогда в руках не держали. Одни работают в аналитическом центре, других можно назвать частными Охотниками, которые живут своей жизнью, иногда помогая нам, если вдруг их способность что-то им говорит. Все они тоже в один голос утверждают, что на Рождество произойдет нечто большее, чем мы думаем.

— Может, я тоже какой Охотник? — хмыкнул Бертон.

— Ты не видишь в темноте, и в тебя может вселиться Тень, так что это всего лишь интуиция, которой обладают все люди в той или иной мере, особенно копы, пусть и бывшие.

Бертон невольно вздохнул. То ли облегченно, то ли удрученно. Бывших копов не бывает — есть такая фраза, хотя ее можно пристроить к чему угодно: бывших циркачей не бывает, бывших проституток не бывает, наркоманов, хулиганов, космонавтов, поднимателей пингинов... Однако ее можно применить лишь к тем, кто сам сменил одну стезю на другую или ушел на пенсию. Бертон свою новую роль не выбирал.

Его уволили, и для всех он стал изгоем. Единственный человек, который продолжал оставаться ему другом, пусть и не таким близким, как раньше, — погиб, защищая Леброна и исполняя свой долг. Он оставался копом до конца, и даже после. Бертон узнал, что он посмертно удостоен Медали почета и Пурпурного сердца. Они были переданы жене и ребенку Люпина вместе с крупной денежной суммой. Кому она нужна, если человека уже не вернешь?

Бертон очень жалел, что не мог посетить похороны друга. Что о нем подумали остальные: семья Коннора и его коллеги, некогда и коллеги самого Леброна? Вряд ли они знают все о происходящем, информация засекречена. Как только закончится этот кошмар, он собирался навестить могилу Люпина, его семью и коллег, вот только никак не мог найти слов, и не только потому, что большая их часть под запретом. Да и если бы было не так, ему все равно бы никто не поверил.

— Ты провел в плену две недели. Странно, что ты не сошел с ума.

— Да, мои голоса в голове говорят то же самое, — усмехнулся Джон, а вместе с ним и Бертон.

Частный детектив сначала ел медленно, но потом понял, что все равно доест быстрее, чем Джон, да и зачем оставаться? Все вопросы уже обсудили, оставалось только ждать. Отнеся поднос на кухню, он отправился в свою комнату, забыв даже о телохранителе, однако тот тут же нагнал его у дверей. Скоро должен наступить рассвет, пусть отсюда его и невозможно увидеть, а значит, можно готовиться ко сну.

Бертон понимал, почему ему выделили комнату внизу, где находились новички, а не наверху, на жилых этажах, где разместились Охотники, а также жили элитные бойцы, офисный планктон и другие работники, вроде тех же поваров с официантами и уборщицами. Первая причина — чтобы не мешался под ногами, и тут, конечно, было обидно, а вторая — ради безопасности. Любой из Охотников и даже элитных бойцов организации мог оказаться предателем, и быть окруженным потенциальными убийцами — незавидная стезя. В суматохе убить проще всего. Но вот чтобы пробраться вниз, необходимо было пройти через несколько запароленных дверей и камер над ними. Однако подобная система не особо спасла Афро, как слышал Бертон.

Через час он уже спал, и удивительно, но кошмары ему не снились, как и прошлой ночью. Те есть днем, конечно.

***

Наедаться перед сном вредно, и в этом отношении Джон мог не беспокоиться. Он пытался съесть как можно больше, словно каждый кусочек вареной курицы или тушеных овощей мог вернуть ему часть утраченных сил. Ему понадобилось часа два, чтобы доесть все, что он заказал, и в конечном итоге из столовой он вышел самым последним, медленно переставляя ноги.

После еды нельзя напрягаться, и вот с этим фактом он так просто смириться не мог. Он давно не брал в руки меча, но был уверен, что помнит все движения, осталось лишь напомнить их застывшему организму.

Раны по всему телу щипало, но это лишь мотивировало. Шуд мертв, его убил Бобби, чего вряд ли смог бы сделать сам Джон. По пути на базу филиала организации Хелин вкратце рассказала ему, что произошло, когда они с Грассом и Бертоном вернулись за Бобби.

Шуд, как она предполагала, обладал аберрацией, которая позволяла ему обходить такие способности, как ясновидение и даже интуицию. Именно поэтому, когда похитили Джона, никто не мог сказать, как точно это произошло, потому что на месте нападения, помимо его крови на бетонном полу, не осталось никаких духовных следов.

По этой же причине Шуд был очень грозным бойцом, скрывающим жажду крови и свои намерения, делая свои смертоносные атаки непредсказуемыми. Однако Бобби, будучи в состоянии берсерка, плевал на это. В ярости он не то, что не чувствовал противника, он едва ли его видел, сражался лишь на инстинктах, ни о чем не думая, кроме насилия, и всяк, кто вставал на его пути, сметался ураганом его меча. Тамам Шуд явно такого не ожидал.

Мрачный Жнец потерял очень полезную игрушку, и это не могло не радовать.

Однако у него их оставалось еще больше. Хотя, похоже, он также потерял в качестве союзника и Блэкснейк, сестру Хелин. Джон лишь надеялся, что он не станет убивать ее сразу, а если судить по Майлзу, то так оно и будет. Она еще сыграет свою роль, только теперь привязанные к ней нити увидит и она сама.

Джон добрался до своей просторной комнаты и решил принять еле теплый душ, чтобы остудить свои раны.

— Не стоит расслабляться, — сказал Мефисто.

— Давно тебя не было слышно. Еще бы столько же не слышал.

— Ну зачем ты так? Мы с тобой прошли через огонь и воду.

— Если бы от тебя еще была польза.

— Если бы не я, ты бы сошел с ума от одиночества.

— Или наоборот, излечился.

Не слушая Мефисто, Джон забрался под душ, где провел не менее получаса, постепенно делая воду холодной, пока она не стала ледяной, после чего вышел, даже не обтираясь, чтобы не задеть заживающие порезы. Они были очень тонкими, а потому срастались достаточно быстро. Через несколько дней следы останутся только от самых серьезных.

— Я не закончил, — вновь заговорил Мефисто. — Так вот, тебе нужно смотреть в оба. Каждый обитатель на этом этаже может оказаться предателем, готовым тебя убить или хуже того, схватить вновь. Жнец очень мстительный и не любит, когда его обыгрывают.

Джон усмехнулся.

— Что смешного? По этой же причине Бертон сейчас находится внизу, и тебе там место.

— А тебе не кажется странным, что мы... я до сих пор жив? Если бы Жнец хотел убить, он бы убил меня еще на острове.

— Ему просто нравится тебя мучить, он же псих.

Джон просто ликовал внутри. Обычно именно Мефисто указывал ему на очевидные детали и ошибки, теперь же роли несколько поменялись.

— Думаешь? — спросил он слегка язвительно. — Если бы ему нравилось наблюдать за моими мучениями, он бы посещал меня чаще. Нет, тут что-то другое.

— И что же?

— Если бы я знал, то не стал бы задавать вопросы в воздух.

— Во вполне разумный воздух, я бы сказал.

— Если ты такой разумный, то почему сам не догадался до этого?

— Пусть мы с тобой одно целое, но мыслим мы несколько иначе.

Джона опять начинала бесить болтовня его галлюцинации. Он насмехается над Мефисто, а тот и усом и не ведет, оставаясь при своем. И все же происходящее выглядело нелепо, словно он спорит сам собой, и оказывается одновременно прав и неправ.

— И что же ты думаешь, почему мы... я остался жив? Он мог убить... меня легче легкого. Только не говори о желании попытаться или о том, что он не успел, убегая. Он прошел мимо меня со своими шавками и лишь молча улыбнулся. Да и на мосту тоже, первые взрывы были ближе к острову и медленно приближались, давая время спастись, а он умчался, даже не проверив, жив ли я и остальные. Ну, чего молчишь?

— Жду, когда закончится твой словесный понос, — спокойно ответил Мефисто.

— Так что, скажешь, я ошибаюсь?

— Кое в чем ты прав. Но все же ты кое-что забываешь: чтобы мучить и пытать человека, не обязательно причинять ему физические страдания.

И он снова был прав. Этот призрачный ублюдок вновь изрекал умные мысли. И все же Джон считал, что его гипотеза куда правдивей.

***

Жнец сидел в плохо обставленной комнате с несколькими подручными. Неподалеку расположились и Охотники, и Тени, и одаренные. Разномастная компания, но он не делал различий. Тени такие же разумные существа, как и люди, только для проявления всего потенциала им необходим сосуд.

— Что сейчас происходит в организации? — спросил он.

— Все готовятся к Рождеству. Многие Охотники остались на время жить в штабе.

— Хорошо, — покачал головой Жнец. Ему было неприятно осознавать, что своей выходкой на острове, организация загнала его в угол. Он надеялся провести последние дни до реализации своего плана с комфортом, расположившись в одной из комнат под землей острова Эллис. Он потратил уйму времени, чтобы все там обустроить, и все это было уничтожено в мгновение ока, причем его собственными руками.

Когда он только услышал, что к ним вторглись, он даже не сразу поверил. Хочешь что-то спрятать — прячь на виду. Остров Эллис был отличным местом, чтобы скрыться. Жнец вначале никак не мог понять, как же его смогли выследить, но потом от своих людей узнал о Бертоне — том самом ублюдке Бертоне, не позволившем ему захватить Синигами в первый раз, из-за чего он был ранен, — который, благодаря одному из мальчишек-новичков, смог избавиться от Тени,

оставившей ему кое-какие воспоминания.

Эту особенность Теней он не любил больше всего. Кто знает, как они отреагируют, если одна из них прочет в его воспоминаниях, что он не стал спасать Высшую Тень, а потом расскажет все остальным. Подобное за почти десять лет могло произойти дважды, но ему повезло, что Тени слишком глупы, и как только они пытались вылезти из него силой, Жнец тут же понимал, что это неспроста, и убивал их в ту же секунду, как они появлялись из его рта. Благо, оба раза без свидетелей.

— Синигами? — поинтересовался он.

— Находится на жилых этажах, как и остальные Охотники. Бертона же поселили внизу.

— Боятся за этого человека, но не за своего Охотника?

— Может, они догадались?..

— Невозможно! — рявкнул Жнец. — Они знают лишь то, что мы позволили им узнать, пусть так и остается. Планы не меняем.

Жнец был очень расстроен потерей острова и многих своих людей и Теней, но не только из-за самих потерь, а в основном из-за того, что его обвинили вокруг пальца. И в этом был виноват не чей-то острый ум, который путем дедуктивных методов раскрыл его нахождение, и не ошибка самого Жнеца или кого-то из его людей, а банальная случайность, ирония судьбы. Если бы Вольфганг продолжал верить в Бога, то подумал бы, что это Его промысел.

Но это было не так.

Эта случайность могла стать для него роковой, а потому он приказал на время затаиться всем Теням, чтобы никого не потерять раньше времени и не допустить повторения подобных эксцессов.

— Дыра?

— Вокруг нее строят саркофаг.

— Думаю, это не помешает нашему плану.

— Нисколько, — тут же отреагировал один из одаренных Тенью. — Вокруг портала достаточно свободного пространства.

Столько жизней было загублено, чтобы удержать Охотников организации подальше от Дыры, но в итоге они все равно победили. Тени не могли использовать оружие, а потому были крайне уязвимы. Жнец жалел их, как жалеют беспомощных котят, которых разрывают дикие дворняжки, не позволяя им вырасти достаточно, чтобы суметь себя спасти. Но если... когда план работает, Теней будет столько, что их уже будет невозможно остановить.

И Высшие Тени. Когда они придут на Землю, уже будет неважно, предал кого-то Жнец или нет, он получит прощение и почтенную жизнь среди новой цивилизации. Это симбиоз: Тени получают новый дом и носителей, а человечество существует без войн и продолжает развиваться.

По крайней мере, это официальная позиция. Планы у Мрачного Жнеца шли куда дальше. Дальше мира Теней.

Сильнейший выживает лишь в природе, но человек давно ее превзошел. Люди должны действовать в первую очередь умом, использовать дарованное им сознание в полную силу. Однако Жнецу казалось, что кроме него никто не умеет пользоваться своим мозгом, а Тени, даже в телах людей, все еще не осознают всех последствий для них.

Жнец жалел Теней. Они были слабы, да, но также они были и глупы, их сознание являлось непостоянным и сумбурным. Их мир умирал, Вселенная затухала, как медленно перегоравшая лампочка. Но это ли признак финала? Тени жили в своем мире до самого его заката, а значит, и их развитие подошло к концу, это тупик эволюции. И все, что они могут, — подтолкнуть эволюцию другой, более разумной расы.

Охотники произошли от Теней — это неоспоримый факт. Тень, вселившаяся в человека, вступает в контакт с другим человеком, в итоге рождается ребенок, наделенный особой группой генов, делающей его сильнее, дающей ему способности, превосходящие обычные человеческие.

Если заполнить мир Тенями, которые решат продолжить жить в человеческих телах, они нарожают огромное количество детей с генами Охотника, Хомо Эребус, которые и станут новым витком эволюции человечества.

Возможно, что и дитя двух Охотников будет иметь данный ген, однако сами Тенеловы не спешили заводить потомства из-за грозившей им постоянной опасности. Но все же у некоторых таки появлялись дети, но вместе с тем и Охотники удалялись на покой, а любые просьбы организации провести тесты на их чаде тут же отвергались; ушедшие в отставку Охотники старались забыть обо всем.

На самом деле, никакого «гена Охотника» так до сих пор и не обнаружили, это лишь удобное обозначение аберрации, приводящей к способности видеть в темноте и иметь мнимую защиту от вселения Тени, а также других индивидуальных способностей. Жнец понятия не имел, как в организации собираются проверить детей на причастность их к Хомо Эребус, но сам он подобных способов не знал, но очень надеялся, что отпрыски Охотников и сами являются таковыми, или, по крайней мере, могут стать ими в будущем, когда их способности пробудятся.

Мрачный Жнец все предусмотрел, он заранее установил, что Охотники, примкнувшие к нему, должны быть равны Теням, как и все Охотники, которые появятся после апокалипсиса, потому что у них все равно не останется выбора, кроме как стать частью нового мира. Но через несколько десятилетий Хомо Эребусов станет столько, что они попросту вытеснят Теней. И даже если Дыры когда-нибудь откроются вновь, у новых людей будет иммунитет к порождениям ночи, хотя, скорее всего, к тому времени от Теней не останется и следа ни в одном из миров.

Когда сюда хлынут Высшие Тени, он также собирался договориться, чтобы существа из иного мира не пытались вселиться в тела детей до тринадцати лет — именно столько лет было самому младшему из обнаруженных Хомо Эребусов.

И если для реализации всех этих целей необходима смерть девяноста процентов от всего человечества, так тому и быть.

Об истинном плане Жнеца не знал никто, кроме Шуда, которому он доверял безоговорочно.

— Пусть Тени готовятся, они должны запомнить, что им необходимо именно захватить себе новые тела, а не пожирать их. На Рождество нам необходимо устроить настоящее шоу, и я говорю не о фейерверках.

— Все будет в лучшем виде.

Глава 5: Para Bellum

Оливер проснулся резко, словно его что-то разбудило, но прислушавшись, понял, что это что-то находилось во сне, который он не мог вспомнить.

Он принял душ, что было не так-то просто из-за повязок, и переоделся. Еще не наступило и девяти вечера, но он все равно чувствовал себя довольно бодро. Сегодня он собирался обо всем поговорить с остальными новичками за завтраком, а для этого необходимо, чтобы они отправились в столовую примерно в одно время, из-за чего ему целый час пришлось смотреть телевизор с его скучными вечерними передачами.

Он то и дело подходил к двери и приоткрывал ее, выглядывая в коридор. У каждой из пяти дверей стояли стулья, на которых восседали телохранители, хотя они больше предпочитали группироваться ближе к центру коридора, где тихо общались меж собой. По их присутствию Оливер мог понять, в комнате ли остальные или уже ушли.

Когда в очередной раз выглянув в коридор он увидел лишь своих охранников, Оливер отправился в столовую. На пути он был не один. Теперь, когда в штабе жили Охотники, столовая не оставалась без посетителей.

За дверьми помещения Оливер быстро обнаружил два стола, сдвинутых вместе, за которыми восседали остальные новички, а еще, что больше всего удивляло, их наставники. Даже Джон был здесь. Переговорить вот так просто будет сложнее, чем представлялось.

Он, поздоровавшись со всеми, втиснулся за стол, и к нему тут же подошел один из многочисленных официантов, которых, казалось, всегда становится больше пропорционально количеству посетителей. В этот раз между ним и Сьюзен располагались Афро и Джон, которые выглядели чуть лучше, чем вчера. Сьюзен все еще продолжала злиться на него, а эмоции Эвилы понять невозможно.

— Как нога? — поинтересовался Джон.

— Живает, — ответил Оли. — Повязки с рук уже сняли. Он показал испещренные зажившими порезами ладони.

— Тебе нужно быть осторожней, а иначе, когда достигнешь нашего возраста, станешь выглядеть, как я или Грасс.

— Не станет, — отозвался Грассхоппер, — если будет усердно заниматься. Нас особо учить было некому, сами занимались, а у них есть профессиональные учителя. Так что в нашем возрасте они будут сильнее, чем мы сейчас. Кроме Везела, разумеется. Везел в ответ лишь стрельнул в него глазами, но промолчал. Ему сильно не нравилось, что нарушают его личное пространство, к которому он так привык.

— Везелу и не нужно сражаться, — неожиданно вступился за него Барсук, — если он натренирует свою способность, Тени не смогут к нему даже приблизиться.

— Я вообще не хочу во все это ввязываться, — угрюмо отозвался бывший зек. — К черту этих ваших Теней, и вас к черту.

— Так может нам тебя прямо сейчас отпустить, а? — язвительно поинтересовался Барсук. — Прямо в ночь да в лапы Теней. И Жнец тебя так просто не отпустит, после всего, что ты сделал. Везел что-то пробубнил о втягивании помимо воли во всякие дела и о том, что в тюрьме было лучше.

Сначала Оливер не собирался делиться с ним своими мыслями, боясь, что он проболтается, но потом понял, что Везел мечтает сбежать из организации больше всех остальных, и если кто и будет держать язык за зубами, так это он.

Через некоторое время Везел и Барсук ушли, теперь первый не особо любил засиживаться в столовой, наслаждаясь дармовыми харчами в окружении Охотников. На его место пришел Бертон, который, как оказалось, теперь живет в одной из тех же комнат, где Оливер и остальные. Они немного поболтали о всякой ерунде, не желая вспоминать о недавних приключениях.

Завтрак закончился, и все потихоньку разошлись по своим комнатам, чтобы через пару часов отправиться на тренировку. Оливер, собрав всю свою храбрость, подошел к двери Сьюзен и постучал. Она открыла почти сразу.

— Сьюзен, могу я с тобой поговорить? Она молча раскрыла дверь пошире, пропуская Оливера.

Комната практически не изменилась с прошлого его визита, хотя все еще больше пропиталось запахом девушки.

— Я хотел бы извиниться за свое поведение, — начал он. — Я действительно не хотел тебя обидеть, просто я очень расстроился всем происходящим. Эти катакомбы, сражения, смерти, мои друзья. Я хотел найти виновника всего этого, и кроме организации на ум ничего не пришло, но я не должен был впутывать сюда и твоих родителей. Наверно, я бы так же разозлился, если бы речь зашла о моей маме. В общем, я прошу у тебя прощения.

Сьюзен немного замялась, опустив взгляд в пол, сидя на кровати. Как и после информации о ранении Афро, Оливер хотел приобнять ее, чтобы утешить, но она явно желала не этого.

— Я ни на миг не забывала о своих родителях, — сказала она. — С того самого дня. Я просто не могу перестать о них думать. Я полагала, что у меня не осталось никого, кто был бы мне дорог, но когда Афро чуть не убили, я поняла, что это не так. У меня появились новые друзья, новая семья, и я надеялась, что они думают обо мне точно так же. Сначала Афро чуть не погибла, потом Миранда. Я волновалась за их жизни, и лишь потом осознала, что мои мысли о родителях отошли на второй план. И когда ты упомянул о них...

— Прости...

— Когда ты упомянул о них, вся боль тут же вернулась с новой силой. Я подумала, что не перенесу, если кто-то снова умрет, особенно если в их смерти буду виновата я.

— Ты ни в чем не виновата, я...

— Нет, виновата! — вспыхнула девушка. — Я обладаю силой, нацеленной на убийство людей. А что, если мне не обязательно касаться их?

— Но ведь Афро не умерла. И Миранда. А твои родители... Это ведь был несчастный случай.

— А если нет?

Оливер не знал, как ее переубедить. Это было нелепо. Он пришел просто извиниться, а теперь ему приходится не самому оправдываться, а оправдывать ее. К этому он не был готов.

— Помнишь, что нам говорил Джон? Он сказал, что способность пробуждается от сильных потрясений. Твоя пробудилась после аварии, а значит, ты никак не могла быть в ней виновата.

Казалось, Сьюзен это не убедило. Оли начал выходить из себя; у него есть разговор поважнее. Надо держать себя в руках, а иначе придется просить новые извинения.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Я не знаю.

Оливер решил действовать в лоб:

— Хочешь сбежать?

— Сбежать?! — поразились Сьюзен.

— Не ори так, а то нас услышат. Именно за этим я и пришел. Я хочу собрать всю нашу пятерку и продумать план.

— Но куда бежать? Здесь самое безопасное место.

— Об этом я и хотел поговорить.

Оливер вышел из комнаты и поочередно обошел остальные три, созывая новичков в комнате Сьюзен. Он даже не спросил у нее на это разрешения. Больше всего пришлось уламывать Эвилу, чтобы она отпустила Миранду одну, сказав, что им впятером просто нужно кое-что обсудить, и желательно без присутствия наставников. Оли долго перед ней извинялся за свое поведение, но Охотница уступила лишь после упрощения самой подопечной.

— И что ты хотел нам рассказать? — спросил Мейсон. — Только давай побыстрее, я хочу немного отдохнуть перед тренировкой.

И Оливер рассказал. Он поведал о своих первоначальных подозрениях, что организации собрала их не случайно, что и подтвердилось на прошедшем собрании. Они знали, что скоро появятся пять молодых Охотников с необычайными способностями, и даже узнали, где они их найдут. И тут самое интересное — еще в самом начале им говорили, что дабы ген Охотника пробудился, необходимо какое-то потрясение или близкая встреча с Тенью.

Оливер встретился с Тенями и чуть не умер в тот день, Сьюзен попала в страшную аварию, в которой погибли ее родители, а Мейсон наткнулся на Теней, когда бродил с друзьями ночью. Лишь Миранда и Везел умалчивали о своем опыте. Но речь идет о первой тройке.

— Смотрите, — сказал Оливер, понизив голос, словно боясь, что их подслушают, — они знали об ожидавшем нас потрясении, и знали, что могло случиться что-то ужасное, что должно пробудить наши способности, но ничего не сделали, чтобы это предотвратить.

— Да, — согласился Мейсон, — но иначе бы эти наши силы и не пробудились.

— Пробудились бы, если бы они привели нас в организацию и устроили встречу с Тенями. Вчера, после собрания, меня отвели в одну из лабораторий, где в специальных капсулах находились мои друзья и многие другие люди, одержимые. Они ставят на них эксперименты. Сьюзен, помнишь, Джон говорил, что у них там, наверно, около сотни Теней? Они вполне могли показать нам одну, и наши аберрации тут же пробудились бы, но они не стали этого делать. Когда я упомянул о твоих родителях, я имел в виду именно это.

— Хочешь сказать, организация могла вмешаться, но не сделала этого?

— Это лишь предположение.

Оливер рассказал, как вчера изгонял из своих друзей Теней, и о словах Камиогавы по поводу ходячих мертвецов, чьи тела лишь поддерживаются Тенями. Рассказал о Джо, которому он уже не в силах помочь. А затем он поведал об оговорке Камиогавы.

— Если они врут об этом, что им стоит солгать и обо всем остальном? Вчера на собрании они отрыли много правды, но откуда нам знать, что это вся истина? Что, если их пророки предрекли нам смерть в этой войне? Они готовы пожертвовать нами, лишь бы остановить Жнеца.

— А разве, так и не должно быть? — неожиданно спросила Миранда.

— О чем ты?

— Нельзя спасти мир, не пожертвовав чем-то.

— Черта с два! — рявкнул Везел; не будучи окруженным Охотниками, он явно чувствовал себя уверенней. — Только тупые малолетки могут счесть за геройство погибнуть во имя высшей цели. Лично я подышать не собираюсь, а вы как хотите.

— Я тоже не хочу умирать, — сказал Оливер, — поэтому и собрал вас здесь. Я не доверяю организации и собираюсь сбежать. Однажды мне это уже удалось, и нашли меня только потому, что в куртку был шит жучок. Сейчас я так глупо не попадусь.

— И как ты собираешься бежать, когда вокруг кишит целая свора Охотников? — спросил Везел и хотел сплюнуть на землю, но быстро опомнился.

— На Рождество. Все Охотники будут заняты, и у нас появится шанс.

— А ты не забыл о тех болванах, что теперь повсюду шастают за нами, как вертухаи?

— Поэтому я и созвал вас всех здесь. Мы должны придумать план.

План действительно был необходим, потому что у Оливера была лишь мысль сбежать, а куда и как — об этом он решил подумать позже. В первый раз все получилось по наитию, да и случай представился прекрасный, теперь же их держали в клетке, как обезьян, руководствуясь тем, что в ней им будет безопасней.

Ага, безопасней ровно до той поры, пока их не бросят на поле боя, исполнять предначертанное. Спасти мир ценой жизни — дело благородное, но не тогда, когда есть иные пути.

— Подождите, — вмешалась Сьюзен. — Я еще не сказала, что согласна.

— Почему — нет?

— Я не могу предать Афро. Да и остальных тоже. Они на нас надеются.

— Они нам постоянно врут, разве ты не понимаешь? Они могут говорить, что это ради нашего же блага, но разве нам не лучше знать, что для нас благо, а что нет? А если они и правда могли предотвратить трагедии, произошедшие с нами и нашими родными и друзьями? И кто для тебя эта Афро? Ты ведь знаешь, что они специально были подобраны под наши характеры, чтобы мы сроднились с ними. С Джоном я виделся всего пару раз, поэтому не успел с ним сблизиться, вот почему у меня нет такой связи с наставником, как у вас, вот почему я могу рассуждать здраво, не думая об остальных Охотниках, как о бесспорных союзниках.

— Мне как-то тоже плевать на своего, так называемого, наставника, — согласился Везел. — Когда я хотел свалить, он меня просто вырубил и приволок обратно. Даже на зоне нет такого беспредела.

Сьюзен поникла. Оливер и Везел желают сбежать, и чем быстрее, тем лучше. Они оба хотят свободы, пусть и вкладывают в это слово несколько различные понятия. Майлз сам не знает, чего хочет. Ему, кажется, нравится биться с Тенями и одержимыми, он хулиган во всем, и если бы не организация, кто знает, на кого бы он излил свою переполняющую энергию драчуна. Сьюзен, по мнению Оливера, не желает уходить в первую очередь из-за Афро Афродиты. Да и после смерти родителей, ей некуда идти (хотя Оливера интересовало, что стало с их жильем, ведь она с родителями где-то жила: квартира или даже свой дом). Остается только Миранда.

— Я не хочу уходить, — сказала она привычно тихо. — Я хочу помогать людям. Мне нравится Эвила.

— Как ты не можешь понять: они специально все подстроили так, что наставники заменили нам родных и друзей. Эта Эвила...

— Оливер, — нахмурилась Сьюзен, приобнимая Миранду.

— Да, прости. Я не хочу ни на кого давить. Побег я собираюсь организовать на Рождество, когда все будут заняты другим. До этого обдумайте все как следует: как, куда, хотите ли вы этого. Я тоже не буду сидеть сложа руки. За сутки до Рождества мы вновь соберемся и поделимся нашими мыслями и идеями.

Дни до Рождества проходили в постоянном напряжении и ожидании чего-то неизвестного. Оливеру лишь через три дня позволили заняться нормальными тренировками, но так как его способность не была предназначена для боя, он занимался с мечом, пытаясь за столь короткий срок обучиться хоть чему-нибудь полезному. Как казалось ему самому, никаким прогрессом и не пахло, тем более что ему нельзя было перенапрягать ногу, а без твердой опоры все удары неэффективны.

Больше всего напрягали Везела и Миранду, хотя и не без неусыпного контроля. Везел тренировался после использования своей способности не терять сознание в ту же секунду. Естественно, ничего не получалось, да и никто не знал, должно ли. Это можно было сравнить с задержкой дыхания: продержаться хотя бы пять минут стоит годы тренировок, а тут всего несколько дней.

Миранда пыталась увеличить радиус своей сферы, но и это ни к чему особо не привело. Зато выяснилось, что она может поддерживать эту сферу почти целый час, однако затем часов пять-шесть окажется просто беспомощной.

Мейсону устраивали спарринги с Тенями и одержимыми, хотя все же большая часть времени, как и у Оливера, уходила на обучение сражения с оружием. Он махал булавой бездумно, просто стремясь нанести как можно больше урона, ударив со всей силой, и обучаться чему-то новому явно не был настроен. Зачем изобретать новое колесо, когда и старое крутится?

И Оливер, и Сьюзен наотрез отказывались использовать свои силы. Даже зная, что человек и так мертв, оба не желали избавлять его от Тени, тем самым окончательно добив. Сьюзен было хуже, и после срыва от нее отстали. Заниматься со шпагой она тоже стремилась не особо рьяно.

Оливер хотел поговорить с ней насчет побега, ведь несмотря на присутствие Афро, она все равно выглядела несчастной и поникшей, но он не хотел давить. Ей необходимо было самой все обдумать.

Чаще всего тренировки были индивидуальными, но из-за большого количества Охотников, теперь они проходили в две волны, и после первой группы появлялась вторая. Оливер наблюдал

за ними с открытым ртом и часто терял концентрацию. Охотники, как и элитные бойцы, находились на совершенно ином уровне. Их атаки были отточены вплоть до миллиметра, и каждый достигал цели. Мечи, топоры, булавы, кулаки и оружие, о котором Оли никогда даже не слышал, то и дело взмывали в воздух и обрушивались на манекены. На фоне неуклюжих попыток Оливера нанести удар, они казались непобедимыми воинами.

Отдыхающим у стенки он заметил Клайда, на сей раз не в килте, и, решив, что ему тоже не помешает перерыв, направился к нему.

— Клайд, — неуверенно позвал Оли. Он не знал, как вообще стоит к нему обращаться: мистер? Или по полному имени — Клайд Сдейл.

— О, Оливер! — махнул Охотник, как обычно немного неуклюже. — Рад тебя видеть. Как самочувствие?

— Уже прихожу в норму. Я хотел узнать, что все-таки случилось с той группой, что попала в тиски, вы их спасли?

— Хех, — усмехнулся Клайд. — Да они сами себя спасли. Когда мы изничтожили всех Теней, то нашли лишь несколько трупов. Как оказалось, у них в коридоре находилась точно такая же лестницей, по которой мы спускались в катакомбы. Ну, они по ней и поднялись на поверхность. Только оказались среди развалин домов, а потому с трудом смогли оттуда выбраться. Мы тоже попытались подняться, но они завалили люк камнями. В общем, мы уже возвращались обратно, когда к нам прибежали и сказали, что эта группа выбралась на поверхность.

— Получается, вы зря тратили столько сил.

— Ну, не скажи, — покачал головой Клайд. — Нам так и так нужно было уничтожить там всех Теней, а иначе они могли напасть на нас в самый неподходящий момент, а тут такая мотивация — спасти товарищей. Товарищи, стоящие и сидящие вокруг него, одобрительно загомонили.

Спаси товарищей. Оли ведь занимался тем же самым, и мотивацию имел соответствующую. Столько всего пережить ради друзей могут немногие.

Клайд словно прочел его мысли:

— А ты? Спас своих друзей?

— Спас, но не всех.

— Мне жаль, парень. — Клайд похлопал его по плечу. — Терять друзей нелегко, нам ли не знать. Обычно у нас и шанса нет, а у тебя он был, ты им воспользовался и спас всех, кого мог. Ведь в ту ночь, помимо своих друзей, ты спас и того человека, в которого вселилась Тень, помнишь? И это не считая тех, кому ты помог косвенно. Так что взбодрись, скоро у тебя — у нас всех! — появится шанс отомстить за тех, кого мы потеряли.

Оливер не был в этом уверен. Как и в том, кому именно следует мстить. Многие виноваты, даже те, кто считает, что идет по праведному пути. Во всем этом была приличная доля и его вины.

После тренировки он принял душ и сразу же направился в лазарет к своим друзьям. Они не так давно очнулись, но все еще были сильно ослабленными. Оливеру запретили говорить им обо всем происходящем. Ни о Тенях, но о том, что были ими одержимы, они не знали, им просто говорили, что для начала им необходимо как следует оправиться.

Однако они знали о смерти Джо.

— У меня странное ощущение, — сказал Гек. — Словно я очень долго спал, а проснувшись, понял, что это был не сон. Я мало что помню, но кое-что проскальзывает, только эти воспоминания и правда похожи на кошмар.

Бека чувствовала примерно тоже, и оба не могли понять, почему Оливер им ни о чем не говорит. Они помнили, как сидели у костра в полуразрушенном доме, а дальше воспоминания смешались. Как и в случае с Бертоном, у них наблюдалась, можно сказать, ложная память, когда они вспоминают что-то, но им кажется, будто это вовсе не их воспоминания. Так оно и было, ведь это память Теней.

Гек даже предположил, что они отравились паленой водкой, а потом впали в кому, однако это не объясняло синяки, ссадины и порезы по всему телу. Было множество и других насущных вопросов, на которые Оливер не мог ответить.

Из-за этого воссоединение друзей оказалось не столь прекрасным событием, как надеялся Оливер. Он так долго искал их, чтобы спасти, но не мог даже сказать, через что ему пришлось пройти, дабы достигнуть заветной цели. Не ради похвальбы или осознания собственной значимости, а дабы они знали, что он их не бросил, если вдруг они так подумали.

Иногда Бека так на него смотрела, что Оли задавался вопросом, помнит ли она, как он выпустил ее руку, когда должен был держать ее, не отпуская ни на секунду.

До Рождества оставалось пять дней. Оливер хотел сбежать, но не мог оставить друзей. Они все еще были слишком слабы, и вряд ли эти пять дней придадут им достаточно сил, чтобы отправиться с ним. Он не знал, как поступить. Хотя все же кое-какие идеи были.

В его друзьях больше не сидели Тени, а значит, они стали бесполезны для организации. Лучший выход для них: дать им подписать бумаги и вернуть родителям. Оливер не доверял «Тенелову», однако понимал, что организация совсем не зло, просто она действует в интересах большинства. С его друзьями вряд ли что-то теперь случится, и, в любом случае, Оли, как только сбежит, собрался связаться с их родителями и сказать, что они находятся в больнице при организации. Ему оставалось лишь надеяться, что родители его друзей не сочтут это за злую шутку, ведь по официальным данным и Джо, и Гек, и Бека пропали без вести, как и многие другие в гетто, вот только до этого никто из пропавших не объявлялся.

Оливер о стольком хотел поговорить, но теперь даже не мог вымолвить ни слова. Он изменился с того дня, когда на него напали Тени. Или позже, когда очнулся в подземных помещениях организации, но все же изменился, слишком сильно отдалившись от старых друзей. Теперь у него были новые, с кем, несмотря на их короткое знакомство, у него неожиданно для себя оказалось намного больше общего. Его мир перевернулся с ног на голову, а старые друзья остались на прежнем месте, и Оливер просто не знал, как отныне с ними общаться.

Он теперь был Охотником, преследующим монстров из потустороннего мира, и сам словно оказался по ту сторону от привычного ему мира.

Оли просидел с друзьями меньше часа. По большей части болтал Гек, то вспоминая их с Оли старые приключения, которые теперь поблекли на фоне новых, то порываясь вспомнить, что же произошло перед тем, как он решил проверить свою храбрость, ступив за темный порог комнаты. Бека тоже иногда вспоминала их посиделки по вечерам, когда они специально задерживались на несколько минут на улице после наступления комендантского часа, ожидая, что вот-вот что-то произойдет, но все вечера оказывались ничем не примечательными. Только не для Оливера, который иногда украдкой поглядывал на Беку, и его взгляды невозможно было разглядеть в темноте. Возможно, у него всегда немного проступал ген Охотника, а может, эта девочка светилась в ночи специально для него.

Теперь он не знал, какие именно испытывает к ней чувства. Она исхудала, была не накращена, волосы обрезаны, так как за время пребывания в катакомбах сваялись в один грязный комок. Оливер чувствовал разочарование в самом себе, думая, что все это время он цеплялся лишь за внешнюю картину, не силясь заглянуть глубже. Как оказывалось, он совсем не знал Беку.

Оли вышел из палаты и побрел в свою комнату. Ужинать совершенно не хотелось, лишь уснуть в забытьи, надеясь, что завтра все пройдет само собой.

К сожалению, подобного никогда не срабатывает.

***

С каждым днем меч в руках отзывался все послушней, почти так же, как до пленения. Резкие выпады и плавные движения, словно рисуешь по воде, давались все лучше, и Джон не сомневался, что когда придет время, он будет в полной боевой готовности.

Но достаточно ли этого? В прошлую битву со Жнецом он проиграл, как проигрывают дилетанты профессионалам. Пусть он и находился не в лучшей своей форме, но даже в том состоянии мог дать серьезный отпор любому противнику. Мефисто, как неприятно это было признавать, оказался тогда прав, заявив, что Джон просто не привык сражаться с противниками, у которых не острые когти и клыки, а настоящее оружие.

Но кто мог подумать, что Охотникам когда-нибудь придется сражаться с другими Охотниками всерьез? А одержимые редко берут в руки холодное оружие, в основном потому,

что его попросту негде раздобыть, не считая не очень качественных ножей и топоров. Но в них мало толку, если не умеешь как следует с ними обращаться. Огнестрельное оружие достать еще сложнее.

Больше всего Джона беспокоила его физическая форма. За пять дней ему удалось набрать почти пять килограммов, и это учитывая его тренировки, на которых он всегда сжигает много калорий. Прогресс можно было бы считать неплохим, не будь необходимости набрать к Рождеству хотя бы килограммов двадцать. Грасс подбадривал его, уверяя, что с нынешним весом он окажется более проворным, но помимо проворства ему необходима была и сила.

Так или иначе, он решил, что сражаться со Жнецом в одиночку — форменное самоубийство. Геройство всегда выходит боком. Но будет ли вообще это сражение? Если он спрячется за своими прихвостнями, Тенями и одержимыми, то будь их хоть человек десять, когда они доберутся до него, то уже окажутся слишком уставшими и ослабленными. Чтобы избежать данной проблемы, он начал активнее налегать на огнестрельное оружие. А так как в организации оно не в чести, пусть и использовалось в последние дни больше, чем за пару предыдущих лет, то единственным подходящим вариантом оказался Леброн Бертон.

Частный детектив хвастался, что из него превосходный стрелок, лучше любого в организации, и на острове он смог подтвердить свои слова делом.

— Научиться стрелять чуть больше чем за неделю? — скептически спросил Леброн, когда Джон попросил позаниматься с ним.

— Не научиться, а улучшить технику. Стрелять в организации любой умеет, просто огнестрельным оружием мы пользуемся довольно редко.

— Ну, я бы так не сказал, — хмыкнул он.

— Просто так получилось из-за всех этих событий, сам знаешь. Так что, поможешь?

— Конечно-конечно, всяко разнообразие, а то и двух дней не прошло, а мне уже опостылело томиться в четырех стенах.

С того дня Джон каждый день по несколько часов проводил в тире. Просто навести, прицелиться и выстрелить — Бертон сразу отменил подобное отношение. Не просто навести, а выбрать цель, правильно встать и расположить руки; не просто прицелиться, а сосредоточиться на цели, рассчитать примерное расстояние, определить скорость ветра и учесть возможные препятствия; не просто выстрелить, а плавно спустить курок между ударами сердца, и вплоть до поражения цели не спускать с нее глаз.

Джон тяжело вздохнул. Примерно также он обучался сражению на мечах: всегда все не так просто, как кажется на первый взгляд, и даже на второй. Он, как и большинство действующих Охотников, ненавидел эти бесконечные тренировки с изучением правильных ударов и стоек.

Брюс Ли как-то сказал: «Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов. Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз». Джону казалось, что он все возможные

удары изучил по миллиону раз, но не помнил, применял ли хоть один в бою.

— Это дело привычки, — сказал Бертон. — Ты думаешь, что все происходит как-то само собой, но этого не было бы, не выработай ты необходимый навык. Это как научиться читать, и тут намного проще, если тебе поможет кто-то знающий.

Джон это понимал. Его самого обучал Бобби, хотя тот и сам мало что умел. Позже, когда организация встала на ноги и получила влияние, она стала нанимать профессиональных фехтовальщиков, знатоков боевых искусств, бывших пехотинцев и бойцов смешанных единоборств. Сначала все пользовались всевозможными мечами да ножами, и лишь позже начали появляться Охотники, берущие в руки что-нибудь более экстравагантное, вроде секир, булав, гарпунов, стальных хлыстов и даже индивидуальных орудий, как у Бакугана и Ирмина, которые словно выпали бонусом из какой-нибудь компьютерной игры.

Синигами был до конца верен своему классическому японскому мечу. Но чтобы одолеть Жнеца, этого недостаточно. Чтобы всем удалось позаниматься, в день проводилось две полновесные тренировки, и одни бойцы заменяли других, однако Джон присутствовал и там, и там. В первую тренировку он занимался с катаной, и уже на седьмой день его не мог одолеть ни один из присутствующих, как это было и раньше. Во вторую он занимался с метательными ножами и сюрикенами.

Большим преимуществом была его неспособность спать, и когда все дрыхли в мягких постельках, он оттачивал навыки фехтования, метания и стрельбы. По книжкам выучил несколько приемов рукопашного боя, которые можно было сочетать с ножами. Джон корил себя за то, что все это время был слишком самонадеян. Да, его считали одним из сильнейших бойцов в Бруклине, а то и во всем Нью-Йорке, и такое отношение к себе ему нравилось, хотя понял он это лишь совсем недавно. Он расслабился, за что и поплатился. Больше он не собирался совершать подобных ошибок.

Помимо самосовершенствования, он помогал и Оливеру. Джону было не по себе, что он вот так бросил своего подопечного, пусть это была и не до конца его вина. Синигами вспоминал все базовые приемы и показывал их Оли, что было одинаково полезно для них обоих. Мальчик схватывал все на лету, хотя продолжал настаивать, что у него ничего не выходит. Однако это было не так. Если он продолжит в том же духе, можно не сомневаться, — Оливер в конечном итоге превзойдет его.

Ночь перед Рождеством и последующий солнечный день Джон отдыхал. Мышцы все эти дни тренировок ломило нещадно, а, как известно, сон — лучший способ восстановиться. У него такой возможности не было, зато никто не запрещал просто отдыхать и принимать контрастный душ каждые пару часов.

Следующая ночь должна стать роковой, и все это понимали. Многие, возможно, погибнут, остальные окажутся серьезно ранены. И если так, то выложиться нужно по полной, и уничтожить как можно больше врагов.

Всем Охотникам и элитным бойцам выдали по паре таблеток сильного обезболивающего. С помощью гарнитуры в ухе можно было связаться с любым членом организации в Бруклине,

просто назвал его имя. Джон сразу договорился, что если кто-то заметит Мрачного Жнеца, то он сразу должен доложить об этом Джону, не вступая в схватку. Джон же в свою очередь свяжется с Грассом, а затем они, прихватив всех, кто окажется поблизости, направятся по названному адресу. Так у них был шанс.

Проблема заключалась лишь в одном — никто и понятия не имел, чего ждать на Рождество.

***

Жнец в одиночестве сидел в своей келье, в той же самой, в которой он жил десять лет назад, посвящая всего себя Богу. Собор было начали строить заново, но потом решили, что куда полезней потратить деньги из казны на жилые дома. Будь Вольфганг все еще священником (а может, к этому времени он добился бы и третьей степени священства, став архиереем), то не оставил бы этого просто так, добившись скорейшего восстановления собора. Остальные же священнослужители как были тряпками, так ими и остались.

Но так бы Вольфганг думал, оставаясь он священником. Однако этот его этап жизни остался давно минувшим пережитком. Оказавшись в реальном мире, он перестал заикливаться на былом, и из косного консерватора превратился, можно сказать, в реформатора или даже ярого радикала.

После Катастрофы подземная часть собора почти не пострадала, но обвалилось несколько стенок, открыв за ними пути в катакомбы, но не в те, где находится Дыра, а менее глубокие, примыкающие к туннелям метро. Проломы кое-как заложили, чтобы никто не совался, а когда стройку заморозили, и вовсе забыли о них. Однако их обнаружили Тени, тут же передав Жнецу. Он не собирался сюда возвращаться, однако обстоятельства вынудили.

Здесь казалось безопасно, людей не было, свет солнца не проникал внутрь, хотя вместе с тем и места оказалось намного меньше. Тени, правда, как только узнали, что это подземелье собора, наотрез отказались в него соваться из-за первобытного страха перед серебром и золотом, и переубедить безмозглых тварей оказалось невозможно. Ну хоть одаренные оказались не столь глупы, пусть и оглядывались постоянно, боясь при очередном взгляде на стены увидеть золотой крест. Даже Тень внутри самого Жнеца чувствовала себя не совсем комфортно.

Но в остальном это была идеальная запасная база, однако предыдущая ему нравилась больше.

До реализации плана оставалось совсем немного. Оружие запасено, Тени в нетерпении, одаренные готовятся к битве. Все они умрут, но Жнец должен был сделать все возможное, чтобы завершить начатое, а иначе всему придет конец. Это как разгоняющийся по взлетной полосе самолет, который преодолел уже больше половины пути, и теперь у него только два выхода: взлететь высоко в небо или рухнуть на раскаленный асфальт бесполезной грудой. Вольфганг сидел за штурвалом, а его второго пилота — Шуда — больше не было.

Все или ничего. Самолет так или иначе должен разбиться, но в назначенном месте, в

назначенное время и с давно предусмотренными последствиями. Пилот должен спастись, но и его срок близок.

Если Жнеца не убьют Охотники или Тени, это сделает проклятая болезнь. Каждый раз, когда его тело покидает ночное создание, вместе с ней уходит и часть его жизни. Но и когда оно возвращается, тело словно пронзают миллионы раскаленных игл.

Но осталось совсем немного. Еще чуть-чуть, и мир изменится навсегда. Если переживет перемены.

Глава 6: Рождество

Весь день улицы обходили полицейские с собаками, высматривая подозрительных граждан и заглядывая в каждый закоулок. Естественно, ничего существенного обнаружить они не могли, да и не знали, что конкретно ищут.

В это время все Охотники и элитные бойцы организации отсыпались перед длинной ночью. Точнее, спали лишь те, кто мог заснуть. Их время — ночь, однако, несмотря на зиму, она должна была стать очень жаркой. И светлой, но не только из-за развешанных по всему городу гирлянд и фонарей.

Джон набивал живот, потому что ночью на это просто может не оказаться времени. В столовой было пусто, почти все повара и официанты тоже спали наверху.

— Какая гнетущая атмосфера.

— Заткнись.

— Если бы я тебя слушал, ты бы давно погиб, не слушая меня. Во как, — цокнул Мефисто.

— Все равно заткнись. У меня нет настроения с тобой разговаривать.

— А ты и не разговаривай, просто сиди и слушай мои мудрости. Ты ведь понимаешь, что все не так просто, как кажется на первый взгляд?

Джон вскинул бровью, но отвечать не стал, а вместо этого запихнул в рот вареной курицы.

— Твой драгоценный Майлз намекнул тебе, что на Рождество что-то будет, — продолжил Мефистофель. — Но откуда он сам об этом узнал? Правильно — ему поведал Жнец. А что сказал Жнец? Правильно — что он не доверял Майлзу с самого начала. И что из этого выходит? Правильно — все это ловушка, западня, обманка, капкан, засада, вентерь. Называй, как хочешь.

— Не правильно, — нехотя ответил Джон. — Аналитики подтвердили, что сегодня ночью будет что-то крупномасштабное.

— В этом-то и заключается проблема. Я, может, и умнее тебя, но даже тут мне не все понятно. Слишком просто это, не находишь?

Джон вздохнул. Слишком просто, да не слишком. Пусть Майлзу Жнец и не доверял в полной мере, но он никак не мог узнать, что Тор намекнет ему на то, что в Рождество что-то произойдет. Да и когда он был в плену, то ни слова об этом не обмолвился, и если бы Жнец хотел натолкнуть его на эту дату, то как-нибудь да умудрился бы обронить пару слов, или попросил бы сделать это Шуда. Хотя, возможно, второй и пытался, но его слова заглушали крики самого Джона.

— Если тебе нечего сказать, то лучше молчи. У нас все равно нет другого выхода, кроме

как отправиться ночью в дозор.

— Я просто хочу сказать, что нужно быть осторожнее.

— Я всегда осторожен.

— Ну да, ну да.

Остаток дня Джон провел за проверкой и чисткой оружия. Так как он давал мышцам необходимый отдых, то вместо занятий с мечом провел время в тире. За эти несколько дней его меткость явно улучшилась достаточно, чтобы почти наверняка попасть в человека с пятидесяти шагов.

Ближе к вечеру начал просыпаться народ. Зимой солнце заходило рано, а потому, после позднего обеда, Охотники и элитные бойцы отправились в город, рассредоточившись по основным местам активного праздника.

Гирлянды, украшенные разноцветной мишурой столбы и деревья, каток, латки с мороженым, сладкой ватой, хот-догами... Местные торговцы сегодня заработают столько, сколько и за месяц не зарабатывают в обычные дни. Все веселятся и празднуют, даже не подозревая, что за спиной у них может таиться смерть.

Джон брел по узким улочкам, огражденным от остальных людей полицейскими лентами, а где и самими блюстителями порядка. Эти части города перекрываются каждую рождественскую ночь, но очень многие считают своим долгом прорваться за ограждения и полюбоваться ночным городом там, где можно побывать лишь при свете солнца. Обычно такие довольно быстро уходят обратно, не находя ничего интересного, но бывает и так, что больше из темных переулков они не выбираются никогда.

Охотникам приказали всех, кого они встретят, обходить стороной, потому что только благодаря нацеленным слухам «людей в черном», бродящим по ночам, считают такой же городской легендой, как аллигаторов в канализации и огромных крыс в туннелях метро. Но по возможности таких заблудших можно попросту напугать звуком шагов и криками, особенно парочек, ищущих укромных уголков. Они, не видя источник шума, считают, что это полиция, а потому убегают со всех ног, боясь провести рождественскую ночь в отделении.

Однако отличить обычных людей от одержимых бывает попросту невозможно. Но если человек, замечая кого-то из Охотников, вместо того, чтобы убежать, начинает наоборот, кидаться на тебя, издавать нечленораздельные звуки или как-то иначе вести себя агрессивно — это точно одержимый. Или пьяный. Но в данном случае отличить одного от другого бывает намного проще.

Джон испытывал странное чувство. Он знал, что одержимого Тенью может спасти сила Оливера, а потому убивать их означало убить не только Тень внутри, но и самого человека, когда как второго возможно спасти. Однако никаких инструкций по этому поводу получено не было. Камиогава обозначила лишь общие действия: защищать людей, искать Теней и

одержимых, убивать Теней и одержимых, не позволять Жнецу завладеть ситуацией. Для всего остального, судя по всему, необходимо было включить фантазию.

Джон был не один, а с двумя напарниками. Площадь наблюдения из-за этого несколько сужалась, зато и не возникало угрозы быть окруженным. Когда Джон в последний раз действовал в одиночку на подобных рейдах, его чуть не разорвала стая Теней, а потом еще и другой Охотник отвесил ему битой по голове. Больше подобных эксцессов допускать не желал ни он, ни организация. После ночи резни и подземной резни (неофициальное название), штатных сотрудников стало крайне резко не хватать.

Однако сейчас город был просто забит Охотниками всех мастей, не только из Нью-Йорка, но и из соседних городов и даже штатов. Эти двое, что нынче сопровождали Джона, как раз из таких, а так как города они не знали, то их приставили к местным. Синигами привык работать один, но понимал, что сейчас никого не волнуют его привычки.

— Что мы вообще здесь делаем? — спросил один из приезжих. — Не лучше ли отправиться поближе к центру гуляний? Вряд ли Тени будут зависать в темных и безлюдных переулках.

— В центре и без нас хватает людей, — ответил Джон. — Тем более мы не знаем, что запланировал Жнец. Если он и собирается атаковать, то вряд ли сможет материализоваться прямо посреди торжества, ему нужно откуда-то прийти. Почему бы не отсюда?

Этот ответ, судя по всему, не удовлетворил болтливого Охотника, однако он все же сменил тему.

— А вот ты провел в плену у Жнеца целых две недели, да? — Джон ответил. — И неужели он за все это время даже не проговорился насчет своих планов?

— Не он меня пытал. Он заходил всего пару раз, и лишь предлагал перейти на его сторону. Если бы он обмолвился, я бы уже передал информацию в штаб.

Охотник пожал плечами, и оставалось лишь гадать, что означает сей жест. Зато второй оказался молчаливым, возможно, этому способствовал намордник, который он нацепил на себя. Станный тип, но Джон был рад, что хоть этот не лезет с расспросами.

Вообще, оба они не особо походили на матерых вояк. Чем больше город, тем больше Теней, а агломерация Нью-Йорка вообще является одной из самых крупнейших в мире. Джон не знал, откуда эти двое, да ему и не было интересно, но, вероятно, из какой-нибудь глуши, где каждый второй Охотник видел Тень лишь в лаборатории, если они у них вообще есть.

— Тихо! — шепотом выпалил Джон, резко остановившись и указав куда-то в темноту. Через квартал от них им навстречу шел какой-то человек, явно их не замечая, а через пару шагов внезапно свернул за угол дома.

— Да это алкаш какой-нибудь. Или бомж, — предположил болтливый Охотник. Бомж. Если где-то остались бомжи, значит, там нет Теней.

— У нас бомжи долго не живут. А если он пьян, его лучше вывести за ограждение, нас он все равно не вспомнит на завтра, или решит, что померещилось.

Джон побежал через квартал, и остальным не осталось ничего другого, кроме как последовать за ним. Несмотря на то, что это, скорее всего, просто заблудший выпивоха, перепутавший лево с право, ослаблять бдительность нельзя, поэтому, прежде чем свернуть за дом, Джон остановился и заглянул за угол. Вчера было новолуние, поэтому можно было полагаться лишь на тусклый свет звезд и отражающую способность снега, который неприятно хрустел под ногами, выдавая их с потрохами. Джон утешал себя лишь тем, что сегодня не намечается снегопада.

За углом темнела пустая улица. Снегопада не было и днем, а потому земля оказалась истоптана вдоль и поперек, и невозможно понять, куда именно направился ночной гуляка. Царила тишина, лишь где-то в отдалении слышались радостные возгласы людей, ожидающих праздничные салюты.

— Да нет там никого, — махнул рукой тот самым болтливый Охотник. — Этот алкаш уже утопал куда-нибудь, где ему лучше.

— Стой, — дернулся Джон, но молодой Тенелов, лет на пять моложе самого Синигами, уже вышел на середину улицы.

— Да чего вы? — хмыкнул он. — Пойдем уже, а то сидеть на одном месте холодно. Куда там дальше по плану?

Джон вздохнул, снова пристально осмотрел улицу, но, ничего не заметив, вышел из-за дома. Улица была пуста, как и каждую ночь, дул легкий ветер, стояли пустые машины, чьи моторы придется прогревать с утра владельцам. И тишина. Джон привык к тишине ночных улиц, но сейчас его что-то коробило. Уже стемнело, Жнец что-то приготовил, но этого все еще не произошло, и чем больше тянулось время, тем тяжелее становилось на душе.

— Я бы на твоём месте не стоял на открытом месте, — подал голос Мефисто. Джон едва спохватился, чтобы не сказать ему заткнуться. Все же он привык работать в одиночку.

Но и на сей раз чертов призрак Рождества оказался прав. Только они повернулись, чтобы продолжить путь, как Джон краем глаза уловил какое-то движение. Болтливый Охотник не заметил, потому что был просто невнимательным и неопытным, второй, потому что нацепил на рожу маску. Синигами даже не стал поворачивать головы и приглядываться, что там такое, потому что его многолетний опыт уже знал ответ.

— В укрытие! — закричал он и побежал обратно за дом. За ним тут же помчался и тот, что в маске, нарочно или случайно оказавшись сбоку от Джона, словно прикрываясь им. Однако менее опытный Охотник растерялся (именно чтобы такого не происходило, и проводятся совместные тренировки, на которых каждое выкрикнутое слово является руководством к неукоснительным действиям).

Джон еще не успел добежать до угла, где и плюхнулся в снег, как зазвучали первые

выстрелы. Оглянувшись, он увидел падающее навзничь тело молодого Охотника и громко чертыхнулся. Это была ловушка.

Он нажал кнопку гарнитуры, что означало оповещение всех, кто оказался в радиусе действия сигнала.

— Всеобщая связь! Говорит Джон, Синигами, на нас напали с огнестрельным оружием, будьте бдительны!

Словно в ответ на его слова выстрелы прекратились. Но лишь здесь, когда как теперь, когда шум улегся, стала слышна стрельба в других местах. Эхо мешало точно определить звуки выстрелов, отчего казалось, что стреляют отовсюду. Возможно, так оно и есть.

Джон достал пистолет, это же сделал и второй Охотник. Синигами быстро выглянул за угол и тут же убрал голову. Выглянул снова, на этот раз присматриваясь несколько секунд.

— Никого.

Он кивнул, и охотник в маске сразу понял его знак, потрусив вдоль дома к противоположному углу. Снег хрустел под ногами, как разбитое стекло, и производил, казалось, звука больше, чем выстрелы.

Теперь смысла скрываться не было. Большая часть города на площади или еще где, но кто-то остался и дома. Они услышат выстрелы, выглянут в окно и увидят странно одетых людей, бегающих с пистолетами и мечами. Они обратятся в полицию с вопросами, полиция, заранее предупрежденная, переправит их в «Тенелов», и организации придется оправдываться. А если это попадет в сводки газет? Всевозможные оправдания придумывались не раз, начиная от гуляний местных банд, с которыми и борется комендантский час, и заканчивая заявлением, что человек в черном был местным сумасшедшим, возомнившим себя Бэтменом или Роршахом (к слову, есть Охотники, одевающиеся в точно такие же костюмы).

Но как объяснить выстрелы по всему городу? И ведь это только начало, Джон боялся, что эти неизвестные перейдут с Охотников на мирных граждан, и вот тогда начнется настоящий ужас. Этого нельзя допустить.

Джон и второй Охотник почти бегом шли по узкому переулку, где снега, как не странно, оказалось не так много. Из ржавых труб клубился белый пар, затмевая взор и оседая на одежде капелью, которая на холоде вскоре превратится в лед.

Дойдя до следующего края дома, Охотник в маске выглянул на угол и покачал головой, потом вышел и снова медленно побежал вдоль стены. Джон за ним, держась всего в метре позади и приготовив пистолет. За следующим углом тоже оказалось чисто, лишь вдалеке виднелся труп другого Охотника. Стрелки словно сквозь землю провалились.

— Говорит Ведьмак, — зашипело в гарнитуре. — Нападающие прячутся в канализации. Будьте бдительны. У них огнестрельное оружие и средства защиты.

— Похоже, они неплохо подготовились, — вклинился другой голос.

— Черт, так и знал, что надо было взять автомат.

— А я прихватил, хе-хе.

— Элитные бойцы организации всегда при автоматах, попросите у них.

— У нас у каждого лишь по одному, используйте свои чертовы сверхспособности, а то мы уже устали постоянно вас выручать, супергерои хреновы.

— Эй, кто это сказал?

— Заткнулись все нахрен! — рявкнул резкий голос, аж в ушах зазвенело; Джон сразу узнал в нем Грассхопера. — Хватит засорять эфир! Еще слово, отправлю бегать по канализации.

Угроза подействовала. Наверняка многие желали язвительно заметить, что Грасс им не командир, но все же решили промолчать. У Охотников вообще с иерархией несколько туго, и все больше зависит от репутации и уважения со стороны коллег. В этом плане самым главным можно было считать Бобби по прозвищу Демиург, который нашел и обучил очень многих Охотников.

Джон тоже являлся довольно известным в среде Тенеловов, и имей он такое желание, все бы безукоризненно ходили бы по струнке от одного его слова, но он не любил командовать. Зато Грасс, когда надо, мог принять на себя роль командира, и обычно все слушались.

Подойдя к канализационному люку неподалеку, Джон заметил, что крышка лежит слегка кривовато, словно ее закрывали впопыхах, да и подтаявший снег истоптан несколькими парами ног. Когда только произошла Катастрофа, туннели канализации оказались разрушены по всему городу, из-за чего весь Нью-Йорк вонял больше обычного почти два года. Сейчас уже все было починено и укреплено везде, где необходимо, и поэтому таинственные нападающие могли всплыть где угодно.

Внимательно следя за всеми люками вокруг и пристально оглядывая каждое окно на предмет свидетелей, они перенесли тело болтливого Охотника, который больше никогда не произнесет ни слова, к стене дома. Джон позвонил в организацию, передал координаты, дальше офисный планктон передаст данные специальной группе зачистки, которая приедет и увезет тело. Довольно цинично, но такова работа. Когда-нибудь и сам Джон окажется на месте одной из таких координат.

Они направились дальше, на сей раз более внимательно оглядываясь по сторонам и не убирая оружие в кобуру. Без того Охотника сделалось как-то тихо, и Джону почему-то от этого стало не по себе. Лучше бы он щебетал тут над ухом, право слово.

Минут через десять Джон услышал за углом чьи-то шаги. Он подал знак и они со вторым Охотником спрятались за джипом, дожидаясь неизвестного. Это оказался сутулый человек в куртке с капюшоном, натянутым до самых глаз. Точно не Охотник. Напарник приготовился уже

открыть огонь, но Джон его остановил, призвав подождать.

Не успел человека в капюшоне свернуть за угол, как вдруг прибавил скорости, подбежал к дымящемуся люку посреди дороги и несколько раз ударил по нему ногой. Буквально через секунду люк подпрыгнул и отодвинулся вбок, из дыры, словно тараканы, выпрыгнуло человек пять, в измятой одежде, едва ли защищающей их от зимней стужи, но зато с автоматами, а на двоих и вовсе виднелись бронежилеты.

Они рассредоточились поперек дороги, при этом один из них оказался прямо по ту сторону автомобиля, за которым скрывались Джон и Охотник в маске. Тишину нарушали лишь быстро приближающиеся шаги за углом дома. Вероятно, там шли Охотники, чтобы попасть в ту же ловушку, что и они полчаса назад. Нужно было действовать, а подобное не обходится без риска для жизни.

— Это ловушка! — закричал Джон во все горло и, выскочив из-за капота джипа, первым же выстрелом вышиб мозги ближайшему одержимому. Завязалась стрельба.

Одержимые, казалось, совсем не заботились о патронах, буквально наспиговывая автомобиль какого-то несчастного сотнями свинцовых пчел. Стекла повывлетали на раз, осыпая двух Охотников осколками, колеса сдулись, отчего машина сразу же просела, еще немного, и в ней будет столько дыр, что она из надежного укрытия превратится в бесполезный картонный хлам. Но тут на выручку подоспели Охотники, что находились за углом.

Град пуль полетел в самих нападающих с двух сторон, потому что и Джон с напарником решили присоединиться к свистопляске. Не прошло и минуты, как с одержимыми было покончено.

— Спасибо, — выдохнул он, когда из-за угла появилось трое Охотников, из которых Джон знал лишь одного.

— Это вам спасибо, что предупредили, — отозвался знакомый. — Мы даже не сразу сориентировались, что произошло. Еще пара секунд и нас бы превратили в решето, как вот это корыто. — Он указал на джип.

— Просто, мы уже попались в подобную ловушку. Охотник взглянул на Джона и второго:

— Вас было трое, да? Понятно. Надо сообщить остальным.

Пока этот Охотник передавал сообщения, чтобы остальные не велись на подобные уловки, Джон осмотрел тела. Их было пять, шестой, тот, что и пытался загнать Тенеловов в ловушку, среди тел отсутствовал, зато канализация зияла черными проемом.

— Сбежал, — констатировал он очевидное. Охотник в маске молча кивнул.

Если бы Тени проделывали подобные трюки раньше, Джон с остальными могли бы быть готовы к подобному, однако обычно они, как и одержимые, просто нападали открыто, не заботясь подготовить пути отступления. Вот только нечто подобное уже было во время ночи

резни, когда Тени точно также загоняли жертв в ловушки, где затем нападали целой стаей. Кто же знал, что в этот раз то же самое проделают и одержимые? Жнец неплохо смыслит в стратегической составляющей войны. А ведь это именно война, и пока противник на шаг впереди.

— Похоже, мы не первые, кто попадает в подобную ловушку, — сказал новоприбывший Охотник, подходя к Джону, — только нам повезло больше. Тела Охотников и бойцов находят по всему бору. Все расстреляны.

— Никогда не встречал таких умных одержимых, — заявил один из безымянных неместных Охотников.

— Это все Жнец.

— А, да, точно. Тот таинственный человек, командующий Тенями. Вряд ли мы его застанем среди подобных групп.

— Именно поэтому нам необходимо изменить свою стратегию, а иначе мы проиграем.

— И что ты предлагаешь?

Джон сам не знал. В той же степени, как и командовать, он не привык искать выходы из затруднительных положений, особенно для других людей. Лично он хотел бы вернуться в штаб и провести какое-нибудь собрание, где каждый сможет внести свое предложение, однако это было невозможно: как только они покинут улицы, их заполнят орды одержимых.

— Не знаю, — ответил он, нахмурившись. — Это работа аналитического центра, я просто выполняю приказы.

— Можно заложить все люки чем-нибудь тяжелым, машину, там, поставить сверху, — предложил один из Охотников.

— Знаешь, сколько в Бруклине вот таких люков? У нас столько людей нет, не говоря уже о машинах. Да в их поисках мы провозимся до утра, и вряд ли все это время Тени будут мирно сидеть и ждать. Надо действовать. Разделимся, как раньше, и продолжим дозор.

Никто не стал возражать.

Стычки продолжались по всему городу. Появлялось все больше одержимых с оружием, и нападали они не только на членов организации, но и на простых граждан. Сам Джон даже один раз увидел, как какой-то человек в теплом пальто спускается в канализацию, но, к сожалению, не успел его остановить. Он считал, что Тени нападают на людей, вселяются в них, а затем спускаются под землю, где получают оружие и вновь возвращаются на поверхность.

Он решил связаться с Камиогавой.

— Нет, Джон, никакой самодеятельности, — строго заявила она. — В туннелях

канализации у вас не будет такой свободы маневра, мы это уже выяснили не так давно.

— Да, но то, что мы делаем сейчас, не имеет смысла. Под землей могут находиться сотни Теней, отлавливающих людей и вселяющиеся в них. В канализации есть и те, кто снабжает новых одержимых оружием. Они периодически проводят атаки, но кто знает, сколько их еще остается под землей, дожидаясь удобного случая...

— Вот именно, — прервала его Камиогава, — Никто не знает, что ждет нас внизу, это может быть ловушкой.

Спорить с Камиогавой не имело смысла. Джон понимал это с самого начала, но все же надеялся, что та осознает ситуацию, в которой они находятся. Этого не произошло. Он бросил трубку и по гарнитуре связался с Бобби.

— Джон, что случилось? — Он пересказал ему суть своих терзаний. — В одном ты прав, — ответил Бобби, — в канализационных туннелях и правда что-то происходит, но вот соваться туда без подготовки просто безумие.

— Безумие — это ходить по городу, надеясь, что тебе повстречается враг, когда как мы и так знаем, где он засел. Они пробираются к центру боро, и как только их соберется достаточно, они нападут на гражданских. Нам необходимо их отвлечь на себя, а иначе бойня начнется среди горожан, и кто тогда будет за это отвечать?

На этот раз Бобби промолчал достаточно долго. Лезть в лабиринты туннелей действительно казалось довольно опасно и безрассудно, но многие Охотники уже не раз сражались в подобных условиях, особенно в последнее время. Замкнутое пространство одинаково неудобно как Охотникам, так и Теням, однако у Теней больше слабостей, которыми можно воспользоваться.

— Камиогава нам по шапке настучит, если мы начнем своевольничать, — наконец ответил Бобби.

— Так и так настучит, по-другому она и не умеет. Только вот было бы кому стучать.

— Мы никому не будем приказывать, просто предложим. На поверхности все равно кто-то должен оставаться.

— Согласен.

— Всеобщая связь! Говорит Бобби Лонгдон, — начал Бобби. — Мы собираемся спуститься в канализацию, но дело это сугубо добровольное. Кому-то следует оставаться наверху и отстреливать одержимых, что мы выманиваем. Захватите с собой ультрафиолетовые фонари и побольше амбисидиана. Давайте устроим настоящую Охоту!

В гарнитуре тут же раздались согласные выкрики.

— Если не хочешь, можешь не идти, — сказал Джон второму Охотнику, но тот лишь безразлично пожал плечами и вместе с ним спустился в ближайшее колодце.

Внизу оказалось немного теплее из-за проходящих труб и сыро, а еще очень сильно воняло. Обувь все Охотники одели специальную, поэтому можно было не бояться, что ноги промокнут. Джон достал из рюкзака фонарь, то же сделал и его напарник. Чтобы не привлекать внимания, они их пока не включали, но держали наготове в одной руке, когда как в другой покоился пистолет со свежим магазином.

Противники не заставили себя долго ждать. Одержимые, как и в два прошлых раза, передвигались небольшими группами, точнее, сейчас они просто сидели и ждали с автоматами наперевес, в их грязных руках выглядящие довольно нелепо. Джон заметил, что сидят они как раз под одним из люков.

Он оглянулся, второй Охотник медленно кивнул. Сделав глубокий вздох вонючим воздухом, Джон выскочил из-за поворота и, перебегая на другую сторону, открыл стрельбу. Его напарник открыл огонь в то же время, но оставаясь на месте.

Выстрелы гулким эхом отражались от стен туннелей. Одержимые почти сразу же открыли ответный огонь. Куски стен разлетались во все стороны. Они стреляли, даже не заботясь о собственных патронах, и Охотникам оставалось лишь ждать. Спустя почти минуту выстрелы резко поредели, а затем и вовсе прекратились, послышалась возня и ругательства, что-то шлепнулось в воду.

Не давая возможности противникам сменить магазины, оба Охотника, не сговариваясь, выскочили и расстреляли безоружных противников.

Одержимых оказалось пятеро, у всех автоматы. На сей раз ни у кого не было бронежилетов, и их груди оказались пробиты пулями из амбисидиана. Джон поднял один из автоматов, сняв его с того, кто погиб одним из первых, но, как и ожидал, обнаружил там лишь обычные патроны. Одержимые зачастую довольно разумны, но эти, судя по всему, стали ими совсем недавно, еще не освоились, а потому, вместо того, чтобы снять оружие с погибших первыми товарищей, попытались сменить магазины, но, как и следовало ожидать, попросту не успели.

Патроны были обыкновенными, а потому почти бесполезными в бою с Тенями, однако они могли пригодиться для Охотников, перешедших на сторону Жнеца, вот только никто пока даже не докладывал, что встречался с ними в бою, а значит, Жнец их бережет ради чего-то, а может, они просто выступают, как его личные телохранители.

Джон с напарником направились дальше. Они связались с остальными, чтобы убедиться по поводу Охотников-предателей, а также узнали, что под городом действительно полно одержимых. Люди натыкались на целые склады оружия. Что могли — брали, остальное старались уничтожить. Наконец-то перевес в войне перешел на их сторону.

Однако радоваться победе было рано. Одни одержимые, неизвестно как прознавшие про план Джона, устраивали ловушки, другие же вылезали на поверхность, воевали там либо перебежали к другим люкам и оказывались за спинами. Бой велся сразу на двух уровнях, что усложняло задачу для всех.

Не прошло и часа, как преимущество вновь вернулось к Теням.

Бобби призвал выбираться из канализации, пока их всех там не похоронили. Одержимые все еще оставались там, но зато теперь все знали их стратегию. Если кто-то встречал в отдалении одинокого человека, свернувшего за угол, Охотники уже понимали, что за этим следует, а потому очень быстро переулками оказывались за спиной засады.

Некоторые начали попросту подходить к канализационным люкам и стучать по ним, как только люк отодвигался изнутри в сторону, Охотники расстреливали колодец прежде, чем оттуда показывались одержимые.

Таким образом, преимущество то и дело переходило из рук в руки. Счет жертв шел на десятки, даже сотни, и в основном это были Тени. Они все меньше высывались на поверхность, меняя тактику боя. Кто-то через гарнитуру даже заявлял, что по ним стреляют с крыш и из окон.

Весь город превратился в поле боя, в котором постепенно начали появляться и жертвы среди гражданских. В небе начали запускать салюты, чьи взрывы перемежались со звуками выстрелов. На них-то и шли заблудшие в перекрытые районы горожане, надеясь увидеть красочный фейерверк, а вместо этого красочным становился лишь снег от их крови. Хотя многих захватывали Тени.

Абсолютного перевеса не наблюдалось ни у одной из сторон, пока не появились они.

***

Почти все Охотники разъехались. Сегодня было Рождество, но вместо подарков их заперли в подземелье организации. «Ради вашего же блага» — как заявила Камиогава. Все делается ради нашего же блага, подумал Оливер, вот только никто не удосужился спросить у нас, что для нас благо на самом деле.

Он был так же уверен в том, что хочет сбежать, как и несколько дней назад. Он зашел к своим друзьям, они немного поговорили, много помолчали. Оливер сказал, что все будет хорошо, и что им следует ему довериться. Было трудно понять, о чем они в тот момент думали. Так хотелось все объяснить, а еще лучше, взять их с собой на свободу, но впутывать в свои проблемы друзей Оли не желал. Они и так пережили слишком много.

Вернувшись в жилой коридор, Оливер вновь собрал всех в комнате у Сьюзен.

— Ну, что решили? Мейсон и Везел свои решения не поменяли, но вот девушкам данная затея все еще казалась не самой разумной.

— А если нас поймают? — спросила Сьюзен. — Что тогда? Отправят в психушку? Даже если мы и станем полноценными Охотниками, за нами все равно будут приглядывать, а остальные считать предателями.

— Из психушки сбежать еще проще, чем отсюда, — возразил Оливер. — А предателей им хватает и без нас, они сейчас сражаются с ними на поверхности. Лично я хочу на свободу, и готов ради этого рискнуть.

По идеи, он и так был свободен, но дело в другом. Их всех обманывают, говорят одно, а делают другое. Возможно, им лгали с самого начала, где-нибудь в мелочах, которые могли бы позволить им вернуться к своей прежней жизни до того, как их засосало по самую шею.

Вопрос заключался в ином — хотели ли они этого? Их привели в самые тревожные для них моменты, играя на их чувствах и желаниях. Камиогава говорила, что об их местонахождении стало известно лишь за день до событий, позволивших им пробудить силы. Главное, что их всех нашли лишь в определенное время, когда ясновидцам организации удалось обнаружить, где они находятся.

Тогда возникает другой вопрос — когда им удалось так тщательно проанализировать их личности?

Везела они выпустили из тюрьмы, тот был так рад (пусть по нему и не скажешь), что мог согласиться на любые условия. Мейсона, как и Оливера, спасли от смерти, плюс Рутгера тянет к насилию, и ему клятвенно пообещали удовлетворить его желание. Сьюзен после смерти родителей пребывала в разрозненных чувствах, а потому была легко внушаема. Миранда — меланхоличная Миранда — смотрела на мир с глубоким безразличием, она даже сама говорила, что ей все равно, будет она в организации или нет.

Их завлекли в одни из самых нестабильных моментов в жизни, нагородили с три короба, очень быстро нашли похожих на них наставников и уговорили вступить в организацию, о которой они почти ничего не знали. В этой ситуации несколько неправдоподобно выглядело заявление Камиогавы что об их личностях стало известно всего за сутки до встречи.

Вот к чему пришел Оливер за все эти дни раздумий. Хотя, конечно, у него возникли и мысли по поводу побега.

— Лучшего момента может и не настать, — сказал он. — Необходимо решится прямо сейчас, у вас было почти десять дней, чтобы все осмыслить. Подумайте сами: они нас обманывают, и будут продолжать это делать, им нужны не мы, а наши способности, и они сделают все возможное, чтобы взять их под свой контроль.

— Но они ведь не заставляют нас их использовать. Сейчас на поверхности идет сражение, наши телохранители сами нам так сказали, но нас они не используют, хотя некоторые из нас точно бы согласились помочь.

— Не заставляют? — фыркнул Оливер. — Спроси у Везела.

— Точно, — угрюмо подтвердил тот. — Я из-за них даже в кому впал. Им плевать на наши жизни.

— Но они ведь не знали...

— Неужели? — перебил ее Оли. — Ты тоже не знала, на что способна, но при этом до сих пор коришь себя за смерть того человек. Но ты ведь не виновата, и сама прекрасно это понимаешь. Они бросили нас в гущу бойни только чтобы мы пробудили свои способности. А если бы, например, твоя способность работала, как у Везела, а не как у меня, что тогда? Ты бы одной волной могла бы убить всех людей вокруг.

Девушка поджала губы и потупилась. Ей нечего было возразить. Она и правда винила себя в смерти того человека, несмотря на то, что ее заставили использовать способность под давлением, надеясь, что она такая же, как у Оливера. Она никогда до этого не убивала людей, да еще и голыми руками, и это попросту ее потрясло. На приеме у психолога она только и делала, что ревела, вспоминая своих родителей. Она не могла смириться с тем, что их больше нет. Смерть стала для нее непримиримым врагом, а тут оказывается, что она является ее неосознанным пособником.

— Возможно, ты в чем-то и прав.

— Сьюзен...

— Нет, Миранда. Ничего не говори. Если я останусь в организации, то меня вынудят использовать способности. Пусть даже я буду уничтожать Теней лишь в уже мертвых телах, я все равно не смогу. В бою от меня никакого проку, больше вреда, чем пользы... Но все равно, мне некуда идти.

— Мы что-нибудь придумаем, обещаю, — заверил ее Оливер, и в первый раз она посмотрела ему в глаза, не нахмурившись, а улыбнувшись. — Миранда?

— Мой дом — здесь, — ответила она. — Я хочу быть полезной.

— Ты можешь принести пользу и в другом месте. Однажды ты уже чуть не погибла.

— Какая может быть польза от моей способности в другом месте?

— Я говорю не о способностях...

— Но я больше ничего не умею. Нет, я не пойду с вами, но и сдавать вас я не буду. Я лишь хочу, чтобы вы были счастливы. У меня никогда не было настоящих друзей, и я рада, что смогла их обрести, пусть и ненадолго.

Миранда больше не смогла сдерживать слез и расплакалась, и Сьюзен тут же заботливо ее обняла.

— Не глупи, Мира, мы всегда будем твоими друзьями.

Особого плана, как сбежать из здания, ни у кого, кроме Оливера, не возникло. Один лишь

Мейсон предложил вырубить всех их сторожей, но под общие протесты все же согласился, что даже им пятерым не хватит сил, чтобы победить элитных бойцов. Действовать нужно обманом и хитростью, в которых Оли далеко не последний профан.

Они заявили в столовую почти в самый разгар ужина, однако из-за происходящего сейчас на улицах, внутри оказалось совсем мало человек. По большей части раненые в недавних операциях, уже способные самостоятельно передвигаться, но бесполезные в бою, в том числе и Афро, а также некоторые работники с последнего этажа.

Вся пятерка заняла свободный столик как можно ближе к двери на кухню. Миранде пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить Эвилу оставить ее на некоторое время. Оливеру вообще было непонятно, что она делает в штабе, когда как на улицах от нее должно быть больше пользы. Наверное. Даже Миранда до сих пор понятия не имеет, в чем заключается аберрация Охотницы, но, видимо, это нечто совсем не пригодное к бою, как у Оливера и Сьюзен.

Афро тоже намеревалась к ним подсесть, но Сьюзен сказала, что они хотели бы побыть наедине, потому что в последние дни за ними всегда по пятам ходят телохранители и Охотники, и хотелось бы хоть на несколько минут вздохнуть спокойно. Эту отмазку ей подкинул Оливер. И ведь сработало.

Заказали они все не очень много, так, чтобы набраться сил, но при этом не перегружаться. Быстро поели, а затем все впятером понесли свои подносы на кухню, где их обычно оставляли у мойки. Все шло по плану. Кроме одного: за ними увязалось несколько бойцов элитного отряда.

— Сомневаюсь, что на нас нападут у мойки, — сказал им Оливер несколько раздраженно.

— Нам приказали сегодня более тщательно следить за вами, не теряя из поля зрения.

Все летело коту под хвост. Оливер считал, что Рождество, когда все отвлечены тем, что запланировал Жнец, лучшее время, чтобы смыться под шумок, но все оказалось как раз наоборот.

Поникнув головами, они поплелись назад, а затем и из столовой в жилой коридор, чтобы вновь обсудить свое положение.

Обсуждать было нечего. Лучшего побега из столовой, чем через второй лифт, придумать просто невозможно. У них не было достаточно сил, чтобы попытаться удачу иным способом. Круглосуточная охрана и всего два пути на поверхность — даже из тюрьмы строгого режима и то проще сбежать.

Вернувшись в свою комнату, Оливер продолжал судорожно размышлять о дальнейших действиях. Он мог бы вообще остаться в организации, пока ему не начнут доверять, но сколько для этого потребуется времени, и сможет ли он вообще до него дожить?

Но тут вдруг случилось две вещи. Во-первых, в уши ударил протяжный вой сирены, знаменующий чрезвычайное происшествие, а во-вторых, сквозь этот вой за дверью послышалась

какая-то возня и крики. Оливер резко распахнул дверь и замер в ужасе: все телохранители дрались между собой на смерть. Почти весь пол оказался заляпан кровью, в лужах которой уже лежало несколько тел. Элитные бойцы сражались между собой на ножах, нанося не менее ожесточенные и профессиональные удары, чем Охотники. В этой мешанине невозможно было понять, кто враг, а кто друг.

Оливер захлопнул дверь, закрыл ее на хлипкий замок и со скоростью пули вытащил свое оружие, которое им пятерым разрешили держать при себе, пока их жизням угрожает опасность. Он быстро надел куртку и шапку (уличные штаны уже были на нем, и бежать они собирались прямо так, но все же надели сразу несколько слоев кофт и футболок, чтобы первое время не так сильно мерзнуть на улице).

Шум за дверью начал стихать. Кто-то дернул за ручку его двери. Оли очень надеялся, что остальные оказались не менее сообразительными, чем он, и тоже проделали все те же манипуляции.

— Оливер, — послышался голос из-за двери. — С тобой все в порядке? Открой. Все закончилось.

— Почему я должен вам верить? Голос за дверью немного помолчал.

— Как я могу тебе доказать?

— Отойдите от двери и подайте голос, чтобы я знал, где вы находитесь. Человек за дверью так и сделал.

Оливер открыл замок и, распахнув дверь настежь, отошел назад, держа обнаженный клинок перед собой. Телохранитель стоял на середине комнаты, вокруг валялись окровавленные тела и разбросанное оружие. Еще двое держались на противоположной стороне коридора, один из них, судя по всему, оказался серьезно ранен, сидя на полу у стены и держась за окровавленный живот.

— Миранда, Сьюзен, Везел, Мейсон! — выкрикнул Оливер, все еще стоя в своей комнате.

— Я и Миранда целы, — закричала Сьюзен из своей комнаты. Признаки жизни подали и остальные.

— Возьмите оружие и выходите из комнат.

— Что вы задумали? — отрывисто спросил телохранитель, стоящий посреди коридора.

— А разве не ясно? Хотим защитить свои жизни.

— Вам лучше оставаться в своих комнатах, там безопаснее.

В это время дверь на противоположной стороне отворилась, и оттуда, держа наготове острую шпагу, высунулась Сьюзен. Она сначала с ужасом посмотрела на заваленный трупами

пол, и только потом перевела взгляд в сторону Оли, и лицо ее вдруг переменялось еще больше.

— Оливер! — закричала она. — Это ловушка!

Он даже не успел что-либо сообразить, как из-за двери неожиданно выскочил человек и бросился на него. Вероятно, он даже не подозревал, что у Оливера в руках меч, как раз направленный в сторону проема, и не успел его увидеть, врываясь внутрь.

Миг, и чиса-катана пронзила нападающего насквозь, окровавленное острие выступило у него из спины. На лице человека проявилось неподдельное удивление. Он все еще держал занесенные нож и даже попытался нанести им последний удар, но Оливер первым вышел из оцепенения и отошел назад, вытащив из тела меч. Человек булькнул, промахнувшись, его повело вперед, и он рухнул прямо на не успевшего отскочить парня, сбив того с ног. Из рта у бойца текла струйка крови, нож выпал из руки.

В это же время оставшиеся приспешники Жнеца — а они, несомненно, являлись ими — были заняты остальными.

Привалившийся к стене убийца ничего не мог сделать, однако стоящий рядом его союзник был вполне в форме, и как только Сьюзен выкрикнула Оливеру предупреждение об опасности, он тут же кинулся к ней, держа нож — амбисидиановый, к слову — наготове. Их не зря учили быстро принимать решения, а потому девушки сумели закрыть дверь прежде, чем ее настиг противник.

Двери, как уже было замечено, являли собой довольно хлипкую конструкцию, а потому долго продержаться не могли. Второй предатель, стоявший до этого на середине коридора, бросился на подмогу, и уже приготовился вынести дверь плечом, как услышал странный звук.

Мейсон мог подкрасться к человеку совершенно незаметно, как ощутил на себе сам Оливер, однако по своей натуре он был бунтарем и забиякой, а эти привыкли действовать в лоб, особенно в бою. Рутгер выскочил из-за двери с булавой наперевес и закричал во всю глотку боевой клич собственного сочинения. Он увидел ломящихся в комнату Сьюзен людей и сразу все понял, бросившись на них.

Булава прошла в нескольких сантиметрах над головой одного из них и угодила прямоком в дверь, проделав в ней небольшую дыру. Мейсон даже не успел выдернуть оружие, как получил удар в живот, сделал два шага назад и, спотыкнувшись об одно из распластанных на земле тел, упал на спину. Противник набросился сверху, но Рутгер подставил ноги, на которые тот и наткнулся, а затем с силой их выпрямил, отбрасывая от себя приспешника Жнеца, чуть не сбив при этом второго.

Этот второй, ухмыльнувшись наглой победоносной улыбкой, уклонившись от мимо пролетающего приятеля, достал второй нож, длиною почти с ладонь, и медленно направился к Мейсону, держа клинки обратным хватом.

Он резко замер, как от удара током, глаза его широко раскрылись, изо рта потекла струйка крови, он захрипел и упал замертво, а за секунду до этого из его шеи выдернули острие шпаги,

вонзившееся в него сквозь дыру в двери.

Оставшийся в живых, казалось, полностью растерялся. С одной стороны на ноги поднимался Мейсон, и в глазах его горел огонь, с другой — из своей комнаты вышел Оливер, держа окровавленный клинок, слева же, за медленно открывшейся дверью, стояла Сьюзен, одной рукой направляя в сторону врага покачивающийся красный кончик шпаги.

Все решила резко открывшаяся дверь в жилой коридор, в который чуть ли не влетела Эвила в сопровождении еще нескольких человек.

Реакцию Охотники тренируют буквально с первого же дня: сначала поймать линейку между пальцами, которую кто-нибудь держит в паре сантиметров от руки, а затем в любой момент отпускает, потом жонглирование теннисными мячиками, сначала одиночное, затем в паре. Конечно, и в тренировочном бою реакция оттачивается отменно. В конце же в тебя начинают швырять специальные деревянные ножи, сюрикены и даже небольшие деревянные мячики размером с грецкий орех, а тебе необходимо отбивать их мечом или другим оружием, которым ты пользуешься, а иначе они очень больно бьют тебя по рукам, телу и голове.

Помимо рефлексов тела и мышц, не менее важно развитие и реакции чувств: зрения, слуха, даже обоняния.

Когда Охотники слышат приказ, они его выполняют, особенно если знают, от кого он исходит: было бы несколько нелепо, если бы какой-нибудь противник посреди боя отдал громкий приказ, и ему бы тут же подчинились. Помимо рефлексов, необходимо иметь и мозги.

— Закройте глаза! — неожиданно громко выкрикнула Эвила. Оливер, Сьюзен и Мейсон тут же подчинились.

Они не видели, как Охотница подняла вуаль и устремила взор в предателя; они также не видели, как тот широко раскрыл глаза, не в силах отвести взгляда, и вытянулся по струнке, словно кто-то приставил ему нож к спине; зато они слышали, как его тело упало на плиточный пол, звонко ударившись головой.

— Все, — спокойно произнесла Эвила.

Весь коридор у дверей пятерки был завален телами и залит кровью. Оливер и остальные могли показать лишь на троих, остальных же было просто невозможно отличить — кто был врагом, а кто другом. Однако один все же оказался до сих пор жив, тот самый, что привалился к стене и истекал кровью.

Несколько человек подошли к нему. Эвила же в это время уже держала в объятиях Миранду, как и Афро Сьюзен, словно не так давно и не было разговоров о побеге. Вместе с ними находился и Бертон. Пока все радовались встрече, он направился в свою комнату.

— Тебя послал Жнец, да? — начал допрашивать один из Охотников раненого. — Кто еще из ваших здесь? Имена!

— Пошел... ты... — хрипло ответил тот.

— Почему ты перешел на его сторону? Что он тебе обещал? Ты скоро умрешь и все равно этого не получишь. Он просто тебя использовал, разве ты этого еще не осознал? — Раненый не ответил. — Скажи имена.

— Я... не знаю, — прохрипел он после длинной паузы и закашлялся. — У нас... отдельные группы. В этой все... мертвы.

Спустя минуту он присоединился к ним, так ничего полезного и не поведав.

В группе Охотников и бойцов, с которыми появилась Эвила, было не так уж много людей, и большинство из них оказались ранены. Охотники за это время более-менее пришли в норму, однако обычные люди не обладали столь выдающимися способностями к восстановлению. И все же у них не оставалось выбора, кроме как сражаться, чтобы выжить. Из тех, кто был в коридоре, многие имели свежие раны, говорящие о том, что стычки возникли не только здесь.

— Так, ребята, собирайтесь, мы уходим отсюда. Здесь больше не безопасно. Только быстро.

— А где Везел? — спросил Оливер, оглянувшись вокруг. Похоже, он один заметил его отсутствие. Кто-то подбежал к его комнате и громко застучал в закрытую дверь. Но испуганный Везел вылез лишь тогда, когда услышал голоса Оливера и остальных, кто точно не мог быть врагом.

Ему быстро объяснили ситуацию и призвали поскорее собраться. К этому моменту из своей комнаты вышел Бертон, проверяя оружие. У него был лишь нож и два пистолета, правда, с обычными пулями, но и противники на сей раз тоже являлись обыкновенными людьми.

Когда все оказались в сборе, они вышли из жилого коридора и повернули налево. Перед ними оказалась массивная дверь, за которой находилась лестница наверх, к коридору, ведущему к лифту.

Один из Охотников начал вводить пароль на панель управления.

— Пойдите, — вышел вперед другой. — А если за ней кто-то есть?

— Это вряд ли. Появись там враги, их бы уничтожило пулеметами в стенах.

— Это если диспетчер на месте и решит их задействовать. Возможно, его уже убили, и если в диспетчерской враги, нас самих превратят в сыр маасдам.

— Или диспетчер сам предатель, — добавил другой.

— Есть же еще и второй лифт, — подол голос кто-то из толпы. Все обернулись и нахмурились, словно с тем местом их связывали не самые радужные воспоминания.

И когда только все собирались развернуться и отправиться в противоположный конец

коридора, раздался звук, похожий на мышинный писк. Оливер даже не успел сообразить, откуда он исходит, однако все Охотники, как единый механизм развернулись обратно к двери и взяли наизготовку свое оружие.

— Уведите их! — крикнул один из Охотников то ли Афро, то ли Эвиле, однако они обе сразу же схватили своих подопечных и рванули к столовой, Оливер, Мейсон и Везел последовали их примеру. — Бертон, ты тоже!

На бегу Оливер обернулся. Он увидел бегущего прямо за ним Бертон, держащего в руке один из пистолетов (второй находился в кобуре за пазухой). За его спиной створки дверей с характерным шипящим звуком разъехались в сторону, и прежде, чем они утонули в стенах, на Охотников набросилась толпа людей со всевозможным оружием. По крайней мере, они выглядели как люди, но невозможно было сказать, так ли это на самом деле.

Бертон неожиданно резко остановился, развернулся и выпустил несколько пуль, каждая из которых угодила прямоком в головы нападающим.

***

Несомненным везением оказалось то, что ни у кого больше не было огнестрельного оружия. Не нужно быть умелым снайпером, чтобы подстрелить бегущих по прямому коридору людей. Однако и нападающие и защищающиеся, все находились лишь при холодной оружии, хотя некоторые имели и древковое.

Бертон стал бы страшной силой в этой битве, как какой-нибудь попаданец из дешевых книжонок, случайным и волшебным образом оказавшийся в средневековье с автоматом в руках и гранатами в карманах. Ничего подобного у него, конечно, не было, лишь меткость и сноровка. Этого более чем достаточно.

Однако ему приказали следовать за убегающими. Но он не мог все вот так оставить. Развернувшись на полпути, он открыл огонь, не только для того, чтобы убить противников, а скорее ради запугивания. И это сработало, потому что нападающие словно растерялись, не ожидая, что в них, помимо ножей и мечей, полетят еще и пули. Этим незамедлительно воспользовались обороняющиеся.

— Получите! — рявкнул он, не удержав мысли в голове, и побежал дальше.

Ему хотелось остаться еще и помочь всеми силами, что у него были, однако ему поручили иное. Помочь Оливеру для него было в радость, и не только потому, что тот спас ему жизнь, не позволив остаться одержимым Тенью до самой смерти, которая явно наступила бы довольно скоро, но еще и потому, что парень ему нравился. Он напоминал ему его сына, если бы у него таковой когда-нибудь имелся.

У Бертон было два пистолета и четыре дополнительных магазина, что не так уж и плохо, однако он не знал, что ждет впереди, а потому тратить патроны считал пока неразумным.

Патроны, однако, были самыми что ни на есть свинцовыми, то есть бесполезными против Теней и одержимых, в чем Бертон успел убедиться на собственном опыте. По крайней мере, ими можно замедлить одержимого, если выпустить полмагазина куда-нибудь в колено.

Они направлялись напрямик в столовую, куда сам Бертон не желал больше возвращаться под страхом смерти. Однако то же самое было и с подземельями, и что же? Не прошло и недели, как его отправили вытаскивать Джона из лап Жнеца, который просто обожает всякие злчные места поглубже.

Именно за дверью, ведущую из разделяющего коридора, он, наконец, смог догнать остальных, так как Оливер и другие новички остановились в нерешительности. Картина до жути напоминала ту, что находилась в жилом коридоре, только оказалась более масштабной. Разбросанные повсюду стулья и столы, залитый кровью пол, трупы...

Атака приспешников Жнеца началась в тот же момент, что и вой сирены, и была столь стремительна, то в первую же секунду на полу лежало уже около десятка трупов. Хуже всего было то, что атаквали те, с кем минуту назад ты сидел за одним столом и весело смеялся над их шутками. Невозможно было разобрать, кто враг, а кто друг, однако толпа быстро разделилась на две противоборствующие стороны: одни атаквали, другие защищались. И здесь, и там находились раненые еще с задания в катакомбах.

Оружие было у всех, кроме Бертона. Его заверили, что штаб организации — самое безопасное место, но это оказалось большой ошибкой. Он так и просидел в углу, закрывшись опрокинутым столом, пока все не улеглось, и когда, наконец, наступила тишина, он решился высунуть голову. Его глазам предстало настоящее кровавое побоище. Победителя он определил по тому простому факту, что у него до сих пор не торчал в груди нож. К нему пришла окончательная уверенность, когда он заметил Афро и Эвилу. В них он, почему-то, не сомневался.

Когда они побежали в жилой коридор, раненых отправили в лазарет с несколькими более-менее здоровыми выжившими, на случай, если и внизу их ждут враги. Если сторонники Жнеца были среди раненых в столовой, то и в лазарете они точно будут, вот только вряд ли они способны на активные действия, да и оружия при них быть не должно.

Охотницы приказали остальным поторопиться и побежали через столовую, усердно избегая луж крови и распластанные на полу тела. Бертон все время оглядывался назад, из-за чего чуть не налетел на один из перевернутых столов, поскользнувшись на крови. Дальше был примыкающий к столовой коридор и лифт.

Они начали медленно подниматься наверх.

— А если там враги? — спросил Оливер.

— Вряд ли, — ответила Афро. — Судя по тому, что двери наружу до этого момента были закрыты, диспетчер должен был успеть включить блокировку.

— Блокировку?

— Да. На случай подобных происшествий (а такое у нас впервые), существует особый протокол, по которому необходимо блокировать все выходы и входы здания.

— А как же мы выберемся?

В этот момент лифт остановился, и створки разъехались. Перед Оливером предстало небольшое помещение с зелеными стенами без окон; справа располагалась одинокая массивная железная дверь.

— А, точно, — спохватилась Афро, — ты же в прошлый раз ушел с Камиогавой. В общем, в этот лифт, — она указала себе за спину, — нельзя попасть с первого этажа, как и попасть в холл отсюда. Нас отделяет стена. А справа, как ты видишь, черный выход.

— А почему вы в прошлый раз вышли именно здесь?

— Так было быстрее, — пожала плечами Афро. Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Вообще, дверь напоминала какую-то тюремную, какая бывает в камерах-одиночках, а потому выглядела безрадостно. Отличалась она лишь панелью управления.

— А что с последним этажом? Там же беззащитные работники офиса. Может, нам лучше туда отправиться, там и Камиогава должна быть.

— Это невозможно. Два верхних этажа блокируются, и лифт туда не едет. Лестниц там тоже нет, так что, можно сказать, они превращаются в надземный бункер.

— Но тогда получается, — впервые заговорил Бертон, — что выйти оттуда нельзя.

— О, не беспокойтесь, у них запаса пищи почти на месяц. Им сейчас куда комфортнее, чем нам.

Бертон хмыкнул. Штаб и правда самое безопасное место, однако куда выгоднее находиться наверху, чем внизу. И все же ему не улыбалась судьба быть запертым в компании десятков людей на целый месяц. Зато и шансов оказаться насаженным на чей-нибудь меч тоже сводился к нулю, если, конечно, среди офисных работников тоже не найдется предателей с тесаками. По крайней мере, им с ними ходить не принято, так что это сразу бы бросилось в глаза.

Афро вглядывалась в одиночный глазок уже почти целую минуту, не открываясь ни на секунду, и даже, казалось, не моргая.

— Почему мы не выходим?

— Там могут быть враги, — пояснила Афро. — Но я не вижу движений.

— Тогда давайте выйдем, и если там кто-нибудь есть, быстро забежим обратно. Только сначала вам необходимо одеться, — обратился он к Охотницам. — Кто знает, сколько нам предстоит пробыть на холоде.

— На это нет времени, — покачала головой Афро. — Ехать наверх и надевать теплую одежду слишком долго, плюс там могут быть враги. Сначала выберемся отсюда, а там посмотрим.

— Ладно, — согласился Бертон. — У меня пистолеты, так что я пойду первым.

— Нет, — неожиданно заговорила Эвила. — Первой пойду я.

— Да, с твоей способностью это будет лучшим вариантом, — согласилась Афро. — Бертон, прикрывай ее. И не смотрите ей в глаза, даже мельком.

Все приготовились и достали оружие. Бертон никогда не стрелял с обеих рук, но мог стрелять отдельно с каждой, поэтому держал наготове оба пистолета, на случай, если нападение будет сразу с двух сторон.

Афро ввела код, и дверь распахнулась, за нее тут же вышла Эвила, поднимая черную вуаль. Бертон направился следом, держа пистолеты на вытянутых руках, направляя их сразу по обе стороны от спины Охотницы. Все было тихо. Следы на снегу казались старыми, оставленными Бертоном и остальными после собрания. Ночь пронзали лишь далекие звуки: голоса людей, разносящиеся по морозному воздуху с противоположной стороны здания; вероятно, они пытались проникнуть внутрь, но двери из бронированного стекла оказались заблокированы.

Эвила и Бертон дошли до угла здания и выглянули наружу: все было чисто. Идти в другую сторону не имело смысла, так как там находился довольно плотный кустарник, запорошенный снегом, спрятаться в котором просто невозможно, а если там кто и засел, внезапной атаки у него все равно не выйдет.

Леброн подал знак, что все спокойно.

— Что дальше? — спросил Оливер, подходя вместе со всеми.

— Было бы неплохо раздобыть автомобиль, — ответила Афро. — Большой автомобиль, чтобы мы все смогли там уместиться.

— Боюсь, сейчас это невозможно, все они остались на стоянке.

— Да знаю я. Мы недалеко от пропускного пункта, если доберемся до него, то окажемся за территорией штаба.

Звать на помощь бродящих по городу Охотников бессмысленно, так как с ними, наверняка, уже связалась Камиогава. Да и по мнению Эвилы, Жнец именно этого и добивался. Точнее, не совсем этого: он собирался уничтожить Охотников, потому и организовал все эти нападения. Если Тенеловы примчатся на выручку сюда, то оставят город и его жителей без защиты, но если не примчатся, то штаб будет разрушен или, хуже того, захвачен. Необходимо было сделать тяжелый выбор.

Вдоль здания шла дорога напрямик к стоянке на той стороне здания, огороженная с двух сторон кустарником и мелкими деревьями, благодаря чему добраться до пропускного пункта незамеченными не составило труда. В сторожке оказалось пусто, а железная дверь наружу заперта. С этим разобрался Мейсон, вдарив несколько раз булавой по замку. Если бы не шумящие вдалеке нападающие, их даже могли услышать.

Вторая дверь, ведущая наружу, тоже оказалась закрыта: вероятно, охранники сбежали, как только поняли, что происходит, но все-таки решились потратить немного времени и запереть входы-выходы.

Оказавшись снаружи, вся компания перебежала дорогу и спряталась в ближайшем переулке между низкими строениями.

— Мы снаружи, что дальше? — спросила Сьюзен.

— Нам нужно найти остальных Охотников, только у них есть связь с Камиогавой.

— Необходимо попасть в самый центр Бруклина, а у нас даже машины нет.

— Почему же? — хмыкнул Мейсон. — Вон же полно машин стоят.

— Предлагаешь их угнать?

— Я ничего не предлагаю, сами решайте, но пешком я не попрусь.

Мейсон был уличным хулиганом со всеми вытекающими: любил подраться, особенно с неместными, воровал телефоны, вытаскивал из сумок кошельки, а иногда и сами сумки крал, умел вскрывать машины и заводить их без ключа. Хотя, все же, больше всего он любил именно драться, а остальное обычно проделывали его дружки, когда не хватало денег на пиво и сигареты.

***

Через пять минут они ехали в двух машинах. В первой были Афро, Эвила, Бертон и Миранда, во второй, ехавшей следом, все оставшиеся. За рулем Мейсон.

— Ну, так что? — спросил он.

— В смысле?

— Мы вроде как сбежать хотели, а теперь?

— Теперь не знаю, — ответил Оливер после длинной паузы.

Это нападение было таким неожиданным, что он даже забыл, что хотел сбежать, скрыться

от организации как можно дальше, и никогда не брать в руки оружия. Они десять лет справлялись без него, справятся и теперь.

Однако то, как израненные Охотники со скудным оружием бросились на нападающих, посланных Жнецом, пошатнуло в Оливере всю уверенность. Да, организация его обманывала, и продолжает это делать, но ведь она состоит из людей. Камиогава сама подтвердила на том собрании, что почти никто не знал, зачем была собрана их пятерка, в том числе и их наставники, и Оли почему-то этому верил. Всем заправляют верха, вроде Камиогавы и, похоже, Бобби, но ведь даже они не самые главные, есть кто-то выше.

А вот простые Охотники — другое дело. Они даже не всегда знают, за что рискуют жизнью. Сколько сегодня умрет людей? А в другие дни? Их пятерка собрана не просто так, им напорочили остановить Жнеца, и что будет, если они этого не сделают? Столько людей погибло сегодня, защищая их, и оставить все, как есть, просто неправильно и бездушно.

И Оливер действительно желал все прекратить, остановить Жнеца, а если потребуется, и всех его приспешников, однако он хотел бы сделать это по собственному желанию, а не под пятой организации, которой плевать, погибнет ли он во время выполнения этой задачи или выживет, продолжая до самой смерти служить им беспрекословно.

Однако он не был уверен, разделяют ли остальные его мнение. Да и тем более по пророчеству их должно быть пять, а Миранды с ними не нет. Пусть Камиогава и говорила, что не обязательно вся пятерка является важным элементом, Оливер сомневался, что они справятся без нее, без ее силы.

Передняя машина свернула за угол, однако Мейсон словно этого не заметил, продолжая ехать прямо.

— Эй, ты что делаешь?

— Ты слишком долго думаешь. Да никто и не делал тебя главным, так что буду делать, что хочу.

— И куда ты едешь? — поинтересовалась Сьюзен, едва сдерживая себя.

— А не все ли равно? Подальше отсюда.

— Они нас все равно найдут, — неожиданно для всех заговорил Везел. — Мусора дотошные, а эти и подавно.

— Если ты так думаешь, почему вообще решил бежать? Ты ведь больше всех хотел смыться от них.

— Я чо, дурак? Я хотел совершить какое-нибудь преступление, а потом вернуться в тюрьму, там безопасней.

— Тебя же уже один раз выгнали...

— Это потому что срок был небольшой! А если я совершу чего-нибудь посерьезней, хрен меня выпустят так просто.

Оливер удивлялся столь сложному плану Везела, ведь умом он явно не блистал, но это, судя по всему, не относится к тюремной теме и тамошним порядкам. Тюрьма — не худшее место, чтобы сбежать: на видном месте, но не дотянешься. Однако Оливеру не очень нравилась мысль сесть за решетку. Что лучше: иллюзия свободы или всамделишная неволя без розовых очков? Оли не мнил себя философом, и из двух зол предпочел середину — всамделишная свобода.

И все же план Везела имеет множество недочетов. Во-первых, какое преступление он свершит? Убьет кого-нибудь? «Тенелов» скажет, что он убил одержимого, а наверху поверят, и его отпустят. Да и как скоро его арестуют? Все полицейские заняты на празднике, и если он скажет, что кого-то убил, над ним просто посмеются, а если и арестуют, он лишь окажется беспомощным, если вдруг кто-то решит напасть на него. В городе сейчас не спокойно, Оливер уже мог слышать далекие звуки выстрелов.

В конечном итоге, хочет Везел того или нет, его вернут обратно и сильно накажут. Он ведь подписал документы о неразглашении, да и кто поверит бывшему заключенному, его в мгновение ока признают невменяемым (особенно с учетом, что он сам придет сдаваться) и упрячут в психлечебницу по соседству со штабом «Тенелова». Та же тюрьма, только организация никуда не денется.

Все эти мысли Оливер изложил Везелу, и тот выругался, да так грязно и замысловато, как только могут сидевшие в тюрьме. Он был вынужден согласиться с этими доводами.

— Так куда мы едем? Просто так по городу колесить бессмысленно, мы тут единственный движущийся автомобиль, и нас скоро поймают.

— Я знаю одно место, — сказал Оливер. — Думаю, там безопасно.

Он не хотел вот так вот сбегать, все как следует не обдумав, и если самому не взять все в свои руки, это сделает Мейсон, а он может решить и вовсе уехать из города, тем более что машина и так направлялась в сторону бруклинского моста.

В квартире Бертона, как и надеялся Оливер, никого не было. Он даже ожидал учуять запах гнили от мертвой кошки, которую, если верить частному детективу, не кормили с того дня, как он спас жизнь Оли, однако пахло лишь пылью, кошачьим дерьмом и немного кровью.

Включив свет, все они увидели сразу два источника запаха. На полу в прихожей все вокруг заливала давно высохшая кровь, однако пыль покрывала все вокруг, и от любого движения вздымалась в воздух.

— Видали и получше, — протянул Мейсон. — Так это квартира того Бертона? Живет он не богато.

— И как долго мы здесь пробудем? — спросила Сьюзен.

— Пока не решим, что делать дальше. Я с самого начала хотел воспользоваться этой квартирой после побега, раз Бертон пока здесь нет.

А вот дальше все намного сложнее. Оливер являлся несовершеннолетним, а потому ухать в другую страну или даже штат не мог, да и денег не было. Он не раз слышал, как люди на попутках за бесплатно колесят по всему свету, однако сам сомневался, что способен на подобное, да и не менее часто натыкался на новости, что эти люди исчезают бесследно. Теперь-то он знал причину. Путешествовать — это хорошо, но не когда за каждым углом тебя может поджидать смертоносная Тень. И даже зная их слабости, ты можешь проиграть.

— У меня есть, где засесть, — сказал Везел. — На хате у друганов. Вас не зову, не поймут.

— Да нам и самим не особо хочется, — кисло ответила Сьюзен.

— Я тоже могу у друзей перекантоваться, — пожал плечами Мейсон.

— Ну а дальше что? — спросил Оливер. — Выходя на улицу, вы можете попасться на глаза какому-нибудь Охотнику, и вновь окажитесь у них.

— Тогда линять надо, — предложил Везел. — Из города, или даже из страны.

Начался спор, в основном повторяющий мысли Оливера: денег нет. А еще их могут отследить по камерам на станциях и в аэропорту. Пока все Охотники заняты, но продлится это максимум до утра, а за это время далеко не уйдешь.

— Ты же это придумал, — неожиданно повернулась к нему Сьюзен. — У тебя не было дальнейшего плана? Оливер потупился. Он всегда сначала действовал, а потом думал.

— Ничего конкретного. В любом случае, я уже не так во всем этом уверен.

— В смысле?

— Плевать на пророчество, что мы что-то должны. Никто не может предречь нам нашу судьбу, кроме нас самих. Однако там, на улице, и в штабе организации, умирают люди, надеясь, что мы их спасем, спасем всех. Я не могу просто сбежать, когда им грозит опасность.

Оливер уже однажды сбежал, бросив друзей, Бека и вовсе держала его за руку, но он выпустил ее, обрекая на ужасную участь быть захваченной Тенью, жуткой тварью из другого мира. А Джо и вовсе погиб, так и не дождавшись помощи. Оли Лайтман больше не собирался никого бросать, пусть все его естество кричало бежать, бежать без оглядки, пока ноги больше не смогут сделать и шага.

— А вот я могу, — гаркнул Везел. — Мы им ничего не должны.

— А мы и не ради них. А ради себя и своих родных. Если план Жнеца сработает, город

заполонят тысячи Теней, а может, и еще больше. Еще через десять лет весь мир может стать домом для этих созданий, и тогда уже нам, выжившим, придется прятаться по углам, и из охотников мы превратимся в добычу.

Казалось, их проняла его речь. Сьюзен так вообще вначале не собиралась никуда бежать, и пошла со всеми лишь от страха, что ее заставят использовать способность убивать касанием. Мейсону же, казалось, плевать на это; он любил подраться всласть, но не желал подчиняться кому бы то ни было. Его можно уговорить, ибо умом он тоже не особо блистал.

— Десять лет, говоришь? — хмыкнул Везел. — Мне хватит.

— Я лишь как пример сказал. Если мы ничего не предпримем, конец света начнется уже сегодня.

Везела, казалось, эти слова не особо убедили. Ему было плевать на мир и жизни людей, и если этому миру скоро придет конец, он собирался отправиться как можно дальше от эпицентра, и прожить остатки дней, веселясь где-нибудь у моря, где побольше спасительного солнца, глядишь, и Тени туда даже не явятся.

Чем больше Оливер пытался его переубедить, тем больше тот сопротивлялся. В конечном итоге он достал нож и пригрозил порезать любого, кто последует за ним, а потом вышел, сел в машину и уехал, скрепя грязным снегом под колесами.

— Без него только лучше, — сказала Сьюзен.

— Это так, но чтобы остановить Жнеца, необходима вся пятерка.

— Нет, Камиогава же сказала, что, возможно, потребуются лишь некоторые из нас. Вероятно, свою роль Везел уже сыграл, и его побег ничего не решит.

— Хрен с ним, с Везелом. Дальше-то что? Куда уехали остальные, как нам их найти?

О, это было не сложно, но опасно. Выстрелы слышались даже неподалеку от дома Бертонна, и именно туда им нужно было направиться. Они знали, что у каждого Охотника при себе гарнитура, по которой можно связаться с любым другим, у кого она есть, либо со всеми сразу. Через них-то и можно найти Афро с остальными, а главное — Бобби и Джона, которые должны разъяснить, что им делать дальше.

Оливер понимал, что ему влетит за побег, но ведь в этом не только он виноват, но и организация, скрывающая от них правду. В этот раз им придется объясниться, а иначе никто в дальнейшем уже не станет доверять им во всем, и в один прекрасный день все может повториться.

Где-то вдалеке, перемежаясь с постоянными звуками выстрелов, зазвучали салюты.

Глава 7: Бруклинская Рождественская Резня

Улицы заполнили одержимые, казалось, что их было даже больше, чем Охотников, и каждого убитого сменяло сразу двое. Возможно, на улицы вышли все одержимые Бруклина, а может, приехали и из других боро, позаимствовав идею Охотников.

Поначалу они просто выпрыгивали из канализации, стреляли и снова прятались, готовили ловушки, устраивали засады, однако теперь начали действовать менее осторожно. Возможно, потому, что все их трюки давно уже разгадали, а новых никто подсказать не мог.

Бобби принес плохую новость за полчаса до полуночи. На штаб организации напали, причем не только снаружи, но и изнутри. Ничего конкретного известно не было, поэтому оставалось только гадать, что с Оливером и остальной пятеркой. Джон начинал нервничать, а когда испытываешь лишние эмоции, нельзя как следует сосредоточиться.

Он неосмотрительно выбежал из-за угла и едва не оказался расстрелян собственными же союзниками. Перед ним оказались Мультголова, Ирмин и неизвестный Джону Охотник из Бронкса.

— Ирмин, как глаз?

— В порядке, наверно, я его давно не видел. Ты бы поосторожней на поворотах, а то мы тебя чуть не пристрелили.

Джон сказал, что его несколько выбила новость из штаба о попытке захвата. Ирмину это тоже не нравилось, он сразу понял, что это западня, в которую может попасться только тупица, однако оттуда больше не поступало никаких вестей, а это заставляло волноваться.

Когда они решил вновь разделить и продолжить обход, в ухе зазвучал голос:

— Эй, с кем сейчас Афро и Эвила? Тут трое из пятерки их спрашивают.

— Они со мной, — услышал Джон голос Бобби. — А, черт... — Дальше связь прервалась, видимо, он понял, что говорит сразу со всеми и переключился на личную линию. Джон тут же связался с ним.

— Бобби, где ты? Что там за дела у вас?

— Джон. Ты же знаешь, что на штаб напали. Вот они и сбежали, а потом снова сбежали, но уже от нас. А теперь, видимо, решили вернуться.

— Ничего не понял. Ты где?

Бобби назвал адрес, хотя посоветовал патрулировать ту зону, где он уже находится, но Джон не послушал. Он спросил у безмянного напарника, как тому мысль пробежаться, и тот лишь очередной раз пожал плечами. Интересно, подумал он, кто из них победить в игру в

молчанку: Мультголова или этот в наморднике?

Им пришлось бежать кварталов десять, то и дело замирая перед углами каждого дома и осматриваясь. Пару раз они сталкивались с другими Охотниками, чуть друг друга не перестреляв, но все обошлось. Один раз мимо них проехал автомобиль чистильщиков. Когда они добежали до Бобби, рядом с ним находились Грасс, Афро, Эвила, Миранда и Бертон.

— Что вообще у вас тут творится? — начал он сходу.

— И я рад тебя видеть, — ответил Грасс. — Живым, я имею в виду.

— Мне чертовски пришлось постараться, чтобы не оказаться здесь призраком, хотя, возможно, я просто еще не осознал, что умер. И все же.

Ответить взялась Афро. Она рассказала про сирену, о том, что они были в столовой, когда все началось, и как одни Охотники и элитные бойцы напали на других. Дальше был побег, угон машины. Бертон первым заметил, что автомобиль с новичками, не считая Миранды, которая была вместе с ними, неожиданно пропал. Ну, а дальше получалось так, что эти самые пропавшие вышли на одного из Охотников и попросили найти Афро и остальных.

— Теперь ждем, — закончила она. — Только не понятно, почему сказали о трех других, а не о четырех. Ох, не нравится мне это.

— Не думал я, — покачал головой Бобби, — что на нашем корабле так много крыс, и что именно они его и потопят.

— Он еще на плаву, Бобби, — возразил Грасс. — Пока мы живы, пока жива Камиогава. До нее они не доберутся.

— Это диверсия, провокация — называй, как хочешь, — сказал Джон. — Они считают, что мы бросимся на подмогу и оставим город.

— Или наоборот, надеются, что не бросимся. Там много раненых, легкая добыча.

— Все раненые забаррикадировались в лазарете, — сказала Афро.

Спустя примерно десять минут в сопровождении трех Охотников прибежали Оливер, Мейсон и Сьюзен. Выглядели они потрепано, но все целы, только запыхались. Лица их покраснелись, а увидев впереди своих наставников, они и вовсе виновато понурились.

— Где Везел? — первым делом спросил Бобби твердым тоном.

— Он сбежал.

— Как и вы.

Оливер хотел что-то ответить, но, видимо, не нашел подходящих слов. Сбежать от взрослых

Охотников, когда город наводнен вооруженными одержимыми, — что может быть безрассуднее и глупее?

— Почему вы решили бежать? И ведь это не первый раз, Оливер.

— Первый раз я хотел спасти друзей.

— А сейчас ты кого спасал?

— Себя.

— От кого?

Оливер замялся.

— От кого, Оливер? От нас? Что мы тебе сделали? Ты ведь сам согласился стать Охотником, вы все согласились.

— Потому что у нас не было выбора, вы нам его не оставили, — выпалил Оли. — Да, я согласился, но я надеялся, что вы не станете нас обманывать. Да, и не смотрите на меня так. Камиогава случайно сболтнула, что они могут изгонять Теней и без моих способностей, но они специально этого не делали, чтобы посмотреть на меня в действии. Один из моих друзей погиб, и кто знает, возможно, если бы мне позволили спасти его от Тени раньше, а лучше, чтобы вы сами это сделали, не дожидаясь меня, он остался бы жив. Но теперь мы этого никогда не узнаем, хотя, вы наверняка знаете, но вряд ли скажете мне правду.

Оливер понимал, что снова не сдержал свои эмоции, но ничего не мог с собой поделать. Сегодня ровно месяц с того дня, как его жизнь круто поменялась, и все это время он жил с чувством, будто находится не на своем месте, и это в основном из-за того, что его обманывают. Кто знает, что еще от него скрывают, он бы не хотел в один прекрасный день погибнуть из-за какого-нибудь пустяка.

— Бобби, это правда? — ошеломленно спросил Джон. — Почему вы молчали? Мы могли спасти столько людей.

— Думаешь, мне это и самому нравится? — Бобби тяжело вздохнул. — Не забывай, что я такой же обыкновенный Охотник, как ты, и делаю, все, что мне приказывают. Да, мне доверяют больше других, именно поэтому я обязан сохранять все это в тайне.

— Ты так сокрушаешься каждый раз, когда погибает хотя бы один Охотник, но при этом тебе абсолютно плевать на обычных людей, а сейчас они погибают десятками, и большинство от наших рук. Мы ведь можем их спасти.

Бобби закрыл лицо руками, но простоял так не долго.

— А дальше что? — спросил он обессилено. — У них останутся воспоминания вселившихся в них Теней. Возможно, они не обратят на это особого внимания, как и на провалы

в памяти, но могут между делом сболтнуть это своим знакомым, а те удивятся, что с ними произошло то же самое. Знаешь, как появилась организация? Собралась кучка людей, которые повстречали на темных улицах чудовищ из тьмы и остались живы, и решили уничтожить их. Не прошло и года, как мы превратились в организацию, а еще через пару лет она стала международной. Слухи о потере памяти и странных воспоминаниях быстро разлетятся по всему миру, через месяц начнется настоящая паника. Конечно, мы можем их содержать в лечебнице, но в мире нет столько психбольниц, чтобы их всех туда поместить.

— По-твоему, гораздо лучше их просто убивать? Это решение всех проблем? Тогда чем мы лучше Теней?

— Не все так просто. Средство есть, но его необходимо ввести прямо в тело, чтобы это сработало, но кто сможет подойти так близко к одержимому, чтобы ввести инъекцию.

— И это твое оправдание? Звучит неубедительно.

— Я не оправдываюсь...

— Извини, Бобби, — перебил его Джон, — но ты предал все то, чему сам меня учил. После этой ночи вряд ли в городе останутся люди, не знающие о том, что сегодня произошло. Теперь я понимаю, почему они решили бежать, — он кивнул на Оливера и остальных, — только не могу понять, почему они передумали и вернулись.

Оливер лишь поведал, что желает спасти людей. Ему не нравилась организация, а точнее говоря, ее методы, но цели ее совпадали с его целями. Он осознавал, что в одиночку ему не справиться, даже всем пятерым эта задача не по плечу, а потому единственную поддержку он мог найти лишь в лице «Тенелова».

Несмотря на это, организация и сама мало понимала, что делать. Убивать Теней можно до бесконечности, но что дальше? Необходимо уничтожить голову змеи, но никто не знает, где искать Жнеца. Улицы заполнены одержимыми, но никто так и не встретил ни одного его приспешника. Он просто истощал силы противника, заставляя их бегать по улицам, и, надо признать, у него неплохо это получалось.

Было принято решение двигаться ближе к центру Бруклина, туда, где основной праздник. На самом деле все действие именно туда и смещалось с самого начала бойни: одержимые медленно, но уверенно продвигались со всех сторон.

Не теряя больше ни минуты, Джон двинулся вперед, остальные же, тщательно прикрывая подростков, двинулись следом. Связавшись по гарнитуре со всеми Охотниками в городе, отдали приказ, чтобы они тоже двигались к центру, по возможности сильно не рассредоточиваясь, дабы не стать легкой добычей.

— Ты с ним слишком строг, — сказал Грасс Джону, идя с ним вровень быстрым шагом.

— Строг? Строг я буду с Камиогавой, если снова с ней встречу. В одном Бобби прав: организация была создана кучкой людей, желавших уничтожить Теней. Никакой иерархии,

никаких приказов, лишь общее желание спасти мир. А сейчас что? Они больше пекутся о своем имидже, чем о жизнях людей. Еще немного, и уничтожение Теней отойдет на второй план. Я вступал не в эту организацию.

Грасс ничего не ответил, лишь тяжело вздохнув. Он первый заметил следующую опасность и открыл огонь, затем подхватили и все остальные, за несколько минут уничтожив около десятка одержимых; похоже, они тоже начали кучковаться в более крупные своры. Джон очередной раз проклял свою беспечность и привычку отвлекаться в самые неподходящие моменты, а потому начал пристальней следить за окружением.

Не прошло и пяти минут, как они очередной раз столкнулись с противником.

***

Жнец даже под землей иногда слышал выстрелы наверху; или ему это только казалось. Он уже не сидел в келье, а находился в низком просторном зале, где обычно служащие церкви отдыхали после тяжелого дня. В помещении не было никаких излишеств: уцелевшие скамейки, принесенные сюда сверху, несколько стульев, крепкий дубовый стол, несколько спальных мешков у одной из стен. Чудо, что землетрясение не завалило это помещение, лишь на нескольких стенах и потолке проступили трещины.

— Ты так и будешь держать меня здесь? — холодно спросила Блэкснейк, кутаясь в теплую куртку.

— Лишь до тех пор, пока не смогу убедиться, что ты не наделаешь глупостей, — ответил Жнец.

— Майлзу ты доверял.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так. Просто он не знал того, что знаешь ты.

Фолла поджала губы. Ей было плевать на остальных, она лишь желала, чтобы ее сестра жила, как ей и обещал Жнец, однако он чуть не убил ее тогда, взорвав базу. Лишь спустя два дня он сказал, что она жива и невредима. Блэкснейк никак не могла ожидать, что Хелин появится на базе, ведь она даже не принадлежит к организации, но, видимо, ее чувства к Джону сильнее, чем она сама считала.

Фолла хотела повидаться с сестрой, сказать, что с ней все в порядке, однако Жнец не мог этого позволить. Ей оставалось лишь выбрать между тем, чтобы на время забыть о сестре либо обречь ее поселиться в подземелье полуразрушенного собора вместе с ней. Фолла была эгоистичной, но сестре желала только добра.

Она знала, что люди Жнеца приглядывают за ней, чтобы та случайно не пострадала, но с ее способностью это было просто невозможно, и он прекрасно это понимал. Тогда зачем ей охрана? Вероятно, он надеялся, что Джон придет к ней, и тогда его схватят. Однако желай он

этого, давно бы пришел, даже будучи раненым.

— Что будет, когда Тени вырвутся из своего мира?

— Я же тебе уже объяснял.

— И неужели нужны все эти смерти?

— Смерть — это удобрение для жизни. Этот мир обречен, разве ты не видишь? Я лишь приближаю неизбежное.

Да, Фолла желала могущества, она любила командовать и подчинять, но убивать не входило в ее планы. От мертвеца никакого толку. Унижать, притеснять, заставлять — все это приносило ей какое-то извращенное удовольствие, но, как и всякий любитель жестокости, она не могла вынести, когда все это применяется против нее самой.

Жнец же совсем другой. Он не любит причинять страдания, но при этом без зазрения совести жертвует жизнями других.

Теням нужны тела, чтобы обрести силы, и Жнец каждое Рождество устраивает настоящее пиршество для этих ночных тварей, а те безоговорочно ему подчиняются, потому что знают, что каждое его действие приближает тот день, когда мир накроет тень, чернее безлунной ночи.

Все эти десять лет он собирал вокруг себя одаренных, или одержимых, как их называют Охотники, многие тела уничтожались под действием Тени внутри, но другие, самые сильные, стали для них настоящим домом. Одаренные сильнее любого человека, но помимо силы у них со временем появляются способности, как и у Охотников, зачастую даже превосходящие их. И чем дольше Тень находится в теле, тем сильнее становится одаренный.

И все они находятся где-то в городе, ходят среди людей, работают, платят налоги, даже имеют семьи. И ждут. Ждут, когда Мрачный Жнец позовет их. И этот день как раз оказался тем самым, когда они могут сбросить личину мягкотелого человека и показать все, на что способны. Охотникам несдобровать, как и обычным гражданам.

Но Фолле было плевать как на первых, так и на вторых. Она лишь надеялась, что ее сестра не сглупит в очередной раз.

***

Хелин было плохо, почти так же плохо, как тогда в катакомбах, когда умирали люди, один за другим, словно намеренно стремились в какую-то машину смерти, готовую перемолоть их кости и выжать всю кровь. Сейчас чувство было не таким сильным, но все же ее словно тянуло во все стороны, растягивало, еще немного и она порвется.

Повсюду звучали выстрелы, и она знала, что любой из них может унести жизнь. Опасность

бродила по городу, пересекала улицы и заглядывала в окна, а обнаруживая жертву, обрушивалась на нее, сея смерть. Где-то там ее сестра, где-то там Джон. Она не хотела, чтобы они погибли, но те словно намеренно искали костлявую.

Она успела перекинуться с Джоном всего парой фраз, она хотела сказать больше, но не могла подобрать слов, словно они вылетели у нее из головы, не дождавшись, когда она их поймает. Каким же тогда он был слабым и беспомощным, но Хелин была рада, потому что не чувствовала тогда грозящую ему опасность, а значит, и сама чувствовала себя рядом с ним защищенной.

А еще она думала о своей сестре. Ей не нравилась ее деятельность Охотницы, но на все доводы сестры Фолла лишь отвечала, что это не хуже, чем проституция. Об опасности она и думать не желала. А теперь она еще и предала организацию, перешла на сторону Жнеца, чьи планы не совсем понятны.

Она не могла больше этого выдерживать, сидеть в глухой квартире ничуть не лучше, чем находиться на улице, а потому она быстро оделась, взяла свой «Вальтер» с амбисидиновыми пулями, который ей подарил один из клиентов-Охотников, и вышла на холодные улицы Бруклина.

Безлунная ночь была темна, но для Охотников это не являлось проблемой. Хелин не любила термин Охотник, но Хомо Эребус звучало еще хуже, потому что словно говорило, будто она и не человек вовсе, а монстр, не лучше, чем Тени. Родилась-то она человеком, у нее не раз брали кровь на анализы, и никто не находил чего-то особенного, говорящего, что она не такая, как все. Единственное, что хоть как-то выделяло ее среди большинства, — редкая четвертая группа крови.

Хелин шла к центру города, потому что чувствовала, что именно там скоро окажется опаснее всего. Сама она не знала, что предпримет: если она начнет говорить, чтобы все убежали, спрятались в домах, то ее просто сочтут за городскую сумасшедшую. Нужно найти кого-нибудь из Охотников, явно бродящих по всему городу, и поведать им о своих ощущениях. Пусть она и не член организации, но это не отменяет ее способностей и желания помочь.

Впереди ее ждала опасность. Она чувствовала это на уровне интуиции, даже инстинктов, как чувствует заяц, что кто-то вперился взглядом ему в затылок. Вот только Хелин не умела так быстро бегать, и все, что ей оставалось, — прятаться.

Поблизости как раз находился узкий переулок, с заваленным снегом мусором. Она быстро скрылась за пакетами, и только потом увидела, что на снегу остались следы ее ног. Чертыхнувшись про себя, она достала из внутреннего кармана куртки пистолет. Она могла чувствовать грозящую кому-либо опасность, но не предвидела будущего — слишком много «если».

Она сняла темную шапку, чтобы торчащая среди мешком голова не так выделялась. Из-за угла дома вышел человек. Он был в теплой пуховой куртке, которую пересекал ремень автомата, и всматривался в ночь. Обычно одержимые не ходят с оружием наперевес, так что это мог быть и Охотник, однако Хелин чувствовала исходящую от него опасность. Можно было не

сомневаться, если он ее заметит, то убьет на месте.

Она резко убрала голову, но случайно задела рукавом один из пакетов, самый уголок, но снег соскользнул с него и посыпался на куртку из шуршащего нейлона. Сначала она хотела надеть пальто, но оно стесняло бы ее движения.

Человек услышал этот едва заметный шум; она не увидела, но почувствовала, как ей стала грозить настоящая смертельная опасность. Первой мыслью было бежать, второй — у него автомат, а переулок такой узкий, что от стены до стены можно дотянуться, просто разведя руки в стороны. Несколько раз Хелин уже приходилось убивать Теней, когда она шла домой рано утром, еще до восхода солнца, которое зимой встает намного позже, но при этом никогда не стреляла в людей, пусть даже и контролируемых Тенями.

Варианта было два: убить или быть убитой. Первый ей нравился больше, пусть и не намного. Она определила источник опасности и направила пистолет прямо сквозь мусорный мешок. Прогремел выстрел. Хелин вздрогнула, готовая уже упасть замертво, потому что она так и не успела спустить курок. Однако секунду спустя прямо перед ней рухнуло тело, окрашивая снег в красное. Это точно был одержимый, так как кровь вытекала словно нехотя, даже с учетом холода.

Она не вскрикнула, когда прогремел выстрел, однако не смогла удержать писк, словно мышинный, когда перед ней упало мертвое тело, пусть и умерло оно уже давно.

— Кто там? — послышался грубый мужской голос.

— Я не одержимая, — крикнула в ответ Хелин, медленно поднимаясь из-за мусора. — Я лишь пряталась от него.

— Не похожа ты на Охотника. Это оказался среднего роста парень лет двадцати с небольшим. В руках он держал пистолет, а за спиной у него висел автомат; от пистолета шел легкий дымок. Упомянув Охотников, он тут же замялся, осознав, что сболтнул лишнего.

— Я не Охотник, — быстро сказал она, — но у меня тоже есть способности.

— Независимая что ли?

Независимые Охотники. Хелин лишь мельком слышала о них от одного-двух своих клиентов, спрашивала у Джона, но тот лишь отмахивался, мол, они ему не интересны, так как зачастую погибают быстрее, чем успевают убить свою первую Тень. Они знают о Тенях, пусть и не так много, как в организации, знают, как с ними бороться, даже об организации знают, однако не желают в нее вступать: все по разным мотивам, зачастую это банальная обида, что их родных убила Тень, а «Тенелов» не смог их спасти. Не все из них обладают аберрацией.

— Не совсем, — ответила Хелин. — Я ни на кого не охочусь.

— А пистолет? Хелин вдруг поняла, что держит в одной из поднятых рук свой миниатюрный пистолет.

— Девушка же должна себя как-то защищать. — Парень хотел что-то сказать, но Хелин его опередила: — Пусть я и не в организации, мне необходимо связаться с Джоном Сэндменом, Синигами то есть, знаешь такого? Или лучше Демиург Бобби. Да даже Грассхopper подойдет. У меня для них информация. Хелин специально завалила его именами, чтобы тот понял, что она не какая-то там независимая или, хуже того, любительница острых ощущений. Острые ощущения на то и острые, что можно порезаться.

Кажется, он обдумывал ее слова. Хелин чувствовала грозящую ему опасность, но город был просто пронизан ею, словно она грозила всему и сразу. Эта опасность была легкой, если сосредоточиться, ее можно ощутить на любом человеке: поскользнется и ушибется головой, собьет машина, поранится при нарезке салата, ударится мизинцем об тумбочку — Хелин не способна сказать, что именно случится, может лишь определить примерный уровень угрозы. Чем сильнее опасность и чем она ближе, тем сильнее она это ощущает.

Этому парню угрожала опасность не больше, чем ей, но вдруг она почувствовала, что ее уровень возрастает с огромной скоростью.

— Быстрее! Прячься! — закричала она ему, но он едва ли шелохнулся.

Неожиданно откуда-то справа от нее и слева от него послышался звук, сначала далекий, но приближающийся с той же скоростью, что и опасность. Хелин вновь закричала, но Охотник, вместо того, чтобы ее послушаться, развернулся и взял в руки автомат. Послышался звук свиста колес, и затем и звук мотора.

Хелин видела, как он открыл огонь и закричал, а две секунды спустя его на огромной скорости протаранил здоровенный черный пикап, даже не притормозив. Тело подлетело на несколько метров в воздух и со шлепком ударилось об асфальт. Девушка, зажала ладонями рот, едва не закричав на весь квартал.

Она глядела на изломанное тело и не знала, что делать. У него было оружие, а также она заметила у него в ухе гарнитуру, но просто боялась выйти из переулка и подойти. Так и не решившись, она развернулась и побежала. Кто бы ни были те люди в машине, они знали, что делают, знали, кто перед ними.

Одержимые с автоматами, убийцы Охотников на машине, вероятно, тоже не простые люди, — все перевернулась вверх дном. Она не была частью организации, но ее сестра — да, однако когда она спросила, что вообще происходит, ее просто выставили за порог, скупно поблагодарив за помощь. Если бы она знала, что творится, может, и вовсе бы не покинула стен квартиры. Теперь же оставалось оценивать ситуацию лишь на собственной шкуре. Пока от того, что она видела и чувствовала, у нее неприятно сосало под ложечкой.

Она хотела найти Джона, хотела найти Фоллу, ведь та могла послушаться только ее одну. Глупая младшая сестра.

Хелин еще несколько раз избегала опасности, то прячась, то просто меняя маршрут, но, к своему облегчению, ей так и не пришлось воспользоваться пистолетом. На всякий случай она

держала его во внешнем кармане куртки.

Она шла к центру города, пока не наткнулась на полицейскую ленту. Ей не очень хотелось сталкиваться с полицией, ведь если те решат ее обыскать, то обнаружат незарегистрированное оружие, однако все обошлось. Зайдя за ленту, уже было невозможно сказать, была ли она по ту сторону. Чем дальше она шла, тем больше ей попадалось людей, радующихся празднику.

Красивая картинка веселья омрачалась лишь ощущениями Хелин. Она чувствовала опасность, грозившую не только ей, а вообще всем, кто находится на площади. Все они в смертельной опасности, и с каждой секундой она нарастает.

Хелин стало тяжело дышать, она шла, сама не зная куда, потому что угроза таилась во всех направлениях. Когда она, наконец, подняла взгляд и обвила толпу глазами, у нее просто перехватило дыхание: дальше по улице стояла там самая машина, сбившая Охотника у нее на глазах. Большая и черная, стекла наглухо затонированы, даже переднее.

Девушку пробила дрожь. В памяти все еще стояла картина, как изломанное тело молодого парня, моложе ее самой, шлепается на землю. Она, сама не зная зачем, оглянулась назад, и увидела вторую такую же машину, только абсолютно целую. Она видела только две машины, но из-за толпы и расстояния не могла разглядеть, что в дальней от нее части площади, зато чувствовала — не способностью, но обычной женской интуицией, — что машин гораздо больше.

Более не заботясь о том, что о ней подумают, Хелин подбежала к первому попавшемуся полицейскому.

— Скорее! — начала она с ходу. — Вы должны передать Охо... «Тенелову», что они здесь.

— Дамочка, о чем вы говорите? Успокойтесь.

— Да просто свяжитесь с организацией и передайте, что я сказала. — Казалось, полицейского не особо заботили ее слова, и он, как любой тупой коп, не привыкший думать своей головой, уже собирался попросить у нее документы, но Хелин не дала ему заговорить: — Видите вон ту машину? — она показала на черный пикап. — Там сидят... те, от кого вы и защищаете всех этих людей. Срочно, вы должны передать...

— Ладно-ладно, — поднял он руки в перчатках, — успокойтесь, мы сейчас все проверим.

— Не надо проверять, просто свяжитесь с «Тенеловом».

Дальнейшее не имело значение, потому что Хелин вдруг увидела, как открываются двери автомобиля, и из него выходят люди, точнее, одержимые, конечно. В отличие от того, которого застрелил Охотник, эти были без автоматов или любого другого огнестрельного оружия, зато у них имелось нечто, от чего похолодела кровь в жилах: мечи, топоры, ножи, моргенштерны и другое оружие, коим обычно пользуются Охотники, только вот они не отсвечивали золотистым цветом амбисидиана.

То, что началось дальше, можно было сравнить лишь с адом, и вошло в историю, как Бруклинская Рождественская Резня.

***

Бертону не нравилось находиться под землей штаба организации, потому что после произошедшего в подвале, когда его телом завладела Тень, ему вообще стало некомфортно находиться ниже уровня асфальта. Вообще, самое худшее с ним случалось именно под землей: нападение двух громил-одержимых на подземной парковке, сражение с Тенями в подвале под домом, спасение Джона в подземном лабиринте острова Эллис, противостояние в столовой организации, которая почему-то тоже под землей... И каждый раз Леброн чудом оставался в живых.

Однако сейчас он брел на поверхности в сопровождении нескольких вооруженных людей, но чувства защищенности он не испытывал даже чуть. Он бы даже предпочел вернуться в психлечебницу, чем оставаться на темных улицах Бруклина, которые иногда освещались лишь праздничными фейерверками, взрывающимися в вышине, но после вспышек становилось только хуже. Однако все остальные являлись Охотниками, и безлунная ночь для них не была помехой.

Выстрелы слышались уже не так часто, что напоминало затишье перед бурей. Охотникам то и дело о чем-то передавали через гарнитуры, но у него самого, как и у других, кто сегодня не собирался на ночную прогулку, данного аксессуара не было, поэтому они не слышали, о чем переговариваются Тенеловы, а те не спешили делиться.

Завернув за очередной угол, они наткнулись на заградительную полицейскую ленту, какие и сам Бертон в самобытность простым полицейским размотал немало, пока не стал детективом. Теперь все это казалось таким далеким.

Однако лента почему-то оказалась валяющейся на земле, разорванной надвое примерно на середине.

— Лучше защиты и не придумать, — хмыкнул Грасс. — И где полицейские?

— Их не так уж и много, — сказал Бобби. — После создания комендантского часа преступлений стало меньше, вот многих и сократили, но, думаю, мистер Бертон знает об этом лучше, чем я.

Бертон сначала посчитал, что Бобби издевается над ним, ведь все они прекрасно знают, как он лишился значка, но потом решил, что тот на подобное не способен, даже в отместку за то, что частный детектив ударил его по голове здоровыми кусачками.

Самому Леброну особо добавить было нечего, кроме того, что периодические преступления обычно не раскрываются, если не считать краж: ночью гулять было нельзя, а потому днем все старались насладиться пешими прогулками вдоволь, оставляя свои квартиры без присмотра, чем и пользовались грабители. Как позже уже узнал Бертон от организации, почти все трупы, что находят в городе, либо трупы одержимых, либо Охотников, которых не успела забрать

организация, как это было с Майлзом, якобы погибшим другом Джона.

Заходить далеко было нельзя, потому что даже в суматохе праздника Охотники с оружием привлекут слишком много внимания, а его и так привлечено чересчур всеми этими перестрелками. Сложно представить, как эти события отразятся на организации и простых гражданах. Множество трупов по всему Бруклину и расстрелянные машины — все это просто невозможно скрыть.

Через некоторое время к их компании присоединилось еще несколько отдельных групп Охотников, стягивающихся к центру, как и было приказано. Бобби вновь разделил их и отослал в различные районы, дабы те окружили периметр и следили, чтобы никто не смог проскользнуть. Людей явно не хватало.

— Я видел странную машину, — сказал один из Охотников. — Черный пикап. Он двигался в сторону центра. Возможно, это просто подростки решили нарушить правила и взяли отцовскую тачку, но я на всякий случай решил сообщить.

Ночью действительно запрещено передвигаться на автомобилях даже на Рождество, так что это было довольно странно. Сейчас по городу разрешалось ездить лишь спецмашинам организации, которые зачищали места столкновений.

Неожиданно откуда-то из-за домов послышались крики. Сначала они не отличались от обычных праздничных выкриков людей, но затем интонация стала резко меняться, а шум только нарастал и приближался.

— Что-то не так, — взволнованно сказал Бобби. Не успел кто-то что-то добавить, как он рванул в сторону шума, туда, где через пару кварталов начиналась площадь, на которой тысячи людей праздновали Рождество. Таких мест в Бруклине было несколько, но эта площадь вмещала больше всего человек.

Оливеру и остальной четверке приказали оставаться на месте в сопровождении Бертона, Афро, Эвилы и нескольких элитных бойцов.

Бобби, Джон, Грасс и еще несколько человек завернули за угол одного из домов, а спустя несколько секунд раздались первые выстрелы.

***

Первое, что заметил Джон, завернув за угол, это бегущих людей. Их было не много, но и до площади еще оставалось довольно далеко, а основной шум издавался именно оттуда. Не звучало никаких выстрелов, даже салюты уже закончились, поэтому были слышны лишь крики и топот ног по утрамбованному снегу.

Заметив Джона и остальных Охотников, люди почему-то с ужасов меняли направление, словно видели перед собой чудовищ, и даже автоматы с мечами в руках не возымели бы такого

эффекта, тут было что-то иное. Ответ не заставил себя долго ждать.

Охотники не успели еще толком осознать, что происходит, как из-за дома, откуда выбегали люди, показались темные силуэты с холодным оружием. Темными они были из-за одежд, точно таких же, какие предпочитали использовать Охотники. Джон вначале так и подумал, однако они у всех на глазах убивали бегущих людей, сражая их в спины и отрубая головы прямо на бегу, и лишь мгновением позже он заметил, что и мечи у них иные: вместо золотистого, они имели цвет серебра, но не трудно было догадаться, что созданы они из простой стали.

Джон кинулся в толпу прежде, чем даже Бобби успел отдать приказ. Спустя мгновение Грасс открыл огонь из автомата, стреляя по ближайшему нападающему. Здесь необходимо быть более чем осторожным, чтобы не попасть в гражданских.

Не нужно быть гением, чтобы понять, с кем они имеют дело. Одержимые. Однако это не те оборванцы, что прятались по подворотням и в канализации, а настоящие воины, можно сказать, — элитные бойцы Жнеца. Джон понял это сразу, как попытался атаковать первого из них, опять забыв о пистолетах и напав с мечом. Он до последней секунды был уверен, что удар окажется смертельным, пронзив сердце противника, однако в последний момент тот уклонился и парировал удар.

Джон чуть не потерял равновесие, однако вовремя развернулся, чтобы заметить летящий на него клинок. У Синигами была легкая катана, и чаще всего он предпочитал скорость и точность силе и грубым ударам, однако этот одержимый обладал тяжелым фламбергом с волнистым клинком, но при этом его вес едва ли мешал противнику махать им, словно пушинкой. Джон успел защититься своим мечом, но удар оказался такой силы, что у него онемела рука. Он уже готов был к следующему удару, однако одержимый неожиданно взмахнул мечом и одним мощным ударом сразил бегущего мимо человека.

Воспользовавшись этим моментом, Джон быстрым движением достал пистолет и выстрелил. Удивлению его не было предела, когда одержимый выставил меч, и пуля срикошетила от клинка. Не поднимаясь с земли, Охотник изловчился и нанес удар катаной по ногам. Одержимый подпрыгнул, однако не достаточно высоко, и Джон полоснул ему по щиколотке левой ноги, опрокидывая на спину. Не дожидаясь ответных действий, он выпустил в противника несколько амбисидиановых пуль, и только убедившись, что тот мертв, поднялся на ноги.

Все происходящее, до этого отошедшее на второй план, нахлынуло на Джона новой ужасающей волной. Крики страха, звон оружия и звуки выстрелов, казалось, звучали отовсюду, но то, что представало перед глазами, было еще хуже. Весь снег просто таял в лужах крови, а тела застилали всю землю вокруг.

Джон видел, как сражаются другие Охотники, непонятно откуда примчавшиеся, и многие из них умирали от рук одержимых, даже несмотря на наличие огнестрельного оружия. Вот один из них занес длинный клинок над одним из Тенеловов, и Синигами, не раздумывая ни секунды, выстрелил ему в грудь. Джон не видел, что стал делать спасенный Охотник, потому что и на него самого напали.

Это оказался довольно хрупкая на вид девушка максимум лет тридцати, однако в руках она держала огромную двухстороннюю секиру. Джон уклонился в последнюю секунду, острие едва не оставило его без носа и вонзилось в мертвое тело на земле, разрубив его почти пополам, однако эта одержимая была не слабее предыдущего, и едва нанесла удар, как тут же дернула оружие, сиюсь поразить голову противника уже другим лезвием ударом снизу вверх.

Джон подался назад, но спотыкнулся об одно из тел и упал на спину прямо в окровавленный снег, взметнувшийся в воздух сотнями красных комьев. Одержимая вновь нанесла удар сверху вниз, и Синигами едва успел отскочить назад, когда острие вонзилось в асфальт сантиметров на пять. Вдруг он снова вспомнил о пистолете у него в руке. Все три оставшиеся пули попали в широкое острие секиры. У Джона было еще два магазина, однако достать их совершенно не представлялось возможным.

Между тем одержимая вновь подняла свое огромное оружие, и Джон понял, что на сей раз его тонкий клинок не сможет оказать никакого сопротивления, а отпрянуть назад ему мешала груда трупов у него за спиной. И когда он уже приготовился к неминуемой смерти, мощный удар мечом снес одержимой голову, словно стебель кукурузы. Секира рухнула за землю, а секундой позже сверху упало обезглавленное тело, за которым стоял запыхавшийся Бобби с окровавленным клеймором в руках.

— Вставай, парень, — сказал он отрывисто. — На кону слишком много чужих жизней, чтобы так просто расставаться со своей. Джон поднялся на ноги. Он все еще был зол на Демиурга за, но сейчас на первом месте было дело.

— Как ты? — спросил он у Бобби.

— Спрашиваешь, не потерял ли я еще контроль над собой? Нет, но очень близок к этому. Лучше вам всем отправится на площадь, похоже, там дела обстоят хуже, чем здесь.

И действительно, издали все еще раздавались крик ужаса, а кто-то из Охотников уже открыл стрельбу. Пожелав удачи Бобби, Джон побежал на голоса, по пути меняя магазин у пистолета. Грасс и большинство других Охотников уже бежали впереди, периодически сталкиваясь с одержимыми, но теперь, когда им не мешали убегающие люди, они сражались не один на один, на одержимых нападали всем скопом, и у тех не было ни шанса, хотя по пути Синигами то и дело натякался на безжизненные тела Тенеловов. Одержимые старались бить наверняка, не оставляя ни шанса, даже если при этом погибали сами.

Завернув за очередной дом, Джон увидел впереди площадь, на которой разверзлась настоящая бойня. То, что происходило на улицах, даже близко не стояло к происходящему здесь. Сотни тел заваливали всю площадь, но многие все еще оставались живы, они боялись сделать даже шага в сторону, потому что повсюду вокруг происходили схватки, сражались мечами, топорами, даже копьями и другим оружием. Как только кто-то пытался сбежать, один из одержимых всеми силами старался достать его и убить, не заботясь прикрыть спину.

Пробегая между двух домов перед самой площадью, Джон увидел стоящий у бордюра черный пикап, о котором рассказывал один из Охотников. Возможно, это лишь совпадение, но если нет...

На сей раз Джон не забыл, что помимо меча у него есть и пистолет, не успел он перебежать дорогу перед площадью, как тут же открыл огонь, чем привлек к себе внимание ближайших одержимых. Он успел убить одного и ранить другого, когда на него напал третий. Он был без оружия, не считая гловелеттов. Джон выстрелил, но промахнулся, и одержимый одним резким движением выбил пистолет у него из рук мастерским ударом ноги.

Джон тут же воспользовался мечом, но противник оказался куда проворнее и старался подступить ближе, чтобы не позволить воспользоваться чересчур длинным для плотного боя мечом. В один момент, замешкавшись и отвлекшись на ложный выпад, Охотник пропустил удар кулаком в грудь и отлетел метра на два, рухнув на спину.

Синигами так часто били, что он сразу осознал, что это не простой сильный удар, который, судя по звуку, как минимум сломал ему одно ребро. Он обладал странным свойством: после удара Джон не почувствовал боли. Точнее, он вообще ничего не почувствовал, потому что почти вся правая сторона его тела и плечо попросту онемели.

Мышцы парализовало, и меч в обессиленной руке стал бесполезен. Он перевалился и схватил оружие левой рукой, которой тоже владеет неплохо, но до Грасса ему, конечно, далеко.

Одержимый ощерился, а затем быстрее пинком выбил меч из руки, как минуту назад сделал это с пистолетом. Джон снова оказался поверженным на земле, третий раз за ночь, да даже за десять минут. Он привык иметь дело со слабыми одержимыми, которые еще не очень хорошо освоились в человеческом теле, но эти совсем иные. Тот, что стоял сейчас над ним, обладал сильной абберрацией, позволяющей при ударе парализовать участки тела, а это значит, что он уже давно в этом «сосуде», и, видимо, остальные точно такие же.

Возникал только один вопрос: зачем? Почему они сражаются в ближнем бою, а не используют автоматы и другое огнестрельное оружие, как это делали другие одержимые до них?

Но этот вопрос возник совсем не вовремя, потому что сейчас необходимо было решать проблемы посерьезней. Одержимый вновь ощерился, но не успел он сделать и шага, чтобы накинуться на Джона, как вдруг над Охотником пронеслась неизвестная тень: кто-то его перепрыгнул, как простой мешок с мусором, мешающимся под ногами.

Джон поразился, узнав в этом прыгуне Мейсона. Перепрыгнув через Синигами, он с силой ударил кулаком одержимому прямо в лицо, отчего тот отлетел не хуже самого Джона секунды назад.

— Ты как? — Джон перевел взгляд и увидел склонившегося над ним Оливера с взволнованным и одновременно испуганным выражением на лице.

— Что вы здесь делаете?

— Тебя спасаем, идиот! — На сей раз голос принадлежал Афро. — Чего разлегся?

— Эти одержимые... — начал Джон.

— Знаем, знаем, — перебила она его. — С такими сильными мы редко встречаемся, а здесь их несколько десятков.

Джон, не без помощи, поднялся на ноги, однако правая верхняя часть тела по-прежнему не слушалась. Оливер вернул его меч в ножны, а Джон пока решил обойтись пистолетом. Не теряя времени на пустую болтовню, Афро уже вступила в схватку. Она размахивала своей кусаригамай с таким изяществом, то выбрасывая вперед грузик на цепочке, то тщась достать противника серпом в ближнем бою, что Джон невольно залюбовался, но быстро себя одернул: каждый удар серпом или грузиком был нацелен на убийство.

Вместе с Джоном остались Оливер, девочки, Эвила и Бертон.

— Вы что, охраняете меня? — возмутился он. — Детям тут лучше не находиться, уведите их.

— Эти дети спасли тебе жизнь, — сказала Эвила скрипучим голосом. — Если бы не Мейсон, ты, возможно, уже был бы мертв.

И правда, этот драчливый парень подрос как нельзя вовремя. Ударив одержимого в нос, он добил его своей булавой, а затем, как и Афро, ворвался в схватку.

Бой продолжался, и весы явно склонялись в сторону Охотников, так как тех прибывало все больше, и у них имелось огнестрельное оружие, а Жнец, видимо, отправил сюда всех своих элитных бойцов разом. Однако были еще и те, что устраивали засады на улицах, но они словно сквозь землю провалились, что, видимо, так и было. Они вернулись в канализацию, хотя могли устроить здесь перестрелку, и тогда жертв оказалось бы куда больше.

Одержимые бегали туда-сюда, нападая на всех без разбора, однако, как заметил Джон, стараясь избегать тех, что выглядел наиболее опасно, упорно атакуя простых людей. Несколько одержимых пытались напасть на стоящую в стороне группу Джона, где находились, казалось бы, столь слабые дети, женщина, раненый Охотник и простой человек.

Способности Миранды, к сожалению, ограничивались лишь отпугиванием простых Теней, когда как одержимые лишь слегка отстранялись от необычного невидимого барьера, но все же быстро пересиливали себя и перли в лоб. Однако и этой замешки вполне хватало, чтобы Джон и Бертон успевали расстреливать отвлекшихся врагов.

Джон не мог забыть того, что организация владеет технологией, способной изгнать Теней из человеческих тел, но сейчас на кону стояли жизни Оливера и остальных, так что иного выхода не оставалось. Охотника мало утешало предвкушение того, как он выскажет свои мысли Камиогаве и даже, возможно, тем, кто повыше, если те все же решатся высунуть свои морщинистые рожи из непроницаемого кокона, дабы послушать рядового солдата.

Спустя примерно час бойня закончилась, однако то, что последовало за ней, перевернуло мир с ног на голову.

Было не важно, на чьей стороне жертв оказалось больше, потому что проиграли все, кто погиб в ту ночь.

Глава 8: Последствия

Хелин очнулась, резко открыв глаза, и сразу же их зажмурила из-за яркого света. С трудом, но она осознала, что находится в больнице. Пахло... больницей, привычный запах всевозможных лекарств, ударяющих в нос. Через несколько секунд до ее слуха донесся писк аппаратуры, только не было понятно, подключена ли она к ней или к кому-то другому. В ушах стоял гул, и девушка даже не сразу поняла, что причина его — другие люди.

Заставив себя раскрыть веки, Хелин повернула голову сначала влево, увидев капельницу, кардиомонитор и всевозможные датчики. Справа же можно было разглядеть таких же несчастных, заполняющих всю палату, которая явно не была предназначена для такого количества пациентов. Большинство спали или находились без сознания, определить было невозможно, остальные же постанывали, кашляли и звали врачей. Дверь в коридор оказалась открыта, и там тоже, судя по звуку, находились люди, бегали и переговаривались врачи, дребезжали перевозимые койки.

Хотелось пить. Хелин попыталась осмотреться, но ничего не обнаружила. Примерно спустя полчаса к ней подошел доктор.

— Да вы очнулись, — изумился тот. — Вы невероятно быстро восстанавливаетесь, никогда подобного не видел. Хотя нет, вру, когда случилась Катастрофа — я тогда работал в другой больнице, — был у меня...

— Что со мной? — спросил Хелин хрипло, прерывая излияния врача.

— У вас черепно-мозговая травма и сломано несколько ребер. Вас буквально затоптали в толпе.

Хелин силилась вспомнить, что произошло в ту ночь. Одержимые (а это, несомненно, были они), одетые как Охотники, вышли из машины с оружием и направились к толпе. Она указала на это полицейскому, и тот даже не сразу осознал, что происходит, он потянулся за пистолетом и приказал остановиться, но те, казалось, его даже не заметили.

Девушка кричала ему, чтобы он сообщил по радиации о происходящем, но тот, видимо, решил, что и сам прекрасно справляется. Он сделал предупредительный выстрел в воздух, а затем началось. Одержимые бросились на людей, и этот молодой коп оказался одной из первых жертв. Хелин побежала вглубь толпы, которая очень быстро начала паниковать. В какой-то момент девушка упала, а дальше она уже ничего не помнила.

— Как давно это произошло? — спросила она у доктора.

— Да три дня как прошло. У нас не было столько пациентов с Великой Мировой Катастрофы. Просто ужасно, а самое главное, говорят, что в этом каким-то образом замешана организация «Тенелов».

— «Тенелов»? О чем вы?

— Ну, это лишь слухи, — поскреб доктор подбородок. — Поговаривают, что эта структура на самом деле не ловит преступников, а наоборот. Мол, они устраивают ночью какие-то бои между людьми, дают им различное оружие, а затем эти люди сражаются на улицах городов на усладу толстосумов. А еще за всем этим стоят правительства всех стран, которые воспользовались своей безграничной властью и устроили комендантский час, дабы беспрепятственно проводить свои смертельные турниры. А вот в это Рождество они решили пойти дальше, и вовлекли во все это мирных граждан, для азарта, так сказать. Не знаю, как вы, девушка, но мне кажется, что эти слухи вполне правдивы.

Хелин от услышанного просто потеряла дар речи. Организация устраивает на улицах бои без правил, да еще и по всему миру, а заправляет всем правительство! Да такая чушь могла прийти в голову только самому больному на голову тупице, и нужно быть не менее сумасшедшим глупцом, чтобы в этот бред поверить.

И, несомненно, все эти слухи распространяет Жнец. Но зачем? Чтобы подорвать к организации доверие? Нет, здесь не просто подорвется доверие, люди взбунтуются, будут требовать справедливости и свержения правительства, наказания, самого жестокого, какое только возможно. Они станут игнорировать комендантский час, начнут выходить на улицы по ночам, и тогда у Теней станет намного больше жертв.

— Что-то я разболтался, — спохватился доктор, заметив на лице Хелин ужас. — Устал совсем, третий день на ногах. Вам нельзя волноваться, девушка, у вас серьезные травмы. Когда вас принесли одной из первых, мы думали, вы уже того... Но обошлось. Лучше вам пока не думать ни о чем плохом. В любом случае, правда скоро всплывет наружу.

Доктор ушел проверять других пациентов, оставив Хелин переваривать услышанное. Она вышла на улицу, чтобы спасти людей, но в итоге это ее пришлось спасать.

И кто это ее принес в больницу полуживую? Не Джон ли? Хелин очень хотела, чтобы это оказалось именно так. Интересно, думала девушка, что теперь будет с ним, вообще с организацией и со всеми Охотниками?

Теперь мир изменится, не пройдет и месяца, как начнется какая-нибудь революция с насильственной сменой власти, погибнет еще больше людей, чем в недавней резне, и для Теней наступит настоящий пир. У правительств всех стран и организации есть только один вариант действия — рассказать правду о Тенях и надеяться, что все обойдется.

Сейчас же Хелин мечтала лишь об одном — связаться с Джоном и узнать, все ли у того в порядке. Хотя какой тут может быть порядок...

***

Более сотни убитых. Раненых еще больше. И это только члены организации. Не будь у многих бронезилетов и сильных обезболивающих таблеток, жертв было бы и того больше.

Среди мирных граждан погибло около трех тысяч человек по всему Бруклину, а раненых, естественно, куда больше. Многие пропали без вести. Имущества уничтожено на сотни миллионов долларов. И это только начало.

Штаб организации «Тенелов» впервые за свое существование подвергся нападению. Атакующие разнесли все, до чего могли добраться, однако ни один офисный сотрудник не пострадал, забаррикадившись на самом верхнем этаже. Когда назад вернулись Охотники с улиц, на территории оставались лишь трупы: своих и предателей, однако отличить одних от других было просто невозможно.

На следующий день все каналы и газеты пестрели новостями о рождественской бойне в Бруклине. Свидетельств всего произошедшего в городе было не счесть. Рассказывали о людях в черных одеждах с различным холодным оружием, которые орудовали им и убивали людей. В новостях показывали расстрелянные машины и дома, все трупы с улиц просто не успели убрать, и они тоже пошли в сюжеты гиен из новостных каналов и газет.

И в первых же репортажах с мест происшествия заговорили о причастности ко всему этому таинственной организации «Тенелов», мол, по всем ведомствам разослали анонимные сообщения о виновниках ночного кошмара. Организации в срочном порядке пришлось искать оправдания. И они были.

Камиогава, будучи запертой в штабе, не теряла времени даром. Она связалась с главами организации, вместе с которыми разработала стратегию поведения. Как только журналисты оккупировали подъезды к территории, она позволила им всем пройти. Глава филиала встретила их у самого входа в здание: повсюду разбитые стекла, следы от пуль, кровь на снегу — в общем, фон показательный. Журналисты оказались просто поражены.

Камиогава сразу же заявила, что организация на самом деле занимается поимкой террористов и других преступников, угрожающих гражданам всего мира. Она поведала, что вчера произошел самый настоящий теракт радикально настроенных фанатиков, стремящихся дестабилизировать состояние в мире. Они верят, что произошедшая десять лет назад Катастрофа — дело рук людей, которые, если от них не избавиться, уничтожат планету и всю жизнь на ней.

Не все с готовностью поверили в подобное заявление, ведь никаких лозунгов никто не провозглашал, никаких заявлений не делал, да даже хотя бы одного террориста так и не удалось захватить. И как именно выглядят террористы, а как члены организации? Ведь в ту ночь сражались две группы, одетые практически одинаково и использующие необычное для этого времени оружие наряду с огнестрельным. В общем, заявление Камиогавы посчитали менее правдоподобным, чем анонимное сообщение об уличных боях без правил, хотя и тут все обстояло не так гладко.

— Это настоящая катастрофа! — закричала Камиогава. — Мы были уверены, что Жнец попытается открыть порталы, пусть и не знали как, но он обвел нас вокруг пальца. Еще немного, и все узнают о наших истинных делах.

На этот раз решено было не проводить общее собрание, тем более что пол в столовой до сих

пор не отмыли от крови, поэтому в кабинете Камиогавы находились лишь основные лица организации, а также представители других филиалов. И Бертон.

С той ночи прошло трое суток, за это время удалось подсчитать все потери организации, и они оказались удручающими. Камиогава, обычно чересчур спокойная, рвала и метала, и ничего не могла с собой поделаться. Ее работа на посту главы филиала организации подходила к концу, у нее оставалось не так уж много времени, прежде чем ей найдут достойную замену. Она особо и не спорила, слишком много в последнее время оказалось сделано ошибок, но, видимо, последние свои дни она решила посвятить разносу всех и вся.

— Что будет, когда правда всплывет наружу? — задавала она вопросы в воздух, шаркая каблуками туда-сюда перед своим креслом. — Людям будет плевать, что мы защищали их десять лет, они начнут нас обвинять, что мы скрывали от них правду. Кто знает, что им придет в голову. Мне звонили сверху, а им с еще большего верха, и вот они опасаются, как бы из-за этого Жнеца не началась гражданская война. Не знаю, Джон, что сказал тебе Жнец, но никаких новых Дыр открыто не было.

— Не удивительно, что он не сказал мне правду, — спокойно ответил тот. — Зато насчет Рождества не прогадали, и если бы мы не вмешались, жертв было бы гораздо больше.

— Ты это журналистам скажи! — выпалила она. — Им плевать на правду, у них сенсация, первая столь серьезная с момента Катастрофы. Вы видели недавние газеты? Каждое даже самое крупное издательство превратилось в желтую прессу, строя idiotские теории и предполагая заговоры.

Джон никогда не видел Камиогаву такой всклокоченной. С самого первого дня ее руководства она казалась хладнокровной и решительной, не идущей на компромиссы, однако недавние события полностью ее изменили.

Она второй час перечисляла все, к чему привела Рождественская Резня (и почему люди так любят придумывать яркие названия всем крупным событиям?), пока не дошла до конкретных лиц.

— А вы? — зыркнула она на Оливера и остальных из бывшей пятерки. — Решили сбежать, да еще и в самый разгар битвы. О чем вы думали? Где нам теперь искать Везела?

— Этого бы не произошло, — хмуро ответил Оли, — если бы вы ничего от нас не скрывали.

— Что мы скрывали? Мы рассказывали вам все, что вам необходимо было знать на тот момент.

— А как же способ извлечения Теней из одержимых?

Камиогава немного замялась.

— Это все на стадии тестирования, — ответила она. — Твоя способность куда безопаснее и быстрее с этим справляется.

— Тогда почему вы не дали сразу спасти всех тех людей в катакомбах, в том числе и моих друзей?

— Потому что...

— Хватит, — прервал ее Джон. — Все это просто пустая болтовня. Что сделано, то сделано, правильно это или нет. Меня тоже обманывали и я тоже этим не доволен, но давайте разберемся с этим позже. Сейчас нам следует сосредоточиться на Жнеце и его дальнейших действиях.

В первый день Джон хотел устроить Камиогаве настоящий разнос с криками, топанием ног и даже угрозами, чтобы она осознала, что главной она остается лишь до тех пор, пока есть те, кто слушает и выполняет ее приказы. Однако первые два дня она вообще никого не принимала, общаясь лишь с верхами организации, и этого времени Джону вполне хватило, чтобы остыть и все тщательней обдумать.

Нет, рвать и метать ему до сих пор хотелось, но он решил отложить это до более подходящего времени. Проглотить и забыть было не для него.

***

В комнате под собором становилось все теснее. Жнец был доволен Рождеством: он расшевелил мир. Но этого все еще не достаточно; не все верили его анонимному сообщению, требуя доказательств. Он им их предоставил. Сегодня днем он разослал по всем новостным агентствам интересную запись, которая должна убедить очень многих сомневающихся.

Террористы! Оказалось вполне ожидаемо, что организация придумает нечто в этом духе, однако и подобному заявлению тоже не все поверили, обнаружив множество несоответствий, и найдут еще больше, когда поглубже зароятся в дела организации. А это обязательно произойдет, ведь любопытство людей не знает границ.

А еще Жнец был рад избавиться от одаренных, достаточно старых, чтобы обрести способности, как у Охотников, и даже превосходящие их. Они могли стать угрозой для него, особенно когда он откроет Дыру и впустит Высших Теней, которым тут же понадобится нормальное тело, а что может быть лучше, чем тело, много лет носившее в себе Тень и до сих пор не разрушившееся? Такое и Высшую Тень выдержит, и тогда у Жнеца не будет такого преимущества, как сейчас.

А главное его достижение во всей этой бойне — Охотник, которого он захватил, один из той пятерки, — Везел, обладающий поразительной силой, которой грех не воспользоваться в своих целях, ведь Жнец не столь глуп и самонадеян, чтобы пытаться договориться с Тенями, не имея за пазухой запасного плана.

Жнец приказал по возможности хватать Охотников, особенно эту пятерку, причем именно их обязательно живыми. Его «люди» очень удачно наткнулись на Везела, когда тот пытался

уехать из Бруклина, они его чуть не пристрелили, выскочив на дорогу, но тут вдруг резко почувствовали сильную слабость и помутнении рассудка. Прибежавшие позже другие одержимые опознали в водителе, который оказался без сознания в машине, врезавшейся в столб, Везела.

— Где я? — испуганно спросил тот, очнувшись в комнате под собором.

— Я Жнец, — сказал Вольфганг, привычно сидя в одном из кресел, — а это мое логово.

В глазах Везела читался неподдельный ужас, и Жнец сразу понял, что с этим человеком особых проблем не возникнет.

— Не все из находящихся здесь, — он указал на остальных людей в помещении, — одаренные, точнее, одержимые, как вы их называете, так что свои фокусы побереги на потом.

Несмотря на это, Жнецу было любопытно, как способность Везела убивать Теней и на некоторое время выводить из строя одаренных отразится на нем, который с одной стороны Охотник, но с другой имеет в себе Тень, однако узнавать этого пока не спешил.

Везел являлся очень ценным приобретением, ведь если вдруг Высшие Тени решат убрать Жнеца с дороги и не заключать договора с презренным человечешкой, он тут же прикажет Везелу их уничтожить. Правда, Высшие Тени превосходят обычных, так что план был не совершенен, но все же должен сработать. А иначе миру придет конец, Тени уничтожат его очень быстро, а затем, если не откроют новую Дыру в следующий мир, исчезнут и сами.

— Чего ты добиваешься? — спросила Хелин. Она не знала об истинных мотивах Жнеца, никто не знал. — Если люди прознают о Тенях, они будут наготове.

— Тени все равно одержат верх, — ответил Жнец.

— Возможно, но погибнет их при этом намного больше. Организация может рассказать людям, как с ними бороться, а многие попросту запрячутся в бункерах, куда даже Теням не пробраться.

— Это не важно, у них будет достаточно сосудов.

На самом деле Жнец не знал, сколько всего Теней на той стороне, ведь сами они были довольно дики и считать попросту не умели. Лишь малый процент людей окажется подходящим сосудом для этих ночных тварей, остальные же пойдут на корм, а более-менее стойких используют для зачатия новых людей, которых будут ожидать оставшиеся без сосудов Тени, не осознавая, что все они будут иметь ген Хомо Эребус.

Спустя какое-то время они это поймут, но тогда останутся лишь самые стойкие одаренные, однако их явно будет меньше, чем Тенеловов. Жнец надеялся, что новые поколения Охотников, рожденные напрямую от Теней, практически с самого детства будут иметь аберрации, и не какие-нибудь, а не менее полезные, чем у Везела и остальной пятерки. Конечно, и среди других Охотников периодически попадаются те, кто обладает очень сильной аберрацией, например,

Фолла, одним взглядом способная взять под контроль человека и даже одаренного Тенью, жаль, что лишь одного за раз.

— А Охотники? — неожиданно поинтересовался Везел дрожащим голосом. — Они же не могут вселиться в Охотников.

— Охотники выбрали свою судьбу, — ответил Жнец. — У них был выбор, и они его сделали, но сейчас уже слишком поздно, таймер запущен. Выживут лишь те, кто на моей стороне.

— Я... я тоже хочу быть на вашей стороне, — скороговоркой проговорил Везел. — Мне умирать совсем не хочется. Меня во все это втянули без моего согласия.

Жнец усмехнулся.

— Ты и так уже на моей стороне, хочешь ты того или нет. Мне лишь нужны твои способности, используешь их, когда я тебе скажу, а там посмотрим, стоит ли тебе доверять или нет.

В случае провала переговоров с Высшими Тенями, у Жнеца был запасной план. Он был похож на основной, только куда более долгосрочный, а это значит, он попросту не сможет предвидеть, как все пойдет, не сумеет направить его в нужное русло. О его истинных мотивах не знал никто, кроме Шуда, который должен был занять его место после скорой кончины Жнеца, но Шуд мертв, и Вольфгангу необходимо было найти нового преемника и поведать ему о своей задумке.

Но кто еще решится пожертвовать целым миром, чтобы его спасти?

***

Джону очередной раз перевязали раны и посоветовали поменьше напрягаться. Подобными советами он пренебрегал уже давно, и сейчас тоже не спешил изменять своим принципам. Вместо того чтобы отдохнуть в своей комнате, как и остальные не особо серьезно раненные, он помогал разбирать завал в штабе.

— Не перенапрягайся, — посоветовал ему Мефистофель.

— Заткнись.

— Силы тебе еще понадобятся. Ты же не думаешь, что Жнец на этом остановится? Ничто не кончено, пока он жив. Если расслабишься, он этим воспользуется.

— Без тебя знаю. Ты то говоришь не перенапрягаться, то не расслабляться; определись уже.

А ведь Мифисто уже говорил ему не расслабляться, когда Джона спасли и он оказался в

своей новой комнате в штабе. Еще он говорил, что Жнец попытается его убить или захватить вновь, а Джон был уверен, что нужен ему для чего-то иного. И кто оказался прав? Джон до сих пор жив, но все же едва не лишился жизни на Рождество, а если бы Жнец не желал ему смерти, то приказал бы своим людям его не трогать.

Или же он был уверен, что Синигами выживет в любом случае?

— Расслабь тело, — сказал Мефисто, — но разум свой сделай острее, как никогда раньше. Ты не привык сталкиваться с умными противниками, поэтому до сих пор проигрываешь Жнецу. Даже мне трудно предугадать его дальнейшие шаги, а ведь я умнее тебя.

Не успел Джон разозлиться и ответить, как Мефистофель растворился в воздухе, оставив после себя знакомый привкус.

Все было плохо, а потом стало еще хуже. Рано утром Джон сидел в своей комнате и просматривал новости, завтракая у себя, так как столовая все еще смердела кровью, и есть там было просто невозможно. Он успел съесть лишь половину, когда увидел по телевизору то, что заставило его все бросить и бегом направиться в кабинет Камиогавы.

— У нас проблемы, — выпалил он, как только распахнул дверь.

— Уже знаю, — ответила она. Камиогава была как обычно одета в свою строгую одежду, а на столе перед ней лежали груды всевозможных бумаг. — Как это могло произойти?

— В тот день я отправился обследовать место, откуда похитили Машери, но там меня уже поджидал Майлз. Его отправил Жнец, как сказал сам Тор, чтобы он прикончил меня, но в том состоянии это оказалось ему не под силу.

— Судя по кадрам видео, его истинная цель заключалась в ином: снять вас на пленку, как доказательство существования ночных боев. Теперь мы не сможем отговориться, мол, мы боремся с террористами. Личность Майлза уже установлена.

— Так быстро? — удивился Джон.

— Помнишь, когда Тор «погиб» в первый раз? Его тело успели заснять журналисты. Тогда не было большой шумихи, потому что мы успели все уладить и изъять все материалы и записи. Как оказалось — не все. Среди дотошных журналистов оказались настоящие черные копатели. Они выяснили личность Майлза, пусть и не могли пустить это в эфир, но теперь, после всего случившегося, у нас попросту не было времени отслеживать все СМИ, да и не думали мы, что у Жнеца еще остались тузы в рукаве. В общем, сейчас записи мнимой смерти Тора тоже попали в эфир, и все гадают, как так получилось, что человек, якобы погибший двадцать первого ноября, спустя почти неделю сражается в башне «Минуты Икс».

— Но откуда они знают, что запись не была сделана раньше?

— Ты разве забыл, когда рухнул циферблат?

— А, точно, — вспомнил Джон.

— Да, — протянула Камиогава, — похоже, отстранение меня от должности более справедливо, чем я даже считала.

Дела шли все хуже и хуже. Мефисто оказался прав: трудно предугадать дальнейшие шаги Жнеца, а он явно не собирается останавливаться. Еще чуть-чуть, и его стопа раздавит организацию, а затем и весь мир. Он не создал новые Дыры и не выпустил Теней на Рождество, как обещал, но это не значит, что он не собирается этого сделать.

Пора тоже начинать идти ему навстречу, чтобы остановить. И у Джона уже был план. И раз уж Камиогаву отстраняют, ей больше нечего терять.

***

Оливер чувствовал себя погано. Мало того, что он вместо побега решил неожиданно даже для себя изменить планы, так еще и оказался абсолютно бесполезен в бою. На него так никто и не напал, а остальных убивали Охотники, и посему от его присутствия не было абсолютно никакой пользы. Правда, Мейсон, можно сказать, спас жизнь Джону, чего не произошло бы, если бы они не вернулись. Но не пытайся они сбежать, подобной опасной ситуации и вовсе могло не возникнуть.

Гадать можно вечно, но случилось то, что случилось. Оливер вновь в своей комнате, которую, как он думал и надеялся, покинул навсегда, а за дверью вновь охрана. Теперь уверенности в них было меньше, однако их всех заверили, что это люди, проверенные в бою. Теперь им не просто позволили хранить у себя в комнатах оружие, но и носить его с собой всюду, не снимая. Уверенности это явно прибавляло, но также и пугало, потому что с оружием ходили все.

Оливер пересек коридор и постучал в дверь Сьюзен, однако на сей раз не ради того, чтобы запланировать побег. Дверь распахнулась не сразу, и Оли по опухшим глазам девушки догадался, что она только что плакала. Они привычно уселись на кровати.

— Как твои друзья? — спросила она. У Оливера не было времени сходить к ним раньше, хотя он и знал, что с ними все в порядке, поэтому он спустился в лазарет только сегодня незадолго до захода солнца.

— Они не пострадали. Дверь в лазарет оказалась заблокирована, поэтому враги туда не смогли проникнуть. Камиогава обещала мне, что их скоро отправят домой, надо только утрясти формальности. На этот раз я ей поверю.

Сьюзен лишь покачала головой. Она была подавлена со дня побега, но из-за постоянных расспросов о произошедшем, им так и не удалось поговорить наедине. Две ночи подряд они отвечали на вопросы и писали отчеты, периодически прерываясь ради того, чтобы и их самих

отчитывали за своеволие.

— Ты не виновата, — прервал он неловкое молчание неловкими же словами. — Если бы не ты, Мейсон был бы уже мертв, а возможно, и все мы.

— Я снова убила человека, — ответила она и тут же расплакалась. Оли неуверенно ее приобнял одной рукой, стараясь утешить. — Я поклялась себе, что больше ни за что никого не убью.

— А я, что сбегу, но затем передумал. Не все, к чему мы стремимся, воплощается в жизнь. Иногда у нас просто нет иного выхода.

Они просидели так еще несколько минут, а затем Оливер ушел. Но в коридоре он встретил Бертона.

— А, Оливер, как дела?

— Вы в столовую? Тогда я с вами. — Оли не особо хотел есть, но от чая с бутербродами не отказался бы.

— Слышал новости? О видеозаписи?

— Нет, — покачал головой Оливер. — Что за видеозапись?

— На ней Джон дерется с Майлзом. Ты же слышал о Майлзе, так же известным, как Тор? Так вот, эта запись попала журналистам — Жнец постарался, не иначе, — и ее весь день крутили по телевизору вместе с записью, где тело Мейсона обнаружили мертвым на улице за неделю до этого, только вот, как оказалось, он вовсе не умер. Теперь почти все уверены, что организация — это лишь прикрытие для уличных смертельных боев без правил. Теперь правительству не отвертеться.

Оливер был поражен этими новостями. Он пробыл в организации около месяца, и за это время несколько раз чуть не погиб, дважды сбежал, потерял друга и наблюдал настоящую войну за человечество, а теперь что? Их могут прикрыть, а то и хуже, посадить. Но если правда о Тенях раскроется, этого можно будет избежать, однако организация больше всего боится правды, потому что трудно предположить, какова будет реакция людей, если они узнают, что бок о бок с ними живут существа из другого мира, вселяясь в одни тела людей, а другие попросту пожирая заживо.

В столовой все еще слабо пахло кровью и смертью, или просто так казалось. Сделав заказ, Оливер и Леброн взяли их с собой и пошли обратно в жилой коридор.

— До сих пор в дрожь бросает, — признался Бертон. — Аппетит как-то сразу пропал, но есть все же нужно. Война еще не закончена, и второй акт не за горами.

— Откуда вы знаете?

— Мы еще живы, и мы ослаблены.

***

Следующий день не принес ничего хорошего. Запись боя разлетелась по всему миру быстрее скорости света, всколыхнув умы всех людей. Начало появляться все больше видеозаписей, где люди в черных одеждах ходят ночью по городам разных стран. Даже удивительно, что это не всплыло раньше, хотя организация делала все возможное, чтобы этого избежать, и в итоге подобные видеозаписи, пусть и в плохом качестве, до этого момента можно было обнаружить лишь в «темном» сегменте интернета.

Конспирологи всего мира ликовали, словно лично раскрыли теорию заговора, хотя до сих пор так и не смогли сойтись во мнении, чем именно занимаются люди в черном, и каковы функции организации «Тенелов». Большинство, конечно, считали, что они просто сражаются друг с другом ради денег, а организация как раз и устраивает эти бои. Но были те, кто пытался разглядеть в этом нечто большее и связать эту тайну с пропажами людей по всему миру, мол, их похищают, а затем охотятся на них.

В общем, идиотских теорий возникало много, идиотов, верующих в них, — еще больше, но последствия от этого не менялись. Штаб-квартиры по всему миру были облюбованы журналистами, теми же конспирологами, уфологами и просто недовольными гражданами, которые, кажется, в лице организации нашли виновника всех бед в мире: от пропаж и смертей людей до исчезновения носков из стиральных машин и несварения желудка.

В такой ситуации трудно было оставаться с холодной головой.

— Ты с ума сошел? — воскликнула Камиогава.

— Не больше, чем остальные, — спокойно ответил Джон. — Что-то нужно делать. До этого мы лишь ждали действий Жнеца, а только потом делали ответные шаги. И к чему это привело?

— То, что ты предлагаешь, больше, чем безрассудство. Если наверху прознают, меня не просто понизят, а уволят к чертовой матери, а то и вовсе запрут в ближайшей психушке от греха подальше, и поверь, ты окажешься в соседней палате.

— Я готов рискнуть, чтобы спасти мир, а вы?

Камиогава молчала. Ей трудно было одобрить этот план, но в сто раз хуже будет тому, кто решит стать наживкой, должной воплотить его в жизнь. Если Кагесура все же согласится, оставалось только уговорить Бертонна и еще нескольких лояльных элитных бойцов из числа обычных людей, после чего подключить ко всему этому Оливера.

Чтобы добраться до вершины, необходимо сделать первый шаг, а потом продолжать переставлять ноги снова и снова, но чтобы упасть на самое дно, достаточно оступить лишь единожды.

— Уговаривай остальных, — почти шепотом сказала Камиогава, и у Джона впервые за последние дни промелькнула улыбка.

— Ты с ума сошел? — воскликнул Бертон.

— Ты не первый, кто задает мне этот вопрос, — хмыкнул Джон.

— И каков ответ?

— Лучше быть живым сумасшедшим, чем умереть полностью здоровым. Жнец не остановится на достигнутом, кто знает, что еще он придумает? Нам нужно остановить его, пока не поздно.

Бертон помотал головой.

— Ну, так и действуйте. Я вообще оказался втянутым во все это по случайности, и уже несколько раз чуть не умер...

— И умрешь если, победит Жнец. Он собирается наводнить мир Тенями, а также Высшими Тенями. Ты их не видел, но я видел как-то одного. Тебя не спасет ни амбисидиан, ни любое другое оружие.

Бертон долго молчал. Он не хотел проходить все это заново, даже зная, что риски минимальны. Но если он откажется, весь мир окажется в опасности. Когда он решил стать частным детективом, то надеялся на интересные дела, однако никак не мог подумать, что они будут опаснее, чем его работа в полиции.

— Я согласен, — вздохнул Леброн. — Но мы должны покончить с этим как можно быстрее.

— Звучит безумно. Мне нравится, — сказал Оливер, усмехнувшись.

— Похоже, я и правда сошел с ума.

— Я лишь хочу отомстить Жнецу за все, что он сделал. Пусть и не он убил моего друга, и мою мать во время Катастрофы, но он хочет выпустить в мир еще больше Теней, убить всех людей, даже тех, кого мы спасли с таким трудом.

— Ты прав. Он должен получить сполна, и если остальные собираются сидеть сложа руки и ждать, действовать придется нам... Готовься, выступаем сегодня после ночного ужина, с охранниками я разберусь.

Журналисты и остальные трупоеды бдели у обоих пропускных пунктов денно и нощно, видимо, периодически меняясь со своими коллегами, дежуря у ворот в надежде на сенсацию.

Они, конечно, сильно мешались, но сейчас, пока организация приостановила свою деятельность, их присутствие не вызывало особых проблем. Рано или поздно они поймут, что ловить здесь нечего. Закон о комендантском часе все еще действовал, но некоторые на это плевали.

Джон, Бертон, Оливер, Грасс и еще два человека выскользнули через черный ход и прошли вдоль стены на южную часть территории, где находилась скрытая дверь уже на территорию психбольницы. Пройдя внутренний сад напрямую, они вышли через другую дверь, где располагалась парковка, на которой всегда находились машины, но никогда автомобили посетителей. Сев в черный минивэн, они беспрепятственно выехали на дорогу.

— Зря ты с нами поехал, — покачал головой Джон, сидя за рулем.

— Если что, скажу, что вы меня похитили, — усмехнулся Грасс.

— Я серьезно. Мне-то все равно, если меня уволят, Бертон вообще не Охотник, а Оливер им нужен. Аввал и Саниян тоже не попадут, с таким опытом работы их возьмут в любую структуру. Но ты-то куда?

— Разве я мог отпустить тебя одного? Ну, не одного, но с тобой нет бывалых Охотников.

— Сейчас они мне не особо и нужны.

— Так что, все-таки, ты задумал?

Джону пришлось выложить ему весь свой незамысловатый план, Грасс, естественно, назвал его сумасшедшим, а Бертон и остальных обозвал Санчо Пансами, которые еще более двинутые, раз ему потворствуют и согласились на подобное. И все же сделать он ничего не мог. План ужасный, но такие обычно и срабатывают, а если нет, они ничего не теряют, кроме жизни, которые окончатся чуть раньше, чем запланировал Жнец.

Добравшись примерно до центра города, они остановились недалеко от площади, где на Рождество произошла основная трагедия. Они остались незамеченными, однако журналисты, да и простые искатели приключений на свои пятые точки, зачастую располагающиеся несколько выше положенного, легко могли находиться где-то неподалеку, если, конечно, они еще живы и ими не завладели Тени.

А именно в этом и заключался их план: заставить Тень вселиться в одного из людей, и, возможно, воспоминания одной из них приведут Охотников к Жнецу. В конце концов, именно благодаря этому получилось отыскать Джона. Был лишь один существенный минус: Тень, вместо того, чтобы завладеть телом, может попытаться это тело сожрать. Вот тут бы оченьгодились способности Миранды, чтобы ее отогнать, либо Везела, который бы ее уничтожил.

Первая всегда находилась рядом с Эвиллой, а та бы точно не позволила так рисковать своей подопечной, тем более что там, где знают двое, — знают все. Второй же вообще сбежал, и его так и не нашли, а если бы он и был, то смог бы помочь лишь единожды, после чего его бессознательное тело пришлось бы тащить обратно до машины.

До рассвета оставалось около двух часов. Решение отправиться так поздно было принято потому, что к этому времени Тени уже начнут спешить, боясь приближения солнца, а потому, вместо поедания жертвы, скорее всего, решат в нее вселиться. Вот это «скорее всего» и было главной проблемой, пугающей всех «жертв».

Первая Тень попалась примерно через час. Добровольцем вызвался один из бойцов организации. Он вышел из-за угла, нетвердым шагом направился прямо на Тень, а затем упал, словно пьяный. Тени сами по себе не отличаются умом, и, видя человека, не задумываются о возможной ловушке.

Все прошло как нельзя лучше, даже удивительно. Тень, подойдя поближе, принялась к лежащему телу, немного помявшись, она все же открыла рот своими когтистыми лапами и залезла внутрь. Спустя секунду новоявленный одержимый поднялся на ноги. Тут-то и настал черед действовать остальным.

Первым из-за угла выбежал Грасс, подсек ноги и повалил одержимого на землю с точностью профессионала. Спустя секунду на нем уже сидели Джон, Бертон и Аввал, а Оливер проводил обряд экзорцизма. Как только Тень показалась изо рта, Грасс прибил ее своим кукри.

Это была единственная их встреча с Тенью, так что Бертону и Аввалу несказанно повезло, чего не скажешь о самой операции.

— Я думал, их будет больше, — огорчено высказался Джон по дороге назад. — Охотники же пока не у дел, а по улицам явно бродит полно народу.

— Полагаю, Тени залегли на дно по приказу Жнеца, — сказал Грасс. — Ему не выгодно, чтобы о них узнали люди, он ведь пытается очернить организацию своими байками о подпольных боях. Возможно, и одного такого эксперимента хватит.

— Узнаем, когда Саняян очнется.

— А если у него ничего не будет?

Джон немного помолчал. Он был настроен серьезно и не собирался так просто сдаваться. Оставались ведь еще подземные коммуникации, там уж точно можно отыскать парочку-другую ночных тварей. Они не полезли туда сразу из-за слишком большой опасности и нелюбви к замкнутым пространствам, находящимся ниже уровня асфальта.

— Будем пробовать снова и снова. Главное, чтобы у нас были добровольцы. Бертон на заднем сидении тяжело вздохнул.

Когда они вернулись в штаб, почти все уже спали. Оливер и Бертон отправились к себе в жилой коридор, Грасс и Аввал ушли к себе, а Джон, которому спать не нужно, остался с Саняном.

Боец очнулся почти под самый вечер. Тень — это инородное тело для организма, и

организм борется с ним всеми возможными способами, поэтому, когда она выходит, человек тут же теряет сознание. Время бессознательного состояния у каждого разнится, но после почти всегда болит голова.

Санияну пришлось приходить в себя минут десять, он выпил воды с таблеткой, потом поднялся и сел на кровати, потирая виски.

— Есть что-нибудь? — спросил Джон.

— Ничего определенного, — покачал головой Саниян. Воспоминания Теней не всегда проявляются все разом, иногда для них требуется время.

Джон боялся, что одной «жертвы» будет мало. Теней в городе очень много даже после недавних событий, и каковы шансы, что попадет именно та, что осведомлена о местонахождении Жнеца?

— Но что-то же должно быть? — настаивал Джон.

— Помню про боязнь желтого металла, темные подземелья...

— Вот! Как они выглядят?

— Да обычные сырые туннели. Хотя есть кое-что, — Саниян замялся.

— Ну?

— Не знаю, словно Тень боится подходить к какому-то месту, но вот что за место... Однако там точно что-то есть. Больше я пока ничего сказать не могу.

Джон чертыхнулся. Подземное место, к которому боятся подходить Тени! Зацепка не ахти какая.

Позже ночью вся компания собралась вместе в комнате Санияна.

— Давай рассуждать логически, — предложил Грасс. — Чего боятся Тени?

— Да думал я уже об этом, — отмахнулся Джон. — Яркий свет, золото, серебро, храмы и мечети, а значит, кресты и подобные религиозные символы. Это ничем нам не поможет, необходима еще одна вылазка, только на этот раз выйдем пораньше и спустимся в канализацию.

Однако их планам не суждено было сбыться. Когда Джон явился к кабинету Камиогавы, та спешно собирала свои вещи, а в помещении находилось несколько неизвестных личностей.

— Что происходит?

— А, Джон. Приехали люди из центрального штаба, — показала она на неизвестных лиц, — еду туда на ковер. Похоже, в этот кабинет я больше не вернусь.

Не то, чтобы Джон особо расстроился такому положению дел, но Камиогава решительная и властная женщина, однако, как оказалось, не особо предусмотрительная. Ее уход многое изменит, и новый глава филиала может быть не таким податливым. Она позволила отправиться Охотникам мстить за смерть Майлза, из-за чего произошла ночь резни, разрешила отправиться Оливеру и остальным новичкам на поиски Джона, из-за чего первый сбежал, отправила целую толпу Охотников в катакомбы, практически не подготовив их и не предусмотрев всех возможностей, проглядела у себя под носом предателей, да и вообще, часто сквозь пальцы смотрела на выходы своих подчиненных.

Ей на смену мог прийти настоящий фанат контроля, и тогда каждое действие любого Охотника будет четко скоординировано, из-за чего у бойцов попросту не останется места для маневра.

— И кто заменит ваше место? — спросил Джон.

— Они решили, что Роберт может стать отличной кандидатурой.

— Он не согласится.

— Я сказала то же самое, но они хотят услышать ответ от него. Я уже отправила за ним человека. Когда он придет, то свяжется по телефону с центром, а там уже пускай сам решает. Наверняка у них есть и другие кандидаты.

Джон был удивлен, что на место главы штаба хотят взять настоящего Охотника. Тенеловы называются так, потому что они ловят Теней, а что происходит дальше, уже зависит от задания: схватить живьем или убить. Они привыкли выполнять приказы, а не отдавать их, хотя Бобби последние несколько лет и правда был навроде помощника главы филиала, передавая приказы от Камиогавы.

Когда-то всем действительно верховодили бойцы, и Бобби тоже предлагали место главы, от которого он отказался, но те времена, казалось, давно прошли. Начальникам необходимо в первую очередь думать, а не действовать; Охотники обычно предпочитают второе.

Возможно, тот, кто сядет за стол после Камиогавы, не просидит в нем и недели.

— Что с тем делом? — спросила она. — Все прошло, как надо? Джон покосился на людей из центрального штаба.

— Не совсем. Дальнейшие объяснения были излишни.

Когда Бобби явился, Камиогава уже подходила к лифту. Они тепло попрощались, и Бобби вошел в кабинет.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Пришел по делам, а тут вон что. Камиогава сказала, чтобы ты позвонил в центральный

штаб?

— Да, и сказала зачем. Я не хотел становиться главой штаба ни тогда, ни сейчас.

Так он им и сказал по телефону. Было бессмысленно пытаться убедить того, кто и так давно решил что-то для себя. Бобби отказался стать главой, однако ему ничего не оставалось, кроме как согласиться на время занять место исполняющего обязанности.

Поколебавшись, Джон все же решил выложить свои идеи касательно определения местонахождения Жнеца, однако не стал уточнять, кто именно с ним находился в прошлую ночь.

— Как Камиогава могла позволить такое?! — воскликнул он, чем немало удивил Джона. В последнее время Бобби взял это в привычку, в плохую привычку.

— А у тебя есть предложения получше? Мы знали, что на Рождество что-то произойдет, но даже не попытались это остановить, сейчас же все еще хуже, потому что мы не знаем о дальнейших планах Жнеца.

— Это не повод так рисковать, и не только жизнями наших людей, но и угрозой быть разоблаченными. Сейчас Бруклин просто кишит рыскающими журналистами и любителями приключений. Что будет, если вас заметят?

— Мы собирались спуститься в канализации, где нет людей, но могут быть Тени.

Но Бобби оказался неумолим. Взяв на себя ответственность за филиал, он тут же вознамерился стать поборником Охотников. Джон напомнил ему о его секретах, из-за чего они в конечном итоге вновь повздорили.

Джон в любом случае решил довести дело до логического конца. Его желание найти Жнеца было сродни намерению защитить людей от Теней, что в данном случае являлось одним и тем же, однако Бобби, а в его лице и вся организация, решил, что проще будет сидеть на заднице и ждать повторения катастрофы... Нет, не так, — Катастрофы!

Действовать этой же ночью было неразумно, потому что Бобби делал все возможное, чтобы Джон не своевольничал, в том числе приказал за ним присматривать. Джон же в свою очередь вел себя спокойно, старался не выказывать своих истинных мыслей, общался с другими Охотниками, позанимался с Оливером, вместе со всеми ел в столовой. Но лишь на первый взгляд казалось, что он ничего не делает, однако Бобби решил, что Синигами послушался его. Джон бодрствовал уже десятый год, и помимо своих аберраций, он, когда нужно, мог обладать сверхчеловеческим терпением.

На сей раз в столовой они собрались не в ночной ужин, а в ночной обед. В прошлый раз Оливер примерно так и собирался сбежать, через задний лифт сразу после приема пищи, направившись на кухню под предлогом отнеса подносов. На сей раз план был куда опаснее, и им понадобилась дополнительная помощь. Риск быть разоблаченными увеличился в разы, но сейчас было не до осторожности: слишком многое стоит на кону.

Джон, Грасс, Бертон, Аввал, Саниян, Афро, Ведьмак, Викинг, Ирмин, Мейсон и, конечно же, Оливер, а также еще три бойца из обычных людей. Понадобилось два минивэна, чтобы уместились всех. Сев в столовой по отдельности, они по одному направлялись на кухню, а затем к лифту. Скоро их исчезновение обнаружится, однако к тому времени они будут уже далеко.

Саниян помнил лишь подземные туннели, большего от вселения Тени выяснить не удалось, ну, кроме того, что она боится какого-то места. Они направились в гетто, к дому, откуда быстро спустились в катакомбы. Чтобы туда больше никто не забрался, железную лестницу спилили, однако Джон заранее подготовился и взял с собой длинную веревку с узлами каждый метр, чтобы удобней было спускаться и взбираться. Рюкзак с ней он заранее подготовил, спрятав его днем, когда почти все спали, на кухне за плитой вместе с ультрафиолетовыми фонарями и некоторым количеством оружия.

Таким образом, у них было все необходимое, чтобы противостоять возможным Теням. В катакомбы спускались раз или два в неделю, чтобы все проверить. Пока вся группа шла по туннелям, они ни разу не услышали ни единого шороха. Всех Теней давно перебили.

— Ненавижу тебя, — гаркнула Афро на Джона.

— Что я опять сделал?

— А этого мало? — Афро обвела свободной рукой туннели катакомб. — И зачем я согласилась? Ты еще и детей сюда притащил.

— Они давно не дети, — заявил Джон. — Тем более без Оливера нам не обойтись, а Мейсон хорошо себя зарекомендовал на Рождество. Не зазнавайся, — кивнул он Мейсону, когда тот самодовольно усмехнулся.

— Она права, — вмешался Ирмин. — Здесь слишком опасно даже для нас, чего уж говорить о тех, кто и месяца не протренировался.

— Зато какой это был месяц, — усмехнулся Викинг, неся свой топор на плече. — У меня столько приключений и за первый год обучения не наберется.

— Рада, что ты воспринимаешь это, как веселое приключение, — недовольно заметила Афро.

— Бабы на корабле — к беде, — покачал он головой. — Зря ты ее позвал.

— Мы не на корабле, придурок, — огрызнулась девушка.

— А чего ж тебя так штормит?

Афро схватили прежде чем, она успела выцарапать глаза Викингу за его острый язык. Он не был деликатен, но и Афро вела сегодня себя чересчур несдержанно, хотя обычно всегда весела. Последние события повлияли на всех без исключения.

До саркофага они дошли без повторения эксцессов, что, вероятно, заслуга Викинга, так больше и не раскрывшего рот. Саркофаг представлял собой высокий короб из крепкого сплава железа, который снаружи и изнутри окован амбисидианом высшей пробы. Ниша, в которой он находился, также перекрывалась крепкой решеткой с напылением золота и серебра.

— Пусто, — заметил Грасс очевидное. — Здесь Теней точно бесполезно искать, как и Жнеца.

— Посмотрим другие коридоры.

Они уже развернулись, чтобы вернуться, когда Оливер вдруг крикнул:

— Стойте! Слышите? Все замерли.

— Я ничего не слышу, — сказал Джон спустя полминуты. — Показалось, наверное.

— Да нет же, там точно был какой-то звук. Может, это из Дыры?

— Да не, Афро точно молчала.

На этот раз Викингу повезло не так сильно, и Афро оставила у него на щеке кровавый след от своих острых коготков, и уже потянулась за кусаригамоу, плюясь и ругаясь, когда из-за саркофага раздался звук, на сей раз услышанный всеми.

— Не может быть, — протянул Грасс. — Там кто-то есть. И это точно не из Дыры, звук через нее не проходит.

— Тени?

— Там же все обито амбисидианом, они бы уже давно выяснили, что этот портал для них потерян.

Оставляя все как есть было нельзя. Викинг, используя обух топора, ударов с двадцати все же выломал замок на решетке. С ключами было бы проще, но никто не додумался их захватить, да и были они только у людей из офиса. У саркофага находилась специальная дверь с маленьким окошком на уровне глаз, размером с доньшко бутылки, через которое можно было посмотреть, что происходит внутри. На этом настояли ученые, чтобы наблюдать за изменениями Дыры, не входя внутрь.

Дверь имела сразу три не сквозные замочные скважины, а также кодовый замок, который также был скрыт под запертой железной крышкой. Один ключ находился у ближайшего к таким Дырам главы филиала, вторые два постоянно меняли своего владельца, и только в главном штабе знали, у кого они в данный момент, как и пароль. Даже для запуска ракеты требуется меньше мороки, чем для открытия этой герметичной двери.

Джон взглянул в толстенное стекло, но ничего не увидел, лишь темнота, однако спустя

несколько секунд он понял, что темнота движется. Это были Тени, которые до самых краев заполняли собой весь саркофаг.

— Что они делают? Пытаются пробиться?

— Даже если бы там не было амбисидиана, это невозможно, — ответил Грасс. — Тени слишком слабы, чтобы пробить такой слой металла.

— Тогда что?

— Если бы я знал...

Джон направил фонарь прямо на стекло и включил максимальную мощность. Из-за стены послышались приглушенные звуки верещания Теней, которые можно было расслышать лишь в абсолютной тишине. Снизив мощность фонаря, он вновь заглянул в окошко и направил взгляд вверх. Тени все еще оставались там, но их теперь стало совсем мало, и они не мешали обзору. Двумя метрами над землей зияла Дыра, вот только Джон видел фотографии, и она точно отличалась от той, что висела сейчас в воздухе.

— Дай взгляну, — сказал Грасс, услышав слова Джона. Он был здесь, когда Дыру нашли, и точно мог сказать, изменилась она или нет.

— Она определенно стала другой, — взволнованно ответил он на немой вопрос. — Как будто... более стабильной и большей. Не понимаю, как такое возможно, никогда о подобном не слышал.

— Но она же все еще в саркофаге, что может случиться? — нервно усмехнулся Оливер.

— Ничего хорошего, парень, это уж точно.

— Как-то странно, — заметила Афро. — Если тут происходит такое, почему мы об этом не слышали? От нас снова что-то скрывают?

Джона тоже это интересовало. Неужели организацию ничему не научил прошлый опыт? Оливер сбегал дважды, и третий раз может стать последним, даже если его поймут, он уже никогда не станет доверять организации, и при первом же удобном случае вновь попытается сбежать. Везела до сих пор так и не нашли, а если этот смог, то ушлый Оли тем более найдет способ.

Организации необходимо знать о происходящем здесь, но это может подождать; узнай они, что Джон и остальные действуют без ведома сверху, их могут серьезно наказать, может, не сейчас, учитывая сложившуюся ситуацию, но если мир будет спасен, кому-то придется ответить.

Они потратили больше часа, чтобы обследовать все туннели, пока не набрали на самый дальний тупик, где в прошлый раз одна из Теней вселилась в бойца, а Оливер ее изгнал. Здесь ничего не изменилось, хотя, возможно, пара камней завала осыпались вниз. Наверху, между

каменными и потолком все еще зияла черная щель.

— Там что-нибудь есть? — спросил Джон, указывая на дыру. Ему ответили, рассказав о произошедшем здесь в прошлый их визит.

— Если там было полно Теней, значит, может быть свободный проход. Почему этого никто не выяснил?

Трудно было винить Охотников, потерявших в этих катакомбах своих друзей и самими ставших инвалидами, как, например, Ирмин, который лишился здесь глаза; их разумы были заняты совсем иным. Камиогава же, возможно, больше не хотела никем рисковать, посчитав, что они достигли желаемого — нашли Дыру, узнали, куда делось все золото и серебро, скупаемое влиятельными одержимыми, а главное — отвлекли внимание Жнеца, пока спасали Джона. Хотя последнее было главным только для самого Джона.

— Надо выяснить, что за этим обвалом, — согласился Грасс. — Вряд ли туда пролезет кто-то кроме Оливера и, возможно, Афро, так что нам надо запомнить направление и отыскать спуск снаружи.

Это было не так-то просто. Туннели катакомб не шли прямо, а постоянно петляли под небольшим углом, но с помощью блокнота и ручки Грасс все же набросал примерный маршрут по пути назад; получилось так, что туннель уходил почти под сорок пять градусов влево от первоначального маршрута, начинающегося под домом, где находится спуск. Однако сложнее всего было определить примерное расстояние.

Подобные проблемы обычно решались звонком в офис и запросом информации, однако сейчас Джон и компания действовали инкогнито. Так или иначе, необходимо было спешить. Прошла уже треть от ночного времени.

Пройти пришлось около километра, вилля между полуразрушенными домами и треснутым асфальтом, прежде чем Грасс заявил, что они стоят как раз напротив того места, где находится обвал. Перед ними располагался дом, точнее, то, что от него осталось. Заваленный набок, словно карточный домик, у которого в самом низу убрали одну карту, он перекрывал дорогу. Видимо, когда случилось землетрясение, фундамент с одной из сторон попросту провалился в катакомбы, потянув за собой все здание. Джон подумал, что потребовалось немало времени, чтобы прокопать ту дыру прямо сквозь завал.

Обойдя вокруг рухнувшего здания, они больше часа потратили на то, чтобы отыскать очередной спуск в катакомбы; подобные люки были не под всеми домами, да и некоторые здания в этой части города все еще оставались разрушенными.

— Теперь нам следует быть осторожней, — сказал Джон. — Здесь почти наверняка будут Тени.

— Надо было захватить больше автоматов, — заметил Ирмин.

— Я едва смог пронести те, что есть, — ответил Синигами. — Днем бодрствую не только я.

Часть города, под которой сейчас были Джон и остальные, не так сильно пострадала после Катастрофы, и чем дальше они шли, тем меньше следов разрушений видели на стенках туннелей. Однако вокруг по-прежнему стояла тишина, ни единой Тени не попадалось на глаза, словно те смирились, что катакомбы больше не их вотчина.

Внезапно, часа через полтора, они достигли конечной точки. Прямо за поворотом находилась ниша, знаменующая тупик, если не считать лестницы наверх.

— Я думал, катакомбы замкнуты, — сказал Грасс.

— А я надеялся, что мы здесь встретим хотя бы одну Тень.

— Мы прошли мимо множества ответвлений, возможно, там что-то есть. Возвращаемся?

— Давайте сначала выясним, что там наверху.

Конечно, можно было вернуться и обследовать другие туннели, мимо которых они прошли, однако там может быть тоже пусто, а на поиски уйдет не один час. Вряд ли Бобби догадается, где сейчас Джон и остальные, но рисковать все равно не стоило. Возможно, их вообще так и не спохватились, но надежд на подобное мало.

Взобравшись по ветхой лестнице наверх, они оказались не в очередном подвале дома, как ожидали, а в просторном помещении, заставленном какой-то древней аппаратурой, столами с мониторами и клавиатурами, у стен стояли большие железные блоки, похожие на уродливые металлические гробы. И все это обильно покрывал толстый слой пыли.

— Мне показалось или эта лестнице короче, чем та, по которой мы обычно спускались? — спросил Ведьмак.

— Да, похоже, мы немного глубже, чем подвалы домов. Но что здесь было? Бункер?

— Бункер наоборот, располагался бы ниже.

В одной из стен находилась железная дверь с ржавым замком. Афро впустую провозилась с ним отмычками минут пять, пока на ее место не пришли Викинг и Мейсон, которым потребовалось примерно столько же времени, чтобы это замок выломать, однако заржавевшую дверь пришлось открывать почти всем вместе, приложив все свои силы.

За ней оказалась комнатка поменьше, одну из стен которой закрывала большая доска, идущая полукругом и изрисованная линиями и точками, обозначенными маленькими лампочками. Чуть в стороне находилась какая-то панель с рычажками и кнопками, похожая по стилю на ту же доску, тоже с линиями и обозначениями.

— Похоже на какую-то диспетчерскую.

— И чем здесь управляли? — поинтересовался Викинг не к кому конкретно не обращаясь.

— Очевидно, что метро, чего тут непонятного? — очередной раз огрызнулась Афро.

Из этого помещения также вела дверь, но уже менее прочная, хотя это не имело значения, так как она оказалась открыта. За ней находился низкий сводчатый туннель, особенно не понравившийся высокому Грассу. У него также было несколько ответвлений, некоторые из которых перекрывались решетками.

Было принято решение идти по главному туннелю. В самом конце находилась еще одна небольшая комната, где за одной из дверей обнаружился щиток с давно перерезанными и обмотанными изоляцией проводами.

С очередной дверью тоже пришлось повозиться, но открыв ее, все сразу догадался, где находятся. За дверью оказался туннель метро, вероятно, заброшенный после Катастрофы.

— Так, и дальше что?

— Здесь мы точно ничего интересного не найдем. Надо возвращаться.

Послышались расстроенные вздохи и цоканья языком. Путь обратно займет довольно много времени, а все слишком устали, чтобы продолжать поиски. Необходимо вернуться в штаб, пока еще не рассвело, и если их пропажу заметили, простым предупреждением точно не отделаться.

На обратном пути Оливер вдруг резко замер, из-за чего в него едва не влетел Джон.

— Ты чего?

— Просто... на этой решетке не висит замка, как на остальных.

— Думаю, будет не лишним посмотреть, что на той стороне, — пожал плечами Грасс.

Дальше по узкому коридору находилась крутая лестница вверх, в конце которой Охотников ждала очередная развилка. Так как они все равно собирались возвращаться назад, то повернули направо, в том направлении, куда вел путь на нижнем ярусе, и не успели они направить туда фонарь, как вдруг перед ними возник силуэт. Это был настоящий здоровяк, высокий, с широкими плечами и с легким ежиком на голове

— Майлз? — изумленно воскликнул Джон. Все остальные были не менее удивлены представшим перед ним мертвецом. — Что ты?.. Как?..

Тор выглядел вполне неплохо, если не считать пересекающий правый глаз шрам, наполовину его ослепивший. Только сейчас Бертон вспомнил, что когда они с Грассом и Хелин вернулись в подземный лабиринт за Бобби, то он не обнаружил Майлза на том месте, где его оставили. Он хотел рассказать об этом остальным, как только они вернутся, но со всеми этими взрывами и беготней просто забыл.

— Это долгая история, — пробасил тот. — Может, уже опустите оружие?

— Сомневаюсь, что это хорошая идея, — заметил Ирмин, держа Майлза на мушке. — Ты человек Жнеца.

— Больше нет. Я перестал им быть, когда попытался спасти Джона... и Машери... — Ему было тяжело вспоминать Машери, которую он убил собственными руками, пусть это было и не преднамеренно. Но он все же справился с эмоциями. — Сейчас это не так важно.

— Что ты здесь делаешь? Как ты вообще нашел это место? И как ты выжил на острове?

— Я уплыл на одной из лодок, когда вы ушли, — Майлз кивнул Джону и Грассу, хотя там были и некоторые другие из присутствующих. — Жнец сглупил, что не уничтожил их, когда отплывал. Все эти две недели я пытался восстановить силы. А это место я выбил из одержимых. Пришлось изрядно постараться, чтобы отыскать тех из них, кого я видел на острове. Я хотел лично разделаться со Жнецом, но несколько просчитался.

— Что?! — на этот раз удивляться вслух пришлось Грассу. — Жнец здесь? Все заозирались, словно ожидая, что он вот-вот выпрыгнет из какого-нибудь угла.

— Не совсем, но этот путь ведет к нему. Там полно одержимых и лояльных ему Охотников. Я здесь уже часа три, пытаюсь придумать, что предпринять. Убил с десяток Теней.

Майлз жив. Опять. Джон уже сбился со счета, сколько этот здоровяк якобы умирал либо находился на грани смерти. Его живучести можно было позавидовать, в отличие от всего остального. Он лишь единожды выбрал неверный путь, и теперь ему до конца жизни придется за это расплачиваться.

Джон, как и все остальные, отправлялся сегодня ночью в поисках логова Жнеца, хотя шансов его отыскать практически не было. В основном они надеялись встретить Теней и повернуть тот же фокус, что и в прошлый раз — заставить Тень вселить в кого-то из них, а затем изгнать. Шансов что-либо узнать, конечно, было крайне мало, но, возможно, всю информацию удалось бы сложить воедино, словно мозаику.

Найти так просто, где прячется Жнец, оказалось большой неожиданностью и удачей, почти такой же, как встреча с Майлзом, который и рассказал о Жнеце и его людях. Если бы не его предупреждение, шумная компания из целых четырнадцати человек точно бы нарвалась на охрану, и пока бы они с ней разбирались, Жнец мог очередной раз улизнуть; получалось у него это не хуже, чем у Майлза выживать.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Джон.

— Это верхний ярус метро, недалеко отсюда, судя по всему, поезда когда-то шли на поверхности, так что мы не очень глубоко. Отсюда в разные стороны расходятся выходы, некоторые из которых замурованы. Что находится снаружи — я не знаю.

— Необходимо связаться со штабом, — вмешался Джон.

— Ты с ума сошел? — вскинулся Викинг. — Мы нарушили прямой приказ, знаешь, что с нами будет?

— А знаешь, что будет, если план Жнеца срывается? — Викинг потупил взор, чертыхнувшись. — То-то и оно.

— Джон прав, — сказал Грасс, с неохотой доставая и включая телефон, предварительно отключенный еще в штабе.

Сеть здесь не ловила, но Майлз вызвался проводить их до более высокого места, где, возможно, появится связь. Ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, хотя Ирмин и несколько элитных бойцов не спускали с него дула автоматов, на что тот заявил, что тут лучше не шуметь, эхо от выстрела разнесется по всем коридорам.

Майлз привел их к одному из тупиков. Узкая железная лестница вела вверх к решетке, которая, ко всему прочему, с другой стороны была заложена кирпичом, обильно политым скрепляющим раствором, однако у самого потолка от кладки отвалилась пара кирпичей.

Телефон здесь и правда ловил, хотя и показывал лишь одну полоску, но этого хватило, чтобы связаться со штабом. Тратить время на разъяснения не хотелось, поэтому Грасс быстро пояснил, где они и кто должен быть неподалеку, после чего положил телефон сверху на кладку, чтобы его смогли отследить.

— Дальше что?

— Будем ждать.

Однако этому плану не суждено было сбыться, потому что из-за дальнего угла неожиданно появился очередной силуэт, но теперь можно было не сомневаться, что это враг, потому что в руках он держал автомат, тут же направив его в сторону пятнадцати невольных диггеров.

Прозвучали первые, но далеко не последние за эту ночь выстрелы.

Глава 9: Ratio Mori

Было бы крайне глупо оставить спину открытой, особенно в таком месте, как подземные ходы, в которых за каждым углом может таиться монстр.

Выбежавшего из-за угла одержимого моментально сразили двумя автоматными очередями, не оставив ему и шанса. Выстрелы набатом разнеслись по всему подземелью, и скрытности пришел конец.

Хуже всего было то, что Жнец, узнав о гостях, сбежит намного раньше, чем прибудет подмога из организации, а на пути к нему, если верить Майлзу, полно одержимых и других Охотников, способных легко выиграть время.

Оливер вновь оказался запертым под землей с кучей кровожадных врагов. «Наверно, это моя судьба, — подумал он. — Всегда жить во тьме, и неважно, ночные ли это улицы или же подземные ходы». У него не оказалось с собой даже пистолета, потому что на обучение стрельбе попросту не было времени. Его практически сразу оттеснили назад вместе с Мейсоном, держащим наготове свою булаву. Оли тоже достал меч; с оружием в руках не так страшно.

Майлз шел первым, сразу за ним семенили Джон и Грасс, прикрывая его автоматом и пистолетами, которыми пришлось воспользоваться вновь довольно скоро. Приходилось то и дело переступать через лежащие на земле трупы.

Вскоре они дошли до небольшой развилки, через которую уже проходили несколько минут назад.

— Тут необходимо свернуть, — сказал Майлз. — Через несколько поворотов будет тот самый туннель, забитый одержимыми и Охотниками. Дальше я не заходил.

Однако отправиться в путь им помешал швальный огонь. Звуки выстрелов не могли не привлечь внимания, и теперь начнется настоящая бойня. Прорваться к Жнецу так просто не получится, а на перестрелки уйдет слишком много драгоценного времени.

— Есть у кого идеи? Майлз, может, тут есть какой-нибудь другой проход?

— Я не успел тут все изучить, так что не знаю. Думаю, некоторые заблокированные туннели и могут вывести нас, куда нужно, но их так просто не разрушить. Не с нашими силами. И не с нашим запасом времени.

Не оставалось ничего другого, кроме как ответить огнем на огонь. Патроны необходимо было экономить. У Жнеца явно больше человек с оружием, и устраивать затяжной бой означало лишиться сил раньше противника.

Все это жутко напоминало события, развернувшиеся на острове, а точнее, — под ним. Жнец был верен своим привычкам и своей стратегии, которая, надо признать, работала, хоть и

выглядела неказисто.

Светошумовых гранат было очень мало, но хранить их до лучших времен не имело смысла, ибо они так и не встретили ни одной Тени, хотя Майлз уверял, что убил больше десятка. Первую гранату как раз использовали на перекрестке, и вполне удачно. Врагов, среди которых, судя по всему, были и простые люди, оглушило не слабо, и Охотникам пришлось приложить все усилия, чтобы успеть вовремя и перебить противников до того, как те придут в себя и попытаются дать отпор.

Однако дальше дела обстояли уже не так хорошо. Джон и остальные оказались у развилки. Мейсон утверждал, что идти нужно в один из двух коридоров, ведущих вперед, однако и там, и там их поджидали новые враги. Повернуться к одним означало открыть спину для других.

— Ведьмак? — обратился к нему Джон.

— Да понял я, понял, — недовольно буркнул тот и закрыл глаза.

Ему пришлось концентрироваться минуты три, что было настоящим достижением, с учетом того, что повсюду звучали выстрелы, а на головы сыпались пыль и песок. Первый вскрик оказался едва ли различим среди выстрелов, но то, что все сработало, сказала секундная тишина сразу же после. Охотники тут же этим воспользовались, выжимая из мгновенья все, что только можно. Однако противники очень быстро пришли в себя, и в итоге один их бойцов дернулся и упал на землю. Его тут же оттащили назад за ноги. Пуля попала прямо в затылок.

— Черт! — выругался другой. — Я не сумел его прикрыть.

— Не кори себя, — попытался успокоить его Грасс. — Мы все знали, на что идем. Будем молиться, что на сегодня это последняя жертва с нашей стороны.

Мало кто воспринял эти слова с воодушевлением. Ведьмак делал все возможное, чтобы привнести в стан врага смуту, но его способности требовали большой концентрации и времени. Ему потребовалось десять минут, чтобы заставить еще троих произвести выстрелы не по углу, за которым прятались Охотники, а по собственным же товарищам. Всякий раз это приводили их в замешательство, и этим грех было не воспользоваться.

Элитные бойцы организации считали, что Охотники куда важнее их самих, а потому вызвались на передовую первыми. За эти десять минут погибло еще двое, в том числе и Аввал, а Саниян оказался ранен в плечо.

Противники все же сообразили, что их случайные выстрелы по своим — далеко не случайны, и после четвертого такого инцидента все же решились броситься в атаку, понимая, что продолжая перестрелку, у них кончатся либо патроны, либо люди.

Будь Джон на их месте, он бы отправил в бой лишь одну группу, а остальных оставил прикрывать, однако эти приспешники Жнеца явно мало что смыслили в тактике, а самого Жнеца, чтобы подсказать, рядом не было, и потому они рванули всем скопом.

Использовать автоматы и пистолеты в ближнем бою без страха задеть своих просто невозможно, а потому бой мгновенно перешел в рукопашный и с использованием ножей, мечей, топоров и всего того, чем пользовались Охотники и их противники. Шансов задеть своего, правда, было все так же много.

Началась настоящая резня, в которой Оливер едва ли хотел принимать участие, а вместе с ним и Бертон, отошедший на относительно безопасное расстояние, и выпускающий пулю каждый раз, когда представлялась возможность.

Из толпы неожиданно выпрыгнуло сразу двое, но Бертон, даже не дрогнув, выпустил в одного сразу две пули, целясь в грудь, а вот на втором у него неожиданно кончились патроны. Успеть поменять обойму он никак не мог.

Оливер убил лишь одного человека, да и то случайно. До сего дня он никогда не использовал оружия для намеренного убийства, но у него попросту не оставалось выбора; на кону стояла как его, так и жизнь Бертона.

Это оказалось проще, чем он думал, сложнее, чем он надеялся. Одно дело — уничтожить Тень, чье существование и жизнью-то назвать трудно, а другое — хладнокровно зарезать человека, пусть и твоего смертельного врага. Хладнокровно и не получилось. Оливер идеально воспользовался одной из техник и одним точным ударом, проскользнув под занесенным над ним кинжалом, нанес одновременно плавный и сильный удар точно горизонтально, прорезая человеку прямо под ребрами косую черту. Это очень кроваво, но действенно.

В висках, затмевая шум сражения, громко стучала кровь, глаза готовы были взорваться. Оливер за все время пребывания в организации не раз видел смерти и трупы, но сейчас почему-то ему не хватало сил взглянуть на еще одного, сотворенного собственными руками. Он не выдержал, и его стошнило. Спустя несколько секунд он услышал за спиной новые выстрелы.

Трудно было предположить, сколько прошло времени с начала боя, но когда все закончилось, на ногах остались далеко не все. Все пятеро элитных бойцов погибли, а вместе с ними и Ирмин. Ведьмак и Викинг оказались сильно ранены и больше не могли продолжать путь. Куртка у Джона на груди была разрезана, Грасс, казалось, почти не пострадал, хотя и был в крови с головы до ног. Афро держалась за руку, и через ее перчатку просачивалась кровь. Мейсон, который тоже решил не оставаться в стороне, получил лишь пару незначительных порезов.

— Проклятие, — на этот раз выругался Джон. — Не надо было вас всех сюда тащить. Нужно было уйти сразу же, как мы встретили Майлза и узнали, что где-то здесь сидит Жнец.

— И как бы ты узнал, где именно находится это место? Ближайший выход наружу отсюда довольно далеко.

Майлз тоже был весь в крови, но пострадал не так сильно, как можно было предположить. Его перчатки с железными вставками и наручи под рукавами довольно сильно ему помогли в этой битве.

— Через него бы и вернулись.

— Нет, нам бы так и так пришлось сражаться с этими ублюдками, а в этих узких коридорах не важно, сколько у тебя человек, так что Жнецу все равно бы хватило времени сбежать.

— Он прав, — нехотя согласился Грасс, потирая шрам на лице, который получил еще при спасении Джона. — Мы не знаем, где именно он сидит, возможно, там есть выход наружу, а может, одни лишь туннели. Даже если мы перекроем десять кварталов, не факт, что он не сможет улизнуть. В любом случае, нам необходимо двигаться дальше, возможно, он все еще надеется, что его люди с нами справятся, а потому сидит на месте.

Джон не был с ним согласен.

— Даже если и так, у него еще есть ренегаты, нам с ними не справиться.

— В последнее время у нас поприбавилось опыта сражения в замкнутых пространствах. У нас есть автоматы и пистолеты, еще и оружие этих ублюдков. Всемером мы точно прорвемся к Жнецу, а если и нет, поубавим его сторонников. Подкрепление пребудет максимум минут через сорок, у нас достаточно времени. А иначе что ты предлагаешь? Сбежать?

— Шесть наших людей уже мертвы, еще двое серьезно ранены, да и остальные не в лучшей форме. Ты хочешь новых жертв? Из нас семерых двое вообще в организации немногим больше месяца.

— Я согласен с Грассом, — забасил Майлз. — Если мы сейчас не попытаемся разобраться со Жнецом, потом жертв будет куда больше, и ты прекрасно это понимаешь, Джон. Все мы прекрасно осознавали последствия, становясь Охотниками.

— А ты осознавал последствия, когда переметнулся к Жнецу? Майлз, вопреки ожиданиям, не отвел глаза.

— Да, осознавал. Но тогда я считал, что он прав...

— Пока из-за него не погибла Машери? — безжалостно перебил его Джон. — А если бы ее не схватил Жнец?

— Хочешь назвать меня эгоистом, так и скажи, нечего ходить вокруг да около. — Здоровяк тоже начал выходить из себя. — Но ты ничем не лучше меня. Сначала затеял весь этот поход, а теперь, когда тебе подпалили пятки, бежишь в кусты. Если мы уйдем, они погибли напрасно. — Он указал на трупы членов организации.

— Тебя это не должно касаться, ты больше не Охотник.

Джон давно хотел высказать все, что думает о Майлзе, но случай все никак не подворачивался, то они дрались, то бегали, однако секундную передышку Джон все же решил потратить именно на споры с Майлзом, хотя первоначально лишь спорил с Грассом об их положении. Он никогда не считал Майлза другом, однако его предательство подкосило его не

хуже простуды. Тор не был ему другом, но он его уважал как воина организации, сильнейшего в Бруклине, а может, и во всем Нью-Йорке, но проиграв единожды Жнецу, он потерял всякое представление о чести.

— Все, хватит! — неожиданно вмешалась Афро. — Ведете себя, как малые дети. У нас есть дела поважнее.

— А сама? Весь день цапаешься с Викингом. Что на тебя нашло?

— Вас это не касается, — нахмурилась девушка. — Куда важнее наши дальнейшие действия. Я тоже за то, чтобы продолжить путь, а не тратить время на пустую болтовню.

Джон оставался в меньшинстве. Он пытался думать рационально, а что может быть разумнее, чем отступить перед врагом, превосходящим тебя числом? Больше всего он волновался об Оливере и Мейсоне, все еще являющихся новичками. Оливер в пекло не лез, и правильно делал, но если ему придется сражаться с опытным противником, то маловероятно, что он выйдет из этого поединка живым. С Мейсоном дело обстояло хуже. Он встревал во все драки, что видел перед собой, упиваясь силой, но стоит ему встретить сильного бойца, он тут же теряется. Джон слышал отчет всей пятерки о том, что произошло в день Бруклинской Резни. Когда Мейсона сбили с ног, тот растерялся и едва не лишился жизни, хотя сам он все отрицал.

— Ты бы так не говорила, окажись здесь Сьюзен, — сказал Джон Афро, и, кажется, попал в самую точку.

— Это не правда! — вспыхнула та. — Она может за себя постоять...

— Когда? До или после рыданий?

Тут вмешался Мейсон, который понял, что их разговор затронул и его тоже.

— Хотите сказать, что мы такие же нытики, как Сьюзен? Черта с два.

— Я не это имел в виду. У вас слишком мало опыта, чтобы участвовать в подобных операциях. Я не ожидал сегодня встретить Жнеца, поэтому вы здесь.

— Ты не прав, Джон, — вновь заговорил Грасс, который был наставником Мейсона. — Во время Бруклинской Резни Мейсон был в самом эпицентре, и смог уложить троих одержимых, считая того, что чуть тебя не убил, хотя с третьим ему помогли. Если он будет осторожен, — Грасс с укоризной посмотрел на парня, — то не принесет никаких хлопот.

Спор продолжался долго, но закончился довольно резко, так как откуда-то из-за коридоров послышались быстрые шаги и голоса. Вероятно, долгое отсутствие противников заставило приспешников Жнеца думать, что все они мертвы. Было ли это на руку? Еще как.

Бежать не представлялось возможным, так как с собой было необходимо тащить еще и Ведьмака с Викингом, для которых переноска может стать смертельной, да и тела погибших бросать никто не желал. И если враги догадаются проверить туннели — а так оно и будет, — то

очередная стычка неминуема, и в данном случае лучше начать сражение на собственных условиях.

Джон и Афро затаились у левого прохода в следующий тоннель, а Грасс и Бертон направились в правый (Мейсон уверял, что дальше они соединяются). Ведьмаку и Викингу тоже дали огнестрельное оружие, на случай, если врагу все же удастся прорваться. Ведьмак еще был ничего, а вот Викинга не слабо ранили в руку, вероятно, задев кость, так что ему дали пистолет, который тот держал здоровой рукой.

Оливер и Мейсон остались с ранеными, взяв в руки по автомату, хотя и не умели с ними обращаться, но это всяко лучше, чем переть на вооруженных противников с мечом и булавой. Майлз тоже не остался в стороне, и когда противники подошли достаточно близко, они с Джоном открыли огонь с двух сторон, обстреливая коридор. Оборванные провода висели с потолка, и Джон жалел, что они не под напряжением.

Через несколько секунд после этого выстрелы начали звучать и где-то в отдалении, видимо, Бертон и Грасс тоже нашли, с кем повоевать.

На этот раз никакой рукопашной битвы быть попросту не могло, ибо преимущество оставалось за Охотниками. Через минут пять в рядах противников началась настоящая истерия, потому что Бертон с Грассом неожиданно оказались у них за спиной, и те не знали, куда деваться в пустынном коридоре, идущем чуть под углом в сторону; прятаться больше было негде.

Патроны у автоматов то и дело кончались, и их срочно приходилось менять на другие, снимая с трупов, однако одних автоматов оказалось мало. Среди противников нашлись и одержимые. Большинство было серьезно ранено, а потому не могли достойно сопротивляться, но оставались и те, кто додумался спрятаться за телами товарищей, и с ними пришлось немного повозиться.

— Наконец-то, — с отдышкой произнес Грасс, когда все было кончено. — В этот раз среди них были одержимые, если так продолжится, когда мы доберемся до Жнеца, то все выдохнемся.

— Ты все же решил отступить? — с надеждой спросил Джон.

— Черта с два! Просто нужно немного передохнуть, собрать все оружие и продолжить путь.

Джону некуда было отступать, так что он решил пойти со всеми. Времени на пересчет патронов и заполнение магазинов не было, так что каждый взял по максимуму оружия, неся один автомат в руках, а еще три четыре за спиной, стараясь вместе с этим держать еще и фонарь. Патроны из амбисидиана остались лишь в одном автомате, и его взял Джон.

Ведьмака и Викинга пришлось оставить сидеть у стенки, но они не были против.

С противником пришлось встретиться еще лишь раз, но, судя по всему, это были остатки людей Жнеца, так как особого сопротивления оказать они не смогли.

Один из коридоров отличался от остальных тем, что из-за поворота исходил кольшующийся оранжевый свет, как от костра. Было тихо, и в этой тишине действительно можно было слышать слабое потрескивание и даже голоса людей.

Джон осторожно выглянул из-за угла у самого пола, где его появление наименее очевидно, но короткий коридор оказался пуст, лишь в дальней стене зиял провал, возле которого валялись побитые кирпичи, а за ним действительно горел небольшой костер.

Джон убрал голову и шепотом рассказал остальным, что увидел.

— Что будем делать? — спросила Афро.

— Просто пойдем и ворвемся туда, — предложил Майлз. — Вероятно, все сбежали.

— Но я слышал там голоса.

— Это может быть засадой, — предположил Бертон. — У нас же еще остались гранаты?

Сначала стреляй, а потом задавай вопросы. Тактика полезная только в том случае, если враг не нужен тебе живым. А если там сам Жнец? Прежде, чем его убить, необходимо выяснить, что он задумал. Джон был уверен, что Жнец не просто забился в темный угол и дрожит, а лишь взял небольшую передышку, чтобы вернуться в игру с новыми силами.

— Долго вы там будете шептаться? — неожиданно послышался приглушенный голос. — Это очень невежливо.

Элемент неожиданности был утерян, так что таиться более не имело смысла. Джон и остальные на всякий случай проверили свои магазины, и взяли в руки те автоматы, в которых оставалось больше всего патронов.

Мелкими шажками, держась у стен коридора, они направились к проему, готовые в любой момент открыть огонь по противникам, однако в небольшом низком помещении их оказалось куда меньше, чем ожидалось, и там были не только противники.

У стены справа в кресле, закинув ногу на ногу, восседал сам Жнец, словно правитель своего маленького королевства, хотя больше походил на узника. Слева же находилось еще два кресла, на одном сидела Блэкснейк, а на соседнем, что оказалось настоящей неожиданностью, — Везел собственной персоной. Однако счастливыми гостями услужливого хозяина их назвать было трудно, потому что за спинами у них стояло два человека, явно одержимые из разряда сильнейших, которые держали у шей «гостей» острейшие серпы.

Больше в комнате не было ни души.

— Честно говоря, я ожидал, что вас останется меньше, — подал голос Жнец, не подавая виду, что его заботят направленное на него оружие.

— Твоим ожиданиям не суждено было сбыться, — выплюнул Майлз.

— А, Бальдер. Ты очень живуч, может, в этом и заключается твоя способность?

— Не называй меня так! Я Тор!

— Как скажешь, — пожал плечами Жнец. — Синигами, — повернулся он к Джону. — Ты тоже не менее живуч.

— Если бы ты хотел меня убить, я бы давно был мертв.

— Тоже верно, но мои желания не всегда исполняются. Частный детектив Леброн Бертон тому доказательство. Когда он начал копать, я решил от него избавиться, да и его вмешательство, честно говоря, несколько подпортило мои планы. Ты, Джон, в конечно итоге, все же оказался в моих руках, но слишком поздно.

— Я тогда чуть не умер, — заметил Бертон, держа на мушке не Жнеца, а одного из тех, кто приставил острие серпа к горлу пленников, не сомневаясь, что в случае чего успеет убить его раньше, чем тот перережет глотку девушки. Он выбрал спасти именно Блэкснейк, хоть и ни разу до этого ее не видел, потому что Везела ему спасать хотелось куда меньше.

— Тебе повезло, — хмыкнул в ответ Жнец. — Одаренных на стоянке было больше, они должны были убить тебя, а затем избавиться от следов, но когда ты отправился домой пешком, я решил, что ты идешь в какое-то другое место, так что отправил их тебе наперерез. Благо, у меня хватило ума на всякий случай оставить двоих на месте, и представь мое удивление, когда я узнал, что ты вернулся обратно и даже умудрился прикончить одного из одаренных, а другого ранить.

Бертон поразило это признание. Иногда он действительно забывается, не обращая внимания на окружение, даже произносит мысли вслух, не осознавая этого, но обычно подобная отстраненность причиняло ему одни лишь хлопоты и косые взгляды, он даже наблюдался у психолога, когда работал в полиции, но подумать, что это когда-то спасет ему жизнь...

— Почему ты не сбежал? — прервал молчание Джон.

— А смысл? Моим планам вы уже не сможете помещать, а если убьете меня, то все может закончиться крайне плачевно. Я единственный, кто способен с ними договориться.

— С кем?

— С Тенями, конечно же. Точнее, с Высшими Тенями.

— Значит, это правда, — протянул Грасс. — Ты собираешься открыть новые порталы.

— Новые порталы? — тихо рассмеялся Жнец. — Нет, я один на подобное не способен. Я лишь хочу расширить уже существующий, а дальше мне остается только ждать.

— Тот, что в этих катакомбах, — догадался Джон. Лицо Жнеца было перебинтовано, но в глазах Охотник разглядел короткую вспышку опаски.

— Полагаю, вы оставили там внушительную охрану, — медленно проговорил Жнец. Джон и остальные переглянулись, и Жнец сразу все понял. — О, тогда вам повезло, жертв будет меньше. Хотя... Вы знаете, что это за туннели? — Он указал за спину Охотникам, где зиял проем. — Я слышал о них, когда еще служил в этой церкви.

На лице Джона отразилось неподдельное удивление, как и на лицах других. Даже Блэкснейк, казалось, впервые об этом слышит.

— Ты священник? — на всяких случай уточнил Грасс.

— Был когда-то, пока не потерял веру. Но это уже не важно. Я слышал слухи, что где-то под собором проходят туннели, вырытые еще во времена холодной войны с Советским Союзом, и ведущие в бункеры почти со всего Бруклина. Один из входов располагался под собором, однако его давно заделали, и никто не помнил, где он был, и существовал ли вообще. Я, честно говоря, не особо во все это верил, но, как видите, ошибался.

— К чему ты ведешь? — не выдержала Афро.

— Будет несколько иронично, — продолжил Жнец, словно не услышав девушки, — если туннели, которые должны были защищать от ядерной угрозы, станут ее эпицентром.

Слова Жнеца звенящей тишиной повисли в воздухе. Они звучали устрашающе и в то же время безумно, как раз под стать Жнецу.

— О чем ты говоришь? Хочешь сказать, что здесь, под землей, где-то заложена атомная бомба? — усмехнулся Грасс, но Жнец продолжал зловеще молчать, и ухмылка спала с лица Охотника. — Это бред, если бы здесь была бомба, мы бы ее уже обнаружили.

— Дыра, — догадался Джон. Жнец вновь промолчал, но это молчание говорило красноречивей любых слов. — Но это просто невозможно. Где ты мог раздобыть атомную бомбу? И как смог пронести в город, не говоря уже о подземельях? Да и Дыра находится довольно высоко над... землей, без крана ее туда не затащить.

В ответ Жнец лишь рассмеялся, но, вопреки ожиданиям, его смех не очень-то походил на истерическое ржание сумасшедшего, однако и без того заставил покрыться спины мурашками. Он вел себя уверенно и дерзко, когда как Охотникам предстояло сжиматься всем нутром.

— Это оказалось легче, чем вы думаете, — наконец ответил он. — Бомбу мы пронесли еще больше месяца назад. Вы же не думали, что я устроил ту резню после мнимой смерти Майлза забавы ради? После этого вы еще три ночи не высовывали носы, так что улицы были тихи и пустыньны.

Ночь резни была ошибкой. Огромной ошибкой, пусть и меркла на фоне того, что произошло позже. Однако теперь она казалась еще более ужасной. Охотники не просто

потеряли головы и позабыли и безопасности ради мести, но пошли на поводу у Жнеца, предоставив ему полную свободу действий, и теперь это грозило катастрофой, способной переплюнуть Великую Мировую.

— Что же касается твоего первого вопроса, — продолжил Жнец. — Не так трудно достать что-либо, если твои люди повсюду. Генерал ли на секретной военной базе или простой патологоанатом при полицейском департаменте — Тени могут быть везде.

Джон больше не мог удивляться. Жнец оказался очень умным противником, достаточно умным, чтобы облапошить всю организацию. Оно и неудивительно: Тенеловы привыкли бороться с глупыми и предсказуемыми врагами, имеющими множество слабостей и не привыкшими действовать заодно, однако Жнец совершенно иной. Сильный, умный и непредсказуемый, имеющий куда более глобальные цели, чем найти подходящее тело и пожрать.

— К чему все это? — устало спросил Джон, опуская оружие. Убивать Жнеца не имело смысла, потому что он заранее уже все продумал. Его смерть ничего не изменит, пусть и принесет короткое удовлетворение. — Зачем ты это делаешь?

— Вы все равно не поймете.

— А вдруг?

— Это вряд ли. Я успел вас всех хорошенько изучить. Те, кто мне подходит, уже на моей стороне. Они, как и я, не боятся замарать руки, да и вообще покрыться кровью с ног до головы. Те, в ком я ошибся, — он посмотрел на Майлза, потом перевел взгляд на Джона, — давно ушли от меня. Но так уж и быть, — вздохнул он после долгого молчания, — я расскажу вас о своем замысле, — а затем почему-то кивнул Везелу.

Это было похоже на сгущающийся воздух, словно он неожиданно стал осязаемым. В глазах слегка помутнело, но ненадолго; спустя три-четыре секунды все прекратилось. И все изменилось.

Везел, последний раз трепыхнувшись, словно выброшенная на берег рыба, замер, двое одержимых за его спиной и спиной Блэкснейк будто пережили инсульт; они больше не держали у их горла серпы, уронив оружие на землю, и стояли, слегка пошатываясь, с открытыми ртами, из которых текли слюни, смотря в никуда рыбьими глазами.

Жнец тоже выглядел неважно, согнувшись и держась за грудь. Теперь он больше не выглядел грозным врагом, способным легко одолеть таких сильных Охотников, как Джон и Майлз. Сейчас он больше походил на немощного старика с изуродованным лицом, перевязанным бинтами.

— Чего вы стоите? — выдавил он из себя. — Убейте их. Джон даже не сразу понял, к кому обращается Жнец, но когда все же осознал, сильно удивился, однако выполнил его... волю и пристрелил двоих одержимых, благо в его автомате все еще оставались патроны из амбисидиана.

Он подумывал, не отправить ли вслед за ним и Жнеца, явно ослабленного. Однако его интересовали ответы на давнишние вопросы, один из которых возник прямо сейчас: почему Жнец, в отличие от своих людей, не превратился в такой же не соображающий кусок мяса? Да, он явно находился не в лучшей форме, но продолжал соображать и мог говорить, отдавать указания, пусть и звучащие как нечто совершенно противоестественное.

Джон боялся, что внутри Жнеца сидит Высшая Тень, на это многое указывало, и вот сейчас появилось еще одно доказательство. Прежде, чем все закончить, необходимо во всем разобраться.

Потребовалось еще минуты две, прежде чем Жнец все же более-менее пришел в себя.

— И что это было? — поинтересовалась Афро, выразив общую мысль.

Жнец лишь усмехнулся в ответ, а затем выложил им весь свой план, точнее, не сам план, а скорее, цель, пусть и начал издавека, однако именно там и скрывались мучающие многих ответы. Она была далеко от того, на что рассчитывали Тени, и знание о ней могло быстро перевести их из разряда союзников во врагов, которые не будут церемониться и убьют его, а лишь потом наиболее разумные из одержимых задумаются о своем будущем.

Что будет, когда ядерный взрыв создаст столько энергии, чтобы на короткое время открыть портал достаточно широко, дабы в него могла пролезть Высшая Тень?

Жнец выдвинул теорию, довольно логичную, потому что даже Тени, давно прожившие в телах одних и тех же людей, а значит, ставшие очень сильными и умными, считали, что она небезосновательна. А теория заключалась в том, что Великая Мировая Катастрофа была вызвана по вине самих людей.

Человеческие мысли и чувства несут в себе заряд энергии — положительной или отрицательной, и чем сильнее они, тем больше энергии высвобождается. Но куда она девается? Одни злятся на кого-то, другие за кого-то рады, а многие испытывают чувства по отношению к себе: гордость за проделанную работу, радость из-за неожиданного известия, злость на себя за ошибки, и даже попытка настроить себя на нужный лад для предстоящих свершений. «Я сделаю!», «Я смогу!», «У меня получится!», «Я лучше всех!»; «Я ничтожество!», «Я неудачник!», «Ненавижу себя!»

Эта энергия налипает на человека, словно невидимые слои эмоциональных сгустков. Жнец полагал, что это и есть то, что многие называют аурой.

Но что происходит с энергией, направленной на то, чего не существует?

Что происходит с энергией молитв, обращенных к Богу?

Дойдя до этого момента, Жнец рассмеялся, и теперь его смех уже больше походил на сумасшедший. Когда-то он был священником и неистово молился, но те времена прошли, однако энергия этих молитв продолжала витать в воздухе и, вероятно, стала одной из капель в

океане, подмывшем стену бытия.

Он считал, что она накапливается в атмосфере, и это одна из причин глобального потепления, о котором так рьяно рассуждали еще до Катастрофы, обвиняя то вредные автомобили, то фабрики и заводы, даже животных и тучных людей, потеющих слишком интенсивно.

Когда энергии стало слишком много, и ей некуда стало деваться, она высвободилась вся разом. Мир потряс величайший катаклизм, а в некоторых местах, где консистенция оказалась слишком большой, появились прорехи в пространстве, через которые тончайший лучик энергии проник в другой мир, где соединился с тамошней энергией и создал Дыру.

Частично это подтверждалось и самими Тенями. Злобные и голодные твари, эмоции которых заиклены лишь на желании жрать и ненавидеть все вокруг, но, помимо этого, еще и желании жить, выживать любым путем.

— Но ведь считается, что Дыры появлялись задолго до появления человека, — резонно заметил Джон. — Как-то это не сходится.

— Я не закончил, — терпеливо ответил Жнец и продолжил.

Чтобы собрать достаточное количество энергии и открыть портал в иной мир, простых чувств и эмоций недостаточно, хотя, в большом количестве, они могут оказать действительно огромное подспорье.

Согласно закону сохранения энергии, ничто не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда. Однако это верно лишь наполовину. Энергию и правда невозможно уничтожить, кроме как переместить ее в иной мир, однако сама она может возникнуть из вещи, являющейся величайшим чудом во всех мирах, — из разума.

Разум — бесконечный источник энергии. Человеческая фантазия, фантазия вообще всех разумных существ, безгранична. Примером может служить хотя бы то, что человек изобретает вещи, которые невозможно встретить в неразумной Вселенной, и придумывает фигуры, не встречающиеся в природе.

Когда в прошлом на Землю упал метеорит, уничтоживший многих динозавров, высвободившаяся энергия открыла порталы, через которые и пришли Тени. Приходили они и позже, в период различных катаклизмов, хотя в те времена у них не было резона задерживаться в этом мире надолго.

Пока не появились люди. Разумные существа.

Благодаря энергии, выделяемой людьми, порталы можно было открыть намного проще. Не нужны были колоссальные катастрофы, лишь относительно небольшое высвобождение энергии, как, например, при извержении Везувия, Хиросиме и Нагасаки или аварии на Чернобыльской АЭС, и еще эпидемии чумы в средние века, когда огромное количество людей изнутри гризли страх и отчаяние, высвобождая колоссальное количество энергии. Все эти события стали

причиной открытия порталов.

Однако не все так просто. Для открытия портала всплеск энергии требуется не только на одной стороне, но и на другой, а иначе возникший тонкий луч энергии канет в небытие. Благо мир Дыры сам по себе является миром-катастрофой.

Та Вселенная почти мертва, звезды гаснут одна за другой, а планеты превращаются в мертвые куски камня, где даже ядро покрылось толстой коркой льда. Тени не знают, из-за чего это происходит, да уже и не задумываются об этом, их мышление давно превратилось в примитивные, пусть и очень ярые желания.

Планета Теней, судя по всему, одна из немногих, что еще жива, но их местное Солнце едва ли светит, не пройдет и десяти тысяч лет, как оно окончательно погаснет, а планета уйдет вслед за ней, если не раньше. Там постоянно происходят землетрясения и другие катаклизмы, некоторые из которых не слабее той, что произошла на Земле десять лет назад.

— К счастью для них, но к сожалению для нас, наш мир оказался достаточно близким, чтобы с ним можно было контактировать, — подытожил Жнец. — Так или иначе, но им удалось открыть Дыры в очень подходящий для них момент. Человеческая злоба, постоянные войны, страх перед грядущим, религиозная истерия, все это выплеснуло в атмосферу огромное количество энергии, а если учесть количество людей на момент Катастрофы, и положение дел, думаю, это оказался самым большим всплеском энергии за всю историю человечества, что привело к тем последствиям, о которых вы прекрасно осведомлены.

— Я все еще не понимаю, — покачал головой Грасс после долго молчания и осознания слов Жнеца; лично Джон мало верил его словам, хотя звучало все логично — похоже, Жнец искренне верил в то, о чем говорил, пусть, очевидно, и получил эти знания от Теней, которым доверять полностью просто глупо. — Ты в самом начале сказал, что если мы убьем тебя, то все закончится плачевно. Почему? Куда уж плачевней ядерного взрыва посреди города?

— Вы знаете, почему Тени не способны вселиться в Охотников? — задал он вопрос вместо ответа.

— Потому что в нас есть активный ген, доставшийся от Теней, когда те посещали Землю тысячи лет назад, вселялись в людей и зачинали детей.

— Технически, это верно, — согласился Жнец. — Вот только ген Охотника, как вы его называете, присутствует во всех людях без исключения. Охотникам повезло, а может, наоборот, в том, что он пробудился. Однако, — назидательно поднял он палец, — в том, что Тени не способны вселиться в тело Охотника, вы заблуждаетесь. Это похоже на то, как они не могут, а точнее, не хотят входить в церковь или любое другое религиозное место, — продолжил Жнец после короткой паузы. — Все это подсознательное. Им может причинить вред золото и серебро, а в церквях обычно полно утвари из этих металлов. Тени глупы, в них играют лишь инстинкты, поэтому они так слабы.

— И как это относится к Охотникам? — спросил Грасс. — Ты все дальше отходишь от темы с каждым новым предложением.

— А вы куда-то торопитесь?

— Не ты ли говорил, что здесь неподалеку атомная бомба лежит?

— О, не волнуйтесь, она не взорвется раньше времени, я же не так глуп, чтобы убивать себя, тем более таким изощренным способом. Да даже если она и взорвется... Так, на чем я закончил?

Жнец продолжил свой рассказ о взаимосвязи Охотников и Теней, и каждый новый факт казался не менее сомнительным и фантастическим, чем все предыдущие. Трудно было представить, что десятки, и даже сотни ученых бьются над проблемой Теней уже много лет, но мало чего достигли, а Жнец знает ответы чуть ли не на все вопросы.

Охотникам тоже было выгодно потянуть время, ибо Жнец явно никуда не спешил уходить, а подкрепление должно было прибыть примерно минут через десять, хотя потом им еще придется искать спуск вниз и расставлять кордоны. Неплохо было бы сообщить им о заложенной ядерной бомбе, даже если это ложь.

Возможно, Жнец и не догадывается о подмоге со стороны организации, будучи уверенным, что сеть здесь не ловит, а может, и это было бы очень плохо, вообще не считает это проблемой, заранее продумав пути отхода.

Тени, по словам Жнеца, не способны вселяться в себе подобных, это абсолютно противоестественно, однако любые другие живые существа представляют для них прекрасный сосуд, особенно люди. А все благодаря разуму.

Однако Охотники, Хомо Эребус, имея пробужденный ген, можно сказать, обладают несколько иной структурой ауры, близкой к самим Теням, из-за чего ночные твари подсознательно не желают вселяться в их тела, а учитывая, что люди с абберациями, несмотря ни на что, остаются людьми и имеют соответствующую энергетику, Тени, будучи не особо сообразительными, теряются от такого парадокса и, не находя иных вариантов, вместо вселения в тело такого человека, пытаются от него избавиться.

— Как говорится: «Нет человека — нет проблем», — усмехнулся Жнец.

— Даже если это правда, — с сомнением протянул Грасс, — доказать это все равно невозможно. Если Тени не желают вселяться в тела Охотников, то заставить их не получится.

— Если, конечно, Охотник не обладает подходящей для этого абберацией, — продолжил за него Жнец. — Разве вам не показалось странным, что мне поплохело, когда Везел воспользовался своими способностями, а Тени в одержимых и вовсе, можно, сказать, потеряли связь с телом?

— Тогда почему ты сам не отключился, как они? — неожиданно подал голос Бертон. Он мало что понимал из услышанного, но кое-что до него все же доходило.

Жнец посмотрел на него, как на идиота.

— Потому что Тень не контролирует мой разум, — ответил он, словно разъясняя очевидные факты малому ребенку. — Я тоже, как вы себя называете, Хомо Эребус, и тоже являюсь для Теней парадоксом, однако Тени, по неизвестным даже мне причинам, могут почти беспрепятственно проникать в мое тело, но взять его под контроль для них почти невозможно. Это, можно сказать, защитный механизм, и пока я этого не позволяю, Тень сидит во мне тише воды, даруя мне все те же способности, что и одержимому. Моя регенерация превосходит регенерацию любого Охотника, на меня не действуют яды, а самое главное — я сильнее любого из людей, что легко подтвердят Майлз и Джон.

Жнец в прямом столкновении смог победить Майлза, а тот, в отличие от Жнеца, фигура не маленькая, и нет никакого объяснения его превосходства, кроме как одержимостью Тенью. Джон думал так с самого начала, однако и помыслить не мог, что Мрачный Жнец окажется не простым одержимым, а таким же Охотником, как и он, пусть и уверял, что это так при их первой встрече.

— Я тебе не верю, — выплюнул он. — Охотник? Ты? Можешь водить за нос своих шестерок, но не нас.

— Тогда как ты объяснишь то, что я остался в сознании после использования способности Везела?

— Кто знает, на что способны Высшие Тени.

Лицо Жнеца было перебинтовано, но Джону показалось, что он удивленно поднял брови. Это можно было бы принять за удивление догадливостью Охотника, если бы секунду спустя Жнец не залился раскатистым глухим смехом.

— Высшая Тень? Во мне?! — глумливо переспросил он. — Да вселись в мое гниющее изнутри и снаружи тело Высшая Тень, я бы рассыпался в тот же миг, или самовоспламенился, превратившись в угли. Даже будь я здоров и достаточно силен, чтобы выдержать подобное существо, я не смог бы контролировать Высшую Тень и не говорил бы сейчас с вами, потому что от вас самих остались бы одни лишь головешки.

Он снова рассмеялся, но уже не так залихватски. Джон лишь поджал губы. Он ни с кем не делился своими опасениями, боясь произнести это вслух, хотя и полагал, что не один об этом задумывается. Однако сейчас он чувствовал себя глупцом, ляпнувшем, как это полагается, несусветную глупость. Он не подумал о том, что Высшая Тень намного сильнее обычной, а значит и тело ей нужно соответствующее. Даже если бы она и вселилась в Жнеца, то как только у того начало разрушаться тело, оно бы нашло себе новое.

— Вот мы и подошли к самому главному, — вновь заговорил Грасс. — Даже будь ты в лучшей своей форме, а это явно не так, то не смог бы одолеть нас всех, а значит, оставил бы при себе пару десятков одержимых и Охотников. Судя по тому, что это не так, ты не собирался нас убивать. Почему? Только чтобы показать собственное величие на волне триумфа?

— Вы все еще не поняли, зачем я это делаю, — констатировал он, качая головой. — Вы не поняли, на чьей я стороне.

— Так просвети нас.

— Вы проигрываете, — изрек он бесцветным голосом. — Уже проиграли. Катастрофа случится вновь, но вот когда — никому не суждено узнать. Поэтому я и решил создать свою собственную, контролируя и направляя ее в нужное русло. Чтобы лавина не накрыла людей в горах, опасную территорию огораживают, на опасном участке устанавливают взрывчатку, а затем искусственно обрушивают поток снега, точно рассчитав его путь. В моем случае все несколько иначе. Жертв не избежать. Не потому, что не желаю этого, а потому, что это попросту невозможно.

— Выпустить в мир сотни, а то и тысячи Теней, среди которых будут и Высшие, — это во благо самого мира?

— Это во благо будущего. Когда откроется портал, и в наш мир войдут Высшие Тени, на пороге их буду ждать я. Хомо Сапиенс — это изживший себя вид, будущее за Хомо Эребус. Мы сильнее людей, у нас есть аберрации, и нам практически не страшны Тени. Однако сами Тени не считают нас серьезной угрозой, а Высшие Тени и подавно, они желают новый мир, и плевать, если большая его часть погибнет. Они считают, что смогут использовать людей: одних как сосуды и для размножения, других же ради пропитания, однако им нужны еще и рабы, чтобы строить заводы, стены, дома, рыть подземные туннели, где они смогут прятаться от пагубных солнечных лучей. Они хотят затянуть все небо непроницаемым слоем дыма, устроить настоящий ледниковый период. На это уйдут сотни лет, но им некуда спешить, потому что обычные люди ничего не смогут им противопоставить.

— И им могут противостоять лишь Охотники, — задумчиво покачал головой Грасс. — Но зная это, в первую очередь они избавятся именно от нас.

— Вот именно, — кивнул Мрачный Жнец. — И я единственный, кто может с ними договориться.

Джон аж крикнул от такого заявления. Остальные тоже не смогли совладать со своими эмоциями, особенно Афро, которая насмешливо фыркнула.

— С чего ты взял? — спросила она.

— Я Охотник, но при этом во мне Тень. Я очень силен, и Высшие Тени это увидят. Они будут надеяться, что появятся еще такие же, как я, только без подобных болезней, — он указал на свое забинтованное лицо. — Превосходнейший сосуд. Я хочу уговорить их, чтобы они не убивали людей, рожденных с геном Охотника, потому что он может передаваться через поколения, и когда-нибудь могут появиться такие же, как я. Самих Охотников можно использовать в качестве рабов. Но это лишь до поры до времени. Будучи рожденным напрямую от одержимого, шанс обрести данный ген крайне велик. Пройдет поколение или два, прежде чем Тени поймут, что вокруг огромное количество Хомо Эребус, в которых они не могут вселиться, и тогда Охотники начнут действовать. Хомо Сапиенс почти не останется, и все они

будут одержимы. Когда Тени будут уничтожены, на Земле останутся лишь Эребусы, и, продолжая размножаться лишь с себе подобными, ген не впадет в спячку, как это произошло с нами, а всегда будет активен у всех последующих поколений. Это эволюция.

— Это безумие, — ответил Джон. — Ты собираешься убить миллионы, миллиарды людей, чтобы спасти кучку, которая, по твоей теории, должна превратиться в новую расу?

— Кучку? Охотников тысячи по всему миру. Десятки тысяч. И это только лишь те, у кого пробудились силы. Когда Землю заселят Тени, они, сами того не подозревая, активируют все еще спящий ген у всех остальных людей. Оставив их в живых, Тени сделают огромную ошибку, которая приведет их к уничтожению.

Вы разве не понимаете? Тени рано или поздно, но прорвутся в наш мир, в тот самый момент, когда мы будем ждать этого меньше всего, и тогда они перебьют всех. Во мне есть Тень, и я почти десять лет готовился к этому дню. Тени знают и доверяют мне. Когда явятся Высшие Тени, я расскажу им о проделанной работе и заключу договор. Даже если Теней в их мире не восемь миллиардов, как нас, а в тысячи раз меньше, не каждый человек подходит быть сосудом, и если они всех перебьют, то так и останутся в своей форме тьмы. Высшие намного умнее обычных даже без сосуда, так что они поймут и послушают меня.

— Если они действительно такие умные, то они без труда разгадают твой план. Либо вообще не будут слушать.

— Вряд ли. Именно они направили сюда Теней, но даже не подозревали об Охотниках, боясь лишь золото, серебро и яркий свет. Они не знают, как именно появляются Охотники, что именно они тому причина. Пребыв на Землю, им будет не до подобных мелочей, они будут заняты другим, и не успеют оглянуться, как у них за спиной появится армия Охотников. Даже без амбисидиана мы можем их победить, разве вот они не доказательство? — Жнец указал на Оливера, Майлза и Везела.

— Их всего пятеро.

— Их уже пятеро, — поправил Грасса Вольфганг. — Они появились тогда, когда больше всего были нужны. Я верю, что способности Охотников тоже зависят от энергии, которая появляется, когда человек думает о самом себе, о своем будущем, пусть даже и неосознанно. Я перестал верить в Бога и хотел заполнить образовавшуюся пустоту внутри себя, и что произошло? Теперь внутри меня Тень. Ты, Джон, не можешь спать. Почему? Возможно, потому, что просто боишься этого. Насколько я знаю, Катастрофа застала тебя, когда ты мирно спал в своей постельке. Мы обладаем тем, о чем желали подсознательно, а может, и в открытую.

Джону не понравились слова Жнеца, да и не верил он в подобное. Возможно, он и правда боялся спать с того дня, как на него рухнула крыша, но ему все же удалось выжить, в отличие от его матери. Однако как можно объяснить Мефистофеля в его голове? Джон явно не нуждался в вымышленных друзьях. Возможно, Мефисто вообще не имеет отношения к абберациям, а является самым что ни на есть плодом больного сознания. Джон даже не знал, что из этого хуже: нужда в призрачных друзьях (хотя Мефисто трудно назвать другом) или сумасшествие.

Но, с другой стороны, слова Жнеца имеют смысл. Оливер увидел, как Тени вселяются в его друзей и подсознательно желал избавиться их от ночных созданий; Мейсон просто любитель подраться, поэтому и может наносить урон одержимым даже голыми руками; Везел не желал вообще знать о существовании Теней, хотя явно повстречался с ними когда-то в прошлом, вот и уничтожает, будто их никогда и не было; Миранда хрупкая и слабая девочка, боящиеся подпускать к себе все, что ее пугает, а нет ничего страшнее Теней. Но вот со Сьюзен дела обстоят несколько иначе. Она до сих пор потрясена смертью родителей, но ее касание убивает одержимого и Тень в нем. Совсем не вяжется с теорией Жнеца. Да и существует куча Охотников, которые не обладают способностями, кроме как стандартных аберраций, например, те же Майлз и Грасс, если не считать у второго амбидекстрию.

Спорить Джон не собирался, тем более что переубедить Жнеца все равно не получится, а времени на это уйдет много.

— Если ты собираешься расширить портал с помощью ядерного взрыва, то как ты потом сюда попадешь? Здесь все будет разрушено, а радиация убьет тебя быстрее, чем мы.

— Тут вы не правы. Я ведь говорил уже, что Тени живут в мире, где почти нет атмосферы. Космическое излучение практически безостановочно пронзает их умирающую планету, так что у них к ней, можно сказать, иммунитет. Радиация от взрыва ядерной бомбы, конечно, нечто иное, но и она для них не должны быть большой проблемой. Я, как вы можете видеть, болен болезнью Гюнтера, от которой нет лечения. Иронично, не правда ли. Я, как и Тени, в том числе и та, что внутри меня, должен по возможности избегать солнечных лучей, а иначе вскорости умру. Да и жив я до сих пор лишь благодаря Тени внутри меня. Не беспокойтесь, я успею договориться с Высшими Тенями раньше, чем покину этот мир.

— Ты так в этом уверен? — едко поинтересовался Майлз, до этого мрачно молчавший. — Что нам мешает убить тебя прямо сейчас? Всем вместе нам удастся не допустить взрыва. Сюда направляется подмога в лице всех членов организации. — Джон тяжело вздохнул и выругался про себя. — Тебе не выбраться отсюда живым. Если произойдет взрыв, то ты тоже покойник.

— Вам же хуже, — пожал плечами Жнец. — Как, вы думаете, отреагирует мир на взрыв ядерной боеголовки в центре Нью-Йорка? Они всеми силами будут пытаться узнать, кто в этом повинен. И не беспокойтесь, ответ я им предоставлю. Меня удивляет ваша беспечная глупость. Вам уже должно понять, что я предусмотрел все нюансы. Сразу после взрыва мой человек — пусть он будет называться человеком — разошлет во все новостные агентства анонимные сообщения, что во взрыве виновата организация «Тенелов». Подробностей раскрывать не буду, но народ, как это говорится, схавает. Начнутся бунты, а затем и война. Представьте себе — гражданская война в масштабе всего мира. Простой люд против мирового правительства, использующего комендантский час, как прикрытие для уличных боев без правил. В атмосферу выделится столько энергии, что через несколько лет случится вторая Великая Катастрофа. В Первую мировую войну в мире было менее двух миллиардов человек, во Вторую — менее двух с половиной, когда случилась Катастрофа — около восьми, однако с сороковых годов все было относительно тихо. Сколько потребуется времени, чтобы набрать новую энергию, если в войне будет задействовано все население Земли? Год? Три?

Джону даже думать об этом не хотелось. Он не до конца верил словам Жнеца, но должен

был признать, что тот говорит вполне логичные вещи. Чтобы произошла Великая Мировая Катастрофа, понадобилось очень много времени и энергии, но для новой понадобится не меньше. Вряд ли Жнец знал точное количество, и, возможно, война, если она действительно случится, не приведет ни к чему, кроме бессмысленных жертв.

Как часто происходят планетарные катастрофы? Раз в десятки и сотни миллионов лет? Последнее было, когда вымерли динозавры? Но для этого понадобился огромный метеорит, на полной скорости влетевший в Землю. Для Великой Мировой Катастрофы, возможно, понадобилось энергии, которая возростала еще с того времени!

Жнец сам уверял, что небольшие порталы открывались в разные эпохи, в том числе и в истории человечества. Дыры открывались, Тени проникали в наш мир, но их было откровенно мало и они не могли сделать что-то значительное и, возможно, давно погибли. А еще Жнец говорил, что энергия способна уходить через эти самые порталы и даже не открыть портал в другой мир, если там нет ответной реакции. Получается, что мелкие катастрофы, катаклизмы и бедствия защищают нас от полномасштабной Катастрофы. Защищали.

Крупных войн не было уже относительно давно. Хиросима с Нагасаки и Чернобыльская АЭС вряд ли могли открыть порталы достаточно широко и надолго, чтобы через них прошло много энергии, а с учетом того, что там, если верить Жнецу, открылись Дыры, то, получается, и с другой стороны энергии пришло не меньше, а значит, ничего не изменилось.

Так или иначе, но энергия, если она причина открытия Дыр, в том числе и мысли людей, накапливалась очень долго, явно больше двух-трех лет. Если Жнец взорвет бомбу и устроит мировую войну, то это обернется катастрофой, но совсем не той, на которую он рассчитывает.

— Если ты возлагаешь на эту пятерку такие надежды, то почему пытался убить их? — неожиданно спросила Афро. Жнец как-то недовольно на нее зыркнул.

— Потому что вот этот нюанс он не учел, верно? — хмыкнул Грасс, и, судя по мрачному молчанию Жнеца, это было правдой. — Ты не знал о подобных способностях, которые могли возникнуть у Охотников, а потому даже не посчитал, что кто-то сможет тебе помешать больше, чем те Охотники, о которых ты знал.

— Все верно, — спокойно ответил Жнец. — Они стали для меня угрозой, и не только из-за предсказания. Их способности особенные, отличные от большинства других. Они, можно сказать, Охотники нового поколения, даже этот, — он указал на Везела, который все еще не пришел в себя. — Вначале я испугался и решил, что проще от них избавиться, но потом передумал. В будущем таких, как они, будет намного больше, все Охотники смогут напрямую противостоять Теням, уничтожать их и сдерживать без всякого амбисидиана и ультрафиолетовых фонарей, но сейчас их пока лишь пятеро. А что, если именно их потомки станут спасителями человечества? Я в этом не уверен, но зато знаю, что они сильно могут мне помочь. Особенно Везел.

— Это каким же образом?

— Пусть Высшие и разумны, но они могут решить, что справятся со всем и без меня. Вот

тут-то мне и поможет способность Везела уничтожать всех Теней вокруг. Запасной вариант, можно так сказать, если все пойдет не по плану.

— А сейчас, значит, все идет по плану? — с сомнением спросил Грасс.

— А как же.

— Даже наше появление? Ты, если не заметил, находишься под прицелом пяти человек. Хватит одного выстрела, чтобы вынести тебе мозги.

— Я в этом не сомневаюсь, но в этом случае тут же погибните и вы, а в скором времени и большая часть человечества, и если я не договорюсь с Тенями, то они и Охотников не пощадят.

— Думаю, мы сможем этого избежать.

Внезапно Жнец громко хлопнул в ладоши, а спустя несколько секунд с лестницы, ведущей куда-то вверх, спустилось двенадцать человек, и все с автоматами в руках, словно их начали массово продавать во всех ларьках города пригоршню за доллар.

Судя по лицу Блэкснейк, она тоже не знала, что здесь кто-то остался, кроме нее с Везелом да Жнеца. Как и она, все двенадцать человек оказались Охотниками, предавшими организацию и перешедшими на сторону сумасшедшего Жнеца. Был среди них и Крис Аквилани, от вида которого Афро едва себя сдержала, чтобы не всадить в него всю обойму, наплевав на последствия. Свой привычный кинжал он тоже сменил на автомат.

— Это мои люди, которым я доверяю больше всего, — пояснил Жнец. — Последним стал Крис, который прошел испытание, пусть и не совсем идеально.

Оливер поежился. Если бы не его неусидчивость, лицо этого предателя стало бы последним, что он увидел в жизни. Этот человек без колебаний пырнул Афро ножом, а затем собирался перерезать ему глотку, пока тот беспомощно лежал в кровати (по крайней мере, Оли именно так это себе представлял), и остальные одиннадцать человек являлись не менее безжалостными.

— Среди них мог быть и ты, Майлз, — продолжил Жнец. — Я давал тебе больше всего шансов, ибо надеялся на твою силу, но, увы... Они все знали о моем плане, правда, без подробностей. Теперь о нем знаете и вы. Вижу по лицам, что он вам не по нраву, но это уже не имеет значения.

Жнец поднялся с кресла легче, чем по нему можно было бы предположить. Тень внутри давала ему много сил. Кажется, он полностью пришел в себя после воздействия Везела.

— Куда это ты собрался? — угрожающе насупился Майлз. — Не думаешь же ты, что мы просто так тебя отпустим.

— Именно так и думаю. Нас больше, и даже если вы перестреляете большинство из нас, вы тоже погибнете. Погибнут эти двое, — Жнец указал на Оливера и Мейсона, — да и Везела

может задеть, а вы, насколько я знаю, возлагаете на них большие надежды. Как я уже сказал, моя смерть принесет вам больше проблем, чем облегчит жизнь.

Жнец приказал одному из его Охотников забрать Везела с собой, и компании Джона пришлось посторониться, чтобы всех их пропустить. Напоследок Жнец обернулся:

— Я вам тоже не советую мешкать, если не хотите оказаться в радиусе поражения. Вы живы лишь потому, что можете стать первым поколением Охотников, чьи потомки в будущем спасут мир от Теней. Ведь чем больше Охотников, тем больше шансов перебить всю дичь, пока та не оскалила клыки.

С этими словами он скрылся в темных туннелях подземных ходов, даже не взглянув на продолжающую сидеть в кресле Блэкснейк. Возможно, он давал ей выбор: остаться с организацией или последовать за ним, чтобы вершить будущее, его будущее. А может, он просто давал ей понять, что ему она больше не нужна. Так или иначе, Фолла даже не дернулась, чтобы последовать за своим предводителем, тупо смотря в прогорающий костер.

Жнец отправился не налево, откуда пришли Джон и остальные, а в противоположную сторону, где, очевидно, был ближайший выход на поверхность. Либо наоборот, самый дальний, достаточно, чтобы они сумели проскользнуть мимо кордона Охотников организации, которые должны находиться где-то над головой.

— И что, мы не пойдём за ним? — гневно спросил Майлз.

— А смысл? Их больше, и у них у всех полные патроны автоматы. И Везел в заложниках.

— Буквально десять минут назад мы разобрались с целой толпой этих ублюдков, их было еще больше. А на Везела плевать.

— Эти ублюдки, как ты выразился, — пояснил ему Грасс, — были необученными сопляками, обычными людьми и новоявленными одержимыми, а эти двенадцать — профессиональные Охотники. Один из них, Леон, обладает феноменальной меткостью, даже Бертон не годится ему в подметки, ты уж извини, детектив. Его одного хватит, чтобы нас всех уложить по выстрелу на каждого, а некоторых я вообще вижу впервые.

— Да знаю я, — прошипел Майлз и сплюнул в огонь. — И что будем дальше делать?

— Выбираемся наверх. Нужно все рассказать Ками... Бобби. Если, конечно, он будет нас слушать.

Назад пробирались быстрее, хотя все же на всякий случай проверяли каждый поворот на случай засады. Жнецу верить было нельзя, этот соловей сладко поет, но уста его яда полны, а иначе у него не набралось бы столько сторонников. Возможно, и весь этот рассказ был лишь последней попыткой переманить на свою сторону кого-нибудь из оставшихся в живых. Однако в последнее время он их лишь терял.

Блэкснейк бежала наравне со всеми, если не считать, что ей не дали оружия, а находилась

она в самом центре группы, и за ее спиной маячило направленное на нее оружие. Одно неверное движение, и сестра Хелин окажется изрешечена свинцом.

Когда они очередной раз свернули за угол, то сами чуть не оказались продырявлены. Ведьмак обессилено опустил руку с пистолетом. Викинг же и вовсе оказался без сознания, но все еще жив. Видимо, его ранение было серьезней, чем предполагалось.

Вытащить их все еще не представлялось возможным из-за угрозы повредить что-нибудь, что и так держится на силе воли.

— Долго вы, — выдохнул Ведьмак. — Что со Жнецом?

— Он... ушел. Долго объяснять. Нам нужно убираться отсюда.

— Сам я не смогу...

— Это понятно. Нам нужны носилки.

Было решено, что Афро и Бертон останутся с ранеными и потуже перевяжут впопыхах затянутые импровизированные повязки, а остальные направятся наверх и приведут подмогу.

Идти предстояло не около часа. Бомба могла взорваться в любой момент, но если Жнец собирается улизнуть из города до начала светопреставления, то до минуты икс остается не менее пяти часов. Нужно было не просто найти бомбу, но и обезвредить ее, а перед этим пробиться через полчища одержимых и Теней, готовых пожертвовать собой, чтобы впустить в мир своих истинных хозяев — Высших.

Некогда было раздумывать над тем, почему Жнец сразу не смылся из города. У этого странного человека свои мотивы и способы достигать желаемого, зачастую противоречащие друг другу.

Как оказалось, путь назад занял почти в два раза меньше времени. Не нужно было взламывать замки и открывать двери, плутать по коридорам в поисках следующего прохода и утыкаться в тупики, а общий темп явно увеличился, словно ноги стали длиннее, чем были час назад.

Когда пестрая компания выбралась из подвала дома, на улице все еще главенствовала тьма. До рассвета оставалось около двух часов.

Все то время, что они провели в туннелях, Грасс запоминал каждый поворот и высчитывал примерное расстояние.

— Нам лучше поторопиться, — сказал он и бегом направился в ту сторону, где уже должен был обосноваться кордон. Во время этого бега впервые за все время их встречи заговорила Блэкснейк:

— Что с моей сестрой? — Вопрос был направлен в воздух, но Джон не сомневался, что

ответа она ждет именно от него. И что можно ответить? В последний раз он видел ее, когда они расставались перед дверьми здания организации после спасения Джона. Ее не пустили внутрь, что он считал крайне несправедливым, ведь она помогла в той операции не меньше, чем профессиональные Охотники, и заслужила хотя бы того, чтобы проникнуть за стены штаба и побыть с тем, ради кого рисковала жизнью.

Лишь позже, проведя много времени в раздумьях, Джон все же осознал, что так и вправду было лучше для всех. Окажись она вместе со всеми на базе, то уже не смогла бы так просто из всего этого выпутаться. Жнецу не было до нее дела, но стань она помехой, он бы вписал ее в свой черный список наравне с остальными Охотниками. Ей пришлось бы некоторое время пожить на жилом этаже вместе со всеми, и когда началась бойня, она могла бы оказаться в самой ее гуще, а будучи неспособной себя защитить, попросту погибла бы.

Джон бы себе этого не простил.

— Думаю, с ней все в порядке, — ответил он.

— Думаешь? — пророкотала она.

— Жнецу до нее нет никакого дела, а больше опасаться ей некого.

Девушка ничего не ответила. Джону было не до любезностей с той, благодаря кому его похитили и почти две недели пытали и держали на строгой диете. Блэкснейк мучила его со стержовым удовольствием, так что не было никакого желания теперь удовлетворять или щадить ее чувства. Джон и сам не знал о Хелин и волновался, но признаваться в этом ее сестре не стремился.

Через несколько минут, когда невозможно уже было дышать носом, и приходилось прикрывать рот рукой, вдыхая морозный зимний воздух, обжигающий легкие, они увидели впереди первых Охотников. Они почти сразу узнали бегущих к ним людей, и потому, когда Грасс поравнялся с ними, не стали рассусоливать и сразу показали, где искать Бобби, в спину добавив, что тот сильно рассержен.

Он стоял недалеко от полуразвалившегося собора, который когда-то был поразительно красив, но нынче от его былого величия остались лишь жалкие крупицы, да и те закрыты от взора строительными лесами.

— Черт бы вас побрал с вашей самодеятельностью! — вместо приветствия разразился Бобби. — Я ведь приказал ничего не предпринимать.

Рядом с ним находились Сьюзен, Миранда и Эвила.

— Потом поорешь, — прервал его тираду Грасс, тяжело дыша. — Там Ведьмак и Викинг, им нужен доктор.

Бобби быстро вник в ситуацию и распорядился о враче, благо, он заранее подумал о том, что кому-то из «самодеятелей» может понадобится медицинская помощь. Дорогу вызвался

показать Джон, однако Грасс его остановил.

— Это же собор, где находился Жнец. Там должен быть спуск вниз.

— Мы проверили здание, но там все еще валяются обломки и прохода мы не находили, — сообщил Бобби. — Но я прикажу проверить все тщательнее. Где Жнец?

— Смылся. Но не это главное.

Грасс как можно более емко рассказал о том, что сообщил им Жнец. Конечно, чушь об ауре, энергии и липучих мыслях людей он умолчал, поведав лишь о бомбе и планах устроить катастрофу глобального масштаба, где людей может погибнуть намного больше, чем от Великой Катастрофы, при этом не из-за землетрясений, цунами и извержений вулканов, а от таких же людей.

Конечно, о его примерных планах они уже знали, однако понятия не имели, как он решил их осуществить. Узнали. Вот только предрекаемого удовлетворения это знание не принесло, скорее, наоборот.

— Ну и дела, — лишь протянул Бобби, почесывая затылок, и только тут он заметил Блэкснейк и Майлза, удивившись живучести последнего.

— Вы захватили этих двоих?

— Можно и так сказать. Майлз сам вызвался нам помочь; когда мы спустились в туннели, он уже был там. А Блэкснейк Жнец бросил сам.

— Как вы могли? — полусшепотом спросил Бобби, поочередно глядя в глаза предателям. Фолла не выдержала и отвела взгляд, поджав губы. Тор же смотрел твердо.

— Сейчас не время об этом говорить, — сказал он.

— Это верно. Времени у нас будет предостаточно. Том! Шива! — крикнул он куда-то за спину. К нему почти сразу подбежали двое.

Том, молодой Охотник с короткими волосами и маленьким носом, часто бегал на побегушках у остальных. Его миловидное лицо и большие искренние глаза не позволяли относиться к нему серьезно, а зря. Его способность была в том, что он мог чувствует то, что ощущают другие люди рядом, и даже подменять эти чувства, слегка дезориентируя противника, что давало шанс его прикончить.

У Шивы способность была еще более необычной, хотя в бою она являлась бесполезной.

— Том, передай всем, кто свободен, чтобы они обязательно отыскиали вход в подвал собора. Живее! Том убежал выполнять приказ.

У Шивы задание оказалось куда важнее.

— Фолла, — обратился Бобби к Блэкснейк. — Насколько близка ты была со Жнецом?

Фолла не один год работала на организацию и прекрасно знала о способностях Шивы.

— Достаточно, — сухо ответила та.

Бобби кивнул Шиве, и та подошла к Блэкснейк вплотную. Последняя не сопротивлялась.

Шива взяла ее голову в руки и приложила свой смуглый лоб к голове бледной Фоллы, закрыв глаза. Все затаили дыхание и старались не шуметь, давая девушке сосредоточиться, лишь Мейсон попытался что-то сказать, но Афро тут же приложила к его губам ладонь, сверкнув глазами.

Минуты тянулись одна за другой, а они все стояли, соприкасаясь лбами. Пошел легкий снег, и Джон недовольно поежился. Он вдруг вспомнил, что сегодня последний день года. Каким будет следующий? Джон лишь надеялся, что не последним.

Наконец, Шива открыла глаза и отпрянула от Блэкснейк:

— Я знаю, где он.

Глава 10: Разделяй и властвуй

Что важнее: обезвредить бомбу, способную уничтожить целый город и миллионы жизней, или найти и уничтожить того, кто ее заложил? Многие посчитают, что первое, но некоторые предпочтут второе. И обе стороны окажутся правы.

Если человек заложил одну бомбу, он может заложить и вторую, и продолжит это делать, пока его не остановит. Упорный не остановится после единственного просчета, а попытается вновь, исправляя все ранее совершенные ошибки, а упертый продолжит их совершать, фанатично считая, что поступает верно, и переубедить его невозможно.

Все еще было темно, но солнце ожидали в ближайший час. Как назло, снег лишь сильнее сыпал с серых, затянутых тучами небес, застилая и без того заснеженные улицы белым покрывалом. Радовало лишь одно — в автомобиле тепло и сухо.

Ехать пришлось в объезд прямого пути, ибо рухнувшие десять лет назад здания все еще оставались лежать посреди дорог обглоданными каменными костями.

Джон с дотошной тщательностью проверял свое новое оружие. Простые на вид автоматы, стреляющие особыми пулями, похожими на травматические, которые, пробивая кожу, впрыскивают в тело сыворотку, содержащую золото и серебро. Экспериментальное оружие, которое, видимо, вообще не собирались использовать, создав лишь ради ответа на вопрос: возможно ли подобное не летальное, но поражающее одержимых оружие. Конечно, если попасть в глаз или в висок, человек тут же умрет, но это все равно лучше, чем если бы у них вообще не было шанса.

Похоже, слова Джона все же возымели на Бобби эффект, но вряд ли то же можно сказать о тех, кто повыше. Однако в положении временного главы тоже есть свои преимущества. Демиург уверял, что понятия не имел о подобном оружии, пока не нашел в ящичке записку, оставленную Камиогавой.

Несмотря на все это, Джону, на самом деле, вообще хотелось быть в совершенно ином месте. По его мнению, куда разумнее отправиться за Жнецом, чем лезть обратно в катакомбы и воевать с охраняющими Дыру одержимыми и иже с ними.

— Не волнуйся, с ними все будет в порядке, — благодушно сказал сидящий напротив Майлз, который возражал не меньше, чем сам Джон, когда Бобби отправил их обратно в подземелья. У Тора были свои счеты со Жнецом, но временный глава филиала решил, что от него будет больше пользы именно на глубине нескольких метров под землей, чем в погоне за главным злодеем.

Джон не сомневался, что Бобби просто не до конца ему доверяет. Если бы Майлз отправился вслед за Оливером и остальными, он мог бы неожиданно вернуться на свою прежнюю сторону, помочь перебить ребят и Охотников, а затем вместе со Жнецом сбежать из зоны поражения бомбы. А так получается, что он окажется в самом ее эпицентре, и даже его

живучесть не поможет ему пережить этот адский взрыв.

Джону лишь было невдомек, какого дьявола и его отправили на это задание. Присматривать за Майлзом? Да там будет столько народу, что Тор не успеет направить оружие не туда, как его настигнут свинцом наряду с амбисидианом (оружие с сывороткой — это хорошо, но куда привычней что-нибудь посерьезней, пусть Охотники впервые начали использовать огнестрел лишь совсем недавно). Однако Джон сомневался, что после всего случившегося Майлз очередной раз решит кого бы то ни было предать. Последние события стали для него жестоким уроком.

Возможно, Синигами здесь как раз для обратного — не позволить остальным устроить столь сладостный суд Линча. Но тем же самым он мог заниматься и в погоне за Жнецом...

— Они еще дети, — ответил Джон.

— Не просто дети, а полноправные Охотники. Им суждено одолеть Жнеца, так сказали провидцы организации.

— Они лишь сказали, что у нас будет шанс, при этом ни слова не упомянули, все ли из них смогут выжить.

— До этого они справлялись неплохо.

Минивэн остановился возле того же пресловутого полуразрушенного здания. Подвал этого дома был ближайшим до Дыры местом, где можно спуститься в катакомбы. Джон мечтал взорвать эти подземелья к чертовой матери. Вообще все! Все, что находилось ниже асфальта, для него теперь стало не менее ненавистно, чем падающая с неба жидкость, будь то простая вода или замерзшая. Именно из-за снега он бегом добрался до входа в дом, чтобы эта мерзость, не дай бог, не попала ему за шиворот. Ну и из-за готовой взорваться в любую минуту бомбы, конечно же.

Около пятидесяти человек спустились в подвал проклятого всеми дома, освещая себе путь ультрафиолетовыми фонарями. Чего-чего, а в предусмотрительности Бобби нельзя отказать. Десятки фонарей, пушек с сывороткой и светшумовых гранат, четырнадцать докторов и пять спецмашин, в которых можно уместить целое больничное отделение, и все без исключения здоровые Охотники, а также девять десятых дееспособных элитных бойцов. Роберт Лонгдон подготовился к операции лучше, чем Камиогава, посылая их в катакомбы. Похоже, он выгреб все запасники филиала подчистую.

Джон не решался судить, когда спуск в эти чертовы подземелья был опаснее и важнее: тогда или сейчас. Если бы они не обнаружили Дыры, то занимались бы в данный момент непонятно чем, пока у них под ногами мирно тикала атомная бомба.

От Жнеца можно ожидать чего угодно, а потому отряд продвигался медленно, растянувшись не несколько десятков метров, осматривая каждый закуток подвала, но так и не встретил неприятеля, хотя об истинных причинах этого стало известно позже, когда они добрались до того места, где некогда зиял спуск в катакомбы.

— Проклятие! — выругался Джон. Картина перед отрядом предстала удручающая. Участок туннеля подвала, где и находился люк, оказался попросту завален каменными глыбами, кирпичом и щебенкой. — Несколько часов назад здесь все было чисто.

— Жнец позаботился, чтобы никто не смог добраться до Дыры после его приспешников, — сказал Майлз.

— Придется либо разбирать завал, либо постараться с другой стороны. Но я видел ту щель, там разве что ребенок пролезет или очень худой взрослый без спецодежды.

— Есть и другой путь, — раздался голос из толпы. Это оказался один из тех Охотников, что угодил между молотом и наковальней, когда они спускались в катакомбы в прошлый раз. Джон тогда тоже находился ниже уровня асфальта, только совершенно в ином месте, поэтому ему повезло услышать эту историю, а не пережить ее; хотя и его приключения веселыми назвать язык не поворачивается. Зажатым между Сциллой и Харибдой, Охотникам все же удалось улизнуть через такой же люк, к которому вела одна из лестниц, располагавшихся в катакомбах, но не та, что в нише, а почему-то располагавшаяся отдельно, словно путь наверх проделали уже позже, после прокладки всех туннелей.

— А, точно, я и забыл. Ты помнишь дорогу?

— Да. Только это не близко, и на машинах туда не добраться.

— Все равно так получится быстрее, чем если мы начнем разгребать завал. Будем надеяться, что Жнец не знает о том проходе, либо не удосужился его уничтожить.

Казалось, что солнце вот-вот выглянет из-за горизонта, опутав мир своей яркой паутиной острых лучей. Вероятно, многие люди уже просыпаются и готовятся к короткому дню; скоро фонари погаснут, и все они выйдут на свет. Джону и остальным повезло, что они находятся в гетто, а тем более в одном из самых разрушенных районов, где давно уже никто не живет, поэтому их отряд может до времени оставаться незамеченным.

Пробираться пришлось прямо по развалинам домов, рискуя подвернуть ногу или сломать шею, поскользнувшись на снеге, но все обошлось. Охотников нельзя было назвать дилетантами, они привыкли лазить по развалинам в погоне за Тенями.

От дома, в подвале которого находился спуск в катакомбы, практически ничего не осталось. Часть подвала и вовсе оказалась обнажена, предлагая спустить вниз всем желающим. Кирпича столько, что можно отгрохать целый новый дом, хотя, когда Джон присмотрелся, почти весь он оказался переломан, пусть и попадались целые куски стен, из которых всего лишь необходимо было выкорчевать доступный строительный материал, вот только этим никто не спешил заниматься по вполне понятным причинам.

Правительство знает о существовании Теней, и в их же интересах сохранять это в секрете, поэтому на разрушенную территорию запрещалось ходить. Конечно, находятся и те, кому и сам черт не страшен, пока они не встретятся с этим чертом лицом к лицу, но забредая на

заброшенную территорию, обратно они обычно не возвращаются, а если и возвращались, этим уже занимается организация.

Спускаться в подвал пришлось по обломкам, грозящим в любой момент обвалиться под ногами, но сегодня удача благоволила Охотникам как никогда раньше, и Джон надеялся, что она их не покинет. Пока так оно и было. Второй люк, в отличие от первого, находился точно под домом, а не в стороне, и оказался цел. Он был закрыт на замок, и, как и первый, с обеих сторон раскрашен краской с примесью золота и серебра для защиты от Теней.

Лестницу вниз здесь тоже давно спилили, но заранее подготовленная веревка спасала положение. Лестницу отпилили не из-за Теней, ведь те и по стенам неплохо лазают, а из-за любопытных людей, которым может взбрести в головы поискать острые ощущения, и уж они-то их получают, вместе с острыми когтями, впивающимися в плоть. Оливер тому пример.

Они так и не повстречали врагов. Если Жнец не знает об этом пути, то, естественно, и охрану поставить не мог, однако все же необходимо было соблюдать осторожность. Из около пятидесяти человек вниз спустились лишь сорок пять, остальные же остались охранять единственный выход и веревку.

Было тихо. Но тишина эта обманчива, стоит только расслабиться, как не заметишь острых челюстей на своей шее. Фонари светили тускло, чтобы не привлекать внимания больше, чем нужно. Главное — заметить противника раньше, чем он заметит тебя, и тогда будет целый миг, чтобы расправиться с ним первым.

Повсюду виднелись следы боя. Оружие и гильзы давно собрала организация, но следы от пуль до сих пор пчелиными сотами украшали стены и потолок туннеля. Кое-где фонари высвечивали следы крови и обрывки одежды. Но главное сражение находилось не здесь, и отряду пришлось пройти еще прилично, чтобы дойти до того самого перекрестка, где Везел воспользовался своей силой вкупе со светошумовыми гранатами, чтобы выкосить за раз не одну сотню Теней. Сейчас он бы здесь очень пригодился.

До самого этого перепутья у отряда не возникало проблем, пока из ниши справа не выбрался первый одержимый. Видимо, он заметил, что в катакомбах как-то посветлело, а потому решил проверить. Если он и ожидал гостей, то точно с другой стороны. Он и погиб первым, так и не успев открыть рта, а затем из ниши, уже готовые к горячей встрече, открыли ответный огонь и остальные.

Второй раз за две недели подземные туннели наводнили звуки непрекращающихся выстрелов. Однако в этот раз стреляли обе стороны конфликта, и потому продвижение вперед было не проще, чем при столкновении с сотнями Теней. Патроны с сывороткой пока решили поберечь.

Ни Джона, ни Грасса в прошлый раз не было, и бразды правления в свои руки взял Ирмин. Он мало того, что находился здесь в прошлую бойню, где и лишился глаза, так еще и участвовал в последующих спусках вместе с отрядом, что прочесывал здесь каждый закоулок, а также охранял строителей, что возводили саркофаг вокруг Дыры, и успел хорошенько все осмотреть. В обоих этих случаях он больше не повстречал ни единой Тени.

— Держитесь ближе к стене! — закричал он.

Они стояли чуть дальше от перекрестка, где туннель плавно уходил влево, из-за чего противники не могли их задеть, и пули то и дело выбивали крошку из выгнутых стен, поднимая в воздух пыль.

Все сорок пять человек не могли стрелять одновременно, если не желали попасть в спину друг другу, из-за чего огонь вели лишь пятеро или шестеро, периодически сменяясь, чтобы перезарядить оружие. Отряд еще даже не вошел в туннель, ведущий прямо к Дыре, а уже тратил бесценные патроны.

В конечном итоге Ирмину надоела эта возня, он просто взял две гранаты и швырнул их прямо к нише, рванув следом раньше, чем они взорвались. Некоторых ослепило и оглушило, но остальные набросились всей гурьбой на врагов и перебили их быстрее, чем те успели прийти к себе. Как оказалось, всего Одержимых в нише сидело восемь, и если бы Охотники не прихватили с собой гранат, с такой удобной позиции они бы удерживали коридор, пока у них не закончились бы патроны.

— Черт, так и оглохнуть недолго, — слишком громко посетовал Ирмин, ковыряясь в заложенном ухе мизинцем.

Идти дальше можно было, уже не скрываясь, но при этом и более осторожно. Враги знают о присутствии Охотников, и наверняка как следует подготовились к встрече. То, что в нише находилось всего восемь одержимых, говорило лишь о том, что Жнец просто соблюдал предосторожность. И не прогадал.

Джон, не верящий в Бога, неистово молился, чтобы успеть прежде, чем бомба окажется за пределами Дыры. Он помнил слова Жнеца о создаваемой разумом людей энергии, но просто не желал этому верить. Даже если так и есть, на что способна молитва всего лишь одного человека, кроме как успокоить нервы?

— Ну и глуп же ты, Синигами, — неожиданно раздался в тишине голос Мефисто, но тут же умолк. Джон понятия не имел, что имел в виду его воображаемый приятель, а потому предпочел его проигнорировать.

Очередная ниша показалась слева. Именно здесь в прошлый раз Оливера чуть не задушил один из одержимых, и именно здесь он узнал, что не обязательно касаться лица, чтобы изгнать Тень. Не жалея шуметь, вперед отправили одного из Тенеловов, который бесшумно добрался до самой ниши и заглянув за угол. Пусто.

Как и ожидали Охотники, их появления ждали. Ждали основательно, ибо последняя битва на то и последняя, чтобы решить, кто же в конечном итоге победит. После нее все закончится, завершившись грандиозной победой и величайшим поражением — одновременно, ибо не может быть так, чтобы обе стороны оказались в выигрыше. Вот только бывает, что обе стороны истребляют друг друга до основания.

Одержимых было много. До саркофага оставалось еще несколько десятков метров, а перед взором Охотников предстала настоящая вереница из целой толпы одержимых. Были здесь и выжившие на Рождество любители канализации, что смылись перед появлением настоящих солдат, изображающих самих Тенеловов, и те, кого в это кровавое празднество успели захватить Тени: обычные люди, некоторые до сих пор в праздничных колпаках и с мишурой на шее, дети, совсем еще маленькие, старики и женщины, и даже полицейские, что охраняли периметр, стояли в своей форме...

— Что будем делать? У них откуда-то полицейские щиты и бронежилеты. Засели основательно, часа не хватит, чтобы через них прорваться. По крайней мере, если будем использовать сыворотку.

— Сюда бы Везела с Оливером, один бы их оглушил, другой повытаскивал бы из них Теней.

— Похоже, атаковать они не собираются. Не вижу в их рядах Теней.

— Мы не можем стоять и ничего не делать, — вмешался Джон в разговор остальных Охотников. — У нас есть оружие с сывороткой, но чтобы им воспользоваться, нам необходимо, чтобы они открылись. Зная, что могу спасти, я не способен их просто так убить. Большинство этих людей захвачены на Рождество, их еще можно спасти.

Два мнения разделили отряд: одни считали, что смерть десятков ничто по сравнению с жизнью всех людей на Земле, которые умрут, если план Жнеца сработает; другие же считали, что лишних жертв, если есть такая возможность, необходимо избегать. Кто они такие, чтобы решать, кому жить, а кому умереть?

Сторонников немедленной атаки оказалось больше, однако они прекрасно понимали, что если атаковать не всем отрядом сразу, то шансов выбраться из катакомб живыми мизерно малы.

— И что ты предлагаешь, Джон? — спросил один из тех, кто желал поскорее со всем разобраться. — Ждать, пока за нас все решит бомба?

Джон сомневался, что Жнец взорвет бомбу в ближайшие хотя бы три часа. Во-первых, ему следовало покинуть город до взрыва, а во-вторых, будучи столь умным, он обязан был оставить лишнего времени на непредвиденные обстоятельства. Именно этим обстоятельством предстояло стать Оливеру и остальным, которые погнались вслед за Мрачным Жнецом и, вероятно, уже вступили с ними в схватку. Сейчас Джон больше всего жалел, что так глубоко под землей не ловит связь с поверхностью.

Как бы он сейчас хотел оказаться там вместе с остальными и лично отделить ублюдку голову от тела. Да, Везел и Оливер здесь оказались бы просто незаменимы.

Джону предстояло принять очень важное решение, от которого зависит судьба даже не одного, а целых двух миров.

Жнец должен быть сражен, а затем Оливер и Везел расправятся здесь со всеми

одержимыми, и если понадобится, Эскулап силой выдернет второго из беспамьяства, даже если после очередного использования своей силы, тот умрет. Принцип меньшего зла, кто-то должен умереть: мир, эти десятки невинных людей, превратившиеся в сосуды для демонов, или один единственный человек.

— Возвращаемся, — коротко бросил Джон. — Надо связаться с Бобби. Никто не решился с ним спорить.

Дойдя до ниши, где они спустились в катакомбы, окликнули оставшихся наверху, однако ответа не последовало.

— Что-то не так! Охотники быстро подобрались, держа боевое оружие наготове.

— А я ведь советовал убраться подальше, — послышался сверху приглушенный хрипучий голос. Жнец стоял прямо над люком, смотря вниз из-под повязанных на лице бинтов.

— Жнец?! — поразился Джон. — Но ты ведь...

— Должен быть далеко отсюда? — усмехнулся он. — О, я знал, что твоя наивность, Джон, тебя и погубит.

— Что ты задумал? На самом деле.

— На самом деле? Я ведь рассказал тебе о своих планах. Они ничуть не изменились. Конечно, кое о чем я умолчал, но не волнуйся — скоро ты узнаешь все подробности. Вы все узнаете.

Больше не говоря ни слова, Жнец поддел ногой тяжелую крышку и захлопнул люк, оставив почти пять десятков Охотников в подземной ловушке.

***

Даже с учетом форы почти в целый час, Жнец не мог уйти далеко. Бегать в туннелях под городом не так-то просто, и Оливер об этом знал не понаслышке. На этот раз погоня шла на поверхности, и этому факту можно было порадоваться, если бы они просто катались по темным улицам, а не гнались за самым опасным преступником в мире. Оли не сомневался, что именно им Жнец и является.

Шива удивительно точно указала место нахождения того человека, точнее, место, где он находился в момент его обнаружения. Он уже успел выбраться на поверхность, однако дальнейший его путь теперь предстояло выведать специальному отряду, направившемуся по его следу.

— Если он сел в машину, мы его точно потеряли, — сказал один из Охотников.

— Шива уверяла, что он двигался с человеческой скоростью, даже не бежал, — ответил Грасс.

— Но это не значит, что он так и будет ходить пешком.

— Не значит. Именно поэтому мы и катаемся сейчас по всему городу в поисках его следов.

Десять машин. В каждой по пять человек. В этот раз никаких минивэнов, одни лишь неотличимые друг от друга черные каммбэки, даже номеров нет. Современные, тихие, почти как электрокары, фонари не включены, как и любой другой свет в машине. Организация работала как можно тише, не привлекая внимания, даже выданные Охотникам и бойцам автоматы имели глушители. Оливер удивлялся, почему к подобным мерам безопасности не прибегнули на Рождество.

Прошел, наверное, целый час, но никаких следов Жнеца так и не обнаружили. Он словно канул в Лету вместе со своей свитой предателей. А затем...

Все произошло так быстро, что Оливер даже не успел понять, как он оказался в перевернутой машине. Кажется, сначала разбилось стекло, но не все, лишь на стороне водителя появилась крошечная дырочка, как от пули. Вероятно, это и была пуля.

— Засада! — с досадой выплюнул Грасс, когда они выбрались из машины, за ней же и спрятавшись.

— Это Леон, точно. Вот гад.

— Все целы?

— Квебек мертв. Пулей прямо в сердце. Нам теперь отсюда не высунуться.

Грасс быстро связался с остальными и, как и предполагал, узнал, что и они подверглись нападению. Три машины не отвечали вовсе, остальные отстреливались от нападавших, которые очень умело подготовили ловушку, засев в самых укромных уголках, откуда не достать. Оставалось только гадать, как они смогли напасть на всех почти одновременно, если и сами Охотники не знали, где окажутся в следующую минуту.

Связываться с оставшимися у развалин собора не имело смысла, они слишком далеко, да и сделать ничего не могли. Сейчас необходимо не количество, а мастерство, и Грасс собирался показать все, на что способен, призвав всех остальных к тому же.

Вот только и их противники ничуть им не уступают.

***

Известие о том, что машины подвергаются обстрелу, достигло их за секунду до того, как и

они сами оказались под огнем. Стрелок засел в одной из квартир многоэтажного дома, и оставалось только гадать, что случилось жильцами.

Трое из пятерки сидящих в машине людей погибли на месте, Бертону и одному Охотнику, сидящим на противоположной от стрелка стороне машины, едва удалось выскользнуть из салона. Леброн даже не успел заметить, где именно расположился предатель, не позволяя теперь высунуть носа двум оставшимся в живых.

Незнамо почему, но скрываться он даже и не думал, стреляя из автомата. Соседи, вероятно, уже вызвали полицию, а то и кого похуже — репортеров. До рассвета оставалось самое большее минут сорок, но сейчас у каждого уважающего себя оператора есть камера с ярким фонариком и даже с ночным видением.

— Это даже хорошо, если они приедут, — сказал Охотник на опасения Бертона.

— Почему это?

— Увидев все происходящее своими глазами, они, наконец, смогут уверовать, что мы действительно боремся с террористами. Ну, или хотя бы их сомнения будут не столь сильными.

Бертон, однако, в новости попадать не желал. Если вскроют его подноготную, то его относительно тихое увольнение из органов неожиданно запестрит новыми красками, которые уже не смоешь, а связь с организацией станет слишком прочной, чтобы ее можно было разорвать, просто прекратив всякую связь.

И кто знает, поверят ли журналисты в эти сказки? Они могут все переиначить на свой лад, заявив, что это очередные игрища членов организации, и, что самое ужасное, окажутся слишком близко к истине.

— Негоже терять бизнес, не успев в нем как следует окопаться.

— Что?

— Надо действовать, говорю. — Бертон проверил магазины пистолетов. — У остальных тоже проблемы, надо бы помочь.

— И что ты собираешься делать? Не успеешь высунуть голову, как окажешься без оной.

— Что-нибудь придумаем.

В переулке, где засели Бертон с Охотником, стояла темнота. Фонари горели слишком далеко, чтобы слепить глаза или позволить разглядеть что-то в окнах. Детектив, в начале решивший, что это плохо, решил воспользоваться этим обстоятельством.

— Дай-ка автомат, — попросил он Охотника.

— Это еще зачем? Если решил погеройствовать...

— Ничего я не решил, дай, сейчас сам все увидишь.

Нехотя Тенелов протянул ему оружие с длинным глушителем, на который, ничего не говоря, Бертон напялил свою шапку и аккуратно приподнял над самым капотом машины.

Шапку было жалко, но лучше лишиться убора и глушителя, чем жизни. Его план сработал идеально. Точнее, первая его часть.

— И что дальше? — поинтересовался Охотник, осматривая разодранный автоматной очередью глушитель.

— А вот что. Видишь окна напротив? Вот тебе и ну. Когда этот автоматчик стрелял, в них отразилась вспышка, теперь я знаю, где он примерно засел.

— И дальше что? Высунуться ты все равно не сможешь. Попытаешься стрелять вслепую, останешься без руки.

— Вот поэтому верни шапку на место. Видел, что я сделал? Повтори.

Нацепив дырявый головной убор обратно на автомат, Охотник по команде высунул его с другой стороны машины, возле багажника. И только успели зазвучать автоматные трели, как в общую какофонию влилось еще три коротких выстрела из пистолета. Финальным аккордом стал удар об асфальт выпавшего с третьего этажа человека.

Остальное было делом техники. Связавшись по рации с остальными, кто попал в ловушку, они выяснили, где ближайšie из них. Другие предатели по большей части избрали ту же модель поведения: засесть повыше и расстрелять оттуда машины. К счастью, большинство Охотников редко используют огнестрельное оружие, и поэтому по движущимся мишеням, даже если это большая машина, попасть для них оказалось труднее, чем они рассчитывали. Несмотря на это, почти во всех десяти машинах оказались убитые и раненые.

Добравшись до места другой засады, Бертон с Охотником проникли в дом с заднего хода и быстро расправились с ничего неподозревающим предателем. Теперь их стало шестеро. Разделившись, они направились к ближайшим засадам, дабы проверить там тот же трюк.

Так как Жнеца искали в конкретном месте, которое указала Шива, засады были устроены на относительно небольшой территории вокруг. Даже не имея больше в распоряжении автомобиля, Охотники довольно быстро добирались до западни и атаковали со спины.

С кем-то расправиться оказалось довольно просто, с другими же, обладающими каким-то способностями, пришлось повозиться. Появились новые жертвы.

В одном из окон засел самый настоящий профессионал. Бертону поведали, что зовут его Леон. Это был снайпер, и в отличие от остальных, в его распоряжении находился не автомат, а самая натуральная снайперская винтовка. Под его обстрелом оказались Грасс, Оливер и еще два Охотника, которых следовало выручать.

Леброн сам убедился, с кем они имеют дело, когда дверь в квартиру, где он засел, не просто оказалась заперта, а к тому же завалена с другой стороны всем, чем не попало. Это выяснилось, когда они попытались нахрапом влететь в помещение, а дверь едва поддавалась, и с той стороны что-то упало. Секунду спустя дверь продырявила ровная линия из трех отверстий, сделанных выстрелами.

Одного Охотника ранило, однако Бертон не растерялся и сделал три ответных выстрела, угодив точь-в-точь в те же отверстия. И тишина. Не звука падающего тела, не криков боли вперемешку с ругательствами. Противник, в отличие от остальных Охотников, в том числе и бывших, умел обращаться с огнестрельным оружием, в той же мере зная, как от него защититься.

— Может, просто расстрелять дверь? — предложил один из Тенеловов.

— Это бесполезно, — покачал головой Бертон. — Он же не глупец, стоять напротив входа и ждать, когда по нему начнут палить.

— И что ты предлагаешь?

Сидеть под дверью не имело смысла: загнанная в угол крыса броситься на врага, не жалея себя. Леон должен уже понять, что ему не выбраться отсюда живым, и раз он не сдался сразу, значит, попытается забрать с собой на тот свет как можно больше неприятелей, но перед этим потянет время столько, сколько сможет. Никто уже не сомневался, что вся эта западня устроена именно с этой целью.

Бертон взял командование на себя, и никто даже не подумал ему перечить. Как бы не был силен противник, он собирался доказать, что тоже не зря ел свой хлеб, когда был полицейским. И пусть командовать своим отрядом ему не довелось, он никогда не сомневался, что справится.

***

Так и не выпросив огнестрельного оружия, Оливер продолжал бегать с бесполезной нынче железякой. Меч, как и любое другое холодное оружие, бесспорно незаменим в борьбе с Тенями и обычными одержимыми, но почти за все время пребывания в организации, на него чаще покушались не обычные одержимые и Охотники-предатели, которые предпочитали автоматы да пистолеты.

Оли считал, что все эти недели было бы куда полезнее обучать его обращению с чем-нибудь стреляющим, а не с короткой катаной. Вот и сейчас: он сидит за перевернутой машиной, не вынимая бесполезного оружия из ножен за спиной, и ждет, когда его спасут.

Грасс и остальные имели при себе автоматы, однако не спешили применять их в бою. «Стреляя вслепую, обязательно попадешь по окнам, где живут гражданские», — объяснял Грассхopper. Оли же считал, что все гражданские давно запрятались так, что их не достанет

даже выстрел из танка.

Но кто он такой, чтобы его слушали? Всего лишь один из тех, кому предназначено убить Жнеца, а значит, — сиди и помалкивай, жди, когда за тебя все сделает судьба, и не лезь под пули. Вот только он не желал верить, что судьба распоряжается человеком, а не человек судьбой. Как минимум они равны, и если второй будет сидеть сложа руки, первая пройдет мимо.

— И долго нам еще тут сидеть? Я себе уже все отморозил.

— Потерпи, Оливер, Бертон кое-что придумал. Разделаемся со снайпером и поспешим на выручку Джону и остальным.

Оливеру не выдали даже рации, что висела у всех Охотников на ухе, и поэтому ему приходилось узнавать все новости от Грасса, который не спешил ими делиться. Он лишь знал, что засады устроили всем машинам, смог выведать, что Сьюзен, Миранда и Мейсон целы; кто-то успел связаться с Бобби и рассказать о ловушке, направив к Джону подмогу. А вот теперь он узнает, что Бертон придумал какой-то план, вот только тонкостей, конечно, никто не объяснит, и когда настанет время действовать, Оливер останется не у дел, мешаясь под ногами.

Однако, как оказалось, Оли никак не мог помешаться. Он даже не сразу понял, что происходит, и узнал обо всем, когда уже все закончилось.

Как оказалось, снайпера, засевшего в окне третьего этажа, обложили со всех сторон: Охотники проникли во все квартиры по соседству, а сам Бертон при этом успел перебежать на другую улицу и засесть в соседнем доме. Первым в дело вступил Грасс, сняв с автомата глушитель и сделав несколько громких выстрелов воздух, что видимо, заставило стрелка отступить от окна подальше, боясь, что его заденет, после этого в дело вступил сам Бертон. Он незаметно высунулся из окна напротив и прицелился, и когда снайпер вернулся к своему оружию, поняв, что это была просто провокация, частный детектив, славившийся своей меткостью, открыл огонь из пистолета, убив Охотника-предателя наповал. Тенеловы же в соседних квартирах были на подхвате, готовые прикрыть Леброна, открыв стрельбу по окну, если тот промажет, а снайпер попытается его «снять».

Как выяснил после этого Оливер, Леон оказался последним из людей Жнеца, что устроили засаду, остальных либо тоже убили, либо те успели сбежать. Не желая более мешкать, Грасс взломал припаркованный у дома автомобиль и помчался к спуску в катакомбы, прихватив с собой самого Оливера, Сьюзен с Афро и Мейсона — больше в машину не влезало. Остальным пришлось дожидаться машин из организации, которые должны были прибыть минут через десять.

Добравшись до злополучного дома и спустившись в подвал, они обнаружили завал, который уже разбирали другие Охотники. Грасс было затеял крики, чего, мол, ерундой занимаетесь и тратите время попусту, но ему быстро объяснили, что остальные отправились к другому входу в катакомбы. Пришлось ехать туда.

Там-то они и встряли в очередную перестрелку.

— Что происходит? — спросил Грасс, скрывшись за развалинами вместе с остальными членами организации.

— Нас не подпускают к спуску. Здесь, наверное, целая сотня бойцов. Нам точно известно, что наши сейчас в катакомбах, а еще здесь Жнец.

— Жнец?! — воскликнула неожиданно Афро. — Но почему вы сразу об этом не доложили?

— У них, похоже, какие-то глушилки, здесь даже телефоны не работают.

— Вот почему мы тоже не смогли с вами связаться, — задумчиво протянул Грасс.

— Точно, — сказал Охотник, с которым он говорил. — Хорошо хоть Бобби додумался оставить часть людей на расчистку первого спуска. Боюсь, только это займет слишком много времени.

— А другие спуски? — поинтересовался Оливер, до этого молчавший.

— Какие еще другие?

— Ну, в катакомбы же много путей ведет. Все эти лестницы, ниши...

— Думаешь, мы их не проверили все? Вся часть уцелевших катакомб проходит под гетто, из всех спусков только эти два остались целы после Катастрофы. Жнец теперь завалил и тот первый, так что остается еще вот этот. Раз он его до сих пор не уничтожил, значит, это неспроста.

Подход к входу в катакомбы охраняли основательно, не подступиться. Сами Грасс, Оливер и остальные находились от него метрах в ста пятидесяти, и то приходилось беречь головы, как бы в них не понаделали лишних дырок.

Солнце уже поднялось из-за горизонта, и, несмотря на последний день декабря, светило так, словно сейчас самый разгар лета. Снег блестел множеством искорок, отчего глазам становилось больно, особенно если учесть, что Охотники предпочитают темноту, максимум — свет луны.

Почти всю ночь они провели на ногах, и теперь их организм просто отказывался работать как следует, а голова была забита тяжелыми мыслями. Возможно, именно этого Жнец и добивался, ведь его солдаты почти не устают.

— А тот, что над саркофагом?

— Над саркофагом? — переспросил Грасс. — Там разве есть спуск?

— Я думал, во всех нишах есть спуск. Грасс и второй Охотник переглянулись. Даже Афро выглядела растеряно. Сьюзен с Мейсоном, казалось, вообще не прислушивались к разговору.

Пришлось вернуться к самым машинам, чтобы рация вновь начала ловить сигнал. Грасс связался с Бобби, чтобы узнать по поводу судьбы спуска в нишу, где находился саркофаг.

Как понял Оливер из слов Грассхоппера, Бобби даже и не думал, что там может быть какой-то спуск. Ниша, не считая Дыры, пустовала, лестницы не было. Временный глава филиала не мог даже вспомнить, есть ли на потолке какой-либо люк, ибо все их внимание всегда было приковано к одной лишь Дыре.

Теперь, когда все действия согласовывались с верхами, не было причин не связываться с организацией. Позвонив в офис, Грасс быстро получил координаты нахождения Дыры, в том числе и информацию о том, что располагалось на поверхности. И последняя часть оказалась самой удручающей.

Неподалеку пролежала станция метро, та самая, где после первого побега высадился Оливер. Над самой нишей стоял жилой дом, не сильно пострадавший во время Катастрофы, а потому заселенный людьми. И так как ту территорию можно считать лишь преддверием гетто, находились там и различные магазины, в которые Оли бегал за водкой для отца, и кинотеатр, и даже спортивный зал с тренажерами и школой боевых искусств по соседству, куда парень и хотел бы ходить, да вот только занятия платные.

С учетом не по сезону уже палящего солнца, место оказалось не из тех, где можно бегать с оружием наголо и оставаться незамеченным. Фонари давно отключили, а значит, людей там полно.

— У нас все равно нет выбора, — сказал Грасс. — Пусть лучше нас увидят люди, чем все они погибнут от ядерного взрыва.

Однако Бобби не считал данную логику совершенной. Он связался с отделением полиции, и теперь на место съезжался целый оперативный штаб. Уже в пути они узнали, что весь дом эвакуируют из-за угрозы взрыва, а местность вокруг берут в оцепление.

Оливер решил, что Демиург решил воспользоваться ситуацией, чтобы представить организацию в ином свете, чем о ней думают все вокруг, клеймя ее саму чуть ли не террористической организацией мирового масштаба.

Как Оли и думал, когда они прибыли на место, там уже разворачивались штабы, казалось, всех новостных агентств страны, и даже несколько иностранных.

Их машину пропустили за ограждение, даже не попросив документы — форма Охотника заменяла любые документы, а полицейские, видимо, заранее знали, кого ждать.

Помимо автомобиля, на котором они приехали (угнанном Грассом), возле девятиэтажного дома уже находилось несколько минивэнов организации, стоящих полукругом так, что из-за ограждения обычным людям ничего не было видно.

— Не поворачивайтесь лицом к репортерам, — предупредила их Афро. — Нечего им в

нашем грязном белье копошиться, и так должно хватить не на один месяц.

Пусть расстались они ненадолго, Оливер был рад вновь увидеть Миранду и Бертона.

— Ну, что там? — с ходу спросил Грасс.

— Не знаю почему, — ответил вышедший к ним Ирмин, — но Камиогава не удосужилась проверить, есть ли к ниши с Дырой спуск, а остальным как-то и ни к чему. Не знаю, кому пришла в голову проверить, но я бы, на месте Бобби, выписал ему премию, да покруглее. Возможно, это открытие спасет жизнь не только людям на этой улице.

— Боюсь, Оливеру пока не на что тратит подобные суммы, — усмехнулся Грасс и потрепал парня по голове, как какого-то ученика начальной школы.

Не на что тратить, фыркнул про себя Оли. Он бы быстро нашел применение таким деньгам. Однако сейчас нужно было думать о другом, и от бессмысленной болтовни их отвлекла Афро.

— Долго мы еще будет тут лясы точить? Наши сейчас внизу и ждут помощи, а вы тут устроили непонятно что.

— Успокойся, успокойся, — примирительно отозвался Ирмин. — Все не так просто. Люк в катакомбы задраен не хуже, чем на подлодке. Сам он закрыт, а колесо, открывающее замок, почему-то оторвано. Сейчас мы пытаемся его взломать без лишнего шума. Если внизу Тени и одержимые, будет лучше, если наше появление станет для них сюрпризом.

— А Бобби чем занят?

— Координирует ситуацию. Кстати, спуск в подвал собора нашли. Викинг и Ведьмак будут жить.

— Ну, хоть одна хорошая новость за сегодня. Только почему Бобби сам с нами не связался?

— Замотался, небось. Он тут, кстати, новое оружие прислал, специально против одержимых созданное. Ваши-то враги людьми были, не к чему, а теперь...

***

— Надо прорываться.

— Там люди...

— Там одержимые! Бомба может взорваться в любую секунду, и тогда умрут не только они, но и мы, и весь Бруклин, затем Нью-Йорк. Как волна от брошенного на середину пруда камня, Тени заполонят весь мир, а мы единственные, кто способен это предотвратить.

— Джон, думаю, у нас правда нет выбора, — впервые заговорил Майлз. Было видно, что ему тяжело даются эти слова, особенно идущие вразрез с мнением Джона.

— А если их просто ранить? Сыворотка...

— Они тоже вооружены, — перебили его. — Будь они с голыми руками, у нас еще оставался бы шанс, но у них автоматы, а передние ряды защищены полицейскими щитами. Если будем осторожничать, нас всех положат.

Спор продолжался еще долго, хотя он не имел никакого смысла, ибо доводы у всех были одни и те же. Джон когда-то без жалости убивал одержимых; на Рождество он убил не один десяток людей, многие из которых были одержимы всего несколько часов. Но это до того, как он узнал о возможности спасти людей. Теперь же он не просто знал, а обладал необходимой сывороткой.

— Я мог бы сейчас толкнуть тут целую речь о том, кто мы и чего добиваемся, о смысле нашего существования и нашем долге, — вздохнул Джон, — но скажу просто: может, нас и зовут охотниками, но мы, скорее, санитары леса, призванные бороться с заразой. Бороться с заразой, а не с ее носителями!

— Сказал просто, а все равно толкнул речь, — хохотнул Майлз. Возможно, неосознанно, но над шуткой «предателя» засмеялись все.

Речь, не речь, но к Джону прислушались. Было решено для начала стрелять по ногам, разбить щиты из усиленного поликарбоната боевыми патронами, а затем уже воспользоваться оружием с сывороткой. Здесь преимущество состояло в неожиданности. Вряд ли даже Жнец знает о том, что у них есть нечто подобное, поэтому, помимо щитов, у некоторых одержимых надеты лишь бронежилеты, оставляющие ноги и руки неприкрытыми.

Так началась финальная битва за судьбу мира, но на самом деле это была лишь видимая часть айсберга, когда как настоящее сражение происходило на поверхности, и на первый взгляд казалось невидимым.

***

— Сколько осталось времени?

— Около часа.

— Похоже, преданные мне Охотники не справились со своей задачей. Одна лишь надежда на Теней. Какая ирония.

Жнец стоял возле люка, ведущего в катакомбы, слушая перестрелки между одаренными и теми, кто так хотел сюда прорваться, но не решался на полномасштабное наступление. Он был окружен подручными, но будучи единственным человеком, не считая Везела, все еще не

потерявшим своего разума, чувствовал себя каким-то одиноким.

Охотники, что в будущем должны стать единственной разумной расой на Земле, трусливо попрятались и ждут непонятно чего. Если все Тенеловы в будущем станут такими же, разумными ли вообще эта затея?

Жнец думал об этом в открытую, не боясь, что Тень внутри него подслушает его мысли. После того, как Везел воспользовался своей способностью, она как-то притихла: то ли все еще не пришла в себя, то ли медленно умирает. А может, просто боится повторения. Боятся ли Тени вообще? Жнец сомневался, однако существо внутри него могли попросту перенять его собственные чувства.

Да, он боялся. Боялся приближающейся смерти, настоящего Мрачного Жнеца, что утащит его в самые глубины Ада, иного он и не заслужил. Пусть он и решил, что не верит в Бога, но все равно боялся того места, где может оказаться после смерти.

Больше этого он страшился лишь того, что его план не сработает. Если Высшие Тени действительно не стану его слушать и просто убьют, а затем уничтожат мир? Тогда все это было зря. Даже если Везел и уничтожит какую-то их часть, через Дыру могут проникнуть еще сотни, и тогда даже Охотники окажутся бессильны.

Поддев люк ногой, он небрежно откинул его. Внутри было пусто, лишь где-то далеко звучало едва слышимая музыка выстрелов.

— Похоже, они не оставили стражу. Спускаемся.

Охотники, что прятались сейчас по развалинам, вдруг увидели, как одержимые в скором порядке начали отступать к дому со спуском в катакомбы. Это было плохим знаком. Внизу все еще оставались их товарищи, и теперь никто не мог сказать, живы они или их уже перебили.

Медленно пробираясь вперед они дошли до самого люка, не встретив более не единого одержимого. Один из охотников решил посмотреть, что внизу, и чуть не лишился головы. Люк по-прежнему охранялся, однако не снаружи, а изнутри, что мало меняло их положение.

Рации все еще не работали. Одному из Охотников пришлось отбежать почти на полкилометра, чтобы связаться со штабом и узнать, что им делать дальше. Приказ пришел неоднозначный: пытаться проникнуть в катакомбы, если это возможно, но не лезть на рожон. У них был какой-то план действий, но делиться им пока не спешили, боясь, что переговоры могут перехватить. Раньше это никого особо не заботило.

Ничего иного не оставалось, и Охотники приступили к осаде люка, используя автоматы и светошумовые гранаты, хотя сейчас особо пригодились бы осколочные, коих у организации отродясь не водилось.

***

Люк вскрыли как можно более осторожно, даже где-то раздобыли смазку, чтобы петли не скрипели, хотя это мало спасло положение. Внизу, прямо под люком, громоздился саркофаг, слегка поблескивая от света, проникающего сверху; дверь в нишу, чей замок выломали Джон и остальные, все еще была распахнута. Снаружи и внутри стояла целая армия одержимых с оружием в руках. Но и это являлось не главным.

Совсем недалеко гремели выстрелы и даже взрывы. Возможно, именно весь этот шум не позволил одержимым услышать звук откидывающейся крышки люка и заметить, что вокруг стало несколько светлее.

Используя элемент неожиданности, Охотники прямо сверху открыли огонь в спины противникам из автоматов с сывороткой. Одержимые падали как подкошенные и тут же начинали корчиться и орать на земле, словно из них изгоняют самого дьявола. Это было недалеко от истины.

Ответные меры не заставили себя долго ждать. По люку снизу начали стрелять, но уже куда более смертоносными пулями.

— Светошумовую гранату туда!

— Подожди, — спокойно осадил Грасс другого Охотника.

— Чего ждать-то? К дырке даже не подойти.

— Просто не торопись.

Ждать пришлось недолго. Спустя несколько секунд снизу, вливаясь в какофонию выстрелов, послышались визжания, словно там разделявали маленьких детей. Досчитав до десяти, Грасс сам швырнул в люк гранату, а затем уже сразу четыре Охотника вновь открыли огонь.

***

Со стороны это выглядело нелепо. Вся эта перестрелка через узкий люк мало напоминала ту самую битву, которую многие уже нарекли финальной. Оливер не хотел очередной раз лезть в катакомбы, однако и находиться на поверхности не имело смысла.

Услышав выстрелы, заволновалась толпа, кто убегал подальше, боясь оказаться задетым, другие — в основном журналисты — наоборот, напирали, силясь рассмотреть происходящее за машинами. Но даже если бы они и смогли увидеть, что находится за кордоном, основное действие происходило в подвале.

— Спускаемся! Спускаемся! — закричал кто-то из Охотников. Сзади начали напирать, и

Оливеру, Сьюзен, Миранде с Мейсоном пришлось влиться в толпу, однако почти у самого люка их остановил Грасс:

— Вам пока лучше туда не лезть, — сказал он. — Сначала мы расчистим туннель.

— А что потом? — спросил Оливер.

— Потом? — Грасс замялся. — Потом и решим. С вами останутся Эвила, Афро и Бертон.

Им пришлось отступить, чтобы дать дорогу другим. Они по веревке спускались в катакомбы, откуда гулким эхом звучали выстрелы и взрывы, словно там самый натуральный ад, а они ангелы. Ангелы, носящие черное.

Однако это продолжалось недолго. Минут через десять шум начал затихать, пока из люка не перестали доноситься не только звуки сражения, но и вообще наступила такая тишина, словно все внизу просто исчезли без следа.

Афро и Эвила осторожно заглянули вниз, однако не увидели ничего, кроме лежащих на земле людей.

А спустя минуту послышались неспешные, но уверенные шаги. Кто-то размеренно шел к саркофагу, равнодушно переступая через лежащие на его пути тела.

***

Все эти мечи, топоры, пистолеты, автоматы, гранаты — Жнец не любил оружие. До Великой Мировой Катастрофы он не брал в руки ничего опаснее кухонного ножа. Все его умения пришли к нему вместе с Тенями, что вселялись в его тело, оставляя у него в сознании неизгладимый отпечаток.

Слаб тот, кто решает все силой. Парадоксы зачастую бывают истиннее прямых высказываний. Homo sapiens, Человек разумный, что сам даровал себе этот титул, тем самым лишив слово «разум» первоначального значения.

Люди глупы, посредственны и недалёковидны. Жнец знал это, потому что и сам являлся человеком. Любой первоклашка расскажет алфавит от первой до последней буквы, но попроси даже достаточно взрослого человека так же без запинки перечислить его в произвольном порядке, не пропустив и не повторив дважды хотя бы одну букву, и маловероятно, что у него получится это хотя бы с десяти попыток.

Люди привыкли думать прямолинейно и последовательно, и если внести в их жизнь крупицу хаоса, они тут же теряются и перестают замечать все вокруг, сконцентрировавшись на конкретной цели — исправить, вернуть все в первоначальный вид.

Если есть враг, его необходимо уничтожить, и как же это сделать? Взять оружие и убить!

Но ведь можно куда проще, необходимо лишь подумать, найти иные пути противодействия. Но зачем, если я уже вижу путь, прямой, как стрела? Бритва Оккама. Чушь!

И Жнец не стал идти напролом. Он просто раздал своим людям, если их так можно назвать, автоматы с подствольными гранатометами, в которых находились гранаты с нервно-паралитическим газом. И все. На одержимых он почти не действует, однако простых людей рубит меньше чем за минуту.

Лишь Везел находился сейчас в противогазе, остальные же простые люди, не имея средств защиты, разумно предпочли остаться вне зоны действия газа, прикрывая спины остальным от назойливых мух, что несомненно решатся проникнуть в катакомбы вслед за ними; выстрелы отчетливо слышались в отдалении.

План Жнеца шел превосходно, однако его несколько волновало, как так получилось, что Охотники зашли за спины находящихся в катакомбах одаренных. Они каким-то образом преодолели завал дальше по коридору? Нет, это невозможно.

Однако это уже не было так уж важно, ибо все они ныне лежат без сознания. Простые люди, из кого Охотники изгнали Теней, и без всякого газа все равно бы не очнулись в ближайшие несколько часов, и не очнутся никогда, отправившись на корм Высшим Теням. Если, конечно Жнецу удастся договориться.

— Сколько? — глухо спросил он.

— Еще десять минут.

— Разбудите вот этих двоих.

Жнец не любил показухи, однако в последнее время выставлял себя сторонником напыщенных речей и жестов. Он сам не знал, откуда такая перемена. И перемена ли вообще? Он всегда притягивал к себе взоры ненавистников, и, видимо, так привык к ним, что ненамеренно старался их вызвать, ведя себя так, чтобы его ненавидели, словно самого последнего злодея.

Он мог бы с этим бороться, но не видел особого смысла.

***

Джона и Мейсона разбудили уколом слабого адреналина, заранее припасенного Жнецом для подобного случая.

— Не дергайтесь, это бесполезно. Я разбудил вас, чтобы вы своими глазами увидели, как вершится судьба мира. Еще пять минут.

— К чему все это, если мы все равно умрем? — вяло спросил Джон.

— Ты разве не слышал меня, Джон? Я не желаю смерти Охотникам.

— А как же бомба?..

— О, она есть, и очень близко. Но так же и далеко. Взрыв произойдет на той стороне Дыры. Портал расширится, но не достаточно, чтобы выйти за пределы саркофага, оттуда появится Высшая Тень, и вот тогда я начну переговоры. Если все выйдет удачно, находящиеся здесь Охотники станут сосудами, а обычные люди способом утолить их голод.

— Значит, ты с самого начала хотел, чтобы Дыру нашли и обнесли саркофагом?

Одержимые вокруг как-то странно зашевелились, словно слышали об этом впервые. В спину Жнецу вперились недоверчивые и злые взгляды, однако тот и глазом не повел. Если Джон что и понял из бредней и действий этого психа, так это то, что Тени не подчиняются ему и не признают главным, лишь следуют за ним до тех пор, пока он им нужен.

Жнец все это понимал, а потому не питал особых надежд на то, что в новом мире ему отведут хоть какую-то роль. Сейчас, пока план не увенчался успехом, у него была какая-никакая власть. Но стоит двери саркофага открыться...

— Ты так думаешь? — притворно удивился Жнец. — Если бы я этого желал, то не послал бы против вас целую армию Теней. Саркофаг не входил в мои планы, но стал удачной неожиданностью. Когда бомба взорвется, он сможет сдержать большую часть радиации, вырвавшейся из Дыры, и люди вокруг не пострадают. Теням ведь нужны живые и здоровые тела, верно? — Жнец словно говорил в воздух, но не нужно слыть мудрецом, чтобы понять, что слова эти больше предназначены для одержимых вокруг, а не для связанных Охотников.

И это возымело эффект. Одержимые словно успокоились, уловив в этих словах очевидный смысл. Сосуды должны быть целы, дабы Высшие Тени обрели плоть. Поэтому и саркофаг до сих пор закрыт. Джона лишь интересовал вопрос, отчего все они терпят рядом с собой Везела, который напоминал дрожащий мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть. Знают ли они о его истинных способностях? Воспользуйся он силой, и все одержимые вокруг на время превратятся в овощи, и одного Жнеца хватит, чтобы всех их перебить.

— Десять секунд, — сказал один из одержимых.

— Что ж, давайте встречать наших дорогих друзей.

***

— Нужно что-то делать.

Оливер и остальные отошли от люка подальше, чтобы их не увидели и не услышали. Им повезло, что сейчас в катакомбах было светло, как днем, от множества уцелевших в бойне фонарей, а потому свет снаружи не привлекал никакого внимания, и Жнец, похоже, до сих пор не подозревал о люке у него над головой.

— Если Жнец окажется между саркофагом и сводами потолка, я смогу по нему попасть, — сказал Бертон.

— Слишком опасно. Кто знает, как поведут себя одержимые, если их предводитель погибнет. Похоже, все наши еще живы, просто в отключке, и хотелось бы, чтобы они когда-нибудь пришли в себя.

— Ты права, Афро, но ведь что-то нужно делать.

— Придется признать, что наши способности здесь бесполезны, — подал голос Оливер. — Вот если бы Везел использовал свои, у нас бы был шанс.

— Твоя правда.

Снова помолчали. Оливер судорожно пытался придумать план, в основном пытаясь в голове комбинировать их способности, однако выходило все одно — без Везела они беспомощны. Однако тот не спешит применять свои силы, а подать ему сигнал, сигнал, который он поймет, — невозможно.

С Бобби связались почти сразу, как стало понятно, что битва наскоком проиграна, однако он находился слишком далеко, и отправленные к люку свободные бойцы придут минимум минут через пятнадцать, без учета возможных пробок. Все может решиться гораздо раньше.

Для начала решили послушать, о чем все же говорит Жнец с выведенными из бессознательного состояния Джоном и Майлзом. Однако не успели они решить, кто незаметно подкрадется к люку, как земля под ногами задрожала.

Глава 11: Война теней

Казалось, что началась вторая Мировая Катастрофа. Мир словно сотрясло до самых небес в предсмертной агонии, многие попадали на землю, не удержавшись на ногах, в отдалении слышались крики людей и сработавшие сигнализации автомобилей. Вмиг всю нишу заволочла пелена пыли, сводчатый потолок чудом еще держался на толстых стенах, а не обрушился на головы нерадивым разрушителям мира.

Жнец, похоже, и сам не ожидал такого исхода, и, не готовый к тряске, потерял равновесие, упав где-то среди тел бывших одержимых и Охотников, теряя шляпу. Джон воспользовался неразберихой, свалившись набок и сделав пару кувырков, добираясь до хранимого на бедре ближайшего Тенелова ножа (Жнец даже не позаботился избавить противников от оружия). Кое-как вытащив его из ножен, он, не обращая внимания на порезы, за несколько секунд избавился от стягивающих его запястья веревок.

Но тут все одержимые и сам Жнец пришли в себя, быстро поднимаясь с пола. Схватив один из автоматов, Джон открыл огонь, уже не заботясь, боевые у него патроны или с сывороткой. Он краем глаза увидел движение — это Майлз, даже не успев избавиться от пут, бросился на поднявшегося Жнеца. Он на полной скорости влетел ему в живот всем телом, да так сильно, что неприятеля впечатало в стену. Будь это обычный человек, простыми множественными переломами ребер он бы не отделался. Однако Жнеца нельзя было назвать даже человеком.

От подобной атаки он только и сделал, что крякнул, точно ему под дых заехали маленьким детским кулачком. Он не лгал, когда говорил, что Охотники ему не чета. Жнец схватил Майлза за плечи и ударил в живот несколько раз коленом, и от каждого такого удара ноги здоровяка отрывались от пола; изо рта пошла кровь. Последним движением бывший священник заставил Охотника выпрямиться, а затем ударом в грудь открытой ладонью отправил его в полет метра на три.

Одержимые отступали. Они пытались ответить огнем на огонь, однако все их попытки пропали втуне. Джон уже схватился за второй автомат (первый оказался с сывороткой, и одержимые теперь падали, корчась и выпуская из тел верещащих Теней), когда увидел, как отлетает Майлз. Он, было, направил оружие на Жнеца, однако тот успел это заметить и схватил из кучи под ногами Охотника, прикрывшись им, словно живым бессознательным щитом.

Джон отвлекся, и этим не преминули воспользоваться враги. Одержимые и не думали убегать, скрывшись за углом ниши до лучших моментов, а Тени, потеряв сосуды и разум, и вовсе не скрывались, уже направив свой взор на лакомую добычу.

Одна пуля угодила в ногу повыше колена, а вторая прошила насквозь левое плечо. Боль острыми осколками пронзила тело Джона, однако этого же и привело его в чувства.

— Везе-е-ел!!! — заорал, перекрикивая грохот выстрелов, до боли знакомый голос.

И тут случилось сразу несколько событий, одно дополняя другое. Волна, словно от неведомого взрыва, искажая воздух, начала быстро, но одновременно и так медленно

распространятся во все стороны. Одержимые, попадая под нее, теряли контроль над телами, роняя оружие, а Тени, жалобно вереща, растворялись в воздухе. Эта волна подействовала и на Жнеца, пусть и не столь явно, однако далеко не из-за этого он оказался на земле.

Сверху, почти с трехметрового саркофага, на него прыгнул ни кто иной, как Мейсон, прямо в прыжке со всей силой ударяя противника кулаком в лицо. Жнеца отбросило не хуже, чем несколько секунд назад Майлза. Однако удар не сильно смог ему навредить, скорее, просто заставил удивиться.

Он быстрее пули поднялся на ноги, и тут его вновь встретил молодой Охотник, на сей раз используя не кулаки, а вскинув над головой свою булаву. Жнец едва избежал удара, защищая голову рукой. Раздался отвратительный хруст, однако Вольфганг даже не поморщился, тут же перехватив второй рукой неприятеля и стремительным разворотом отправив его в полет прямо на толстые прутья решетки ниши.

Он сделал шаг вперед, чтобы добить Мейсона, и Джон не успел даже направить на него автомат, как шею Вольфганга внезапно обвила тонкая цепочка с грузиком на конце. Цепочка резко дернулась, и Жнец оказался на спине.

— Афро?

— А ты кого ждал? Мать Терезу? Она хотела сказать что-то еще, но цепь вновь натянулась, теперь уже сбивая с ног саму девушку. На этот раз Джон успел сделать выстрел, однако Жнец словно предчувствовал опасность, ускользнув из-под пули с грацией дикой кошки. А в следующую секунду растянулся на земле.

Мейсон, все еще отходя от ударов на земле, схватил Вольфганга за ногу, неведомо когда успев избавиться от пут. Тот не стал церемониться, и второй ногой сломал Тору руку. Однако, потеряв бдительность, едва не лишился жизни. Афро, придя в себя, с силой бросила в него серп, расчертив кровавой линией лицо. Бинты, что и так едва держались, окончательно превратились в лохмотья, и Вольфганг попросту содрал их с лица.

Мрачный Жнец выглядел под стать своему прозвищу. Все лицо в уродливых пятнах, похожих на старые ожоги, губы, казалось, отрезал какой-то маньяк, обнажив неестественно выпирающие вперед и подгнившие желтые зубы, а нос словно отвалился, изъеденный сифилисом. Джон и не думал, что все настолько плохо.

Вольфганг вновь оправился довольно быстро, уже готовясь ответить ударом на удар, но тут неожиданно раздался звук, от которого у всех без исключения побежали по коже мурашки. Синигами решил, что если бы он уже не лежал, то точно бы упал, услышав этот... крик. Знакомый ему крик, после которого десять лет назад он обмочил штаны.

Высшая Тень вторглась в мир людей.

***

Оливер лежал на крыше саркофага, наблюдая за происходящим внизу вместе с Бертоном. Всем приходилось очень тяжело, но его час еще не настал, и он ждал. На Жнеца нападали всерьез, с намерением убить, однако тот почти без труда отбросил Мейсона и сбил с ног Афро. Сломанная рука, казалось, ничуть его не заботила.

Бертон выискивал подходящий момент, чтобы сделать выстрел, однако боялся промахнуться и попасть по одним из тех, кто без сознания распластался на земле. И это не считая того, что большинство фонарей либо разбились, либо оказались завалены телами. Оливер видел происходящее очень четко, когда как зрение Бертона застилал полумрак.

Оли собирался действовать самостоятельно, но так как стрелял он неважно, то просто решил последовать примеру Мейсона и спрыгнуть на противника сверху, но атакуя не голыми руками, а мечом. Даже Жнецу не пережить, если его пронзят насквозь клинком из амбисидиана.

Он уже подобрал ноги, ожидая наилучшего момента, и вот он возник: Афро порезала лицо Жнеца кусаригамой, и тот, алча мести, повернулся к ней, оставив спину открытой для молодого Охотника. Оли поднялся на ноги, держа перед собой меч, и тут раздался душераздирающий звук.

Прямо под ногами послышался такой звенящий и низкий крик, что даже саркофаг завибрировал. На шум сразу же обернулся Жнец, заметив и стоящего наверху парня.

Оли запаниковал, поджилки затряслись пуще саркофага, и он, теряя крупички здравого разума, сиганул вниз, уже не думая, зачем это делает. Кажется, за спиной что-то закричал Бертон, но слух застилало бешено колотящееся сердце.

Как и следовало ожидать, на Жнеца эта безрассудная атака не произвела практически никакого эффекта. Он прямо в воздухе перехватил падающего на него юношу и с силой отбросил в сторону, угодив прямиком в Афро.

Через мгновение Вольфганг уже стоял у двери в саркофаг. Джон очередной раз попытался достать его из автомата, однако тот с нечеловеческой скоростью успел поднять с земли человека, одного из элитных бойцов, и прикрыться им. Джон не успел среагировать, и несколько пуль угодило в бронезилет. Но тут в дело вступил Бертон.

Обычно попадая в цель, тут его пуля угодила не в голову, куда он метил, а несколько ниже, пробив Жнецу навывлет ключицу. В следующее мгновение в Бертона прилетело бессознательное тело бойца, да с такой силой, что из легких выбило весь воздух, и, отлетев назад, он затылком ударился о заднюю стену ниши, погрузившись в нежеланный сон.

Джон не стал мешкать и нажал на спусковой крючок, метя во вновь открывшегося неприятеля. Первая пуля угодила в саркофаг, выбив яркую искру, а вот вторая... Второй пули не было, ибо у автомата закончились патроны.

— А вы настырные, — вымолвил Жнец. В его голосе даже не слышалось намека на усталость. Сломанная рука уже успела исцелиться, из ключицы кровь тоже медленно

переставала изливаться, но так как рана нанесена амбисидианом, на полное исцеление потребуется гораздо больше времени.

— А как иначе? — хмыкнул Джон, медленно поднимаясь на ноги. — Когда сражаешься за жизнь, все средства хороши.

— Человеческая жизнь никогда не стоила дорого. Умереть не страшно, страшно осознавать, что после тебя ничего не изменится. Или все станет только хуже.

— По-твоему, если ты выпустишь этих тварей в мир, жизнь сразу станет лучше?

— Нет, Джон, жизнь сама по себе измениться не может. Жизнь — это лишь концепция, абстракция, совокупность идей и суждений, придуманных людьми. И эти самые люди наделяют это слово такими же бесформенными понятиями и обозначениями. Добро, зло, хорошее, плохое — только человек руководствуется подобными критериями. И раз все это не имеет сущности — нет в этом и смысла. Ты спрашиваешь, станет ли жизнь лучше? Нет, но лучше могут стать сами люди. Это, можно сказать, испытание. Они должны одолеть Теней, доказав, что они лучше: умнее, сильнее, приспособляемее... Думаю, ты понимаешь, что под людьми я подразумеваю Хомо Эребус, а не Хомо Сапиенс, что изжили себя.

Джон не успел ничего сделать. Жнец достал из внутреннего кармана пальто три ключа и вставил их в замки, запирающие саркофаг, а затем также быстро набрал код на уже открытой заранее панели.

Дверь зашипела, словно недовольная тем, что ее отворили, и тут Джон понял, что стоит почти прямо напротив нее. Дверь еще не успела открыться до конца, как оттуда показалась черная масса, словно само зло обрело подобие плоти. Заметив жертву, Высшая Тень тяжело выползла наружу, устремив свой пронизывающий взгляд на Джона. У нее за спиной копошились обычные Тени, не решаясь приступить к пиршеству, пока этого не позволит хозяин.

Высшая Тень уверенно направилась к Охотнику, а тот лишь и сумел, что вытащить амбисидиановый нож. Зачем? Мелкий клинок не причинит особого вреда Высшей, но вот если убить себя...

Джон не успел решить, как ему поступить, когда перед Тенью вдруг оказался грозный силуэт. Мейсон, с переломанными ребрами и правой рукой едва держался на ногах, однако невесть как оказавшаяся на его левой руке перчатка с амбисидановыми шипами мелькнула так же быстро, как и всегда. Высшая Тень едва заметила удара, однако прощать дерзкого человека даже и не подумала.

У Джона из глотки вырвался крик отчаяния. Высшая Тень, сменив жертву, ухватилась за Мейсона, а почти минуту спустя Тор уже без труда стоял во весь рост, несмотря на полученные совсем недавно травмы.

— Приветствую тебя, — обратился к Высшей Тени Жнец. — Меня зовут... Вольфганг Зельвейзер. Или Просто Вольф. Именно я открыл доступ в этот мир тебе и остальным Высшим Теням. Полагаю, другие Тени уже передали тебе кое-какую информацию, когда доставили в

твой мир бомбу.

— Она оказалась ярче, чем мы думали, — сказала Высшая Тень. — Несколько моих братьев погибло. Ее голос не отличался от голоса Мейсона, однако в нем чувствовался холод безразличия. Тени не испытывают эмоции, а чтобы обрести всю палитру чувств людей, им требуется некоторое время.

— Я предупреждал, но вы сами должны понимать, насколько обычные Тени глупы...

— Однако они передали, что ты, человек, имеешь требования к нам взамен открытия пути, — перебил Жнеца Высшая Тень.

— Требования? Как я могу что-то требовать? Нет-нет, это, скорее просьба, договор, который окажется на руку всем нам.

Жнец взглядом отыскал Везела, который находился без сознания после использования своей силы. Вольфганг понимал, что если Высшая Тень решит действовать самостоятельно, не нуждаясь в советах человека, то ей попросту нечего будет противопоставить, кроме как собственную силу.

— Человек, в которого ты сейчас вселился, как и тот, что стоит у тебя за спиной, несколько отличается от большинства.

И Жнец начал рассказывать Высшей Тени обо всех нюансах Охотников, их отличии от людей, и почему Теням выгодно, чтобы они существовали. Конечно, он старался умалчивать о наиболее важных деталях, таких как способность некоторых Тенеловов противостоять созданиям ночи, используя свои способности.

Высшая Тень слушала не особо внимательно, больше наблюдая за Тенями, пришедшими вместе с ней и периодически поглядывая на Дыру. Портал сейчас выглядел немногим лучше, чем когда его только нашли, однако быстро стабилизировался, и Джон был уверен — как только он придет в норму, здесь окажется еще одна Высшая, а потом еще и еще.

Он больше не собирался стоять и глазеть по сторонам, особенно учитывая то, что все остальные уже пришли в себя после сражения со Жнецом. Синигами взглядом нашел автомат с маркировкой, означающей, что внутри находятся пули с съвороткой. Однако, как и Афро, Мейсон и Оливер, он был окружен Тенями, медленно бродящими между тел без сознания, но не решающимися вселиться в них или приступить к трапезе без дозволения хозяина.

И тут недалеко вдруг раздались автоматные трели. Они звучали и раньше, но где-то очень далеко, на границе человеческого слуха, однако на сей раз не оставалось сомнений, что они приближаются. «Это наши, — подумал Джон, — больше некому. Значит, Жнец оставил кого-то прикрывать спину. Еще есть шанс!»

Синигами все еще держал в руке бесполезный нож, а потому решил действовать, пока противники отвлеклись, ожидая поддержки от остальных. Убивать Майлза он не желал ни в коем случае, а потому бросил нож, целясь в ногу одержимого.

Существо, что находилось ныне внутри Тора, заорало от боли, которой, вероятно, никогда не испытывало, не имея до этого настоящей плоти. Джон, преодолевая боль не меньшую, бросился к ранее примеченному автомату, но не с съвороткой, а с пулями из амбисидиана, потому что те, в которых заключалась съворотка, отчего-то были созданы из иного, пусть и довольно мягкого металла, а так как Тени имели лишь условную плоть, капсула попросту пройдет насквозь почти без сопротивления, выпустив съворотку лишь при столкновении с чем-то более плотным.

Жнец было бросился Джону наперерез, однако вокруг его шеи вновь оказалась обернута цепочка из почти безвредного для него амбисидиана.

Джон, добравшись до оружия, открыл огонь по Теням. Да, сплав золота и серебра тоже проходил сквозь их тела, словно это густой кисель, однако существа ночи погибали почти мгновенно. Тут приходилось быть крайне осторожным, чтобы пуля случайно не угодила в лежащих на земле людей.

Не обращая внимания на свистящие у самых ног пули и шипящих где-то там же Теней, вперед бросился Мейсон. Он прямо на бегу с силой врезал Жнецу, отчего тот рухнул как подкошенный, натягивая цепь на шее еще сильнее. Не снижая скорости, Рутгер накинудся на Майлза, сбивая того с ног. За ним тут же рванул Оливер, разрубая стоящих на пути Теней своим мечом.

— Не убивайте его! — заорал Джон, пытаясь поползти через тела до заветного оружия с съвороткой. Однако это предупреждение оказалось напрасным, потому что секунду спустя Мейсон подлетел в воздух метра на два, врезавшись спиной в саркофаг. Высшая Тень пришла в себя.

Джон уже схватил автомат, как его взгляд наткнулся на туннель за решеткой, откуда в их сторону двигалась волна самой настоящей тьмы. Похоже, несмотря на всю кружившую суматоху, Высшая Тень каким-то образом успел призвать своих низших прислужников, что оказались за пределом действия силы Везела, а может, те сами почувствовали хозяина и рванули к нему в надежде заполучить его расположения.

Даже если бы все Охотники вокруг пришли в себя, их бы все равно оказалось недостаточно, чтобы противостоять стольким Теням, что отлично было продемонстрировано, когда они спустились вниз в первый раз.

Но Тени отчего-то рванули не в нишу, а куда-то дальше по коридору. Со всеми этими битвами Джон не заметил нарастающего шума еще более приблизившихся людей, криков и выстрелов. Видимо, люди Жнеца отступали от тех, кто их теснил, даже не догадываясь, что их уже поджидает метящий в спину нож. Они были нужны Вольфгангу лишь как жертвы ворвавшихся в мир Теней, но вряд ли успеют об этом подумать.

Джон развернулся и встретился глазами с Майлзом, одержимым Высшей Тенью, и тут же наставил на него оружие. Недалеко стоял Оливер, тяжело дыша после сражения с Тенями, решив, что держать занесенный над Жнецом меч сейчас целесообразней, чем бросаться на

одержимого Тора, который так легко разделался с Мейсоном.

— Этот человек считает тебя своим другом, — неожиданно заговорил Высшая Тень, обращаясь к Джону. — Неужели ты готов его убить?

— Если у тебя его воспоминания, то ты знаешь, что у меня оружие с сывороткой, которая не убьет его, но изгонит тебя.

— Полагаешь? Я в разы сильнее и умнее этих мелких тупых сосунков, что вы зовете Тенями, коими руководят лишь инстинкты. Не успеешь спустить курок, как я разорву твоего приятеля изнутри, а затем сделаю тоже самое и с остальными. — Он как бы невзначай поставил ногу на шею лежащего подле него человека, не Охотника, а простого горожанина, волей судьбы оказавшегося одержимым на Рождество. — Хочешь спасти людей? Сдайся. Пусть сдадутся все люди в мире, и тогда они будут жить. Кроме тех, конечно, кто окажется подходящими для нас сосудами.

— Соглашайся, Джон, — подал голос Жнец, поднимаясь на ноги (Оливера с мечом он как будто не замечал). — Ты ничего не исправишь, даже если тебе удастся убить Высшую Тень. Осмотрись! Вас сколько? Четверо? Против армады Теней, что сейчас захватывают себе новые тела. Посмотри, — он указал на открытый саркофаг, — Дыра стабилизируется, скоро здесь окажется еще одна Высшая.

Тени действительно захватывали себе тела из числа бойцов организации, что лежали без сознания, однако от тех, в кого попали пули с сывороткой, они отскакивали, словно от Охотников, шипя, будто кошки. То, что происходило вне ниши и коридора за решеткой, Джон не видел, но если там есть обычные люди, то они тоже становятся сосудами.

Их было так много, когда они шли на этот бой, но сейчас их можно сосчитать по пальцам одной руки. Однако если они сдадутся, то в любом случае умрут. Теням нельзя доверять, а Высшим так тем более.

Видимо, взгляд Джона не остался незамеченным, потому что Жнец успел среагировать прежде, чем меч Оливера достиг его. Он рванул вперед, к Афро, отчего цепь на его шее ослабла, даровав ему свободу. Однако девушка не растерялась, атаковав противника серпом, а сзади уже готовился к броску Оли.

Джон этого уже не видел, нажав на спусковой крючок. Высшая Тень явно лгала о том, что оставит им жизнь, так почему бы не соврать и об убийстве Майлза? За все десять лет не было зафиксировано ни одного случая, чтобы Тень вырвалась из человека не через рот. Очевидно, что проникая в тело, они как бы сливаются с ним, становясь единым целым. Хотя способов убить тело без вреда для поселенца полно.

Высшая Тень обладала поистине сверхчеловеческими рефлексамми. Пусть Джон и плохо владел автоматом, но даже его навыков должно хватить на то, чтобы попасть в движущуюся цель с десяти шагов, однако одержимого Майлза задела лишь одна, едва ли возымев должного эффекта.

А тем временем у очередного оружия закончились патроны. Высшая Тень легко махнула рукой, и все Тени с новорожденными одержимыми разом обернулись в сторону Джона и остальных, готовые накинуться на них. Но не тут-то было. Синигами краем глаза уловил какое-то движение, а спустя мгновение Тор воскликнул, держась за плечо, из которого торчал метательный нож. Второй такой же вонзился в спину Жнецу, наседающему на Афро и уже повалившему ее на землю. Оливер с рассеченной губой пытался прийти в себя неподалеку.

С саркофага, держась за край крыши, легко спрыгнула Эвила, и тут же схватила ближайший автомат, открыв огонь по рванувшим вперед Теням и одержимым. Автомат оказался боевым, но это мало ее заботило. Следом за ней спрыгнула Сьюзен, однако не так ловко, едва не приземлившись на голову поднимающемуся на ноги Мейсону, после чего уже тот помог спуститься Миранде, едва не терявшей сознание от страха.

Джон, однако, не тратил зря времени, со всей силой врезав опустевшим автоматом по колену Майлзу, сбив того с ног, а затем накинулся сверху прежде, чем понял, чего сможет этим добиться. Он просто начал наносить удары кулаком здоровой правой руки. У него имелся на бедре второй амбисидиановый нож, однако им и убить не долго, а Джон желал лишь избавить Тора от Высшей Тени.

Афро воспользовалась тем, что Жнец отвлекся на нож у себя в спине, и с силой ударила его в кадык. Тут поднялся Оливер, и, уже не думая о ценности чужой жизни, как это было до первых его убийств, занес и резко опустил меч.

Жнец вовремя успел подставить руку, и меч разрезал ему ладонь, едва не отрезав ее полностью, однако и этого хватило, чтобы рука превратилась в бесполезный кусок мяса. Но тут ему пришла подмога в лице Теней и одержимых.

Мало кто из организации мог бы подумать, что обычно тихая и размеренная Эвила способна так быстро двигаться. А еще почти никто не видел у нее иного оружия, кроме как метательных ножей. Однако оно у нее было. Это походило на кастет наоборот, не прикрывающий костяшки пальцев, а закрепляющий острый и тонкий шип на нижней части ладони. Удар получается сильным и хлестким, не хуже, чем кулаком, но безопасней для пальцев, при этом шип вонзается в тело противника по самое основание, и при правильном использовании легко убивает как человека, так и одержимого одним ударом.

Эвила молча бросилась вперед, не обращая внимания на снующих под ногами Теней, которые отскакивали от нее, словно от чумной, однако причиной тому была не она, а бегущая следом Миранда, использующая свои способности по максимуму. Ей даже начало казаться, что барьер вокруг нее стал больше, чем раньше.

Тени разбегались, а одержимые просто отстранялись, словно их огрели обухом по голове. Однако эффект этот длился недолго, но и доли секунды хватало Эвиле, чтобы нанести удар смертоносным жалом.

В это время Сьюзен атаковала Высшую Тень. Она сама не понимала, как ее ноги до сих пор не развалились от такой тряски, а шпага не выпала из рук. Она забыла все уроки фехтования и просто махала перед лицом Майлза острым оружием, не позволяя ему приблизиться. И все бы шло прекрасно, если бы Высшей Тени было до этого дело. Он просто выхватил из воздуха тонкий металл и вырвал его из рук девочки, тут же переломав пополам коленом, словно тонкую прогнившую щепку.

Джон продолжал терять кровь. Знаменитая регенерация Охотников работала слишком медленно, хотя с момента его ранений вряд ли прошло более пяти минут, пусть и казалось, что больше, много больше. Где-то неподалеку звучали выстрелы, и ему казалось, что стреляют его руки, хотя они были пусты.

Он поднял взгляд и увидел Тора. Голова кружилась, отчего Майлз никак не хотел четко сфокусироваться, дрожа, словно от землетрясения. Однако не это волновало Джона. Высшая Тень стояла с одной вытянутой рукой, на конце которой бессильно дрожало уже другое тело, но явно не только в глазах Охотника. Сначала ему привиделась Афро, но, не разглядев знаменитой прически, он понял, что это Сьюзен.

— Если ты его не убьешь, он убьет всех.

— Заткнись...

Джон невероятно, по его мнению, медленно поднялся на ноги.

— Если ты его не убьешь, он уничтожит мир.

— Заткнись...

Джон направился вперед, неосознанно доставая из чехла нож.

— Если ты его не убьешь, он убьет Хелин.

Джон ничего не ответил. Он собрал последние силы, кинулся вперед и с криком, придавшим ему силы, обрушил нож на вытянутую руку Тора, разрезая ее до кости.

Эвила справлялась лучше некуда. Вокруг нее тоже словно образовался невидимый купол, за который боялись заступить даже одержимые. Кажется, они решили, что у них куда больше шансов против тех, кто устроил перестрелку дальше по туннелю. Однако все еще оставался Жнец.

Тени его не тронули, однако он и без этого был сильно ранен. По крайней мере, правой рукой он сейчас действовать не мог, а из спины все еще торчал метательный нож.

— Оливер, — хрипло заговорила Эвила, — помоги Джону и Сьюзен, я здесь сама разберусь.

Оливер взглянул на Джона, что обрушился на Высшую Тень, но явно проигрывавший в прямой схватке, и перевел взгляд на лежащую Афро. Она находилась без сознания, а все ее лицо было залито кровью. Он не знал, жива ли она, ведь и его самого Тени успели сильно оцарапать, а она так вообще оказалась ими завалена, едва защищаясь своей цепью с серпом.

Если она мертва, ей уже ничем не помочь, а если жива... В любом случае, Эвила, судя по трупам вокруг нее, явно справится со всем лучше без него, тем более что рядом с ней Миранда, перекрывшая своим барьером единственный путь в нишу.

Оливер побежал к Джону мимо саркофага, как вдруг краем глаза уловил какое-то движение.

Он остановился так резко, что едва не полетел вперед кубарем. Прямо перед ним в проеме саркофага тьма сгустилась до такой степени, что, казалось, любой посмотревший на нее решит, что ослеп безвозвратно, тут же забыв, а видел ли он вообще когда-либо что-то помимо темноты.

Высшая Тень оказалась много выше двери, а потому не могла так просто пролезть. Первой из тьмы показалась когтистая лапа, ухватившись за край проема. Несмотря на то, что саркофаг обит амбисидианом, существу ночи, похоже, соприкосновение с ним не причиняло никакого видимого неудобства.

Оли пришел в себя на удивление быстро. Он схватился за распахнутую дверцу и с силой обрушил ее на лапу чудовищу. От страха, неожиданно заползшего в его душу, он даже выронил меч, чтобы приложить все усилия на удержание двери. Да и мог ли помочь этот меч? Имеют ли вообще Высшие Тени слабость к золоту и серебру? От переполнявших эмоций позабылись все уроки.

Он истошно кричал о помощи, однако никто не мог к нему прийти. Джон каким-то непостижимым образом теснил первую Высшую Тень, из руки которой текла кровь Майлза, ему помогал не пойми как оказавшийся подле него окончательно пришедший в себя Мейсон, продолжая работать кулаками, и, судя по всему, одержимый искренне не понимал, как человек голыми руками может причинять ему столько боли. Сьюзен лежала неподалеку, и Оли не мог рассмотреть, жива ли лежащая лицом вниз девушка, но отчего-то эта картина лишь придала ему еще больше сил. Эвила боролась со Жнецом, однако тот практически без труда избегал резких выпадов, хотя и сам не мог достать ее, используя лишь одну руку и морщась от боли из-за торчащего в спине ножа, что делало его уродливое лицо еще более пугающим. Охотница старалась не уходить далеко от Миранды, которая продолжала перекрывать вход для Теней, однако несколько раз внутрь пытались попасть и одержимые, и Эвиле приходилось отвлекаться от Жнеца, который старался по максимуму этим воспользоваться.

Лапа Высшей Тени оказалась сильнее Оливера, с каждой секундой протискиваясь все дальше, упирающиеся в землю ноги скользили, и даже вес всего тела едва мог замедлить чудовище из ночных кошмаров, что жаждало вырваться из золотой тюрьмы. Оли прекрасно

понимал, что как только оно выберется, его первой жертвой станет именно он.

Но тут вдруг на дверцу надавили еще сильнее, однако не изнутри, а снаружи. Оливер открыл плотно зажмуренные глаза и оглянулся. За его спиной изо всех сил толкал дверь Бертон.

— Нужно отрубить руку! — закричал он. — Где твой меч? — Оливер указал на лежащий в грязи клинок. — Подбери его! Давай! На счет три отпуская дверь, хватай меч и руби!

Оливер так спешил, что не удержал равновесия и упал на одно из бессознательных тел, однако быстро вскочил, схватил меч и со всей силы обрушил его на черную лапу смерти, перерубая ее пополам. Высшая Тень заверещала так, что уши прикрыл даже Жнец, хотя ни Оли, ни Бертон этого не видели.

Леброн последними усилиями надавил на дверцу, и та захлопнулась, закрывшись на автоматические замки, оставив отродье ночи наедине с собственными криками и без лапы, что медленно растворялась в воздухе. После этого детектив вынул все еще торчащие в замках ключи и разбросал по всей нише, а один из них забросил наверх, где и сам пребывал до недавнего времени. Голова все еще гудела.

Оли замер в нерешительности: броситься на подмогу Эвиле или Джону? Ему хотелось спасти всех и сразу, как было и с его друзьями, но как бы он не старался, ему удалось не все, на что он рассчитывал.

За него все решил Бертон, рванув к Жнецу, на ходу выхватывая пистолет. Предсказания? Предвидения? Провидцы организации заявили, что Жнеца одолеют благодаря пятерке новичков, но не было ни слова о том, их ли руками это будет совершено, да и выживут ли они вообще. Возможно ли, что они ошиблись? Ни слова о бомбе, ни слова о Высших Тенях, как и вообще о роли Дыры во всем происходящем.

Оливер решил, что больше не станет верить во всякие бредни предсказателей, и рванул на помощь Джону и Мейсону, которые уже едва ли держались на ногах, но и Майлз больше не выглядел столь непобедимым, как в первые минуты одержимости.

Однако, не пробежав шагов десять, он остановился у лежащей на полу Сьюзен, перевернув ее на спину и неумело стараясь нащупать пульс на покрывшейся синяками шее девушки. Но этого не потребовалось, потому что она открыла глаза почти сразу, как оказалась лицом вверх, тут же закашлявшись.

— Сьюзен, ты цела?

— Что... случилось? — спросила она хрипло. Оли и сам прекрасно знал, каково это, когда тебя едва не задушили до смерти.

— Лежи здесь, не поднимайся, еще ничего не закончилось, но это ненадолго.

Он бы хотел подстелить что-нибудь ей под голову, а еще лучше — отнести в более безопасное место, но на это не было времени, потому что он увидел, как Джона отбрасывает на

несколько метров, и тот падает у самой решетки, не подавая признаков жизни. Мейсон продолжал держаться, но такими темпами ему оставалось большее несколько секунд.

Вновь рванув вперед, Оливер выставил перед собой меч, метя прямым в сердце. Джон кричал, чтобы Майлза не убивали, но вряд ли сейчас хоть кто-то думает о подобных мелочах, когда на кону стоит куда больше жизней.

Отбросив от себя Мейсона почти небрежным жестом, Высшая Тень без труда перехватила лезвие одной рукой, не обращая внимания на разрезанную ладонь; вторая рука, та, что почти отрубил Джон, все еще висела бесполезной плетью с перерубленными сухожилиями, хотя Оливер об этом знать не знал. Вместо того чтобы отступить назад, пытаясь вернуть свое оружие, он, к вящему удивлению Тени, наоборот, кинулся вперед, выставив перед собой руки, которыми вцепился в одноглазое лицо Майлза.

Эффект превзошел даже ожидания самого Оливера. Тело Тора выгнулось, словно от внезапной боли, и он рухнул на спину, утаскивая за собой и парня. Высшая Тень издавала какие-то скулящие звуки вперемешку с хрипом, вырывающимся из горла, однако совсем не стремилась вылезать из тела. Тор слепо молотил руками по воздуху и брыкался ногами. Оливер пропустил парочку ударов, едва не выбивших из него дух, но продолжал держаться за лицо противника, впиваясь в кожу ломающимися ногтями.

Очередной удар угодил ему в голову, и он, не удержавшись, рухнул поперек тела Майлза, в глазах все поплыло от выступивших слез. Следующий удар куда-то в бок отбросил его к ногам Тора, словно нашкодившего котенка. Но он не собирался сдаваться, ухватившись за оголенную в пылу борьбы голень, отчего Высшая Тень вновь забрыкалась, выгибаясь дугой, но все еще не сдавалась.

Второй ногой он пытался сбить руку Оливера, и, угодив по пальцам, парень почувствовал такую боль, что, кажется, на миг потерял сознание. Как минимум два пальца попросту оказались сломаны, а ладонь и вовсе онемела, и при всем своем желании ему вряд ли бы удалось выпустить голень по собственной воле.

Оливер уже готов был ощутить второй, не менее болезненный удар, но тут вдруг на бьющуюся в истерии ногу кто-то накинулся, и парень с удивлением увидел вьющиеся волосы цвета шоколада Сьюзен. Девушка самозабвенно ухватилась за вторую ногу Майлза так, словно вообще никогда не собиралась ее более отпускать, даже после смерти.

— Сьюзен! — закричал Оливер, не узнавая собственный голос. — Если ты не применишь свои способности, мы все умрем! Пожалуйста, помоги мне!

Девушка не сдерживала слез, и Оливер чувствовал свою вину в полной мере. Она не желала никому смерти, а тем более лишать жизни собственными проклятыми руками, но, даже размышляя о своих силах долгими бессонными ночами или на приеме у психолога, она осознавала, что силы ей даны не просто так.

Меньшее зло — выбор, когда нет выбора. Убей или убьют тебя — она бы предпочла последнее. Убей или убьют других: благородство или оправдание греха? Эгоистично ли

обрекать других на смерть, имея возможность их спасти взамен собственным принципам, оправдываясь трусостью и малодушием?

Убить не ради, убить вопреки, жить с этим и подарить жизнь другим, даже если за это тебя будут ненавидеть. Геройство ли это? Или ханжество? Когда дело касается жизни и смерти, любые слова становятся не более чем словами.

Сьюзен ухватила за ту же оголенную часть ноги, что и Оливер. Их пальцы соприкоснулись, и сила полилась сквозь них: сила, что спасает, и сила, что убивает. Девушка сейчас очень хотела, чтобы Оливер спас и ее. Если их силы родились от Теней, то почему бы не случиться так, чтобы одна сила уничтожила другую, изгнала бы, подобно обычной Тени.

Одержимый замер, как замирают одержимые обычными Тенями, когда их касаются Оли или Сьюзен по отдельности. Майлз изогнулся, едва не вставая на мостик: казалось, еще чуть-чуть, и его тело переломится пополам, словно тростинка.

Из горла Тора вырвался истошный крик, словно все черти ада заголосили в унисон, оказавшись на раскаленной сковороде вместо пытаемых ими грешников, а спустя миг Майлз словно потерял под собой опору, рухнул на пол и затих.

***

Если бы месяц назад Бертону сказали, что он будет спасать мир от всякой нечисти из иного мира, которая решила сожрать одну часть человечества, другую превратить в рабов, а третью сделать сосудами для самих себя, то он, пожалуй, сбросил бы пару лишних килограмм, подстриг бы аккуратненько бородку, сходил бы в церковь помолиться и исповедаться, написал бы завещание, в котором все свое имущество оставлял коту, и сел бы на диван, ожидая, когда его призовут высшие силы.

Однако никаких высших сил не было, ему никто не даровал белую мантию с крестом на груди и не вложил в руки освященный меч, блестящий серебром на солнечном свете. Да и крыльев за спиной не выросло.

Когда сражаешься со злом, самое главное — не перепутать сторону. И необходимо понимать, что в мире нет ничего категоричного. Творит ли Жнец зло? Бертону было не до философских размышлений, он лишь знал, что Вольфганг собирается убить их всех, и какими бы не были его мотивы и побуждения, для предполагаемой жертвы это представлялось абсолютным, неоспоримым злом.

Эвила наносила такие быстрые удары, что Бертон едва различал в полутьме ее движения, однако Жнецу даже одной рукой удавалось каким-то образом от них защищаться, и все бы ничего, но Охотнице то и дело приходилось отступать, дабы не позволить прорваться в нишу очередному одержимому, и в этот момент Жнец из обороны переходил в наступление.

Бертон сделал первый выстрел, когда один из подконтрольных Тени все же переступил

четкий порог ниши, где беззащитно, но и бесстрашно стояла Сьюзен, сжимая в руках дзюттэ, потому что Жнецу все же как-то удалось нанести Эвиле удар, сбившей ее с ног. Пуля попала прямо в грудь одержимого, и тот распластался прямо на куче других трупов, частично перекрывающих проход. Второй пулей Леброн хотел поразить самого Жнеца, ощущая на своей стороне полное преимущество, однако Вольфганг словно предчувствовал опасность и сумел уклониться, однако и Эвила успела прийти в себя.

— Защищай Сьюзен! — крикнула она и вновь самозабвенно бросилась на противника, чье лицо дало бы фору Фредди Крюгеру.

Бертон сделал еще два выстрела в проем и сменил пистолет на лежащий подле ног автомат с маркировкой, обозначающий наличие съворотки. Слева звучали выстрелы и крики, там явно шел бой, а судя по его продолжительности, силы были как минимум равны. Но не оставалось никаких сомнений, что победу одержат именно Охотники, пусть и с ужасными потерями. Надежда — все, что осталось у частного детектива.

Но даже все Тени, пребывающие ныне в катакомбах, не могли сравниться со Жнецом, а тот, в свою очередь, не чета Высшей Тени. Однако частный детектив решил, что последнего можно оставить людям, что обладают силой, способной ему противостоять.

Защищать Сьюзен не представлялось сложным, потому что Тени попросту не могли к ней приблизиться, а одержимые, что заполучили толику мозгов, по большей части не спешили переть в лоб, видя перед собой груды первопроходцев.

Бертон держал проход на мушке, но не забывал следить и за боем Эвилы, ожидая подходящего момента. И он наступил, когда Жнец все же достал Охотницу прямым ударом в грудь, откидывая ее от себя. Леброн открыл огонь, не заботясь о патронах или о том, что сейчас ему за спину может зайти даже самый никудышный одержимый.

Автоматная очередь перечеркнула грудь Жнеца по диагонали, и тот с криком боли повалился назад, спотыкнувшись об одно из распростертых на земле тел. Однако дальнейшее он уже увидеть не смог, потому что получил по голове удар, от которого перед глазами вспыхнули звездочки. Бертон выронил автомат и упал на землю, почему-то в падении подумав о своем коте, который теперь уж точно помрет от голода, а в последнюю секунду перед потерей сознания вдруг услышал пронзительный крик, с трудом заглушающий гудение и свист в его голове.

***

Как же Оливеру хотелось, чтобы все закончилось, но это была лишь середина бойни, что началась вечность назад и завершится не раньше чем через столько же.

Тело Майлза лежало без движения, словно замерев во времени, однако у судьбы и мысли не было предоставить ему хотя бы секундную передышку или даровать новую порцию сил. Он вообще сомневался в наличии у себя второго дыхания.

Шум вокруг усиливался, давя на голову со всех сторон, и Оли сам не понял, как среди всего этого гама уловил крик Сьюзен, которая звала его по имени. Он поднял взгляд и увидел настоящее толпище. Одержимые всем скопищем поперли через вход в нишу, не боясь уже никого и ничего.

Совсем близко звучали выстрелы и звуки борьбы, кто-то бежал к ним, а кто-то наоборот, старался скрыться. Оливер увидел, как на одного из людей, что отступал спиной, набросилась Тень, но вместо вселения, начала раздирать ему лицо, не обращая внимания на его крики, утонувшие в общем гаме.

Оливер вскочил на ноги и поднял свой меч, отразив нападение первого из набросившихся на него одержимых, что оказался в нише раньше других, на второго он уже набросился сам, защищая от него безоружную Сьюзен. Приходилось биться одной рукой, потому что несколько пальцев другой торчали в разные стороны, словно ветви старого дерева.

Он вдруг осознал, что остался совершенно один. Джон лежит без движения, Мейсон потерял сознание, Сьюзен сейчас ему не помощница, Афро едва ли жива, неизвестно, что сейчас с Эвиллой, отброшенной еще Жнецом, Бертон и Миранду во всем этом бедламе Оливер попросту потерял из виду.

Если это смерть, подумал он, тогда глупо сдаваться ей на милость, забившись в уголок.

Встав в стойку, как его когда-то бесконечно давно учили, он бросился вперед на несущуюся толпу, что, казалось, не замечала ничего, кроме тепла бьющихся сердец, желая их остудить, вырвав из груди.

И только он успел занести меч для первого удара, как мимо него прошмыгнула стремительная тень, словно появившись из неоткуда, как и подобает тени, и с силой влетела в одержимого перед Оливером, а затем, подобно ледоколу, врезалась в толпу противников, расшвыривая их во все стороны.

Оли с безразмерным удивлением узнал в этой тени Майлза, только что лежавшего, казалось, бездыханным. Теперь, держа в обеих руках по широкому ножу, он кружил среди врагов человечества и рычал диким зверем. Во все стороны хлестали фонтаны крови, словно сегодня ее пролилось слишком мало.

Однако не успел парень прийти в себя от потрясения, как и ему пришлось вступить в схватку, ибо одержимых оказалось слишком много, и не все они решили наброситься на одного лишь Тора, покуда есть и другая добыча, куда более доступная.

Два, четыре, восемь... Оливер сбился со счета, сколько одержимых уже лежали подле его ног. Пережив за сегодняшнюю ночь, плавно перетекшую в день, не одну битву, силы начинали покидать его. Где-то в кармане, он вспомнил, лежала таблетка, что заглушает боль, но стоит ему отвлечься хоть на мгновенье, как его разорвут на части.

Он сам не заметил, как оказался в окружении, и теперь ему приходилось вертеться

волчком, чтобы сильные руки не дотянулись до него. Имей одержимые разум Теней, они бы давно без страха накинулись на него, но сейчас они ощущали все, что ощущают люди, пусть и несколько затуплено, однако и желания Теней никуда не делись — уничтожать.

Очередным взмахом меча отрубив сразу три тянущиеся к нему руки, он вдруг увидел оставшуюся позади Сьюзен. Она спиной вперед отползала к ближайшей стене, махая перед собой обломком шпаги, едва ли достигавшим десяти сантиметров в длину.

Оливер, казалось, забыл обо всем на свете. Тени, Жнец, Охотники, одержимые, его собственная жизнь... Желание спасти Сьюзен превзошло даже недавнее стремление отыскать собственных друзей целыми и невредимыми.

Он рванул сквозь окружающих его монстров, словно берсеркер в пылу безжалостной схватки, коей она и являлась. Оливер наносил удары за ударом, и каждый его взмах сражал как минимум одного противника, пусть и не всех насмерть. Павшие ему под ноги одержимые хватали его за штаны и обувь, чтобы тут же лишиться рук, а то и голов.

Меч мелькал с такой скоростью, что казалось, будто это золотая молния разит врагов своих, не оставляя им и шанса. Оливер потерялся в себе, он уже не видел окружающих его чудовищ, словно став одним из них, как человек в толпе не обращает внимания на других людей, что кажутся ему безликими тенями.

Но тут он пришел в себя. Не потому, что вновь осознал себя, и не потому, что схватка прервалась, ибо вокруг не осталось ни одного живого врага. Он очнулся от яви из-за поразившей его боли, словно в затылок вонзилось толстое сверло, стремящееся прогрызть его череп и высосать мозг.

Последнее, что он увидел, — приближающаяся земля, и тьма, что поглотила его прежде, чем в лицо ударил покрытый грязью камень.

Эпилог

Каждый раз, когда случаются ужасные вещи, люди стараются как можно скорее о них забыть, и чем они незначительней, тем быстрее это происходит. Но для каждого человека любое событие видится по-разному. Словно камень, брошенный в центр озера, и чем дальше от эпицентра, тем слабее влияние образовавшихся волн.

Человек стал инвалидом — для него это величайшая беда в его жизни; потом идут родственники, коим каждый день предстоит видеться с этим человеком и наблюдать за его состоянием, сопереживая ему; затем друзья, коллеги, знакомые и незнакомые люди, что могут увидеть его где-нибудь на улице, посочувствовать ему, после чего развернуться и пойти по своим делам, через минуту забывая обо всем... А кто-то и вовсе его никогда не увидит и не узнает о существовании этого человека, пребывая где-то за пределами влияния волны от брошенного в воду камня, возможно, находясь в самом сердце уже иного.

Все, кто находился в тот день в подземельях, оказались попросту завалены этими камнями, и многие насмерть.

Бертон уж точно не смог бы забыть обо всем, даже если бы захотел. Удар, что пришелся в его голову, оказался выстрелом из автомата, и пуля, что была из него выпущена, прочертила у него на голове борозду, словно от метеорита, что лишь краем коснулся планеты, а затем улетел восвояси, навсегда запечатлев на несовершенном лице свой несмываемый образ.

Частный детектив давно подумывал о приобретении какой-нибудь фетровой шляпы, и теперь появилась еще одна ужасная причина. Борсалино, фидора, хомбург, трилби — он закупились шляпами на все случаи жизни.

Вернувшись домой из больницы, он с удивлением нашел своего кота живым, истощенным, голодным, но живым. Словно в отместку за голодные мучения, он загадил всю квартиру, не отмоешь и за месяц.

Заглянув в холодильник, он не нашел ничего съестного. Прокисшее молоко воняло прокисшим молоком. Оно и не удивительно. Лопнувшая упаковка залила все скудные продукты, и теперь белый шкаф превратился в рассадник плесени, и это несмотря на холод.

Пришлось идти в магазин.

Организация «Тенелов» за помощь в... победе над злом предложила ему работу у себя, на что Бертон не задумавшись отказался. Тогда они обещали поспособствовать его возвращению на прежний пост в полицию, и вот тут Леброн обещал подумать. Хотя бы полгода — он решил, что именно столько времени ему понадобится, чтобы прийти в себя, и если не забыть все произошедшее, то хотя бы переварить.

Он посетил могилу Люпина, поведав всю правду без утайки. Он говорил вслух, однако впервые не чувствовал себя сумасшедшим.

***

Джон продолжал гадать, лишился ли он тогда сознания или просто ослеп, оглох и лишился осязания на несколько минут. Ему поведали, что случилось после того, как его откинула Высшая Тень ударом, от которого он едва не умер, и, если верить врачам, то ли впал в краткосрочную кому, то ли в сопор; сходились они лишь в одном — будь он простым человеком, как минимум остался бы калекой, прикованным к постели до конца жизни; а так — лишь чуть больше пары недель, пока в ноги не вернулась чувствительность.

Как оказалось, после его выбывания ситуация сначала резко улучшилась — Высшую Тень уничтожили, а Жнеца просто на время вывели из строя, а затем едва не окончилась смертью всех, кто оказался в тот злополучный день под землей.

И тут их спасло чудо: из туннеля, одолев всех людей и нелюдей Жнеца, показались Охотники, что пришли к спуску в катакомбы, когда Бобби узнал, что Жнец устроил для своих преследователей ловушку (Шиву удалось схватить прежде, чем та успела сбежать).

Силы уравнились, так как на зов Высшей прибыли Тени чуть ли не со всего Бруклина, но тут появился и сам Бобби в компании оставшихся бойцов, спустившись вниз через первый люк, что все же удалось расчистить. Свежие силы решили исход битвы.

Теперь Джон приходил в себя. Это была настоящая война, к которой не оказался готов ни один из Охотников. Политику организации необходимо было пересмотреть, и кто с этим справится лучше, если не молодое поколение?

Новым главой филиала организации в Бруклине выбрали Грассхопера. Почти единогласно. Сначала сомневались из-за его внешности: страшный порез на щеке и над глазом, отсутствие одного пальца, — но позже решили, что это сыграет только на руку. Образ настоящего вояки, истерзанного жизнью бойца, не мог не приглянуться журналистам.

Тела помощников Жнеца из числа Охотников были выставлены в качестве убитых террористов, выжившие жертвы Теней превратились в жертв террористов, что накачали их какими-то наркотиками и собирались использовать в качестве живого щита. Те особо не спорили, хотя почти ничего не помнили, кроме отдельных странных образов, явно вызванных галлюциногенами.

Некоторые из выживших сторонников Жнеца также признались в терроризме в обмен на вечное заточение в психушке, а не немедленную смерть от рук товарищей погибших. Разговоры об этом велись, и даже Бобби пришлось приложить все свои силы, чтобы разубедить желающих отомстить.

Теней в городе заметно поубавилось, но организация не питала ложных надежд, продолжая обучение Охотников и готовясь принять новых членов. Джону пока приказали отдыхать, а он не спешил спорить. Впереди его ждало восстановление — перелом позвоночника — это вам не

десяток сломанных ребер, сотрясение и внутреннее кровотечение.

Состояние хуже было лишь у погибших. Их оказалось так много, что тела пришлось развозить поездами и самолетами по всем Штатам, ибо во всем Нью-Йорке не нашлось достаточно крематориев, чтобы сжечь все тела хотя бы за три дня, ослабляя пламя лишь для изымания пепла и помещения в печь нового тела.

Почти через месяц начиналась весна, и Джон к тому времени собирался вернуться в строй и еще активней налечь на тренировки, на сей раз готовясь к встрече с людьми и вооруженными одержимыми.

Не веря в Бога, он молился про себя всем и сразу, чтобы подобного больше никогда не произошло.

***

Дежавю.

Открыв глаза, он вновь увидел над собой белый потолок, и в этот раз даже не стал гадать, прекрасно осознавая, что находится в палате больницы. Значит, жив. Но живы ли остальные?

Голова раскалывалась, как в первый его день пребывания в покоях организации, словно и не было всех этих смертоубийств, сражений с Тенями и угрозы миру. Однако Оли прекрасно понимал, что столь ужасных и отчетливых снов попросту не бывает.

Спустя месяц он уже знал все, что его интересовало, и даже то, о чем не задумывался, да и плевать он на это хотел.

Погибших было очень много, но все те, что находились в нише и сражались с Высшей Тенью и Жнецом, как ни странно, выжили. Хуже всего досталось Джону, который почти две недели пролежал полупарализованным, а меньше всего, что удивительно, Майлзу. Переломанные ребра и рука срослись в ту же секунду, как в него вселилась Высшая Тень, и все остальные незначительные ранения он получил уже в бою с одержимыми, в котором пришлось побывать и ему, пока...

Ударом в голову оказалась попавшая в затылок пуля, но не боевая, а с сывороткой. Оли так сосредоточился на битве и спасении Сьюзен, что пропустил, когда из туннелей показалась группа Охотников, одолев всех своих противников из числа людей, а затем и новоявленных одержимых Жнеца.

Увидев толпу одержимых, они не раздумывая открыли огонь, благо сменив боевые автоматы на те, что с сывороткой. Майлзу тоже досталось, но он отделался лишь синяками, когда как Оли едва не лишился зрения.

Сьюзен осталась цела, до нее успел добраться один их одержимых, но она воспользовалась своей силой — неосознанно, как она уверяла, — и умерший носитель Тени прикрыв ее своим телом, а там и подмога подросла, и противникам стало не до нее.

Миранда уснула. Ее нарколепсия сработала, словно защитный механизм перед устрашающим противником. Она потеряла сознание и получила лишь незначительные ушибы, когда на нее наступили одержимые. После этого она проспала три дня.

Везел впал в кому, но лишь на несколько часов. Ругательства стояли на весь лазарет, пока ему не вкололи успокоительного. Когда он очнулся в следующий раз, все же понял, что лучше держать свое недовольство при себе, а открывая рот, издавать лишь едва громкие слова. Он поклялся уйти из организации, однако пока ему этого не позволяли, ожидая, когда все уляжется.

Мейсон очередной раз сломал нос, но не особо об этом переживал. Его больше заботили пальцы, некоторые из которых оказались поломаны, а в других зародились трещины. Со всеми этими гипсами и бинтами он стал похож на какого-то антропоморфного краба с клешнями. Их уже должны были снять, но, зная норы Рутгера, решили с этим повременить, пока кости не срастутся на все сто процентов и вернут былую крепость. Начали подумывать одарить его, помимо булавы, парой крепких перчаток, которые могут уберечь его руки от новых травм. Он и сам начал понимать, что простой силой не всегда можно победить, а потому активно взялся за тренировки.

Афро пострадала довольно серьезно, но ее жизни ничего не угрожало. Тени, что набросились на нее, все же успели оставить на ее руках и лице несколько глубоких порезов. Теперь ей предстояло пройти множество долгих процедур, чтобы шрамы стали практически незаметными, благо современная медицина способна и на это.

Эвила пострадала не очень сильно, ушибы да порезы. Помимо силы, она оказалась и удивительно крепкой. Даже удар Жнеца лишь вывел ее из строя на некоторое время, и когда подросшие отряды Охотников расстреливали последнего одержимого, она уже была на ногах и помогала с ранеными.

Оливер все еще колебался. Организация, конечно, многое от них скрывала, но проученная горьким опытом, она теперь может прийти к двум выводам: либо необходимо теперь не срывать от членов организации важные секреты, либо наоборот, нужно держать свои тайны под куда более крепким замком.

Ожидая, что будет дальше, Оли продолжал тренировки, но даже не думал пока выходить в дозор, да ему и не предлагали. Все залегли на дно, позволяя всем желающим за стенами «Тенелова» накричаться всласть.

Когда все утихнет, как утихает всегда, на чистом небе можно будет разглядеть и звезды, что подскажут дальнейший путь. А пока Оливер ждал, не переставая тренироваться и думать.

Оставшиеся в живых его друзья вернулись домой, но где его дом, он пока не решил.

***

— Знаешь цитату из одной старой книги ужасов: «Люди не становятся лучше — только умнее. Они не перестают отрывать мухам крылышки, а лишь придумывают себе гораздо более убедительные оправдания»? Хорошая фраза, не спорю, но не все же не до конца отображает истинную сущность людей. Умнее они тоже не становятся, даже наоборот, ведь отрывать крылья насекомым — такая скука, а главное — не имеет смысла. И оправдания... В какой-то момент люди начинают понимать, что им нет необходимости оправдываться, они делают, что делают, и если ты скажешь им: «Прекрати!», они едва ли обратят на тебя внимание, а если и посмотрят в твою сторону, то увидят лишь оборванца, что не имеет власти, а затем продолжат. Почему? Да потому что ты никто и ничто. Им важны лишь они сами, и чем больше у них силы и власти, тем меньше их волнует окружение.

— К чему ты ведешь, Вольфганг?

— Вот видишь, — усмехнулся Жнец, хотя отличить его обычный оскал от усмешки можно было лишь по выражению глаз. — Ты не слушаешь меня, даже не пытаешься. А если бы за стеклом сейчас сидел ты?

— Я слушаю и слышу тебя. Просто кое в чем ты заблуждаешься: люди не хотят слушать тех, кто не имеет авторитета. Я тоже иногда говорю умные фразы, но, к сожалению, я не знаменит и не богат, поэтому меня никто не слушает.

— Разве я сейчас сказал не то же самое, Джон?

— Схожесть наших мыслей есть, но все же они совершенно разные. Как бы так сказать... Человеку не свойственно одиночество, кто бы что ни говорил. С начала времен люди объединяются в различные сообщества, и если кто-то видит, что один из них не прав, его пытаются вразумить, и, в конечном итоге, все встает на свои места.

Мрачный Жнец тихо засмеялся, словно на деревьях зашелестели каменные листья.

— И ты в это веришь?

— Конечно. Ты нашел тех людей, что были согласны с твоим мировоззрением, и так получилось, что ты один втолковывал им значимость своих идей. Тебе возражали? Вряд ли. А если и возражали, что ты делал? Игнорировал? Изгонял? Убивал? Это ты не хотел слушать и слышать, один против всех. Да и насколько я знаю, ты ведь не всем рассказал о том, что именно запланировал? Об этом знали лишь единицы, и ты боялся им рассказать правду, потому что они могли покинуть тебя.

— Я не боялся! — чересчур рьяно попытался оспорить слова Джона Жнец. — Те, кого я собрал подле себя, были лишь неизбежными жертвами. Стал ли я похож на тех, кого презираю? О да. Но я ведь тоже человек, пусть и Охотник.

— Но ты ведь сам говорил, что Охотники лучше любых обычных людей...

— Это так. Мы умеем меняться, подстраиваясь под окружение. Но посмотри, кто нас окружает! Люди, что войну и насилие предпочитают миру и спокойствию. Мы Охотники, но не истинные, мы росли в окружении алчных и трусливых людей, и сами стали неотличимы от них. Мы узнали, кто мы есть на самом деле слишком поздно, когда уже сформировали свою личность. Но что, если бы мы с рождения знали о своей природе? Что, если бы росли в среде таких же, как и мы? Оливер и все остальные, что еще так молоды, ты смог увидеть в них тех, других Охотников, что станут основой будущего нового человечества?

— Они едва не погибли...

— Это не имеет значения, — вновь перебил Джона Вольфганг. — Появятся новые, эволюция неизбежна, но кем они станут теперь? Теней все меньше, открытых Дыр почти осталось, с каждым годом о Катастрофе вспоминают все меньше, словно это нечто далекое и скучное, намного интересней узнать, как вчера сыграла любимая команда, и уже никто не хочет вспоминать, что десять лет назад из всей этой команды выжил лишь один, оставшись инвалидом, а это уже совершенно другие люди, просто выступающие под теми же цветами и символами.

Не будет Теней, и Охотники исчезнут за ненужностью, как исчезли они тысячу и десять тысяч лет назад, их силы даже не пробудятся, и когда через тысячу или десять тысяч лет вновь объявятся Тени, наученные горьким опытом, ведь вы не убили ту Высшую Тень, что вернулась через Дыру обратно в свой мир, и тогда нам придет конец, ибо с каждым новым поколением люди теряет частичку себя, и вскорости от них не останется ничего, кроме безликих теней.

— Объединившись, люди способны на гораздо большее, чем поодиночке. Ты был один, пусть и окруженный сторонниками, а мы действовали сообща, потому и победили. И через тысячу, и через десять тысяч лет ничего не изменится. Тени действовали скрытно, и о них знали лишь немногие, но если они выступят в открытую, о них узнает весь мир, и объединится, как объединялся всегда.

— Тогда почему вы скрываете факт существования Теней? Пусть мир узнает. Хаос? Не это ли нужно людям, чтобы стать сильнее? Не так ли сами Охотники пробудили свои силы, столкнувшись с неведомой опасностью?

— Почему? — Джон помолчал, словно подыскивая ответ. Когда-то он знал, как ему казалось, причину этого, пусть и не задумываясь о ней, но сейчас он не мог найти достойного ответа, который удовлетворил бы его самого. Хаос? Его хватает и без Теней. Люди будут бояться, но не достаточно ли у них страхов и без этого?

— Это не главное, — ответил Вольфганг, когда Джон озвучил пришедшие ему в голову причины. — Вы боитесь — вот истинный довод. Вы боитесь обычных людей больше, чем всех Теней вместе взятых. Если они узнают о не таких, как сами, то будут нас ненавидеть и презирать, и это еще одна причина того, что Охотники исчезнут уже через два-три поколения. Слиться с толпой и стать с ней единым целым — разные вещи. Первого вы не умеете, а второго не желаете. Остается только исчезнуть... Хелин, — вновь заговорил Жнец чуть погодя, — как

она?

— Тебя это разве волнует?

— Благодаря мне она выжила на Рождество, разве я не имею права узнать, все ли с ней в порядке? Ты ведь был у нее?

— Она цела. Пару недель назад ее выписали из больницы.

— И что же дальше? Кто она? Хомо Сапиенс или Хомо Эребус? Она вышла на улицу, почувствовав опасность, как самый натуральный Охотник, хотя всю жизнь приотворялась человеком обыкновенным, выбрав для себя одну из самых человеческих профессий, да и все случившееся на острове. И все же ее тянуло ко всему этому, как музыканта тянет к струнам и смычку. Она пыталась стать такой, как все, но бросила все ради спасения других, ради спасения тебя. И вернувшись домой, думаешь, она все забыла? Нет, ее теперь будет преследовать это пьянящее чувство силы того, кто держит в руках жизни других людей. Помяни мои слова, очень скоро она не выдержит, и вы вновь встретитесь, и тогда тебе придется сделать выбор.

Джон не хотел в этом признаваться даже себе, но когда он увидел Хелен, что пришла спасать его вместе с другими Охотниками, он был рад как никогда, словно всю жизнь ждал этого пленения только ради ее взволнованного и напуганного лица, глаз смотрящих на него истинными чувствами. Встречаясь с ней в лупанарии, он видел в ее глазах чувства, но не мог понять, напускные ли они или истинные. Теперь он знал.

— Не этого ли желает человек? — усмехнулся Джон, поднимаясь со стула перед прозрачным стеклом. — Выбор. Мы выбрали жить и пытаться изменить этот мир, надеясь, что люди примут верное решение относительно своего будущего, ведь мы до сих пор живы, а значит, пока в своей общей массе идем верным путем, тернистым и ухабистым, какой и должна быть жизнь, ибо в ином случае не научимся на ошибках прошлого. Ты же, в свою очередь, сделал выбор за всех, даже не задумавшись, верный он или нет.

Как я и сказал ранее: объединившись, люди способны на гораздо большее. Будущее всех должны решать все, а не одиночка, возомнивший себя и судьей и палачом.

— Мнение большинства не всегда означает, что оно верное.

— Вот только большинству указать на это можно, а одиночка не слышит никого, кроме самого себя.

Джон ушел прежде, чем Вольфганг нашел, что ответить. В том, что он придумает очередной довод, можно было не сомневаться, но Охотник уже услышал все, что хотел, и вряд ли услышит что-то новое.

После всех этих дней он не поменял своего мировоззрения, просто оно стало несколько... шире.

И все же кое в чем Жнец бесспорно прав — Охотники боятся людей. Ведь только человек

может убить чудовище, и пока Тенеловам есть, с кем сражаться, они остаются людьми.

[Страница книги Тени города в интернете](#)